

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Рвачева Ольга Владимировна

**ВОЗРОЖДЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА НА ЮГЕ РОССИИ В СОВЕТСКИЙ
ПЕРИОД (СЕРЕДИНА 1920-х – НАЧАЛО 1940-х гг.)
И В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1990-е – 2000-е гг.):
ИСТОРИКО-СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

**Диссертация на соискание степени доктора исторических наук
Специальность 5.6.1. – Отечественная история**

Научный консультант:
доктор исторических наук,
профессор Тюменцев Игорь Олегович

Волгоград 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
1. Методологические, источниковедческие и историографические аспекты исследования казачьего возрождения	27
1.1. Методологическое определение объекта и предмета исследования	27
1.2. Источниковая база исследования: видовое разнообразие и проблемы изучения	49
1.3. Историография возрождения казачества в советский и постсоветский периоды: основные подходы к изучению	76
2. Политика «Лицом к казачеству» и ее влияние на встраивание казачества в политическую систему советского государства	133
2.1. Вовлечение казачества в государственное строительство как фактор возрождения социальной общности в середине 1920-х гг.	133
2.2. Казачество юга России в процессах социального переустройства середины 1920-х гг.: общественные настроения, формы и способы адаптации	162
2.3. Военная служба в территориально-милиционных частях в 1920-х – 1930-х гг. как форма интеграции казаков в советскую систему	178
3. Факторы, формы и ресурсы возрождения казачества в советской системе в середине 1930-х – начале 1940-х гг.	194
3.1. Мероприятия партийно-советского руководства по созданию образа советского казачества в середине 1930-х гг.	194
3.2. Военно-культурная традиция как социальный ресурс возрождения казачества в условиях социалистической модернизации середины 1930-х – начала 1940-х гг.	229
4. Возрождение казачества на юге России в конце XX – начале XXI в.: идеи, цели и акторы процесса	256
4.1. Движение за возрождение казачества на юге России в конце 1980-х	

– начале 1990-х гг.: идеи и участники	256
4.2. Власть и казачество в условиях социально-политического кризиса и системной модернизации первой половины 1990-х гг.	290
4.3. Формы огосударствления казачества и смена вектора возрождения казачества во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг.	315
5. Факторы и ресурсы казачьего возрождения конца XX – начала XXI в.	334
5.1. Роль исторической памяти в формировании и развитии казачьего возрождения	334
5.2. Развитие этнонациональной идеи в казачьем возрождении в 1990-х – 2000-х гг.	354
5.3. Культурные ресурсы возрождения казачества в конце XX – начале XXI в.	380
6. Социальные и хозяйственные практики казаков юга России в конце XX– начале XXI в.: использование традиций в новых условиях	404
6.1. Роль исторических форм организации и самоуправления в казачьем возрождении	404
6.2. Традиция как основа казачьей военной службы в конце XX в.	437
6.3. Современные практики хозяйственной деятельности казачьих обществ и их влияние на процесс возрождения казачества на юге России	469
Заключение	496
Список использованных источников и литературы	511

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. История казачества в XX веке наполнена противоречивыми событиями, оказывавшими сильное влияние на развитие данного сообщества. Из привилегированного военно-служилого сословия, выполнявшего важные военные функции, казаки превратились в часть крестьянства. В советский период истории страны в отношении них нередко применялись репрессии, но одновременно партийно-советское руководство регулярно обращалось к казачеству как к социальной общности, стремясь использовать их потенциал для решения задач по переустройству общества. Казачество то растворялось в сельском населении России, то вновь его присутствие в социально-экономических и политических процессах советского периода становилось актуальным и проявлялось ярко и весомо. В конце советской эпохи казачество оказалось в центре политических событий многих российских регионов, а затем прочно закрепились в постсоветской общественной системе. Российское государство также обратило внимание на казачество, организация и развитие которого в постсоветский период происходили в тесном взаимодействии с властью.

Весьма важным является тот факт, что казачество оказывается участником процессов в стране в периоды масштабных кризисов, приводящих к системной трансформации и модернизации всех элементов государственного и общественного строя. Казачество проявляет себя как активный актор, с которым считается власть, вырабатывая программы, формы и методы взаимодействия с социальной общностью. Таким образом, в XX – начале XXI в. выделяются периоды, когда взаимодействие власти и казачества развивалось динамично и позитивно, и его результатом становилось возрождение казачества. Однако, этот процесс не был непрерывным и проявлялся в конкретно-исторических условиях. В связи с этим актуальность темы исследования определяется следующими положениями.

Во-первых, сравнительно-исторический анализ возрождения казачества в контексте взаимодействия власти и социальной группы в различные периоды позволит глубже понять феномен такого взаимодействия, выявить как специфику, так и закономерности возрождения.

Во-вторых, комплексный анализ участия казачества в российских социально-политических процессах в XX – начале XXI в. позволит раскрыть социокультурную эволюцию казачества, выявить сохранившиеся культурные элементы, оценить степень их изменений.

В-третьих, участие казачества в современной российской общественной системе, взаимодействие казаков и власти требуют установить причины возрождения казачества в конце XX в., сравнить данный процесс с предыдущими, когда также происходило восстановление казачества, разворачивался его диалог с властью. Такой подход позволит выявить закономерности казачьего возрождения в различные исторические периоды, сравнить его результаты в советский и постсоветский периоды, а также определить перспективы развития казачества в начале XXI в.

В-четвертых, в теоретико-методологическом плане важным представляется исследование тех изменений, которые происходили в казачестве под влиянием системной трансформации и модернизации, развернувшихся в стране после кризиса и распада Российской империи, установления советской власти и, затем, после распада СССР и формирования постсоветского государства.

Для выявления социокультурной специфики казачества в различные периоды XX – начала XXI в. и его комплексного изучения в условиях исторических изменений целесообразно определять казачество как социальную общность, обладающую рядом устойчивых признаков. В числе таковых: пространственно-территориальный признак, наличие устойчивых социальных связей, в том числе семейно-бытовых, культурных, производственных, религиозных. Такой подход позволяет анализировать социокультурные элементы, с помощью которых общность воссоздавала или сохраняла свою идентич-

ность. Анализ историчности и традиционности воспроизводимых элементов, выявление причин, по которым воссоздавались именно эти элементы, дополняет и развивает научные представления о социокультурных трансформациях и социокультурном конструировании, а также расширяет научное знание о развитии казачества в истории.

Степень изученности проблемы. Проблематика исследований по новейшей истории казачества обширна и разнообразна. Следует отметить её особенность, заключающуюся в выделении двух крупных блоков работ по историческим периодам середины 1920-х – начала 1940-х гг. и 1990-х – конца 2000-х гг. Оба блока объединены темой участия казачества в социально-политических и экономических процессах юга России. В первом сконцентрированы исследования по истории казачества в период социалистической модернизации, во втором – работы, в которых анализируются проблемы возрождения казачества в конце XX – начале XXI в.

Подробный анализ развития историографии по теме представлен в разделе 1.3 первой главы диссертационного исследования, а во введении обозначаются основные тенденции историографии.

Работы второй половины 1920-х–1930-х гг. посвящены социально-политическим и экономическим процессам с участием казачества. Они были основаны на результатах социально-экономических обследований казачьих станиц и содержали достаточно достоверную информацию о состоянии казачьего хозяйства и общественных настроениях в станицах. Важно, что их авторы являлись участниками событий и поэтому работы носят очерковый характер.

В 1940-е–1950-е гг. наблюдается пробел в историографии участия казачества в социалистическом строительстве. В 1960-х–1970-х гг. расширяется круг вопросов по истории казачества советского периода. Сюда входит участие казаков в социалистическом строительстве, осуществление новой экономической политики, а затем – коллективизации в казачьих районах. Впер-

вые в фокусе внимания оказывается политика государства 1924–1926 гг., получившая название «лицом к казачеству».

Особенностью историографии советского периода истории казачества являлось исследование, прежде всего, масштабных социально-экономических процессов, таких как НЭП, раскулачивание, коллективизация. Историки практически не выделяли казачество как самостоятельный субъект этих процессов, за небольшим исключением.

Начиная с 1980 г., внимание историков сосредотачивается на истории казачества периода Октябрьской революции и Гражданской войны. Точкой отсчета можно назвать конференцию в г. Черкесске в 1980 г. Её организаторами стали ведущие научные центры, такие как Институт истории СССР Академии наук СССР, а также партийные органы в лице Карачаево-Черкесского обкома партии. Также вновь активизируется интерес к теме социалистического строительства на казачьих территориях, важно, что казачество рассматривается как субъект, активный участник данного строительства. Новым направлением становится изучение участия казаков в Великой Отечественной войне.

В конце 1980-х гг. усиление внимания к казачьей теме произойдет вследствие распространения в СССР движения за возрождение казачества. На протяжении 1990-х гг. регулярно проводились конференции по истории казачества, выходило множество литературы как научного, так и научно-популярного характера. В 1990-х – начале 2000-х гг. разрабатываются новые темы, посвященные казачьему повстанческому движению, политике расказачивания, проблеме казачьего коллаборационизма, социальным протестам и антисоветским выступлениям 1930-х гг.

В начале 1990-х гг. по мере усиления процесса возрождения казачества, появляются исследования, связанные с его проблематикой. Исторических работ об этом намного меньше, чем философских, социологических и особенно политологических, что объясняется необходимостью анализировать современную ситуацию. Работы по истории возрождения появляются не ранее се-

редине 1990-х гг., к этому времени уже стало возможным определить основные аспекты проблем и заняться их системным изучением. В 1990-х – начале 2000-х гг. появились исследования истории казачьего самоуправления и попыток его возрождения в современных условиях, политических аспектов казачьего возрождения, выделился блок методологических вопросов изучения возрождения. Значительное внимание уделялось конфликтогенным проявлениям казачьего возрождения.

Вместе с тем большинство работ по постсоветскому периоду возрождения казачества были посвящены какому-либо отдельному вопросу. Чаще всего это было участие казаков в политическом развитии российского государства, встраивание его в систему государственной службы. Таким образом, комплексно, с анализом различных сторон и элементов, казачье возрождение в советский и постсоветский период ещё не рассматривалось.

Объект исследования – казачество в условиях социально-политических и экономических кризисов, системных социальных трансформаций и модернизаций XX – начала XXI в.

Предмет исследования: сходства и различия возрождения казачества на юге России в советский период (середина 1920-х – начало 1940-х гг.) и в постсоветский период (1990-е – 2000-е гг.).

Хронологические рамки исследования. Общие хронологические границы диссертационного исследования определяются серединой 1920-х – концом 2000-х гг. В этих границах выделены два периода, в рамках которых происходили процессы, определяемые как возрождение казачества. Первый период – середина 1920-х – начало 1940-х гг. Второй период – 1990-е – конец 2000-х гг. Границы периодов, как и исследования в целом обусловлены развитием восстановления казачества в социальной системе советского/постсоветского общества. Так, начальная граница первого периода отражает начало политики «лицом к казачеству», развивавшейся в рамках партийного курса на активизацию работы с крестьянством, принятого в 1924 г. XIII съездом ВКП(б). В конце 1930-х гг. практически все специальные меро-

приятия в отношении казачества были завершены. Но созданные казачьи кавалерийские соединения и действия казаков в период Великой Отечественной войны способствовали сохранению их присутствия в социальной сфере. Таким образом, конечная граница первого периода обусловлена наличием казачьих военных соединений в Красной Армии, проведением политики власти по использованию военно-патриотического потенциала казачества и его активным участием в Великой Отечественной войне. Второй период возрождения казачества является более длительным по времени и целостным. Его начало определено 1990 г. Это создание первой организации всероссийского масштаба – Союза казаков. Конечная граница второго периода определена 2008 г. К этому времени были приняты Закон о государственной службе казачества (2005 г.) и Концепция государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества (2008 г.). Принятие этих документов завершило процесс встраивания казачества в социальную систему российского общества и формирование его организационно-управленческих структур. Казачество как социокультурное явление возродилось и заняло прочное место в российском обществе. Определены были его организационные формы – различного рода общественные организации, из которых наиболее крупные вошли в государственный реестр казачьих организаций.

Таким образом, в диссертации сравниваются два самостоятельных процесса возрождения, сложившихся и развивавшихся в различных исторических условиях. Для каждого из них характерны не только временные границы, но и определенный набор элементов социальной общности, факторы и внешние воздействия, влиявшие на её развитие.

Специфика установления хронологических рамок исследования обусловлена сложностью происходивших социально-политических процессов. Так, во второй половине 1930-х гг. были лишь фрагментарные проявления государственной политики в отношении казачества. Обращение к казачеству со стороны власти, сохранение его как социального феномена наблюдалось и в период Великой Отечественной войны. При изучении второго периода воз-

рождения учитывалось, что нарастание интереса к казачьей культуре и истории, формирование социальной базы возрождения происходило на протяжении второй половины 1980-х гг. В связи с чем тенденции возрождения выявляются уже в конце 1980-х гг. После 2008 г. вплоть до настоящего времени продолжает развиваться взаимодействие казачьих организаций с властью на различных уровнях, принимаются новые законодательные документы в отношении казачества, такие как Стратегия развития государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества, принятая в 2012 г. с внесёнными впоследствии изменениями и дополнениями. Но с 2008 г. следует уже говорить не о возрождении, а развитии казачества, как сформировавшегося явления, в российской общественной и политической системе.

Географические рамки исследования. Диссертационное исследование основано на материалах по истории казачества юга России. Это обусловлено следующими обстоятельствами. На юге России расположены территории четырех казачьих сообществ – астраханского, донского, терского и кубанского. Три казачьих сообщества являются наиболее многочисленными и старейшими из всех остальных. К числу таковых относятся донское, терское и кубанское казачество. Политика «Лицом к казачеству», проводимая во второй половине 1920-х гг., наиболее последовательно реализовывалась именно на юге России, так как здесь вследствие компактного расселения казачество составляло значительную часть сельского населения и требовало к себе наряду с крестьянством самого пристального внимания. Кроме того, в период Гражданской войны казачество юга России выступило преимущественно на стороне антибольшевистских сил, что потребовало впоследствии от большевистской власти принятия мер по вовлечению казачества в процессы социалистического строительства.

В конце XX в. возрожденческие процессы наиболее мощно развернулись именно на юге России, так как здесь сохранились крупные ареалы компактного проживания казачества. Также здесь более ярко и отчетливо, неже-

ли чем в других регионах, проявился политический, этнический и культурный характер возрождения. Таким образом, исследование возрожденческого процесса на юге России позволяет выявить и изучить ведущие тенденции данного феномена и его многообразные проявления.

Цель диссертационного исследования – выявить сходства и различия возрождения казачества как исторического феномена на юге России в советский период (середина 1920-х – начало 1940-х гг.) и в постсоветский период (1990-е – 2000-е гг.), охарактеризовать основные элементы и раскрыть значение возрождения для социокультурных процессов российского государства и казачьего сообщества.

Задачи диссертационного исследования:

1. Охарактеризовать методологические, источниковедческие и историографические аспекты темы исследования для определения её теоретической основы.

2. Определить характер влияния политики власти по вовлечению казачества в советское строительство на развитие данной социальной общности и выявить специфику и результаты интеграционно-адаптационных процессов в казачьей среде юга России.

3. Раскрыть эволюцию военной службы казачества в советской системе и значение данного института для вовлечения казачества в новые общественные и политические отношения.

4. Установить факторы, идеологические инструменты и социокультурные ресурсы формирования нового образа советского казачества, используемые государством, и оценить результаты данного процесса в контексте восстановления казачества в общественной системе.

5. Выявить характер деятельности ключевых акторов возрождения казачества в 1990-х – конце 2000-х гг., транслируемые ими идеи и тенденции возрождения.

6. Определить факторы и ресурсы казачьего возрождения конца XX – начала XXI вв., их роль и значение.

7. Раскрыть формы социальных и хозяйственных практик современного казачества, степень соотношения традиций и новаций в них.

Методологическая основа исследования. Исследование основано на принципах объективности, системности и историзма. В соответствии с данными принципами история казачества в советский и постсоветский периоды рассматривается как закономерный процесс. Происходившие с данной социальной общностью изменения анализируются с учетом исторического контекста, во взаимосвязи с другими социальными и политическими явлениями и процессами. Идеологические и политические оценки казачества рассматриваются как часть возрожденческого процесса.

В работе применены общеисторические методы исследования, такие как историко-хронологический, историко-генетический и историко-сравнительный. Данные методы позволили выстроить хронологию событий и выделить периоды и этапы возрожденческого процесса. В связи с тем, что в возрождении сравниваются два периода, использование историко-генетического метода позволило определить их взаимосвязь, а также оценить процесс возрождения в контексте развития конкретно-исторических ситуаций, выявить причинно-следственные связи между политикой власти в отношении казачества и действиями социальной общности, а также объективными социальными и политическими процессами, происходившими в стране в данный исторический период. Историко-сравнительный метод¹ позволил установить сходства и различия двух периодов возрождения казачества в политической системе советского и российского государства, определить закономерности и особенности развития данного процесса.

Кроме этого, в ходе исследования в качестве методологического инструментария использовались следующие теории: теория системной трансформации, теория модернизации, теория социокультурного конструирования. Теорию трансформации рассматривают как одну из составных частей теории

¹ Mahoney J. Comparative-Historical Methodology // Annual Review of Sociology. Palo Alto, 2004. Vol. 30. P. 81–101.

социального развития и в целом общей социальной теории. Она получила развитие в работе К. Поланьи «Великая трансформация»¹. Трансформация понимается как качественное изменение содержания объекта. Применительно к социальной системе речь идет об изменении как структуры в целом, так и взаимосвязей между ее элементами². Теория трансформации рассматривается как составная часть теории модернизации. Одной из основополагающих работ по исследованию институциональной и культурной специфики модернизационных процессов является работа Ш. Эйзенштадта «Современная сцена: множественность модернизаций»³.

Применение данных концепций при изучении возрождения позволяет определить причины формирования государственной политики в отношении конкретной социальной общности и характер действия казачества как социальной общности. Функционирование социальной системы проявляется в поведении ее акторов, движении ресурсов, действии институтов. Социальные взаимодействия в зоне трансформации сопровождаются изменениями параметров состояния социальной системы, то есть изменяются качественные и количественные характеристики ресурсов, институтов, технологий, стратегий поведения акторов, участвующих в социальных взаимодействиях. Применение данных теоретических положений позволяет с большей точностью проводить историческую реконструкцию возрождения и его научный анализ.

В рамках теории трансформации исследование изменений институционального устройства общества сопрягается с анализом изменений социального поведения (появление новых организаций, изменение состава участников действия и т.д.). Важным является комплексная оценка стратегии поведения основных акторов в условиях институциональных и ресурсных перемен⁴.

¹ Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002.

² Мартынов А. В. Трансформация макросоциальных систем в постсоциалистическом мире. Методологический аспект. М., 2006. С. 53.

³ Eisenstadt S. The Contemporary Scene – Multiple Modernities // The Annals of the International Institute of Sociology. Leiden, 2000. Vol. 7. P. 99.

⁴ Мартынов А.В. Указ соч. С. 57.

Применительно к исследованию социально-исторического процесса это, по мысли П. Штомпки, означает, что решающую роль приобретают факторы субъективные, то есть способность социальных субъектов реагировать на внутренние и внешние вызовы, а также формирование адапционно мобилизационных технологий¹. Таким образом, теория системной трансформации позволяет провести системный анализ поведения казачества с точки зрения адаптации общности на изменяющиеся условия, более полно и точно оценить историческую ситуацию.

Теория социокультурного конструирования в самом общем виде объясняет взаимовлияние человека и социальной реальности и создание новых форм этой реальности. Ее авторы, П. Бергер и Т. Лукман, отмечают, что ключевой мыслью их концепции является то, что реальность постоянно конструируется и необходимо исследовать процессы, посредством которых это происходит². Наиболее продуктивным применением методологии социального конструирования оказывается при исследовании кризисов социальных систем, их изменений, создания новых институтов и общественных отношений. Особенно эффективно использовать данную концепцию при исследовании явлений, имеющих прерывистую историческую природу, разорванные культурные связи, развивающихся в условиях кризиса и трансформации социокультурных систем.

Ещё одна концепция, которая является методологической основой диссертационного исследования, это концепция изобретения традиции Э. Хобсбаума³. То или иное сообщество нередко изобретает ритуалы и традиции, придавая им исторический характер. Такое конструирование прошлого играет важную роль для формирования идентичности группы, а также помогает обрести устойчивость в условиях глобальных перемен. Концепция изобретения традиций позволяет успешно раскрывать характер возрожденче-

¹ Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.

² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 9.

³ Hobsbawm E., Ranger T. The Invention of Tradition. Cambridge, 1992.

ских процессов, развернувшихся в конце XX в. в условиях прерывания трансляции культуры и размывания сохранившихся характеристик традиционной культуры казаков.

Также для анализа возрожденческого процесса конца XX – начала XXI вв. важным является применение концепции коллективной памяти и её составной части – исторической памяти. Основоположником данной концепции является М. Хальбвакс¹. В настоящее время разработанные им положения о функционировании коллективной памяти получили развитие в большом количестве трудов по изучению коллективной памяти, исторической памяти, местам памяти, коммеморации, травмы памяти, политики памяти и пр.

Обширный методологический инструментарий исследования позволяет выявлять и анализировать новые области в представленной теме, а также существенно дополнять и развивать существующие в исследовательском поле проблемы по данной теме.

Источниковая база. Источниковую базу исследования составили неопубликованные документы следующих архивов. По периоду середины 1920-х – начала 1940-х гг. это преимущественно документы партийно-советских органов, отражающих политику в отношении казачества в Северо-Кавказском, Азово-Черноморском округах, Сталинградской области, Астраханской области. Данные документы сосредоточены в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государственного архива Волгоградской области (ГАВО), Центра документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО), Государственного архива Ростовской области (ГАРО), Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО), Государственный архив современной документации Астраханской области (ГАСДАО). Также привлекались документы из Архи-

¹ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007.

ва Управления ФСБ по Волгоградской области, отражающих политические настроения казачества в связи с проводимой политикой в отношении него.

Архивные документы, содержащие информацию по периоду возрождения казачества в конце XX – начале XXI века содержатся в фондах ГАРФ (фонд 10144 «Общероссийская общественная организация «Союз казаков»), ГАКК (фонд Р-1843. «Всекубанское казачье войско»), ЦДНИВО (фонд 13322 «Общественно-патриотическая организация «Волгоградский округ Донских казаков»; фонд 485 «Зацарицынский округ Донских казаков»), ГАРО (фонд Р-4485 «Союз казачьих войск России и Зарубежья»). Часть документов этих архивных фондов впервые вводится в оборот.

В работе также использовались опубликованные документы. Из наиболее значимых сборников таких документов следует назвать «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 томах. 1927–1939»¹, «Государственные акты по вопросам российского и донского казачества» в 2 томах².

Значительную часть источникового корпуса составляют материалы печатных СМИ. По периоду середины 1920-х – начала 1940-х гг. это газеты «Правда», «Известия», «Молот», «Сталинградская правда». По периоду 1990-х – 2000-х гг. это «Казачий круг», журнал «Казачи».

В исследовании использовались материалы из личного архива автора, собранные методом включенного наблюдения во время присутствия на Больших кругах, казачьих сходах.

Выявленные источники позволили всесторонне исследовать процесс возрождения казачества.

Новизна диссертационного исследования.

1. Впервые активное участие казачества в политических, социальных, культурных процессах советского и постсоветского исторических периодов

¹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5-ти т. 1927–1939. М., 1999–2006.

² Государственные акты по вопросам российского и донского казачества. В 2-х т. Ростов н/Д, 2001.

Российского государства рассмотрено в сравнении. Выделены исторические периоды социокультурного развития казачества, когда процессы, происходившие в данной социальной общности, определявшие ее развитие и характеристики, можно трактовать как возрождение. Возрождение казачества в советский и постсоветский периоды определяется как результат системного кризиса, трансформации и модернизации. В ходе перестройки общественно-политической системы казачество восстановило и актуализировало свое присутствие в социальных и политических процессах Российского государства.

2. Дано авторское определение возрождения казачества. Возрождение трактуется как становление казачества как социальной общности в определенных исторических условиях советского и постсоветского общества, сопровождающееся трансформацией и конструированием важнейших элементов казачьей социокультурной системы. Основой возрождения служат исторические культурные образцы, которые адаптируются к современным условиям существования социальной общности.

3. В контексте возрождения как процесса становления социальной общности, уточнено представление о взаимодействии власти и казачества в новейшей истории России. Определено участие власти и социальной общности как акторов возрожденческого процесса, сделан сравнительный анализ характера их участия в разные периоды возрождения. Доказано, что в советский период, в связи с необходимостью интенсификации модернизации социально-экономической системы, именно власть стала инициатором восстановления казачества в социальной системе, тем самым «запустив» процесс его возрождения. Участие казачества проявлялось как адаптация социальной общности к новым условиям жизнедеятельности, поиск институтов для интеграции в социально-политическую систему. В постсоветский период, напротив, инициатором и главным действующим субъектом возрождения являлось само казачество. Однако власть активно влияла на процесс, видоизменяя его. В обоих периодах отмечено активное взаимодействие обоих акторов, форма-

ты данного взаимодействия влияли на характер и интенсивность возрожденческих процессов.

4. Установлено, что в разные периоды становление казачества в социальной системе советского и российского государства представляло собой процесс трансформации и социального конструирования социокультурных характеристик социальной общности и элементов его социокультурной системы. На характер процесса влияли условия конкретного исторического периода, государственная политика, а также возможности казачества адаптироваться в новых социально-экономических и политических условиях. В середине 1920-х – начале 1940-х гг. казачество возрождается под воздействием процесса трансформации. Сохранявшаяся социальная и культурная специфика социальной общности в ходе социалистической модернизации была трансформирована в соответствии с новыми социальными условиями. Социальная общность, в свою очередь, использовала новые социальные институты для адаптации, пытаясь приспособить советскую систему для выражения собственных интересов. В 1990-х – 2000-х гг. возрождение казачества происходит на основе конструирования основных характеристик социокультурной общности, так как к этому времени казачество прекратило свое существование как социальный феномен, имел место разрыв в передаче культурных традиций. Процесс конструирования приводил к сохранению внешнего сходства социальных и культурных форм, но изменял их задачи и функциональную природу в соответствии с новыми историческими условиями.

5. Выявлено, что в советский и постсоветский периоды возрождались определенные элементы социокультурной системы, имевшие ключевое значение для социальной общности. К ним относятся: военная служба и военнокультурная традиция, система местного самоуправления, традиционная культура. Однако возрождение хозяйственной системы казаков наблюдалось только в постсоветский период. В советский период экономическая политика была нацелена на превращение казаков в часть крестьянства и отвечала задачам расказачивания. В постсоветский период стремление казачества к воссо-

зданию среды обитания проявилось в попытках возрождения хозяйственной системы казаков. Однако данный процесс с самого начала стал ярким примером социального конструирования, когда в новых условиях, с учетом длительного перерыва воспроизводства традиционной хозяйственной практики создавались новые хозяйственные формы.

6. Определена роль военной службы казаков, как важного фактора возрожденческого процесса и выявлены ее институциональные особенности в различные исторические периоды. Сравнение возрождения военной службы казачества в середине 1920-х – начале 1940-х гг. и в 1990-х – конце 2000-х гг. позволило сделать вывод, что, несмотря на утрату статуса военно-служилого сословия, военная служба оставалась востребованной в казачьей среде. Ее важность как социального института была обусловлена тем, что она позволяла казакам в условиях модернизации сохранять свою социальную идентичность и культурную преемственность.

7. Сконструирована и обоснована модель памяти, являющаяся важным элементом возрожденческого процесса в постсоветский период. Сама модель памяти была основана, с одной стороны, на травмирующем опыте казачества, с другой стороны, на воспоминаниях о патриотическом служении казаков Отечеству. Модель памяти рассматривается в инструменталистском ключе, ее использование способствовала формированию политики памяти как внутри казачьего сообщества, так и во вне для власти.

8. Обосновано, что в качестве социокультурного ресурса возрождения в советский и постсоветский периоды выступали культурные традиции казачества. Возможность их восстановления и сохранения способствовала развитию казачества и формировала лояльное отношение к власти. В постсоветский период в условиях социокультурного конструирования ресурсом возрождения также становится мифологизированный исторический нарратив, позволяющий конструировать возрожденческие концепты. Ещё одним важным ресурсом стала этническая идея, обладавшая мобилизационным потен-

циалом и позволявшая конструировать новую идентичность у потомков казаков.

Положения, выносимые на защиту:

1. Возрождение казачества представляет собой процесс становления социальной общности, происходивший после событий, приводивших к тому, что данная общность прекращала своё существование в общественной системе, утрачивала социокультурные характеристики. Можно выделить два периода возрождения казачества, происходившего в советский и постсоветский периоды. Для адекватного исследования целесообразно определить хронологические рамки периодов и этапов возрождения. В основе их периодизации лежит принцип качественных изменений политики власти в отношении казачества, а также изменение характера деятельности социальной общности. Выделяются следующие периоды и этапы. Первый период охватывает середину 1920-х – начало 1940-х гг. Он включал в себя следующие этапы: 1. 1924–1927 гг. На данном этапе казачество частично было восстановлено как социокультурная общность, происходил процесс его трансформации и приспособления к новым условиям; 2. 1936–1942 гг. Данный этап носил преимущественно демонстрационный характер. Обращение к казачьей тематике при освещении тех или иных социально-политических и экономических процессов должно было, прежде всего, показывать, что казаки стали полностью лояльными советскому государству. Важным результатом данного этапа стало создание казачьих кавалерийских корпусов, сохранявших присутствие казачества как актора в социальных процессах предвоенного и военного периода. Второй период охватывает 1990-е – конец 2000-х гг. В нем выделяются следующие этапы: 1. 1990–1994 гг. В основе развития казачества лежит процесс социального конструирования общности на основе обращения к историческим формам и традиционной культуре. Ключевую роль играет память-травма, формируя идею казачества как репрессированного народа. Основной вектор развития этнополитический и историко-культурный. 2. 1995–2008 гг. изменение направления социокультурного конструирования. Воссоздаваемые

элементы казачьей системы имеют поверхностное сходство с историческими образцами в виде, например, брендов или квазисловных функций. Вместе с тем присутствие казачества в социальной системе российского государства упрочивается, за счет усиления организационно-управленческой составляющей. Ключевую роль играет историческая память о патриотическом служении казачества, способствовавшая закреплению позиций казачества.

2. В середине 1920-х – начале 1940-х гг. возрождение развивается под воздействием процессов трансформации. В его основе находятся ещё не исчезнувшие традиционные культурные формы и социальные институты. Видоизменяясь и встраиваясь в новую систему советского государства, они выступают как адаптационные формы для социальной общности. Вовлечение казачества в советское строительство стимулировало выработку у них общего интереса, сплачивало и объективно создавало условия проведения этого интереса в жизнь через Советы и другие институты. Приспосабливаясь, казачество как социальная группа трансформировалось, становясь частью советского общества. Однако при этом сохранялась идентичность, трансляция культурного опыта поколений. Таким образом, возрождение казачества в этот период являлось побочным, незапланированным результатом проводимой в отношении него государственной политики.

3. В середине 1930 х – начале 1940-х гг. казачество занимает важное место в социальной и военно-политической повестке государства, что способствует актуализации его присутствия в общественных и политических процессах. Важнейшей особенностью возрождения казачества на данном этапе является его демонстрационный характер, создание особого советского «образа казачества». Несмотря на отсутствие качественных изменений для казачества, объективно политика власти по усилению положительного образа казаков способствует сохранению инерции возрождения.

4. Восстановление казачьей службы в середине 1920-х – начале 1940-х гг. имело характер трансформации, когда сохранявшийся институт приобретал новые черты, в соответствии с изменившимися социально-

политическими условиями. Территориально-милиционная система являлась удачным инструментом вовлечения казаков в советскую систему и удачной формой адаптации для них к новым условиям. Воспринимаемая казаками в контексте традиции военной службы, территориально-милиционная система способствовала сохранению социальной и культурной идентичности социальной общности.

5. В 1990-х – 2000-х гг. возрождение казачьей службы являлось социокультурной конструкцией. Исторические черты этого института не были сохранены, но военная служба воспринималась участниками возрождения как центральный элемент социокультурной системы. Её воссоздание рассматривалось одновременно как неперемный элемент возрождения и обоснование актуальности присутствия казаков в постсоветской системе. Военная служба стала важнейшей формой интеграции казаков и в советскую и в постсоветскую системы. Институт военной службы для казачества означал возможность активно участвовать в социальных процессах и сохранять/создавать идентичность, а также демонстрировать лояльность к власти, патриотические настроения.

6. Разрыв культурной традиции и прерывание исторического бытия казачества создали ситуацию, когда в конце XX в. в среде потомков казаков сформировался устойчивый запрос на восстановление исторической преемственности. В основу этого была положена историческая память, обладающая сильным мобилизационным потенциалом. Таким образом, историческая память казаков стала одним из факторов развития возрождения.

7. В постсоветский период возрождение развивается под воздействием процессов социального конструирования, что обусловлено временным разрывом в развитии социальной общности. Социальное конструирование охватывает организационно-управленческие, социальные, хозяйственные и культурные стороны возрождения, в его основе – обращение к традиции. На основе традиционной культуры конструируются социальные и культурные практики казаков, посредством которых создается среда обитания каза-

ков. Данные практики используют произвольное эклектичное сочетание исторических образцов с современными задачами приспособления казачества к новым условиям жизнедеятельности.

Теоретическая значимость исследования. Диссертационное исследование позволит углубить знания о социально-экономических и политических процессах, происходивших в российском государстве в переломные периоды XX в., и участия в них различных социальных групп, в частности, казачества. Исследование способствует уточнению теоретико-методологических аспектов взаимодействия казачества и власти в периоды кризисов и системных трансформаций, происходивших в российском государстве. За счет сравнения различных исторических периодов возрождения казачества в российском государстве и обществе возможно с большей точностью и объективностью анализировать действия казачества в настоящее время, определять причинно-следственные связи во взаимодействии современного казачества с властно-управленческими структурами. Исследование социального конструирования как основы процесса возрождения существенно расширяет понимание социокультурной сущности современного казачества. Эмпирический материал и теоретические выводы углубляют понимание механизмов социокультурной трансформации и адаптации социальной группы.

Практическая значимость исследования. Выводы диссертационного исследования способствуют более адекватному пониманию современной ситуации в казачестве, выявлению проблем его развития в современных условиях, построению прогнозов и сценариев социальных и политических процессов в казачьей среде. Материалы диссертации могут быть использованы в качестве информационной основы для написания аналитических отчетов для региональных органов власти, а также для профильной структуры Федерального агентства по делам национальностей.

Материалы диссертационного исследования могут быть использованы для лекционных курсов и учебных пособий по истории России XX – XXI вв., краеведению, истории казачества. Также положения исследования могут

служить основой для ряда разделов программы повышения квалификации государственных гражданских служащих «Вопросы реализации государственной национальной политики». Частично такое использование материала диссертации применено при разработке дисциплин повышения квалификации государственных и гражданских служащих в Волгоградском институте управления – филиале РАНХиГС.

Апробация исследования. По теме диссертации опубликовано 73 работы общим объемом 88,5 п.л. Из них – 3 авторских монографии, 3 коллективных монографии, 5 публикаций в рецензируемых научных изданиях, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования (Web of Science, Scopus), 16 публикаций в рецензируемых научных изданиях, включенных в перечень ВАК при Минобрнауки РФ, 46 публикаций в журналах, входящих в национальную библиографическую базу данных научного цитирования (РИНЦ), в том числе – в сборники международных и всероссийских научных конференций. Об основных результатах исследования были сделаны доклады на таких конференциях, как: «Полиэтнический макрорегион: язык, культура, политика, экономика». Всероссийская научная конференция 9–10 октября 2008 г., г. Ростов-на-Дону; «Проблемы и перспективы социально-экономического и научно-технологического развития южных регионов». Всероссийская научная конференция 21–22 сентября 2009 г., г. Ростов-на-Дону; «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее». Международная конференция, посвященная 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав российского государства 13–18 сентября 2009 г., г. Элиста; «Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития». Всероссийская научная конференция 28–29 сентября 2010 г., г. Ростов-на-Дону; «Память и памятники». Научный семинар, проведенный Волгоградским государственным университетом и Институтом Кеннана международного научного центра им Вудро Вильсона 21 апреля 2011 г., г. Волгоград; «А.М. Каледин: эпоха и личность». Всероссийская научная конференция 12 октября 2012 г., г. Новочеркасск; «Россий-

ское казачество: история, проблемы возрождения и перспективы развития». Всероссийская научно-практическая конференция, октябрь 2012 г., г. Краснодар; «Сталинградская битва в судьбах народов». Международная научно-практическая конференция 1 февраля 2013 г., г. Волгоград; «Источниковедческие проблемы в исследованиях по истории казачества XX века». Всероссийская научно-практическая конференция 17–18 октября 2013 г., г. Волгоград; «Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа». X Кубанско-Терская научно-практическая конференция 2016 г., г. Армавир; «Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки». XIV всероссийская научная конференция 17 мая 2017 г., г. Астрахань; «Гармонизация межнациональных отношений. Исторические судьбы казачества»: II Всероссийская научно-практическая конференция, г. Геленджик, 2018; «Модернизация полиэтничного макрорегиона и сопредельных государств: опыт, проблемы, сценарии развития». Всероссийская научная конференция. 18–19 сентября 2019 г., г. Ростов-на-Дону; «Казачество в конце XIX – начале XXI в.: рассказывание и социокультурные трансформации». Всероссийская научная конференция 27–28 июня 2019 г., г. Ростов-на-Дону; «Взаимоотношения советской власти и общества при реализации национальной политики 1920-х гг.: историческая реальность, память, наследие». Международная научно-практическая конференция, посвящённая 100-летию образования СССР (г. Краснодар, 8–10 октября 2021 г.) и др.

Соответствие паспорту научной специальности. Диссертация соответствует паспорту научной специальности 5.6.1. – Отечественная история, в том числе направлениям исследований: 3. Социально-экономическая политика Российского государства и ее реализация на различных этапах его развития; 4. История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и её регионов; 7. История развития различных социальных групп России, их общественно-политической и социально-культурной жизни, а также хозяйственной деятельности; 15. Историче-

ский опыт российских реформ; 24. История государственной и общественной идеологии, общественных настроений и общественного мнения.

Структура диссертационного исследования. Структура исследования имеет проблемно-хронологический характер и определена целью и задачами диссертации. Работа состоит из введения, шести глав и 17 параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы.

1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ, ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КАЗАЧЬЕГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

1.1. Методологическое определение объекта и предмета исследования

Для адекватного исследования участия казачества в социальных, политических, экономических и культурных процессах, происходивших в СССР и в постсоветской России, необходимо определить, что понимается под этим термином в рамках исследования. Казачество имеет сложную природу. В исторических документах и исторических исследованиях встречаются следующие понятия: казаки вольные, казаки городовые, казаки – военно-служилое сословие, казаки – войсковые обыватели, казаки – этнографическая группа, казаки – субэтнос русского народа, казаки – самостоятельный народ, казаки – социальная корпорация. Можно обнаружить и другие определения казачества, в основе которых лежит та или иная характерная черта: воровские казаки, бунтари, воины, советские казаки, казаки-некрасовцы, неоказаки и др. В основе таких определений лежит в одном случае социальный статус, в другом случае культурные границы, в третьем случае функциональные характеристики, в четвертом случае – историческая роль и т.д. Таким образом, казачество – явление многоплановое, многофункциональное.

Исследователи обращают внимание на то, что при изучении казачества невозможно определить его однозначно, поэтому необходимо каждый раз оговаривать какую группу казачества и в какой исторический период будут исследовать¹. Наиболее обобщенно при определении казачества исходят из определения его как социальной группы либо как этнической или субэтнической группы. Принимая во внимание условность такого разделения, определимся с подходом к казачеству в рамках нашего исследования.

¹ Маркедонов С.М. Казачество: некоторые вопросы терминологии и типологии // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. Краснодар, 2003. № 3–4. С. 9.

Историки и этнографы нередко характеризуют казачество, исходя из определения его как народа, этнической общности. Сторонники данного подхода исходят из различных обоснований. Так, в качестве подтверждения формирования казачества как народа используется теория его происхождения как автохтонного населения Дикого поля¹, сложившегося на основе одного или нескольких этносов и имеющего древние корни. Например, донской историк XIX века А.Г. Попов заявлял о происхождении казачества от легендарных амазонок, русский историк XVIII в. Г.З. Байер говорил о казаках как о древнем народе из Кабарды². Самый большой вклад в удревнение происхождения казачества внес донской историк начала XX века Е.П. Савельев, связывавший происхождение казаков с этрусками и троянцами³.

Концепция казачества как отдельного народа получила развитие в эмиграции в 1920-х – 1930-х гг. Ее разработчиками стали основатели Вольноказачьего движения – казаки-эмигранты Т.М. Стариков, И.Ф. Быкадоров, И.А. Билый. Идеология казачьего национализма являлась для них основой строительства будущего казачьего государства⁴.

В советский период отдельные группы казачества характеризовались как этнографические группы, локально-территориальные группы. Например, так определяли донских казаков. Основаниями являлись наличие территории, культурное единство, сохранявшееся на протяжении многих поколений, определение границ группы. В 1980-х гг. наряду с понятием «этнографическая группа» стал использоваться термин «субэтнос». Так, Ю.В. Бромлей, определяя происхождение субэтносов, приводит пример формирования

¹ В русских летописях Диким полем в XVI в. называлось пространство лесостепное и степное пространство, северным рубежом которого считалась река Ока, а южная граница определялась по городкам Рыльск и Путивль на реке Сейм – Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.) Ростов н/Д, 1998. С. 48.

² Мининков Н.А. Формирование казачьих сообществ на Дону // Очерки истории и культуры казачества Юга России. Волгоград, 2014. С. 12–13.

³ Савельев Е.П. Древняя история казачества. М., 2004.

⁴ Маркедонов С.М. Концепция истории российского казачества в творческом наследии Т.М. Старикова (по материалам Государственного архива Российской Федерации) // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2001 год. Материалы регион. науч. конф. Краснодар, 2002, С. 11.

субэтноса донских казаков как социальной общности, обладающей специфическими чертами культуры¹.

С началом возрождения в 1990-х гг. усилился интерес к этнической природе казачества. В большинстве своем ученые соглашались с наличием этнической основы у казачества, но отмечали сложное сочетание этнического и сословного начал. Известный историк А.И. Козлов отмечал, что казачество включает в себе двойное содержание. В ранний период его развития происходил процесс, который можно характеризовать как этнообразование, но его цикл не был завершен. Казачество остановилось на этапе формирования субэтноса, а затем, по образному выражению А.И. Козлова, субэтническая сущность казачества покрылась «густой паутиной сословности», то есть процесс был прерван с включением казачества в состав военно-служилого сословия².

Можно выделить специалистов, которые этническую природу казачества считают устойчивой и отдают приоритет этнической характеристике казачества перед социальной (сословной). Следует назвать этнографа М.А. Рыблову, по мнению которой донское казачество следует рассматривать именно как этническую группу. Она пишет о развитии этничности у данной группы в разные периоды в специфических условиях. Так, по ее мнению, для XVIII–XX вв. донское казачество может быть определено как этносоловная группа. Ее этничность в этот период развивается в жестких границах сословности. Важным фактором, оказавшим влияние на данный процесс, является наличие своей территории, что способствовало формированию более четких культурных границ³. В подтверждение наличия у казаков этнического самосознания М.А. Рыблова приводит четкое понимание казаками сво-

¹ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 84.

² Козлов А.И. Проблемы казачьего возрождения // Возрождение казачества (история, современность, перспективы). Тезисы докладов, сообщений, выступлений на V междунар. (всерос.) науч. конф. Ростов н/Д, 1995. С. 4.

³ Рыблова М.А. Донское казачество: к вопросу об «истоках» и социокультурных трансформациях // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. 165.

его отличия от других этнических общностей по принципу «мы–они»: «то – казак, а то – Рассея», «я не русский, я – казак» и т.п.¹ В статье «Донские казаки» Этнографической энциклопедии Волгоградской области М.А. Рыблова однозначно определяет эту группу как этническую².

Схожая позиция по трактовке этнической природы кубанского казачества у этнографа Н.И. Бондаря, определявший конец XVIII – 1870-е гг. как период образования новой этносоциальной общности – кубанского казачества. В качестве определяющего фактора данного процесса Н.И. Бондарь также выделяет территорию: «Наличие «своего» физического пространства – это не просто условие и источник ресурсов существования общности, но и один из важнейших факторов, определяющих внутренние связи и отношения и влияющий на характер этнокультурных процессов в границах этой территории»³.

Такая трактовка казачества основывается на устоявшихся характеристиках этнической общности. К числу таковых относят общность предков (общность происхождения), компактное географическое местоположение (территориальные границы), общие культурные традиции, чувство тождественности. С. М. Широкогоров определял этнос как группу людей, говорящих на одном языке, признающих своё единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, освященном традицией и отличаемом от других народов⁴.

Ряд специалистов именно осознание этнической общностью себя как таковой ставят на первое место. В этом случае этническая общность постигает себя через систему эмоциональной связи⁵. Большое место в теории этноса отводят самоназванию, так, Ю.В. Бромлей отмечал, что соответствующая

¹ Рыблова М.А. Донское казачество... С. 165.

² Этнографическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2017. С. 91.

³ Бондарь Н.И. Традиционная культура кубанского казачества в XVIII – начале XX в. // Очерки истории и культуры казачества Юга России. Волгоград, 2014. С. 487.

⁴ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса... С. 20.

⁵ Там же. С. 18.

группа людей устойчиво из поколения в поколение сохраняет своё само-название, то скорее всего это самоназвание – этноним и, стало быть, мы имеем дело с этнической общностью¹. Вместе с тем и самоназвание и самосознание Ю.В. Бромлей относил к субъективным характеристикам. Ключевым моментом в определении этноса ученый считал объективное, не по воле людей, возникновение, длительное, в несколько поколений существование, устойчивость, обладание чертами, которые позволяют отличить один этнос от другого².

Ряд историков, основываясь на определении этноса, данном Ю.В. Бромлеем и другими этнографами, говорят о безусловном наличии у казаков признаков этнической общности. Так, В.П. Трут, говорит об оправданном отнесении казачества к самостоятельной этнической социальной группе и его характеристике как субэтноса³. По мнению В.П. Трута к началу XX в. у казаков прослеживается безусловное присутствие не только признаков субэтноса, но ряд основных признаков этноса⁴. В качестве же одного из серьезных аргументов критики определения казачества только как сословия В.П. Трут отмечает возникновение внутри казачества сословного деления, присущего русскому обществу того периода в целом⁵.

Однако, историки и этнографы не отрицают в целом, что начальный период существования казачества связан с его развитием в качестве социальной, а не этнической общности. Так в концепции М.А. Рыбловой о возникновении казачества говорится о том, что на начальном этапе развития донское казачество существовало в форме военных мужских сообществ и раннее казачество она определяет как социокультурную группу⁶, то есть в основе лежит социальная природа. Но впоследствии сформируются и возобладают эт-

¹ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса... С. 46.

² Там же. С. 45, 50, 51, 52 и др.

³ Трут В.П. Казачество: происхождение, сущность, реалии, перспективы. Б.м., б.г. С. 12.

⁴ Там же. С. 11.

⁵ Там же. С. 12.

⁶ Рыблова М.А. Социокультурные трансформации на Дону (XVI – XXI вв.) // Казачество России: прошлое и настоящее. Сб. науч. ст. Ростов н/Д, 2008. Вып. 2. С. 6.

нические характеристики. В аналогичном направлении рассуждает и В.А. Матвеев, отмечая, что первоначально видимо казачество формировалось как явление социальное. Но в то же время в его развитии обозначилось присутствие этнических полей и со временем в казачестве нарастает этническая однородность¹.

На синтез социальной и этнической природы современные исследователи обратили внимание в середине 1990-х гг., когда со стороны казачьего возрождения усилился запрос на обоснование казачества как этноса. О казачестве, как об этно-социальной общности рассуждал В.П. Трут, отмечая, что казачество отвечает критериям как социально-этнической, так и социально-классовой структуры общества. По его мнению, казачество олицетворяло собой, как сложившийся и динамично развивающийся субэтнос, так и специфическое военно-служилое сословие². В исследовании П.Н. Лукичева, А.П. Скорика, Р.Г. Тикиджьяна, казачество, рассматриваемое с позиции евразийской концепции развития общественных процессов, определяется как субэтнос, сложившийся в процессе социогенеза. О субэтнической природе казачества, по мнению авторов исследования, говорят специфические этнонимы: донское, гребенское, яицкое казачество³.

Изучение соотношения этнической и социальной природы казачества С.А. Голованова определяет как методологический аспект в исследованиях по истории казачества. По ее мнению, снять противопоставление этнического и социального возможно в рамках системно-эволюционного подхода, исследования казачества как «живой исторической системы». Компонентами системы может выступать сословность и этничность, соотношение которых в

¹ Матвеев В.А. Феномен казачества в контексте этнонациональных особенностей российской государственности и проблемы современной типологии // *Голос минувшего*. 2003. № 3–4. С. 16–17.

² Трут В.П. Проблема возрождения казачества и теоретические подходы к ее разрешению // *Возрождение казачества (история, современность, перспективы)*. Тезисы докладов, сообщений, выступлений на V междунар. (всерос.) науч. конф. Ростов н/Д, 1995. С. 6.

³ Лукичев П.Н., Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Очерк второй. Казачий феномен во всемирной истории // *Казачий Дон. Очерки истории*. Ростов н/Д, 1995. Часть I. С. 25–66.

казачестве будет изменяться в разных исторических периодах. Также С.А. Голованова считает, что этничность нужно рассматривать, как внутреннюю характеристику системы, а сословность как внешнюю оболочку, через которую происходило вживание казачества в российскую историческую систему¹.

Таким образом, социальная природа казачества также называется в качестве его ключевой характеристики. Следует отметить критику в адрес сторонников определения казачества преимущественно как этнической группы. Наиболее развернутую аргументацию в этом направлении находим у А.И. Козлова. Не отрицая наличия у казаков этнических характеристик, А.И. Козлов выступает против их абсолютизации в истории формирования и развития сообщества. В работе «Возрождение казачества: история и современность» ученый предлагает выделять этапы исторической эволюции казачества. На начальном этапе существования казачества его локальная замкнутость и закрытость создавали условия по формированию этноса. Однако казачество не прошло, по его мнению, положенный временной отрезок для формирования этноса, который социологической наукой устанавливается в 12–15 поколений, что составляет 360–450 лет². В XVIII в. происходила его постепенная трансформация в военное сословие. Этническая линия развития казачества еще сохранялась, но под сильным воздействием государства деформировалась. В третьем десятилетии XIX в. начался новый период в истории казачества, связанный с окончательным превращением его в сословие³. В результате социальных и культурных трансформаций казачество, по мнению А.И. Козлова к началу XX века превратилось в социосубэтнос⁴.

¹ Голованова С.А. Методологические аспекты изучения казачества // Казачество юга России в процессах становления и развития российской государственности. Тезисы регион. науч.-практ. конф., г. Урюпинск, 26–29 апреля 2007 г. Волгоград, 2007. С. 30–31.

² Козлов А.И. Возрождение казачества: история и современность (эволюция, политика, теория). Ростов н/Д, 1995. С. 68–69.

³ Козлов А.И. Возрождение казачества... С. 78.

⁴ Там же. С. 131.

Необходимость учета места и времени при изучении казачества отмечал А.Н. Малукало. Историк обращал внимание на то, что в сословном обществе более референтной была сословная принадлежность, а не этническая. Поэтому единство идентичности определялось принадлежностью к военному сообществу. Исследователи же, ратующие за определение казачества как этнической группы без учета исторического периода, переносят своё ощущение этничности в совершенно другие исторические реалии¹. Анализируя понятие «казак» и отмечая поливариантность его определений, С.М. Маркедонов раскрывает противоречивость односторонних трактовок казачества. Так, если казаки – субэтнос русского народа, то кем тогда являются украинские казаки, донские казаки-калмыки и другие группы в казачестве, у которых присутствует неславянский этнический компонент? Маркедонов также обращает внимание на отсутствие этнического единства кубанского казачества от момента соединения черноморцев и линейцев в середине XIX в. до начала XX в. По его мнению, казачество несводимо к общим формулировкам типа «субэтнос» или «сословие» и необходимо обращать внимание на исторический период существования казачества при его изучении².

При определении казачества периода конца XX – начале XXI вв. следует упомянуть о том, что, по мнению некоторых исследователей, из-за политики «растворения» казачества в советском обществе оно было практически утрачено в СССР. По мнению А.П. Кожанова, парадокс существования казачества в конце XX в. заключался в том, что физическое существование потомков казаков сочеталось с отсутствием их черт в качестве субэтноса. В современных условиях новое казачество существует как поколение людей, но отсутствует социально-этническая общность их ментальности. Для возрождения казачества, таким образом, необходимо восстановление менталитета³.

¹ Малукало А. Н. Казачество России: к вопросу о терминологии и методологии исследования // Голос минувшего. 2003. № 3–4. С. 12.

² Маркедонов С. М. Заколдованное слово // Родина. 2004. № 5. С. 23–24.

³ Кожанов А.П. О возрождении казачества // Проблемы казачьего возрождения. Сборник научных статей. Ростов н/Д: Изд-во НМЦ «Логос», 1996. Часть I. С. 42, 47.

На схожих позициях стоит М.А. Кутузов. Он отмечает, что, несмотря на самоутверждение «казаки – народ», единого понимания относительно того, что это такое, нет. Нет единой позиции кто и как себя самоидентифицирует в казачьем качестве. Также М.А. Кутузов обращает внимание на то, что казачество, сформировавшееся в разные исторические периоды, в разных условиях, в границах разных казачьих войск сильно отличается друг от друга. Например, казачество войск Сибири и Дальнего Востока создавалось для решения колониционных задач. Это государственный институт, сугубо функциональный. Казачество Северного Кавказа, Урала и Поволжья – это социальная общность, сложившаяся самостоятельно и уже позже ставшее военным сословием¹.

В отечественной историографии казачество чаще изучали как социальную общность, рассматривая их участие в войнах, деятельность в качестве первопроходцев, исследуя системы управления казаков и пр. С.М. Соловьёв, анализируя казачий фактор в истории русского государства, отмечал их существенную роль в защите степных границ. То есть он исходил в оценке казачества из его социальной роли и социальных характеристик. Относясь в целом негативно к казачеству, историк отмечал, что это бродячие люди, их интересы расходятся с интересами государства².

Сложившийся в дореволюционной историографии ракурс исследования казачества как специфической социальной группы, а впоследствии как сословия, был продолжен советскими историками, рассматривавшими казаков как часть крестьянства. Историография данного направления настолько обширна, что нет возможности приводить здесь все точки зрения и высказывания историков относительно казачества как сословия. Такая ситуация являлась вполне объяснимой, так как дореволюционные историки, занимаясь проблемами казачества, находили их уже как сословие. В историческом ис-

¹ Кутузов М.А. Казачество: новая парадигма развития. URL: <https://archipelag.ru/authors/kutuzov/?library=1140> (дата обращения: 10.04.2021).

² Соловьёв С.М. История России с древнейших времен. Сочинения в 18-ти кн. М., 1989. Кн. III. С. 305, 380 и др.

следовательском поле казачество появилось как группа со специфическими характеристиками, которая вступала с властью Московского государства, а затем Российской империи в особые взаимоотношения (военная помощь, сопровождение дипломатических миссий через Дикое поле, вооруженное сопротивление власти при попытках подавления казачьих вольностей и т.п.). Данные действия казаков не имели этнического характера.

Советские и российские историки, занимаясь теми или иными аспектами истории казачества, чаще всего также сталкивались с ними либо как с словом, либо как частью социальной общности «советский народ» (советские казаки). Но и в исследованиях по ранней истории казачества превалирует социальная характеристика. Н.А. Мининков, исследуя формирование казачьих сообществ на Дону в XVI в., отмечал роль колониционного фактора в формировании сообщества, значение социальных процессов в Московском государстве, способствовавших притоку населения на Дон. Также Мининков обращал внимание на специфику взаимоотношений донских казаков и русского правительства (выполнение обязательств службы за жалованье)¹.

Исследуя процесс появления казачества на Волге и Дону в XV–XVI вв., И.О. Тюменцев употреблял термин «показачивание», что означало включение в состав казачьих сообществ местного населения после распада Золотой Орды. Данный процесс также имеет прежде всего социальную, а не этническую природу. Как и Н.А. Мининков, И.О. Тюменцев отмечал важность для формирования казачества социальных процессов Московского государства. Их результатом в XVI в. стал исход в Дикое поле обедневших служилых людей, боевых холопов и др.²

Потребность определиться с социальной природой казачества возникла при изучении возрожденческого процесса конца XX – начала XXI вв. Движение за возрождение казачества, начавшееся в конце 1980-х гг., не являлось

¹ Мининков Н. А. Формирование казачьих сообществ на Дону. С. 18–21; он же. Враги или злодеи // Родина. 2004. № 5. С. 70–72.

² Тюменцев И.О. Россия и появление казачества на Волге и на Дону в XV – первой половине XVI вв. // Cahiers du Monde Russe. Paris, 2005. Vol. 46. № 1–2. P. 75–82.

аморфным. Внутри него сразу же сложились различного рода организации. Впоследствии организационные рамки движения стали более определёнными. Таким образом, все исследователи, так или иначе обращавшиеся к анализу данного движения, должны были рассматривать деятельность казачьих организаций.

Исследуя проблемы возрождения, Т.В. Таболина в середине 1990-х гг. отмечала проблемы самоорганизации казачьего населения в российских регионах, что является важным с точки зрения формирования и донесения до власти интереса того или иного сообщества, будь то этническое, конфессиональное или другое сообщество. По мнению Т.В. Таболиной, для адекватного понимания состояния казачества необходимо изучать его общественные организации¹.

Детально изучивший в философском и социологическом ракурсах возрождение А.А. Озеров, рассуждал о нём как о социальной практике казачьей общности. Сама общность в рассматриваемый период для исследователя являлась прежде всего социальным конструктом². Изучая процесс, А.А. Озеров отмечал наличие в нём социального конструирования, а саму идею возрождения раскрывал через концепцию социальной интроспекции³. Такой подход закономерно привел А.А. Озерова к определению казачества как социальной группы. Так же в подходе А.А. Озерова присутствуют такие понятия, как «социальный проект», группа интересов с особыми потребностями и ассоциированными целями. Выделяя участников возрожденческого процесса из среды казачьего населения, А.А. Озеров определяет их как неказачество⁴. Мнение А.А. Озерова разделял А.Г. Киблицкий. Применительно к развитию

¹ Таболина Т.В. Казачество на рубеже XXI века: проблемы и возможности. М., 1997. С. 6, 9.

² Озеров А.А. Возрождение казачества: идеи и социальная практика (социально-философский аспект): автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2003. С. 9.

³ Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Возрождение казачества в новой России (социально-философский аспект). Ростов н/Д, 2004. С. 17–61.

⁴ Там же. С. 218.

казачества в конце XX – начале XXI вв. они рассматривали ситуацию формирования корпораций внутри движений¹.

О развитии казачества в рамках социальной корпорации в конце XX в. писал также А.П. Скорик. Возрождение им определялось как совокупность государственных и общественных формирований, взаимодействие которых способствует воссозданию в социально-политической структуре современного российского общества особой корпорации – российского казачества².

Основываясь на концепции конструктивизма, Л.Л. Хопёрская предлагала рассматривать казачество как социокультурную группу. Вместе с А.А. Озеровым она выделяла следующие признаки такой группы: самоназвание, символические границы, символическое пространство, специализированные внутренние структуры, технологии мобилизации членов группы и т.п.³ В возрождении Л.Л. Хопёрская, как и А.А. Озеров, обращает внимание на организационную составляющую процесса, наличия в нём множества организаций, генерирующих идеи возрождения и осуществляющих социальные практики⁴.

А.Г. Масалов считал ключевым направлением исследования состояния казачества в конце XX в. институционализацию казачества в Российском государстве. Такой подход предусматривает определение казачества в качестве социального института. Процесс институционализации социальной общности казачества предопределяет ситуацию включения казачества в активную общественную и политическую жизнь России⁵. Казачество в истории России существовало как социальная общность, в досоветский период у него были формальные идентификационные основы самоорганизации – сословный статус. В советский период этот идентификационный признак был утра-

¹ Там же. С. 220.

² Скорик А. П. Казачья корпорация на Дону как современный социальный проект // Клио. 2006. № 1(32). С. 167–176.

³ Озеров А.А., Хопёрская Л.Л. Возрождение казачества: современные методологические и правовые подходы. Ростов н/Д, 2006. С. 17.

⁴ Там же. С. 42–76.

⁵ Масалов А.Г. Российское казачество в начале XXI века. Ставрополь, 2008. С. 5.

чен. Постсоветский период существования казачества характеризуется формированием у него основ социальной идентификации¹.

Итак, исследователи возрожденческого процесса и состояния казачества в конце XX – начале XXI вв., не отрицая этнических процессов в рамках возрождения, акцентируют внимание на социальном аспекте процесса. Это в целом отвечает характеристике казачества как группы социальной. Ю.В. Бромлей считал важным определять этническую общность как социальную группу, являющуюся частью большого социального организма². Также нередко Ю.В. Бромлей употреблял выражение «этносоциальный организм», «этносоциальная общность», имея в виду, что этносы, как и другие общности, имеют в основе социальную природу³. Социальное и этническое в такой общности находятся в диалектической взаимосвязи.

Выраженность взаимосвязи этнического и социального у казачества является особенно яркой в силу наличия на протяжении долго времени формального социального статуса – сословия. В связи с этим в работах исследователей, когда речь идет об определении природы казачества нередко речь идет об этносоциальной природе общности, так как такой подход позволяет до определённой степени снять методологические противоречия.

Вместе с тем, историческое бытие казачества, особенно его жизнедеятельность, социальные и культурные практики в советский и постсоветский периоды дают возможность определять его прежде всего как социальную общность. Обратимся к тому, что понимается в науке под социальной общностью. Наиболее общую трактовку понятия находим у Я. Щепаньского, который предлагал понимать под ней широкое объединение людей, в котором создана и сохраняется на протяжении какого-то периода социальная связь, есть внутренняя связь, осознание принадлежности к данной общности⁴. Основными признаками социальной общности являются: любое объединение

¹ Там же. С. 106–107.

² Бромлей Ю.В. Этнос и этнография... С. 37.

³ Там же. С. 63.

⁴ Щепаньски Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969. С. 117.

людей, устойчивая форма совместной жизни, наличие социальной связи между людьми.

В.А. Ядов определял социальную общность как взаимосвязь человеческих индивидов. Эта взаимосвязь обусловлена общностью интересов, сходством деятельности и условий жизни, а также общими верованиями, представлениями о целях деятельности и др.¹

Рассматривая происхождение и развитие социальных общностей, Г. Е. Зборовский отмечает, что социальные общности появляются как на объективной, основе, то есть складываются в ходе общественного развития, так и на субъективной, то есть являются результатом сознательной деятельности людей. Прямое отношение к формированию и развитию общности имеет деятельность людей по конструированию социальной реальности². Исследователь выявляет 14 образующих общность признаков. Среди них: включенность социальной общности в более широкий социальный контекст, осуществление совместной деятельности, наличие схожих характеристик условий жизнедеятельности, наличие ресурсов, в том числе культурных и символических, наличие социально-пространственных и социально-временных характеристик, конструирование социальных общностей, наличие общих ценностей, интересов, установок и др. Также одним из главных признаков социальной общности он называет реализацию функции самостоятельного субъекта социального и исторического действия и поведения на основе обладания и использования различных ресурсов³.

Данные признаки являются важными для методологического определения казачества. В том состоянии, в котором оно находилось в XX в. в советский и постсоветский периоды, есть основные признаки социальной общности, выявляемые Г.Е. Зборовским и другими аналитиками. К числу таковых

¹ Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программы, методы. Самара, 1995. С. 16–17.

² Зборовский Г.Е. Теоретические основания изучения социальной общности // Социологические исследования. 2010. № 4. С. 6. С. 3–12.

³ Там же. С. 7.

относятся наличие широкого социального контекста, например условия социалистической модернизации 1920-х – 1930-х гг. или системная трансформация в условиях перехода от советской к постсоветской социальным системам. Наличие культурных и символических ресурсов, осознание принадлежности к общности, социально-пространственная характеристика. И главное, что казачество проявило себя в XX в. как актер исторического действия.

Таким образом, при определении казачества в качестве объекта исследования предлагается рассматривать его как социальную общность, трактуемую широко. Это объединение людей, имеющее как различные связи внутри общности, так и объединение-одинаковость, основанное на внешней фиксации признака, по которому происходит выделение данного объединения среди других. Для казачества таким признаком служит наличие предков казаков, память о своём происхождении, готовность идентифицировать себя в качестве казаков. Это позволит выделять не только формальные организации казаков, но и обращаться к казачеству, как к более широкой общности.

Такое определение общности позволяет снять вопросы при определении, что такое «советское казачество», не имевшее официального статуса и официальных социальных границ, но четко выделяемое советской властью по принадлежности к бывшему казачьему сословию, локализованное на определенных территориях юга России. Также при исследовании возрождения казачества на юге России в конце XX – начале XXI вв. широкое определение казачества как социальной общности позволит учитывать пассивное участие в данном процессе потомков казаков, а также рассматривать участников казачьих объединений еще и как представителей широкой казачьей общности.

В диссертационном исследовании также используется термин «сообщество». Он применяется, как наравне с термином «социальная общность», так и самостоятельно, для более четкого определения социальных границ и социальных связей. В этом случае сообщество может обладать более устойчивыми, чем в социальной общности, профессиональными и социальными

связями, выраженным осознанием своей принадлежности. В рамках представленного исследования понятие «казачье сообщество» применяется преимущественно в качестве уточняющего. Казачество в процессе исторического формирования складываясь на разных территориях приобретала специфические культурные черты, а затем административные территории – войска.

Таким образом, употребление термина «казачье сообщество» позволяет уточнить его историко-культурную принадлежность, обратить внимание на существование на юге России не гомогенной социальной общности, а нескольких сообществ, имеющих как схожие, так и отличные черты. В исторических исследованиях сложилась устойчивая практика употребления понятия «казачье сообщество» как в отношении населения казачьих войск, так и для выделения культурной специфики населения казачьих областей уже в советский период, когда войсковые структуры исчезли.

Для диссертационного исследования необходимо также определить методологическое содержание возрождения как феномена, сформировавшегося под влиянием специфических социокультурных процессов, происходивших в казачьей среде и вне неё, и в свою очередь, оказавшего влияние на развитие казачества в советский и постсоветский периоды истории российского государства. Феномен возрождения довольно сложно определить.

Исследователи, обращавшиеся к теме казачьего возрождения, говорят о том, что данному явлению сложно дать исчерпывающую характеристику, которая позволила бы определиться с понятием «возрождение» применительно к казачеству и тем процессам, которые происходили в его среде в XX в. Как правило, при попытке терминологического определения возрождения обращаются к его филологической трактовке: «возрождать – рождать, производить, создавать сызнава, вновь; восстанавливать, возобновлять»¹; «возрождение – появление вновь, возобновление, подъем после периода упадка, раз-

¹ Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyj-slovar-zhivogo-velikorusskogo-jazyka-v-i-dalja-bukva-v/1063> (дата обращения 18.04.2021).

рушения»¹. В энциклопедии, посвященной казачеству, было дано следующее определение: «Возрождение казачества – социальный процесс духовного подъема и организационного формирования казачества России». В качестве ключевых характеристик процесса отмечались рост самосознания, политической и социальной активности казачества, а также появление различных организационных форм – от землячеств до войсковых казачьих обществ².

Есть и другие трактовки, которые отражают стремление максимально точно определить суть явления, например, «реставрация», «реконструкция», «самовосстановление» и др.³ Так, Г.Н. Астапенко предлагал рассматривать возрождение казачества как процесс социальной реконструкции. Исследователь обращал внимание на то, что казачество может рассматриваться как объект для исследования процесса реконструкции социальных форм жизнедеятельности российского общества в начале 1990-х гг.⁴

В работах большинства ученых, так или иначе обращавшихся к теме возрождения казачества, определения возрождения как такового нет. Но из контекста анализа можно сделать вывод, что чаще всего речь идет о реконструкции форм жизнедеятельности казачества, а также об этническом определении казачества. Так, А.И. Козлов, рассуждая о путях возрождения казачества, обращал внимание на невозможность восстановления подобия казачьих сословных институтов, отмечая, что это намерение бесперспективно. Решение казачьей проблемы, по его мнению, заключалось в постепенной эволюционной этнизации⁵. О возрождении как о важнейшей категории научных дискуссий середины 1990-х гг. рассуждал В.Д. Кураев. Он пытался определять возрождение через процесс восстановления конкретных форм и

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 2005. С. 91.

² Казачество. Энциклопедия. М., 2003.

³ Трут В.П. Возрождение казачества: сущность, пути, перспективы // Проблемы казачьего возрождения. Сб. науч. ст. в 2-х ч. Ростов н/Д, 1996. С. 80.

⁴ Астапенко Г.Н. Возрождение казачества, как процесс социальной реконструкции // Возрождение казачества (история, современность, перспективы). Тезисы докл., сообщ., выступл. на V междунар. (всерос.) науч. конф. Ростов н/Д, 1995. С. 14.

⁵ Козлов А.И. О путях возрождения казачества // Проблемы казачьего возрождения. Сборник научных статей в 2-х ч. Ростов н/Д, 1996. С. 11.

элементов исторической социокультурной системы казаков. Отмечая, что появилось множество вариантов и предложений по возрождению казачества, В.Д. Кураев говорил об идее возрождения казачьего землепользования, как одном из вариантов возрождения¹. О возрождении казачества через восстановление традиционных общинных институтов с учетом адаптации данного института к современным условиям рассуждали В.Н. Ратушняк и И.В. Ивченко².

Определить возрождение через историческую память и менталитет казачества как самобытной социально-этнической общности стремился А.П. Кожанов. По его мнению, основные проблемы возрождения вытекали из того, что в период существования СССР казачество было утрачено. Произошло расказачивание как искусственное забвение исторической памяти самобытной социально-этнической общности русского народа. У современного казачества отсутствует преемственность, как у социально-этнической общности ментальности. Отсюда главная задача возрождения – восстановление менталитета³. Характеризуя возрождение казачества как объективную реальность, А.А. Озеров говорит о разноплановости возрождения. Это и духовное возрождение, и культурное, и этносоциальное и политико-правовое⁴. Таким образом возрождение определяется через различные направления данного процесса.

Отмечая сложность научного определения возрождения, В.П. Трут обращает внимание на то, что научная категория или определение отражает конкретное состояние объекта или процесса. Определение должно выражать

¹ Кураев В.Д. К вопросу о возрождении казачества // Проблемы казачьего возрождения. Сборник научных статей в 2-х ч. Ростов н/Д, 1996. С. 39.

² Ратушняк В.Н., Ивченко И.В. Кубанская казачья община и возможности использования ее исторического опыта // Проблемы казачьего возрождения. Сб. науч. ст. в 2-х ч. Ростов н/Д, 1996. С. 47–56.

³ Кожанов А.П. О возрождении казачества... С. 42, 47.

⁴ Озеров А.А. Методологические проблемы исследования возрождения казачества // Казачество России: прошлое и настоящее. Сб. науч. ст. Ростов н/Д, 2008. Вып. 2. С. 340.

внутреннюю сущность и внешние формы¹. Соответственно для понимания сущности процесса возрождения нужно определиться с тем, что представляло из себя казачество в начале века, какие произошли с ним изменения в советский период и что оно представляет из себя в настоящее время².

Стоит отметить, что понятие «возрождение» употребляется почти исключительно в отношении процессов, происходивших с социальной общностью в конце XX – начале XXI вв. Что же касается бытия казачества в 1920-х–1930-х гг., то исследователи предпочитают давать ему другие характеристики. Так, А.П. Скорик, всесторонне исследовавший казачье сообщество на юге России в 1930-х гг., предпочитает говорить о конструировании нового «советского» казачества в данный период как особой группы в составе колхозного крестьянства³. Также он отмечает как итог кампании «за советское казачество» второй половины 1930-х гг. сохранение ряда элементов традиционной культуры, особой ментальности казачества. По мнению А.П. Скорика, кампания «за советское казачество» способствовала сбережению культурного наследия казачества⁴.

Такая ситуация с понятийным определением развернувшихся социокультурных процессов в казачьей среде 1920-х – 1930-х гг. сложилась в результате того, что по сравнению с периодом конца 1980-х гг., казачество всё ещё сохранялось как социальный и культурный феномен. Поэтому применять к нему термин возрождение, в значении реконструкции или реставрации было невозможно. Особенно в сравнении с современным периодом казачьей истории, когда казачество появляется в социальных и культурных процессах из исторического небытия. Очень важным являлся и тот факт, что в отличие от ситуации конца 1980-х гг., в документах периода 1920-х – 1930-х ни разу не встречается характеристика политики большевиков, а также социальных

¹ Трут В.П. Казачество... С.18–19.

² Трут В.П. Казачество... С. 19.

³ Скорик А.П. Казачий Юг России в 1930-е гг.: грани исторических судеб социальной общности. Ростов н/Д, 2009. С. 15.

⁴ Скорик А.П. Казачий Юг России в 1930-е гг. ... С. 17, 83.

процессов в казачьих станицах как возрождения. Напротив, в документах казачьих организаций, сформировавшихся в начале 1990-х гг., и даже в документах органов власти понятие «возрождение» является ключевым для характеристики происходящего. Например, в Уставе Союза казаков Области Войска Донского 1990 г. говорится о возрождении донского казачества как о главной цели деятельности данной организации¹. В Декларации казачества России, принятой Советом атаманов Союза казаков в 1990 г., в качестве главной цели называется духовное, культурное, хозяйственное возрождение самобытного народа². О возрождении казачества говорится в таких официальных документах, как Основные положения концепции государственной политики по отношению к казачеству 1994 г., Федеральной целевой программе государственной поддержки казачьих обществ на 1999–2001 годы и других документах.

В исторической науке понятие «возрождение» применялось для характеристики исторических периодов и процессов, происходящих в обществе. Обратимся к феномену возрождения и его определению применительно к различным историческим эпохам.

Впервые понятие «возрождение» для определения специфики происходящих процессов исторической эпохи появился в XVI в. Дж. Вазари применял его для характеристики ситуации подъема в искусстве после упадка периода средневековья. Затем термин «возрождение» стал применяться более широко, для раскрытия характера процессов, происходивших в социальных, экономических и политических сферах Европы XIV–XV вв. Такие специалисты как Я. Буркхардт и Ж. Мишле понимали его как всеобъемлющий феномен. По мнению Л. Февра, Ж. Мишле являлся автором понятия «возрождения», как определенной исторической стадии развития Европы³.

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10144. Оп. 1. Д. 6. Л. 6.

² Декларация казачества России // Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Союз казаков Области Войска Донского. Войсковой атаман М.М. Шолохов. (История современного донского казачества). Исследования и документы. Ростов н/Д, 2002. С. 274.

³ Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 380.

Термин «возрождение» применялся и для характеристики других исторических периодов. Так появились понятия «овидианское возрождение», «каролингское возрождение», «оттоновское возрождение», «остготское возрождение». Речь здесь шла, прежде всего, о культурном подъеме, обращении к культурным образцам античности, восстановлении сооружений древности и т.п.¹

Для методологического обоснования применения понятия «возрождение» в рамках диссертационного исследования важным является то, что возрождение – это ситуация резкого и бурного изменения жизни общества. Важной особенностью всех периодов возрождения можно назвать ситуацию системного кризиса в которой происходило формирование новых концептов во сферах жизнедеятельности общества. Основой нередко служили культурные образцы античности, происходил симбиоз традиций и новаций, порождающих новые феномены социально-экономической, политической и культурной жизни общества.

Во второй половине XX в. термин «возрождение» начинают применять для характеристики этнических процессов в странах Европы и Америки. Появляется такое понятие как «этническое возрождение». О возрождении племенных культур и индейской этнической идентификации в 1970-х–1980-х гг. писал Дж. Нагель, о возрождении коренных американцев в 1983 г. выходит работа К. Линкольна. В европейских исследованиях большое внимание уделялось этническим процессам в Испании после Ф. Франко. Этническое возрождение связывали прежде всего с этносоциальной активностью, с усилением интереса к этнической идентичности. Следствием этого становилось как усиление интереса того или народа к собственной этнической культуре, языку, формирование этнической литературы, так и активизация этнополитических процессов (этнический сепаратизм).

¹ Можейко М.А. «Слышу голос из прекрасного далека»: феномен овидианского возрождения в западноевропейской культуре // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. Минск, 2019. № 2. С. 116–123.

Исследователи отмечают, что в 1960-х – 1970-х гг. в мире наметилась тенденция у различных народов к сохранению своей самобытности, уникальности культуры, рост этнической идентичности. Возникает интерес к своим корням, проявляющийся в форме фольклоризации профессиональной культуры, реконструкции старинных обрядов. Этническое возрождение связывают с ростом этнической идентичности, а в качестве объективных причин этого называют ситуацию социальной нестабильности. Именно в такой ситуации люди начинают в большей степени ориентироваться на свой этнос, этническая группа становится «группой поддержки», возникает желание преувеличить позитивное отличие своей общности от другой. Так И.И. Ермошина, анализируя этническое возрождение в социально-философском ключе, отмечает, что этничность может выступать как социальная ниша комфорта в условиях социальной нестабильности¹.

Рассматривая волны традиционализма, Э.А. Паин говорит об этническом возрождении как о феномене столкновения унификации и стандартизации мировых культур с нарастанием культурной дифференциации и дезинтеграции. В ситуации этого столкновения усиливается интерес к групповым формам идентичности (этнической, религиозной). Рост таких форм идентичности, отмечает Э.А. Паин, проявился в 1960-е гг. и усилился в 1980-х гг.² Вместе с тем Э.А. Паин считает, что основным фактором, подтолкнувшим волну традиционализма (частью которой стало и этническое возрождение) стала совокупность радикальных перемен в экономической, интеллектуальной и политической жизни мира, возникших на рубеже 1970-х гг.³ Таким образом, Э.А. Паин делает важное уточнение для понимания этнического возрождения XX в. – это процесс, связанный с феноменом традиционализма. То есть, с одной стороны, как и в Возрождении XIV–XV вв., мы видим обраще-

¹ Ермошина И.И. Социально-философские аспекты анализа этнического возрождения: автореф. дис... канд. филос. наук. Ставрополь, 1998. С. 3.

² Паин Э.А. Волновая природа подъема традиционализма на рубеже XX – XXI веков // Общественные науки и современность. 2011. № 2. С. 44.

³ Паин Э.А. Волновая природа подъема... С. 44.

ние к образцам прошлого и встраивании этих образцов в современную социокультурную систему, а с другой стороны, этническое возрождение, как часть традиционализма – реакция на модернизационные процессы.

Для исследования феномена казачьего возрождения данный тезис имеет также методологическое значение. Важнейшим моментом этого процесса учёные не раз называли ситуацию поиска «золотого века» казачьей истории¹. В основе возрожденческого процесса лежала опора на традицию, восстановление прежних культурных и социальных форм. При этом такое восстановление не сводимо к простой реставрации, так как в ходе адаптации традиции к новым условиям она существенно могла изменяться.

Таким образом понятие «возрождение» применимо как к определению исторического периода средневековья, так и к процессам культурного или этнического подъема в XX в. И в той, и в другой трактовке понятие «возрождение» подразумевает обращение к образцам прошлого и строительство на их основе элементов современной социальной и культурной систем. Такое культурное строительство означало синтез старых и новых форм, социокультурное конструирование.

1.2. Источниковая база исследования: видовое разнообразие и проблемы изучения

Исторические периоды участия казачества в социально-политических процессах в России в XX – начале XXI вв., представленные в диссертационном исследовании, определили круг источников, их видовой состав, а также степень доступности для исследователя.

Документы, позволяющие реконструировать исторический период 1920-х – 1930-х гг. в аспекте изучения политики партийно-советского руко-

¹ Золотой век – мифологическое представление в античном мире о счастливом и беззаботном существовании первобытного человечества. В основе античной версии лежат более ранние народные представления о предках, которые жили лучше, чем люди живут теперь. См.: Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 2000. Т. 1. С. 471.

водства в отношении казачества, а также реакции казачества Юга России на властные мероприятия, в большом количестве представлены в архивах. Что же касается документов, позволяющих качественно реконструировать и исследовать период конца 1980-х – начала 2000-х гг., то сложилась специфическая ситуация. Политическая сторона возрожденческого процесса, как часть политической ситуации конца XX – начала XXI вв. достаточно подробно отражена в документах государственных структур. Однако, поскольку диссертационное исследование посвящено, прежде всего, социокультурным аспектам возрождения, то автора интересовали различные практики казачьих обществ, их деятельность по развитию традиционных и новых форм существования, участие власти в этом процессе. В связи с этим наиболее важными являлись документы самих казачьих обществ, отразивших их деятельность.

Сбор документов казачьих обществ и формирование архивных фондов проводился далеко не во всех регионах, и полнота фондов сильно зависит от того, насколько руководители казачьих организаций и активисты движения за возрождение казачества осознавали необходимость сохранения документов и передачи их в архивы. В результате на сегодняшний день можно назвать только два крупных архивных фонда, содержащих различные по видовой классификации документы. Это фонд в ГАРФ, в котором собраны документы первой всероссийской казачьей организации «Союз казаков России» и фонд в ГАКК «Кубанское казачье войско», который собрал и передал в архив первый атаман Кубанского войска В.П. Громов. Кроме этого, есть два небольших фонда, содержащие документы по возрождению казачества в Волгоградской области в ЦДНИВО, а также фонд, посвященный возрождению казачества в ГАРО. Коллекция документов, посвященных возрождению казачества в Республике Калмыкии собрана в Национальном архиве Республике Калмыкия (НАРК).

Большое количество документов конца XX – начала XXI вв. содержится в личных архивах участников возрождения и текущих архивах казачьих органи-

заций. В ряде случаев эти документы публиковались в монографиях, сборниках документов и они стали доступны широкому кругу исследователей.

Отдельный вид источников представляет собой казачья пресса и сборники с выступлениями войсковых атаманов и другими материалами, освещающими деятельность казачьих обществ. Таким образом, собственно архивных документов о постсоветском возрождении в сравнении с периодом 1920-х – 1930-х гг. можно найти гораздо меньше. Это стало главной сложностью при выявлении и сборе архивного материала.

В контексте проблематики темы в советский период исследовался не весь сложный комплекс взаимоотношений казачества с властью, а только те процессы, при которых власть и казачество находились в состоянии диалога, казачество вовлекалось в социалистическую модернизацию и строительство советского общества. Такой подход предусматривал выявление не всех документов, в которых так или иначе освещались социальные и политические процессы, происходившие на Юге России, а лишь тех, которые свидетельствовали, что партийно-советское руководство проводит особую политику в отношении казачества. В связи с этим поиск был ограничен условием, что архивные материалы должны быть посвящены вопросам казачества. Это позволило сузить и конкретизировать источниковую базу по 1920-м – 1930-м гг.

Основным видом источников по теме являются письменные источники. Это традиционно самая большая группа источников в историческом исследовании. При анализе источниковой базы исследования важным является то, к какому периоду принадлежит источник, так как любой источник является продуктом исторической эпохи и несет её мировоззренческие, идеологические, организационные и другие специфические характеристики.

Для определенных видов источников, специфика, накладываемая советским периодом, является весьма значительной и позволяет выявить ряд нюансов при изучении проблемы. В связи с этим обзор источников по теме исследования целесообразно разделить на советский и постсоветский периоды, что позволит выявить особенности источниковой базы диссертации.

Нормативно-правовые документы. На первом месте в группе письменных источников стоят документы нормативно-правового характера. Важной особенностью советского периода является то, что в 1920-х – 1930-х гг. существовала практика принятия совместных постановлений ЦИК и СНК СССР, а также то, что законодательный характер нередко носили резолюции и постановления ВКП(б). Нередки были ситуации, когда партийные решения становились основой для формирования государственной политики. Так, в 1925 г. на Пленуме ЦК РКП(б) была принята резолюция «О казачестве», которая стала официальным началом проведения политики «Лицом к казачеству». В целом нормативно-правовых документов, касавшихся непосредственно казаков, в рассматриваемый период выходило немного. К таковым можно отнести упомянутую резолюцию Пленума ЦК РКП(б), Постановление ЦИК СССР «О снятии с казачества ограничений по службе в РККА» от 20 апреля 1936 г., приказы наркома обороны СССР, в которых говорилось о создании казачьих кавалерийских формирований или переименовании в таковые существующих; постановления областных и краевых исполнительных органов власти, например, постановление Северо-Кавказского исполкома «О работе Советов в бывших казачьих областях Северо-Кавказского края (1925 г.).

Важно отметить, что, во-первых, краевые и областные партийно-советские органы власти, издавая нормативно-правовые документы в отношении казачества, строго следовали решениям высших органов власти, во-вторых, политику в отношении казачества на местах также определяли партийные органы, инициировавшие те или иные мероприятия в отношении данной группы.

Делопроизводственные документы. Для периода 1920-х–1930-х гг. основной группой источников являются документы делопроизводственного характера, в которых отражены мероприятия власти в отношении казаков. Эта группа документов относится к источникам с первичной информацией. В них фиксируются факты и события. Считается, что степень объективности этих

документов очень высока, так как они не несут идеологической нагрузки и на них не оказывает влияние личность автора. Такие документы являются частью регулирования социально-экономических и политических процессов. Достоинством таких документов является высокая степень объективности, они обезличены и принадлежат учреждению, в котором они разрабатывались, в данном случае, партийным и советским органам управления.

Особенностью данного вида источников применительно к теме исследования является то, что они фиксировали прежде всего политические мероприятия власти в отношении казаков, как и принципы, на которых должны были строиться взаимоотношения с этой группой населения. И уже для реализации политических целей и задач власти собиралась остальная информация, как-то: экономическое состояние населения казачьих районов, реакция на проведение земельных преобразований, сословные конфликты с неказачьим населением и др. Действия региональных партийно-советских органов в отношении казачества в 1920–1940-е гг. определялись общей политикой партии и директивными документами ЦК РКП(б). Информацию о казачестве в делопроизводственных документах партийно-советских органов можно разделить на три группы.

Первая группа – информация относительно политических настроений казачьего населения, экономического положения в казачьих районах, социального расслоения, наличия потенциально опасных для советской власти элементов. К этой же информационной группе можно отнести и исторические очерки, описывающие жизнь и быт казаков в досоветский период. Такое историческое описание должно было выявить причины современного социального поведения казаков, определить социальную и культурную основу казачьего менталитета.

Так, документы по проводимым по заданию Оргбюро ЦК РКП(б) обследованиям казачьих станиц в конце 1924 – начале 1925 гг. содержали анализ различных сторон жизнедеятельности казаков в дореволюционный период. Характеризуя политический облик донского казачества в Царицынской гу-

бернии, комиссия отмечала дух «аракчеевской деревни» в казачьих станицах, что казак был человек «служилым», мало знал сельское хозяйство. В итоге делался вывод о том, что «...казачья масса покрыта толстой корой косности, предрассудков, враждебности и недоверия к советской власти и партии, через которую не проникают наши хозяйственные, культурные и другие мероприятия»¹.

Документы, содержащие информационные материалы, это – информационные сводки, акты обследования состояния казачьих станиц и волостей, акты обследования партийных ячеек низового уровня (хуторских и станичных), отчеты волисполкомов, доклады, письма. Часто информация в них носила закрытый характер. Движение такой информации шло либо снизу, из хуторов и станиц в окружные и губернские (краевые) органы власти, где она анализировалась и служила основой для корректировки местной политики, либо напротив сверху вниз, и в этом случае такая информация содержала предписания и указания для дальнейших действий местным партийно-советским органам власти.

Вторая группа – документы, содержащие информацию о выявленных проблемах на казачьих территориях: активизация антисоветского элемента, проявления сословной вражды, снижение участия казачества в работе советских органов власти, проявление социальной апатии, проявление недовольства, связанного с экономическими реформами и хозяйственным развитием казачьих районов и пр. Данная информация содержалась как в информационно-аналитических документах, так и в специальных докладах пленумов и бюро партийных организаций, губернских и краевых съездах советов, заседаниях исполкомов и др.

Третья группа – документы, содержащие информацию о разрабатываемых мероприятиях по устранению проблем и реализации политики партии в казачьих районах. Такая информация как правило носила программный ха-

¹ Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 112а. Л. 19.

рактик и поэтому содержалась в резолюциях, программах партийных и советских органов власти.

Среди комплекса партийных документов наиболее информативными видами источников являются протоколы и в особенности стенограммы заседаний партийных конференций, содержавшие доклады информационно-аналитического характера с подробным разбором политической и социально-экономической ситуации в казачьих регионах. Основными информационными блоками, в которых фиксировались вопросы о положении дел в казачьих регионах являлись: социальное расслоение среди казачества, вражда с иногородними, сохранение сословных пережитков, проблема землеустройства, вовлечение казачества в работу советско-партийных органов, вовлечение в общественную жизнь казачек. Протокол XIII Сталинградской губернской партийной конференции, например, содержит сведения о проведении в казачьих округах Сталинградской губернии политики «Лицом к деревне», о специфике и трудностях её реализации в отношении казачества. Протоколы конференций содержат резолюции о задачах партии в отношении казачества, что позволяет выявлять тенденции развития политической линии в отношении казаков.

Информационные возможности документов партийно-советских органов власти и управления далеко неравнозначны для реконструирования исторической картины. Так стенограммы и протоколы партийных конференций, пленумов и бюро партийных организаций ценны, прежде всего тем, что в них информация содержалась в обобщенном виде и они имели программный характер. Такие документы были характерны, прежде всего для середины 1920-х гг., в период активной реализации на Юге России политики «Лицом к казачеству». Регулярные доклады с освещением положения дел в казачьих округах – характерная деталь деятельности Сталинградского губернского комитета ВКП(б) и Северо-Кавказского краевого комитета ВКП(б). После принятия резолюции «О казачестве» на апрельском пленуме ЦК ВКП(б) в 1925 г. в первой половине 1925 г. в Северо-Кавказском крае и Сталинградской губер-

нии, в границах которых на Юге России располагались территории бывших казачьих войск с казачьим населением, были подведены первые итоги реализации политического курса, определенного резолюцией апрельского пленума ЦК ВКП(б). Они нашли отражение в крупных партийных документах.

Для Сталинградской губернии таким документом стал доклад «О казачестве» на Пленуме Сталинградского губкома РКП(б), сделанный в июне 1925 г. В докладе оценивалось хозяйственное состояние казачьего населения, освещались проблемы взаимоотношений между казаками и крестьянами, разбиралась резолюция пленума ЦК по вопросу о казачестве. В прениях обсуждалась ситуация вовлечения казаков в Советы и обострение в связи с этим сословной вражды, влияние земельного вопроса на настроения казачества¹.

В Северо-Кавказском крае, имевшем гораздо большее количество казаков в составе населения, в июне 1925 г. прошло краевое совещание по работе среди казачества, работа которого нашла отражение в отдельно опубликованном документе². Материалы краевого совещания по работе среди казачества – программный документ, в котором, с одной стороны, аккумулирована информация из районов проживания донского, кубанского и терского казачества и высвечены наиболее острые моменты во взаимоотношениях казачества и власти, с другой стороны – определены важнейшие сферы партийной работы с казачеством. В речи А.И. Микояна, в этот период первого секретаря Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), открывшего совещание, говорилось о необходимости вовлечения казаков в советское строительство как об основной задаче партии, о необходимости преодоления сословных пережитков и вражды, вовлечении казаков в партию, а также давались партийные установки в отношении работы с казаком-середняком, действий партийных структур там, где казачий вопрос становился вопросом национальным (например, под-

¹ ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 125.

² Краевое совещание по работе среди казачества. При Сев.-Кавказском Крайкоме РКП(б) (с 22/VI–26/VI 25 г.). Ростов-на-Дону, 1925.

держка украинского языка среди кубанского казачества), работы в казачьих станицах и др. Ряд выступлений делегатов совещания можно назвать программой модернизации казачества и предложением казакам адаптационных форм социального участия в новых условиях. Особенно это касалось сохранения военнокультурных традиций у казаков.

Рассмотренные документы являются примерами делопроизводственной документации губернского и краевого уровня, но нередко материалы из округов имели даже большую информационную насыщенность. Декларативный компонент в них был представлен в меньшей степени, и содержательная часть отчетов из округов позволяет получить представление о реальном состоянии наиболее значимых политических и социально-экономических процессов в казачьих районах и реакции населения на них.

Так, на IV пленуме Сталинградского губкома ВКП(б) в мае 1927 г. был заслушан масштабный отчет представителя Хопёрского окружного комитета ВКП(б) о развитии казачества Хопёрского округа в 1925–1926 гг. и ситуация в казачьих районах округа на начало 1927 г. Докладчик прежде всего обращал внимания на те изменения в социальной и экономической жизни казаков, которые произошли под влиянием проводимых партийно-советскими окружными органами мероприятий. В экономике – реорганизация казачьих хозяйств, внедрение достижений агрономии, распространение тракторов и других сельскохозяйственных машин; в политической и социальной сферах – преодоление негативного отношения и вовлечение казаков в работу сельских советов, партийных и общественных организаций. Доклад изобилует цифрами, наглядно подтверждающими слова докладчика¹.

Другое качество информации содержат такие документы как отчеты и сводки с мест. Сведения в них были ограничены по объему, и цель создания данных документов была несколько иная, а именно мониторинг состояния казачьих станиц и волостей, отслеживание результатов конкретных кампаний

¹ ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 162.

или, напротив, оценка состояния ситуации перед началом проведения того или иного мероприятия по социалистической реконструкции сельского хозяйства. Однако сбор этой информации осуществлялся регулярно, что позволяет проследить динамику развития ситуации в казачьих районах, определить, какие вопросы оказывались в фокусе внимания власти и с чем это было связано. Так, в Сталинградской губернии в середине 1920-х гг. регулярно с мест поступали в губком ВКП(б) информационные доклады о работе станичных партийных ячеек, содержавшие краткий обзор политических настроений населения. В 1925 г. в Сталинградской губернии проводилось обследование партийных ячеек и собирались сведения по социальному составу членов ячеек. Это позволило власти оценить степень вовлеченности в партию казаков.

В системе советских органов управления также систематически (каждые 2–3 месяца) в середине 1920-х гг. проводился сбор сведений о работе волостных (районных) исполкомов в казачьих округах. Общая структура собираемой информации была следующей: политические настроения казаков и наличие контрреволюционных выступлений, реализация курса «Лицом к деревне», отношение к советским учреждениям, отношение к кооперативным учреждениям и кооперации.

В 1930-х гг. характер информации документов краевых, а затем областных партийно-советских органов по казачьим районам существенно изменился. Основной упор в информационных материалах делался на развитие колхозного строительства, реализацию кампаний хлебозаготовок, на результатах кампании по борьбе с кулачеством. В конце 1920-х гг. из материалов пленумов краевых парторганизаций постепенно исчезает информация о настроениях казаков, статистика о их количестве на выборах в Советы. Внимание власти окончательно переключается на социалистическую реконструкцию сельского хозяйства. Казачество больше не выделяется как группа, требующая особого отношения. В информационных материалах таких учреждений Северо-Кавказского края, как прокуратура, политотделы МТС округа разделяются по принципу русских и национальных. Часто понять, что та или

иная ситуация затрагивает интересы казачьего населения, можно только по территориальной характеристике.

На казачество обращается внимание только в случае появления явного недовольства или социального протеста казаков. Появляются новые массивы информации, касающиеся противодействию хозяйственно-политическим кампаниям, в которых фиксировались формы и интенсивность проявлений социального недовольства казаков. Например, на имя секретаря Северо-Кавказского крайкома партии регулярно поступали донесения и сводки из краевой и окружных прокуратур с информацией следующего содержания: «...наблюдается растерянность кулачества...Всего по 172 населенным пунктам из 206 изъято 5000 кулаков» (информация из Кубанского округа); «16 марта к 15 часам толпа по ст. Усть-Лабинской...заняла площадь перед Усть-Лабинским райкомом... Из толпы слышались громогласные крики: «Отдайте плуги, раздайте семзерно, мы сами поедem пахать когда нам захочется»; «ст. Пашковская. 18 марта в 7 час. Утра начала собираться толпа перед зданием совета на площади...осаждала совет с требованием роспуска колхоза»¹.

Наиболее полно такая информация собиралась политотделами МТС. Политотделы МТС создавались в 1933 г. как органы, наделенные чрезвычайными политическими и хозяйственными полномочиями в ситуации, когда в деревне сложилась чрезвычайно взрывоопасная обстановка². В документах МТС концентрировалась информация о хищениях колхозной собственности, выступлениях колхозников, появлении бандитских групп и терактах в отношении советских, партийных и колхозных руководителей, порче имущества и других деяниях, квалифицируемых как «вредительство». Данные сведения концентрировались в сводках Политотделов МТС, таких, например, как

¹ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 1076. Л. 11, 16, 18 и др.

² Зеленин И. Е. Политотделы МТС—продолжение политики «чрезвычайщины» (1933–1934 гг.) // Отечественная история 1992. № 6. С. 42.

Сводка № 8 наиболее важных фактов отрицательных и контрреволюционных проявлений по русским районам Северо-Кавказского края¹.

В целом, оценивая возможности официальных документов по изучению состояния общества и отдельных социальных групп, можно отметить, что эти источники позволяют увидеть то, что называют публичным образом эпохи, выявить различные рамки, ограничения идеологического, правового, мировоззренческого характера, определить границы пространства, в котором живет социальная общность². Под воздействием таких рамок и ограничительных факторов формировались настроения казаков и затем проявлялись в реакциях на политику государства, социально-экономические мероприятия власти.

Главное достоинство этих документов как источников по изучению возрождения казачества в данный период заключается в том, что власть, во-первых, сама отслеживала политические настроения казаков, понимая их важность для проведения своей политики. Во-вторых, программные мероприятия власти, зафиксированные в документах, и результаты их реализации позволяют проанализировать влияние государственной политики на казачество, как социальную группу, определить прямые и опосредованные результаты такой политики для казачества.

Источниками особого типа следует считать документы ОГПУ. По своему характеру и видовой принадлежности их можно разделить на две категории – это информационные отчеты структур ОГПУ и следственные дела обвиняемых по тому или иному уголовно-политическому делу.

Информационные сводки ВЧК–ОГПУ–НКВД о настроениях крестьянства и состоянии советской деревни стали вводиться в научный оборот в начале 1990-х гг.³ Работа по выявлению и изучению этих материалов позволила

¹ ЦДНИРО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 22.

² Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. История Северного Кавказа в 1920–1940-е гг.: современная российская историография. Ростов н/Д, 2009. С. 212.

³ В 1992 г. началась реализация российско-французского проекта по выявлению и изданию документов ВЧК–ОГПУ–НКВД по истории советской деревне.

историкам получить представление о системе сбора данной информации и ее качестве. Информационные сводки входят в категорию массовых документов. Их сбор осуществлялся информационно-агентурной сетью волостных, уездных, районных, окружных, краевых и губернских отделений ВЧК–ОГПУ–НКВД, которые создавались в первой половине 1920-х гг. Это было огромное число информационных материалов, «собиравшихся и оформлявшихся на всех уровнях пирамиды спецорганов»¹. Информационные сводки обладают высокой степенью достоверности содержащихся в них сведений, и часто эти сведения находили свое отражение только в этих источниках. Это чаще всего была информация о различного рода негативных фактах и ситуациях в социально-экономической и политической сферах, фиксация настроений протестного характера, сведения о террористических актах, бандитизме и др.

На основе информации губернских и краевых сводок составлялись затем общегосударственные, которые могли иметь как общее, так и специализированное назначение. Спецсводки Информотдела ОГПУ отражали ситуацию в промышленности, земельных и финансовых областях, содержали сведения по военному, партийному, кооперативному и советскому строительству².

С 1921 г. стали составлять «госиноформсводки», с 1922 г. в Информационном отделе ОГПУ ежемесячно составлялись обзоры политического и экономического положения РСФСР. На юге России структуры ОГПУ отслеживали целенаправленно и настроения в казачьих районах. Так, ориентировочно в 1928–1929 гг. в Особом отделе ОГПУ 31-й стрелковой дивизии и Сталинградской губернии на основании приказа начальника губернского отдела ОГПУ был составлен пространный доклад об этапах развития казачества и состоянии его в современное время. Доклад содержал исторический обзор

¹ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. Т. 1. 1918–1922 гг. М., 1998. С. 9.

² Баранов А.В. Политические настроения земледельцев казачьего Юга России в условиях «расширения» НЭПа 1924–1926 гг. (по материалам информационных сводок ОГПУ) // Новейшая история. СПб., 2013. № 3. С. 113.

развития донского казачества, включая его общественное развитие, особенности традиционной культуры и быта, специфику военной службы и др. Наиболее важной частью доклада являлся обзор политического состояния казачества, отношения его к территориально-милиционному формированию, настроений семей бывших белых казаков и семей эмигрантов¹.

Публицистика. Особым видом источников являются сборники речей и докладов руководителей партийных органов 1920-х–1930-х гг. Объективность представленных в них документов имеет иную природу, нежели документы делопроизводства официальных органов. Они создавались по результатам каких-либо масштабных действий власти, их идеолого-пропагандистский характер позволяет раскрыть не только образ эпохи, но и увидеть те политические задачи, которые власть ставила. Собранные в таких сборниках материалы отражали основную политическую линию власти в отношении казаков на тот период. Примерами таких источников служат сборник статей и речей первого секретаря Северо-Кавказского краевого комитета ВКП(б) А.И. Микояна, выпущенный в 1925 г. Этот сборник представляет собой информацию о подготовке и проведении новой политической партийной линии «Лицом к казачеству». Материалом для него стало обследование казачьих районов края на предмет состояния и настроений казаков².

Сборник отразил ключевые моменты внутренней политики партийно-советского руководства, как то: изменение политики власти в отношении крестьянства с целью усиления позиций большевиков, рост недовольства в крестьянской среде, социальные особенности Северо-Кавказского края, взаимоотношения казачества и горцев, необходимость корректировки политики в отношении этих групп населения и пр. Несмотря на то, что собственно казачеству здесь посвящен только один материал, именно он дал название всему сборнику, что само по себе говорит о важности казачьего вопроса в середине 1920-х гг.

1 Архивное Управление ФСБ по Волгоградской области (АУ ФСБ ВО). Ф. 7. Д. 87.

² Микоян А.И. Партия и казачество. Статьи и речи. Ростов н/Д, 1925.

Отдельной брошюрой были выпущены и материалы Северо-Кавказского краевого совещания по работе среди казачества, прошедшего в июне 1925 г. К этому моменту по итогам апрельского Пленума ЦК ВКП(б) была принята резолюция «О казачестве», официально положившая начало проведению политики «Лицом к казачеству». На краевом и областных уровнях летом 1925 г. пройдут партийные форумы, целью которых станет разработка общепартийной линии с учетом местных условий. Материалы, собранные в брошюре, посвященной краевому совещанию по вопросам работы с казачеством, – это программные речи краевых руководителей, представителей центрального комитета партии, военных руководителей, в которых освещались важнейшие направления взаимодействия с казачеством, а также направления работы с ним. Кроме этого данный сборник является уникальным источником, содержащим информацию от делегатов с мест о настроениях казаков, их реакции на различные мероприятия власти, отношении к территориально-милиционной службе, в которой казаки видели аналог своей прошлой службы и т.п.

Ещё одним примером подобного рода источников может служить брошюра с письмами и речами секретаря Азово-Черноморского краевого комитета ВКП(б) Б.П. Шеболдаева, выпущенная в 1935 г.

Материалы брошюры – это демонстрация политической линии партии в отношении коллективизации и вовлечения в этот процесс казачества. Пропагандистский характер материалов, тем не менее, дает представление о партийных установках, а также о силе идеологического воздействия на общество. Кроме этого, материал интересен ещё и тем, что выпущен накануне развертывания короткой, но чрезвычайно интенсивной кампании «за советское казачество», которая будет проведена в 1936 г.¹

Периодическая печать. В рассматриваемый период периодическая печать и, прежде всего газеты, являлись основной частью средств массовой ин-

¹ Шеболдаев Б.П. Казачество в колхозах. Ростов н/Д, 1935.

формации. Будучи многоплановым источником, периодическая печать со- держит материал, который дает представление о политической линии власти в отношении казаков, раскрывающий новые социальные реалии жизни каза- чества, формирующий новый образ советских казаков и даже конструирую- щий новую историю казачества. При обращении к материалам прессы следу- ет учитывать, что она в советский период являлась мощным орудием идеоло- гического воздействия, поэтому материалы газет следует оценивать в контек- сте целей государственной политики. Но именно пресса позволяет по масси- рованности информации оценивать масштабность, силу и длительность кам- паний в отношении казаков. Так, в 1936 г. центральные газеты «Правда» и «Известия», а также краевая газета «Молот» и областная газета «Сталинград- ская правда» были заполнены материалами о казаках, что позволяет подтвер- дить начало кампании за советское казачество.

По жанровой содержательности материал о казаках был представлен всеми видами. Это информационный, аналитический, публицистический и художественный материал. Так, в феврале 1936 г. в нескольких номерах Правды публиковался материала, освещавший Всероссийского ход совеща- ния животноводов. Выступления казаков в прессе дают интересный матери- ал, позволяющий увидеть официальные настроения в их среде, подаваемые в контексте активного сотрудничества с властью. То же можно сказать и об освещении в прессе больших форумов с участием казаков Северо- Кавказского и Азово-Черноморского краев, которые завершали масштабные акции конных переходов казаков. Материалы печатных СМИ позволяют определить характер и формат взаимоотношений власти и казачества.

Освещение участия казаков в крупномасштабных кампаниях, таких как развитие движения ворошиловских кавалеристов, призвано было продемон- стрировать советскую природу казаков, а также позволяло изучить направле- ния развитие коневодства в СССР.

Большой интерес представляют и материалы, связанные с показом каза- чьей культуры и широкой ее пропагандой в определенные периоды времени.

Здесь присутствуют заметки о выступлении казачьих ансамблей, создании казачьих хоров, участие казаков военно-спортивных играх, позволяющих демонстрировать чудеса джигитовки. Встречаются публикации поэтических произведений, воспевающих отказ казаков от своего прошлого и приобщение их к новой светлой советской жизни.

Таким образом, материалы газет позволяют понять, как власть конструировала образ нового советского казака, к каким приемам прибегала.

При обращении к тем или иным видам источников следует также учитывать не только их видовую классификацию, но и создателя документов. В данном случае мы имеем дело с документами, созданными партийными структурами, советскими структурами и органами ОГПУ. Если советские источники нередко дублировали партийные, выполняли партийные указания, то у органов ОГПУ были свои задачи. Секретная информация в них, особенно об общественных настроениях в среде казачества имела менее позитивный характер, содержала более жесткие оценки. Таким образом, нормативно-правовые источники позволяют сформировать представление о ведущей политической линии в отношении казачества 1920-х–1930-х гг., делопроизводственные – оценить реальные результаты этой политики, а документы ОГПУ критически оценивать успехи советизации казачества.

Итак, источниковый материал по периоду 1920-х–1930-х гг. позволяет в полной мере раскрыть специфику участия казаков в общественной системе СССР, выяснить цели и результаты политики органов власти по вовлечению казаков в партийное и советское строительство.

Источниковая основа изучения взаимоотношений власти и казачества в постсоветский период имеет особенности. Во-первых, в отличие от периода середины 1920-х – начала 1940-х гг., когда для определения предмета источникового поиска ещё возможно было руководствоваться неофициально сохранявшимися социальными границами и характеристиками казачьего сообщества (бывшие территории казачьих войск, относительная стабильность населения на этих территориях, продолжающаяся трансляция культуры, со-

храняющаяся идентичность), период 1990-х – конца 2000-х гг. уже не давал возможности так выделять объект и предмет для проведения источникового поиска. Социальных границ казачьего сообщества больше не существовало, культура и идентичность были серьёзно размыты, границы этнографической группы не подходили для решения задач исследования. Таким образом, главная сложность заключалась в определении казачества, так как от этого зависело выявление круга источников информации.

Во-вторых, политика государства в отношении казачества в конце XX – начале XXI в. определялась ходом развития возрождения. Таким образом, выявление источников официального характера (нормативно-правовой документации) ограничивалось сферой взаимодействия казачьих обществ с властью. Необходимо проводить выборку документов, руководствуясь тем, на что (кого) были направлены действия власти (поддержка или ограничение деятельности казачьих обществ).

Изучение возрождения казачества имеет и другие особенности. В ходе почти его тридцатилетнего развития возникло огромное количество разнообразных документов и материалов, связанных как с жизнедеятельностью казачьих обществ, так и с деятельностью власти в отношении казачества, определении видов и направлений и возможностей развития процесса.

Нормативно-правовые источники. Законодательные и подзаконные акты с 1991 г., с момента выхода Закона о реабилитации репрессированных народов, определяют границы правового поля возрожденческого процесса. В различные периоды развития данного процесса динамика правотворчества и характер документов в отношении него менялся.

При формировании правовых границ возрождения важное значение имела разработка федеральных законов, которые устанавливали бы статус казачества. В определении природы возрожденческого процесса и вектора его развития важную роль сыграли такие законодательные акты, как Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов», принятый в 1991 г. и Указ Президента РФ «О мерах по реализации Закона Российской Федерации

«О реабилитации репрессированных народов в отношении казачества». В первом случае казаки официально получили статус «народ» в этническом понимании. Во втором случае были определены базовые характеристики получения этого статуса и возможности которые он давал. Также в 1992 г. вышло Постановление Верховного Совета Российской Федерации «О реабилитации казачества». Документ в основных положениях повторял Указ Президента, но был больше ориентирован на формулировку ключевых принципов процесса возрождения. Таким образом, три документа в начале 1990-х гг. стали базой и инструментами по возрождению казачества. Эти документы способствовали усилению этнической тенденции возрождения. Конкретные формы возрождения, которые должны были способствовать адаптации членов казачьих обществ к социально-экономическим условиям, предлагались в документе «Основные положения государственной политики по отношению к казачеству» (1994 г.).

В регионах юга России в 1990-х гг. также велось активное законодотворчество в отношении казачества. Принимались документы по самым разным вопросам: от решений по поводу выработки позиции региональной власти в отношении казачества, как, например Решение Президиума Ростовского областного Совета народных депутатов 1990 г. «Об отношении Советов народных депутатов, их исполкомов к возрождающемуся казачеству», до договоров об организации несения государственной и иной службы членами казачьих обществ. Документы позволяют получить представление об организационно-управленческих усилиях власти по вопросам возрождения, о мерах, принимаемых в отношении развития хозяйствования казачьих обществ, формировании земельных фондов, поддержке культуры. В некоторых регионах, таких как Краснодарский край, Республика Калмыкия принимаются региональные законы о казачестве¹. Определенные изменения, касающиеся статуса

¹ Закон Краснодарского края «О реабилитации кубанского казачества». Принят Законодательным собранием Краснодарского края 26.09.1995 г. // Сборник нормативно-правовых

казачества в регионах, вносились даже в Уставы субъектов федерации, например, в Устав Волгоградской области в 2012 г. Формулировки этих положений позволяют уточнить, как готовы были органы власти воспринимать казачество.

Ещё один важный вид документов Концепции государственной политики развития казачества, принимаемые на федеральном и региональном уровнях. На федеральном уровне такие документы принимались в 1994 г. – «Основные положения концепции государственной политики по отношению к казачеству», а также в 2008 г. – «Концепция государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества». Изучение положений данных документов позволяет выявить вектор развития государственной политики, изменения в понимании роли казачества со стороны государства.

Кроме этого, выходили целевые программы развития казачества, различные ведомственные акты, принимаемые министерствами. Их характер и область действия также позволяют раскрыть специфику развития казачества и формы поддержки его со стороны власти. Например, в 1995 г. было принято Постановление Правительства Российской Федерации «О порядке привлечения граждан к охране государственной границы». В 1999 г. вышла Федеральная целевая программа государственной поддержки казачьих обществ на 1999–2001 годы, утвержденная Правительством РФ. Пункты программы содержали информацию о поддержке различных форм деятельности, приложения позволяют изучить финансовое обеспечение различных мероприятий.

По оценке Т.В. Таболиной в период с 1991 по 1999 гг. было принято 80 нормативно-правовых актов по вопросам казачества, причём их создание шло по нарастающей. Примерно за тот же период ещё 275 нормативно-правовых актов вышло в субъектах Российской Федерации¹. Также Т.В. Та-

актов Российской Федерации и Краснодарского края, принятых в отношении казачества. Краснодар, 2003. С. 163–167.

¹ Таболина Т.В. Казаки: драма возрождения. 1980–1990-е годы. М., 1999. С. 101, 102, 103.

болина отмечает, что нередко правовые акты отражали ситуативные потребности, издавались под решение какой-нибудь конкретной организационно-финансовой проблемы.

Анализ нормативно-правовой базы постсоветского периода ограничен хронологическими рамками до 2008 г. К этому моменту в направлении государственной политики в отношении казачества произошли серьезные изменения, отразившиеся в законодательной базе. Они были отражены в Федеральном законе о государственной службе российского казачества, 2005 г. и Концепция государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества в 2008 г. К наиболее значимым нормативно-правовым актам следует отнести Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Положения о порядке принятия гражданами Российской Федерации, являющимися членами казачьих обществ, обязательств по несению государственной и иной службы» (2009 г.) и соответствующее положение к нему. В этих документах вопрос о государственной и иной службе казачества, поднятый и определенный в правовом поле в середине 1990-х гг., регулировался уже в соответствии с новым законом о казачестве и в новых социально-политических реалиях.

Все нормативно-правовые документы, за исключением ведомственных актов, публиковались как в официальных источниках, в системе «Гарант» или «Консультант плюс», так и в сборниках документов, регулярно выпускаемых структурами, курирующими развитие казачества в регионах. Особый интерес представляют проекты Закона о казачестве, выходявшие во второй половине 1990-х гг. Некоторые из них, как законопроект 1997 г., прошедший несколько чтений в Государственной Думе, публиковался в сборниках материалов Главного управления казачьих войск при Президенте Российской Федерации. Такие законопроекты нередко поступали для рассмотрения и внесения предложений в войсковые казачьи общества и составляли текущие архивы данных обществ.

Программные и уставные документы общественных организаций. К документам программного характера, содержащих концептуальные положения возрожденческого процесса, относятся резолюции Больших кругов казачьих организаций, прежде всего всесоюзного или регионального масштаба, Решения Советов Атаманов, Декларации казачьих съездов. На начальном этапе возрождения такие документы носили не рутинно делопроизводственный, а идеолого-концептуальный характер, как Декларация казачеств России, принятая Советом Атаманов Союза казаков 30 ноября 1990 г.¹ В решениях и резолюциях таких коллегиальных органов, как Советы атаманов, объединявших руководство казачьих организаций различных регионов, отразилась реакция казачества на ключевые проблемы, которые затрагивали не только казаков, но и в целом российское общество, формировали новую экономическую и политическую реальность. К таким вопросам относилась, например, приватизация, в особенности земельная, участие казаков в органах власти и т.п.

Первые уставы казачьих обществ относятся к периоду 1990–1992 гг. В это время происходило формирование движения за возрождение казачества, складывались первые организации, определялись цели их деятельности, функции, которые готовы были выполнять казаки. Формулировки уставных документов позволяют определить ценностные и целевые установки участников возрожденческого процесса, а также географию распространения движения. Наибольшая коллекция уставов находится в фонде ГАРФ № 10144. Это фонд Общероссийской организации «Союз казаков». Сам фонд представляет собой уникальное собрание документов, связанных с деятельностью первой казачьей организацией всероссийского масштаба.

Ряд документов уставного характера сохранился в архивах казачьих обществ и личных коллекциях участников возрожденческого процесса. Как правило, это относится к 1990-х гг. Такие документы отражают процесс фор-

¹ Декларация казачеств России... С. 274–276.

мирования казачьих обществ, например резолюции Учредительного круга Союза казаков Области войска Донского, опубликованные в обзорной работе о зарождении казачьего движения на Дону¹. Документы учредительного характера Всекубанского казачьего съезда 1990 г., а также Устав Кубанской казачьей Рады 1990 г. и Всекубанского казачьего войска 1993 г. содержатся в ГАКК в фонде Р-1843.

Также интерес представляют учредительные и уставные документы отдельных казачьих обществ, формировавшихся самостоятельно в районах и городах Астраханской, Волгоградской, Ростовской областей и Краснодарского края. Они позволяют определить наличие инициативы на местах, степень её поддержки среди населения казачьих районов, что предлагалось для развития казачьего движения, кто становился во главе таких организаций и многое другое, позволяющее оценить масштаб движения, определить его характер, динамику развития. Примером таких документов может служить Протокол учредительного Большого круга Донских казаков Волгограда 1990 г., находящегося в ЦДНИВО, в фонде 13322 «Общественно-патриотическая организация «Волгоградский округ донских казаков».

С середины 1990-х гг., после создания реестра казачьих обществ, Уставы войсковых казачьих обществ начнёт утверждать Президент Российской Федерации. Положения уставов, цели казачьих обществ претерпят трансформацию. Таким образом, изучение данных документов, как и нормативно-правовой базы казачьего возрождения позволяет выявить эволюцию процесса уже с позиции самих казаков.

Делопроизводственные документы. В этом виде источников следует выделить документы казачьих обществ. Группа документов делопроизводственного характера обширна и разнообразна. Она включает материалы, отражающие формирование и развитие казачьей службы. Это, прежде всего, сведения о создании казачьих дружин, их деятельности по охране обще-

¹ Водолацкий В.П., Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Возрождение: Первый круг казаков Дона. Ростов н/Д, 2006. С. 66–92.

ственного порядка, формировании списков казаков призывного возраста для отправки их в военные части, которые получали статус «казачьих», рекомендации станичным и юртовым атаманам о взаимодействии с военкоматами. Можно выделить группу документов, содержащих информацию об экономической деятельности казачьих обществ: создание экономических структур и предприятий, казачьих банков и казачьих бирж, формирование земельных фондов и др. Важным моментом является то, что содержание этих документов позволяет выделить тенденции хозяйственного развития модернизационного и напротив, консервативно-традиционного характера. Иными словами, в документах отразились временные приоритеты хозяйственной деятельности участников казачьего возрождения, раскрывающие переход от модернизационных экономических форм (казачий банк, например) к традиционным (попытка восстановления войскового общинного землепользования через формирование войсковых земельных фондов).

Во второй половине 1990-х гг. появляются такие интересные в информационном плане документы, как табеля отчетов казачьих обществ. Они отражали численность казачьих обществ, численность тех членов обществ, которые брали на себя обязательства по несению различных видов службы. Анализ таких табелей позволяет выявить наиболее востребованные виды казачьей службы, динамику изменения численности казачьих обществ, возрастной состав. Интересной является и такая деталь, как учет в обществах не только непосредственно мужчин-казаков, выполнявших обязательств по несению службы, но и членов их семей.

Важными, с точки зрения исследования динамики и качества развития процесса возрождения, являются отчёты атаманов войсковых казачьих обществ. Такие отчеты, как правило, содержат комплексную информацию, отражающую различные стороны: организационно-структурное совершенствование, взаимодействие с органами власти, экономическая деятельность, деятельность по сохранению и популяризации казачьей культуры, и т.д.

Интересный вид документов, отражающих деятельность участников возрождения, составляют письма в органы власти. В числе таковых, например, переписка с представителями военных структур о формировании казачьих военных частей, участии казачества в охране границы, создании приграничных казачьих поселений¹. Переписка с представителями областных и краевых администраций по вопросам экономической деятельности казачьих обществ (организация предприятий, формирование земельных фондов и т.п.).

Периодическая печать. Это, прежде всего газеты, которые выпускались под эгидой казачьих обществ. Их количество и разнообразие менялись на протяжении всего возрожденческого процесса. Среди наиболее известных: «Казачьи ведомости Союза казаков России», «Донские войсковые ведомости», учредителем которых является Войсковое казачье общество «Всевеликое войско Донское», газета «Казачий Терек», учредителем которой являлось Терское казачье войско, общеказачья газета «Станица». Значительное количество материала, отражающего социальные, политические, экономические и культурные вопросы возрождения донского казачества содержится в газете «Казачий круг». Газета выходила с начала 1990-х гг. на территории Волгоградской области. В 2000-х гг. учредителем стал Комитет по делам национальностей и казачества Администрации Волгоградской области.

Среди периодических журналов с казачьей тематикой одним из самых известных является журнал «Казачьи», который стал выходить с 2003 г. и имел характер общеказачьего. В его издании принимал участие Постоянный межгосударственный координационный совет (ПМКС) казаков Беларуси, России и Украины. Здесь превалировал материал социально-политического характера, подаваемый в русле концепции «мягкой силы», когда через образ казачьего единства шло продвижения российских интересов в ближнем зарубежье. В контексте диссертационного исследования особый интерес представлял материал, в котором освещались Всемирные конгрессы казаков.

¹ ГАРФ. Ф. 10144. Оп. 1. Д. 23. Л. 8, 9, 115 и др.

В целом материалы периодической печати позволяют раскрыть, как в медийном пространстве отражаются процессы возрождения казачества. Информационный ракурс изданий, публикуемый материал позволяет выявлять оценочные нюансы возрождения, отношения к нему потомков казаков и официальных представителей казачества.

Социологические опросы. Другим видом источников, к которому нередко обращаются исследователи возрожденческих процессов являются материалы соцопросов. Эти опросы проводились на различные темы в контексте казачьего возрождения. Наиболее крупными массивами таких источников, являются материалы всероссийского социологического исследования «Современное российское казачество: политический, социальный, экономический портрет; анализ тенденций и прогноз развития государственной службы российского казачества», которое проводилось по заказу Минрегионразвития в 2008 г., а также материалы социологического исследования, проведенного в 2011 г. Южнороссийским филиалом Института социологии РАН.

Визуальные и аудиоисточники. Далее следуют материалы, собранные методом включенного наблюдения. Это аудиозаписи и фотоматериалы с казачьих кругов и других казачьих форумов, интервью с ветеранами возрожденческого движения и действующими атаманами, печатные издания в виде информационных листовок Всемирных конгрессов казаков, содержащих сведения о делегатах конгрессов, программки казачьих форумов, конференций и круглых столов, агитационные материалы казачьих организаций и др. Данные источники выходят за рамки исторического источника, они в большей степени являются материалами социокультурной антропологической сферы изучения.

В качестве таких источников в диссертационном исследовании выступают интервью со старейшими участниками казачьего движения, в том числе первыми атаманами казачьих организаций: интервью с первым атаманом волгоградской казачьей организации А.И. Бирюковым; первым атаманом Кубанского казачьего войска В. П. Грозовым; атаманом Калмыцкого казачьего

округа Э. Н. Манжиковым; одним из старейших представителей астраханского казачьего возрождения В.Л. Торопицыным. Также к аудиоисточникам относятся диктофонные записи, сделанные автором во время работы Большого круга Войскового казачьего общества «Всевеликое войско Донское» в 2008 г.

Нередко исследователи, соприкасаясь с деятельностью казачьих обществ, получали в руки интересные сведения, связанные, например, с атмосферой, царящей на казачьих кругах, информацию из докладов на представителей казачьего движения, уникальные визуальные материалы, позволявшие выявить скрытые политические интересы движения. К таковым можно, например, отнести плакат с территорией Войска Донского на одном из крупных казачьих форумов, проходившем в Новочеркасске в начале 2000-х гг. На данном плакате в территорию войска были включены Луганский и Донецкий округ, находившиеся на тот момент в составе Украины. Это свидетельствовало о сохранявшемся ирредентизме казачьего движения. Такие материалы позволяют уловить нюансы возрождения, не проявлявшиеся в официальных документах.

При изучении комплекса источников по казачьему возрождению конца XX – начала XXI вв. следует отметить, что исследователь является в данном случае современником событий. Данный статус дает уникальную возможность сформировать собственный комплекс источников по изучаемому явлению. К примеру, интервьюирование участников казачьего возрождения, сближает исследование по истории казачьего возрождения с направлением «устная история». Здесь многое зависит от выбора респондента, формирование вопросов интервью. Таким образом, возникает ситуация, когда историк сам создает свой источник. Особенно важным в этом случае оказывается формулировка цели и проблемы исследования, а раскрывающийся процесс, как правило, обогащен нестандартными и специфическими характеристиками, позволяющими по-иному увидеть происходившие события.

Итак, комплекс источников по теме представляемого исследования разнообразен по видовому составу и имеет качественные и количественные

особенности, специфику выявления в зависимости от изучаемого периода. Источники по периоду середины 1920-х – конца 1940-х гг. можно характеризовать как классические исторические источники, часть из которых является неопубликованными архивными документами. Источники по периоду 1990-х – конца 2000-х гг. частично можно охарактеризовать как классические исторические источники, частично неопубликованные и находящиеся в архивах, частично опубликованные в исследованиях по возрождению казачества в качестве документальных приложений. Но по данному периоду много источников, находящихся на стыке истории, антропологии и социологии. Их информационная ценность в том, что позволяет исследовать процесс возрождения с различных ракурсов. В целом представленный комплекс источников по своему многообразию и видовому разнообразию позволяет изучить различные периоды возрождения казачества комплексно и всесторонне, в соответствии с заявленными задачами.

1.3. Историография возрождения казачества в советский и постсоветский периоды: основные подходы к изучению

Раздел, посвященный анализу историографии возрождения казачества, имеет сложную структуру. Это связано, прежде всего, с периодизацией возрождения казачества, восстановления его участия в социальной системе советского, а затем российского общества. В связи с этим можно выделить исследования, в которых так или иначе рассматриваются проблемы социального бытия казаков в советский период, и исследования, в которых анализируется движение за возрождение казачества в постсоветский период. В свою очередь, работы по советскому периоду можно разделить на хронологические периоды с выделением особенностей проблематики по каждому из них. Исследования по возрождению в условиях постсоветской России также разделяются, как по проблемно-хронологическому принципу, традиционному для исторических исследований, так и по предмету исследования, и научной

области. По данному периоду много работ философского, социологического и политологического направления, а собственно исторических исследований мало.

В работах историков советского периода казачество, как собственно объект или предмет исследования отсутствует. Исключение составляют ряд работ второй половины 1920-х–1930-х гг. в которых заявлено изучение казачества, как участника социально-политических и экономических процессов указанного периода. Так, в работах М. Донецкого, И. Гольдентула, И.М. Клейнера, М.И. Лолы, И.И. Ульянова, В.Ф. Черного, Н.Л. Янчевского¹ рассматривались быт казаков, участие казачества в экономических процессах и выборах в Советы. Есть работы, посвященные истории казачества и современной его характеристике. В исследованиях второй половины 1920-х гг. встречаются историко-публицистические очерки о казаках, вопросы сословной розни с крестьянством, социальная характеристика казачества, направленная на разрушение мифа о казаках как привилегированном сословии.

Главной особенностью работ рассматриваемого периода является то, что они в большей степени могут быть отнесены к источникам, чем к работам историографического плана. Ряд их имеет очерковый характер, и они основаны на данных статистики, результатах социально-экономического обследования состояний казачьих станиц и, в целом крестьянско-казачьего населения на Юго-Востоке России. Также одной из характерных черт данных работ является их идеологическая заостренность. Период их написания – 1924–1927 гг. Это время проведения политики «Лицом к деревне» (а в казачьих областях политики «Лицом к казачеству»). Материалы, которые исполь-

¹ Донецкий М. Донское казачество (историко-публицистические очерки). Ростов н/Д, 1926; Гольдентул И. Земельные отношения на Кубани: краткий очерк. Ростов н/Д; Краснодар, 1924; Клейнер И.М. Действительность кубанской станицы: Материалы к VIII Кубано-Черноморской областной партийной конференции. Краснодар, 1924; Лола М.И. О кубанском казачестве. Ростов н/Д; Краснодар, 1926; Ульянов И.И. Казаки и советская республика. М.; Л., 1929; Чёрный В.Ф. Политика партии на Кубани в области землеустройства // На аграрном фронте. 1927. № 11–12. С. 159–177; Как живет и чем болеет деревня (По материалам комиссии по обследованию деревни на Юго-Востоке) / под ред. Н.Л. Янчевского. М.; Ростов н/Д, 1924.

зовались при написании многих работ, содержали результаты обследований, инициированных властью. В частности, исследователи пишут о работе в 1924 г.: комиссии Кубано-Черноморского обкома, комиссии по обследованию деревни Юго-Восточного бюро ЦК¹, комиссии при Северо-Кавказском крайкоме РКП(б) под руководством С.И. Комиссарова, целенаправленно занимавшейся исследованием казачьего вопроса в крае². Ее результаты лягут в основу исторического решения пленума ЦК ВКП(б), принявшего резолюцию «О казачестве».

На материалах комиссии Кубано-Черноморского обкома, обследовавшей ряд казачьих станиц в феврале–марте 1924 г., была опубликована брошюра «Действительность кубанской станицы»³. А результаты деятельности комиссии Юго-Восточного бюро ЦК партии вошли в сборник под редакцией Н.Л. Янчевского «Как живет и чем болеет деревня». Аналогичный характер имеет работа «Лицо донской деревни в 1925 г.», созданная на материалах обследований Донской контрольной комиссии и Донской рабоче-крестьянской инспекции⁴.

К этому направлению изучения казачества следует отнести работы И. М. Клейнера с описанием жизни кубанской станицы, подготовленной к работе VIII Кубано-Черноморской областной партийной конференции⁵, сборник материалов обследований донской деревни Донской контрольной комиссией и Донской рабоче-крестьянской инспекцией. Как правило, данные структуры изучали состояние партийных ячеек⁶.

Середина 1920-х гг. – период создания наибольшего количества материалов с казачьей проблематикой – характеризуется также развитием крае-

¹ Кузнецов В.А. Организация изучения станицы Дона и Кубани в 1920-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1999. С. 65–75.

² Перехов Я.А. Власть и казачество: поиск согласия (1920–1926 гг.). Ростов н/Д, 1997.

³ Кузнецов В.А. Указ. соч.

⁴ Лицо донской деревни в 1925 г. (по материалам обследований ДонКК и ДонРКИ). Ростов н/Д, 1925.

⁵ Клейнер И. Действительность кубанской станицы...

⁶ Лицо донской деревни к 1925 г. ...

ведческих исследований. В рамках этого направления появились работы по казачеству, в которых раскрывались историко-этнографические особенности этой группы населения. Краеведческие исследования этого периода затрагивали самые разные аспекты развития того или иного региона. Они позволяли увидеть то, что ускользало от взгляда официальных структур, применявших статистические и административные методы сбора информации. Краеведы нередко использовали метод наблюдения, обладали специальными знаниями об особенностях культуры, быта населения, что делало их исследования более детальными и точнее отражающими реальные настроения в тех же казачьих станицах¹. К историко-этнографическому направлению можно отнести работы М.В. Ключкова, В.Ф. Чистякова, М.А. Садиленко и др.².

Таким образом, период середины 1920-х–1930-х гг. с точки зрения историографии характеризуется тем, что исследования по казачеству Юго-Востока РСФСР можно рассматривать как источники, содержащие актуальную для того периода информацию по общественным настроениям, социальному поведению, экономическому развитию этой группы населения. Они позволяют выявить и политическую составляющую бытия казачества в середине 1920-х–середине 1930-х гг. Вместе с тем, политические установки середины 1920-х гг., направленные на включение казачества в процессы советского и социалистического строительства, затрагивали культуру и быт казаков, которые отныне не являлись запретными, а напротив их предлагалось популяризовать. Такой подход позволил провести ряд интересных этнографических изучений казачества.

Все историки отмечают отсутствие в 1940-х–1950-х гг. исследований, связанных с участием казачества в советском социалистическом строительстве. В начале 1960-х гг. появляются работы, в которых казачество является субъектом социально-экономических и социально-политических процессов,

¹ Кузнецов В.А. Указ. соч. С. 157.

² Ключков М.В. Краеведческая работа в станице на Кубани // Известия ОЛИКО. Краснодар, 1925. Вып. 9. С. 115–141; Чистяков В. Описание говора в станице Пашковской // Сб. ст. по экономике и культуре. Краснодар, 1927. Вып. 1. С. 28–37.

но предметами исследования являются такие процессы и явления, как коллективизация, классовая борьба, деятельность сельских Советов, вовлечение казачества в социалистическое и советское строительство и т.п. Данные темы рассматриваются в работах П.Г. Чернопицкого, В.Е. Щетнёва¹. Напрямую к казачьей теме обращался в этот период Я.А. Перехов, показавший на материалах Дона и Кубани, как казачество вовлекалось в процессы социалистического строительства². В 1960-х–1970-х гг. в связи с расширением проблематики исследования социально-экономических процессов в период социалистического строительства 1920-х–1930-х гг., развития научного интереса к теме новой экономической политики и коллективизации, выходят работы Э.Д. Осколковой, Е.Н. Осколкова и др. в которых процессы колхозного строительства изучаются на материалах Северо-Кавказского и Азово-Черноморского краев³. Казачество как специфическая общность в них не рассматривается, но так как часто речь идет о донских и кубанских станицах, можно говорить о скрытом присутствии его в данных работах. Историографическая ценность исследований этого периода для понимания ситуации с казачеством в период социалистического строительства заключается прежде всего в том, что анализ социально-экономических процессов и политического поведения населения на казачьих территориях позволяет получить представление о том, как казаки были вписаны в рамки советского общества.

В начале 1980-х гг. произошло несколько важных событий в сфере исторической науки, которые свидетельствовали о начавшихся изменениях в

¹ Чернопицкий П. Г. Сельские Советы Дона в период подготовки и проведения массовой коллективизации (1928–1931 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1963; он же. На великом переломе. Сельские Советы Дона в период подготовки и проведения массовой коллективизации (1928–1931 гг.). Ростов н/Д, 1965; Щетнёв В.Е. Классовая борьба в кубанской станице (1920–1927 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1967.

² Перехов Я.А. Политика Коммунистической партии по вовлечению казачества Дона и Кубани в социалистическое строительство (1920–1925 гг.). Дис. ... канд. ист. наук, 1966.

³ Осколкова Э.Д. Разработка партией лозунга «лицом к деревне» // Тезисы докладов на научной секции Северо-Кавказского совета по гуманитарным наукам. Октябрь 1962. Ростов н/Д, 1962; Осколков Е.Н. Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1977.

подходах к изучению казачества. В 1979 г. в научном совете Академии наук СССР (далее АН СССР) по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» была создана всесоюзная группа по истории казачества, руководителем которой стал известный ростовский историк А.И. Козлов. Сразу был поставлен вопрос о проведении всесоюзной научной конференции¹. Первая конференция состоялась в 1980 г. Организаторами выступили Академия наук СССР, Институт истории СССР Академии наук СССР и другие научные структуры. В рамках конференции обсуждались вопросы участия казачества в Октябрьской революции и Гражданской войне. В 1986 г. в Черкесске прошла вторая конференция на эту тему. По итогам конференций в 1984 г. и в 1988 г. вышли сборники материалов. Во вводной статье к первому сборнику руководитель авторского коллектива А.И. Козлов отметил, что публикуемые материалы являются итогом многолетней работы историков по проблемам казачества². Конференции стали важным событием в исследовании проблем новейшей истории казачества, создавая новый ракурс их изучения. Материалы конференций позволили начать формирование более достоверной и объективной картины прошлого казачества. Как отмечал А.И. Козлов, хотя введение в научный оборот нового исторического материала и проходило под знаком марксистско-ленинской идеологии, это был вынужденный маневр, который обеспечил продвижение вперед научной мысли³.

Вторая половина 1980-х гг. – это время переломное для советской эпохи в целом. В рамках исследования казачьей истории этот период интересен тем, что активизируется интерес в целом к феномену казачества. Исследователи отмечали усиление внимания к казачьей традиционной культуре, фольклору, в этот период на волне развития реконструкторского движения возникают казачьи исторические клубы. С точки зрения методологии историче-

¹ Козлов А.И. Возрождение казачества. С 14–15.

² Казачество в Октябрьской революции и гражданской войне. Материалы Всесоюз. науч. конф. Черкесск, 12–13 ноября 1980 г. / отв. ред. И.И. Минц. Черкесск, 1984. С. 3.

³ Козлов А.И. Возрождение казачества... С. 15.

ской науки фиксируется пересмотр мнений и оценок в отношении коллективизации, развития советской деревни, взаимоотношения власти и крестьян.

В исследовании советского периода в истории казачества историографическим новаторством стала работа Г.Л. Воскобойникова и Д.К. Прилепского «Казачество и социализм», вышедшая в 1986 г.¹ В работе освещался период с 1917 по 1945 гг. и поднимались вопросы вовлечения казачества в социалистическое строительство. В данной монографии казачество не «спрятано» среди других групп сельского населения. Оно рассматривается как субъект взаимоотношений с властью. Отмечается специфика развития социально-экономических процессов на казачьих территориях, в частности острая классовая борьба в период коллективизации на Дону и Кубани. В исследовании были намечены многие вопросы, которые впоследствии развивались историками, например политика в отношении реэмигрантов-казаков, вовлечение казаков в деятельность Советов, изучение проблем на казачьих территориях, мешавших активно привлекать казаков к советскому строительству в середине 1920-х гг. Впервые освещение в работе получил вопрос привлечения казачества на военную службу в 1930-х гг. и его участие в укреплении обороны страны, участие казаков в Великой Отечественной войне². Однако, это было лишь приближение к системному изучению советского периода в истории казачества, в связи с чем авторы отмечали очерковую форму своей работы.

Конец 1980-х – начало 1990-х гг. ознаменован, с одной стороны кризисом марксистско-ленинской идеологии и сменой методологической парадигмы в исторической науке, с другой – глубинной трансформацией общественно-политических процессов, оказавших влияние на формирование новых взглядов на советское прошлое и новых подходов к его изучению. Развернувшееся в конце 1980-х гг. движение за возрождение казачества резко акту-

¹ Воскобойников Г.Л., Прилепский Д.К. Казачество и социализм: исторические очерки. Ростов н/Д, 1986.

² Воскобойников Г.Л., Прилепский Д.К. Казачество и социализм... С. 118–156.

ализировало внимание к казачьей тематике в истории. Особенностью развития исследований по казачьей истории советского периода стал резкий поворот в выборе тем. В центре внимания теперь – казачество в системе антибольшевистских сил, репрессии в отношении казаков со стороны власти, рассказывание как наиболее болезненная тема исследования. Открытие архивов и спецхранов библиотек позволило ввести в научный оборот много новых документов, история казачества периода февральской и октябрьской революций, Гражданской войны, становления советской власти предстала совершенно в новом свете. Однако, несмотря на такой массив новых источников и возможности новых подходов к изучению истории казачества, тема взаимоотношений казаков и власти в советский период практически не рассматривалась. Точнее, рассматривались лишь отдельные сюжеты, связанные, как правило с рассказыванием и репрессиями в отношении казаков.

Новый этап в историографии казачьей темы, научное осмысление и превращение в научное знание той информации, которая стала доступна специалистам, привели к формированию исследовательских направлений в истории казачества и научных школ. По проблемам социально-политической истории казачества XX века на юге России во второй половине 1990-х гг. возникла в Краснодаре научная школа В.Н. Ратушняка, значительное место в которой занимали исследования, связанные с историей кубанского казачества. Валерий Николаевич Ратушняк не раз высказывался по проблемам изучения истории казачества, выступал организатором и руководителем научных конференций, посвященных российскому казачеству. Также в поле его зрения оказывались и проблемы казачьего возрождения научного и практического характера, он оказывал консультативную помощь руководителям казачьего движения¹.

Научная школа А.И. Козлова сложилась в г. Ростове-на-Дону. Исследуя социально-экономические и политические проблемы юга России накануне

¹ Матвеев О.В., Матющенко П.П. Историк Валерий Николаевич Ратушняк. URL: <http://www.slavakubani.ru/content/detail.php?ID=2526> (дата обращения: 31.03.2021).

Октябрьской революции, А.И. Козлов еще в конце 1970-х гг. инициировал создание нового научного направления по исследованию казачества и основал школу казаковедения¹.

В Волгограде в этот период в НИИ проблем экономической истории России XX в., возглавляемом М.М. Загорулько, в рамках основной программы «Актуальные проблемы экономической истории России XX века» разрабатывается научно-исследовательский проект «Этнокультурные особенности хозяйственной истории казачества на Дону и нижней Волге в XV – XX веках». Исследовательскую группу проекта, объединившую историков, этнографов, экономистов, юристов, возглавил И.О. Тюменцев².

В 1993 г., 1995 г., 1996 г. проходят международные конференции, посвященные истории и культуре казачества. В работе этих конференций принимали участие историки, этнографы, политологи, философы, музейные и архивные работники³. Впервые на этих конференциях была сделана попытка концептуально и с новых методологических позиций подойти к анализу проблемы расказачивания и геноцида в отношении казаков. Наиболее острые дискуссии и повышенное внимание вызывали исторические сюжеты, связанные с гражданской войной и формированием казачьих государственных образований на юге России в этот период, деятельность казачьей эмиграции в 1920-х – 1930-х гг., политика расказачивания⁴. Советский период включал в

¹ Скорик А.П. Он многое успел...Памяти Александра Ивановича Козлова (1930–2009) // Донской временник. 2009. № 18. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m14/2/art.aspx?art_id=702 (дата обращения: 31.03.2021).

² Вступительное слово Директора НИИ проблем экономической истории России XX в. профессора М.М. Загорулько // Казачество: прошлое и настоящее: Сб. науч. тр. Волгоград, 2000. С. 6.

³ На материалах первой международной конференции по казачьей проблематике, прошедшей уже в постсоветской России в г. Анапе в 1993 г. был издан сборник научных трудов «Проблемы истории казачества». Волгоград, 1995.

⁴ Венков А.В. Государственные образования в казачьих областях в 1918–1920 гг. // Возрождение казачества (история, современность, перспективы). Тезисы докл., сообщ., выступл. на V Междунар. (Всерос.) науч. конф. Ростов н/Д, 1995. С. 64–65; Кондрашенко О.В. Политическая эволюция Всевеликого войска Донского // Там же. С. 65–66; Кислицын С.А. О заключительном этапе «расказачивания» // С. 78–80 и др.

себя такие темы, как: служба казаков в Красной Армии в 1920–1930-е гг., взаимоотношения Советской власти с казачеством и крестьянством на Кубани в начале 1920-х гг., развитие сельскохозяйственной кооперации на казачьих землях, социальный облик казачества в 1920-е гг., украинизация на Кубани и др.¹

В середине 1990-х гг. ростовские историки Я.А. Перехов и С.А. Кислицын развивают тему политики советской власти в отношении казачества в 1920-х–1930-х гг. Их точки зрения на происходившие тогда процессы в казачьих станицах можно назвать диаметрально противоположными. Так, С.А. Кислицын исследовал социальные и политические процессы на казачьих территориях в рамках концепции расказачивания. Данное явление рассматривалось прежде всего, как процесс социальной трансформации, в ходе которого происходила десословизация казаков, лишение их специфических социальных и культурных характеристик. Репрессии и меры социальной поддержки, чередуемые властью, были инструментами по превращению казаков в часть советского общества². Кислицын выделил несколько этапов расказачивания, показав, как постепенно власть переходила от открытого террористического расказачивания к латентному³.

С другого ракурса рассматривал взаимодействие казачества и власти Я.А. Перехов. Проблема интеграции казачества в советскую действительность впервые была поднята историком в середине 1960-х гг. в ходе изучения политики большевиков по вовлечению казачества юга России в процессы социалистического строительства. Позднее, в 1990-х гг. Перехов раскрывает взаимоотношения казаков и большевистского руководства с позиции поиска

¹ Воскобойников Г.Л. Казачество в Красной армии в 20-е–30-е гг. XX в. // Кубанское казачество: три века исторического пути. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Ст. Полтавская Краснодарского края. 23–27 сент. 1996 г. Краснодар, 1996. С. 50–54; Баранов А.В. Амнистии казачества в 1925 г.: исторический опыт // Там же. С. 9–12; Кураев В.Д. Советская власть и казачество на Северном Кавказе (1921–1927 гг.) // Там же. С. 130–133 и др.

² Кислицын С.А. Государство и казачество: сотрудничество и конфронтация // Проблемы казачьего возрождения. Сб. науч. ст. В 2-х ч. Ростов н/Д, 1995. Ч. I. С. 15.

³ Кислицын С.А. Указ и шашка: Политическая власть и донские казаки в первой половине XX века. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2015.

возможностей создания гражданского мира. Не отрицая мирного экономического рассказывания, Я.А. Перехов подчеркивает, что большевики стремились достигнуть с казаками политического и экономического согласия. Такой подход, по его мнению, диктовался объективными условиями геополитической ситуации на Северном Кавказе и необходимостью стабилизации региона, а также для успеха социалистического строительства¹.

Исследование Я.А. Перехова затронуло ряд важных вопросов в области изучения казачества, как социального феномена 1920-х–1930-х гг. и обозначило связь этой исследовательской области с другими, такими как, влияние НЭПа на социальные процессы в крестьянской среде, политические аспекты взаимодействия большевистской власти с крестьянством, социальные процессы и процессы системной модернизации и социальной трансформации в России в 1920-х–1930-х гг. Эти проблемы (с учетом казачьей специфики) получают всестороннее изучение в дальнейшем.

Значительный вклад в исследование истории казачества 1920-х – 1930-х гг. внес краснодарский историк В.Е. Щетнёв. Занимаясь в советский период темой классовой борьбы в кубанской станице в 1920-е гг., позже В.Е. Щетнёв направил научный интерес на проблему рассказывания².

Многоукладности как важнейшей характеристике общественного развития на Северном Кавказе в период НЭПа посвящена работа А.В. Баранова. В его работе на расширенной источниковой основе исследуются действия казачества и крестьянства в ответ на политику власти: повстанческие выступления, предвыборная активность, как и развитие общественного мнения³.

Снятие идеологических ограничений и господства классового подхода в исследовании социальных процессов XX в. позволило вернуться к изуче-

¹ Перехов Я.А. Власть и казачество: поиск согласия...

² Щетнёв В.Е. Кубанская станица до коллективизации сельского хозяйства // Великий Октябрь и социально-экономические преобразования на Кубани. Краснодар, 1974. С. 53–104; он же. Рассказывание как социально-историческая проблема // Голос минувшего. Краснодар, 1997. № 1. С. 18–22.

³ Баранов А.В. Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. Краснодар, 1999.

нию казачества как социальной общности, учитывая специфику сословной природы, определявшей в значительной степени настроения и действия казаков в 1920-е гг. Новым в методологии изучения казачества становится учёт его субэтнических характеристик. Казачество становится самостоятельным субъектом исторического процесса в историографии.

В целом такой ракурс изучения казачества был характерен в конце 1990-х – начале 2000-х гг. для исследований по истории взаимоотношений крестьянства и власти в период проведения социального эксперимента «коллективизация». В это время формируется новый взгляд на социальный протест крестьянства, который характеризуется как квазигражданская война. Это был новый подход в исследовании социальных процессов периода социалистической модернизации. По мнению Л. Виолы, исследования крестьянского бунта эпохи Сталина представляют собой попытку «восстановить утраченную главу советской истории»¹. Парадоксальным итогом этих исследований стали выводы о том, что проявление конфликтогенного потенциала казачества было не столь интенсивным, как ожидалось, казачество устало, лишилось наиболее активных своих членов и уже было неспособно к организованному массовому протесту.

Конец 1990-х – начало 2000-х гг. – время развития нового подхода, в рамках которого социальные общности в России в XX в. рассматриваются в рамках концепции системной модернизации и трансформации. Революции, Гражданская война, социалистическое строительство, коллективизация – все эти феномены являлись результатом глобального изменения подсистем общества и государства, одновременно они рассматривались как инструменты, трансформирующие социальную действительность.

Развитие колхозной деревни юга России в контексте модернизации исследовал В.А. Бондарев. Под фрагментарной модернизацией он понимает неполные незавершенные преобразования в советской деревне, их воздействие

¹ Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М., 2010. С. 9.

на социальные структуры и сферы общественно-экономического развития. В качестве задач исследования В.А. Бондарев рассматривает анализ влияния коллективизации на процесс трансформации казачье-крестьянской общности, изменение всей социокультурной системы колхозной деревни. Поскольку, по мнению автора, фрагментарная модернизация нередко вызывала и обратный вектор развития, то следует учитывать влияние возникавших социальных конфликтов на модернизационные процессы¹. Идея фрагментарной модернизации и формирование под ее воздействием множества типов хозяйственных систем на юге России, содержится также в работе В.А. Бондарева, посвященной коллективизации и развитию деревни в 20-х–30-х гг. XX в.²

С другого ракурса исследовала социально-экономическое и политическое развитие доколхозной деревни периода НЭПа Т.В. Панкова-Козочкина. Ее главной идеей стала поливекторность этого развития, в котором присутствовали традиционные образцы в сфере самоуправления и хозяйствования и внедрялись модернизационные формы советского управления и элементы инновационных форм хозяйствования. Так как данный подход применялся к изучению казачье-крестьянского хозяйства юга России, то исследования Т.В. Панковой-Козочкиной позволяют получить системное представление о том, как казачество инкорпорировалось в этот период в новые социально-экономические отношения и политические формы взаимодействия с властью³.

В контексте теории модернизации исследовал процесс взаимодействия власти и казачье-крестьянского населения в 1920-х гг. Ю.А. Яхутль. Ситуа-

¹ Бондарев В.А. Фрагментарная модернизация постоктябрьской деревни: История преобразований в сельском хозяйстве и эволюция крестьянства в конце 20-х – начале 50-х годов XX века на примере зерновых районов Дона, Кубани и Ставрополья. Ростов н/Д, 2005. С. 57–58.

² Бондарев В.А. Крестьянство и коллективизация. Многоукладность социально-экономических отношений деревни в районах Дона, Кубани и Ставрополья в конце 20-х – 30-х годах XX века. Ростов н/Д, 2006.

³ Панкова-Козочкина Т.В. Казачье-крестьянское самоуправление эпохи НЭПа: проблемы модернизации властных отношений на Юге России в 1920-е годы. Новочеркасск, 2014; она же. Казаки и крестьяне Юга России в 1920-х годах: социально-политическая жизнь и хозяйственно-экономическая деятельность: дис. ... д-ра ист. наук. Новочеркасск, 2016.

ция 1920-х гг., по его мнению, – это комплекс социально-экономических, культурных, бытовых и других трансформаций, происходивший в казачье-крестьянской среде. Формирование нового общественного сознания происходило в условиях столкновения традиций и новаций в южнороссийских станицах¹.

Несмотря на то, что в перечисленных работах казачество отдельно не изучается, работы дают комплексное представление о состоянии общественного развития, настроениях и поведении сельского населения районов юга России. Важным методологическим новаторством в этих работах является применение в качестве методологии исторического исследования концепции модернизации. Данная методология позволяет изучать историю казачества в новой системе координат.

В 2000-х гг. на новый уровень выходит изучение взаимоотношения власти и крестьянства в СССР в период проведения социалистической модернизации 1920-х – 1930-х гг. В 2000-х гг. выходит несколько системных исследований по истории казачества 1920-х – 1930-х гг. В них рассматриваются такие важные этапы советской истории казачества, как политика «Лицом к казачеству» середины 1920-х гг., развитие казачьего сообщества в 1930-е гг., феномен создания казачьих кавалерийских частей и их участия в Великой Отечественной войне.

Сквозь призму биографии М.А. Шолохова, его взаимоотношений со сталинским режимом рассматривает историю донского казачества в советский период А.И. Козлов. А.И. Козлову впервые на материалах архива ФСБ удалось проследить судьбу Х.В. Ермакова, которого считают прототипом

¹ Яхутль Ю.А. Трансформация взаимоотношений власти с казачеством и крестьянством в советской России 1921–1929 гг. (на примере Кубани и Дона): дис. ... д-ра ист. наук. Краснодар, 2020; он же. Казачьи хозяйства в условиях новой экономической политики 1920-х гг.: противоречия развития (по материалам Дона и Кубани) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 4. С. 124–134.

Григория Мелехова из романа «Тихий Дон», раскрыть трагизм ситуации в донских станицах в период НЭПа и коллективизации¹.

Проблемы взаимоотношений казаков с властью в 1920-х гг. всесторонне рассмотрел Р.Г. Тикиджьян. В ряде своих статей, посвященных формированию курса партийно-советского руководства «лицом к казачеству», ситуации в казачьих станицах в период НЭПа, эволюцию взаимоотношений власти и казачества во второй половине 1920-х гг., Р.Г. Тикиджьян раскрывает причины поворотов политической линии в отношении казаков и то, как реагировали казаки на действия власти². В совместной монографии А.П. Скорика и Р.Г. Тикиджьяна социально-политическим проблемы донского казачества в 1920-х гг. получают детальное рассмотрение. Можно сказать, что исследование является продолжением работы Я.А. Перехова, в котором рассматривался вопрос о поиске согласия между казаками и властью, однако ряд сюжетов данного периода рассмотрены более подробно. Авторы отмечали, что в работе они освещают ряд частных сюжетов и главной их целью является дополнить и уточнить существующие суждения³. Несмотря на заявленную очерковую форму изложения материала, в монографии представлена целостная картина жизни донских казаков во второе десятилетие XX в. Авторы показали, как менялись векторы взаимодействия казаков с властью в этот период. Центральной частью их исследования стала политика «лицом к казачеству», которая, по мнению исследователей, стала ключевым фактором в изменении

¹ Козлов А.И. М.А. Шолохов: времена и творчество. По архивам ФСБ. Ростов н/Д, 2005.

² Тикиджьян Р.Г. Донские казаки и советская власть во второй половине 1920-х гг.: от социального компромисса к «холодной конфронтации» // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009. № 5. С. 58–63; он же. Новая экономическая политика Советского государства и проблема представительства донских казаков в органах власти и самоуправления в 1920-е годы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. 2011. № 1 (19). С. 18–24; он же. Политика советского государства «лицом к деревне» и проблемы взаимоотношений казачества, крестьянского и иногороднего населения Дона в 1920-е годы // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. № 3. С. 46–50.

³ Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Донцы в 1920-х гг.: Очерки истории. Ростов н/Д, 2010. С. 9.

отношения казачества к большевистской власти и только с её помощью удалось достичь в этой сфере существенных позитивных сдвигов¹.

Особое внимание уделяется изучению крестьянского протеста в разные периоды становления советского строя. В этом направлении появляется ряд работ, посвященных протестным настроениям казачества. Исследуются причины, формы, масштаб и результаты выступлений казаков против действий большевистской власти. Казачьим выступлениям 1920–1922 гг. посвящены работы А.Н. Грищенко, Н.В. Кратовой, А.П. Сатаровой, В.Г. Ященко². В ходе этих исследований в научный оборот были введены новые источники, позволившие серьёзно пересмотреть характер участия казачества в «малой гражданской войне». В частности, А.Н. Грищенко показал, что казачество в основном принимало пассивное участие в повстанческом движении и нередко уклонялось от активного участия в действиях Махно³.

В работах А.В. Баранова, А.В. Венкова, С.А. Кислицына, А.П. Скорика, О.В. Рвачевой рассматриваются аспекты политических настроений и протестного поведения казаков в связи кампаниями по расширению НЭПа, проведению хлебозаготовок и объявлению «военной тревоги» в конце 1920-х гг., осуществлению коллективизации и раскулачивания. На обширном источниковом материале раскрываются особенности казачьего протеста и выявляются тенденции политического поведения казаков, а также меры, которые пред-

¹ Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Донцы в 1920-х гг. ... С. 236–239.

² Грищенко А.Н. «Да здравствует власть народная на принципах братства, равенства и свободы»: мятеж К.Т. Вакулина, повстанческая армия Ф. Попова // Крестьянский фронт 1918–1922 гг. Сб. статей и материалов. М., 2013. С. 529–549; он же. «Освободить народ от ига и плача»: повстанческое движение Григория Маслакова // От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожаков русской смуты. Сб. статей и материалов. М., 2014. С. 168–200; он же. «...Рядовую массу казаков влить в свою армию»: рейд махновской армии на Верхний Дон (сентябрь 1920 года) // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры. Сб. статей и материалов. М., 2015. С. 440–459; Кратова Н.В. Повстанческое движение на Кубани и в Пятигорье в начале 20-х годов XX века. Ростов н/Д, 2012; Сатарова А.П. Верховое казачество Дона в 1917-м – середине 1920-х гг. (на примере Усть-Медведицкого и Хопёрского округов): дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2018; Ященко В.Г. Хроника утаенного бунта: Антибольшевистское повстанчество в Нижнем Поволжье и на Среднем Дону (1918–1923). Изд. 2-е. испр. и доп. М., 2017.

³ Грищенко А.Н. «...Рядовую массу казаков влить в свою армию»... С. 448–449.

принимала власть, чтобы купировать наиболее опасные для нее формы протеста.

Изучение социально-экономических тенденций в северокавказском регионе в период НЭПа дало возможность А.В. Баранову выявить ещё один аспект проблемы новой экономической политики большевиков. Исследователь раскрывает противоречивые результаты кампании по расширению НЭПа и разворота власти «лицом к казачеству» на казачьих территориях. Кроме положительного эффекта вовлечения казаков в советское строительство, А.В. Баранов показал, что наряду с налаживанием диалога с казачье-крестьянской средой при осуществлении политики «Лицом к казачеству» проявились такие отрицательные эффекты, как усиление сословного сплочения казаков и попытки реализовать сословные интересы, противоречившие задачам советского строительства¹. Исследуя влияние «военной тревоги», политической ситуации, сложившейся в СССР в конце 1920-х гг. вследствие ухудшения международной обстановки, на настроения и поведение казаков, А.В. Баранов выявляет сложную конфигурацию политических ориентаций казаков².

В работах А.В. Венкова, А.В. Баранова и О.В. Рвачевой ситуация казачьих выступлений 1930-х гг. рассматривается в контексте превентивных мер ОГПУ по выявлению и ликвидации потенциальных условий противодействия власти. Так, в работе А.В. Венкова «Дело Сенина» или операция «Трест» на Верхнем Дону», борьба с контрреволюционными казачьими организациями проанализированы с точки зрения плановых мероприятий ОГПУ по выявлению шпионажа западных спецслужб в отношении СССР, а также в контексте действий власти по пресечению казачьих восстаний, связанных с недоволь-

¹ Баранов А.В. Политические настроения земледельцев... С. 112–125; он же. Терское казачество в условиях «расширения» новой экономической политики: изменения этнодемографической структуры и общественного мнения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 4. С. 114–123.

² Баранов А.В. «Военная тревога» 1927 г. как фактор развития политических ориентаций земледельцев Юга России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Астрахань, 2011. № 4 (29). С. 13–17.

ством коллективизацией¹. В другой своей работе, посвященной ситуации массовых репрессий в Азово-Черноморском крае в период Большого террора, А. В. Венков делает вывод о том, что антибольшевизм казаков в период гражданской войны делал их удобным материалом для разворачивания кампаний политических репрессий².

Исследуя протестные настроения донского казачества и формы их проявления, А.В. Баранов и О.В. Рвачева пришли к выводу, что, несмотря на наличие в казачьей среде социального протеста и неприятия многих мероприятий власти, протестный потенциал казаков сильно преувеличивался. Так называемые казачьи контрреволюционные организации, «выявленные» органами ОГПУ на Дону и в Нижнем Поволжье в конце 1920-х – 1930-х гг., на деле сфабрикованы этими же органами. Казачество не проявляло организованного массового протеста³. Некоторое исключение составляли выступления на хуторах против массовых выселений казаков. Но такие выступления являли собой спонтанный протест, и по своей структуре не отличались от аналогичных крестьянских выступлений⁴.

Анализируя взаимоотношения советской власти и казачества в конце 1920-х – 1930-х гг. в связи с проведением коллективизации и кампании по раскулачиванию, С.А. Кислицын отмечает протестную политическую активность казаков. Однако, в то же время С.А. Кислицын подчеркивает, что массового организованного протеста казаков не было. ОГПУ смогли эффективно

¹ Венков А.В. «Дело Сенина» или операция «Трест» на Верхнем Дону. М., 2016.

² Венков А.В. Союз троцкистов и белых казаков, или разгром партийно-советской верхушки в Азово-Черноморском крае в 1937 г. // Наука Юга России. Ростов н/Д, 2017. Т. 13. № 2. С. 79–90.

³ Баранов А.В., Рвачева О.В. Протестные настроения донского казачества и репрессивная политика власти конца 1920-х – 1930-х годов // Новейшая история России. СПб., 2018. Т. 8. № 3. С. 613–624.

⁴ Рвачева О.В. Коллективизация и раскулачивание в донских казачьих хуторах: на материалах хутора Вертячего Сталинградского округа Нижне-Волжского края // Великая российская революция в судьбах народов Юга России. Материалы Всерос. науч. конф. (с междунар. участием), посвященной 100-летию революции 1917 г. (г. Элиста, 13–14 сентября 2017 г.). Элиста, 2017. С. 190–197.

нейтрализовать наиболее активную часть оппозиционно настроенного казачества¹.

Две фундаментальные работы А.П. Скорика были посвящены изучению различных аспектов существования казачества в советской России в 1930-е гг.² Исследования способствовали расширению представлений о взаимодействии казаков с властью в этот период, впервые была дана характеристика ситуации середины 1930-х гг., когда власть вновь повернулась «лицом к казакам». При этом А.П. Скорик раскрывает сохранявшуюся противоречивость взаимодействий власти и казачества, отмечает ситуативность поведения обеих сторон при сохранявшейся стратегической линии партийно-советского руководства на расказачивание. Впервые сделана попытка анализа казачьей повседневности 1930-х гг. и поставлен вопрос о синтезе традиций и новаций в социокультурной системе казачества в этот период. Важным новаторским подходом в данных исследованиях является использование в качестве методологического инструментария теории социокультурных изменений, а также понимание казачества и как социальной группы, и как субэтнической.

Автор также стремился применить к исследованию социокультурных процессов, происходивших в казачьей среде в рассматриваемый период такую характеристику, как «возрождение», рассматривая мероприятия партийно-советского руководства в сфере привлечения казачества к военной службе в контексте возобновления использования военного потенциала казачества и восстановления некоторых элементов в социальной и хозяйственной сфере, поддерживающих воинскую культуру казаков³.

Для понимания того, как казаки адаптировались в советской системе, как и почему сохранялась их военная культура, важным является изучение

¹ Кислицын С.А. Указ и шашка. С. 296–298.

² Скорик А.П. Многоликость казачества Юга России в 1930-е годы: Очерки истории. Ростов н/Д, 2008; он же. Казачий Юг России в 1930-е годы: грани исторических судеб социальной общности. Ростов н/Д., 2009.

³ Скорик А. П. Казачий Юг России в 1930-е годы... С. 280–330.

роли советской конницы в системе вооруженных сил советского государства и казачьей кавалерии, как ее ядра. Рассматривая привлечение донского казачества к военной службе в территориально-милиционной системе в 1920-х гг., А.П. Скорик и Р.Г. Тикиджьян сделали два важных вывода: во-первых, что большевики, несмотря на политику расказачивания, стремились привлечь казаков к несению военной службы в кавалерии, во-вторых, что казачество охотно откликалось на это и приветствовало службу в кавалерийских территориально-милиционных частях, напоминая им прежнюю службу в качестве иррегулярных войск¹. Тему привлечения казаков к военной службе в 1930-х гг. развивает А.П. Скорик, отмечая, что партийно-советское руководство предприняло серьезные усилия, чтобы использовать потенциал и военно-патриотические традиции казаков для укрепления обороноспособности страны².

В историографии практически нет работ, посвященных проблемам существования казачества в советский период 1950-х – 1980-х гг. Объективными причинами такого положения является сложность в определении казачества как объекта исследования в это время. Социальный статус был утрачен, казачество стало частью сельского населения. Только во второе десятилетие XXI в. появилось несколько научных статей, в которых были сделаны попытки изучения казачества в 1950-е – 1960-е годы и в позднесоветский период. К таковым можно отнести работу М.А. Рыбловой об этапах социокультурной трансформации донского казачества, А.П. Скорика о жизнедеятельности донского казачества в начале 1950-х годов, В.А. Бондарева и Р.Г. Тикиджьяна о социокультурной трансформации донского казачества во второй половине 1940-х – 1980-х гг.³ При этом авторы признают сложность исследо-

¹ Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Указ. соч. С. 172.

² Скорик А.П. Казачий Юг России в 1930-е годы.... С. 366.

³ Рыблова М.А. Социокультурные трансформации на Дону (XVI–XXI вв.); Скорик А.П. Донское казачество в 1950-х гг. // Вопросы истории. 2013. № 1. С. 64–72; Тикиджьян Р.Г., Бондарев В.А. Этапы и тенденции социокультурной трансформации донского казачества

вания данного периода в связи с ограниченным количеством источников, исчезновением казачества из официального пространства советской действительности. Тем не менее окончательного растворения казачества в советской культуре не произошло, так как сохранялась бытовая традиция, а также яркие образы казачества присутствовали как напоминание в литературе и кинематографе¹.

Ситуация, развернувшаяся вокруг казачества и казачьего возрождения в конце 2000-х гг., когда явно обозначился среди самих участников процесса и со стороны государства запрос на позитивное представление казаков, повлияла на направления исследования проблематики темы «Советское казачество». Появилось несколько больших работ по теме участия казачества в Великой Отечественной войне в которых историческая фактура способствовала формированию представлений о патриотизме казачества. Создание казачьих кавалерийских дивизий и их роль в Великой Отечественной войне подробно рассмотрел Г.Л. Воскобойников². Вопросами участия советского казачества в составе кавалерийских корпусов в сражениях Великой Отечественной войны занимались также В.П. Трут и Г.М. Курков, А.Г. Бурмагин³.

Тема патриотизма казаков в Великой Отечественной войне нередко рассматривалась в оппозиционном сравнении с другой темой, вызывавшей в 1990-х – 2000-х гг. большой интерес у широкой общественности и казачества. Это тема казачьего коллаборационизма и участия в войне на стороне вермахта. Наиболее показательны в этом плане исследования П.Н. Крикуно-

(вторая половина 1940-х – середина 1980-х годов) // Научная мысль Кавказа. 2019. № 3. С. 68-74.

¹ Тикиджьян Р.Г., Бондарев В.А. Этапы и тенденции... С. 71.

² Воскобойников Г.Л. Казачество и кавалерия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ростов н/Д, 2007; он же. Советская конница в Великой Отечественной. М., 2008.

³ Трут В.П., Курков Г.Н. Военная энциклопедия казачества. М., 2009; Курков Г.Н. Верные долгу: казаки юга России в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг. 2-е изд., перераб. и доп. Краснодар, 2011; Трут В.П. Особенности формирования казачьих частей в период Великой Отечественной войны // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. 2010. № 3. С. 90–94; Бурмагин А.Г. Участие кубанских казаков в составе советских кавалерийских соединений в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2011.

ва, показавшего развитие казачьего коллаборационизма в эмиграции и результаты взаимодействия казачьих коллаборационистских структур с военным командованием на оккупированных территориях СССР и в Европе¹. Также этой темой активно занимались Е.Ф. Кринко и С.И. Линец, исследовавшие казачьи кавалерийские корпуса в составе Красной Армии, их боевой путь и уделившие внимание проблеме казачьего коллаборационизма, в том числе на оккупированных территориях².

Следует отметить исследования по вопросу поведения населения на оккупированных территориях. Изучение причин взаимодействия с оккупационными властями и форм такого взаимодействия на казачьих территориях позволяет получить более объективное представление о настроениях и действиях казаков, оценить их и сделать вывод о том насколько казачество стало советским и готово было им оставаться с приходом фашистских армий на их территорию. Весьма показательны в этом плане исследования Е.Ф. Кринко, Т.А. Павловой³.

Отдельной темой на сегодняшний день, почти не изученной, является казачья повседневность, быт и культура в советскую эпоху. Несмотря на то, что исследование повседневной жизни казачьих станиц даёт представление о социокультурной трансформации казачества в советскую эпоху, работ по данной теме очень мало. Сложность исследования заключается в определении, какую повседневность можно считать в этот период казачьей, и какие критерии изменений соблюдать. Условия жизнедеятельности казаков и крестьян больше не отличались друг от друга. Для историков задача оказалась

¹ Крикунов П.Н. Идеология и политика коллаборационизма в среде казачества в годы Второй мировой войны: дис. ... канд. полит. наук. М., 2004; он же. Казаки между Гитлером и Сталиным. М., 2005.

² Кринко Е.Ф. Казачество Юга России в годы Второй мировой войны // Очерки истории и культуры казачества Юга России. Волгоград, 2014. С. 346–364; Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития. Июль 1942 – октябрь 1943 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Пятигорск. 2004.

³ Кринко Е.Ф. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943 гг.). Майкоп, 2000; Павлова Т.А. Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве. Волгоград, 2005.

настолько сложна, что несколько вышедших работ С.Д. Багдасарян и А.П. Скорика были посвящены крестьянскому быту и крестьянской повседневности 1920-х гг. Авторы проделали большую работу, отобрав и систематизировав исторический материал по советским праздникам в станицах и сёлах, досуге, домашнем быте и т.п. и попытались скрупулезно выявить советские новации в культурной жизни казачества¹.

Однако тема повседневности, как таковая, требует междисциплинарного инструментария, так как раскрывается она в том случае, если выявляются структуры повседневности, приближающие к пониманию картины мира людей данной эпохи. Ближе всего к решению задачи подошли М.А. Рыблова и Т.С. Рудиченко. Применяв концепцию социокультурных трансформаций, М.А. Рыблова пришла к очень интересным выводам относительно того, как поменялось пространство народного праздника в советскую эпоху, семейных торжеств и т.п.² На материалах донской песенной традиции исследовала изменения в казачьей культуре Т.С. Рудиченко³.

Изучение социальных и культурных процессов, разворачивавшихся в советский период 1950-х–1970-х гг. в казачьих станицах, практически не было. Казачество, как социокультурный феномен ушло с исторической сцены. Даже те работы, которые появлялись сложно назвать исследованиями по истории казачества в данный период, так как выделить в них казачью специфику как объект исследования очень трудно.

¹ Багдасарян С.Д. Быт, труд и семья крестьян эпохи НЭПа: историческая повседневность южно-российской деревни в 1920-е годы. Новочеркасск, 2015; Багдасарян С.Д., Скорик А.П. Крестьянская повседневность эпохи нэпа: досуг и праздник в южнорусской деревне в 1920-е годы. Новочеркасск, 2012.

² Рыблова М.А. Народные праздники в процессах организации времени и пространства: на материалах донской казачьей традиции // Историческая разметка пространства и времени. Материалы семинара, провед. Волгогр. гос. ун-том при поддержке Фонда Ф. Эберта 13 мая 2014 года. Волгоград, 2014. С. 154–167; Рыблова М.А. Рудиченко Т.С. Трансформации культуры казачества Юга России в XX в. // Очерки истории и культуры казачества Юга России. Волгоград, 2014. С. 516–536.

³ Рудиченко Т.С. Донская казачья песня в историческом развитии. Ростов н/Д, 2004.

Начало процесса возрождения казачества, его вхождение в политические, социальные и культурные процессы российского государства сразу повлекли за собой исследование этого феномена. За более чем тридцатилетний период возрождения количество работ постоянно росло и на сегодняшний день представляет собой значительный пласт исследовательской литературы междисциплинарного характера. Феномен возрождения начали изучать сразу же, но это были не исторические, а социологические, политологические, юридические и даже философские исследования. Такая ситуация являлась закономерной, так как историку сложно анализировать явление, которому он современник. Исторические работы стали появляться спустя некоторое время.

Первые исследования, посвященные возрождению казачества начала 1990-х гг., были этнополитического характера. В них анализировалось участие казаков в общественно-политических процессах, идеи казачьего возрождения. В 1991 г. в серии «Исследования по прикладной и неотложной этнологии», издаваемой Институтом этнографии СССР, вышла работа С.К. Сагнаевой, посвященная, преимущественно, социальной и политической деятельности возрождаемых организаций уральского казачества¹. В 1992 г. в Институте этнологии и антропологии РАН на базе Консультативного совета по проблемам возрождения российского казачества была создана структура по изучению казачества, стала работать группа по вопросам возрождения российского казачества². В Санкт-Петербургском университете по комплексной программе «Народы России: 1991–1995. Возрождение и развитие» вышло несколько сборников. В 1995 г. в Институте истории и археологии Уральского отделения РАН вышло трехтомное издание «История казачества Азиатской России», в третьем томе которого содержался материал по воз-

¹ Сагнаева С.К. Состояние и перспективы развития межнациональных отношений в городе Уральске Казахской ССР. М., 1991.

² Казаки России. Прошлое. Настоящее. Будущее / редкол.: Ю.Б. Симченко (отв. ред.). М., 1992. Кн. 1.

рождению казачества на востоке страны¹. В небольшом разделе, посвященном возрождению казачества, авторы представили идеи казачьего возрождения и состояние нормативно-правовой базы движения, дали обзор основным тенденция развития казачества в современных условиях, обозначили проблемы раскола казачьих обществ, политизации движения². Все эти вопросы требовали более подробного анализа, но значимость представленного материала заключалась в системном подходе и демонстрации важности исследования в научно-практическом плане.

С середины 1990-х гг. проводятся конференции, посвященные истории и культуре казачества, в которых выделяется направление по проблемам возрождения казачества. Впервые данное направление обозначилось на Международной научной конференции в Анапе «Казачество в истории России» (1993 г.). На одной из секций были представлены доклады по вопросам участия казачества в общественно-политической жизни страны, а также состоялся круглый стол, главной темой которого являлось определение процесса, который происходил в российском обществе в среде тех, кто относил себя к потомкам казаков и участвовал в возрождении.

Первые итоги изучения и концептуального осмысления возрожденческого процесса в исторической научной среде начали подводить во второй половине 1990-х гг. В 1995 г. в Ростове-на-Дону состоялась Международная (Всероссийская) научная конференция «Возрождение казачества (история, современность, перспективы)». Участники конференции рассмотрели такие вопросы, как формы возрождения казачества, возможность воссоздания утраченных элементов социокультурной системы (казачьей общины, казачьей службы, казачьих войск)³, проблемы социо- и этнокультурной идентично-

¹ История казачества Азиатской России. В 3-х тт. / гл. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург, 1995. Т. 3.

² Там же. С. 193–205.

³ Козлов А.И. Проблемы казачьего возрождения... С. 4–6; Трут В. П. Проблема возрождения казачества... С. 6–7.

сти казаков и этносоциальной трансформации казачества¹. Большое внимание было уделено такому вопросу, как участие казачества в политических процессах, прежде всего, на юге России². Сформулировали участники конференции и рекомендации по развитию казачьего движения для власти, научного сообщества и самого казачества. Была отмечена необходимость разработки модели возрождения казачества, определение механизма его действия. Конференция задала значительный импульс исследованиям по истории казачества.

Наметились тенденции специализации в изучении темы. Например, стали проводиться ведомственные научные форумы с рассмотрением различных направлений в истории казачества, как научно-теоретический семинар «Основные этапы становления и развития пограничной службы России (к 425-летию образования пограничной службы)», на котором одним из актуальных вопросов была роль казачества в охране рубежей России (1996 г.)³. В рамках Всероссийской научно-практической конференции «Губернаторское управление в России. История, современность, будущее», проходившей в 1997 г. во Владивостоке рассматривались проблемы региональной политики в отношении казачества, структуры управления казачьими войсками на

¹ Бондарь В.В. О степени соотнесенности исторического и современного типов казачества // Возрождение казачества (история, современность, перспективы)... С. 10–11; Кожанов А.П. О возрождении казачества... С. 11–12; Хагуров А.А., Щетнёв В.Е. Казачий менталитет: прошлое и настоящее // Возрождение казачества (история, современность, перспективы)... С. 15–16.

² Хопёрская Л.Л. Казачество в расстановке политических сил на Юге России // Возрождение казачества (история, современность, перспективы)... С. 22–23; она же, Харченко В.А. Состояние казачьего движения в республиках Северного Кавказа // Возрождение казачества: надежды и опасения: Научные доклады. Московский центр Карнеги. Вып. 23. М., 1998. С. 87–103 Горяев П.И., Працко Г.С. Современное донское казачество в свете межэтнических и политических проблем региона // Возрождение казачества (история, современность, перспективы)... С. 25–26; Сарматин Е.С. Положение терского казачества в чеченской республике: проблемы идентификации // Возрождение казачества (история, современность, перспективы)... С. 26–27.

³ Таболина Т.В. Основные направления изучения казачества. URL: <http://archive.predistoria.org/index.php?name=News&file=print&op=PrintPage&sid=199> (дата обращения: 27.07.2020).

Дальнем Востоке¹. В 1998 г. прошли конференции, на которых углубленно рассматривались проблемы казачьего самоуправления и казачьей службы в современных условиях. К числу таковых относились: научно-практическая конференция «Становление казачьего самоуправления», которая прошла в Ростове-на-Дону, а также Всероссийская научно-практическая конференция «Государственная служба российского казачества: от Тихого океана до Тихого Дона», работавшая во Владивостоке.

Большое внимание во второй половине 1990-х гг. уделялось анализу причин конфликтности казачьего возрождения. Выявлению объективных и субъективных факторов, в результате которых казачество, особенно в южно-российских регионах, отчасти превращалось в дестабилизирующую силу в этнополитическом пространстве субъектов Российской Федерации. Следует отметить, что этнополитическое направление развития казачьего движения в 1990-е гг. было одним из наиболее проблемных, сосредоточивших большое количество непростых вопросов. В их число входили: стремление казаков получить статус репрессированного народа и связанные с этим преференции, вернуть утраченные территории, сформировать казачьи республики, столкновение с мигрантами и т.п. Противоречивость этнополитической ситуации в казачьем возрождении привлекала интерес ученых. Казаки на юге России являлись активными акторами этнополитических процессов. В 1990-х гг. эта активность нередко проявлялась в стремлении казаков заявить свои политические права на территориях традиционного проживания. Изучая рост политических конфликтов в южном регионе, авторы сборника «Политический экстремизм в России» показали, как действия участников казачьего возрождения в Ростовской области, связанные с требованиями закрепить приоритетное право казаков на бывшие территории Области войска Донского, при-

¹ Там же.

водили к нарастанию напряженности, конфликтам с властью и другими группами населения¹.

Двойственный характер участия казачества в общественно-политических процессах (стабилизационный/конфликтный фактор), в том числе связанных с этнополитическим противостоянием, отмечал В.А. Коренько². Три направления развития казачьего движения на юге России выделили Л.Л. Хопёрская и В.А. Харченко. Эти направления так или иначе содержат в себе этнополитическую подоплеку, поскольку связаны с тем, кем видят себя казаки в составе России. В их число входит казачий автономизм и «казачийство», т.е. стремление к созданию самостоятельных казачьих республик³.

В это же время казачьей проблематикой в научном контексте интересуется власть. В Санкт-Петербурге в 1999 г. под патронажем органов власти различного уровня прошла общероссийская научная конференция «Казачество как фактор исторического развития России». В ее работе приняли участие заместитель руководителя Администрации Президента Российской Федерации, представители федеральных и региональных властей, Вооруженных сил⁴. На конференции был сделан вывод о том, что казачество, как этнокультурная общность была восстановлена и вступала в новый этап своего существования⁵.

Вместе с тем, известный специалист по проблемам казачьего возрождения Т.В. Таболина отметила, что в конце 1990-х гг. происходило замедление динамики научных исследований по вопросам казачества, и, прежде всего, его современного состояния. Проблема современного казачества вышла из разряда первостепенных. Причины этого виделись Т.В. Таболиной в её

¹ Верховский А.М., Паин Э.А., Прибыловский В.В. Политический экстремизм в России. М., 1996. С. 185–191.

² Коренько В.А. Казачество в Ставропольском крае – фактор стабилизации или конфликтогенеза? // Возрождение казачества: надежды и опасения. Науч. докл. Моск. Центр Карнеги. Вып. 23. М., 1998. С. 104–138.

³ Хопёрская Л.Л., Харченко В.А. Состояние казачьего движения... С. 87–103.

⁴ Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Возрождение казачества в новой России... С. 185.

⁵ Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Возрождение казачества в новой России... С. 186.

сложности и противоречивости, невозможности добиться быстрого научного результата¹.

Вторая половина 1990-х – начало 2000-х гг. – период в историографии по теме казачьего возрождения, когда от описания отдельных событий и фактов начался переход к концептуальному осмыслению процесса. Исторических исследований по-прежнему было мало, так как для историка период развития событий являлся слишком коротким. Можно выделить несколько работ концептуального характера, в которых для анализа современных проблем казачества применялся ретроспективный подход. То есть учёные смотрели, что представлял из себя феномен казачества в прошлом и что происходит в настоящем. В 1995 г. вышла работа А.И. Козлова, в которой ключевые проблемы казачьего возрождения (этничность, традиционные системы хозяйствования и самоуправления, служба) рассматривались в историческом ключе. Такой подход к изучению проблем современного казачества – «было-стало» позволил показать, как сильно изменились условия существования казаков и поставить вопрос об адекватности формата возрождения новым условиям.

А.И. Козлов отмечал важную характеристику того нарратива, который начал формироваться вокруг казачьего возрождения: противоречивость оценок и суждений. «Следует прямо признать, что существующие представления о казаках – смесь правды с неправдой, откровенной тенденциозности и предвзятости»². Острота и противоречивость оценок казачества свидетельствовали о необходимости всестороннего изучения феномена.

Ближе всего к цели всестороннего объективного анализа возрожденческих проблем подошла Т.В. Таболина. Ее диссертационная работа, а также монографии, вышедшие в конце 1990-х гг. – это исследование состояния казачьего движения, его организационного развития, правовых коллизий, участия казачества в политических событиях. В них раскрываются проблемы

¹ Таболина Т.В. Казаки: драма возрождения...

² Козлов А.И. Возрождение казачества: история и современность... С. 13.

столкновения различных линий развития современного казачества: стремление казаков «восстановить свою среду обитания», получить политико-правовое признание через реабилитацию, восстановить историческую справедливость, стать полноправными участниками политических процессов, найти пути формирования диалога с властью¹.

Методологическим новшеством в изучении казачьего возрождения стала работа Н.Ф. Бугая «Казачество России: отторжение, признание, возрождение (1917–90-годы)»². Видный историк предложил рассматривать современное возрождение как часть более продолжительного по времени процесса. По сути, Н.Ф. Бугай выделил три этапа данного процесса, разворачивавшиеся в разные исторические периоды XX в., и, таким образом, современное возрождение рассматривал как третий этап.

В начале 2000-х гг. исследования возрожденческого процесса выходят на новый уровень. К этому времени был накоплен значительный эмпирический материал. Важным итогом этого стал выход в 2003 г. под редакцией Т.В. Таболиной большого труда «Российское казачество». Издание имело научно-справочный характер и наряду с разделами исследовательского характера содержало массу справочно-информационного материала о возрождении³. В нем были представлены сведения о современном развитии движения в различных регионах, приводилась информация о взаимодействии власти с казачьими структурами, анализировались программы развития казачества и др.

Постепенно складывались новые концептуальные подходы. Феномен возрождения стал более доступен для изучения историкам, что способствовало возникновению новых научных групп, занимавшихся изучением воз-

¹ Таболина Т.В. Казачество на рубеже XXI века; она же. Казаки: драма возрождения. 1980–1990-е годы. М., 1999; она же. Проблемы современного казачества: 1980–1990-е гг.: дис. ... д-ра ист. наук, М., 1999.

² Бугай Н.Ф. Казачество России: отторжение, признание, возрождение (1917–90-годы). М., 2000.

³ Российское казачество. Научно-справочное издание / отв. ред. Т.В. Таболина. М., 2003.

рождения казачества в контексте его общей истории. В 2002 г. в Ростове-на-Дону был создан Южный научный центр Российской академии наук (ЮНЦ РАН), руководителем которого стал академик Г. Г. Матишов. Одной из ключевых задач ЮНЦ РАН стало объединение усилий для проведения фундаментальных исследований проблем развития юга России в различных областях. В структуре ЮНЦ РАН была создана лаборатория региональной истории и казачества. Изучение процесса возрождения становится частью масштабных междисциплинарных исследований, проводимых специалистами ЮНЦ РАН в рамках таких крупных программ фундаментальных исследований Президиума РАН, как «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям». Частью ее подпрограммы по югу России «Анализ и моделирование геополитических, социальных и экономических процессов в полиэтничном макрорегионе» с 2006 по 2008 гг. являлся проект «Потенциал модернизации казачества юга России как социокультурной группы». Далее изучение проблем современного казачества получило продолжение в проекте «Противоречивый характер возрождения казачества и войсковых обществ» в рамках Программы Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона в условиях роста напряженности».

Первым руководителем лаборатории являлся профессор И.О. Тюменцев. Будучи крупным специалистом по истории Смутного времени в России, занимаясь периодом ранней истории казачества, он подвел под исследование возрождения фундаментальную историческую основу, описательный подход в исследовании казачьего возрождения постепенно сменяется аналитическим с выявлением глубинных причин сохранения феномена казачества в российской истории. Впоследствии эта традиция была продолжена и при другом руководителе лаборатории, специалисте по истории Гражданской войны в России профессоре А.В. Венкове.

Большое участие в продвижении исследования истории казачества и возрожденческого процесса, налаживании взаимодействия ученого сообще-

ства ЮНЦ РАН и власти принял руководитель ЮНЦ РАН академик Г.Г. Матишов. При его непосредственной поддержке было организовано несколько крупных конференций, включавших казачью проблематику, стали выходить сборники научных статей, объединенных единой темой «Казачество России: прошлое и настоящее». В 2011 г. был осуществлен фундаментальный проект, целью которого стало объединение научного сообщества юга России по созданию обобщающего труда, в котором подводились промежуточные итоги научных разработок в области казачьей истории и культуры – Очерки истории и культуры казачества юга России. Проект объединил специалистов разных периодов истории и культуры казачества. В 2019 г. под руководством Г.Г. Матишова было осуществлено исследование влияния строительства Цимлянской ГЭС на природную и социокультурную среду обитания донского казачества¹.

В целом в изучении современного казачества в начале 2000-х гг. намечилось несколько направлений исследований: изучение политической деятельности казачества; анализ социальной роли и функций современного казачества, воссоздания отдельных элементов традиционной социокультурной системы казачьего сообщества; исследование новых культурных явлений. Каждое из этих направлений характеризовалось набором проблемных тем, новаторством в их освещении.

Самым актуальным было направление, изучавшее встраивание казачества в государственную систему. В начале 2000-х гг. уже можно было судить о политической эволюции движения за возрождение казачества, накопленный материал позволял делать обоснованные выводы о векторах и перспективах его развития. По политической проблематике были защищены несколько диссертаций в которых предпринимались попытки изучить взаимоотношения власти и казачества в конце XX в., включив их в более широкий исторический контекст.

¹ Матишов Г.Г., Савельева О.С., Слюнина Е.Ю. Цимлянская плотина: последний аккорд расказачивания на Дону. Ростов н/Д, 2019.

Проследить эволюцию политики государства в отношении казачества и то, как само казачество определяло свою роль в политической жизни страны, – такая цель была поставлена в работе И.В. Белоусова. В его диссертации специфика взаимоотношений власти и казачества рассмотрена сквозь призму социально-политических кризисов XX в. В связи с этим неустойчивость политической системы в СССР и вызревание кризисных тенденций в конце XX в. стимулировала, по мнению И.В. Белоусова, переоценку ценностей, обращение к культурному наследию прошлого. Всё это рассматривается автором как основа возрождения казачества¹.

В диссертации и монографии А.Г. Масалова рассматривалась проблема политической институционализации казачества и приобретения казачьей общностью в ходе возрождения качеств социально-политического института². Формирование казачества А.Г. Масалов также рассматривает на материалах имперского, советского и постсоветского периодов. Подробный анализ процессов, происходящих в среде современного казачества, позволил А.Г. Масалову определить возрождение как преобразование казачьей общности в социально-политический институт, способный артикулировать и реализовывать запросы граждан³. Специфика трактовки возрождения казачества обуславливалась тем, что это было политологическое исследование.

К работам обобщающего характера в рассматриваемый период можно отнести диссертационные исследования Г.О. Мациевского и А.С. Кириченко. Несмотря на то, что они относятся к конкретным регионам (Краснодарскому краю и Ростовской области соответственно) это исследования в которых был систематизирован и обобщен обширный материал, позволивший авторам определить истоки и причины, выделить этапы и важнейшие тенденции, проанализировать деятельность основных акторов возрождения – власти и каза-

¹ Белоусов И.В. Власть и казачество: эволюция взаимоотношений и политического курса в XX в.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2003.

² Масалов А.Г. Российское казачество в начале XXI века...

³ Масалов А.Г. Российское казачество: социально-политическая институционализация в современных условиях: дис. ... д-ра полит. наук. Ставрополь, 2004. С. 298.

чьих объединений. Таким образом, региональное измерение возрождения позволило сформировать основу его системного видения и впоследствии применять для анализа ситуации с казачеством в других регионах.

Концептуально важным в исследовании Г.О. Мацеевского являются несколько моментов. Во-первых, определение источников возрождения политического характера. Во-вторых, обращение к концепту социокультурной трансформации, определявшего цели возрождения. В-третьих, выявление в казачьем движении двух разнонаправленных тенденций – огосударствления и стремления к политической самостоятельности¹.

Проблему вхождения казачество в социально-политическое пространство постсоветской России А.С. Кириченко рассматривал под углом политико-административного регулирования и управления казачьими обществами со стороны власти². Такой подход был обусловлен сложившейся к этому времени ситуацией смена государственного курса в отношении казачества, переориентации с этнополитического подхода на структурно-функциональный, придание казачеству регламентированных функций, а не этнических прав.

Попытка всестороннего рассмотрения участия казачества в политических процессах постсоветской России в 1990-х гг. была предпринята в диссертации Н.Г. Чередниченко. Рассматривая процесс возрождения с организационно-институционального ракурса, автор отмечает прежде всего тесную связь возрождения с действиями власти и политическими процессами³.

Среди крупных исследований темы в регионах в первом десятилетии XXI в. можно выделить работы О.О. Антропова и Р.Б. Товченко. Первый подробно рассмотрел возрождение казачества в Астраханской области, второй

¹ Мацеевский Г.О. Возрождение политической жизни кубанского казачества (конец 1980-х – 1990-е годы): дис. ... канд. ист. наук. Армавир, 2002. С. 85.

² Кириченко А.С. Политико-административное регулирование и управление казачьими обществами Юга России (на материалах Ростовской области): дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2005.

³ Чередниченко Н.Г. Казачество в общественно-политической жизни в 1990-е гг. Автореф. ... дис. канд. ист. наук. М., 2008.

– в Поволжье. В монографии и ряде статей О. О. Антропов проанализировал ситуацию вовлечения в движение за возрождение казачества различных социальных групп, отношение к процессу потомков казаков, противоречия реестра¹. Работа Р.Б. Товченко вызывает особый интерес в связи с тем, что в нем анализируется ход возрождения на территориях, которые лишь частично можно ассоциировать с территориями традиционного проживания казаков. Укоренённость казачества в общественной и культурной среде там намного слабее, казачество чаще воспринимали, как «ряженных». В связи с этим детальный анализ организационного становления и деятельности казачьих обществ позволяет составить представление о развитии возрождения и выделить его особенности².

Исследования по участию казачества в политической жизни регионов позволило реконструировать процесс возрождения казачества в разных субъектах Российской Федерации. Деятельность казачьих организаций в Краснодарском крае с точки зрения формирования гражданского общества рассмотрела Н.Ф. Туценко³. Организационные аспекты возрождения казачества на Кубани представлены в статьях К.Я. Перенижко⁴.

Большой вклад в изучение политических процессов в среде российского казачества южнороссийских регионов сделали А.А. Озеров и А.Г. Киблицкий. Методологическим новаторством можно считать введение в

¹ Антропов О.О. Астраханское казачество. На переломе эпох. М., 2008. С. 317–366; он же. Движение возрождения казачества в Астраханской области в 1990-е гг. // Новый исторический вестник. 2003. № 9. С. 46–68.

² Товченко Р.Б. Казачество в политическом процессе постсоветской России (на примере Поволжья): дис. ... канд. полит. наук. М., 2003.

³ Туценко Н.Ф. Казачье движение Кубани: на пути к Гражданскому обществу // Социс. 2001. № 2. С. 35–45.

⁴ Перенижко К.Я. Эволюция организационно-правовых форм Кубанского казачьего войска на современном этапе // Власть и общество в России: опыт истории и современность 1906–2006 гг. (к столетию российского парламентаризма). Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Адлер, 26–30 мая 2006 г.) Краснодар, 2006. С. 231–234; он же. Перестройка в России и возрождение казачества на Кубани // Образование, просветительство и гражданское общество (к 60-летию общества «Знание» России): Материалы всерос. науч.-практ. конф., Адлер, 25-29 мая 2007 г. Краснодар, 2007. С. 230–234.

диссертации А.А. Озерова такого понятия, как социокультурное конструирование. Такой подход способствовал выявлению специфики политической институционализации казачества, одновременного сохранения и трансформации традиционных элементов социокультурной системы сообщества¹.

В работах А.А. Озерова и А.Г. Киблицкого, посвящённых политическим аспектам возрождения, раскрываются противоречивые отношения формирующихся казачьих структур с органами власти. На материалах донского казачества авторы исследовали попытки партийных органов войти в казачьи структуры, цели такого контроля, раскрывается участие казачества в процессах политического размежевания и противостояния, происходивших в РСФСР в начале 1990-х гг.² Также анализ политического взаимодействия донского казачества с властью, данный на конкретном материале, даёт представление о том, как и почему власти готовы были сотрудничать и поддерживать казачество, несмотря на высокий конфликтный потенциал движения на Дону в начале 1990-х гг. В других работах А.А. Озерова и А.Г. Киблицкого рассматривался такой феномен, как политическая самоидентификация казачества и формирование политической культуры современных казаков. Авторы отмечали, что, несмотря на заявляемый отказ от участия в политике, цели участников возрождения всё больше и больше наполнялись политическим содержанием, чему способствовали внешние факторы: распад СССР, усиление миграционных процессов, рост межэтнической напряженности и др.³

А.А. Озеров рассматривал и специфические для политического ракурса проблемы, такие как этнический вопрос казачьего возрождения. Контекст этнополитики предполагал изучение такой сферы как этнические конфликты и

¹ Озеров А.А. Казачество в современном российском обществе: институционально-политический анализ: дис. ... д-ра полит. наук. Ростов н/Д, 2006.

² Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Союз казаков Области войска Донского... С. 112–172; Озеров А.А. Политико-правовая институционализация современного казачества. Ростов н/Д, 2006.

³ Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Политическая культура современного казачества. Ростов н/Д, 2007.

роль в них казаков. Нужно отметить, что собственно этническая идентичность казаков в работах А.А. Озерова не анализируется. В основном его внимание сосредоточено на конкретных действиях казаков в определении своего статуса (участие в переписи, борьба за приобретение статуса коренного народа на определенной территории), либо на действиях казаков как защитников славянского населения на Северном Кавказе¹.

В первое десятилетие 2000-х гг. более жёсткой критике подвергается участие казачества в этнополитических процессах на юге России. Вместе с тем, учёные пытаются выявить объективные причины этнополитизации казачьего возрождения и определить тенденции данного процесса. Можно сказать, что в начале 2000-х гг. изменился и ракурс рассмотрения участия казаков в этнополитических конфликтах. Историки и политологи рассматривали ситуации участия казаков в этнополитических процессах с позиции укрепления или ослабления российской государственности. Так, С.А. Кислицын, А.В. Кириченко и В.Л. Шолохов, рассматривая примеры этнополитических конфликтов на Северном Кавказе и участия в них казаков, отмечали, что усиление националистических настроений в среде казаков связано с общей проблемой русского народа, которому грозила утеря этнополитических позиций. Развитие казачьего движения продолжалось в 1990-е гг. как политизированного националистического движения, что в целом отвечало исторической идеологии казачества². Важным является понимание, что вопрос о казачестве в южных регионах России – это вопрос о русском народе. Исследователи отмечали, что потенциально казаки обладали возможностью позитивно влиять на этнополитическую ситуацию, так как имели длительные историче-

¹ Озеров А.А. Институт казачества в политических процессах современного российского общества (на материалах Юга России). Ростов н/Д, 2006. С. 88–102.

² Кислицын С.А., Кириченко А.В., Шолохов В.Л. Южнорусское казачество и этнополитические конфликты на Дону и Северном Кавказе // Конфликты на Северном Кавказе и пути их разрешения. Материалы Междунар. круглого стола. Ростов н/Д, 2003. С. 220, 221.

ские контакты с кавказскими народами, выстроенное этнокультурное взаимодействие¹.

Рассматривая в историческом контексте политические отношения донского казачества и российского государства, С.М. Маркедонов отмечал сложную двойственную природу казаков, которые не раз выступали то, как государевы слуги, то, как бунтари-разрушители². Политические отношения казаков с российским государством были многомерными и складывались под воздействием множества факторов. Такой исторический контекст необходимо учитывать, анализируя возрожденческий процесс, который также демонстрировал неоднозначные результаты и требовал отказа одностороннего рассмотрения роли казачества в политических процессах Российского государства. Исследуя казачье возрождение как составляющую этнополитического процесса на юге России С.М. Маркедонов отметил несколько важных аспектов его развития. Во-первых, «площадками» казачьего возрождения на юге России являлись регионы, имеющие важное геополитическое значение для российской политики на Кавказе, во-вторых, эти регионы имели сложную этническую конфигурацию, в третьих, они весьма привлекательны для мигрантов. Всё это создавало специфическую обстановку для казачьего возрождения, усиливая политическое «казакоманство»³.

Следующее направление исследований темы являлось многоплановым. Очерченный круг проблем здесь был широким, а степень разработки этих проблем – различной по глубине. Прежде всего следует выделить вопросы социальной практики, социокультурные процессы, социальное конструирование. Наиболее разработанной тема возрождения как социальной практики и социального конструирования была в работах А.А. Озерова. В ходе разра-

¹ Там же. С. 228, 229.

² Маркедонов С.М. Государевы слуги или бунтари-разрушители? (К вопросу о политических отношениях донского казачества и российского государства) // Консерватизм и традиционализм на Юге России. Южнорусское обозрение. 2002. № 9. С.130–159.

³ Маркедонов С.М. Неоказачество на Юге России: идеология, ценности, политическая практика // Центральная Азия и Кавказ. Лулео, 2003. № 5 (29). С. 161–166.

ботки данного направления А.А. Озеров пришел к важным выводам концептуального характера. Он выявляет расхождение идей возрождения с социальной практикой, а причину этого расхождения видит в том, что произошло не столько воссоздание казачества в прежнем виде, сколько формирование неказачества, в котором доминировало корпоративное начало¹. Данная идея получила развитие в работах А.А. Озерова, посвященных социальному конструированию современного казачества. По мнению А.А. Озерова, выделяются два типа конструирования: интеллектуальное и политическое, каждому из которых присущи свои технологии создания неказачества². Но выявленные типы конструирования не были в исследованиях подкреплены теоретическими положениями, а фактологическая основа не разводилась по этим направлениям. То же можно сказать относительно определяемых А.А. Озеровым технологий социального конструирования. Богатый фактический материал, приводимый в его работах, не позволял сказать, что же можно назвать технологиями³.

О социальном проектировании и корпоративных чертах казачьего возрождения писал А.П. Скорик. По его мнению, в современном казачестве можно выделить два направления, каждому из которых присущ свой принцип функционирования. Сообразно этим принципам складываются и тенденции развития казачьего возрождения: политическое закрепление своих преимуществ (в том числе этнических) либо культурное конструирование и укрепление групповой идентичности⁴.

¹ Озеров А.А. Возрождение казачества: идеи и социальная практика: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2003.

² Озеров А.А. Институт казачества в политических процессах.. С. 54–68.

³ Озеров А.А. Технологии социального конструирования адаптации казачьих обществ в общественно-правовом поле Юга России: методологический аспект // Гуманитарные и социально-экономические науки. Ростов н/Д, 2007. № 5. С. 135–139.

⁴ Скорик А.П. Социальный проект возрождения донского казачества: этнократический компендиум // Этноэтизм и этнократии на юге России. Южнорусское обозрение. Ростов н/Д, 2006. № 37. С. 164–178.

В контексте исторической ретроспекции происходило рассмотрение развития институтов казачьего самоуправления. Для адекватной оценки ситуации с восстановлением казачьего института самоуправления в станицах и хуторах в конце XX в. требовалось изучить его историческую специфику. В работах Е.И. Дулимова, И.И. Золотарева, Е.А. Чемякина значительное место отведено истории развития казачьего самоуправления¹. Все авторы отмечали, что ситуация с возрождением казачьего самоуправления стала ответом на запросы общества в 1990-х гг. о поиске эффективных форм самоуправления, реально учитывавших интересы местного населения. Важной проблемой являлся и поиск организационной формы казачьего самоуправления, которая не конфликтовала бы с закрепленными в правовом поле формами местного самоуправления. В связи с этим И.И. Золотарёв рассмотрел возможности внедрения в систему казачьего самоуправления такой формы, как территориальное общественное самоуправление (ТОС)².

В отличие от общественно-политического состояния казачества и казачьего самоуправления другие элементы социокультурной системы, их возрождение и развитие в конце XX – начале XXI в. исследовать было намного сложнее. Главная проблема на наш взгляд, заключалась в том, чтобы вычленивать казачью специфику данных процессов. Например, в случае с землепользованием или в целом с системой хозяйствования современных казаков. Если до советского периода на территориях казачьих войск были особые экономические условия для казаков, существовали нормативно-правовые документы, определявшие особенности развития тех или иных социально-экономических процессов, то затем эта казачья особость была уничтожена. Поэтому изучать экономические процессы, например, землепользование на территориях традиционного проживания казаков было невозможно из-за отсутствия объекта

¹ Дулимов Е.И., Золотарёв И.И. Самоуправление казаков: история и современность. Ростов н/Д, 1998; Золотарёв И.И. Казачье самоуправление на Дону (Историческое исследование). Ростов н/Д, 1999; Чемякин Е.А. Исторические традиции казачьего самоуправления в России. Политологический аспект. Волгоград, 2001.

² Золотарёв И.И. Казачье самоуправление на Дону... С. 195–210.

исследования. Тем не менее, попытки экономического анализа деятельности казачьих войск в первое десятилетие стали предприниматься по мере того, как накапливался эмпирический материал и факты хозяйственной деятельности казачьих обществ.

Так, в 2008 г., после проведения серии исследований состояния российского казачества в рамках проектов Министерства регионального развития был выпущен сборник методических материалов, содержащий анализ практики участия казачьих обществ в социально-экономическом развитии регионов. Была сделана попытка даже разработать методику оценки эффективности форм хозяйствования казачьих обществ¹.

Разработкой правовых аспектов землевладения казачьих обществ и проблемами юридической практики в этом вопросе в южнороссийских регионах занималась И.В. Николаенко².

Углубление разработки аспекта хозяйственной деятельности казачьих обществ происходило во втором десятилетии XXI в. Появились специальные исследования экономического направления. Наиболее серьезные усилия по изучению участия казачьих обществ в экономических процессах были приняты А.Д. Бегловым, рассмотревшим деятельность казачьих обществ в контексте региональной политики и предпринявшего попытку смоделировать деятельность казачьих обществ в рамках региональных экономических систем³. Затем, в диссертации А.Д. Беглов предпринял комплексный анализ

¹ Сборник методических материалов для апробации органами государственной власти и местного самоуправления муниципальных образований в ходе реализации государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества. В 2-х тт. М., 2008. С. 57–120.

² Николаенко И.В. Правовые аспекты землевладения казачьих обществ в Российской Федерации // Закон и право: история и современность. Материалы междунар. науч.-практ. конф. (16 декабря 2005 г.). Ставрополь, 2005. С. 351–354; она же. Проблемы казачьего землевладения и землепользования на примере законодательства отдельных субъектов Южного федерального округа Российской Федерации // Региональное нормотворчество. Аналитический бюллетень. Саратов, 2004, Ч. 1. С. 159–168.

³ Беглов А.Д. Модели развития казачьих обществ в рамках региональных экономических систем // Вопросы экономики и права. 2011. № 41. С. 23–26.

развития агропромышленного комплекса с учетом деятельности казачьих обществ. Одним из методологических инструментариев в этом исследовании являлась концепция этноэкономики¹.

Обзор направлений хозяйственной деятельности казачества был сделан в работе В.П. Третьяка, Б.Л. Орлова. В ней перечисляются экономические виды деятельности и даются их конкретные примеры². По такому обзорному принципу выстраивалось большинство работ, в которых эксперты рассматривали деятельность казачьих обществ в экономическом секторе. Характерная черта данных исследований – попытка определить казачью специфику экономической деятельности. В сборнике «Церковь и казачество: соработничество на благо Отечества целый раздел озаглавлен как казачья экономика. Развивая эту тему, авторы, например, определяли земельные наделы, выдаваемые гражданам, состоящим в казачьих обществах как казачьи наделы как часть хозяйственной системы казачьих обществ³.

Однако в работах по данному направлению часто не учитывается ряд ключевых проблемных аспектов такой деятельности: что такое традиционное хозяйствование казачьих обществ в современных условиях? Какое отношение фермеры-казаки имеют к казачьим обществам? Как трансформировалась деятельность казаков в условиях возрождения конца XX – начала XXI вв.?

В связи с этим определение казачества в качестве силы, которая начала контролировать отдельные экономические направления в регионах, данное Н.Ф. Бугаев и Е.В. Штурбой, можно выделить как более точный исследова-

¹ Беглов А.Д. Управление производством продукции АПК в казачьих сообществах как потенциал устойчивого социально-экономического развития регионов: дис... докт. экон. наук. М., 2012.

² Третьяк В.П., Орлов Б.Л. Хозяйствование российского казачества. Москва, 2016.

³ Крылов К. В. развитие и становление экономической базы казачества // Церковь и казачество: соработничество на благо Отечества: Материалы Первой Междунар. науч.-практ. конф. Ставрополь, 2011. С. 234–240.

тельский ракурс. В этом случае упор делался не казачью экономику, а на специфику участия членов казачьих обществ в хозяйственных процессах¹.

В контексте развития социальных процессов в России исследовал казачество В.П. Водолацкий, долгое время руководивший Войсковым казачьим обществом «Всевеликое войско Донское». В своей диссертации автор раскрывает специфику организационно-структурного и институционального участия казачества в российской социальной системе². В 2011 г. В.П. Водолацкий принял участие в масштабном социологическом исследовании казачества как этносоциального феномена. Исследование проводилось в основном на материалах донского казачества. Пристальное внимание в исследовании было уделено проблеме выявления идентичности современного казачества, аспекту межнациональных взаимодействий казаков, а также отношений с властью³.

Развитие получила тема организации и управления казачьими обществами как социальными структурами. М.Г. Капустина, исследуя развитие казачества в конце XX – начале XXI в. в системе общественных связей, обратила внимание на проблему самоорганизации казачества, отмечая противоречие точек зрения на стратегию его институционализации со стороны власти и самих казаков⁴.

Несмотря на то, что идея казачьей службы была наиболее востребованной, её системных исследований в постсоветский период и оценки эффективности не проводилось. Как правило, современная казачья служба рассматривается как исторический этап в формировании и развитии этой службы на протяжении всей истории казачества (например, в диссертации Д.Н. Соловь-

¹ Бугай Н.Ф., Штурба Е.В. Казаки России в обеспечении безопасности: проблемы внутренних угроз. 1990-е – 2015 гг. М.; Краснодар, 2016. С. 101.

² Водолацкий В.П. Казачество в современном обществе: социологическое измерение: дис. д-ра социол. наук. М., 2011.

³ Казачество как этносоциальный феномен современной России (по результатам социологического исследования казачества Дона). Ростов н/Д, 2011.

⁴ Капустина М.Г. Совершенствование институционального уровня управления казачеством: дис. ... канд. социол. наук. Москва, 2019.

ева, посвященной изучению казачества как мобилизационного ресурса российского государства). Хронологические рамки работы охватывают XV – конец XX вв., казачество рассматривается как сообщество со специфическими военно-служилыми функциями, которые оказались интересны государству и в конце XX в.¹ Также можно назвать работы таких авторов как П.О. Ильин и Г.О. Мациевский в которых раскрывается взаимодействие казачества с полицией, противодействие казаков экстремизму².

Обзор состояния и проблем современной казачьей службы неоднократно делал Н.Ф. Бугай. В 2015–2016 гг. вышло несколько его работ, в которых формирование института казачьей военной службы в современной России автор рассматривал в контексте участия казачества в обеспечении национальной безопасности страны. В этих работах служба казаков включена в социально-политический контекст развития России 1990-х гг. Определяя наиболее проблемные области внутри- и внешнеполитической ситуации, Н.Ф. Бугай раскрывает причинно-следственные связи возрождения современного института военной службы казаков. Однако, практически не анализировались проблемы данного института с точки зрения временного разрыва с его историческим прототипом, не проводился критический анализ эффективности экспериментов с привлечением казачества к охране государственных границ. Это, на наш взгляд, придавало материалу некоторую односторонность. Вместе с тем, автор выделял очень важный момент – как заинтересованность власти в этой службе способствовала одновременно развитию института, а также позволяла если не решить, то смягчить проблемы развития государственной политики³.

¹ Соловьёв Д.Н. Казачество как мобилизационный ресурс российского государства (XV–конец XX века): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2011.

² Ильин П.О. Формы совместной деятельности полиции и казачества по обеспечению общественного порядка и безопасности // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 3. С. 17–19; Мациевский Г.О. Роль казачества в противодействии экстремизму и этносоциальным конфликтам на Кубани. Краснодар, 2017.

³ Бугай Н.Ф. Казаки Юга России: конститутивность, эволюция, современность (XX–XXI вв.). М., 2015. С. 181–201; Бугай Н.Ф., Штурба Е.В. Казаки России в обеспечении безопас-

В ряде работ по данному направлению содержится обширный информационный материал, позволяющий проанализировать тенденции развития казачьей службы и выявить её наиболее востребованные формы. В информационно-аналитической работе «Российское казачество» предпринят анализ ситуации с развитием определенных направлений казачьей службы. Её становление и внедрение различных форм рассматривалось в динамике, с привлечением документов, содержащих нормативно-правовое обеспечение службы и предлагаемые властью варианты сотрудничества с казаками (проекты создания казачьих поселений на границе)¹. Материал давал представление о возможностях и перспективах привлечения казаков к различным видам государственной и иной службы. Сведения о деятельности казачьих обществ в Ростовской области содержались в работе А.А. Озерова, О.Н. Борисовой. Однако данную работу следует отнести скорее к информационным обзорам, нежели к исследованиям². Также характер документального обзора имеет работа «Донское казачество на службе России», в которой есть раздел о развитии казачьих муниципальных дружин³.

В качестве примера выявления новой проблематики возрождения можно привести работу В.А. Якимова, посвященную развитию казачества на постсоветском пространстве. Её актуальность в том, что казачество выводилось из сугубо российского политического и социального пространства и становилось актором политических процессов вне пределов России. Автор анализировал участие казачества в военно-политических конфликтах постсо-

ности...; Бугай Н.Ф. Казачество России: мир на границе, спокойствие в государстве, служба Отечеству... // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2015. № 3. С. 21–46.

¹ Российское казачество... С. 570–587.

² Озеров А.А., Борисова О.Н. Казачество в социально-политической структуре российского общества: основные тенденции и современное состояние (на примере деятельности ВКО «Всевеликое войско Донское»). Ростов н/Д, 2009. С. 21–31.

³ Донское казачество на службе России. Документальное обозрение. Ростов н/Д, 2010. С. 49–64.

ветского пространства, затронута проблема развития казачества в Казахстане¹.

Серьезной заявкой на обобщение опыта возрождения в различных регионах России стала диссертация Г.О. Мацеевского об истории становления и тенденциях развития российского казачества². Попытки изучить возрождение в целом в России предприняты такими исследователями, как А.А. Озеров, А.Г. Масалов. Однако преимущественно выводы они строили, анализируя результаты возрождения казачества на юге России. Г.О. Мацеевский впервые систематизировал информацию о том, как протекал процесс возрождения в регионах Сибири и Дальнего Востока и предложил при выявлении их специфики исходить из того, что исторически условия возникновения этих войск были разными, а это отразилось на современной ситуации казачества. В ряде работ Г.О. Мацеевский продолжил развитие темы взаимодействия власти и казачества, акцентируя внимание на таком аспекте как воздействие государственной политики на трансформацию казачества³.

Также следует отметить монографию Н.Ф. Бугая, в которой анализировались такие аспекты казачьего возрождения, как участие казачества в экономических процессах постсоветской России, формирование института военной службы казачества в современных условиях, взаимодействие казачества с властью⁴. Таким образом, Н.Ф. Бугай предложил всесторонний анализ процесса. Особенно важным, на наш взгляд, в данной работе было стремле-

¹ Якимов В.А. Российское казачество в общественно-политических процессах на постсоветском пространстве: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2016.

² Мацеевский Г.О. Политическая жизнь российского казачества: история становления, основные источники и тенденции развития (конец 1980-х – конец 2000-х гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Краснодар, 2013.

³ Мацеевский Г.О. Традиции «самостийности» в политической жизни современного казачества // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 3 (118). С. 57–63; он же. Государство и казачество: поиск путей возрождения // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 97–104; Он же. Государство и казачество: на пути к государственной службе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 4. С. 164–172.

⁴ Бугай Н.Ф. Казаки Юга России...

ние автора вписать действия казачьих организаций и в целом возрождение казачества в социальный, политический и геополитический процессы в постсоветской России. Это позволяло увидеть, как влияли на движение за возрождение казачество внешние процессы, изменяя его форму, характер, ставя новые задачи.

Сложной и малоизученной остается проблема идентичности казачества. В разное время к вопросу соотнесения этнической и социальной природы в казачестве обращались А.И. Козлов, В.П. Трут, А.П. Скорик, А.А. Озеров, А.В. Бредихин и др.¹ Об выраженной этнической природе казачества и проблемах его современной самоидентификации неоднократно писала М.А. Рыблова². Роль этнополитических мифов и конструировании идентичности современных казаков выясняет А.В. Баранов³. Н.Ф. Бугай отмечал необходимость учитывать разные виды идентификации: социальную, этническую, региональную, культурную⁴.

Идентификация казачества вызывает научный интерес и у зарубежных коллег. Первым из зарубежных исследователей к этой проблеме обратилась в середине 1990-х Б. Скиннер. Ее статья была посвящена формированию идентичности в российском казачьем возрождении. Исследовательница обращает внимание на важность исторических культурных форм в обретении единства

¹ Козлов А.И. О путях возрождения казачества...; Трут В.П. Казачество: происхождение, сущность, реалии, перспективы...; Скорик А.П., Озеров А.А. Этносоциальный адрес донцов. Ростов н/Д, 2005; Бредихин А.В. Этносоциальная идентичность современного российского казачества // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. Вып. № 61. Апрель. С. 6–18.

² Рыблова М.А. Донское казачество: к вопросу об «истоках»... С. 158–174; она же. Казачья этничность в формировании региональной идентичности Волгоградской области // История края как поле конструирования региональной идентичности. Материалы семинара, проведенного ВолГУ и Институтом Кеннана Междунар. Науч. центра им. Вудро Вильсона 11 апреля 2008 г. Волгоград, 2008. С. 55–74 и др.

³ Баранов А.В. Роль этнополитических мифов в конструировании идентичности казачества // История и современность. Волгоград, 2014. № 1. С. 69–86.

⁴ Бугай Н.Ф. Российское казачество и проблема идентичности с вопросом: кто мы? // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. № 4. С. 158.

участниками возрожденческого процесса¹. Позже к теме идентичности обращался известный американский исследователь Б. Боук. В обстоятельной статье, посвященной казачьей идентичности на Кубани в конце XX в., исследователь отмечал, что процесс возрождения имеет выраженный этнокультурный характер, но определить контуры казачьей идентичности сложно². О проблемах и противоречиях казачьей идентичности рассуждает американский социолог Р. Арнольд и норвежская исследовательница Х. Тои³.

В своем исследовании идентичности современных кубанских казаков С. Монкада обратилась к ракурсу языка, культуры и фольклора. Формирование идентичности современных казаков исследовательница рассмотрела сквозь призму пограничной культуры и акторов политики идентичности в лице Кубанского казачьего хора⁴. Вопросы о характере кубанского казачьего возрождения и идентичности, оценка отличий и сходств современных казаков с их предшественниками рассматривается в работе Максвелла Рида. Автор обращает внимание на роль исторических нарративов в формировании идентичности и на характер их взаимодействия⁵.

В новом ключе рассмотрели социальное поведение и социальную идентичность американские исследователи А. Грубачич и Д. О'Херн. В своей работе, посвященной изучению маргинальных сообществ, жизнедеятельность которых находится вне пределов привычных социально-экономических систем, авторы обратились в том числе к опыту казачества, изучая системы

¹ Skinner B. Identity Formation in the Russian Cossack Revival // *Europe-Asia Studies*. Glasgow, 1994. No. 6. P. 1017–1037.

² Boeck B.J. From the Verge of Extinction to Ethnic Distinction: Cossack Identity and Ethnicity in the Kuban' Region, 1991–2002 // *Ab Imperio*. Kazan, 2004. № 2. P. 617–645.

³ Arnold R. Testing Constructivism: Why Not More “Cossacks” in Krasnodar Kray? // *Post-Soviet Affairs*. Palo Alto, 2014. No 30(6). P. 481-502; Toje H. Cossack Identity in the New Russia: Kuban Cossack Revival and Local Politics // *Europe-Asia Studies*. 2006. Vol. 58, No. 7, November. P. 1057–1077.

⁴ Moncada S.C. *Kuban Cossack Performance and Identity Negotiation in the Russian-Ukrainian Borderlands*. A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy (Slavic Languages and Literatures) in the University of Michigan. Ann Arbor, 2016.

⁵ Reed M. *Oppressed Oppressors: The Kuban Cossack Revival in Post-Soviet Russia*. Middletown, 2014.

выживания и взаимопомощи¹. Сравнивая исторический опыт и современную ситуацию, авторы попытались выявить, что из прошлого опыта воспроизводится в настоящем в социальной системе донских казаков. Об формировании казачьей идентичности через воссоздание «казачьих корней», обращение к памяти и традициям писал А. Попов².

Развитие казачьих образовательных учреждений и формирование казачьего образовательно-воспитательного пространства, а также разработка концепции казачьего этнокультурного компонента в системе образования способствовали усилению исследовательского интереса к данной сфере возрожденческого процесса.

Формирование казачьего образовательного пространства и казачьей педагогики рассматривается в контексте культурных ценностей, социальных и культурно-воспитательных процессов российского общества. Можно выделить два направления таких исследований. Первое направление – изучение конкретных практик создания казачьих образовательных учреждений, программ преподавания казачьей культуры, авторских методик, то есть всего, что составляет арсенал педагогической науки. Второе направление – прева-лирование теоретических конструкций, попытка создания концепций, объяснявших уникальность культуры казаков. Примером исследований в рамках первого направления может служить работа В.Н. Быковского об особенностях воспитания учащихся на примере культуры казачества³. Специфика второго направления заключалась в разработке, например, концепции казачьей педагогики или выявления специфического воспитательного потенциала казачьей культуры. Историко-культурная основа такой специфики (например,

¹ Grubacic A., O’Hearn D. *Living at the Edges of Capitalism: Adventures in Exile and Mutual Aid* Berkeley, 2016.

² Popov A. Re-enacting “Cossack Roots”: Embodiment of Memory, History and Tradition Among Young People in Southern Russia // *Nationalities Papers*. Cambridge, 2017. No 46 (183). P. 1–19; Popov A. Re-making a Frontier Community or Defending Ethnic Boundaries? The Caucasus in Cossack Identity // *Europe – Asia Studies*. Glasgow, Vol. 64, No. 9. P. 1739–1757.

³ Быковский В.Н. Особенности воспитания учащихся на примере культуры казачества. Автореф. дис... канд пед. наук. Тула, 2002.

особенности воспитания воина в казачьей традиции) зачастую слабо представлена, что создаёт впечатление умозрительности, теоретизирования в ущерб реальной культурной практике. Примером такого подхода может служить работа С.Н. Лукаша. Позиционированное как социально-педагогическое, историко-культурологическое исследование, оно основано в основном на умозрительных теоретико-методологических конструкциях. Это, на наш взгляд, не позволяет понять, чем концепция казачьей школы отличается от концепции современной школы вообще¹.

Историки обращались к теме формирования образовательного пространства. Преимущественно выполнены работы, в которых раскрыт процесс формирования казачьих образовательных учреждений, взаимодействие казачества с властью. К числу таких работ можно отнести ряд статей О.В. Ратушняк, К.Я. Перенижко, Г.О. Мациевского².

Ещё одно значимое направление исследований касается культурных традиций казачества, их реконструкции в современных условиях и трансформирования. Яркая, самобытная культура казачества давно привлекала внимание этнографов, специалистов в области фольклора. Однако изучение современных форм казачьей культуры требовало особого подхода, учета тех изменений, которые происходили с культурными формами. Поэтому исследований, в которых бы анализировалось влияние возрождения на культуру

¹ Лукаш С.Н. Казачество Юга России: от традиций к инновациям. Майкоп, 2012.

² Ратушняк О.В. Становление и развитие системы образовательных учреждений казачьей направленности в Краснодарском крае и их роль в патриотическом воспитании молодежи // Краеведческие записки. Сб. науч. тр. Ростов н/Д, 2012. С. 133–142; Бурмагин А.Г., Ратушняк О.В. Возрождение казачества. Кубанское казачество на современном этапе // История кубанского казачества. Краснодар, 2013. С. 332–347; Ратушняк О.В. Становление и развитие системы образовательных учреждений казачьей направленности в Краснодарском крае // Казарла. Этнический казачий журнал. 2012. № 7 (20), декабрь. С. 42–45; Перенижко К.Я., Ратушняк О.В. Об опыте работы Кубанского казачьего войска с несовершеннолетней молодежью Краснодарского края // Социально-экономические, политические и исторические аспекты развития Кубани: к 70-летию со дня образования Краснодарского края и 215-й годовщине освоения казаками кубанских земель: материалы межрегион. науч.-практ. конф.: XII Адлерские чтения–2007. Краснодар, 2007. С. 202–205; Мациевский Г.О. Современная система казачьего образования на Кубани: этапы развития и особенности // Педагогика и просвещение. 2017. № 3. С. 20–33.

казачества, не так много. Прежде всего следует назвать работы М.А. Рыбловой и Т.С. Рудиченко. Важнейшим моментом в работе М.А. Рыбловой является выявление и определение новой смысловой составляющей казачьей культуры, раскрывается трансформация традиции и придание ей нового качества. Так, М.А. Рыблова показывает, как казачий праздник превратился из народного праздника в «праздник для народа», что сегодня входит в понятие «праздничного пространства». В культуре казачества выявляются следы советской культуры, исследуется взаимосвязь культуры и идентичности и т.п.¹ В работах Т. С. Рудиченко основное внимание уделено казачьему фольклору, его развитию и трансформации в условиях современности, проявлению новых черт. Так, Т.С. Рудиченко, раскрывая специфику существования песенной традиции казаков в новых условиях, предлагает понимать новое исполнение казачьих песен в контексте вторичных форм культуры, которое позволяет уйти от трактовки их как «новодела», искажающего суть песенной традиции, а увидеть здесь создание новой традиции². Аналогичный подход к изучению традиционной культуры казаков предложил Н.И. Бондарь³.

О специфике развития казачьей культуры и новых культурных формах писали также О.Г. Никитенко и Ю.И. Перцева. Работы данных авторов ценны тем, что выявляют новые формы и тенденции в данной области. Так, проанализировав ситуацию, сложившуюся в сфере сохранения и воспроизводства традиционной культуры донского казачества, О.Г. Никитенко пришла к

¹ Рыблова М.А. Народные праздники в процессах организации... С. 154–167.

² Рудиченко Т.С. Традиционная культура донских казаков и социальные процессы конца XX – начала XXI века // Вторичные формы традиционной народной культуры. Материалы науч.-практ. конф. (г. Краснодар, 26–27 ноября 2010 г.). Краснодар, 2010. С. 160–172; она же. Культурные традиции донского казачества в социальном дискурсе // Южнороссийский музыкальный альманах. 2010. № 2. С. 3–8.

³ Бондарь Н.И. Вместо предисловия // Вторичные формы традиционной народной культуры... С. 2–6.

выводу о формировании таких тенденций, как репрезентация фольклорного искусства и создание арт-фолька¹.

В исследованиях истории возрожденческого процесса нередко прева-лировал дескриптивный подход. Исследователи сосредотачивались на описа-нии возрождения в отдельном регионе. Такие работы формировали истори-ческий нарратив возрождения. В них нередко содержались уникальные све-дения, поскольку авторы были непосредственными участниками возрожден-ческого процесса. Например, в 2009 г. вышла работа А.Г. Бурмагина, в кото-рой автор описал начальный период возрождения казачества в Краснодар-ском крае². К данному формату можно отнести статью В.П. Громова о воз-рождении кубанского казачества³.

Возрождение казачества в 1-м Донском округе и Милютинском юрте этого округа описал А.П. Скорик, включив описание в историческую рекон-струкцию данных мест. Подробное описание возрожденческого процесса в Астраханской области дали И.В. Торопицын, Е.А. Переловский⁴. Есть также работа В.Д. Батырова, А.И. Изюмова и О.В. Матвеева, описывающая созда-ние первой казачьей организации общегосударственного характера – Союза казаков России⁵. Несмотря на повествовательный характер таких работ, они весьма ценны с точки зрения информативности и содержат богатый фактиче-ский материал.

¹ Никитенко О.Г. Традиционная культура донских казаков Волгоградской области в со-временном социокультурном контексте // Известия Волгогр. гос. соц.-пед. ун-та. 2013. № 3 (78). С. 32–36.

² Бурмагин А.Г. От Кубанского казачьего клуба к Кубанской казачьей Раде. Краткая исто-рия начала возрождения кубанского казачества 1989–1992 гг. Краснодар, 2009.

³ Громов В.П. Возрождение кубанского казачества и его влияние на культурную жизнь Кубани. Конец XX – начало XXI вв. // Научное наследие Ф.А. Щербины: казачество и ис-тория Кавказа. Сб. материалов XIX междунар. науч.-практ. конф. «Якаевские чтения». Краснодар, 2019. С. 140–156.

⁴ Торопицын И.В. Возрождение астраханского казачества (конец XX – начало XXI в.) // Астраханское казачество – путь сквозь века. Астрахань, 2015. С 317–376; Переловский Е.А. Воспоминания о начальном этапе возрождения астраханского казачества // III-и Би-рюковские чтения. Материалы Бирюковских чтений (25 авг. 2011 г.). Астрахань, 2011. С. 73–91.

⁵ Батырев В.Д., Изюмов А.И., Матвеев О.В. Союз казаков России: 1990–2000. М., 2000.

В контексте формирования нового научного знания в исследовании возрождения казачества следует назвать несколько работ, авторы которых предложили новое видение этого процесса, позволяющее расширить и качественно изменить представление о происходящих процессах в казачьей среде в конце XX – начале XXI вв. и влиянии этих процессов на постсоветский социум.

Так, И.О. Тюменцев предложил в качестве методологической основы исследования возрождения принцип «показачивания – рассказывания». Данный принцип позволяет анализировать развитие казачества в истории России в контексте расширения границ существования социальной группы и их сужения. Так, «показачивание» – это процесс расширения границ группы, когда в состав казачества интенсивно включались (входили) представители других социальных групп. Чаще всего это бывало в периоды социально-политических кризисов, а также в периоды создания новых казачьих войск. «Рассказывание», напротив, – сужение группы в связи с выходом из нее людей по разным причинам¹. По мнению И.О. Тюменцева, «показачивание» и «рассказывание» как взаимосвязанные факторы воздействовали на возрождение казачества, приспособлявая его к российским условиям конца XX в.²

Рассматривая социокультурное развитие казачества с позиций концепции культурной трансформации, М.А. Рыблова выделила четыре этапа такой трансформации. По её мнению, ситуация развития казачества в конце XX – начале XXI вв. точнее всего объясняется в контексте культурной трансформации, когда сообщество, адаптируясь к новым условиям среды обитания, изменяет социальные и культурные формы. Четвертый этап – возрожденче-

1 Тюменцев И.О. Модернизационный потенциал и сценарии развития казачьего движения на Юге России // Современное состояние и сценарии развития юга России. Материалы науч.-практ. семинара Объединенного отдела социально-политических и экономических проблем южных регионов ЮНЦ РАН (7–8 декабря 2005 г.). Ростов н/Д, 2006 С. 232.

² Тюменцев И.О. К вопросу об институтах ранних казачьих сообществ // Многоукладность и асимметричность развития региональных экономик Юга России: риски модернизации и механизмы трансформации. Материалы II-й Всерос. науч. конф. 6–10 апреля 2006 г. Домбай, 2006. С. 253–254.

ское движение – это возвращение к процессу «казакования», откат в архаику, к старым организационно-культурным формам. «Казакование» – это способ пережить кризисный период, а затем приспособиться к нему¹.

Среди исследований из других научных областей следует выделить работу Л.Г. Ионина «Социология культуры» в которой раскрывается применение теории трансформации как методологического инструмента исследования общества в кризисные периоды. В качестве одного из объектов анализа Л.Г. Ионин использует феномен возрождения казачества. Возрождение казачества – это один из результатов поиска новых социальных и культурных форм в условиях краха советской системы. Его особой характеристикой является культурная инсценировка, отсутствие выраженного социального запроса на такую форму². Это, однако, противоречит тому, что казачество, как культурно-организационная форма и само возрождение сохраняются и развиваются в течение довольно длительного времени. Устойчивость и долговременность казачества – свидетельство того, что оно не является искусственной формой.

К весьма продуктивным с точки зрения изучения сущности возрождения казачества следует отнести конструктивистскую методологию. Конструктивизм как метод исследования возрождения казачества, а также формирования его социальной идентичности был предложен А.А. Озеровым³.

¹ Рыблова М.А. «Казакование» в истории России: социокультурные трансформации и поиск утраченной идентичности // Казачество Юга России в процессах становления и развития Российской государственности. Тезисы регион. науч.-практ. конф. Ростов н/Д; Волгоград; Урюпинск, 2007. С. 102–107; она же. Социокультурные трансформации на Дону (XVI – XXI вв.) // Казачество России: прошлое и настоящее. Сб. науч. статей. Ростов н/Д, 2008. Вып. 2. С. 3–31; она же. Донское казачество: к вопросу об «истоках» и социокультурных трансформациях // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. 158–174; она же. Казачья этничность в формировании региональной идентичности Волгоградской области // История края как поле конструирования региональной идентичности. Материалы семинара, проведенного ВолГУ и Институтом Кеннана Междунар. Науч. центра им. Вудро Вильсона 11 апреля 2008. Волгоград, 2008. С. 55–74.

² Ионин Л.Г. Социология культуры. 2-е изд. М., 1998. С. 225–227.

³ Озеров А.А. Возрождение казачества: идеи и социальная практика...; Озеров А.А., Хопёрская Л.Л. Возрождение казачества...; Озеров А.А. Конструктивистский подход к исследованию истории казачества // Философия права. Ростов н/Д, 2006. № 3 (19). С. 69–74.

Наряду с этим подходом А.А. Озеров применил для изучения возрождения теорию групп интересов и корпоративизма.

Концепция конструктивизма позволяет по-новому взглянуть на такую важную проблему, как определение этничности казачества. Исследуя ситуацию, сложившуюся вокруг проблемы определения казаков, М.А. Рыблова выявила множество элементов, свидетельствующих о конструировании этнической идентичности казачества. В их числе – предоставление доказательств древности происхождения казаков, создание мифов этногенетического характера (поиск древних предков), наличие символических ритуальных элементов, конструирование традиций и т.п.¹

Ещё более важным инструментом исследования казачьего возрождения является теория социального конструкционизма, изучающая процессы формирования социальных феноменов. Рассматривая практику казачьего возрождения, А.А. Озеров применяет для ее характеристики теорию социального конструкционизма, что позволяет ему сделать выводы относительно формы и содержания элементов казачьего возрождения, суть которых прежде всего в том, чтобы воссоздать прежнюю социокультурную систему казачества². Однако, обращаясь к концепции конструкционизма, А.А. Озеров практически не раскрывает практику её применения, ограничиваясь констатацией присутствия социального конструирования во всех возрожденческих процессах, тогда как сама теория социального конструирования П. Бергера и Т.

¹ Рыблова М.А. «Кзаки возвращаются!»: история и судьба одной научной теории // Казачество: прошлое и настоящее. Ростов-на-Дону, 2010. Вып. 3. С. 278–285; она же. Казачья этничность в формировании региональной идентичности Волгоградской области // История края как поле конструирования региональной идентичности. Волгоград, 2008. С. 55–75; она же. Конструкты, образы и символы «этнического казачьего возрождения» на Юге России // Казачество России в бунтах, смутах и революциях (к столетию событий 1917 г.) // Материалы Всерос. науч. конф., г. Ростов-на-Дону, 4–5 октября 2017 г. Ростов н/Д, 2017. С. 341–348; она же. Казачество в этнокультурной мозаике Юга России // Канадский опыт мультикультурализма и российская политика на Кавказе: материалы науч.-практ. конф. Волгоград, 2011. С. 193–208.

² Озеров А.А., Хопёрская Л.Л. Возрождение казачества... С. 17, 18, 19 и др.

Лукмана, предполагает изучение, прежде всего, процессов этого конструирования¹.

Итак, подводя итоги историографического обзора по теме диссертационного исследования, можно сделать следующие выводы. Во-первых, особенностью историографии 1940-х – 1980-х гг. является то, что в ней рассматривалась не казачья общность и даже не проблемы, связанные с её развитием, а социально-политические и экономические процессы в регионах проживания казаков. Судить о том, какое отношение эти процессы имели к казакам, как они влияли на развитие казачества юга России можно лишь по косвенным упоминаниям. Во-вторых, в 1990-х гг. казачество стало объектом специального исследования, но по преимуществу изучались проблемы, связанные с негативными последствиями установления советского строя для казаков. В-третьих, вопросы взаимодействия казачества и власти, адаптации казачества к советскому режиму получили освещение в нескольких работах. Исследователи предпочитали рассматривать 1920-е и 1930-е гг. по отдельности, не предпринимая попыток сравнивать политику власти и положение казачества с ракурса восстановления участия казаков в социальных процессах юга России. Развитие казачества в период социалистической модернизации преимущественно рассматривалось в контексте политического лавирования власти, а, следовательно, всё, что с ним происходило, оценивалось, прежде всего, как результат временных уступок. Таким образом, ракурс исследования результатов политики «Лицом к казачеству», кампании 1936 г. и т.п. как возрождение казачества не принимался во внимание.

В-четвертых, несмотря на обилие работ по возрождению казачества конца XX – начала XXI вв., немногие из них могут претендовать на системный анализ. Чаще всего специалисты выбирали один аспект возрождения и анализировали его состояние. Часто возрождение освещалось фрагментарно, поверхностно и конъюнктурно. Среди исследований тех или иных аспектов

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 9.

казачьего возрождения мало тех, которые выполнялись историками. Это значит, что упускался из виду такой важный момент, как процессуальный характер возрождения, отличия начала процесса от его последующих стадий. Явно недостаточно представлено комплексное изучение таких сторон возрождения, как этнокультурной, социальной, экономической.

Таким образом, представляемое нами диссертационное исследование является первой попыткой изучения в единстве советского и постсоветского периодов бытия казачества, когда оно оказывалось востребованным со стороны власти, становилось активным актором общественных процессов и получало возможность реализовать собственные интересы, то есть вновь актуализировало своё участие в развитии российского государства.

2. ПОЛИТИКА «ЛИЦОМ К КАЗАЧЕСТВУ» И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ВСТРАИВАНИЕ КАЗАЧЕСТВА В ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

2.1. Вовлечение казачества в государственное строительство как фактор возрождения социальной общности в середине 1920-х гг.

Начало XX в. для России стало открытием эпохи системных трансформаций, обусловленных социальными кризисами. Ключевыми характеристиками трансформационных процессов являлись неожиданность, стремительный характер и масштабность. Они быстро распространялись на политическую, социальную и экономическую системы государства. Под их воздействием изменялась система ценностей и повседневная жизнь людей, поскольку изменения происходили очень быстро и резко их результаты были непредсказуемы¹.

В России приход к власти большевиков в 1917 г. ознаменовал начало масштабной системной трансформации, которая сопровождалась острым экономическим и политическим кризисом, социальной дезинтеграцией. Распадались прежняя социальная организация общества, уничтожались институты, социальные ценности и нормы. Состояние социальной дезинтеграции становилось фактором изменения соотношения групп российского общества, их иерархий и ролевых функций. Между ними возникали новые формы социального неравенства.

На юге России такие социальные изменения затронули, прежде всего, казачество. Оно утратило свой привилегированный статус, формально было уравнено в правах с крестьянством. Из-за активной антибольшевистской позиции в период Гражданской войны казачество подвергалось репрессиям и преследованиям со стороны большевистской власти. В середине 1920-х гг.

¹ Ядов В.А. А всё же умом Россию понять можно // Россия: трансформирующееся общество. / под ред. В.А. Ядова. М., 2001. С. 9.

политика большевистской власти в отношении казачества претерпевает серьезные изменения. Проявляется тенденция налаживания диалога с данной группой населения. Причины, характер и результаты такого поворота в отношении власти к казачеству неоднократно обсуждались специалистами. Основным вопросом дискуссии являлся характер политики, официальное название которой, зафиксированное в документах – «лицом к казачьей станции»¹, однако более известная под наименованием «лицом к казачеству».

Рассматривая политику партийно-советского руководства в казачьих районах юга России в середине 1920-х гг., Я.А. Перехов характеризует её как «поиск согласия». Поиск согласия – это прежде всего обретение большевистской властью более устойчивых позиций в крестьянско-казачьей среде². И это сознательная линия большевиков, обусловленная необходимостью установления мира в регионе и преодоления разрушительных последствий Гражданской войны. С такой трактовкой нового курса большевиков не согласен был С.А. Кислицын, для которого важнейшим моментом политики большевиков в отношении казачества являлось раскачивание. Характеристику Я.А. Перехова политики большевиков как поиск консенсуса он назвал преувеличением замыслов партии. По его мнению, в середине 1920-х гг. большевики продолжали политику раскачивания, которая теперь приняла скрытый характер³.

Склоняясь в целом к позиции Я.А. Перехова, А.П. Скорик и Р.Г. Тикиджьян применяют для определения сути взаимоотношений власти и земледельческого населения в данный период термин «оптимизация». В целом это понимается как налаживание отношения с крестьянско-казачьим населением. Однако, А.П. Скорик и Р.Г. Тикиджьян больше внимания уделяют не эконо-

¹ Постановление Северо-Кавказского Краевого Исполнительного Комитета «О работе советов в бывших казачьих областях С.-К. края» от 26 августа 1925 г. // Известия Северо-Кавказского Краевого Исполнительного Комитета. Ростов н/Д, 1925. № 15 (15 сентября). С. 12.

² Перехов Я.А. Власть и казачество... С. 74.

³ Кислицын С.А. Указ и шашка... С. 261–314.

мическому фактору, подтолкнувшему большевиков к смене курса в отношении деревни, а политическому. Особенно четко это прослеживается на взаимоотношениях власти и казаков. Наряду с хозяйственным значением казачьих регионов юга России исследователи отмечают и их важность с точки зрения геополитики (лояльность казаков гарантировала прочность тыла и приграничья)¹.

Напротив, В.П. Трут и А.П. Кожанов поддерживают идею С.А. Кислицына о скрытом расказачивании в середине 1920-х гг.² Рассуждая о характере расказачивания, В.П. Трут также отмечает, что оно позволяло ликвидировать не только специфические социальные, но и этнические черты³.

Отмечая определенное положительное воздействие политического курса середины 1920-х гг. на хозяйственную активность казаков, Р.Г. Тикиджьян, весьма подробно исследовавший данный период, отмечает противоречивость результатов политики «лицом к казачеству», неоднозначное отношение к ней и казаков, и власти. В целом он характеризует данный курс как тактическое отступление от главной линии партии, направленной на унификацию социальных черт в рамках единого советского общества⁴. На противоречивость результатов политики «лицом к казачеству» обратил внимание и А.В. Баранов, указав на попытки казаков в период «расширения НЭПа» сплотиться и реализовать свой социально-политический интерес⁵. Таким образом, основные точки зрения на взаимоотношения власти и казачества в середине 1920-х гг. касаются их экономического и политического аспектов. Однако в исследованиях практически не затрагивается социальный аспект этих взаимоотношений. Казачество являлось крупной социальной общностью на юге

¹ Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Указ. соч. С. 88–125.

² Кожанов А.П. О возрождении казачества... С. 44; Трут В.П. Кто же они – казаки? Ростов н/Д, 1995.

³ Трут В.П. Кто же они – казаки?... С. 16.

⁴ Тикиджьян Р.Г. Новая экономическая политика советского государства... С. 23.

⁵ Баранов А.В. Политические настроения земледельцев... С. 112–125.

России и его участие или неучастие в социальных процессах влияло на их качество.

Исследование политики власти по вовлечению казачества в советское строительство позволяет выявить многообразие результатов такой политики и ее поливариантное воздействие на социальную общность.

В ноябре 1917 г. Совет народных комиссаров РСФСР принял Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов. Это привело к тому, что казачество как военно-служилое сословие, исполнявшее в Российской империи службу на особых условиях иррегулярности и самообеспечения, прекратило своё существование. Однако социокультурные характеристики казачества сохранились. Историки отмечали наличие у казаков в первой четверти XX в. специфических социальных связей, культуры, особого менталитета¹.

В ходе Гражданской войны и в первые годы после неё большевики, исходя из политической тактики привлечения различных социальных групп на свою сторону, не раз обращались к казачеству, дифференцируя его по социальному признаку. На I Всероссийском съезде трудового казачества (1920 г.) к казакам обратился Л.Д. Троцкий, являвшийся на тот момент председателем РВС Республики. Председатель ВЦИК М.И. Калинин также заявлял о готовности власти помочь трудовым казакам. Социальная дифференциация казаков соответствовала классовому подходу, которым руководствовались большевики и являлась основой политики расказачивания.

Как было отмечено на I Всероссийском съезде трудового казачества, расказачивание означает ликвидацию сословных обязанностей и привилегий, снятие воинской повинности, и что казачество должно стать нормальным крестьянством². Исследования в этом направлении подтверждают, что стратегическим курсом большевиков в первой половине 1920-х гг. являлось социальное расказачивание, стирание социальных особенностей и превращение казаков в часть крестьянства. Казачество предполагалось расслоить по клас-

¹ Перехов Я.А. Власть и казачество... С. 74.

² Российское казачество... С. 123.

совому принципу, нивелировать его социальные и хозяйственные особенности с крестьянством¹. Таким образом, казаки, как специфическая социальная общность должны были исчезнуть или по крайней мере уйти из системы социальных связей на юге России.

С установлением Советской власти на юге России на казачьих территориях возникло новое соотношение социальных групп, которое, по образному определению А.И. Микояна, возглавлявшего в середине 1920-х гг. Северо-Кавказский краевой комитет РКП(б), заключалась в следующем: «...Надо отметить, что победа Советской власти преломилась в голове stationary населения как победа иногородних над казаками»². Таким образом, казачество и крестьянско-иногороднее население казачьих территорий юга России поменялись социальными статусами. Казаки, которые прежде были привилегированным сословием, оказались в состоянии социальной группы, не только лишенной прежних привилегий, но и находящейся под пристальным контролем новой власти. Особое внимание большевиков в отношении казачества обуславливалось тем, что подавляющее большинство представителей данной социальной группы воевало на стороне антибольшевистских сил и, следовательно, в глазах новой власти представляло потенциальную угрозу.

Казачество, в свою очередь, с опасением и недоверием относилось к новой власти. Возможность самосохранения они находили в консолидации социальной общности, часто трактуемой как сословная консолидация, и социальной замкнутости. Казачество практически не участвовало политическом строительстве, отчетливо была выражена его социальная апатия. Это приводило к исключенности казаков из социально-политических процессов юга России.

¹ Кислицын С.А. Указ и шашка... С. 265, 266, 267 и др.; Перехов Я.А. Власть и казачество... С. 16, 17; Тикиджьян Р.Г. Политика советского государства «лицом к деревне»...

² Микоян А.И. Партия и казачество... С. 50.

С введением НЭПа отношение к казачеству со стороны партийно-советских органов постепенно начало меняться. Отправной точкой новой политики большевиков считается XIII съезд РКП(б), состоявшийся в мае 1924 г., на котором была принята резолюция «О работе в деревне». Съезд, в целом, был направлен на усиление аграрной политики партии. После него было создано постоянно действующее совещание по работе в деревне при ЦК РКП(б), а взятый партией политический курс получил наименование «Лицом к деревне»¹. В структуре совещания создаются специализированные комиссии, занимавшиеся различными вопросами, в том числе привлечением крестьянства к активной работе в сельсоветах. Перемены по отношению к крестьянству выразились в укреплении Советов на селе, восстановлении кооперативного движения, усилении культурной работы и т.д.

На казачьих территориях юга России были предприняты аналогичные меры по активизации работы с казаками, вовлечению их в процессы советского строительства. Несмотря на то, что причины изменения политики в отношении казаков были схожи с теми, что вызвали формирование нового политического курса в отношении крестьянского населения в целом, исследователи данного периода выделяют специфические причины начала новой политики на казачьих территориях. К таковым относятся: во-первых, причины экономического характера, так как казачьи области производили в значительных объемах сельхозпродукцию²; во-вторых, причины военно-политического характера, а именно – сохранение компактных групп казачества как фактора стабильности политической обстановки на приграничных территориях Северного Кавказа³; в-третьих – снижение накала социального антагонизма между казаками и властью, обусловленного политикой репрессий и ограничений, проводимой большевистской властью на казачьих терри-

¹ Венер М. Лицом к деревне: советская власть и крестьянский вопрос (1924–1925 гг.) // Отечественная история. 1993. № 5. С. 86–107.

² Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Указ. соч. С. 89.

³ Перехов Я.А. Власть и казачество... С. 82; Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Указ. соч. С. 89–90.

ториях юга России¹; в-четвертых – социальная нивелировка казаков, изменение менталитета группы, что возможно было только через привлечение их на сторону новой власти².

В контексте исследования происходивших изменений как системной трансформации и модернизации следует выделить еще одну причину формирования курса «Лицом к казачеству». Такой причиной являлась необходимость обеспечить участие в модернизационных процессах максимально широкого круга населения. Только в этом случае им гарантировался успех. В историографии такая причина чаще всего определялась в экономико-социальном ключе. Под вовлечением населения в модернизационные процессы понималось расширение социальной базы советской власти, укрепление рыночного союза рабочего класса и крестьянства³. В 1921 г. при введении НЭПа большевики поставили вопрос о смычке пролетариата и крестьянства, к 1924 г. понимание партией неустойчивости своих позиций в деревне выйдет на новый уровень, партийные лидеры будут отмечать, что РКП(б) партия слишком городская и слишком мало знает о деревне⁴.

Отчужденность казачества от социально-политических процессов в начале 1920-х гг., повсеместно фиксируемая на юге России, была обусловлена рядом причин. В качестве первой причины можно назвать страх перед властью вследствие недавних репрессий, продовольственных реквизиций и пр. Информация из казачьих регионов за 1919–1924 гг. создает впечатление оглушенности и придавленности населения. В сводках окружных комитетов РКП(б) за данный период содержалась такая информация: «В станицах, хуторах мужское население почти 50% бежало с белыми, остались старики, женщины и дети. На ми[тингах] присутствуют преимущественно женщины, мужское население боится показываться. Частая подводная повинность, рек-

¹ Российское казачество... С. 126.

² Бугай Н.Ф. Казачество России... С. 44.

³ Кислицын С.А. Указ и шашка... С. 261, 278.

⁴ Венер М. Указ. соч. С. 88.

визия хлеба вызывают жалобы населения»¹ (Хопёрский округ Донской области); «...по нашему мнению, казачество по[прежнему] остается в своей скорлупе, оставаясь как бы нейтральным к власти и партии»².

Следующая причина, вызывавшая недовольство казаков властью и объективно способствовавшая их уходу из системы социальных связей, – территориальные переделы, разделы прежде единых казачьих областей и присоединение их частей к другим территориально-административным единицам, передача земельных угодий казачьих станиц народам Северного Кавказа с выселением казаков из мест их традиционного проживания. Территориальный передел являлся важным мероприятием политики расказачивания, проводимой в начале 1920-х гг., а на Северном Кавказе он был еще и инструментом национальной политики. По мнению Н.Ф. Бугая, большевики в 1920 г. проводили своеобразную этническую перегруппировку населения³. Так, находясь на Северном Кавказе, 30 октября 1920 г. И.В. Сталин телеграфировал в ЦК РКП(б) о необходимости выделения казаков из состава Терской области в отдельную губернию, так как сожителство казаков и горцев в одной административной единице является опасным⁴. Отделение, таким образом, русских народов от нерусских облегчало проведение политики «расказачивания»⁵.

Территориальный передел в Терской области, в состав которой вошли земли Терского казачьего войска, носил выраженный этнический характер. Перераспределение земель между административными единицами часто происходило за счет казачьих земель. Жители ряда станиц выселялись в другие места, а земельные юрты этих станиц передавались чеченцам, ингушам, осетинам и другим народам. Так, на прошедших двух партийных конферен-

¹ ЦДНИВО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.

² Крестная ноша. Трагедия казачества / сост. В.С. Сидоров. Ростов н/Д, 1994. С. 12.

³ Бугай Н.Ф. Казачество России...С. 41.

⁴ Там же. С. 40.

⁵ По решению правительства Союза ССР / сост. Н.Ф. Бугай, А.М. Гонов. Нальчик, 2003. С. 10.

циях в Терской области в 1921 г. было принято решение выселить ряд казачьих станиц за пределы Горской республики и за счет казачьих земель урегулировать земельный вопрос горцев¹.

В марте 1921 г. Исполком Владикавказского округа Горской АССР, излагая в докладной записке Владикавказскому ВЦИК суть земельной проблемы округа, предложил для ее решения переселить казачьи станицы Архонскую, Ардонскую, Николаевскую, Змейскую и хутор Ардонский, а освобожденные земли в количестве 53 тыс. дес. предоставить горцам нагорной полосы Осетии. Отмечая остроту земельного вопроса, исполком подчеркивал, что для его решения «...кому-то надо встать и уйти из пределов округа, чтобы дать возможность оставшимся вздохнуть свободно. Не может быть двух мнений о том, что уйти из округа должны казаки...»².

В январе 1923 г. ряд станиц Сунженского округа, входившего в состав Терского казачьего войска, таких как Петропавловская, Горячеводская, Ильинская, хутор Сарахтиновский, по решению Президиума ВЦИК передали Чеченской автономной области. О необходимости использования пустующих земель бывших казачьих станиц – Михайловской, Самашкинской, Закан-Юртовской и Ермоловской, «так эти земли свободны уже более трех лет», говорилось в докладной записке заведующего отделом землеустройства Чеченского областного земельного управления в декабре 1923 г.³ Можно привести ещё целый ряд примеров относительно выселения населения терских казачьих станиц с целью передачи их земель народам автономных образований.

В 1920–1923 гг. происходили территориально-административные изменения, затронувшие Область войска Донского. В 1920 г. вместо нее созда-

¹ Из решения Первой Горской областной конференции РКП(б) Апрель 1921 г. // По решению правительства Союза ССР... С. 81.

² Докладная записка исполкома Владикавказского (Осетинского округа). Март 1921 г. // По решению правительства Союза ССР... С. 82.

³ Докладная записка заведующего отделом землеустройства Чеченского областного земельного управления на имя заведующим отделом землеустройства Управления Наркомата земледелия. 1 декабря 1923 г. // По решению правительства Союза ССР... С. 86.

на Донская область, вобравшая большую часть территорий Области войска Донского. Часть территорий Таганрогского и Донецкого округа отошли к Украинской Советской Социалистической Республике. В связи с образованием в ноябре 1920 г. Калмыцкой автономной области, устройство которой основывалось на национально-территориальном принципе, часть территории Сальского округа Области войска Донского оказались в составе новой административно-территориальной единицы РСФСР¹. Затем, начиная с 1921 г. из состава Донской области в состав Царицынской губернии были переданы 2-й Донской округ, Усть-Медведицкий округ и Хопёрский округ. С 1921 по 1923 гг. происходили изменения административных границ казачьих округов, передача станиц из одного округа в другой, переименование станиц в волости. В результате всех этих территориальных переустройств Донская область как единая территория донского казачества перестала существовать.

Вопрос о территории Войска Донского ставился ещё в 1919 г. на заседании Оргбюро ЦК РКП(б). При обсуждении административного деления Донской области И.В. Сталин предложил принять прежнее решение ЦК, согласно которому небольшие куски территории на северо-западе и северо-востоке отходили к Воронежской и Саратовской губерниям, а прилегающие к Царицынской губернии округа включались в состав Царицынской губернии. Сталин считал, что с установлением Советской власти мера будет иметь большое влияние на разложение казачества в остальных округах Донской области².

Ситуация по разделу территории донских казаков развивалась в русле политики большевиков по повышению влияния городов – пролетарских центров на сельские территории. Материалы партийных структур Царицынской губернии о проведении территориально-административной реформы в 1921 г. содержат доклады о целесообразности присоединения округов бывшей

¹ Максимов К.Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII – XX вв.) М., 2002. С. 268–269.

² Бугай Н. Ф. Казачество России... С. 43.

Донской области к губернии. В качестве обоснований такого присоединения Хопёрский окружной партийный комитет отмечал удаленность территории от прежнего административного центра – Ростова-на-Дону и затрудненность решения политических и экономических вопросов¹.

В начале 1920-х гг. происходило сокращение и территории кубанского казачества. Так, в 1922 г. при создании Карачаево-Черкесской автономной области в её состав включили часть Баталпашинского отдела с казачьими станицами.

Территория Астраханского казачьего войска также претерпела значительные изменения. Ряд станиц и хуторов II отдела Астраханского войска, находившиеся к началу XX в. на территории Саратовской губернии, вошли в состав уездов созданной в 1921 г. Царицынской губернии. Другие вошли в состав Камышинского уезда Саратовской губернии.

Территориальное перекраивание способствовало лишению казаков как экономических ресурсов, так и ускоряло процесс социального размывания. Это снижало протестный потенциал казачества, но одновременно отталкивало их от власти, рождая недоверие и страх.

Тяжелое экономическое положение казачества, сложившееся вследствие разорения в период Гражданской войны, стало ещё одной причиной негативного настроения казаков по отношению к большевистской власти. Как отмечали сами большевики: «Гражданская война, длившаяся почти три с половиной года здесь на Дону, больно ударила по экономической мощи казачества, поставив большой слой его в разряд неимущих и малоимущих...»²

Другая причина – восприятие власти большевиков в казачьих регионах, как власти иногородних. В сводках партийных органов, фиксировавших настроения казачьего населения в округах, отмечался рост недоверия к власти в связи с выборами в местные (станичные) советы. Это проявлялось в отказе голосовать за кандидата, рекомендуемого ячейкой РКП(б) и исполко-

¹ ЦДНИВО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 6. Л. 116.

² ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 10. Л. 36.

мом¹. Такое недоверие было взаимным и отчетливо проявлялось со стороны представителей местных партийно-советских органов. А.В. Баранов отмечает, что среди большевиков на местах по-прежнему господствовало убеждение в том, что все казачество – контрреволюционная сила. Почти треть казаков в станицах были лишены выборных прав².

Степень важности казачьего вопроса на юге России определялась количеством казаков в этом регионе, а также их соотношением с неказачьим населением в различных районах. В Северо-Кавказском крае бывшая Донская область по Всесоюзной переписи населения 1926 г. была представлена следующими округами: Донецким, Донским, Сальским, Таганрогским, Шахтинско-Донецким³. Кубано-Черноморская область – Армавирским, Кубанским, Майкопским, Черноморским⁴. Территории терского казачества были представлены Сунженским округом, Терским округом, станицей Баталпашинской в Черкесской Автономной области и др. Согласно итогам переписи 1926 г., в части бывшей Донской области (за вычетом округов, переданных Царицынской губернии) проживало 695 564 казака, что составляло 33,05% общей численности сельского населения области, а в бывшей Кубано-Черноморской области проживало 1 245 590 казаков⁵. Общее количество казаков по Северо-Кавказскому краю составило 2 148 299 чел., что составило 32,02% населения⁶. Самая высокая концентрация казаков была в Донском округе (37,28%), Армавирском округе (46,71%), Майкопском округе (40,63%)⁷.

¹ Рвачева О.В. Политика партийно-советских органов и социально-политические настроения донского казачества в период социалистической модернизации 1920–1940 гг. Волгоград, 2017. С. 60, 61.

² Баранов А.В. Социальное и политическое развитие Северного Кавказа в условиях Новой экономической политики (1921–1929 гг.). СПб., 1996. С. 233.

³ Перехов Я.А. Власть и казачество... С. 80.

⁴ Там же. С. 81.

⁵ Перехов Я.А. Власть и казачество... С. 81.

⁶ Там же. С. 80.

⁷ Там же. С. 81.

В Сталинградской губернии территории бывшей Донской области были представлены тремя округами: 2-м Донским округом, Усть-Медведицким округом и Хопёрским округом. Примечательно, что партийно-советское руководство губернии отмечало, что Царицынская губерния была практически поровну поделена на казачьи и неказачьи округа, и соответствующим образом выстраивало свою политику в губернии, обращая особое внимание на казаков. С учетом же того, что в Царицынскую губернию вошли станицы и хутора астраханского казачества, то процент казачьих территорий был здесь ещё выше. Проводимые в 1926 г. партийно-советскими структурами исследования настроений населения по округам Сталинградской губернии выявили следующий процент казачьего населения в округах бывшей Донской области: во 2-м Донском округе казачество к общему количеству населения составляло 89,1%, в Усть-Медведицком округе – 74,4%, в Хоперском – 73%¹. Таким образом, количество казачьих территорий и численность казаков на них ясно доказывало невозможность игнорирования настроений этой части населения юга России.

О том, что для большевиков было важно участие казачества в процессах строительства новой социально-политической системы (или хотя бы на первых порах снижение протестных настроений), свидетельствует регулярный мониторинг настроений казачьего населения на местах. Сводки о политических настроениях и действиях этой группы населения, выявление причин, влиявших на социально-политические настроения казачества, поступали от станичных и хуторских партийных ячеек, исполнительных комитетов². Большевицкая власть постепенно нарабатывала и совершенствовала формы мониторинга общественных настроений казаков и механизмы воздействия на

¹ Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 874. Л. 1.

² Рвачева О.В. «До сих пор мы все-таки плохо знаем, чем дышит казачество...». Изучение настроений донского казачества партийно-советскими структурами в середине 1920-х гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Астрахань, 2018. № 1 (54). С. 15–23.

них. Это было важной частью модернизационного процесса. Советский режим создавал систему формирования общественной поддержки.

Несмотря на снижение потенциальной угрозы политического противостояния казачества с властью к середине 1920-х гг. всё-таки оценка настроения казачества партийно-советскими органами не была однозначной, периодически отмечалось выжидательное или даже скрыто враждебное настроение данной группы населения. Такая ситуация заставляла власть, во-первых, пристально следить за поведением казачества, а во-вторых, искать различные пути стабилизации общественной системы.

Таким образом, казачий вопрос становился частью переустройства общества, проводимой большевиками. Так, проведение в 1924 г. административной реформы, одной из задач которой являлось укрепление станичных и сельских советов, должно было укрепить позиции большевиков. Советы придавали партийной власти легитимный характер, поэтому необходимо было повысить их авторитет в глазах крестьянства и казачества. Это послужило толчком к изучению вовлеченности казаков в деятельность Советов. В результате власть вынуждена была констатировать, что казачество представлено в Советах непропорционально своей численности¹. Г.Я. Сокольников и Н.И. Бухарин направили в Политбюро ЦК летом 1924 г. записку, в которой указывали, что на Северном Кавказе «не пахнет казаком»².

В ноябре 1924 г. на пленуме Северо-Кавказского крайкома РКП(б) поднимался вопрос о казачестве. В частности, речь шла о том, что в станицах количество казаков, лишенных избирательных прав доходит до трети населения станицы: «... кто ушел из белой армии – поэтому, кто бы[л] офицером – поэтому, кто из урядников – поэтому, кто офицерский чин имеет – поэтому. Третья часть не выбирает. ... Казаки говорят: как вы унтер-офицеров и атаманов от нас отрезываете, это наши выборные, а вы их от нас отрезываете...»³.

¹ Перехов Я.А. Власть и казачество. С. 79.

² Там же.

³ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 13. Л. 77.

В докладе секретаря крайкома А.И. Микояна указывалось на необходимость показать казаку, что советская власть и партия ставит целью «установление равноправных братских отношений между трудовыми казаками, горцами и иногородними крестьянами. Мы должны бросить разговоры, что казачество контрреволюционно вообще, ...а иногородние все революционные были и будут...»¹

Системное изучение социального и политического состояния казачества на юге России властью началось осенью 1924 г. Определение причин, тормозивших ликвидацию сословных пережитков казачества, принимает системный характер в октябре 1924 г., когда Оргбюро ЦК РКП(б) обязало заниматься этим партийные организации на местах. По постановлению Пленума ЦК РКП(б) Всесоюзное совещание по работе в деревне также должно было вплотную заняться изучением положения казачества, для чего планировалось привлечь местных партийных работников. В итоге при Всесоюзном совещании по работе в деревне создается казачья комиссия, которая должна была изучить положение казачества на местах и подготовить подробный доклад для отчета Пленуму ЦК РКП(б).

По характеристике Я.А. Перехова, казачья проблема «буквально не сходила с повестки дня краевых и окружных партийных и советских органов бывших казачьих областей» с 1924 г. по 1926 г.² На ноябрьском пленуме Северо-Кавказского крайкома в отчетном докладе А.И. Микояна указывалось: «Бюро Крайкома считает, что настало время вплотную подойти к этому вопросу [вопросу о казачестве – О. Р.]. Его не только нужно изучить, но и практически проводить в жизнь. Наша основная задача по отношению к казачеству – это: вовлечение казаков-бедняков и середняков в советскую общественность. Из казака нужно сделать советского общественника... Нужно привлечь казачество на работу в сельсоветах, секциях их и исполкомах, ибо

¹ Там же. Л. 76.

² Перехов Я.А. Власть и казачество. С. 83.

до сих пор оно мало вовлечено»¹. На пленуме было решено создать комиссию для изучения положения казачества и выработке предложений по более активному вовлечению казаков в систему советского общества. Комиссия предложила способ фиксации границ казачьего сообщества для того, чтобы можно было вести наблюдение и анализировать процессы, происходящие в сообществе. В статистических отчетах ввели графу «бывшее сословие», что позволило более-менее точно вести подсчеты казаков на территориях их компактного проживания.

Масштабную работу по изучению казачества проводили и в Сталинградской губернии, в состав которой входило три казачьих округа, что составляло половину ее административной территории. По данным Сталинградского губернского комитета РКП(б), количество казачьего населения в трех округах бывшей Донской области превышало 80%, это было важным аргументом для разработки специальной политики в отношении казачества². Выполняя постановление Оргбюро ЦК РКП(б) 1924 г., партийные структуры проводят всестороннее изучение казачества. Информация собиралась и аккумулировалась в специальных отчетах окружных партийных комитетов, которые направлялись в губернский комитет³. Структура отчетов включала информацию о ведении сельского хозяйства, землепользовании, налогах, формах управления, культурно-бытовой специфике, взаимоотношениях с иногородним населением, религиозных настроениях. В основе лежал исторический обзор развития казачества, что должно было подчеркивать сложившуюся социально-экономическую и культурную особенность казачьих районов и её устойчивость в современных условиях. Особое значение имел вопрос о политических настроениях казачества. Для изучения этого вопроса органы власти на местах собирали материалы о характере участия казачества в Гражданской

¹ ЦДИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 14. Л. 27–28.

² ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 112а. Л. 2.

³ Там же. Л. 29–39, 40–46, 47–48об.

войне. По ряду станиц приводились весьма подробные сведения об антибольшевистских настроениях казаков, участии в восстаниях и др.

В обобщающем докладе о работе в казачьих округах Сталинградской губернии секретарь Сталинградского губкома РКП(б) Б.П. Шеболдаев отмечал важность казачьего вопроса для Сталинградской губернии. Подчеркивалась и справедливость выводов о враждебности и закрытости казачества для мероприятий советской власти и необходимости преодолеть эту закрытость: «Как правильно отмечал тов. Лацис (обследовавший по поручению ЦКК нашу губернию) – казачья масса покрыта толстой корой косности, предрасудков, враждебности и недоверия к советской власти и партии, через которую не проникают наши хозяйственные, культурные и другие мероприятия»¹.

Еще одно направление исследования состояния территорий, на которых компактно проживали казаки это сбор сведений о настроениях казачества волостными исполнительными комитетами. В Сталинградской губернии такие отчеты волисполкомов собирались в 1924–1925 гг. каждые три месяца. В них фиксировалась информация о политическом бандитизме и других негативных политических настроениях среди казаков, отношении населения к экономическим мероприятиям советской власти, таким как кооперация, налоги и др., проявление сословной вражды, конфликты казаков и иногородних².

Развивается практика беспартийных, казачье-крестьянских конференций. Их проведение также позволяло осуществлять мониторинг настроения населения. В докладах об итогах таких конференций содержались сведения об активности или пассивности разных групп населения при обсуждении вопросов конференции, что вызывало особый интерес делегатов. Например, в одном из заключений по итогам проведения казачье-крестьянской конференции Березовской волости Усть-Медведицкого округа отмечалось, что «казаки

¹ ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 112а. Л. 19.

² ГАВО. Ф. Р-1722. Оп. 2. Д. 283. Л. 17, 90, 90об, 98, 104 и др.

– крестьяне в вопросах и в своих выступлениях касались всевозможных областей работы органов власти, вопросов своей жизни, нужды и интересов, чувствовался рост политической активности населения волости»¹. Таким образом, казачье-крестьянские беспартийные конференции можно рассматривать как канал «обратной связи».

С осени 1924 г. по март 1925 г. собиралась информация о положении казачества, которая должна была быть систематизирована и представлена на рассмотрение Пленуму ЦК РКП(б) весной 1925 г. На юге России такая информация собиралась специальными комиссиями в казачьих областях Юго-Восточного края (переименован в Северо-Кавказский край в октябре 1924 г.) и Царицынской губернии. Для этого были выбраны несколько казачьих волостей и населенных пунктов, наиболее типичных с точки зрения социально-экономического состояния и присутствия казачьих черт. Каждая комиссия должна была обследовать 2–3 волости и 3–4 населенных пункта².

Все собранные таким образом материалы были переданы в ЦК РКП(б) и явились основой для резолюции «По вопросу о казачестве» апрельского партийного Пленума 1925 г. Пленум официально закрепил линию, которая уже проводилась на местах и была направлена на вовлечение казаков в новые общественно-экономические отношения.

В Северо-Кавказском крае проведение проказачьих мероприятий было одобрено на Пленуме Крайкома и первом Северо-Кавказском съезде советов. Центральным докладом на Пленуме стало выступление председателя краевой рабоче-крестьянской инспекции С.И. Комиссарова, возглавлявшего комиссию при крайкоме РКП(б) по изучению положения казачества. Итогом работы комиссии должна была стать выработка предложений по вовлечению казаков в советское строительство и активное участие их в жизни нового общества. Главной идеей доклада С.И. Комиссарова являлась необходимость рассматривать основные проблемы развития Северо-Кавказского края с учетом

¹ ГАВО. Ф. Р-1722. Оп. 2. Д. 17. Л. 71.

² ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 43. Л. 8.

казацкого вопроса: «Вся эта политическая жизнь: выборы в Советы, хозяйственная жизнь, вся она, по моему, должна быть в значительной степени просвечена сквозь призму казацкого вопроса...»¹

На Пленуме были сформулированы основные проблемы, влиявшие на жизнь казаков и определявшие их отношение к власти. Ключевой проблемой являлось хозяйственное состояние и развитие казачества. Она включала ряд вопросов, таких как проблема землевладения и землепользования, конфликты с иногородними, в основе которых лежал раздел земельных угодий, налогообложение казаков, введение культурной обработки земли. Другой важной проблемой стали выборы в Советы, точнее, участие казачества в этих выборах. Выборы в Советы осенью 1924 г. в целом по стране показали серьезное снижение участия населения в них. В ряде регионов итоги выборов были таковы, что их пришлось отменить (участие в выборах приняло меньше 35% населения). В казацких регионах юга России ситуация с выборами сложилась неблагоприятная. На пленуме констатировали, что большое число выборов в крае придется отменять из-за низкой явки избирателей. Докладчики на Пленуме приводили факты явки на выборы: «в Армавире участвовало 27%, в Донском округе 29%... на Кубани придется проводить сплошные перевыборы, ...Сунжа очевидно находится в таком же положении, как и Кубань, здесь 16,3%...»². Ситуация с выборами была для власти показательной. Она свидетельствовала как о растущем недоверии казачества и, в целом, сельского населения к власти, так и о социальной апатии, связанной с невозможностью реально участвовать в управлении социальными процессами, уверенностью в том, что власть все равно навязет своё решение и т.п. В итоге казацко-крестьянское население продемонстрировало своё нежелание участвовать в социальном переустройстве страны. Для власти это означало опасность существенного замедления трансформационных процессов и потенциальное нарастание конфликта с крестьянско-казацкой частью населения.

¹ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 93. Л. 122.

² ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 93. Л. 134.

Выявленные властью проблемы во взаимоотношениях с казачеством определили методы и конкретные действия, с помощью которых партийно-советские органы начали реализовывать политику «Лицом к казачеству» на юге России. Поскольку главной идеей данной политики являлась демонстрация благожелательного отношения к казакам, налаживание взаимодействия и, в конечном итоге, превращение казаков в лояльную советской власти группу, то основными методами по осуществлению этого стало вовлечение казаков в работу советов и их исполнительных органов управления, в партийные, комсомольские и другие общественные организации, восстановление некоторых культурных черт казачества и, в целом, возобновление активного присутствия казаков в политической и социально-хозяйственной жизни юга России.

Среди конкретных действий, которые стали проводиться в казачьих округах на юге России в 1925 г. были перевыборы в местные Советы, направленные на увеличение явки на выборы казаков. В марте 1925 г. на Дону и Кубани состоялись перевыборы советов, которые показали активности сельского населения и, в частности, казачества. В среднем по округам с казачьим населением участие в выборах приняло 40,6% населения, что примерно на 10% было больше, чем в 1924 г.¹

Ещё одной важной мерой по привлечению казаков на сторону советской власти стала амнистия и восстановление в избирательных правах казачьих репатриантов. Обсуждение вопроса о восстановлении в гражданских правах тех казаков, которые показали свою лояльность новой власти, происходило на ноябрьском 1924 г. Пленуме Северо-Кавказского крайкома. Б.П. Позерн отметил, что такая мера сразу облегчит для власти подход к массам трудового казачества². Это была третья амнистия в отношении казаков. 26 января 1925 г. вышло постановление Президиума ВЦИК «Об амнистии по поводу созыва I-го краевого съезда советов Северного Кавказа». В постановлении

¹ Перехов Я.А. Власть и казачество... С. 91.

² Там же. С. 72.

говорилось о восстановлении в избирательных правах возвратившихся в Северо-Кавказский край репатриантов-врангелевцев, которые высказали свое лояльное отношение к власти¹. Я.А. Перехов отмечает, что это дало существенное увеличение количества принявших участие в выборах в советы.

Так называемое «оказачивание» советов, рост представительства казаков в этих органах и даже выдвижение представителей от казачества на должности председателей в них², свидетельствовало о постепенном втягивании казаков в систему советского общества. На XIV Всесоюзной конференции РКП(б) в апреле 1925 г. отмечалось, что в связи с изменениями методов работы авторитет советской власти в казачьих станицах очень поднялся³.

Важным этапом по «советизации» казачества становится апрельский Пленум РКП(б) 1925 г. Доклад «О положении казачества» на Пленуме сделал заведующий Агитационно-пропагандистским отделом ЦК С.И. Сырцов. Отметив основные проблемы взаимоотношений казачества и власти, акцентировав внимание на необходимости классово-дифференцированного подхода к социальной общности, С.И. Сырцов призвал считаться с культурными традициями казаков и не игнорировать их бытовых особенностей, то есть фактически сохранить для казачества ряд культурных идентифицирующих элементов. Позиция С.И. Сырцова вызвала как резкую критику со стороны других участников пленума, отрицавших необходимость акцентировки внимания на специфике казачьего сообщества, так и получила поддержку со стороны, например, первого секретаря РКП(б) А.И. Микояна. В итоге на пленуме принимается предложенная С.И. Сырцовым резолюция «О казачестве».

Положения резолюции можно рассматривать как систематизированное изложение мероприятий и стимулов адаптационно-мобилизационного характера, позволявших трансформировать казачье сообщество и проводить относительно успешно его включение в советскую систему. Так в первом пункте

¹ Перехов Я.А. Власть и казачество... С. 72.

² Там же. С. 95.

³ XIV конференция РКП(б). Стенографический отчет. М., Л., 1925. С. 24.

резолуции декларировался учет особенностей и традиций казачества, в том числе в области казачьего быта. Провозглашалось недопущение применения насильственных мер в этой сфере¹. Разрешение казакам носить традиционную одежду имело не только символическое значение, но и работало на сохранение идентичности. В наименовании советов в казачьих районах вводилось упоминание «и казачьих депутатов», что фактически означало признание властями казачьей самобытности, сохранявшегося отличия казаков от крестьян. Декларировалось широкое привлечение через Советы казаков к советскому строительству.

Изменение политики партийно-советского руководства в сфере избирательных прав, расширение возможности участия в советском строительстве для реэмигрантов и бывшей станичной элиты также можно рассматривать как мероприятия по адаптации казачества к советскому строю и вовлечение их в модернизационные процессы. Демонстрация политического доверия со стороны власти способствовала формированию политической лояльности социальной общности.

Наглядно изменение отношения казачества к власти, складывание тенденций адаптации к режиму представлены в материалах партийного совещания по вопросам работы среди казачества, которое проходило в Северо-Кавказском крае с 22 по 26 июня 1925 г. Смысл созыва совещания, как его озвучил А.И. Микоян во вступительной речи, заключался в том, чтобы помочь партии и советской власти наметить пути, которые легче всего и безболезненнее всего поведут к разрешению задач и вопросов жизни и быта казаков. В рамках совещания определялись эффективные формы и способы вовлечения казачества «в активное советское строительство и во всю общественную работу»². При этом речь шла не о том, чтобы казачество подстроилось под советскую систему, а о формировании у него активной и осознан-

¹ Резолюция Пленума ЦК РКП(б) «По вопросу о казачестве» 23–30 апреля 1925 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., испр. и доп. М., 1984. С. 349–351.

² Краевое совещание по работе среди казачества... С. 2.

ной позиции. Так, секретарь Северо-Кавказского крайкома партии отмечал, что: «На данной стадии развития революции мы добились того, что основная часть хлеборобов, крестьян и казаков середняков – нейтрализована. Однако, это нас удовлетворить ни в коем случае не может... Мы должны суметь привлечь их на нашу сторону. Мы должны их сделать нашей опорой, мы должны добиться их доверия, мы должны им сами доверять, и мы будем строить советскую власть, опираясь на них, строить их руками и при их помощи»¹.

Достигнутые на местах результаты по включению казаков в системы советского общества подвергались пристальному рассмотрению и обсуждению. Во-первых, это участие казачества в советском строительстве. А.И. Микоян, И.И. Нейбах, Р.С. Землячка и др. отмечали это как важнейший вопрос настоящего момента². Во-вторых, комплекс мероприятий в области землеустройства и налогообложения в казачьих районах. В-третьих, создание территориально-милиционной системы и развитие военной службы казаков. В-четвертых, возрождение казачьей культуры, выведение ее из сферы запретов и ограничений.

Также были определены препятствия на пути вовлечения казаков в советское строительство. К таковым относились: национальная и сословная рознь, религиозность казаков, точнее негативное отношение к ней со стороны представителей местной власти, что нередко приводило к конфликтам и непониманию между казачье-крестьянским населением и местными партийно-советскими органами управления, подозрения и отрицательное отношение к реэмигрантам и бывшей станичной элите (атаманам, их помощникам, офицерам и пр.).

Предусматривались партийно-советским руководством и действия по формированию в казачестве активных групп, по втягиванию основной массы населения в реформационный процесс. Наибольшие надежды в этой сфере подавала, конечно, группа молодежи. И это понимали партийно-советские

¹ Краевое совещание по работе среди казачества... С. 11–12.

² Там же. С. 81.

лидеры. В начале 1925 г. комиссия по изучению положения казачества отмечала, что казачья молодежь смотрит на действия власти не так, как старики, она тянется к мероприятиям, которые проводят комсомольские ячейки¹. На краевом совещании также говорилось, что «казачья молодежь, прошедшая советскую школу, получившая советское воспитание – представляет наилучшую форму связи между советской властью, нашей партией и казачеством. Поэтому – наше внимание и наша помощь казачьей молодежи, новому поколению из казачества, призванному вписать новые советские страницы в историю казачества»².

Важнейшей мерой по превращению казаков в советских граждан являлось вовлечение их в партию. Это оценивалось исследователями как «важнейший показатель серьезности намерений властей в отношении казачества»³. Кроме того, срабатывал эффект восприятия по принципу «свой–чужой». Расширения участия казачества в партийных органах снижало уровень недоверия и неприятия социальной общностью большевистской власти. Партийные работники на местах отмечали, что казак-коммунист воспринимался как «свой человек» и ему доверяли больше, чем партийцу-иногороднему⁴.

Много внимания этому вопросу было уделено на краевом совещании. Делегаты, обосновывая необходимость «оказачивания» партийных организаций на местах, говорили, что «если в партию войдет лучшее честное трудовое казачество, то это очень облегчит связь нашей партии с трудовым середняцким казачеством и поднимет казачество к активной советской работе, так как партия берет курс на середняка, на трудовых хлеборобов, в том числе ка-

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 68. Д. 240. Л. 158.

² Краевое совещание по работе среди казачества... С. 7.

³ Перехов Я.А. Власть и казачество... С. 104.

⁴ Горюнов П. О казачьем вопросе. Из наблюдений и опыта работы по Ейскому району Донского округа Новочеркасск, 1925. С. 21–22.

заков»¹. Приводились факты сближения казаков с партией, признание ее нужности. В прессе того периода приводились случаи, когда беспартийные председатели-казаки просили районные партийные комитеты прислать партийного работника для работы в качестве секретаря сельсовета или избача. Отмечались случаи, когда присланные в станицу крайкомом РКП(б) партийные работники приобретали такой авторитет, что казачество просило крайком оставить их для постоянной работы².

В качестве задач партстроительства в казачьих регионах предлагалось усилить организационный охват партийным влиянием маломощных и среднечисленных слоев казачества, индивидуальную работу, провести более целесообразное распределение партийцев из казаков, для посылки их в округа с казачьим населением, максимально приблизить к партии тех казаков, которые служили в рядах Красной армии и боролись за Советскую власть, а также усилить взаимодействие с комсомольской организацией и создать массовый приток в комсомол казачьей молодежи и др.³

Кроме партийного строительства, в казачьей среде предполагалось вовлекать в процесс социалистического строительства женщин-казачек и создавать новую казачью интеллигенцию. Для этого, например, в учебных заведениях для представителей казачьего населения бронировались места. Предусматривался прием казаков в советские и партийные школы⁴.

В Сталинградской губернии системное обсуждение реализации политики «Лицом к деревне» в отношении казачества было проведено на пленуме Сталинградского губернского комитета РКП(б) 10–11 июня 1925 г. В докладе А.В. Подскребова отмечалось, что казачество составляет 54% всего населения губернии, а в бывших донских округах эта цифра доходит до 84%, в связи с этим подчеркивалась важность казачьего вопроса для губернии⁵. В до-

¹ Краевое совещание по работе среди казачества... С. 8.

² РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 359. Л. 58.

³ Краевое совещание... С. 165–166.

⁴ Перехов Я. А. Власть и казачество... С. 113.

⁵ ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 125. Л. 73а.

кладе говорилось, что казачеству уделялось недостаточно внимания, из-за чего на местах возникало нездоровое отношение к Советской власти, недовольство и враждебность и с этим надо раз и навсегда покончить¹. Высвеченные на пленуме проблемы, как и в других казачьих регионах юга России, касались ситуации землеустройства, конфликтов с иногородними на этой почве, восстановление в правах реэмигрантов, создании казачьих кавалерийских частей².

В казачьих округах Сталинградской губернии из-за низкого количества, принявших участие в выборах в Советы в 1924 г., в апреле 1925 г. прошли массовым порядком перевыборы. В итоге средний процент участия населения в выборах составил 37%, а местами эта цифра доходила до 60%³. Значительно увеличилась численность казаков в советах. На Пленуме губкома РКП(б) в апреле 1925 г. приводились следующие цифры по округам. В Хопёрском округе казачество составляло 73% от общей численности населения, в сельсоветах казаков был 81%, в волостных исполнительных комитетах (ВИКах) – 71%, в уездных исполнительных комитетах – 47%⁴. В окружной партийной организации казаков числилось 44,8%⁵.

Характеризуя политику власти в отношении казаков в Астраханской губернии, исследователи отмечали, что в 1925–1928 гг. была разработана программа «возрождения казачества»⁶. Однако изучение «казачьего вопроса» здесь началось несколько позже, чем в Сталинградской области и Северо-Кавказском крае. В ноябре 1925 г. на заседании бюро губкома был поднят вопрос о казачестве, что и стало отправной точкой системного изучения и выработки плана действий в отношении астраханского казачества. В поста-

¹ Там же. Л. 74а.

² ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 125. Л. 76а, 77а, 78а и др.

³ ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 125. Л. 97об.

⁴ Там же. Д. 130. Л. 43.

⁵ Там же.

⁶ Сычёв М.С. Власть и астраханское казачество 1918–1933 гг. // I-е Бирюковские чтения. URL: http://vestnikakv.ru/article.php?mode=view&own_menu_id=5988 (дата обращения: 20.07.2018).

новлении бюро губкома говорилось о необходимости полного изучения экономических и бытовых особенностей казачьего населения; проведения землеустройства в казачьих районах¹. Фракции губернского исполнительного комитета поручалось использовать кампанию перевыборов для «более решительного привлечению к советскому строительству через Советы широких слоев трудового казачества»². Перед парторганизациями на местах ставилась задача развернуть работу среди казачества по вовлечению в ряды РКП(б) и РКЛСМ, а также в кооперацию и другие общественные организации трудовых элементов от казаков³.

Все предпринятые меры по казачьим районам юга России вскоре принесли ожидаемые результаты. Казачество вновь стало значимым социальным явлением юга России.

Политика «Лицом к казачеству» была непродолжительной по времени и уже к концу 1926 г. наметился её существенный спад, а в 1927 г. можно говорить о полном ее свертывании. Тем не менее, казачья тема, несмотря на снижение интенсивности кампаний по работе с казачеством после 1926 г., сохранялась в фокусе внимания власти до конца 1920-х гг. В январе 1927 г. в отчете Северо-Кавказского крайкома была дана оценка политическому состоянию края, которое характеризовалось как устойчивое. Среди факторов, повлиявших на это, была названа и работа по вовлечению казачества и крестьянства в советскую работу⁴. Среди освещаемых вопросов в докладе был и вопрос об отношении партийных органов края к казачеству в настоящее время. Основное внимание по-прежнему уделялось вовлечению казаков в советскую работу⁵. Такая постановка вопроса связана, прежде всего с тем, что из-за принятия новой инструкции к выборам в Советы в разы увеличилось ко-

¹ Государственный архив современной документации Астраханской области (ГАСДАО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 114. Л. 76.

² Там же. Л. 76об.

³ Там же.

⁴ 12-я Донская окружная конференция ВКП(б). Отчет о работе Крайкома // Молот. 1927. № 1647. 29 января.

⁵ Там же.

личество лишенных избирательных прав. Так в ряде районов Терского округа количество лишенных избирательных прав удвоилось¹. В 1927 г. вопросы настроения казачества, участия его в работе Советов, взаимоотношение с партийными структурами регулярно обсуждались и на заседаниях пленумов и бюро Сталинградского губкома ВКП(б)².

Вопросы, связанные с казачеством, периодически всплывали в повестке дня партийных органов и в 1928 г. Однако в целом следует отметить, что выделение казачьих вопросов, как отдельных, специальных вопросов партийно-советскими органами в конце 1920-х гг. практически прекратилось. Казачество как специфическая группа населения, требующая отдельного внимания власти, больше не фигурировало в партийных и советских документах. Это означало, что примерно в конце 1927 г. политика «лицом к казачеству» окончательно была завершена.

Называют различные причины этого. А.В. Баранов в качестве основной причины определяет сворачивание НЭПа и взятие курса на индустриализацию³. Новое политическое направление в деятельности государственной и партийной власти повлекло за собой изменение законодательства о выборах, расширение категорий граждан, лишенных избирательных прав, повышение налогов. Большинство исследователей в качестве причин называют выявленные негативные результаты данной политики, которые явно свидетельствовали о нарастании организованного сопротивления со стороны казачества.

По нашему мнению, к объективной причине сворачивания политики «лицом к казачеству» относится устойчивое развитие модернизационных процессов. Проводя в середине 1920-х гг. серию проказачьих мероприятий, большевики стремились привлечь эту группу населения на свою сторону, сделать так, чтобы она включилась в процессы модернизации социальной, политической и хозяйственной системы. Таким образом, политику больше-

¹ Результат применения инструкции // Молот. 1927. № 1647. 29 января.

² Протокол IV пленума губкома ВКП(б) // ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 162.

³ Баранов А.В. «Военная тревога»... С. 15.

виков можно рассматривать с позиции трансформации общества, которое ещё только становилось советским, как и формирования унитарного политического и культурного пространства общества. Но для успеха трансформационных процессов должны были включиться в обществе адапционно-мобилизационные материальные, духовные и психологические стимулы и механизмы, благодаря которым одна часть людей в качестве ведомых вовлекалась бы в осуществление реформ, в то время как другая (мобилизующаяся) увлекала бы первых, втягивала их в реформационный процесс¹.

Во второй половине 1920-х гг. партийно-советскому руководству стало ясно, что казачество в большинстве своем включилось в происходившие процессы, политические настроения казачества были в основном лояльными к власти, о чём свидетельствовала поступавшая с мест информация об отсутствии повстанческих выступлений и политически окрашенного недовольства. Но вместе с тем нараставшее стремление казаков вновь заявить о себе вызвало беспокойство и требовало принятия встречных мер. Таким образом, курс «лицом к казачеству» больше был не нужен власти.

Итак, задействованные властью методы реализации политики «Лицом к казачеству», такие как, «оказачивание» советов, вовлечение казаков в комсомол, партию, общественные организации, привлечение к общественной деятельности женщин-казачек, активная идеологическая работа с казачьей молодежью и др., которые должны были способствовать социальному раскачиванию, стали также и способами адаптации казачества к новой политической и социально-культурной реальности.

Декларирование сохранения казачьей самобытности при одновременном стремлении партийно-советского руководства интегрировать казаков в систему советского общества способствовало выработке адапционных (переходных) форм такой интеграции и делало процесс трансформации для каза-

¹ Губогло М.Н. К изучению проблемы адаптации населения в условиях общественных преобразований в постсоветской России. Замысел, методология и инструментарий исследования // Отечественная история. 2002. № 6. С. 110.

ков менее болезненным, а значит и менее конфликтным. Такая политика способствовала замедлению процесса «растворения» казаков в крестьянстве, вновь очерчивались социальные границы общности. Также действия власти в рамках политики «Лицом к казачеству» способствовали тому, что социальное пространство ряда регионов юга России опять маркировалось как казачье, а предложенные формы адаптации способствовали возрождению социальной общности в социальной структуре юга России. Наиболее отчетливо это проявилось в Советах, которые в ряде казачьих районов, по преимуществу стали состоять из казаков.

2.2. Казачество юга России в процессах социального переустройства середины 1920-х гг.: общественные настроения, формы и способы адаптации

В первой половине 1920-х гг. отношение казаков к большевистской власти и в целом к сложившейся социально-политической ситуации можно характеризовать как недоверие и опасение. Причинами этому были: проигрыш в Гражданской войне, восприятие власти большевиков как чуждой, репрессии против казачества. Взаимное недоверие казаков и власти являлось одним из важных факторов «выключения» социальной общности из модернизационных процессов. К середине 1920-х гг. эта ситуация постепенно изменяется. Под влиянием политики «Лицом к казачеству» казаки включаются в социально-политических преобразования.

Результаты осуществления курса «лицом к казачеству» оцениваются как противоречивые. По мнению С. А. Кислицына, данный курс вряд ли можно оценивать, как поиск консенсуса между казачеством и властью, так как стратегической линией большевиков было расказачивание¹. Рассматривая в целом НЭП, как вынужденную политику, А.В. Баранов отмечает отри-

¹ Кислицын С.А. Указ и шашка. С. 292.

цательное влияние отдельных его элементов, таких как «оживление Советов» на настроения казаков, воспринявших это как «слабость власти»¹. Т.В. Панкова-Козочкина, исследовав процессы, происходившие в казачье-крестьянской среде на юге России в контексте поливекторной модернизации, и раскрыла сложные взаимоотношения между системой советов, как новых органов местного самоуправления и казачье-крестьянскими традиционными органами самоуправления в форме общинных сходов². О противоречивых результатах политики «лицом к казачеству» писали и А.П. Скорик и Р.Г. Тикиджьян, раскрывая конфликтность происходивших нововведений и в ряде случаев скромные результаты политики³.

В связи с этим представляется важным для понимания социальных процессов, происходивших в казачьих регионах юга России, охарактеризовать деятельность казачества, как актора политики «Лицом к казачеству» и определить результаты данной политики для социальной общности.

Изучение общественных настроений позволяет выяснить динамику и изменяющийся характер отношения казаков к власти. Казачество являлось сельским населением, в связи с этим можно говорить о схожих тенденциях реакции на социально-экономические изменения у казачества и крестьянства. Исследователи крестьянского вопроса в 1920-е гг. отмечают, что крестьянство являлось консервативной частью общества и по сравнению с пролетариатом было более инертным. Его замедленная реакция на модернизационные процессы обуславливалась традиционностью крестьянского мира. Отсюда отмечаемая историками, предубежденность против новшеств, поддерживаемых только тогда, когда получаемые крестьянами преимущества от нововведений были явными⁴, усиление традиционализма, закрытости крестьянского мира, если условия модернизации следует нажим власти на крестьянство¹.

¹ Баранов А.В. Социальное и политическое развитие Северного Кавказа... С. 239.

² Панкова-Козочкина Т.В. Казаки и крестьяне Юга России... С. 364–376.

³ Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Указ. соч.

⁴ Ивницкий Н.А. Крестьянство и власть в период коллективизации // Крестьянство и власть в истории России XX века: Сб. науч. статей участников Международного круглого

Анализ настроений крестьянства в начале 1920-х гг. приводил к выводам, что в условиях только что закончившейся Гражданской войны, тяжелых социальных условий и политической нестабильности политическая позиция крестьянства нередко проявлялась в повседневном молчании, пассивном поведении. Распространялось явление абсентеизма в отношении новых органов власти – сельсоветов и т.п.²

Схожие настроения проявляются и в казачьей среде в первой половине 1920-х гг. Так, инструктор ЦК партии Хатасевич, обследовавший в 1924 г. настроения населения относительно политики власти в Царицынской губернии отмечал закрытость казачье-крестьянской общности: «...как крестьяне, так и казаки предпочитают больше молчать...», а также нежелание участвовать в советском строительстве³. В сводках и отчетах партийно-советских органов содержалось немало примеров выжидательной позиции как крестьян, так и казаков. В частности, были случаи недоверия казачества к такому важному, с точки зрения налаживания диалога общества и власти органу, как беспартийные конференции. Нежелание казачества вступать в активный диалог с властью подкреплялось также их ожиданием репрессий со стороны власти. Отсюда и высказываемые опасения, что в ответ на откровенность последует арест и отправка в ГПУ⁴.

Однако постепенно происходило разворачивание казачества, как и крестьянства в целом, в сторону большевистской власти. Например, сведения о политическом состоянии Царицынской губернии, которые передавались А.А. Андрееву в ЦК РКП(б), фиксировали такие изменения. В частности, в сведениях говорилось, что «политическое состояние губернии удовлетвори-

стола (Журнал «Власть», Институт социологии РАН, Москва, 12 ноября 2010 г.). М., 2011. С. 183.

¹ Бабашкин В.В. Крестьяне, посткрестьяне и власть в XX веке: приспособительные стратегии с обеих сторон // Крестьянство и власть в истории России XX века... С. 70.

² Кудюкина М.М. Крестьянство и власть в 1920-е годы // Крестьянство и власть в истории России XX века... С. 236–237.

³ ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 220. Л. 3.

⁴ Там же. Д. 125. Л. 7а.

тельное, доверие со стороны крестьянства и казаков к РКП(б) и Соввласти большое...», казачество «совершенно...переродилось»¹.

Сведения об изменениях настроений населения на местах содержались в таких документах, как информационные сводки партийных органов, отражавших оперативную ситуацию на местах. В них фиксировался растущий интерес сельского населения к тому, что предпринимает власть, отмечалось желание диалога, стремление к обсуждению существовавших проблем. Такой площадкой для дискуссий стали беспартийные конференции, в работе которых казачье-крестьянское население все чаще принимало активное участие, в том числе зажиточный слой. Такая тенденция в частности отмечалась в казачьих районах. Наибольший интерес вызывали вопросы землеустройства и налогообложения, но, как сообщают источники, «некоторые ехали поругать власть и добиться смещения некоторых работников»².

Рост участия казаков в выборах в Советы в 1925 г. фиксировался во всех казачьих округах Северо-Кавказского края. Возрастание политической активности крестьянского и казачьего населения отмечали в Шахтинском округе, в Константиновском районе весной 1925 г. на избирательные участки пришло почти 100% местных казаков, а в Донецком округе отмечался рост активности казаков старшего возраста, как правило, настроенных более консервативно, чем молодежь³.

Весной 1926 г. явка на выборы казачьего населения по 7 округам Северо-Кавказского края с высокой долей казачьего населения составил 39,1%, и хотя это было меньше, чем явка неказачьего населения (49,5%), но это был показатель устойчивости положительного отношения казачества к советским органам власти⁴. Представительство казаков в сельсоветах по тем же округам

¹ ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 201. Л. 270.

² Там же.

³ Тикиджьян Р. Г. Новая экономическая политика советского государства... С. 3.

⁴ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 549. Л. 9.

Северо-Кавказского края в 1925/26 г.¹ было на уровне 44,5%, в 1926/27 г. – 36,1%; председатели сельсоветов-казаки по данным 1925 г. составляли 34,1%². Несмотря на отмечаемое снижение участия казачества в работе сельсоветов в 1926/1927 гг. в отдельных округах оно было выше 50%. Так в Кубанском округе процент казаков среди избирателей составлял 55,5%, казаков в составе сельсоветов было 48,7%, в президиуме сельсоветов – 41,5%; в Шахтинско-Донецком округе избиратели-казаки составляли 55%, в сельсоветах – 52,3%, в президиумах сельсоветов – 54,1%³. Приведенные данные позволяют сделать вывод, что в казачьих округах Северо-Кавказского края произошел перелом в настроениях населения.

В казачьих округах Сталинградской губернии работа, проведенная партийно-советскими органами по налаживанию диалога с населением, также дала ощутимые результаты в плане вовлечения казаков в работу Советов. Во 2-м Донском округе средний процент участия населения в перевыборах составил 37%, местами 60–70%, отмечался большой интерес к Советам со стороны женского населения. По Усть-Медведицкому округу повторные перевыборы дали увеличение количества избирателей на 17%, общее количество принявших участие в выборах было около 70%⁴. В апреле 1925 г. на пленуме Сталинградского губернского комитета, на котором обсуждались итоги проведенных весной перевыборов в округах, также были отмечены и возросшая активность сельского населения на выборах, и проявление заметного интереса советскому строительству⁵. В 1926/27 г. казачество в Сталинградской губернии также показывало устойчивое желание участвовать в советском строительстве. Так, по данным Сталинградского губисполкома участие казачества в перевыборах в советы на начало 1927 г. выглядело следующим обра-

¹ До 1930-х гг. статистический учёт велся по хозяйственным годам с 1 октября по 30 сентября, например, 1925/26 г. начинался 1 октября 1925 г.

² Там же. Л. 24.

³ Там же. Л. 25.

⁴ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 549. Л. 99об.

⁵ ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 125. Л. 97об.

зом: Усть-Медведицкий округ – 43%, 2-ой Донской – 44,8%, Хоперский – 42%¹.

Таким образом, отношение казаков к Советам как институту новой власти постепенно менялось, о чем свидетельствовала высокая явка населения на выборах, и, в дальнейшем участие в работе Советов. Историки не раз отмечали, что такое отношение казачества свидетельствовало о росте авторитета советской власти в казачьих станицах².

Откликнулось казачество и на агитацию власти по поводу вступления в комсомол и партию. В ряде низовых партийных ячеек ситуация поменялась столь кардинально, что они стали почти полностью казачьими. Например, представитель Семикаракорского района представлял сведения о 14 казаках и только 4 иногородних в партийной ячейке³. В состав окружной комсомольской организации Хопёрского округа Сталинградской губернии на 30% состоял из казаков⁴. В отчете окружного комитета ВЛКСМ Усть-Медведицкого округа за первый квартал 1926 г. отмечалось, что «молодежь идет за комсомольской организацией и организуется около нее»⁵. По Сталинградской области партийно-советские структуры отмечали, что казачья молодежь вступает в комсомол и комсомольские организации начинают завоевывать авторитет⁶. По подсчетам Г.Л. Воскобойникова и Д.К. Прилепского, процент коммунистов-казаков в донских округах Северо-Кавказского края составлял в 1925 г от 9 до 13%, а также увеличивалось количество казаков-коммунистов, принимавших активное участие в работе окружных, районных и сельских учреждений⁷.

¹ ГАВО. Ф. Р-37. Оп.1. Д. 874. Л. 10.

² Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Указ. соч. С. 119; Перехов Я.А. Власть и казачество... С. 95.

³ Тикиджьян Р.Г. Новая экономическая политика советского государства... С. 5.

⁴ ЦДНИВО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 25. Л. 140.

⁵ Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 11. Л. 111.

⁶ ГАВО. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 874. Л. 12.

⁷ Воскобойников Г.Л., Прилепский Д.К. Казачество и социализм. Исторические очерки. Ростов н/Д, 1986. С. 98.

Из общественных организаций популярностью у казаков пользовались Международная организация помощи борцам революции (МОПР) и Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству (ОСОАВИАХИМ). Ячейки этих организаций успешно работали в казачьих районах. Так по 2-му Донскому округу к началу 1927 г. была создана 51 ячейка, Усть-Медведицкому округу – 80 ячеек, по Хопёрскому округу – 165 ячеек¹. Из 4271 чел., состоявшего в ОСОАВИАХИМе в Сталинградской губернии 1958 чел. были казаки².

Об изменениях настроений казаков и формировании у них положительного отношения к действиям власти свидетельствуют материалы июньского 1925 г. краевого совещания по работе среди казачества. Делегаты из районов чаще всего приводили примеры изменившегося отношения к советской власти в связи с перевыборами советов. Так, делегат Мироненко из Кореновского района Кубанского округа отмечал, что «после лозунга «Лицом к деревне», казачество здесь почувствовало, что оно ближе к советской власти, и наши частичные перевыборы, которые были в марте месяце, они показали как раз активность казачьих масс Кореновского района при перевыборах. Здесь, как никогда, на общих собраниях, на выборных собраниях, участвовало казачество»³. Тот же делегат констатировал и наличие положительных взглядов среди казачества в отношении партийных структур: «Какой же взгляд населения и, главным образом, казачьего на партию? ...В целом же партия постепенно начинает завоевывать симпатии...»; «Казаки, можно сказать, зашевелились, что, мол, хотя мы и считаем себя пленниками, но нас Советская власть и партия уже признали, как равноправных граждан. Когда ставится вопрос, что можно носить черкеску и кинжал, то у него [казака] ретивое-бытовое заговорило, и в данный момент он идет на совещание и настрое-

¹ ГАВО. Ф. 37. Оп.1. Д. 874. Л. 11.

² Там же.

³ Краевое совещание...С. 18.

ние уже не то, как раньше было. Они ждут, что даст им это совещание по казачьему вопросу»¹.

Характеризуя социально-политическую обстановку в Терском округе, делегат Павлов обратил внимание на такие проблемы, как бандитизм, угон скота чеченцами, реакцию терских казаков на это и развитие взаимодействия с советской властью для изжития данных проблем. «Лозунг «новый курс», с одной стороны, а с другой – амнистия повлияли на бандитизм, и некоторые слои казачества приняли участие в его ликвидации и часть бандитов уничтожили сами, а часть их учла, что советская власть крепнет, что им нужно сдаться или навсегда остаться в бандитах. 8 июня при посещении района председателя ОкрИКа тов. Карклиным ряд казаков заявил: Советская власть крепка, может все сделать, несмотря на то, что мы были бурное казачество. У нас была большая воинственность, но наша буйная головушка преклонилась перед советской властью. Мы надеемся, что и советская власть всё сделает, и она найдет выход в смысле ликвидации угонов скота»².

Делегат из Сунженского округа отмечал относительно высокий процент казаков в партийной и комсомольской организациях: «...членов партии у нас 105 человек: 50% казачества и 50% иногородних.... В общем масштабе, по округу, 50% занимают должности коммунисты-казаки. Сейчас в комсомоле у нас 380 человек. Из них – 25% девушек-казачек»³.

Помимо повышения интереса казаков к работе в Советах, делегаты отмечали рост интереса казачьего населения и к другим новым социальным и хозяйственным формам: «Волнует наше казачество: строительство кооперации, землеустройство и комитеты взаимопомощи»⁴. Показывая рост интереса казаков к общественной жизни, делегаты приводили следующие факты: «Многие указывали на кооперацию. Будто бы казаки до тех пор не вступают

¹ Краевое совещание... С. 19, 22.

² Там же. С. 25–26.

³ Там же. С. 39.

⁴ Краевое совещание... С. 60.

в кооператив, пока не дадут кредита. Ничего подобного. В кооперацию наблюдается большая тяга...»¹.

Как свидетельствовали в своих выступлениях другие делегаты совещания сохранение казачьих традиций в области быта, одежды действительно становилось важным психологическим фактором, изменявшим социальные настроения казаков в пользу советской власти. Так, один из делегатов, описывая праздник в Ессентуках, показал, как казаки, в особенности старики, отреагировали на разрешение носить казачью форму: «Там сотнями выходили старики, с такими бородами, в черкесках, обязательно с кинжалами и, если хотите, еще с крестами и с орденами. Это говорит за то, что, если они не носят кинжала в какой-либо другой станице или в другом районе, так это потому, что запрещали там одежду»².

Возвращение казачьей формы послужило стимулом для изменения казаками своего отношения к советской власти: «Но кубанцы говорят: мы все-таки жалеем о своей форме, мы к ней привыкли и если бы нам не запрещали, мы бы ее носили, и в этом чекмене также защищали бы соввласть, как раньше защищали старую власть»³.

Анализ источников, содержащих информацию по различным вопросам, волновавшим казачество в середине 1920-х гг. и влиявшим на взаимоотношение социальной общности с властью, приводит к выводу о сложном характере сложившейся ситуации в казачьих районах. Здесь проявлялся комплекс проблем, сочетавший как экономические и социальные вопросы, так и вопросы культуры, традиций, общественных настроений и др.

Результатом изменения отношения власти к возвращению казачьих культурных традиций, стало, то, что казаки получили возможность сохранить свою социальную идентичность, что в условиях трансформации системы было для них очень важным. Как следствие, они стали больше доверять партий-

¹ Там же. С. 63.

² Там же. С. 54.

³ Там же. С. 89.

но-советским структурам: «Вопрос о казачестве возник с тех пор, как мы повернулись лицом к деревне. Казак вспомнил свои казачьи традиции, свое боевое казачье настроение. С этих пор казачество в довыборах и в перевыборах советов приняло активное участие»¹.

Приспособление казачества к советской реальности способствовало росту его социально-политической активности в середине 1920-х гг. Однако постепенное вовлечение социальной общности в модернизационные процессы также способствовало актуализации его собственных интересов, имевших сословный характер. В казачьих районах вновь отчетливо проявилась ситуация группового сплочения казаков и крестьян, что обострило еще не изжитый сословный антагонизм.

Сословное противостояние стало одним из серьезных негативных последствий политики «лицом к казачеству». Проявился оно в основном в двух сферах социально-экономического переустройства: в выборах в советы и в землеустройстве. Во время проведения выборных кампаний 1925–1926 гг. фиксируется сплоченность казаков, которая приводила, во-первых, к вспышкам сословной вражды, во-вторых к проведению в Советы бывшей казачьей элиты в лице бывших атаманов, офицеров и др. В ходе перевыборов в советы, казаки, как и крестьяне, предпочитали голосовать за своих кандидатов. Это означало попытку создать большинство своей группы в советах и обеспечить приоритет своих интересов. В информационных сводках местных властей, фиксировавших социальные настроения в ходе проведения перевыборов в Советы в середине 1920-х гг., отразились факты сословного противостояния.

Так, в докладе Сталинградского губисполкома о состоянии советской работы в казачьих округах в период проведения выборной кампании 1925 г. отмечалось, что «казаки старались проводить в Совет больше казаков, а ино-

¹ Краевое совещание... С. 51.

городние – иногородних»¹. В Усть-Медведицком округе была даже зафиксирована попытка добиться отдельного избирательного участка для казаков в одном из хуторов, так как население этого хутора делилось пополам на казаков и иногородних и казаки опасались, что в совет могут не провести их кандидатов. Посланная в волисполком казачья делегация заявила, что «хохлы нам не дают развороту, если нам избирать совет всем сообща, то в совет не изберут ни одного казака»². Хопёрская окружная избирательная комиссия в своем отчете об итогах перевыборов сообщала, что в хут. Моховском при обсуждении пункта наказа об изживании сословной розни один избиратель выкрикнул: «С чем родились, с тем и умрем»³. На перевыборах в одной из станиц, когда выяснилось, что в избирательном списке кандидатов иногородних было больше чем казаков, среди казаков послышались реплики «дюже много хохлов выставили в совет», в ответ на это на трибуну вышла комсомолка и обращаясь к иногородним начала выкрикивать: «казаки не хотят голосовать за хохлов, не голосуйте за казаков и вы». Это привело к обострению конфликта и резкому разделению среди избирателей и избираемых на «своих» и «чужих». Казаки не голосовали за иногородних, а иногородние за казаков. В итоге были «выдавлены» из состава Совета⁴.

Особенностью ситуации являлось то, что вспыхивавшие конфликты характеризовались партийно-советскими структурами как сословная рознь. При этом сословия уже давно были отменены, но инерция отношений между казачьим и неказачьим крестьянско-иногородним населением сохранилась. Можно выделить две основные причины активизации этого противостояния в условиях новой советской модернизации. Во-первых, причина социально-ментального характера. Историки не раз отмечали, что казачество восприняло установление советской власти в казачьих регионах юга России «как победу иногородних над казаками». Именно так охарактеризовал и А.И. Мико-

¹ ГАВО. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 874. Л. 6.

² Там же.

³ Там же. Л. 6 об.

⁴ ГАВО. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 874. Л. 6 об.

ян состояние казачьего населения юга России. Представители партийно-советских органов отмечали, что причиной «сословной вражды» является укоренившийся взгляд казака на иногороднего.

Этот взгляд можно определить, как актуализацию в новых условиях социокультурной оппозиции «мы–они», «свой–чужие». Для казаков в XIX в. «чужими» стали не иноверцы с сопредельных с казачьими областями территорий, а пришлые крестьяне-переселенцы. Они в большинстве случаев не имели прав на земельные наделы, налоговых льгот и привилегий и т.п. В период Гражданской войны, на Дону, например, иногородние будут восприниматься как откровенно враждебная группа, чужаки¹. Таким образом, вовлечение казачества в процессы советизации и, шире, модернизационные процессы, способствовали, по крайней мере на начальном этапе восстановлению прежней социокультурной границы между ними и другими социальными группами.

Во-вторых, причина экономического характера. Это организация земле-владения и землепользования, распределение земли между социальными группами. Земля являлась главным ресурсом сельских общностей, соответственно размер земельного надела и в целом возможность контроля данного ресурса имели большое значение. К середине 1920-х гг. в условиях улучшения экономической ситуации, повышения спроса на зерно ценность земли в глазах сельского населения сильно повышается. Можно согласиться с выводами Я.А. Перехова, который, исследуя поиск согласия между властью и казаками, писал, что возрождение сословной вражды произошло в том числе потому, что земля вновь стала главным мерилом благополучия казачьих и крестьянских семей².

В середине 1920-х гг. сложилась ситуация, когда вышедшее из состояния социальной апатии казачество, вновь начинающее обретать свою соци-

¹ Рвачева О.В., Рыблова М.А. Способы и образы самоидентификации донских казаков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2009. № 1 (15). С. 21–24.

² Перехов Я.А. Власть и казачество... С. 54.

альную идентичность вынуждено было разделять контроль над главным экономическим ресурсом с «чужими» – коренными крестьянами и иногородними. Земельные споры, таким образом приобретали новый характер. Это было возвращение прежнего превосходства над крестьянско-иногородней общиной. Исследовали отмечали распространение настроений казачьего превосходства в станицах Северо-Кавказского края. Это выражалось в разговорах о лишении неказачьего населения земли и даже о выселении его из станиц¹. То есть, казачество в условиях проведения политики «лицом к казачеству» открыто демонстрировало прежний настрой привилегированного сословия.

Такая ситуация способствовала нагнетанию негатива в общественных настроениях. Порой споры и конфликты приобретали очень острый характер. Казаки отказывались наделять неказачье население землей. Доходило до открытых столкновений. В документах Сталинградского губисполкома упоминалось о кулачных боях между казаками и иногородними². Например, во 2-м Донском округе в результате вспыхнувшего спора при разделе сенокосных угодий, казаки прогнали из комиссии, которая производила данный раздел, иногородних³. Порядка 130 выступлений казаков против иногородних, связанных с процессом землеустройства, в период с октября 1924 г. по октябрь 1924 г. значилось в документах Хопёрского окружного комитета РКП(б)⁴.

Казачество явно демонстрировало наличие группового интереса в экономической сфере и способность к объединению и отстаиванию своих интересов. Это определяло специфику их вовлечения в модернизационный процесс.

Мониторинг со стороны партийно-советских органов политических настроений казачества, и его результаты, представленные в информационных сводках, позволяют сделать вывод об относительно спокойной ситуации в

¹ Панкова-Козочкина Т.В., Бондарев В.А. Казачье-крестьянское хозяйство эпохи нэпа: проблемы модернизации аграрных отношений на Юге России. Новочеркасск, 2012. С. 62.

² ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 125. Л. 25.

³ ГАВО. Ф. Р-37. Оп.1. Д. 834. Л. 6, 7.

⁴ ЦДНИВО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 8. Л. 68.

казачьих районах. В частности, регулярные обследования казачьих станиц Царицынской губернии в 1924–1926 гг., демонстрировавших протестные настроения в начале 1920-х гг., показывали, что политическая активность антисоветского характера здесь отсутствовала. Это давало повод партийным и советским структурам констатировать положительные результаты политики «лицом к казачеству». Так на губернской конференции, проходившей в Сталинграде в ноябре 1925 г. власти отмечали улучшение социально-политических настроений казачества и активизацию его участия в советском строительстве¹.

Однако сословное единство казаков все же оказывало влияние на их политическое поведение, и в ряде случаев это не могло не вызывать тревогу власти. Исследователи не раз отмечали приход в советы в результате перевыборов бывшей станичной элиты: атаманов, низших офицерских чинов, зажиточных казаков и пр., то есть происходили не только количественные, но и качественные изменения в сфере местного самоуправления. По мнению А.П. Скорика и Р.Г. Тикиджьяна в советах и во властных структурах появились казаки с независимой гражданской позицией и критическими замечаниями в адрес большевистского режима². Секретарь Ейского райкома П. Горюнов предлагал, выступая на втором пленуме Донского окружкома ВКП(б) в 1926 г., использовать авторитет таких станичников в интересах укрепления советской власти³. Данная ситуация отражала, прежде всего, ход сложных адаптационных процессов. Так, делегаты Краевого совещания по работе среди казачества оценивали факт прохождения станичной элиты в советы следующим образом: «В Бейсугской прошло 79 чел. бывших урядников, вахмистров и все те атаманы, которые остались в живых до революции. Должен сказать, что целый ряд атаманов работает ничего и уже, безусловно, подошли

¹ ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 123. Л. 18.

² Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Указ. соч. С. 119.

³ Там же.

ближе к советам и осоветизировались, а ряд атаманов чувствует себя не в своей тарелке»¹.

Вместе с тем ярко проявились и отрицательные для власти моменты активизации участия социальной общности в советском строительстве. В партийных документах выявляются факты сплочения казаков, создания настоящих предвыборных группировок, выдвижение вперед бывшей станичной элиты в лице офицерства, интеллигенции, за которой шли казаки-середняки². Создавалась ситуация лоббирования своих кандидатов в период перевыборных кампаний, когда казачество занимало места в президиумах и счетных комиссиях³. Власть нередко расценивало это как проявление «кулацкой» антисоветской активности⁴. С точки зрения самого казачества – это можно расценивать как желание приспособить действующие институты социальной системы под свои нужды и реализовать здесь свой групповой социальный интерес.

Таким образом, результаты политики «Лицом к казачеству» были противоречивы. В ряде случаев они были нежелательны для власти. К таковым относились: приход в Советы зажиточных казаков, бывших атаманов, реэмигрантов, потеря авторитета и контроля деятельности этих органов самоуправления в деревне; рост оппозиционных настроений среди казачества, настроений реванша⁵.

Оборотной стороной вовлечения казаков в процессы советского строительства становится усиление их самоорганизации, стремление проводить свои интересы в тех же советах. Это явление не раз фиксировалось исследователями. Анализируя ситуацию в казачьих станицах в 1926 г., Ю.А. Яхутль отмечает нарастание неконтролируемых социально-политических процессов,

¹ Краевое совещание по работе среди казачества. С. 23.

² ЦДНИВО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 7. Л. 252.

³ Баранов А.В. Тенденции гражданского примирения в политических реформах «расширения» НЭПа 1924–1926 гг. на Юге России // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2013. № 3 (75). С. 58.

⁴ Скорик А.П. Многоликость казачества ... С. 45.

⁵ Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Указ. соч. С. 175–176.

усиление сопротивления казачества¹. Исследуя политические настроения казачества, А.В. Баранов приводит многочисленные факты того, как казаки стремились реализовывать свой политический интерес на выборах в советы, вплоть до полного захвата власти в округе. По его характеристике оказывание советов казаки восприняли как признак слабости власти². О стремлении казаков в рассматриваемый период избирать своих представителей в Советы, способных отстаивать именно интересы казачества пишет С.А. Кислицын³. И если, как считают А.П. Скорик и Р.Г. Тикиджьян, «конечным итогом политики «лицом к казачеству» должно было стать завершение расказачивания, то есть десловизация казаков»⁴, то множество фактов говорят о прямо противоположном результате.

При всём политическом негативизме данные процессы явно свидетельствовали о том, что казачество юга России постепенно восстанавливало своё участие в политической системе как социальная общность. Вновь проявлялось стремление казаков формировать свой коллективный интерес и проводить его в жизнь через «свои» системы власти и управления.

Итак, модернизация в середине 1920-х гг. актуализировала участие казачества как социальной общности в социальных, политических и экономических процессах советского государства на юге России. Вовлечение казаков в процессы трансформации социальной, политической и экономической сфер изменили их отношение к режиму. Это проявлялось в эмоциональной реакции, высказываемых суждениях и социальных действиях казаков. Признание культурной специфики, традиций убедили казаков, в том, что власть идет на диалог. Как следствие, они стали активнее участвовать в советском строи-

¹ Яхутль Ю.А. Трансформация взаимоотношений власти с казачеством и крестьянством в советской России 1921–1929 гг. (на примере Кубани и Дона): дис. ... д-ра ист. наук. Краснодар, 2020. С. 378.

² Баранов А.В. Политические настроения земледельцев... С. 119.

³ Кислицын С.А. Указ и шашка... С. 293.

⁴ Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Указ. соч. С. 99.

тельстве, заметно снизилась их социальная апатия, стали более конструктивными взаимоотношения с властью.

Однако казачество не было только объектом применения различного рода мер партийно-советского руководства, оно довольно быстро превратилось в активного участника проводимой политики. Сословный характер организованности казачества сохранялся, что способствовало формированию социального интереса в новых социально-политических условиях. Попытки его отстаивания приводили к социальным конфликтам, в основе которых лежало прежнее сословное разделение населения юга России. В совокупности с возрождением культурных традиций казачества, декларированной поддержке культурной особенности социальной общности это влияло на сохранение социокультурной идентичности и не способствовало «растворения» казаков в массе крестьянства.

2.3. Военная служба в территориально-милиционных частях в 1920-х – 1930-х гг. как форма интеграции казаков в советскую систему

Для диссертационного исследования важной задачей является изучение возможностей института военной службы казачества как формы возрождения казачества в новой социально-политической системе. В советском государстве данный институт оказался востребованным как властью, так и казачьей общностью. Каждая из сторон преследовала свои цели, способствуя новому развитию казачьей службы в советском государстве. Результаты этого процесса можно разделить на прямые или ожидаемые и на косвенные, то есть проявившиеся как последствия процесса интеграции казачества при помощи института военной службы в советскую систему.

В первые годы существования советской власти и затем на протяжении 1920-х – 1930-х гг. шел активный поиск большевиками наиболее эффективной формы такого важного института, как армия. От Красной гвардии, формирование которой было основано на милиционном принципе, что по замыс-

лу большевистского руководства делало армию народной, в период Гражданской войны произошел возврат к кадровому принципу организации этого важного для политической системы института. Вопрос о внедрении милиционного принципа вновь в организационную систему Красной армии встал в 1923 г. Первой и самой важной причиной этого была необходимость удешевить содержание большого военного контингента. Территориально-милиционная система, строительство которой началось в 1923 г., позволяла решить данную задачу. Главной особенностью службы в таких частях являлись краткосрочные военные сборы, которые позволяли переменникам (личному составу территориально-милиционных частей) овладеть навыками военной службы. Остальное время нахождения на службе в составе территориальных частей переменники продолжали заниматься своими обычными хозяйственными делами. Общий срок службы в таких частях составлял 5 лет, но из них на службе призывники проводили порядка 8 месяцев. Затраты государства на такое обучение были существенно ниже, чем на содержание кадровых частей.

Второй причиной стало решение задачи сближения народа и власти. Территориально-милиционные части составляли «граждане в форме». Система охватывала большое количество людей, способствуя не только их военному обучению, но и идеологическому. В большом очерке, посвященном развитию Красной армии в 1920-е – 1930-е гг., исследуя причины введения и отмены территориально-милиционной системы Н. Мурахвер отмечал, что территориально-милиционная система способствовала обучению военному делу многомиллионной массы рабочих и крестьян и являлись важным фактором укрепления смычки между рабочим классом и крестьянством¹. В 1924 г. А.С. Бубнов и М.В. Фрунзе, делая доклад в ЦК РКП(б), акцентировали внимание на большом значении территориальных частей для советизации дерев-

¹ Мурахвер Н. От территориально-милиционной к кадровой армии // Исторический журнал. 1939. № 7. Июль. С. 138. URL: <http://libmonster.ru/m/articles/view> (дата обращения: 14.12.2016).

ни, поднятия культурного и политического уровня сельского населения. Делался вывод о необходимости укрепления территориальных формирований и оказания содействия со стороны партии в этом вопросе военному ведомству¹.

Военная служба казачества рассматривалась новой властью как важный элемент прежней социокультурной системы данной социальной общности. Она связывалась с военным потенциалом казаков и рассматривалась как ресурс, который нужно использовать в новых социально-политических условиях. Специальных ограничений на прохождение военной службы для казачества не было. Прорабатывая вопрос привлечения казаков в территориальные части, власти выявляли объективные и субъективные причины, по которым казаки являлись наиболее подходящим контингентом для территориально-милиционной системы. В частности, внимание уделялось сходству этой системы с прежней иррегулярной службой казачества и даже проводились прямые аналогии между «казацким войском» и милиционной армией². В качестве важной причины привлечения казачества для службы в территориально-милиционной системе называлось наличие у них специальных «природных» качеств, навыков кавалеристов, обусловленных культурной традицией и бытовыми условиями. Так военный комиссар Хопёрского округа, докладывая в 1923 г. в вышестоящие инстанции о проведении допризывной подготовки в казачьих районах, отмечал что донские казаки «...по своей традиции являются почти все кавалеристами, приучающиеся к езде на лошадях с самого малолетнего возраста...Указанные традиции казачества не забыты и до настоящего времени»³.

В период изучения состояния казачьих районов по югу России в 1924 – начале 1925 г. также фиксировалось отношение казаков к военной подготов-

¹ Доклад М.В. Фрунзе и А.С. Бубнова в ЦК РКП(б) И.В. Сталину о необходимости поддержки и дальнейшего укрепления территориальной системы как основы организации вооруженных сил. 19 декабря 1924 г. // Реформа в Красной Армии. Документы и материалы 1923–1928 гг. В 2-х т. М., 2006. Кн. 1. С. 153.

² Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Указ. соч. С. 137.

³ ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 103. Л. 187.

ке в территориальных частях. Например, сведения, взятые из совещания старших политруков учебных пунктов допризывной подготовки по 2-му Донскому округу Сталинградской губернии в начале 1925 г. позволяют сделать вывод о доброжелательном отношении казачества к службе в территориальных частях, особенно если речь шла о кавалерии. В документе говорилось о том, что молодые казаки мечтают обучаться кавалерийскому строю¹.

Ради службы в кавалерийских частях казаки готовы были приобретать лошадей. В ходе проведения территориальных сборов в военные части поступали заявления следующего содержания: «...прошу, чтобы моего сына перевели в территориальную часть, куплю лошадь и седло», «...он [сын] в хозяйственной части, а он природный кавалерист, поэтому прошу вернуть его сюда. У меня до сих пор не было средств приобрести лошадь, а теперь я могу ее купить»².

Документы свидетельствуют, что власть в лице представителей военных структур понимала возможности территориально-милиционной системы в деле привлечения казаков к службе и рассчитывала на то, что сохраняющиеся военно-культурные традиции будут способствовать приходу казаков в кавалерийские части. Ожидания власти были вполне оправданны. В бывших казачьих округах казаки охотно шли служить. Так в Хопёрском округе уже в 1923 г. набор в кавалерийские части оказался весьма успешным. Из призывников сформировали три эскадрона. Военное обучение казаки проходили на собственных лошадях³.

В своём докладе в Реввоенсовет СССР 1924 г. инспекция кавалерии РККА отмечала необходимость призыва в кавалерийские территориальные части молодежь, которая в силу культурно-бытовых условий обладала навы-

¹ ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 112а. Л. 46а.

² Краевое совещание по работе среди казачества... С. 41.

³ ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 103. Л. 187об.

ками, необходимыми для службы в таких частях¹. Такой подход в условиях ограниченных сроков обучения переменников давал бы наилучший результат в плане их военной подготовке. Казачество полностью отвечало особенностям территориально-милиционной системы и власти активно это использовали. В 1925 г. представитель Реввоенсовета Северо-Кавказского военного округа (РВС СКВО) В.Г. Володин делал доклад о территориальном строительстве перед делегатами краевого совещания при Северо-Кавказском крайкоме РКП(б). Краевое совещание было посвящено работе среди казачества и в докладе упор был сделан на то, что территориальная система в значительной мере похожа на прежнюю систему казачьей военной службы в Российской империи. В связи с этим был сделан вывод, что для казачьих районов территориально-милиционная система не является чем-то совершенно новым².

По отдельным внешним характеристикам территориальная система действительно напоминала службу казачества в иррегулярных частях: была нерегулярной, предусматривала совмещение службы и хозяйственной деятельности, проходила недалеко от мест проживания личного состава. То есть она была «узнаваемой», что служило дополнительным аргументом для казаков, стремящихся служить в территориальных частях. Даже то, что она осуществлялась довольно продолжительное время за свой счёт, как и иррегулярная служба, фактически делало этот вид службы «своим» в глазах казачества. Главным отличием было то, что в условиях Российской империи материальную основу такой службы составляла особая хозяйственная организация казачьих войск, а в нынешних условиях власти предлагали кредитование переменников, которые шли служить в артиллерийские и кавалерийские части

¹ Из доклада Инспекции кавалерии РККА В РВС ССР о состоянии кавалерийских частей и школ, и необходимости их улучшения. 1 октября 1924 г. // Реформа в Красной Армии... Кн. 1. С. 561.

² Краевое совещание по работе среди казачества... С. 144.

для покупки строевых лошадей. Такое решение было принято на III съезде Советов СССР¹.

В 1924 г. в ходе реорганизации РККА территориально-милиционная система подготовки была в основном создана и начала давать первые результаты. В отчётном докладе Управления РККА за период с апреля по октябрь 1924 г. содержались сведения о состоянии территориальных формирований. Подчеркивались положительные характеристики, в числе которых значились: жизненность, высокая мобилизационная готовность, экономическая оправданность, положительное восприятие населением коротких сборов, высокая явка². К концу 1924 г. в составе РККА насчитывалось 43 территориальных дивизии. В декабре 1924 г., подводя итоги реорганизации РККА, заместитель председателя Реввоенсовета СССР М.В. Фрунзе отметил, что территориальные части заняли свое место в системе военного строительства и здесь имеются несомненные достижения и со стороны обеспечения обороноспособности СССР и со стороны признания территориально-милиционной системы рабоче-крестьянскими массами³.

Проведение в 1924–1925 гг. политики «Лицом к казачеству» и принятие резолюции «О казачестве» на апрельском 1925 г. пленуме ЦК РКП(б) способствовали развитию территориально-милиционной системы в казачьих районах. Партийные органы интересовала возможность использования территориальной системы для привлечения казачества к советскому строительству. Так, например, в резолюции VI пленума Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б) в 1925 г. территориальные кавалерийские формирования в казачьих районах характеризовались как инструменты, с помощью которых

¹ Резолюция III Съезда Советов Союза ССР по докладу о Красной Армии от 20 мая 1925 г. // Систематическое собрание действующих законов Союза советских Социалистических республик. Кн. 1. Политический строй (По законодательству на 1 октября 1925 г. по № 65 Собрания Законов). М., 1926. С. 301.

² Отчётный доклад Управления РККА зам. председателя РВС СССР М.В. Фрунзе о ходе реорганизации РККА в период с апреля по октябрь 1924 г. // Реформа в Красной Армии... С. 265–266.

³ Сообщение зам. председателя РВС СССР М.В. Фрунзе «К итогам пленума Реввоенсовета Союза ССР» 2 декабря 1924 г. // Реформа в Красной Армии... С. 297.

советская власть могла упрочить своё влияние здесь. Сталинградские губернские партийные органы также уделяли большое внимание территориальному строительству и привлечению к нему казачества. В частности, данный вопрос рассматривался на июньском Пленуме Сталинградского губернского комитета РКП(б) в 1925 г.¹ Изучением вопроса территориального строительства и вовлечением в него казачества занималось Политуправление Северо-Кавказском военном округе².

На июньском Краевом совещании Северо-Кавказского крайкома РКП(б) 1925 г. вопросу территориально-милиционной системы и участия в ней казачества уделялось пристальное внимание. Рассматривалась прежде всего возможность использования данной системы для вовлечения казачества в советское строительство. В выступлениях делегатов постоянно присутствовало идея использования территориально-милиционной системы для формирования казачьего советского актива³. В докладе на краевом совещании В.Г. Володин также уделял внимание этому вопросу. Характеризуя красноармейцев как наиболее передовой и развитый слой в деревне, представитель РВС СКВО отмечал: «Мы думаем, что служба в терчастях даст нам возможность и из казачьей молодежи выработать новые кадры советского казачьего актива»⁴. В принятой на краевом совещании резолюции о территориальном строительстве в казачьих областях отдельный пункт освещал задачи территориального строительства по вовлечению казачества в советскую жизнь. Перспективы решения такой задачи дополнительно заключались в том, что такая система воинской службы была близка и понятна казачеству в силу прежних военных традиций⁵.

Количество казаков, фиксируемое исследователями в составе территориально-милиционных частей по Северо-Кавказскому округу, позволяет го-

¹ ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 125. Л. 78а.

² Краевое совещание по работе среди казачества... С. 102.

³ Краевое совещание по работе среди казачества... С. 41, 47, 147, 148 и др.

⁴ Там же. С. 147.

⁵ Там же. С. 171.

ворить о признании данной формы вовлечения в советскую систему казаками. По подсчетам Г.Л. Воскобойникова, в 11-ой территориально-милиционной дивизии казаков было порядка 62% от всего личного состава. В нескольких стрелковых дивизиях их количество составляло около 35%¹.

Использование социальных функций института армии для проведения модернизации общественной системы исторически явление распространенное. Большевики также довольно успешно здесь действовали, рассматривая Красную Армию как политическую школу для крестьянства и казачества. Терармейцев предлагалось рассматривать как проводников основной политической линии в станице и вовлекать в советскую работу. В резолюции указывалось на возрастающую политическую развитость и активность переменников, что благоприятно сказывалось на мероприятиях советской власти.

Итак, значение территориально-милиционной системы как инструмента модернизации в казачьих районах юга России для власти было понятным. Очевидно, что и казачество, прежде всего его мужская часть, проявляла интерес к данной системе. По мнению А.П. Скорика и Р.Г. Тикиджьяна, военная служба для казачьей молодежи сохраняла свое назначение инициации для перехода в новый социальный статус, а также играла роль социального лифта, так как способствовала повышению образовательного уровня и расширению кругозора². По нашему мнению, следует выделить ещё один аспект социальной привлекательности института военной службы – она позволяла казачеству адаптироваться в новых условиях. Военная служба казачества в широком значении может рассматриваться как элемент социокультурной системы. Возможность продолжать военную службу, особенно в территориально-милиционных частях означало сохранение культурной традиции и частичное воспроизводство социокультурной системы.

¹ Воскобойников Г.Л. Казачество в Красной Армии в 20-е – 30-е гг. XX в. // Кубанское казачество. Три века исторического пути. Материалы междунар. науч.-практ. конф. (ст. Полтавская Краснодарского края, 23–27 сент. 1996 г.). Краснодар, 1996. С. 51.

² Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Указ. соч. С. 138.

О том, какое значение имела военно-культурная традиция для приживаемости казачества как социальной общности в новой системе, свидетельствовали, например, факты, когда казаки стремились попасть в кавалерийские территориальные части. Делегаты краевого совещания отмечали, что казаки «любят казацкое седло» и «приветствуют службу на коне» и это способствует тому, что приписка казаков к территориальным частям имеет высокий показатель. Представители партийных структур отмечали не просто возможность, а необходимость учета культурных традиций казаков при создании территориальных частей. В частности, в ходе обсуждения резолюции «О казачестве» на заседании Сталинградского губернского комитета РКП(б) говорилось, что вопросу создания конницы нужно уделить особое внимание, так как казак «никогда не согласится воевать пешком»¹.

О культурном значении службы и ее важности для сохранения социальной идентичности свидетельствует, например такой эпизод из жизни станицы: «На состязаниях, устроенных в станице, старик 60 лет поехал рубить на приз. Он, конечно, провалился, его засмеяли. Но это показывает какой у них интерес к этим состязаниям»². Показательна и образность выражений, при помощи которой власти отмечали отношение казаков к традиции верховой езды: «Иногородние относятся к этому безразлично, но у самого казачества при виде лихого кавалериста все жилки трясутся»³.

Культура и воинские традиции социальной общности в таком деле как создание территориальных кавалерийских частей вновь становились важным ресурсом. Предлагалось такие традиции казачества, как любовь к военному делу, верховой езде, джигитовке поддерживать и развивать, так как они необходимы для кавалерийских частей. Обращалось внимание даже на семейно-воспитательную и праздничную сторону сохранения традиции. Например, отмечалось, что военная культура была частью бытовой культу-

¹ ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 125. Л. 76а.

² Краевое совещание по работе среди казачества... С. 41.

³ Там же.

ры: «Казак был вооруженным человеком не только во время военной службы, но и у себя дома: имел казачий клинок, казацкую шашку и еще мальчиком начинал учиться джигитовке, лихо занимался рубкой. ...надо пойти навстречу этим казачьими старым традициям..., нужно дать... возможность развивать эти качества не только во время сборов, но и дома, на праздниках»¹. В совокупности с положениями резолюции «О казачестве» в которой обращалось внимание на необходимость лояльного отношения к казачьей культуре это свидетельствовало о возрождении части культурной традиции и ее адаптации в новых условиях, сообразно требованиям. Это явление можно считать неожиданным, незапланированным эффектом от создания территориальных казачьих частей.

Власть в действительности не собиралась создавать сугубо казачьи части, что подчёркивалось ее представителями. С.М. Буденый, выступая на краевом совещании, чётко сформулировал позицию партийно-советского руководства в этом вопросе, отметив, что вопрос строительства чисто казачьих войск никогда не возникнет². Напротив, продолжалось последовательное проведение политики десословизации. Вместе с казаками в одних частях служили крестьяне и рабочие. Например, в составе переменников, указанных в отчётном докладе Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) за 1927 г., значатся рабочие, крестьяне и прочие. А затем отмечается значительное вовлечение в территориальные части казачества³.

Однако по мере развития территориально-милиционной системы в казачьих районах стали проявляться ситуации, которые могли представлять потенциальную опасность для советского режима. Первой из таких негативных ситуаций являлось наличие в территориальных кавалерийских частях, формируемых преимущественно из казаков, довольно высокого процента бывших белогвардейцев и зажиточных кулаков, то есть «социально-чуждого»

¹ Краевое совещание по работе среди казачества... С. 146–147.

² Там же. С. 55.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3347. Л. 97.

элемента. Анализируя состав 11-й территориальной кавалерийской дивизии СКВО в 1925 г., Г.Л. Воскобойников обращает внимание на то, что 18% ее состава – это казаки, ранее служившие в Белой армии¹. Г.Н. Курков и В.П. Трут приводят ещё большие цифры. Согласно их исследованию, в той же 11-й теркавдивизии количество казаков, служивших в составе Белой армии, составляло 38%, а к 1926 г. – снизилось до 18,3%, зажиточных казаков было 19%, а затем эта цифра снизилась до 6,3%².

Нарушение классового принципа комплектования территориальных кавалерийских частей на юге России было вызвано объективными причинами. Это, прежде всего, серьезное сокращение конского поголовья, как один из результатов отрицательного воздействия Гражданской войны на хозяйственную систему казачье-крестьянского населения. Таким образом, выходить на службу со своим конем нередко мог только зажиточный казак. Осуществляя очередной призыв переменников, руководство территориальных кавалерийских частей должно было решить сложную задачу: соблюсти классовый принцип и обеспечить кавалерийские части конским составом. В такой ситуации нередко на социальную принадлежность переменников закрывали глаза. Власть проводила работу в этом направлении. Так, по оценке Г.Н. Куркова и В.П. Трута, в 1926 г. доля зажиточных казаков в 11-й кавдивизии снизилась до 6,3%, в 1927 г. она составляла уже только 3,4%³.

Следующая негативная ситуация, сложившаяся во второй половине 1920-х гг. это увеличение в социальном составе Красной Армии доли сельского населения. Характеризуя социальный состав РККА по военной переписи 1926 г., Н.С. Тархова приходит к выводу, что Рабоче-Крестьянская Красная армия по социальному составу была крестьянской. На 100 человек личного состава выходцев из крестьян было 77,4%⁴. Ряд представителей партийной структуры видели в этом серьезную проблему, чреватую политическими

¹ Воскобойников Г.Л. Казачество в Красной Армии... С. 51.

² Трут В.П., Курков Г.Н. Указ. соч. С. 93.

³ Там же.

⁴ Тархова Н.С. Красная армия и сталинская коллективизация... С. 83, 86.

последствиями. В 1927 г. в Политбюро ЦК ВКП(б) поступила записка оппозиционеров Л.Д. Троцкого, И.П. Бакаева и Н.И. Муралова, содержащая характеристику состояния Красной армии. В ней говорилось о существенном уменьшении рабочего костяка и превращении рабоче-крестьянской армии в армию крестьянскую с бюрократическим партийным руководством. Особо затрагивали авторы вопрос комплектования территориальных частей. Отсутствие сильного рабочего ядра и уменьшение партийной прослойки могло особенно негативно сказаться в политическом плане на территориальных частях в национальных и казачьих районах. По мнению авторов записки, это могло привести к тому, что территориальные части в таких районах могли стать «очагами неблагоприятных для пролетарской революции течений»¹.

Еще одна негативная ситуация проявилась в связи с формированием в Красной армии так называемых «крестьянских настроений» – повышенный интерес крестьянских слоев армии к событиям в деревне. «Крестьянские настроения» как правило имели отрицательный характер, так являлись реакцией на ужесточение властных мер по хлебозаготовкам, волнениями в армии, связанными с просьбами о помощи из станиц и сел. «Крестьянские настроения» свидетельствовали о сильной связи красноармейцев с сельской социальной средой, сохраняющейся крестьянской ментальности. В отношении тех же казаков представители ОГПУ, изучавшие казачье-крестьянские настроения территориальных частей в 1927–1928 гг. делали вывод, что, как только казак-переменник возвращался в станицу, он попадал под влияние старших поколений, настрой которых в отношении советской власти был менее позитивным, а также под влияние реакционной станичной верхушки². В докладе Особого отдела ОГПУ 31-й стрелковой дивизии, содержащем анализ отношения казачества Сталинградской области к территориально-милиционной

¹ Записка Л. Троцкого, Н. Муралова и И. Бакаева. В Политбюро ЦК ВКП(б). Записка о Рабоче-Крестьянской Красной Армии 15 августа 1927 г. // Красная Армия в 1920-е годы. М., 2007. С. 172–173.

² Архив Управления ФСБ по Волгоградской области (АУФСБ ВО). Ф. 7. Д. 87. Л. 84.

системе, содержалась критическая оценка патриотических настроений казаков. Стремление казаков в территориальные части объяснялось другими причинами, в частности, короткими сроками прохождения военной подготовки¹.

Концентрация казаков в территориальных частях сохраняла потенциальную опасность для власти. Об этом косвенно свидетельствуют факты проявляемого переменниками недовольства в условиях кризиса 1927–1928 гг. в отношении командного состава частей. Органы ОГПУ фиксировали высказывания, связанные с ситуацией внешнеполитической напряженности и нежеланием воевать: «Как война будет, так штыки в землю потому, что нас налогами обидают»². На Кубани среди зажиточных крестьян и казаков встречались настроения ожидания восстания в армии в случае войны³.

Однако исследователи приводят и другие факты, свидетельствующие об устойчивости территориально-милиционной системы в условиях внешне-внутриполитических кризисов. Например, в условиях коллективизации переменники нередко являлись проводниками колхозной линии, их использовали для борьбы с кулацким саботажем. Также они активно включились в кампанию по сохранению и развитию конского поголовья в 1930-х гг.⁴

Власть в целом оценивала результаты реформы РККА и формирования территориально-милиционной системы положительно. Нарком по военным и морским делам К.Е. Ворошилов в конце 1920-х гг. отмечал: «территориально-милиционные формирования организационно оформились, окрепли и успешно выполняют свою главнейшую задачу по боевой подготовке людских резервов»⁵.

Итак, в 1920-х гг. в условиях реформы РККА и проведения политики «лицом к казачеству» военно-культурные традиции казачества оказались

¹ АУФСБ ВО. Ф. 7. Д. 87. Л. 83.

² АУФСБ ВО. Ф. 7. Д. 87. Л. 84.

³ Баранов А.В. «Военная тревога» 1927 г., как фактор развития политических ориентаций земледельцев Юга России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 4 (29). С. 16.

⁴ Трут В.П., Курков Г.М. Указ. соч. С. 96.

⁵ Строго секретно 7 экз. Ольховская // Красная Армия в 1920-е годы... С. 167.

востребованными советской властью. Институт военной службы, и, прежде всего территориально-милиционная система стали удачной формой вовлечения казачества в новое общественное устройство. Территориально-милиционная система была воспринята казаками как «своя» отчасти потому, что она напоминала прежнюю иррегулярную систему службы, отчасти потому, что позволяла стать «своими» в новой социальной системе, доказав лояльность власти. При организации территориально-милиционной системы на казачьих территориях военное и партийно-советское руководство обращало внимание на традиционную военную культуру казачества, обращалось к военной традиции как к мировоззренческой основе, стараясь использовать ее как фактор воздействия на казаков.

Прямой стратегической задачей строительства территориально-милиционной системы являлось повышение обороноспособности советского государства. И здесь военный потенциал и военно-культурные традиции казачества были востребованы по своему прямому назначению. Они позволяли казакам быстро и эффективно адаптироваться в территориальных частях.

Однако развитие территориально-милиционной системы имело и незапланированный, побочный эффект – возрождение казачьих традиций, сохранение казачьей идентичности. Институт военной службы стал мощным фактором возрождения казачества в социальной системе советского общества. Традиции военной подготовки молодых казаков, хотя бы и в измененном виде, вновь стали актуальны и приветствовались властью.

Сделаем выводы. Социальные и политические процессы, развивавшиеся на юге России в середине 1920-х гг., свидетельствовали о том, что казачество как социальная общность стала значимым объектом политики власти. Действия партийно-советского руководства были продиктованы необходимостью вовлечь казачество в модернизационные процессы, сделать их частью новой социально-политической системы.

Несмотря на то, что стратегическим курсом большевиков являлось расказачивание, реализуемая в середине 1920-х гг. политика «Лицом к казаче-

ству» объективно способствовала возрождению казачества как социальной общности в социально-политической системе на юге России. Предложенные в ходе её осуществления меры и формы вовлечения казаков в процессы советского строительства стали по сути адаптационным механизмом, который позволил не только власти использовать социальный и экономический потенциал казачества, но и социальной общности вновь утвердить свое присутствие на юге России.

Важнейшей адаптационной формой стала территориально-милиционная система, частично воспроизводившая принципы и характеристики иррегулярной военной службы казачества. В связи с необходимостью укрепления обороноспособности страны власти активно используют военный потенциал казачества, способствуя восстановлению и сохранению его идентичности, культурных особенностей.

В результате проведения политики «лицом к казачеству» вновь на юге России ряд территорий маркируются как казачьи, идет обращение к казачьим культурным традициям, которые возможно использовать для строительства новой советской системы. Вместе с тем это способствует росту самосознания социальной общности, артикуляции ею своих интересов и попыткам проведения их в жизнь через советские институты. Таким образом, с 1924 г. по 1927 г. происходило возрождение казачества в новой общественной и политической системе России. Эту ситуацию можно определить, как незапланированный, побочный результат политики «лицом к казачеству».

В основе возрождения казачества в рассматриваемый период лежала социальная трансформация. В ходе проведения политики «Лицом к казачеству» социальная общность постепенно выходила из состояния апатии, включалась в социальные процессы, происходила её адаптация к новой реальности. Социокультурные характеристики социальной общности трансформировались в соответствии с запросами и вызовами внешней среды.

В начале 1927 г. можно говорить о завершении политики «Лицом к казачеству». Активных системных мероприятий данной направленности пар-

тийно-советское руководство больше не проводило. Однако это не означает, что казачество прекратило своё существование. Служба казачества в кавалерийских частях территориально-милиционной сохраняла свою востребованность в 1930-х гг., бытовая культура казаков также не преследовалась и, соответственно сохранялась, сохранялась маркировка территорий юга России, как казачьих. Всё это способствовало сохранению казачества как социокультурного феномена и замедляло процессы его нивелировки с крестьянством.

3. ФАКТОРЫ, ФОРМЫ И РЕСУРСЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ КАЗАЧЕСТВА В СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЕ В СЕРЕДИНЕ 1930-Х – НАЧАЛЕ 1940-Х ГГ.

3.1. Мероприятия партийно-советского руководства по созданию образа советского казачества в середине 1930-х гг.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. процессы системной трансформации в СССР приобрели новую форму и качественное содержание. Индустриализация и коллективизация становятся важнейшими факторами модернизации страны, изменявшими не только экономическую систему, но и социальную. В.А. Бондарев, исследовавший модернизационные процессы на юге России, в частности в казачьих регионах, отмечает фрагментарный характер модернизации. Это означало, что социально-экономические изменения в рамках такой модернизации имели не полный характер. Такая модернизация, по сути, не оказывала воздействия на глубинные структуры общественного сознания и культуры¹.

Вместе с тем, В.А. Бондарев рассматривает коллективизацию как перманентный социальный конфликт, то есть её воздействие, как и модернизационных процессов в целом на общество, его социальную структуру было очень значительным. Выразилось это, прежде всего в наступлении на определенные социальные слои в деревне. Н.А. Ивницкий отмечал, что развертывание колхозного движения означало, прежде всего, наступление на капиталистические элементы деревни, на кулачество².

Социалистическая модернизация хозяйственной системы сопровождалась новыми социальными конфликтами. Усиливались внеэкономические и репрессивные меры воздействия на казачество и крестьянство. На социальную обстановку в деревне и в станице в целом по стране в конце 1920-х –

¹ Бондарев В.А. Фрагментарная модернизация... С. 74, 97.

² Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929–1932 гг.). М., 1972. С. 41.

начале 1930-х гг. влияли следующие внутри- и внешнеполитические факторы: кризис хлебозаготовок, «военная тревога», административный нажим на крестьянство, начало коллективизации, кампания по борьбе с кулачеством. Настроения в обществе радикализировались. Период конца 1920-х – начала 1930-х в историографии определяется и как социальный конфликт, носящий перманентный характер, и как квазигражданская война¹.

Вновь складывалась ситуация отказа населения от участия в социалистической модернизации. Развивались пассивные и активные формы протеста против репрессивных форм хлебозаготовок, коллективизации. Исследователи выявляют резкий рост антисоветских выступлений. Например, в 1928 г. выступлений, в которых ведущей силой оказывались казаки, насчитывалось 289². Это, в свою очередь, способствует тому, что власть усиливает репрессивные формы воздействия на население. Со стороны органов ОГПУ разворачиваются превентивные меры подавления социального протеста. В числе таковых – выселение в другие районы кулаков, контрреволюционных элементов. В феврале 1930 г. вышел приказ ОГПУ о мероприятиях против кулачества, предусматривавший так называемое изъятие «кулацко-белогвардейских контрреволюционных элементов»³. Определялись плановые цифры такого изъятия по регионам страны. Например, по Северному Кавказу намечалось выселить от 6 до 8 тыс. чел., по Нижневолжскому краю от 4 до 6 тыс. чел.⁴ Большое количество выселений приходилось на районы компактного проживания казачества.

¹ Бондарев В.А. Фрагментарная модернизация... С. 322; Данилов В.П. Введение (Истоки и начало деревенской трагедии) // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы: в 5 т. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929. М., 1999. С. 52; Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2009. С. 29. Кратова Н.В. Повстанческое движение на Кубани...

² Баранов А.В., Рвачева О.В. Протестные настроения донского казачества и репрессивная политика власти конца 1920-х – 1930-х гг. // Новейшая история России. СПб., 2018. Т. 8. № 3. С. 615.

³ Приказ ОГПУ о мероприятиях по ликвидации кулачества как класса от 2 февраля 1930 г. // Трагедия советской деревни. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 гг. М., 2000. С. 163–164.

⁴ Там же. С. 164.

Кроме выселения, предусматривались и более жесткие меры наказания: аресты и расстрелы. Их применяли в отношении так называемой первой категории кулаков, выделяемой в приказе ОГПУ. В нее включали белогвардейцев, бывших офицеров, повстанцев, репатриантов и др. Особое внимание уделялось выявлению контрреволюционных организаций.

Казачество в этот период вновь попадает в зону особого внимания власти, как социальная группа, представляющая потенциальную опасность. В казачьих районах юга России меры социального и политического давления затронули не только кулачество. Несмотря на то, что органы власти публично говорили, что коллективизация ориентирована только на классовую борьбу, репрессии в отношении казачества усилились после начала массового раскулачивания в период коллективизации, что даёт основание характеризовать происходящее, как латентное расказачивание¹.

Мероприятия власти дают основание предполагать, что казачество сохраняло свою организованность и могло действовать достаточно сплоченно. В период начала колхозного строительства власть готовилась к массовому выступлению казаков, с учетом радикализации их настроений в период кризиса хлебозаготовок и «военной тревоги». По казачьим округам выявлялись и брались на учет ОГПУ те, кто по меркам власти являлись неблагонадежными.

Так, в 1929–1930 гг. под пристальным вниманием ОГПУ и партийных органов оказался Хопёрский округ Нижневолжского края, в связи с выявлением здесь казачьей контрреволюционной повстанческой организации с общим количеством участников 600 чел. В связи с чем были проведены не только следственные действия, но и анализ настроений и социально-политической ситуации в округе². Однако следует отметить, что раскрытие

¹ Кислицын С.А. Указ и шашка... С. 301.

² АУФСБ ВО. Ф. 6. Д. 14310. Л. 1; Ф. 7. Д. 171. Л. 7–10.

таких организаций ОГПУ можно назвать скорее превентивной мерой, чем существовавшей реальной опасностью восстания казачества¹.

Тем не менее, органы власти, стремясь держать ситуацию на контроле, выявляют потенциально опасные социальные группы в казачьих районах. Так, в 1929 г. по Хопёрскому округу было выявлено свыше 2500 реэмигрантов. Из них 350 чел. бывших белых офицеров и 2200 чел. рядовых². В 1930 г. в документах партийных органов из округов также проводился мониторинг с выявлением социально-неблагонадежных групп. В Хопёрском округе такие выписки из политико-экономического обзора округа проводились регулярно с мая по сентябрь 1930 г.³

Несмотря на ожидания власти и ОГПУ, массового вооруженного выступления казаков на юге России не произошло. Острые социальные конфликты между населением и властью в районах проживания казачества имели объективные причины и были проявлением сложных адаптационных процессов, происходивших вследствие перехода от нэпа к административно-командному управлению страной, форсированной коллективизации. В ходе этих процессов произошло уравнивание казаков с крестьянами. Можно согласиться с мнением С.А. Кислицына, что в ходе коллективизации и раскулачивания, уничтожившего либо нейтрализовавшего ту часть казачества, которая проявляла наибольшую социально-политическую активность, являлась выразителем духовных и материальных интересов своей социальной общности. В итоге казачество как самостоятельная политическая сила перестало существовать.

Ещё в конце 1920-х гг. постепенно сошла на нет и политика «Лицом к казачеству». В документах партийно-советских органов упоминание о казаках в связи с необходимостью проведения каких-то специальных мероприятий по вовлечению их в советскую систему встречается

¹ Баранов А.В., Рвачева О.В. Указ. соч.

² АУФСБ ВО. Ф. 6. Д. 14310. Л. 3.

³ ЦДНИВО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 21. Л. 5, 6, 7 и др.

эпизодически. Казачество в первой половине 1930-х гг. рассматривается властью в качестве составной части колхозного крестьянства при сохранении некоторых особенностей¹.

Таким образом, большевистская власть в начале 1930-х гг. достигла поставленной в отношении казачества цели – растворить казаков в массе крестьянства, нивелировать его социальные и культурные особенности под стандарты советского общества. Однако в середине 1930-х гг. вновь наблюдается корректировка политического курса. На юге России в партийных документах, прессе, действиях власти проявляется внимание к казакам, которых вновь начинают выделять среди остального сельского населения. В печатных СМИ появляется масса материалов о военной службе казачества, встречах казачьих делегаций с представителями власти на различных уровнях, экономических кампаниях, разворачивающихся на казачьих территориях, казачьих ансамблях и пр. Всё это свидетельствует о новом этапе сближения казаков и власти, формировании политического курса, в котором казакам отводилось своя роль. Действия власти, вызывая отклик населения, способствовали развитию социальных и культурных практик и в целом формировали направление развития социальной общности. Как и в 1920-х гг., в рамках политики «лицом к казачеству» власти преследовали свои цели. Однако, так или иначе, это способствовало развитию казачества.

В рамках данного раздела представляется важным выяснить, каким образом политика власти в середине 1930-х гг. в отношении казачества влияла на его развитие. В историографии не так много работ, посвященных этому периоду с акцентом внимания на политику в отношении казачества. Тем не менее можно выделить наиболее концептуализированные точки зрения. С.А. Кислицын рассматривает всю политику власти в 1930-х гг. в отношении казачества как продолжающийся процесс латентного

¹ Кислицын С.А. Указ и шашка... С. 307.

рассказывания. По его мнению, рассказывание продолжалось одновременно с развитием взаимодействия политической власти с казачеством и являлась основой этой политики. Казачество в итоге рассматривалось как колхозное крестьянство, а его этнополитические особенности просто замалчивались¹. Определенную схожесть с позицией С.А. Кислицына можно отметить у В.А. Бондарева, который рассматривал развитие сельского сектора социально-экономической системы на юге России в контексте фрагментарной модернизации. В связи с этим он понимает коллективизацию, как завершающий этап «большевистского цивилизаторства», нанёсшего удар по крестьянской культуре (раскрестьянивание)². Признавая отрицательные последствия коллективизации для социокультурной системы казачества, Н.Ф. Бугай замечает, что частично, проводимая властью политика в 1930-х гг., была направлена на возрождение казачества. Но данная политика была половинчатой и конечной целью полного возрождения казачества, как социального феномена не имела³. Наиболее полно исследовавший развитие казачества в 1930-е гг. А.П. Скорик рассматривает политику сближения власти с казачеством как кампанию. По его мнению, речь следует вести не о возрождении, а о конструировании казачества⁴. По нашему мнению, противопоставление возрождения и конструирования методологически не обоснованно, так как это процессы, дополняющие друг друга. Вместе с тем, следует согласиться с А.П. Скориком, определявшим политику власти середины 1930-х гг. как скоротечную кампанию. Но более важным на наш взгляд, является оценка результатов этой кампании для социального бытия казачества.

Определяя причины, по которым власть в середине 1930-х гг. вновь обращает внимание на казачество, реализует мероприятия проказачьей

¹ Кислицын С.А. Указ и шашка... С. 109–110.

² Бондарев В.А. Фрагментарная модернизация... С. 108.

³ Бугай Н.Ф. Казачество России... С. 69.

⁴ Скорик А.П. Многоликость казачества Юга России... С. 213, 221.

направленности, историки, как правило, выделяют внешнеполитический фактор. В середине 1930-х гг. начинается очередной этап обострения международной обстановки. В СССР наряду со стратегическими мероприятиями по реорганизации армии принимается комплекс мер по вовлечению широких масс в процесс военного обучения. Казачество с его военными традициями представляет серьезную социальную базу для этого. В ситуации возможной войны с Германией партийно-советское руководство старается вновь вызвать симпатии казачества и привлечь их на свою сторону. Так, А.П. Скорик, анализируя обострение международной обстановки, как причину проведения кампании «за советское казачество» выделяет намерения советского правительства «использовать военно-патриотические традиции казачества для укрепления обороноспособности СССР»¹. Эту точку зрения разделяют и другие историки.

В качестве ещё одной возможной причины называют ситуацию восстановления животноводства, на котором отрицательно сказался период коллективизации². Особым направлением животноводства являлось коневодство, которое так до конца и не восстановилось после Гражданской войны. Развитие кавалерийских формирований в кадровой армии и территориально-милиционной системе требовало серьезно заняться качественным восстановлением конского поголовья. С.М. Буденный отмечал роль коневодства для обеспечения армии кавалерийской лошадей: «...страна нуждается в выращивании мощного конского поголовья, могущего преодолевать большие расстояния и готового к героическим боевым маршам»³.

Именно стремление возродить коневодство на юге России, по мнению П.Г. Чернопицкого, заставило власти вновь обратиться к казачеству, поддерживая и развивая его традиции. Это способствовало разворачиванию в Севе-

¹ Там же. С. 177.

² Чернопицкий П.Г. К вопросу о возрождении казачества // Возрождение казачества (история, современность, перспективы). Тезисы докладов, сообщений, выступлений на V Международной (Всероссийской) научной конференции. Ростов-на-Дону, 1995. С. 13.

³ Нам нужны красные конники // Молот. 1936 № 4400. 1 февраля.

ро-Кавказском и Азово-Черноморском краях соревнования по выращиванию коней для кавалерии РККА¹.

Также ещё называют геополитическую ситуацию на Северном Кавказе, неустойчивость которой обуславливалась этническим многообразием и политической неоднородностью общества. Выделяя «национально-политическую сложность Южно-Российского региона»² в качестве фактора, повлиявшего на действия власти по привлечению казаков на свою сторону, А.П. Скорик показывает наличие антисоветских настроений среди горцев и населения немецких колоний³.

Следует выделить ещё одну причину, которую также называют историки, и которая, с нашей точки зрения, является приоритетной. В 1936 г. должна была быть принята новая Конституция СССР. Данное событие с точки зрения модернизации общественной и политической системы в СССР требовало определенной подготовки. Нужно было продемонстрировать единство советского народа. По мнению П.Г. Чернопицкого именно в связи с подготовкой новой конституции руководство страны обратило внимание на казаков⁴.

В новой конституции уточнялась социальная структура общества, в котором теперь не должно было быть групп с ограниченными социальными правами. Главный документ страны должен был закрепить окончательную победу советского строя. Однако после завершения процесса коллективизации общественные настроения требовали серьезной корректировки, так как между властью и крестьянской частью общества возникло недоверие. То же самое относилось и к казачеству. В казачьих регионах нужно было вновь искать пути к диалогу и согласию, формировать и укреплять у казаков советскую идентичность, формировать лояльное отношение к власти.

¹ Чернопицкий П.Г. К вопросу о возрождении казачества... С. 13.

² Скорик А.П. Многоликость казачества Юга России... С. 180.

³ Там же.

⁴ Чернопицкий П.Г. Советская власть и казачество // Проблемы казачьего возрождения. Сб. науч. статей в 2-х частях. Ростов н/Д, 1996. Ч. 2. С. 87.

В середине 1930-х гг. партийно-советское руководство в Северо-Кавказском, Азово-Черноморском и Нижневолжском краях начинает серию мероприятий в отношении казачества. Анализ того, что собой представляли данные мероприятия, позволяет сделать выводы и относительно сути проказачьей политики в рассматриваемый период, ее продолжительности и результатах.

Исследуя причины и формат кампании «за советское казачество» А. П. Скорик обращает внимание на её внезапность. Даже в конце 1935 г., отмечает он, когда до начала кампании оставалось всего несколько месяцев, практически нет свидетельств о её подготовке. Об этом говорит даже такая деталь, что при освещении в прессе мероприятий с участием казаков нет упоминания об этом¹. Вместе с тем, следует отметить опубликованную в конце 1935 г. сначала в газете, а затем в виде отдельной брошюры работу первого секретаря Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) Б.П. Шеболдаева «Казачество в колхозах». В работе подробно рассматривается политическая и социальная трансформация казачества в рамках советской колхозной системы².

Однако уже в начале 1936 г. страницы газет на юге России и даже центральных изданий, таких как «Правда» и «Известия» были заполнены материалами о казаках. Такая ситуация с освещением разных сторон их жизни, на наш взгляд, подтверждает тот факт, что первоочередной причиной для разворачивания кампании «за советское казачество» являлось подготовка общественного мнения к принятию новой Конституции.

Из материалов прессы можно составить представление о том какие мероприятия на юге России проводились с участием казачества и по его прямой инициативе. В числе таковых были материалы об успехах колхозного и советского строительства в казачьих станицах, рассказывается о хозяйственных достижениях казаков. Широко освещался ход животноводческой кампании и

¹ Скорик А.П. Многоликость казачества Юга России... С. 190, 191, 192, 193 и др.

² Шеболдаев Б.П. Казачество в колхозах... С. 8–14.

особенно кампании по подъему коневодства на юге России. Много внимания уделяется культурным мероприятиям: конные переходы, праздники и парады с участием казаков-конников, участие казачьих ансамблей и хоров в смотрах самодеятельности и т. п.

С 13 по 16 февраля 1936 г. в Москве проходило всероссийское совещание передовиков животноводства с руководителями партии и правительства, в работе которого приняла участие делегация донских и терских казаков. Это событие широко освещалось в прессе, в нескольких номерах публиковались речи делегатов, сразу после окончания совещания отдельной брошюрой был опубликован стенографический отчет о его деятельности. С этого совещания отсчитывается начало кампании, центральное место в которой занимали казаки.

В газетах отмечалась принадлежность членов делегации к казачеству, и сами делегаты активно презентовали себя как казаков. Делегации отводилось особое место в рамках совещания. В своих выступлениях донцы и терцы большое внимание уделяли новым настроениям среди казачества, полному принятию советского строя и готовности его защищать в случае необходимости. Речи членов казачьей делегации были также опубликованы в «Правде» и других газетах.

Буквально через день после закрытия совещания 18 февраля в газете «Правда» вышла статья под названием «Советские казаки». Содержащиеся в статье идеологические установки должны были закрепить в общественном сознании новые характеристики казачества. В числе таковых выделялись: принятие колхозного строя, понимание преимуществ этого строя перед дореволюционными станичными порядками и преданность советской власти¹. Главной мыслью статьи было то, что представители данной социальной общности полностью приняли советский строй и колхозное строительство.

¹ Рвачева О.В. Создание советского казачества на юге России в середине 1930-х – начале 1940-х гг. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведения. Международные отношения. 2014. №. 3 (27). С. 84.

Много внимания в статье уделялось демонстрации казаков, как части советского общества, единства советского народа. Они являлись частью народа, строящего новую социалистическую жизнь. Акцентировалось внимание на том, что в ходе выступления на совещании их приветствовали представители народов всего СССР. Было особо подчеркнуто внимание к казакам со стороны партийного и советского руководства: «Весь съезд, во главе со Сталиным, с руководителями партии и правительства, приветствовал посланцев казачества и с величайшим вниманием и громадным воодушевлением выслушал их речи»¹.

Статья имела идеолого-пропагандистский характер. Азово-Черноморский краевой комитет ВКП(б) издал постановление об ознакомлении с текстом статьи населения на местах проведения разъяснительных бесед об участии казачества в строительстве социализма².

Весной 1936 г. были опубликованы две статьи, характер которых можно определить как программный. Они содержали положения, которые в рамках разворачивавшейся кампании «за советское казачество» можно было назвать политическими установками для казачества. В марте 1936 г. статья под названием «Казачество колхозной Кубани» вышла в газете «Молот». Это газета являлась официальным органом Азово-Черноморского крайкома ВКП(б), крайисполкома и крайсовпрофа. Ключевой идеей статьи стало утверждение полной победы колхозного строя на Кубани в результате чего произошла и окончательная трансформация казачества. Теперь, как утверждалось в статье, казачество стало окончательно преданным социалистической родине, и никто не сможет поднять казаков против советской власти³.

Далее отмечались изменения, произошедшие с казачеством по сравнению с их прошлым пребыванием в состоянии военно-служилого сословия, проводилась мысль классовом разделении в казачьей среде в прошлом, экс-

¹ Советские казаки // Правда. 1936. 18 февраля.

² Скорик А.П. Многоликость казачества Юга России... С. 202.

³ Казачество колхозной Кубани // Молот. 1936. № 4428. 4 марта.

плуатации трудовых казаков и т.п. Всё это должно было составлять резкий контраст с образом жизни советских казаков, обликом казачьих колхозных станиц – счастливых и зажиточных»¹.

Вслед за первой статьей в апреле 1936 г. в газете «Правда» вышла статья под названием «Колхозное казачество». Смысл статьи, её основные положения были идентичны первой. Отмечались успехи колхозного строительства в казачьих регионах юга России. Особый акцент делался на том, что колхозный строй укрепился в казачьих районах, которые еще недавно были ареной жестокой классовой борьбы. Теперь же казачество и остальной советский народ представляют единое целое и «казачество полностью убедилось в том, что колхозы несут зажиточную и культурную жизнь»².

Ключевые положения статей о победе колхозного строя в казачьих районах, трансформации казаков из врагов советской власти в преданных её сторонников и о единстве советского народа будут в дальнейшем так или иначе присутствовать практически во всех материалах, в которых будет освещаться события, связанные с казачеством. Власть будет настойчиво проводить мысль о казачестве, как части советского общества.

Официальных документов, свидетельствовавших бы о том, что данная кампания была начата по решению высших государственных и партийных органов страны, не имеется. Детально изучивший начальный этап кампании А. П. Скорик отмечал слабость подготовительной работы по ее открытию и отсутствие конкретного лица, которое можно было бы назвать инициатором проведения кампании³. Вместе с тем, секретарь Азово-Черноморского краевого комитета ВКП(б) Б.П. Шеболдаев, выступая на заседании Ростовского горсовета 15 марта 1936 г., подчеркнул, что кампания в отношении казачества началась по личной инициативе И.В. Сталина и что именно «...т. Сталин поставил вопрос о том, чтобы вызвать в Москву наших донцов на совещание

¹ Там же.

² Колхозное казачество // Правда. 1936. № 114. 24 апреля.

³ Скорик А.П. Многоликость казачества... С. 194.

животноводов, чтобы лучших казаков наградить орденами и этим показать, как надо относиться к казачеству»¹.

Партийно-советское руководство Азово-Черноморского, Северо-Кавказского и Сталинградского краев с начала 1936 г. начало проводить мероприятия проказачьей направленности, задача которых одновременно заключалась в демонстрации советской природы казаков. Политическая пропаганда достижений советского строя в отношении казачества и качественных перемен, произошедших в этой социальной группе, началась ещё в конце 1935 г. В работе «Казачество в колхозах», подытоживавшей результаты коллективизации в казачьих районах Азово-Черноморского края, Б.П. Шеболдаев подчеркивал, что «...Советская власть и колхозный строй.... покончили навсегда с прошлым казачества... На перепаханной революцией земле выросли новые люди, которым незачем оглядываться назад. Их мысли и надежды в будущем. Сейчас перед трудовым казачеством развернулась широкая дорога колхозной зажиточной жизни, путь чести и славы на поле труда и в деле защиты нашей великой родины»².

Две основных идеи: принятие казачеством советского строя с его колхозной системой и готовность встать на защиту этого строя в случае войны будут регулярно озвучиваться в речах партийных и советских руководителей краев и областей юга России. Так, присутствовавшее на январской 1936 г. 2-й сессии ВЦИК XVI созыва советское краевое и окружное руководство Азово-Черноморского края в лице председателя крайисполкома В.Ф. Ларина и председателя Северо-Донского окружного исполнительного комитета С.Т. Касилова отмечало в своих речах советскую сущность казачества и заверяло руководство страны в том, что казачье-крестьянское население края готово защищать советскую родину и достижения социализма. Так, завершая выступление на заседании 13 января, В.Ф. Ларин отмечал, что казаков и крестьян-

¹ Выступление товарища Б.П. Шеболдаева на торжественном заседании Ростовского совета, 15 марта 1936 г. // Молот. 1936. № 4444. 23 марта.

² Шеболдаев Б.П. Казачество в колхозах... С. 12–13.

ян уже никому не удастся свернуть с колхозного пути, а также, что в случае войны рабочие и колхозники, по призыву товарища Сталина будут биться за нашу социалистическую родину¹. Аналогично были расставлены акценты в речи С.Т. Касилова, которая была напечатана в краевой газете под характерным заголовком «Донские казаки беззаветно преданы своей родине, колхозному строю»². Важным пунктом речи являлась характеристика округа как казачьего, акцентировка внимания на том, что казаки стремятся к укреплению колхозного строя.

Выступая на пленуме Сталинградского крайисполкома в марте 1936 г., первый секретарь крайкома ВКП(б) И.М. Варейкис также подчеркивал патриотический настрой казачества и необходимость его развития. В частности, он отметил, что: «...Мы знаем, какую славную роль играло красное казачество в борьбе против Деникина, Краснова, Колчака, в борьбе против польских панов в первые годы молодой советской социалистической республики... Мы ни в какой степени и ни в какой мере не преуменьшаем и превосходно понимаем все значение конницы в предстоящей войне.... Нам необходимо воспитать для нашей конницы прекрасные кадры красных казаков»³. Пленум был посвящен чествованию сталинградских животноводов – орденосцев, вернувшихся из Москвы.

После закрытия всероссийского совещания передовиков животноводства на юге России со стороны партийно-советских органов Азово-Черноморского, Северо-Кавказского и Сталинградского краев, а также руководства Северо-Кавказского военного округа последовали действия, которые должны были продемонстрировать политическое доверие к казачеству.

¹ Речь тов. В.Ф. Ларина // Молот. № 4390. 13 января. 1936.

² Донские казаки беззаветно преданы своей родине, колхозному строю. Речь председателя Северо-Донского Окрисполкома тов. Касилова на утреннем заседании 3 февраля // Молот. 1936. 5 февраля. № 4404.

³ Речь тов. Варейкиса на заседании пленума Крайисполкома, посвященного чествованию орденосцев животноводства // Сталинградская правда. 1936. 4 марта. № 52 (2366).

Важной демонстрационной формой стали конные походы казаков, которые имели выраженный военизированный характер. В начале марта 1936 г. в г. Ростове-на-Дону принимали участников такого похода, в котором были представлены донские, кубанские и терские казаки, по 100 чел. от каждой группы. Данный поход являлся центральным событием в серии мероприятий, проводимых в Азово-Черноморском крае весной 1936 г. Встреча участников похода была обставлена очень торжественно. Город был украшен плакатами и флагами, казаков встречали жители города. Был запланирован парад, в котором кроме казачьих сотен участвовали осоавиахимовцы и представители комсомольской организации, планировались конноспортивные состязания¹.

На торжественном пленуме Ростовского городского совета 15 марта 1936 г. выступили руководители партийных организаций Азово-Черноморского и Северо-Кавказского краёв – Б.П. Шеболдаев и Е.Г. Евдокимов, в их речах ключевой темой была трансформация казаков в лояльных советских граждан. Б.П. Шеболдаев сосредоточил внимание на том что, что часть населения Азово-Черноморского края (подразумевались прежде всего казаки), которая в период Гражданской войны выступала против советской власти, а в период проведения коллективизации являлась наиболее активным противником этого процесса, теперь полностью перешло изменилось, стало советским².

На переменах в настроениях казаков, произошедших под воздействием политики власти, сосредоточился в своей речи и Е.Г. Евдокимов. Описав произошедшие за годы советской власти перемены в казачьих хуторах и станицах, в среде казачества, он подчеркнул, что «...теперь уже казаки не те, казаки теперь советские. И сегодня доспехи казачьи это уже не признак словной принадлежности старого времени, а признак взятых на себя обяза-

¹ ЦДНИРО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 254. Л. 28.

² Выступление товарища Б.П. Шеболдаева на торжественном заседании...

тельств по колхозной работе, по укреплению колхозного строя...»¹ А маршал С.М. Буденный, выступавший на этом же пленуме, отметил: «Выступавшие до меня... тов. Каширин в своем ярком докладе, тт. Шеболдаев и Евдокимов в своих замечательных выступлениях достаточно подробно охарактеризовали и дали исчерпывающую оценку движению советских казаков. Все речи сводятся к тому, что сегодняшние казаки – советские казаки, ничего общего не имеющие со старым, позорным прошлым. Это – социалистические казаки, являющиеся неотделимой частью великой трудовой семьи народов СССР»². Под характерным названием «Советские казаки – неотделимая часть великой семьи народов СССР» речь была напечатана в газете «Молот».

О проведении среди казаков большой политической работы в письме к Б. П. Шеболдаеву докладывал секретарь Северо-Донского окружкома Азово-Черноморского края В.М. Лукин. По мнению А.П. Скорика, данный округ являлся «застрельщиком» в проведении мероприятий в рамках кампании «за советское казачество» в крае³. В письме раскрывалась большая работа. Как отмечал секретарь окружкома, проводились большие районные собрания, приуроченные ко дню годовщины Красной Армии, которые проходили с большим подъемом, было много интересных выступлений казаков. секретарь окружкома обращает внимание на речи бывших белых казаков, которые каялись в своих грехах, разоблачали себя⁴. Аналогичные торжества прошли в Вешенском районе Азово-Черноморского края. В ст. Вешенскую съехались казаки со всего района. В собрании принял участие писатель Михаил Шолохов. В газетной статье, освещавшей данное мероприятие говорилось: «...Это был большой народный митинг. Чувство радости и гордости за свою родину,

¹ Праздник советского казачества. Речь секретаря Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) товарища Е.Г. Евдокимова на пленуме Ростовского горсовета с участием советских казаков Дона, Кубани, Терека и горцев Северного Кавказа // Молот. 1936. № 4443. 22 марта.

² Советские казаки – неотделимая часть великой семьи народов СССР. Речь маршала Советского Союза товарища С.М. Буденного // Молот. 1936. № 4441. 20 марта.

³ Скорик А.П. Советское казачество как социально-политический проект на Юге России // Документ. Архив. История современность. Сб. науч. тр. Екатеринбург, 2018. С. 249.

⁴ Скорик А.П. Многоликость казачества... С. 199.

за колхозный Дон звучало в речах казаков. Они говорили о своей бесконечной преданности коммунистической партии, советской власти, великому вождю народов товарищу СТАЛИНУ»¹. Подобные мероприятия проводились во всех казачьих округах юга России.

Ещё одной демонстрационной формой, подчеркивающей повышенное внимание власти к казакам, стали приемы казачьих делегаций у политических и советских руководителей. Так, делегацию донцов, после их прибытия со Всероссийского совещания животноводов в Ростов-на-Дону, принимали партийно-советские краевые руководители – Б.П. Шеболдаев и В.Ф. Ларин. В беседе были затронуты вопросы развития животноводства в крае и, в особенности, коневодства, организация клубов ворошиловских кавалеристов. Обсуждалась даже ситуация с формой для донских казаков. Делегаты рассказали руководителям края, что Сталин отметил отсутствие формы у донских казаков. В ответ на это Б.П. Шеболдаев подчеркнул необходимость формы, как для донских казаков, так и для иногородних².

Встречи такого рода имели прежде всего, демонстрационный характер. Нередко они обставлялись как дружеские встречи, что тоже имело значение для формирования образа власти в глазах казачества и казачества в глазах общественности. Так, делегацию донских казаков принимал в Москве С.М. Будённый. В газетной статье прием описывался как встреча старых друзей: «Встретились, как старые друзья, тепло и радостно. Продолжительными аплодисментами казаки приветствовали Семёна Михайловича – своего знаменитого земляка»³.

В материалах средств массовой информации 1936 г. широко освещалась ситуация обсуждения проекта новой Конституции СССР. Среди прочих были и статьи о том, как казачество принимает новую Конституцию, как

¹ Радость советских казаков // Молот. 1936. № 4421. 24 февраля.

² Приём донских казаков-орденоносцев руководителями края // Молот. 1936. № 4428. 4 марта.

³ Донские казаки у маршала Советского Союза тов. С.М. Будённого // Молот. 1936. № 4434. 11 марта.

проходят обсуждения¹. Казаки, побывавшие в качестве делегатов на Съезде Советов СССР, на котором была принята новая Конституция, участвовали в публичных собраниях в своих станицах с рассказами о произошедшем. Материал о таких собраниях публиковался в прессе и становился важной составляющей частью кампании «за советское казачество».

Так, например, отчет делегата Съезда Советов СССР С.А. Садко из ст. Анастасиевской Азово-Черноморского края перед своими земляками был опубликован в газете «Правда». В статье описывалась атмосфера станичного клуба, радость казаков по случаю принятия Конституции («Все встали. Раздались возгласы: «Да здравствует Сталинская Конституция!», «Да здравствует наш любимый вождь товарищ Сталин!»)². Пропагандистский характер таких материалов способствовал, как развитию идеолого-политической линии демонстрации поддержки власти всем советским народом, так и закреплению образа советского казачества, беззаветно преданного своей стране. В рассматриваемом отчете делегата С.А. Садко в выступлениях делегата и его земляков-станичников постоянно присутствуют слова благодарности власти и отмечаются достижения советского строя: «У нас самая лучшая власть в мире, товарищи, у нас самая лучшая жизнь»; «...А откуда наши достижения? На это только один ответ: от государства и большевистской партии»; «Что за доклад мы выслушали? Это доклад нашего станичника, который ездил самые главные дела государства устраивать... Казачество теперь вместе со всем крестьянством имеет полное право выбирать и быть выбранным, а главное – жизнь другая, хорошая»³.

Лейтмотивом статьи «Победа колхозного казачества» можно назвать выражение благодарности казаков за новую счастливую жизнь. Статья была опубликована в газете «Молот» в октябре 1936 г. то есть незадолго до приня-

¹ Вместе со всем советским народом. Донские казаки одобряют проект Конституции // Молот. 1936. № 4514. 17 июня.

² Отчет делегата Съезда Советов кубанского казака Сергея Антоновича Садко // Правда. 1936. № 345 (6951). 10 декабря.

³ Там же.

тия новой советской конституции. В ней постоянно подчеркивается развитие колхозного строя, улучшение жизни казачества, награждение казаков, как признание их заслуг уже в советском строительстве и т.п. И как результат такой политики власти – сплочение казачества вокруг партии и советского правительства: «Не узнать теперь казацких колхозов, тесной стеной сплотилось казачество вокруг партии и советской власти, казак узнал новую замечательную жизнь»¹.

Следующий блок материалов, отражающих направление развития кампании в отношении казачества, это была информация о развитии животноводства и коневодства на юге России. Уже отмечалось, что необходимость подъема животноводства выделяют в качестве одной их причин разворачивания кампании «за советское казачество». Особенное внимание привлекали навыки казачества в сфере коневодства². При этом власть рассматривала данный аспект развития хозяйства во взаимосвязи с потребностями военной сферы. В частности, С.М. Будённый в выступлениях акцентируя внимание на развитии клубов ворошиловских кавалеристов, отмечал, что это будет способствовать развитию коневодства и решит нужды армии в конском поголовье³.

Краевые власти напрямую заявляли о необходимости привлекать к этому казачество. Так, первый секретарь Сталинградского крайкома ВКП(б) И.М. Варейкис в Сталинграде на краевом совещании специалистов-животноводов говорил о том, что особое внимание необходимо уделить коневодству и привлечь к этому делу казаков края: «Исключительное значение имеет в крае коневодство. За коня надо взяться всеми силами! Особое место по коню должны занять у нас казачьи районы. Во всех этих районах должно быть подхвачено предложение казаков-колхозников Молокановской артели

¹ Победа колхозного казачества // Молот. 1936. № 4622. 24 окт.

² Чернопицкий П.Г. К вопросу о возрождении казачества... С. 13.

³ Нам нужны красные конники...

Н.-Чирского района, предлагающих начать соревнование на выращивание чистокровных донских коней»¹.

В феврале 1936 г. в г. «Правда» вышла статья «Советские казаки». Пропагандистский характер статьи и особенно пассаж о казаках, как о могучем резерве Красной Армии, способствовал формированию установок социальной общности на участие в кампании по развитию коневодства. На юге России в колхозах развернулось соревнование за лучшее конское поголовье. В центральных и краевых СМИ появляется множество материала о том, как казаки-колхозники включились в данный процесс: гонка за породистыми жеребцами, восприятие ухода за лошадьё и выращивания жеребят как особо почетного занятия в колхозе². В некоторых случаях это принимало курьёзную форму. Так, например, в газете «Правда» приводились примеры особого рвения руководства колхозов в выполнении задач по развитию коневодства, когда на жеребенка донской породы председатель колхоза менял пару хороших лошадей, на которых сам же ездил. В другом случае перспективный жеребёнок находился под личным присмотром заведующего конюшней³.

Предпринимались и такие специальные акции, например, поход 100 всадников кавалеристов-казаков в Ростов-на-Дону к Краевой конференции. Предполагалось, что по маршруту похода они будут проводить агитационную работу по выращиванию донской лошади⁴. На торжественном пленуме Ростовского городского совета, посвященного походу, его участники – донцы, кубанцы и терцы, вызвали друг друга на соревнование по выращиванию боевых коней, по лучшему развитию конно-спортивного дела⁵.

В газетах постоянно печатался материал о достижениях казаков в развитии сельского хозяйства, о связи этих достижений с колхозным строитель-

¹ Совещание мастеров животноводства // Сталинградская правда. 1936. № 57 (2371). 10 марта.

² По станицам Северного Кавказа // Правда. 1936. № 105(6711). 15 апр.

³ Будни кубанских станиц // Правда. 1936. № 120 (6726). 1 мая.

⁴ Скорик А.П. Многоликость казачества Юга России... С. 178.

⁵ Праздник советского казачества // Молот. 1936. № 4434. 11 марта.

ством: «Радостно и привольно живут в колхозах казаки!.. Значительны успехи колхоза.... Высокое звание колхозника! Донские казаки с честью носят это звание, развивая отвагу, упорство и преданность делу революции. Они борются за дальнейший расцвет колхозного строя»¹, «Богатая и обильная жизнь расцветает в донских колхозах, вооруженных мудрым сталинским уставом»².

Регулярно подчеркивалось, что казаки проявляют свои лучшие черты в борьбе за повышение урожайности, за расцвет животноводства, за выращивание коня³. Подробно и образно описывалась любовь казаков к коню и их стремление поднять коневодство в своих регионах: «...Особенно волнует казаков забота о донском скакуне. Когда под вечер из конюшни хутора Свиногеевки выпускают на водопой косяк жеребят, то ни один из колхозников во дворе не удержится от ласкового, подбадривающего окрика...»⁴.

На всесоюзном совещании передовиков животноводства с партией и правительством, заведующий животноводством колхоза «Знамя колхозника» Северо-Донского округа, Азово-Черноморского края Фрол Скылков наряду с освещением задач, которые стоят перед животноводством, говорил о том, как хорошо живут сейчас казаки: «Наш район ставит перед собой задачу: организовать в каждом колхозе коневодческую ферму и развести чистой породы, хорошей крови донских лошадей. Дальше хочу сказать, как живут на Дону казаки. Просто таки... сказать не могу, ну благоприятно живут: каждый двор имеет корову, имеет свиней, имеет птицу...»⁵

Практически во всех материалах прессы и официальных выступлениях краевых и районных властей развитие животноводства в казачьих районах связывалось с необходимостью привлекать к этому процессу казаков, сами казаки также демонстрировали полную готовность работать в данном

¹ Колхозный казак // Молот. 1936. № 4415. 17 февраля.

² Дон стал богатым и обильным // Молот. 1936. № 4415. 17 февраля.

³ Радостные дни // Молот. 1936. № 4438. 16 марта.

⁴ В донских хуторах // Молот. 1936. № 4438. 16 марта.

⁵ Речь казака Скылкова Фрола Максимовича // Молот. 1936. № 4417. 20 февраля.

направлении. Стремление власти использовать хозяйственный потенциал социальной общности выражалось и в том, что казакам-колхозникам напоминалось, что они должны быть не только бойцами, но стахановцами сельского хозяйства¹.

И, наконец, последняя группа мероприятий кампании «за советское казачество» – это мероприятия культурной направленности, пропагандистские по своему характеру. Также, как и в середине 1920-х гг., в середине 1930-х гг. культура казачества вновь оказалась в центре внимания власти. Однако, если в 1924–1926 гг. обращалось внимание на восстановление культурных бытовых традиций (ношение формы, лампасов, кинжалов и т.п.), то сейчас обращалось внимание на демонстрационные формы казачьей культуры и конструирование культурных элементов, которые бы совмещали в себе казачью традицию и социалистическую модернизацию.

Наиболее яркой формой такой культурной демонстрации были конные переходы и конные парады казаков. Конные и другие переходы стали набирать популярность в середине 1930-х гг. Конные переходы с участием казаков и представителей кавказских этносов осуществлялись в конце 1935–1936 гг. Первый такой переход вокруг Кавказского хребта состоялся в декабре 1935 – феврале 1936 г. Следующий пробег начался в марте 1936 г. Этот пробег уже был приурочен к событиям всесоюзного совещания животноводов и усилению внимания к казачеству со стороны власти. А.П. Скорик в связи с этим отмечает даже такую особенность, как наименование участников пробега из казачьих станиц в декабрьско-февральском мероприятии наряду с остальными «казаками-колхозниками» или «спортсменами-конниками», а вот в мартовском переходе стали подчеркивать, что это терские казаки².

Второй пробег организовывался по маршруту Пятигорск – Ростов-на-Дону. Заявленной целью было «укрепление дружбы советского терского казачества и горских народов Северного Кавказа с донскими и кубанскими ка-

¹ Скорик А.П. Многоликость казачества... С. 215.

² Скорик А.П. Многоликость казачества Юга России... С. 191–192.

заками». Также поход должен был способствовать проверке качества коней. Планировалось пройти 550 км. за 4 дня. Более короткие переходы предстояло совершить кубанцам и донцам, которые должны были к назначенному времени прибыть в Ростов-на-Дону. Донцы стартовали из Миллерово, а кубанцы – из ст. Ленинградской. Встреча терцев, донцов и кубанцев должна была завершиться празднествами. По замыслу организаторов планировался «подлинный праздник советского казачества, демонстрация преданности колхозного казака советскому строю, великой партии Ленина–Сталина»¹.

В газетных статьях подготовка к конному переходу широко освещалась. Описывалась форма каждой группы казаков: «Донцы пойдут в полной форме – в шароварах с лампасами, в казачьих фуражках (или папахах)»; о кубанцах писали: «эта сотня пойдет в кубанской казачьей форме. Все кавалеристы будут одеты в черные черкески с газырями, красные бешметы, на них будут брюки с кантами, кубанские шапки с красным верхом, красные же башлыки и черные бурки. Они будут вооружены шашками и кинжалами. Джигиты Адыгеи, входящие в кубанскую колонну, наденут свои национальные костюмы. В состав обеих сотен включаются лучшие песенники и танцоры станиц».²

Начало перехода и следование казаков по маршруту подробно освещалось в прессе, все статьи имели характерную пропагандистскую и демонстрационную направленность. Отмечалось, что повсюду народ восторженно встречал кавалеристов, по пути казаки знакомились с жизнью колхозов, они встречались с известными людьми. Так донцы по дороге посетили орденосцев Токмачева, Чеботарева: «Знатный казак [Токмачев –О.Р.] встретил отряд в своём дворе в полной казачьей форме. Он горячо приветствовал всадников, прочел им письмо своего сына – летчика»³, у Белой Калитвы донцов ожидал «на коне, в казачьей одежде орденосец Латвишко», который

¹ Встреча терских, кубанских и донских казаков // Молот. 1936. № 4427. 3 марта.

² Праздник советского казачества // Молот. 1936. № 4434. 11 марта.

³ Донцы в походе // Молот. 1936. № 4431. 8 марта.

затем вместе с сотней отправился в Ростов-на-Дону¹. Так же детально освещался поход кубанской и терской сотен. Перед началом похода к казакам обращались с речью краевые партийные и советские руководители, подчеркивалась торжественность момента: «К 4 часам утра на ипподром приехали руководители краевых организаций. Казаки – в конном строю, с боевыми знаменами. Заместитель председателя Северо-Кавказского Крайисполкома тов. Федоров произнес напутственную речь»². Подробно описывался вход казачьих сотен в Ростов-на-Дону, все детали встречи участников похода должны были свидетельствовать о праздничности и торжественности этого момента: «У самого входа в город, где была сооружена арка с приветственными лозунгами, дорогих гостей – советских донских казаков – ждали делегации станицовцев, представители городских организаций и тысячи людей, неведомо откуда взявшихся на этой густо заселенной окраине», «...Кубанцы едут сквозь прибой рукоплесканий, десятки оркестров перекликаются со взводом трубачей, сопровождающих сотню, а цветов подносят столько, что у конников рук не хватает», кубанцев даже сопровождало звено самолетов Батайской авиашколы³.

Подчеркивалась казачья принадлежность участников похода, создавался образ казаков-воинов и тружеников: «...идут кубанцы. Ветер широко развеивает мохнатые бурки и красные башлыки. Белеют газыри на черных черкесах. У каждого всадника – кинжал и казацкая шашка», «Привет вам от кубанской казачьей сотни, в которую входят лучшие люди колхозов – орденоносцы и отличники полей.... Нынче казаки не те. Теперь это новые, культурные люди, воспитанные партией большевиков в духе коммунизма»⁴. Характерно название статьи в которой освещалась работа Пленума Ростовского городского совета по случаю встречи участников похода – «Праздник совет-

¹ Путевые заметки // Молот. 1936. № 4433. 10 марта.

² Терцы в походе // Молот. 1936. № 4434. 11 марта.

³ Радостный праздник // Молот. 1936. № 4437. 15 марта.

⁴ Радостный праздник...

ского казачества». В президиуме пленума собрались маршал Советского Союза С.М. Будённый, партийные и советские руководители Северо-Кавказского и Азово-Черноморского краев Е.Г. Евдокимов, Б.П. Шеболдаев, В.Ф. Ларин, командующий войсками Северо-Кавказского военного округа, командарм 2-го ранга Н.Д. Каширин, начальник УНКВД по Азово-Черноморскому краю, комиссар 3-го ранга Государственной безопасности П.Г. Рудь и другие. Такой состав президиума свидетельствовал о важности происходившего и о том, какое значение ему придавалось властью¹. Демонстрацией советского духа казачества и его единения с другими группами советского населения стал парад, в котором наряду с казаками приняли участие рабочие г. Ростова-на-Дону: «... Черкесы и казаки, казаки и рабочие – те, кого царизм натравливал друг на друга, шли сегодня вместе в одних шеренгах, под одним красным знаменем»².

Празднества в честь казачества в Ростове-на-Дону закончились ответным приглашением казачьих делегаций руководством Северо-Кавказского края, и в начале мая уже Пятигорск принимал кубанские, донские и терские казачьи сотни. В грандиозном празднике участвовали и представители народов Северного Кавказа, в результате данный форум получил название «Праздник джигитов», а также в газетах его именовали «Праздником дружбы народов»³. По этому случаю был проведен большой парад кавалерии, а затем соревнования в конном мастерстве, джигитовке. Сводный казачий хор из 900 участников исполнял современные патриотические и старинные казачьи песни⁴. Столь грандиозные масштабы праздника объясняются ещё и тем, что 20 апреля 1936 г. вышло Постановление ЦИК СССР «О снятии с казачества ограничений по службе в РККА». Отмечаемая в документе преданность казачества, его стремление включиться в укрепление обороны страны потребо-

¹ Праздник советского казачества // Молот. 1936. № 4438. 16 марта.

² Сила // Молот. 1936. № 4440. 18 марта.

³ Праздник дружбы народов // Молот. 1936 г. № 4480. 8 мая.

⁴ Там же.

вала от казаков и партийно-советских руководителей Северо-Кавказского и Азово-Черноморского краев новой мощной демонстрации преданности казаков советскому строю.

Парады и военные конно-спортивные состязания стали еще одной красочной формой такой демонстрации. Так, парады с участием казаков прошли в краевых центрах по случаю 15-летия создания Северо-Кавказского военного округа, к этому торжеству был приурочены и краевой праздник колхозного казачества, прошедший в Ростове-на-Дону с большим размахом. На празднества прибыли 12 тыс. колхозников-казаков и свыше 3 тысяч рабочих из крупнейших городов края. Были запланированы показательные выступления ворошиловских кавалеристов, выступления художественной самодеятельности, а также хора рабочих в составе 500 чел. и хора донских казаков в составе 300 чел. и кубанских казаков в составе 250 чел.¹

Первые большие всесоюзные конно-спортивные состязания прошли в 20-х числах августа в Ростове-на-Дону. Мероприятие проходило под эгидой Осоавиахима, и главной целью его была демонстрация военной готовности советского народа. В беседе с секретарем Азово-Черноморского крайисполкома, членом Оргкомитета всесоюзных конно-спортивных состязаний К.П. Щириным состязания были названы боевой проверкой и отмечалось, что необходимо воспитывать у ворошиловских кавалеристов славные традиции Первой конной армии².

Местом проведения состязаний стала столица Азово-Черноморского края г. Ростов-на-Дону. Для приветствия участников в Ростов-на-Дону прибыл маршал Советского Союза С.М. Будённый. В праздничном параде по случаю открытия состязаний приняли участия 1200 ворошиловских всадников – казаков Азово Черноморского края и сводный полк участников всесо-

¹ Радость победителей // Молот. 1936. № 4556. 6 авг.

² Боевая проверка // Молот. 1936. № 4574. 2 сент.

юзных конно-спортивных состязаний в количестве 500 чел.¹ В программе состязаний присутствовали галоп стоя, барьерная карусель, рубка звеньями и массовая джигитовка, фигурная езда женской конной группы, барьерные скачки женщин и конкур-иппик². В состязаниях принимали участие не только казаки юга России, но и конники Москвы, Ленинграда, Украины. Однако именно казачеству уделялось особое внимание. Б.П. Шеболдаев призвал взять у казачества боевой дух, отвагу, закалку, любовь к коню, умение владеть шашкой, любовь к военному делу и любовь к родине³. Демонстрация военных навыков казаков, а также достижений коневодства в районах Азово-Черноморского и Северо-Кавказского краев – еще раз наглядно подтвердить, что казачество, организованное в колхозы, стало прочной опорой советской власти.

В газетах мероприятия освещались как всенародное торжество, всесоюзный день ворошиловских кавалеристов, день народной радости и гордости. Первое место в состязаниях заняла команда Азово-Черноморского края, второе – Северо-Кавказского, третье присудили сборной команде г. Москвы⁴. Состязания стали хорошей демонстрацией достижений казаков и способствовали распространению популярности клубов ворошиловских кавалеристов.

В период проведения кампании «за советское казачество» культура казачества становится объектом внимания СМИ. Освещается создание казачьих коллективов, их выступления. По газетным материалам можно выявить как факты воссоздания казачьей культуры, так и проанализировать внимание со стороны прессы к данному процессу. В казачьих районах Азово-Черноморского и Северо-Кавказского края активно создаются казачьи хоры и

¹ 1700 участников. Беседа с начальником штаба конно-спортивных состязаний Майором А.А. Федоровым // Молот. 1936. № 4574. 2 сент.

² Там же.

³ Боевая проверка...

⁴ Постановление Организационного комитета Всесоюзных конно-спортивных состязаний Осоавиахима и спортивных обществ // Молот. 1936. № 4573. 27 августа.

танцевальные коллективы. Исследователи приводят сведения о создании хоров из старых казаков и казачек в Хопёрском округе Сталинградского края в 1935 г.¹ В начале 1936 г. такие хоры создавались в районах Северо-Донского округа. В феврале 1936 г. был создан государственный казачий хор из «лучших певцов казаков и казачек, членов самодеятельных кружков станиц и хуторов»². С инициативой выступил окружной исполнительный комитет. В отборе певцов для еще одного казачьего ансамбля участвует Ростовская филармония³. Такие коллективы становятся визитными карточками краев. Например, в Сталинградском крае в 1936 г. известностью и популярностью пользовался хор ст. Нижне-Чирской, участвовавший в краевом радиофестивале⁴. А в Азово-Черноморском крае «из лучших запевал колхозных станиц»⁵, создается объединенный хор из кубанских и донских казаков.

Станичные и хуторские хоры часто собирали в связи с приездом начальства, фольклористов, для участия в фестивалях и конкурсах народного творчества районных, краевых и всесоюзных масштабов. Подобные мероприятия нередко проводились с участием представителей разных народов и главной целью имели демонстрацию единства и дружбы советского народа. Так, хор колхозников-казаков Базковского района Азово-Черноморского края, большинство певцов которого были из ст. Вешенской, в конце марта 1936 г. принял участие во всесоюзном радиофестивале, а его руководитель Иван Данилович Бирюлин с хором донских казаков в конце 1935 г. ездил в Москву в Большой театр.

Символичен был состав участников, представлявших Азово-Черноморский край и их репертуар. Так казаки исполнили старинные казачьи песни: «Стоял казак на пикете», «Соловейко», «Послала меня мать за белую

¹ Рудиченко Т.С., Рыблова М.А. Трансформации культуры казачества Юга России // Очерки истории и культуры казачества Юга России. Волгоград, 2014. С. 528.

² Государственный казачий хор // Молот. 1936. № 4424. 28 фев.

³ Казачий ансамбль // Молот. 1936. № 4497. 27 мая.

⁴ Рудиченко Т.С., Рыблова М.А. Трансформации культуры казачества... С. 528.

⁵ Государственный казачий хор // Молот. 1936. № 4440. 18 марта.

глиною», миллеровский инженер Уханов продемонстрировал сольное пение, квартет композитора Сотникова исполнил адыгейскую музыку, а также прозвучало стихотворение на адыгейском языке писателя Хаткова. Завершилась трансляция современными произведениями ростовского композитора Шапошникова¹.

В начале ноября в Москве проводился большой фестиваль народного творчества. На него были приглашены казачьи творческие коллективы Дона и Кубани: певцы, плясуны, гармонисты, Вешенский театр казачьей молодежи, донской казачий хор Краевой филармонии, одним из организаторов и художественным руководителем которого являлся известный фольклорист и музыковед А.М. Листопадов, сводный хор кубанских казаков².

Символизм и демонстрационность творческих коллективов казаков в контексте создания образа советского казачества проявлялись в нескольких форматах. Казачьи коллективы наряду с другими аналогичными творческими объединениями народов СССР олицетворяли единство советского общества. 3 ноября 1936 г. в Москве в Театре народного творчества открылся большой концерт с участием казачьих коллективов, калмыцких, белорусских, азербайджанских, дагестанских и других коллективов³. Нередко указывалась и социально-трудовая принадлежность участников таких мероприятий: рыбаки-калмыки, дагестанские консервщики, пекари-музыканты из Баку⁴. Культурные мероприятия могли иметь отраслевую направленность. Например, в октябре 1936 г. состоялось проведение потребкооперацией олимпиады художественной самодеятельности в которой приняли участие 320 певцов, танцоров, музыкантов, декламаторов Грузии, Армении, Дагестана, Абхазии, Азербайджана, Калмыкии, Азово-Черноморского края, Сталинградского края и дру-

¹ Базковский казачий хор. Выступление Ростова на всесоюзном радиофестивале // Молот. 1936. № 4446. 26 марта.

² Народное искусство // Молот. 1936. № 4621. 23 окт.

³ Большой день в Театре народного творчества // Молот. 1936. № 4630. 3 нояб.

⁴ Там же.

гих административных единиц юга России¹. Единство старого и нового и одновременно преобразование старого, прошлого в казачьих ансамблях передавалось через разновозрастной состав участников, активное участие женщин-казачек в ансамблях. Так, на концерте в Ростове-на-Дону, накануне отъезда казачьих коллективов в Москву выступал оркестр народных инструментов из станции Елизаветинской, как отмечалось в газетах, «он был замечателен тем, что в числе его 55 музыкантов представлены три поколения – от 11-летнего Володи Мухина до 56-летнего плотника Ивана Владимировича Потапова»².

Излюбленным демонстрационным приемом был танец пожилого казака (60–70 лет) с молодым казачком, годившемся тому во внуки или молодой казачкой. Популярностью пользовался танец донских казаков «Дедушка – седая бородушка», исполнявшейся пожилым казаком и молодой казачкой³. Примером нового времени было и участие молодых казачек в танцевальных коллективах, с переодеванием в мужской казачий костюм⁴.

В материалах СМИ обязательно подчеркивалось, что участники казачьих ансамблей – передовые колхозники, стахановцы колхозных полей. В качестве причины развития народного творчества называлось установление колхозного строя. Так, накануне выезда казачьих коллективов в Москву секретарь Черноерковского райкома ВКП(б) Б. Борисенко, описывая достижения художественной самодеятельности района, особо подчеркнул, какой замечательной стала жизнь колхозного казачества: «...Каждодневно рождаются чудесные народные таланты... Колхозный строй создал все условия для подлинного расцвета культурной жизни. В колхозных бригадах, почти в любой колхозной семье пляшут, играют и поют»⁵.

¹ Певцы, танцоры, музыканты // Молот. № 4629. 2 нояб.

² Народное искусство...

³ Фото «Евдокия Попова, казачка ст. Глубокинской, и казак Рыжов начинают пляс «Дедушка – седая бородушка» // Молот. 1936. № 4632. 5 нояб.

⁴ Фото «Участники Черноерковского казачьего ансамбля Маруся Лысенкова и М. Ткаченко выступают на сцене Московского театра народного творчества // Молот. 1936. № 4633. 7 нояб.

⁵ Казачьи таланты // Молот. 1936. № 4620. 22 окт.

Репертуары казачьих хоров и ансамблей представляли собой сочетание старинных казачьих песен, переделанных песен (то есть с новой социально и политически актуальной текстовой) и новых произведений, отражающих политические, социальные и хозяйственные изменения в жизни казаков страны в целом. Чаще всего из старинных песен отбирались оптимистично звучащие, но преобладали все же новые песни, отражающие реалии нового времени¹.

Важнейшим символическим действием и значимым событием в сфере культурной политики в отношении казачества в середине 1930-х годов стала постановка оперы «Тихий Дон». Работа над ней началась еще в 1935 г., в декабре 1935 г. в Москву были приглашены казаки Вешенского района для исполнения и отбора казачьих песен, которые предполагалось включить в оперу. Слушания прошли в бетховенском зале Большого академического театра СССР. Хормейстеры театра и исполнители не только записали несколько песен для оперы, но и отмечали особенности исполнения, походку, жестикуляцию и речь казаков². Премьера оперы «Тихий Дон» прошла 25 марта 1936 г. в Государственном Академическом Большом театре СССР, в газетах писали о триумфальном успехе спектакля³.

В репертуары казачьих хоров включались новые произведения, так казачий хор станицы Раевской в радиоконцерте исполнял «Песнь о Ворошилове», сводный хор кубанских казаков на концерте в октябре 1936 г. в Ростове-на-Дону исполнил песенный рассказ о том, как приехал в гости к кубанским казакам С.М. Будённый, сводный Северо-Донской окружной казачий хор – песню о вожде⁴. На ноябрьском концерте в Москве наряду с традиционным казачьим репертуаром звучали новые песни, прославлявшие советский строй и колхозную жизнь. Первой песней, которую исполнил сводный хор донцов

¹ Рудиченко Т.С., Рыблова М.А. Трансформации культуры казачества Юга России... С. 528.

² Казаки в Москве // Молот. 1936. № 4424. 28 фев.

³ Успех оперы «Тихий Дон» // Молот. № 4447. 27 марта.

⁴ Народное искусство...

и кубанцев была песня о Сталине, а в следующей песне-приветствие звучали такие слова: «Здравствуй, красная столица! От сынов твоих поклон, шлют колхозные станицы. Вольный край, Кубань и Дон»¹.

Такое совмещение старых и новых песенных форм позволяло создавать удачный контраст. Так, репертуар донских и кубанских казаков, который они привезли в Москву на концерт в Театр народного творчества позволял демонстрировать через песни выгодное отличие настроение казаков в прежние времена и теперь, в советское время: «Казаки поют заунывные старинные песни о тяжелой служилой казацкой доле, бодрые песни о новой Кубани, о вольной счастливой жизни советских колхозных казаков. Мощно и грозно звучит боевая казацкая песня, исполняемая хором в 120 человек. «Если тронет враг кордоны нашей родины стальной – снарядим коней в дорогу и пойдем на смертный бой. Мы пошлем, Кубань родная, до сырой земли поклон. Не уроним в Красной Армии честь прославленных знамен!»²

Переделке с учетом современных идеологических стандартов подверглись казацкие песни, которые в досоветский период являлись «визитными карточками» казацких войск. Так, известная войсковая песня «Ты, Кубань, ты наша Родина!» была перетекстована и теперь в ней звучали такие слова «Ты Кубань, ты наша родина, наш колхозный богатырь. Многоводная, свободная, разлилась ты вдаль и ширь. Мы, работники счастливые нашей солнечной страны, бьем челом тебе, родимая, твои верные сыны...»³ Такие же изменения произошли и с текстом известной войсковой песни донских казаков «Всколыхнулся, взволновался православный Тихий Дон», теперь там звучали следующие слова: «Всколыхнулся, взволновался, наш колхозный тихий Дон. Громким гулом отозвался на угрозы вражьи он. Офицеров, богатеев мы прогнали навсегда. Выйдем в поле поскорее с песней честного труда...»⁴ Одной

¹ Большой день в Театре народного творчества...

² Песни и пляски донских и кубанских казаков // Правда. 1936. № 288(6894). 18 окт.

³ Кубань // Молот. 1936. № 4475. 29 апр.

⁴ Тихий Дон // Молот. 1936. № 4640. 17 нояб.

из самых известных песен, в которой демонстрировалось новое отношение казачества к советской системе и власти, стала песня «Собирались казаченьки...», которая начиналась такими словами: «Собирались казаченьки, собирались на заре, думу думали большую на колхозном на дворе. Если б нам теперь, ребята, в гости Сталина позвать, чтобы Сталину родному все богатства показать...»¹

Появились новые поэмы и сказы, в которых героями были Подтёлков и Кривошлыков, колхозное казачество, рассказывалось о достижениях казаков и готовности воевать за социалистическое отечество. К таким новым стихотворным формам относились: Сказ о советском казачестве, составленный казак-колхозником артели «Земледелец», Греческого района Азово-Черноморского края И.Х. Бараненко², поэма «Казачья колхозная...»³, былина о Подтелкове и Кривошлыкове⁴ и др. К другим новым культурным формам относились балы молодежи в станицах, казачьи колхозные театры и т.п.

Особенность культуры казачества середины 1930-х гг. заключалась в ее демонстрационном характере. Активно создаваемые казачьи ансамбли, хоры, зрелищная вольтижировка, демонстрация возможностей обращения казаков с лошадьми в рамках советских праздников – все это работало прежде всего презентацию нового образа советского казачества. Манифестация при помощи культурных средств и форм советского характера казачества было очень эффективным. Культура помогало сделать новый образ казачества ярким и живым, а также способствовала демонстрации того, что казачество окончательно трансформировалось.

Характер развития казачьей культуры в этот период отличается от периода середины 1920-х гг., когда предоставленная казакам возможность открыто пользоваться традиционными культурными формами стала одной из форм примирения социальной общности с властью. Во второй половине

¹ Песни советских казаков // Правда. 1936. № 288 (6894). 18 окт.

² Сказ о советском казачестве // Молот. 1936. № 4624. 27 окт.

³ Казачья колхозная // Молот. 1936. № 4503. 4 июня.

⁴ Былина о Подтелкове и Кривошлыкове // Молот. 1936. № 4428 4 марта.

1930-х гг. в большей степени проявилась ситуация не столько культурной трансформации, сколько уже конструирования культурных форм, формирования парадных форм, которые демонстрировали руководству.

Кампания «за советское казачество» была краткосрочной. По сути, она закончилась в конце 1936 г. Ни в 1937 г., ни позднее такого количества информации о казачестве, его участии в социалистической реконструкции народного хозяйства страны больше не было. Более того, в 1937–1938 гг. с началом Большого террора на казачество вновь обрушиваются репрессии. В хуторах, станицах, районах проживания казаков выявляются разветвленные контрреволюционные организации, в обвинениях против участников этих организаций вновь значимой становится казачья принадлежность его участников.

На наш взгляд, всё, что происходило в 1936 г. являлось ситуативным решением. Политической программы в отношении казачества у власти не было. Если политика «Лицом к казачеству», проводимая в середине 1920-х гг. на юге России имела официальное обоснование в виде резолюции апрельского Пленума ЦК ВКП(б) 1925 г., а до этого была сформирована четкая политическая линия в отношении всего крестьянства в целом, то в середине 1930-х гг. такого не было. Как не было и программных документов на местах, у краевых партийно-советских структур.

Проводимые мероприятия в отношении казачества в рассматриваемый период нельзя назвать системными. Напротив, они производят впечатление спонтанных действий советского руководства, удачно примененных в качестве инструментов по использованию военного потенциала казачества. В качестве такового, например, можно рассматривать движение ворошиловских кавалеристов. Связующей характеристикой для проводимого комплекса мероприятий, служит, прежде всего, стремление продемонстрировать новый образ казачества.

Таким образом, в середине 1930-х гг. в результате проведения кампании «за советское казачество», казаки вновь чётко проявились в социальных

процессах юга России. Однако, по сравнению с серединой 1920-х гг. данный этап имел свои особенности. Не было реального возрождения, а была политическая кампания по созданию образа «советского, колхозного» казачества. Всё, что проводилось в отношении казаков в 1936 г., не создавало новых качественных характеристик социальной общности. Казачество уже несколько лет было колхозным, острые социальные конфликты по поводу коллективизации снизились, общность адаптировалась к новым социальным и хозяйственным условиям. В середине 1930-х гг. власти потребовалась активная демонстрация советских черт казачества, манифестация его отношения к состоявшейся социалистической модернизации. Демонстрационный характер проводимых социокультурных и политических мероприятий объективно способствовал тому, что образ казачества вновь вошел в повседневность юга России, закрепился в культурной сфере.

На наш взгляд, эта демонстрация и манифестация имели как внутренний, так и внешний характер. Внутренняя потребность в такой демонстрации необходима была, прежде всего, в связи с принятием новой Конституции СССР. Она должна была продемонстрировать всему советскому обществу, что даже такие закоренелые противники советской власти, как казаки, стали полностью своими для системы.

Внешняя потребность в такой демонстрации определялась нарастающим внешнеполитическим напряжением и угрозой новой войны. В таких условиях актуальной оказывалась манифестация готовности казаков встать на защиту советской Родины, а также информационно-идеологический посыл казачьей эмиграции, связанный с формированием позитивного отношения к России.

3.2. Военно-культурная традиция как социальный ресурс возрождения казачества в условиях социалистической модернизации середины 1930-х – начала 1940-х гг.

Во второй половине 1930-х гг. в фокусе внимания власти и общества вновь оказывается военная служба казачества, наличие у данной социальной группы сильно развитой военной культуры. Казачество, казалось бы, уже полностью «растворенное» в крестьянской среде, опять начинают выделять, акцентировать внимание на его специфических культурных характеристиках. В рассматриваемый период возникают новые формы сохранения и развития военной культуры и военных навыков казаков, а также складываются новые тенденции в военной сфере, которые также привлекут внимание власти к казачьему вопросу.

Как уже говорилось, одной из важнейших причин, побудивших советское руководство в 1936 г. открыть кампанию «за советское казачество» исследователи считают необходимость укрепления обороноспособности СССР и использование для этого, в том числе и военно-патриотических традиций казачества. В частности, А.П. Скорик отмечает, что в ситуации обострившегося международного положения в середине 1930-х гг. советское руководство стремилось привлечь казаков для создания мощного социального резерва на случай развертывания военного конфликта и защитить, таким образом, свои позиции в противостоянии с вероятным агрессором»¹.

С нашей точки зрения, данная кампания не являлась действенным механизмом укрепления обороноспособности, поскольку имела в основном демонстрационный характер. Однако следует согласиться, что многие мероприятия, проводимые в её рамках, имели явную задачу презентации военной культуры казаков и манифестации их стремления служить и защищать свою

¹ Скорик А.П. Многоликость казачества... С. 177.

Родину. Причем пропаганда военных традиций происходит не только со стороны государства, но и со стороны самих казаков.

13 февраля 1936 г. в Москве открылось совещание передовиков животноводов, на которое прибыла делегация донских и терских казаков. Все казачьи делегаты выступали 16 февраля в день закрытия совещания. Характерен тон речей казачьих делегатов. Одной из главных тем, затрагиваемых казаками в выступлениях являлась тема защиты Отечества от нападения возможного врага. Тон выступлений был очень воинственный, с упором на воинские традиции казаков и желанием возродить эти традиции в современных условиях. Одним из наиболее характерных пассажей в выступлениях казаков является отрывок из речи Фрола Скылкова, заведующего животноводством колхоза «Знамя колхозника» Северо-Донского округа Азово-Черноморского края, в котором он, во-первых, заявляет о готовности казаков выступить на защиту Отечества: «Могу сказать, товарищи, что донские казаки, в случае какой-либо попытки врагов напасть на нашу советскую родину, под руководство тов. Ворошилова и тов. Будённого будут драться в передовых рядах против врагов нашей Родины», а во-вторых, в достаточно агрессивном тоне обещает расправиться со всеми врагами советской власти: «И в случае если какое-нибудь свиное рыло попытается лезть своим носом в наш советский огород, то все мы своей казачьей рукой, казачьей шашкой отсекем ему нос и заодно и голову прочь»¹.

Воинственно звучали речи и других делегатов-казаков. Так, заведующий свиноводческой фермой колхоза им. XVII съезда ВКП(б) Глубокинского района Северо-Донского округа Азово-Черноморского края П.С. Коломейцев заявил о том, что казацкая молодежь готовится к обороне страны: «...разрешите заверить тов. Сталина в том, что донские казаки всегда по первому зову будут готовы дать отпор всем врагам, которые попытаются

¹ Совещание передовиков животноводства с руководителями партии и правительства // Правда. 1936. № 50 (6656) 20 фев.

напасть на нашу страну»¹. Вообще же из 78 речей с совещания, опубликованных в газете «Правда», освещавшей ход данного мероприятия, воинственные заявления, с обещаниями расправиться с врагами советской Родины, а также те, в которых так или иначе говорилось о традициях воинской культуры в контексте готовности защищать родину, были только у казаков.

Можно привести еще ряд примеров, когда представители казачества публично демонстрировали свое стремление защищать советскую родину. Так, например, донские казаки через печать обращались к М.М. Литвинову, который в 1936 г. занимал пост народного комиссара по иностранным делам и, соответственно, в его ведении находились вопросы международной политики. В письме в газету казаки, отмечая ухудшение международной обстановки, заявляли: «...Читали мы про господина Гитлера и про то, как он на советские границы замеряется. Слыхали мы и про японских генералов, как они подбираются со всех боков до наших дальне-восточных границ. Паны польские тоже вроде в одну дудку подыгрывают с немецкими и японскими фашистами насчет чужой земли... Колхозные казаки зорко следят за вражьими происками. Каждый из нас заповедью своей считает слова великого Сталина: «Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка не отдадим никому»².

В своеобразную письменную переключку с донскими казаками вступили кубанские казаки, также стараясь продемонстрировать власти свое желание и возможности в деле защиты социалистического отечества. Так, 5 марта 1936 г. в газетах появилось письмо кубанских казаков, адресованное маршалу СССР К.Е. Ворошилову. Начиналось оно словами: «Дорогой Климент Ефремович! Прочитали мы письмо донских казаков, написанное тов. Литвинову и почувствовали, как правдиво оно... Признаться вам, задето

¹ Совещание передовиков животноводства...

² Письмо донских казаков Народному комиссару по иностранным делам товарищу Литвинову // Молот 1936. № 4409. 11 февраля.

очень наше самолюбие тем, что не мы первые высказали общие мысли донского и кубанского казачества....»¹.

В качестве подтверждения патриотического настроения казаков должны были выступать успехи социалистического строительства в казачьих станицах. Описание их в письмах являлось демонстрацией патриотических чувств – казакам теперь было что защищать, отсюда весьма воинственный тон писем. Казаки заявляли о готовности: «...дать удар клинком, по голове, пикой проколоть каждому пузо, кто попробует пробраться через советскую границу. Не поздно вам дать клятву в том, что мы, кубанские казаки и красные партизаны готовы отрубить грязную кровавую руку каждому, кто протянет к нашей кубанской плодородной полученной навечно земле, с тем, чтобы отобрать её у нас...» и т.п.².

На встрече кавалерийских сотен донцов, кубанцев и терцев в Ростове-на-Дону, на торжественном заседании Ростовского горсовета 15 марта 1936 г. было принято уже совместное обращение казаков и народов юга России к товарищу Сталину, с заверением дать отпор любому врагу: «...Пусть же японские генералы, польские паны, германские фашисты знают, что кони казачьи в добром теле, клинки остры и винтовка бьет без промаха»³.

Из коллективных обращений и приветствий, опубликованных в прессе, с заверениями, что казаки по первому приказу встанут на защиту СССР, хотелось отметить ещё письмо донской казачьей сотни, адресованное секретарю Крайкома ВКП(б) Б.П. Шеболдаеву, председателю Крайисполкома В.Ф. Ларину и командующему войсками Северо-Кавказского военного округа командарму II ранга Н.Д. Каширину. Письмо как бы подытоживало результаты встречи казаков юга России, прошедшую в Ростове-на-Дону в марте 1936 г. и в нем были сформулированы ближайшие задачи казаков: выращивание лошадей и восстановление конского поголовья на юге России; со-

¹ Письмо кубанских казаков товарищу Ворошилову // Молот. 1936. № 4429. 5 марта.

² Там же.

³ Вождю народов и другу казачества товарищу Сталину // Молот. 1936. № 4439. 17 марта.

здание донской кавалерийской дивизии, обеспечение казаков для службы всем необходимым, а также организация нового конного пробега¹.

В целом периодическая печать, как центральная, так и региональная, в рассматриваемый период окажется заполненной письмами-обращениями казаков, главной темой которых являлась готовность защитить советскую родину от любого посягательства врагов.

Помимо коллективных писем-обращений в газетах встречается большое количество личных писем от казаков, которых также главной темой является готовность служить и защищать советскую родину. К наиболее характерным публичным выражениям желаний казачества в контексте их военной службы можно отнести, например, письмо донского казака маршалу С.М. Будённому, в котором он просит направить сына на службу в кавалерию и обязуется на свои деньги купить коня и все что необходимо для службы сыну² или же серию писем донских и кубанских казаков и казачек, опубликованных в прессе после окончания мероприятий по случаю межкраевой встречи казаков в Ростове-на-Дону в которых звучали уже упомянутые темы военной службы и готовности к защите Родины казаков³.

Многое в этих письмах имело явный характер кампании, спланированного выражения верности и преданности казаков новой власти. Однако нельзя назвать подобные обращения к власти совершенно не соответствующими действительности. Такие «письма во власть» частично отражали реальный настрой казаков и раскрывали их восприятие социальной действительности и себя в данных условиях. Как и в середине 1920-х гг., военная культура и во-

¹ Письмо донской казачьей сотни, адресованное секретарю Крайкома ВКП(б) Б.П. Шеболаеву, председателю Крайисполкома В.Ф. Ларину и командующему войсками Северо-Кавказского военного округа командарму II ранга Н.Д. Каширину // Молот. 1936. № 4447. 27 марта.

² Маршалу Советского Союза товарищу Будённому // Молот. 1936 г. № 4439. 17 марта.

³ Наши казачки изучают военное дело // Молот. 1936. № 4440. 18 марта; Мы на-чеку! // Молот. 1936. № 4440. 18 марта; Все как один будем защищать Советский Союз // Молот. 1936. № 4440. 18 марта.

енная сфера деятельности становились для казаков формой и способом дальнейшей адаптации к советской системе.

Военная служба стала той сферой, где интересы государства и самих казаков совпали. Для государства приверженность казачества традиции военной службы означала возможность формирования из них мощного военного и социального резерва для службы в армии. В условиях усиливающегося международного напряжения для партийно-советского руководства страны была важно сформировать в советском обществе военно-патриотические настроения, а также убедиться в наличии общественных сил, готовых немедленно взять на себя заботу о защите страны. Темы патриотизма и защиты Родины становятся центральными в речах государственных и военных руководителей СССР при их обращениях к казакам. Так, на пленуме Ростовского городского совета 15 марта 1936 г., то есть в период прохождения межкраевой встречи казаков Северо-Кавказского и Азово-Черноморского краев, выступил командующий войсками Северо-Кавказского военного округа, командарм II ранга Н.Д. Каширин. В докладе он охарактеризовал международное положение, подчеркнув нарастающую опасность для СССР со стороны Японии и Германии, отметил необходимость укреплять оборону страны. Одним из направлений он назвал создание клубов ворошиловских кавалеристов: «...наши конники должны отлично владеть винтовкой, холодным оружием, должны быть отличными разведчиками. Именно поэтому... нам нужно всесторонне поддерживать огромную работу, которая сейчас развернута и в Азово-Черноморьи и на Северном Кавказе, работу клубов и кружков ворошиловских кавалеристов»¹. В газете «Молот» речь командующего СКВО была озаглавлена как «О международном положении и задачах советского казачества».

В середине 1930-х гг. военная служба казаков вновь приобретает институциональные черты, а одним из важных механизмов ее развития стано-

¹ О международном положении и задачах советского казачества // Молот. 1936. № 4445. 24 марта.

вятся клубы и кружки ворошиловских кавалеристов. Это были организации, созданные по аналогии с кружками ворошиловских стрелков. Создаваемые массовым порядком, в рамках кампании по военной подготовке советской молодежи к защите советской родины эти две организации имели сходную цель – привитие в массовом порядке у советской молодежи навыков и умений военной службы. Специфика движения ворошиловских кавалеристов заключалась в том, что из-за специфики подготовки оно получило распространение в тех местностях, где культура народа могла служить базой для развития движения и отвечала социокультурным запросам населения.

В качестве инициаторов движения А.П. Скорик определял казаков Северо-Донского округа Азово-Черноморского края¹. Если судить по газетному материалу, а такая инициатива обязательно получала широкое освещение в прессе, то именно казаки из колхоза «Донской скакун» вышеназванного округа в конце 1935 г. призвали молодежь края создавать кружки и клубы конноспортивного направления при колхозах и совхозах. В публикуемых обращениях казачьей молодежи на эту тему постоянно подчеркивалось стремление научиться по-ворошиловски стрелять, «...по-ворошиловски, по-буденовски конем управлять...»².

Инициатива донцов получила широкую поддержку со стороны населения и была одобрена властями. Так, начальник генерального штаба РККА маршал Советского Союза А.И. Егоров, отметил, что «это движение, начатое по инициативе самих масс и возглавляемое Азово-Черноморским крайкомом партии, является могучим залогом в деле укрепления обороноспособности нашей страны»³. В поддержку движения ворошиловских кавалеристов неоднократно высказывался С.М. Будённый, связывавший развитие сети конноспортивных клубов с необходимостью обучения молодежи навыкам верховой езды, так как наша страна имела «внушительную конницу», которую

¹ Скорик А.П. Казачий Юг России в 1930-е годы... С. 30.

² Там же.

³ Ворошиловским кавалеристам // Молот. 1936. № 4420. 23 фев.

нужно было комплектовать людьми, «умеющими ездить верхом и обращаться с лошадьёю».¹

Кроме этого, с точки зрения власти, конноспортивные клубы могли также выступить и как фактор развития коневодства, способствовать развитию производства хорошей кавалерийской лошади. По материалам прессы легко определяется пропагандируемая властью взаимосвязь этих процессов: «...нельзя забывать, что страна наша нуждается в кавалеристах, готовых в любую минуту отразить натиск врага. Нельзя забывать, что страна нуждается в выращивании мощного конского поголовья, могущего преодолевать большие расстояния и готового к героическим боевым маршам»², «значение этого движения особенно велико потому, что оно, во-первых, будет являться большим толчком к любовному сохранению и выращиванию верхового коня...»³

Организация выращивания колхозных лошадей для армии в казачьих районах подразумевала, что казачья молодежь будет принимать в этом непосредственное участие: «Судят-рядят казаки, как организовать уход за колхозными лошадьёми, чтобы казак уже с допризывного возраста ходил за определенным конем, которого он может в любую минуту по зову правительства оседлать для боевого дела»⁴. В статье «Ворошиловские кавалеристы», опубликованной 5 февраля 1936 г. в газете «Молот», прямо говорилось о том, что ворошиловский кавалерист – это тот, кто кроме всего прочего «неустанно, изо дня в день заботится о росте и продуктивности животноводства,... борется за выращивание такого конского поголовья, которое не сдаст ни при каких обстоятельствах».⁵

Специальные постановления о поддержке инициативы по созданию клубов ворошиловских кавалеристов в начале февраля 1936 г. были приняты

¹ Речь тов. Будённого С.М.

² Нам нужны красные конники.

³ Ворошиловские кавалеристы // Молот. 1936. № 4404. 5 фев.

⁴ По станицам Северного Кавказа...

⁵ Ворошиловские кавалеристы.

Азово-Черноморским (1 февраля) и Северокавказским (13 февраля) крайкомами ВКП(б)¹. О поддержке и развитии движения ворошиловских кавалеристов в Сталинградском крае заявил секретарь Сталинградского крайкома ВКП(б) И.М. Варейкис².

Движение развивалось под патронажем Осоавиахима. Председатель Азово-Черноморского краевого совета Осоавиахима К.И. Иванов назвал полтора десятка кружков ворошиловских кавалеристов, зарегистрированных в данной структуре в конце февраля 1936 г.³ Отделения Осоавиахима вместе с советскими, партийными и комсомольскими организациями проводили различные мероприятия, направленные на развитие движения. В Сталинградском крае, например, краевые структуры Осоавиахима и ВЛКСМ проводили 13 марта 1936 г. в ст. Нижнечирской совещание казачьей колхозной молодежи. В числе обсуждаемых вопросов – проект создания казачьей дивизии ворошиловских кавалеристов Осоавиахима, расширение сети кружков по изучению правил ухода за конем, по кавалерийскому делу и джигитовке⁴. По решению Азово-Черноморского краевого совета Осоавиахима бригады осоавиахимовцев-конников посылались в Сальск, Зимовники, Дубовку, Белую Глину и др., издавались специальные программы для конноспортивных кружков и военно-технический минимум по кавалерийскому делу, велась подготовка в ростовской кавалерийской школе Осоавиахима 40 инспекторов по коню для колхозов, а также проведение летом трех-пятидневных лагерных сборов 500 молодых кавалеристов для сдачи военно-технического экзамена по коню⁵.

В 1936 г. движение приобретает массовый характер. Инициативу молодежи колхоза «Донской скакун» из Тарасовского района поддержали также в

¹ Скорик А. П. Казачий Юг России в 1930-е годы... С. 31.

² Речь тов. Варейкиса...

³ Множатся ряды ворошиловских кавалеристов. Беседа с председателем Крайсовета Осоавиахима К.И. Ивановым // Молот. 1936. № 4418. 21 фев.

⁴ Конница колхозного казачества // Сталинградская правда. 1936. № 57 (2371). 10 марта.

⁵ Ворошиловские кавалеристы...

других районах. В Константиновском районе решение о создании клуба Ворошиловских принял райком ВЛКСМ и первые два клуба были созданы в артелях «Красный путиловец» и имени Дзержинского¹. Председатель краевого совета ОСОАВИАХИМА в газете «Молот» сообщал о намерении открыть конноспортивные клубы в Сальске, Зимовниках, Миллерово и еще в ряде населенных пунктах, для чего в районы посылались осоавиахимовские конники². В феврале 1936 г. по решению крайкома ВКП(б) клуб ворошиловских кавалеристов был организован в Ростове-на-Дону. Этому клубу предписывалось быть образцовым клубом союзного значения, в связи с чем ему уделялось особое внимание. Так краевой совет ОСОАВИАХИМА должен был передать клубу свою кавалерийскую школу со всем имуществом и оборудованием. Юридическими членами клуба становились такие крупные организации, как: краевой комитет профсоюза работников государственных учреждений, управление военных конных заводов, коневодческое управление краевого земельного управления (КрайЗУ)³.

Создавать клубы планировалось не только в казачьих районах. Так кружки ворошиловских кавалеристов организовывались в Адыгее, а продемонстрировать успех этого предприятия должен был конный переход Адыгея-Ростов назначенный на 16 февраля 1936 г. всадников, одетых в национальные костюмы⁴. Ярким примером организации клубов ворошиловских кавалеристов в национальных районах Северного Кавказа стала инициатива Били Мисостишховой из Кабардино-Балкарской автономной области. В Сталинградском крае Первые конноспортивные кружки возникали в марте 1936 г. в ст. Михайловской и Клетской⁵.

¹ Призыв подхвачен // Молот. 1936. № 4398. 29 янв.

² Завтра – собрание учредителей клуба (беседа с председателем краевого совета ОСОАВИАХИМА тов. К.И. Ивановым) // Молот. 1936. № 4403. 4 фев.

³ Клуб ворошиловских кавалеристов // Молот. 1936. № 4409. 11 фев.

⁴ Ворошиловские кавалеристы Адыгеи // Молот. 1936. № 4404. 5. фев.

⁵ По коням! // Сталинградская правда. 1936. № 59 (2371). 10 марта; Конно-спортивные кружки // Сталинградская правда. 1936. № 59 (2371). 10 марта.

Организация клубов ворошиловских кавалеристов, как и все кампании 1930-х гг. быстро набрала темп и приобрела значительный масштаб. К 1 марта 1936 г. по сообщениям прессы, только в Северо-Донском округе Азово-Черноморского края насчитывалось 86 кружков ворошиловских кавалеристов¹, а к апрелю этого же года уже до 600 кружков и клубов². В Северо-Кавказском крае в феврале 1936 г. было уже 250 конноспортивных кружков джигитов и 100 клубов ворошиловских кавалеристов.³

Клубы и кружки ворошиловских кавалеристов создавались, как правило, при колхозах и за счет их средств, но были они и в городах. Несколько организаций возникло в учреждениях и на промышленных предприятиях: на Донской государственной табачной фабрике, Первой ростовской швейной фабрике и др.⁴ Воспитанием и военной подготовкой молодых казаков занимались не только инструкторы Осоавиахима и военных частей. Большую роль в обучении молодёжи играли казаки старшего поколения, для которых это являлось своего рода общественной нагрузкой. Роль их особо подчеркивалась в прессе того периода.

Для самого казачества клубы ворошиловских кавалеристов являлись удачной формой адаптации к советскому строю. Как и территориально-милиционная система, они способствовали сохранению важной составляющей культуры казаков, позволяли продемонстрировать власти свою лояльность и найти социальную нишу. Предоставленная казакам возможность развития военизированных игр, военной подготовки, обучения боевым навыкам стала, чуть ли не единственным способом сохранения своей культурной идентичности, во многом определяемой именно военной культурой. По мнению А.П. Скорика, «в сознании «колхозного казачества» Дона, Кубани и Терека, несмотря на все произошедшие в период коллективизации метаморфо-

¹ 86 клубов ворошиловских кавалеристов // Молот. 1936. № 4428. 4 марта.

² Скорик А.П. Казачий Юг России в 1930-е годы... С. 31.

³ Там же. С. 32.

⁴ Скорик А.П. Многоликость казачества... С. 268–269.

зы, одной из доминант являлось осознание себя воином, защитником Отечества... казаки весьма серьезно относились к военному обучению..., полагая, что здесь они оттачивают свои боевые навыки, необходимые для службы в армии»¹.

Кружки ворошиловских кавалеристов продолжали организовываться вплоть до 1940 г. и сыграли важную роль в пропаганде военной службы, формировании военных навыков и подготовке молодых казаков к службе, развитии патриотических настроений среди них. В целом кружки и клубы ворошиловских кавалеристов можно рассматривать как эффективный инструмент социализации казаков в условиях советской системы.

Важным моментом процесса советизации казачества принято считать Принятие Центральным исполнительным комитетом СССР Постановления «О снятии с казачества ограничений по службе в РККА» 20 апреля 1936 г.². С нашей точки зрения данный документ кардинально ничего не менял в отношениях между казаками и властью. Однако он оказал большое влияние на формирование общественных настроений и нового имиджа казаков.

Как уже отмечалось, казачество, на протяжении всего 1936 г. регулярно демонстрировало готовность быть в первых рядах строителей и защитников социализма и это звучало главным рефреном всех официальных выступлений казаков. На торжественном собрании Ростовского горсовета с представителями казачьих полков и колхозных кавалерийских сотен, состоявшегося 15 марта 1936 г. по случаю праздника советского казачества, казаки обратились к инспектору кавалерии РККА Маршалу Советского союза С.М. Будённому с просьбой. Суть ее заключалась в том, чтобы казакам разрешили служить в армии на колхозных конях и о создании казачьих кавалерийских дивизий.³ С.М. Будённый, в свою очередь, внес в ЦК ВКП(б) и НКО СССР

¹ Скорик А.П. Многоликость казачества... С. 264.

² Постановление ЦИК Союза ССР «О снятии с казачества ограничений по службе в РККА». // Сборник законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. 1936. № 22. С. 237.

³ Воскобойников Г.Л., Прилепский Д.К. Казачество и социализм... С. 122.

предложения о создании таких дивизий и комплектации их казаками, а также о том, чтобы разрешить казакам ношение казачьей формы¹.

Предпринимаемые меры носили организационный характер, упорядочивая и систематизируя уже существующую ситуацию службы казачества, а также подводя под нее новые экономические основы в виде колхозов. Кроме этого публичные заявления казаков о желании службы вполне можно рассматривать как подготовку общества к новому формату отношений власти и казачества, оформленному в Постановлении ЦИК СССР от 20 апреля 1936 г. Данный документ можно считать еще одним шагом советского руководства и по конструированию новой общности «советский народ» и по приспособлению казачьей военно-культурной традиции под нужды Советского государства. В Постановлении ЦИК СССР говорилось о преданности казачества советской власти и его стремлении «...наравне со всеми трудящимися Советского Союза, активным образом включиться в дело обороны страны...»² Таким образом, демонстрировалась полная победа политики большевиков в деле советизации казачества.

Но Постановление имело также большой пропагандистский и демонстрационный характер, и в гораздо меньшей степени на наш взгляд являло собой реальный практический вклад в развитие системы казачьей службы. Как уже говорилось выше, советская власть никогда не накладывала специальных ограничений на казаков по службе в рядах Красной Армии, кроме тех, которые налагались на все социально чуждые группы населения³. В 1925 г. в связи с формированием терчастей казаков активно вовлекают в эту систему службы, но также они продолжают служить и в кадровых частях Красной армии.

¹ Там же. С. 123.

² Постановление ЦИК Союза ССР «О снятии с казачества...

³ По Конституции 1918 г. к таковым относились лица, использующие наемный труд в целях извлечения прибыли, частные торговцы и посредники, представители духовенства, служащие жандармерии, полиции и др.

Вместе с тем, следует отметить, что с казаков ограничения по службе в РККА были сняты на 3,5 года раньше, чем для других категорий населения СССР. Как отмечают В.П. Трут и Г.Н. Курков, правовым документом, уравнившим все население СССР относительно прохождения военной службы, стал только «Закон СССР о всеобщей воинской обязанности», принятый 1 сентября 1939 г. Таким образом, Постановление, по их мнению, принималось и в целях повышения боеготовности и боеспособности кавалерии РККА¹.

Развитие казачьих кавалерийских частей происходило в рамках реформы армии. В 1935 г. Наркомат обороны (НКО) утвердил план организационных мероприятий по кавалерии, который являлся новым этапом в процессе формирования стратегической конницы. В рамках этого плана по Приказу НКО № 061 от 23 апреля 1936 г. были сформированы пять казачьих кавалерийских дивизий. Две из них были кадровые – 4-я Донская кд, 6-я Кубанско-Терская кд и три территориальные – 10-я ткд (до 1930 г. 11-я Северокавказская), 12-я Кубанская ткд, 13-я Донская ткд, сформированная на базе 13-я сд в 1936 г. В 1937 г. Приказом НКО № 19 от 13 февраля 4-й кавалерийский корпус, сформированный в 1928 г., переименовывается в 4-й территориальный кавкорпус. В состав корпуса вошли территориальные кавдивизии – 10-я, 12-я и 13-я². Комплектование казачьих кавалерийских дивизий предписывалось производить со всего населения Дона, Кубани, Ставрополя и Терека, исключая горцев. Управление корпуса дислоцировалось в г. Армавире.

В развитии казачьей военной службы на данном этапе вовлечения казачества в социалистическую модернизацию вновь проявилась важность традиции. Казачьим кавалерийским частям постарались придать внешнее сходство с их историческими образцами. Во-первых, их комплектование должно было осуществляться призывниками из регионов проживания казачества. Во-вторых, в обмундировании этих частей воспроизводились исторические образцы одежды донцов, кубанцев и терцев. Такой исторический аналог формы

¹ Трут В.П., Курков Г.Н. Военная энциклопедия казачества... С. 113.

² Там же. С. 97.

вводился осенью 1936 г. В центральных газетах, таких как «Красная звезда» и «Правда» были размещены фотографии формы казачьих частей и ее описание. Форма содержала основные характерные элементы, такие как папаху, бешмет, шаровары с лампасами у донцов; кубанку, черкеску, бурку, шаровары с лампасами соответствующих цветов для терцев и кубанцев¹.

Для терармейцев вводилось обеспечение их военным обмундированием и лошадьми не за собственный счет, а за счет НКО СССР и колхозов. При этом те лошади, которые приписывались к терчастям, освобождались от хозяйственных работ и использовались только под седлом в кружках и клубах ворошиловских кавалеристов².

Помимо использования исторических образцов для создания особой формы для казачьих частей, военное руководство уточнило и прежний принцип территориального комплектования казачьих частей. Командующий войсками Северо-Кавказского округа командарм 2-го ранга Н.Д. Каширин предложил комплектовать казачьи части, по сути, в соответствии со старыми казачьими традициями. Это означало, что к каждому кадровому полку следовало прикрепить определенные полковые районы территориальных частей и создать, таким образом, боевые землячества³. Предложения Н.Д. Каширина были поддержаны наркомом обороны маршалом К.Е. Ворошиловым.

Специальная форма казачьих частей, в деталях которой явно прослеживалось сходство с прежними историческими образцами, а также введение территориальных принципов комплектования казачьих частей свидетельствовало о том, что власть и военное руководство страны снова обращалось к историческим образцам военной службы казачества с целью мобилизации исторической памяти и использования этого потенциала для военно-политических целей. Организационная, в том числе и идеолого-рекламного характера работа, проведенная вокруг Постановления ЦИК СССР и приказа

¹ Форма казачьих частей Красной Армии // Правда. 1936. № 127 (6733). 10 мая.

² Трут В.П., Курков Г.Н. Военная энциклопедия казачества... С. 106.

³ Там же. С. 105.

НКО СССР в отношении казачества дала определённые результаты. Явка переменников на сборы 1936 г. была почти 100%, чего не было в предыдущие годы¹.

В газетах этого периода часто встречаются статьи и заметки, в которых отмечался психологический подъем среди казачества, вызванный «высоким доверием», оказанным трудовому казачеству: «...многие донские казаки изъявили желание вступить добровольцами в ряды РККА...»; «...пусть только посмеет враг сунуться к границам нашей великой родины, мы зарубим и уничтожим его – говорят казаки»; «...теперь нам дана возможность защищать границы Родины от врагов...»². На районном слете кубанских казаков-колхозников «с огромным воодушевлением прослушали казаки оглашённое на слёте постановление ЦИК СССР о снятии с казачества ограничений по службе в РККА...»³ и т.д.

В 1938 г. в рамках очередного этапа реформирования РККА изменилась ситуация с кавалерийскими частями, в том числе с теми, в которые призывалась казачья молодежь Кубани и Дона. Территориальные казачьи кавалерийские части прекратили свое существование, точнее, 10-ю и 12-ю казачьи теркавдивизии перевели на кадровое положение, а 13-ю Донскую казачью территориальную кавалерийскую дивизию перевели на штаты моторизованной пехоты⁴. В РККА оставался только кадровый казачий 6-й кавкорпус, в состав которого входила 6-я Кубано-Терская Чонгарская Краснознаменная ордена Ленина и ордена Красной Звезды кавалерийская дивизия имени С.М. Будённого. Она комплектовалась казаками всех бывших казачьих войск юга России⁵.

¹ Воскобойников Г.Л., Батырев В.Д. Советская власть и казачество (1921 – июнь 1941 гг.). М., 2003. С. 132.

² Соколами слетимся на защиту великой Родины // Правда. 1936. № 114(6720) 24 апр.

³ Слёт казаков-колхозников // Правда. 1936. № 115(6721) 25 апр.

⁴ Трут В.П., Курков Г.Н. Военная энциклопедия казачества... С. 113.

⁵ Кубанский сборник: сборник научных статей и материалов по истории края / под ред. А.М. Авраменко, Г.В. Кокунько. Краснодар, 2008. Т. III (24). С. 241.

Изменение статуса теркавдивизий стало следствием перехода к кадровой системе комплектования армии. Процесс завершился после принятия Закона о всеобщей воинской обязанности в 1939 г., который сыграл важную роль в реформировании Красной Армии и Военно-Морского Флота СССР. Закон определил принципы и нормы строительства единых вооруженных сил страны, юридически закрепил переход на кадровую систему устройства армии, увеличение ее численности, введение экстерриториального принципа комплектования воинских частей личным составом и т.д.¹.

Вместе с тем, переход к кадровой системе имел и негативные последствия для боеготовности вооруженных сил страны. К началу войны реформирование не было полностью завершено, в Красной Армии не хватало «...полнокровных, материально обеспеченных кадровых дивизий»². Важнейшей причиной такого состояния вооруженных сил являлось форсированное техническое переоснащение армии новыми видами вооружения. В 1930-х гг. развивались механизированные войска, но если танковая промышленность в стране достигла определенного уровня, и танки стали поступать на вооружение армии, то наладить в массовом количестве выпуск транспорта для пехоты к началу войны не удалось. Тем не менее, в конце 1930-х гг. военное командование сделало ставку именно на моторизацию армии. Особенно на этом настаивал новый нарком обороны Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко. Новый план организации Красной Армии был представлен И.В. Сталину 21 мая 1940 г. Согласно ему, следовало расформировать 5 кавдивизий, таким образом, сократив численность кавалерии³. В 1940–1941 гг. большую часть кавалерийских частей, в том числе казачьих, расформировали, их личный состав передали в танковые и механизированные войска. К началу

¹ Золотарёв В.А. Отечественные военные реформы XX столетия // Россия в XX веке: Реформы и революции: В 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 154.

² Золотарёв В.А. Отечественные военные реформы XX столетия... С. 155.

³ Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 гг. (Документы, факты, суждения). М., 2002. С. 277.

войны в составе Красной Армии из 32 кавалерийских дивизий осталось только 13 дивизий¹.

Вновь актуальной тема казачьих кавалерийских формирований стала с началом Великой Отечественной войны. Исследователи отмечают, что воссоздание кавалерийских частей отвечала таким военным задачам, как повышение мобильности Красной армии. В начале войны армия понесла большие потери в моторизованных частях, которые сложно было быстро восполнить. Летом 1941 г. военное руководство страны приняло решение о формировании 100 кавалерийских дивизий. К концу 1941 г. было создано 82 кавалерийских дивизии². На юге России формирование кавалерийских дивизий происходило в основном на казачьих территориях, с привлечением, соответственно, казаков. Всего летом 1941 г. в СКВО было создано 17 кавалерийских дивизий общей численностью 50 тыс. чел.³ Из этих дивизий 9 было кубанских, 5 донских, 1 кубано-терская, 2 ставропольских, значительную часть их составляли казаки.

Формирование и комплектование военных частей удавалось осуществлять быстро – от одной до двух недель. В основе лежала территориальный принцип, то есть кавалерийские части создавались из жителей одного района. Помощь в обеспечении военных соединений конским составом оказывали колхозы юга России. Во многом такая организационная эффективность являлась следствием территориально-милиционной системы⁴.

Среди казачьих частей наибольшую известность в период Великой Отечественной войны получил 17 казачий кавалерийский корпус на базе которого затем были созданы 4-й Кубанский и 5-й Донской гвардейские кавалерийские корпуса. Казачьи кавалерийские части приняли участие в тяжелых

¹ Кубанский сборник... С. 240.

² Кринко Е.Ф. Казачество Юга России в годы Второй мировой войны... С. 348.

³ Курков Г.М. Кубанские казаки на фронтах Великой Отечественной // Военно-исторический журнал. 2006. № 4. С. 14–17.

⁴ Кринко Е.Ф. Казачество Юга России в годы Второй мировой войны... С. 348; Курков Г.М., Трут В.П. Военная энциклопедия казачества... С. 239–240; Рвачева О.В. Политика партийно-советских органов... С. 207.

сражениях первого года войны, понеся значительные потери. Так, исследователи Г. М. Курков и В.П. Трут отмечали, что к июню 1942 г. из 14 кавалерийских дивизий, сформированных в начале войны, осталось только две¹.

В задачи кавалерии входило прикрывать отход частей РККА, наносить контрудары по противнику, нарушать его тыловые коммуникации и пр. Кавалерийские части оперативно закрывали прорывы участков фронта². Так, 19 ноября в районе деревни Федюково на Волоколамском шоссе, отбивая атаку немецких танков, полностью погиб 4-й эскадрон 37-го Армавирского полка 50-й дивизии³. Под Сталинградом кавалерийские соединения вводились в прорыв за танковыми корпусами, использовались для оперативного обеспечения одного из флангов ударной группировки наступающих армий, создания внешнего фронта окружения всей Сталинградской группировки противника⁴.

Уже в начале войны на юге России стали создаваться добровольческие казачьи кавалерийские части. В июле 1941 г. была принята директива Военного Совета СКВО о создании отрядов самообороны, которые должны были помогать истребительным батальонам в борьбе с немецким десантом. Согласно данному документу в Краснодарском крае началась организация казачьих сотен. В такие части разрешено было зачислять колхозников без ограничения возраста. Исследователи отмечают большое количество заявлений – около 12 тыс. от желающих записаться в казачьи сотни, поступивших в военкоматы Краснодарского края⁵.

Летом–осенью 1941 г. в Сталинградской и Ростовской областях также формировались добровольческие казачьи кавалерийские дивизии. В Сталинградской области это была Особая Донская областная казачья кавалерийская

¹ Курков Г.М., Трут В.П. Военная энциклопедия казачества... С. 243.

² Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 1941/1942, 1943 г. Ростов н/Д, 2010. С. 30.

³ Кринко Е.Ф. Казачество Юга России в годы Второй мировой войны... С. 349.

⁴ Воскобойников Г.Л. Казачество в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ростов н/Д, 2006. С. 111.

⁵ Курков Г.М., Трут В.П. Военная энциклопедия казачества... С. 244, 245, 246.

дивизия, впоследствии это 15-я Донская казачья дивизия. В Ростовской области – Донская добровольческая казачья кавалерийская дивизия, впоследствии 116-я Донская казачья дивизия¹.

Добровольческие казачьи кавалерийские части в составе РККА занимали особое место в истории Великой Отечественной войны. Достаточно отметить, что 4-й Кубанский и 5-й Донской кавалерийские корпуса изначально формировались на добровольческой основе из населения Краснодарского края, Ростовской и Сталинградской областей. В казачьих кавалерийских добровольческих частях большинство бойцов были старше 40 лет. Например, организатором и командиром одного из эскадронов 15-й кавдивизии был 52-летний казак К.И. Недорубов, участник Первой мировой войны Георгиевский кавалер. Казаку-добровольцу из ст. Нижнечирской П.С. Куркину, организовавшему отряд казаков, вступивших в 15-ю Донскую казачью дивизию было 60 лет. Нередко в добровольческие части записывались семьями, как К.И. Недорубов и И.Д. Зубенко, которые прибыли в дивизию вместе с семнадцатилетними сыновьями².

К особенностям формирования и обеспечения добровольческих казачьих кавалерийских частей можно отнести использование традиции выхода казаков на службу. Казаки этих частей должны были явиться на службу в конном строю и полностью обмундированные. Вопросы обеспечения казаков всем необходимым должны были решать колхозы и совхозы. Так, при формировании 15-й Донской казачьей дивизии из районов Сталинградской области было передано 1,7 тыс. лошадей, 200 повозок, около 5 тыс. овчин и 3 тыс. пар валенок³. За счет колхозных фондов обеспечивалась и 116 Донская казачья дивизия в Ростовской области. Были случаи, когда казаки полностью

¹ Там же. С. 251–252.

² Курков Г.М., Трут В.П. Военная энциклопедия казачества... С. 252–253.

³ Баженов А.Ю. Формирование частей народного ополчения из населения казачьих районов Сталинградской области в 1941–1942 гг. // Коренной перелом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа. Материалы Междунар. науч. конф., (г. Ростов-на-Дону, 6–7 июня 2013 г.). Ростов н/Д, 2013. С. 49.

приобретали лошадь и обмундирование за свои средства, например, П.Р. Дорин из ст. Кумылженской¹.

При формировании эскадронов 15-й и 116-й казачьих кавдивизий нередко они укомплектовывались казаками из одного района, что соответствовало прежнему постаничному принципу комплектования казачьих частей. Ярким примером обращения к традиции служит и ситуация обращения командования 5-го Донского корпуса к населению Ростовской области о пополнении состава кавкорпуса. В газете «Молот» было опубликовано письмо-обращение к землякам с призывом встать в ряды гвардейцев всех, кто может держать шашку. Письмо было выдержано в духе казачьих традиций принятия важных письменных обращений, когда его подписывали самые достойные и уважаемые казаки. Это письмо также подписали командование корпуса и 16 самых уважаемых казаков². К июлю 1943 г. личный состав корпуса был пополнен. В корпусе было 10481 чел., из них донских казаков – 7000 чел.

Настроения и боевой дух казаков-добровольцев были высокими. В целях пропаганды эти настроения регулярно отслеживались в период формирования партийными органами. Так, из Ново-Анненского района Сталинградской области поступали информационные материалы следующего содержания: «...Загорелось сердце советских патриотов. Десятки и сотни заявлений последовали от трудящихся района в ответ на призыв товарища Сталина. Железная воля, непоколебимая решимость в этих заявлениях. Откликаются ветераны Гражданской войны, воскресает молодость их. В хуторах, станицах Ново-Анненского района поднялись на борьбу с лютым врагом лихие казаки. Сотни заявлений стали поступать в районный комитет партии с просьбой зачислить их в районное ополчение. Казаки заготовили лучших коней, отточили клинки, выехали на военные занятия для тренировки, чтобы в новой схватке с врагом показать свою казацкую удаль. В хуторах проходили ми-

¹ Трут В.П. Курков Г.М. Военная энциклопедия казачества... С. 252.

² Там же. С. 270.

тинги на которых выносились решения об организации народного ополчения»¹.

Казачи 17-го казачьего кавалерийского корпуса приняли участия в боях в Краснодарском крае, обороняясь на рубеже ст. Куцевской, Шкуринской, Канеловской, Старощербиновской, закрывали направление на Туапсе, с целью не допустить прорыва немцев на побережье Черного моря.

Итак, в начале войны и позже, казачество юга России, несмотря на сложные взаимоотношения с советской властью в 1920-х – 1930-х гг. показало свою готовность защищать родину, приняв активное участие в создании не только кадровых, но и добровольческих кавалерийских дивизий. По мнению П.Н. Крикунова, это было вполне закономерно и ожидаемо, в том числе и для советского правительства, которое осенью 1942 г., когда были полностью оккупированы территории Дона и Кубани, обратилось с призывом к казакам вступить в беспощадную борьбу с немецкими захватчиками. Это означало, что в казаках, в отличие, например, от некоторых кавказских народов, советское правительство было уверено².

Наряду с участием казаков в казачьих кавалерийских дивизиях, на оккупированных территориях Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской и Сталинградской областей формировались партизанские отряды и подпольные организации. К концу 1941 г. в Ростовской области было создано 83 партизанских отряда и подпольные группы, общей численностью 3200 чел. К маю 1942 г. количество партизанских отрядов изменилось, теперь в Ростовской области действовало 63 отряда, общей численностью 2300 чел.³ Подпольные организации были созданы в Таганроге, Шахтах. Партизанские отряды действовали на территориях Таганрогского, Анастасиевского, Федоровского Неклиновского, Куйбышевского районов⁴.

¹ ЦДНИВО. Ф. 98. Оп. 2. Д. 36. Л. 29.

² Трут В.П. Курков Г.М. Военная энциклопедия казачества... С. 216.

³ Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия / гл. ред. М.М. Козлов. М., 1985. С. 538.

⁴ Великая Отечественная война 1941–1945... С. 538.

Планировалось создавать в каждом районе ячейки для подпольной работы. Ячейки занимались организацией партизанской работы, объединяли вокруг себя, тех, кто готов был активно бороться с врагом, занимались агитационно-пропагандистской работой.¹

В документах по организации партизанского движения в Ростовской области отмечалось, что для этого должен применяться индивидуальный подбор, должно быть добровольное согласие для работы в тылу врага и строгая конспиративность (кандидатуры на должны знать друг друга). В отряды необходимо отбирать только преданных советской власти, мужественных и бесстрашных из числа коммунистов, комсомольцев и беспартийных, показавших уже себя в борьбе с оккупантами, «отметая от этого великого дела трусов, нытиков и маловеров»².

В июле 1942 г. Ростовский обком ВКП(б) принял план партизанский борьбы в тех районах Ростовской области, которые были оккупированы фашистскими войсками. При утверждении этого плана в Центральном штабе партизанского движения рекомендовали включать в состав партизанских отрядов потомственных казаков. Подобное действие имело выраженную идеологическую подоплеку и должно было продемонстрировать и населению, и противнику, что казачество готово сражаться за свою Родину³.

В Сталинградской области с начала войны районные и областная партийные структуры начали заниматься созданием партизанских отрядов. Занимался этим вопросом Сталинградский областной комитет ВКП(б) с осени 1941 г. К моменту вступления немцев в районы области было создано 34 партизанских отряда, 19 подпольных групп с общим количеством 879 чел.⁴, заложено более 60 продовольственных баз для партизан, в которые также за-

¹ Там же. С. 15.

² ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 418. Л. 14.

³ Казачий Дон: Пять веков воинской славы. М., 2010. С. 257.

⁴ Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия... С. 539.

кладывалось оружие¹. Партизанские группы начали действовать уже в августе 1942 г., после начала оккупации районов области. Так в постановлении Сталинградского обкома ВКП(б) «О ходе комплектования партизанских отрядов и развертывании боевой деятельности в тылу оккупантов» от 19 августа 1942 г. отмечалось, что отряды Калачевского, Тормосиновского и Котельниковского районов уже вступили в борьбу с врагом². Партизанские группы осуществляли нападение на склады, транспорт с грузом, минировали и взрывали дороги, уничтожали немецких солдат и офицеров, проводили разведывательную работу.

В сентябре 1942 г. партизанские отряды начали действовать в оккупированных районах Краснодарского и Ставропольского краев. В августе 1942 г. в Краснодарском крае действовало 73 отряда численностью около 6,5 тыс. чел. Затем было образовано 7 партизанских соединений: Краснодарское, Нефтегорское, Майкопское, Армавирское, Анапское, Новороссийское, Славянское³. В августе – декабре 1942 г. в Ставропольском крае действовало 40 партизанских отрядов общей численностью 1700 чел.⁴

Таким образом, казаки регионов юга России в период войны продемонстрировали высокий патриотизм и готовность защищать свою Родину, несмотря на все предыдущие периоды социально-политических конфликтов между казачеством и властью. Это действительно был показатель успеха политики вовлечения казачества в советское строительство и изживания конфликтов казаков с властью. В большой степени этому способствовало и то, что в ходе формирования из казаков военно-социального резерва властью была найдена и предложена казачеству удачная форма вовлечения их в социалистическую модернизацию. Казачья служба в армии стала важным факто-

¹ Селезнёв Д.А. Боевая деятельность партизанских отрядов на территории Сталинградской области // Электронный научно-практический журнал «Гуманитарные научные исследования». 2016. № 10. URL: <http://human.snauka.ru/2016/10/17098> (дата обращения: 29.09.2017).

² Великая Отечественная война 1941–1945... С. 539.

³ Там же.

⁴ Там же.

ром сохранения культурной идентичности большой группы, а также механизмом адаптации казаков к новым условиям.

Но предложенная адаптивно-мобилизационная форма военной службы казаков существенно отличалась от аналогичной формы середины 1920-х гг. Эти отличия состояли в следующем. Во-первых, к середине 1930-х гг., когда власти объявили о снятии с казаков ограничений на военную службу, казачество уже довольно активно взаимодействовало с военными структурами, проходя службу в территориально-милиционных частях. То есть, принятое постановление имело демонстрационную идеологическую форму и должно было показать, что власть наконец окончательно поверила казакам. Тем не менее, принятое постановление о снятии с казаков ограничений на службу в армии вызвало бурную реакцию одобрения среди казаков, что свидетельствовало о важности такого решения в налаживании диалога власти и казачества. Во-вторых, было принято решение о создании казачьих кавалерийских корпусов, и хотя власти всячески подчеркивали, что это не возврат к прошлым формам службы казачества, но для самих казаков это было очень важным свидетельством внимания партийно-советского руководства. В-третьих, к середине 1930-х гг. после окончания процесса коллективизации возник мощный экономический фактор поддержки казачьей службы – колхозы. Именно на них была возложена задача обеспечения казаков-переменников лошадьми и обмундированием. Это означало, с одной стороны, трансформацию прежней формы и механизма развития казачьей службы, а с другой конструирование этой службы, которая опиралась на глубинные культурные основы военной традиции казаков, но в новых социально-политических условиях приобретала новые формы и качество.

В середине 1930-х гг., вновь усилился интерес власти к казачеству, что способствовало новой актуализации его присутствия в социальных процессах советского государства. Ключевыми факторами, повлиявшими на возобновления интереса власти, и в конечном счете, на возрождение казачества на данном этапе, можно считать, во-первых, принятие Конституции 1936 г. и

демонстрацию перехода советского общества на качественно новый уровень. Во-вторых, завершение процесса коллективизации, по итогам которого вновь возникла потребность наладить диалог с казаками. В-третьих, усиление международной напряженности и актуализация использования военного потенциала казаков. Однако, в отличие от второй половины 1920-х гг., в мероприятиях социокультурного плана в отношении казачества главный упор делался на презентацию нового образа казаков, которые стали полностью «своими» в советской системе. Участие казачества в советской системе сохранялось, прежде всего посредством культурных форм. Большое значение имели также политико-идеологические мероприятия власти по пропаганде образа казака-патриота и защитника Родины.

В контексте возрождения казачества главным итогом этого этапа стало укрепление институционализации казачества в социальной системе. В территориально-милиционной системе и в кадровой военной службе официально появились казачьи военные части. В культурной сфере создается имидж советских казаков. Особенностью данного этапа стало сочетание трансформации социального статуса, социальной роли, культуры казачества с конструированием новых характеристик казачества, отвечающих новой общественной системе и интересам власти.

Казачество не имело четко определенного статуса, как раньше, когда оно существовало в имперской России как военно-служилое сословие, его власть рассматривало как часть крестьянства. При этом признавалось, что казачество обладает культурной спецификой. При обращении к сельскому населению прежних казачьих территорий власть четко определяло это население как казаков. Восстановление в социальной системе советского строя потребовало от казаков приспособления, в результате которого трансформировались их социальные и культурные практики (служба в территориально-милиционных частях, воспринимаемая как аналог прежней службы, новые формы трансляции культуры и т.п.). Итогом стала полная адаптация казаков

к советскому строю, превращение их в советских граждан, но с пока еще сохранявшейся особой социальной идентичностью.

В послевоенный период усилилась тенденция, возникшая как результат политики большевиков по расказачиванию, «растворению» казаков в общей массе советских граждан, что привело к значительной утрате ими социальной и культурной специфики. Партийно-советским структурам больше не нужно было обращаться к казакам за поддержкой, советизировать их. Для самих казаков не существовало возможности и объективной потребности в сохранении и развитии казачьей культуры. Культура казачества переместилась в приватную сферу и сохранялась как бытовая культура. Продолжалась ее унификация под стандарты советской культуры. В результате к 1970–1980 гг. культурные традиции казачьей социальной общности сохранились фрагментарно на бытовом уровне, но сообщества или тем более этнического сообщества не было, как и не было артикуляции своих особых казачьих интересов.

4. ВОЗРОЖДЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА НА ЮГЕ РОССИИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI В.: ИДЕИ, ЦЕЛИ И АКТОРЫ ПРОЦЕССА

4.1. Движение за возрождение казачества на юге России в конце 1980 – начале 1990-х годов: идеи и участники

Казачество, как социальная общность вновь появляется на исторической сцене в начале 1990-х гг. Для понимания причин его появления и особенностей формирования возрожденческого процесса необходимо дать характеристику социально-политической ситуации, сложившейся в стране в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

Исторический период 1980-х – 1990-х гг. в России определяют как период системной модернизации и трансформации. Проблематика широка: самобытность российской модернизации, авторитаризм и традиционализм в российских модернизационных процессах, отраслевые ракурсы российской модернизации и мн. др.¹ Исследователи, оценивая модернизационные и трансформационные процессы, отмечают изменение институциональной структуры, социально-групповой структуры, размывание статусных и групповых различий, появление новых стратегий социального поведения². В качестве особенностей российской модернизации называют высокоактивную стадию социальных трансформаций, динамический хаос³, ситуации культурного разрыва в обществе, оказавшие влияние на становление новых социальных институтов⁴. Перечисленные методологические подходы оказываются эффективными при исследовании возрождения казачества в конце XX в., способствуют определению его природы и результатов.

¹ Российская модернизация: размышляя о самобытности / под ред. Э.А. Паина, О.Д. Волкогоновой. М., 2008.

² Меняющаяся социальность: новые формы модернизации и прогресса. М., 2010. С. 189.

³ Ядов В.А. А все же умом Россию понять можно... С. 12.

⁴ Ионин Л.Г. Социология культуры... С. 204–208.

Исследователи единодушны в том, что социально-политические и экономические процессы 1980-х – начала 1990-х гг. привели к распаду всех подсистем, институтов, социальных форм советского общества и государства и сформировали запрос на создание новых. Казачество можно рассматривать как один из реализованных результатов такого запроса. Для понимания того, как и почему казачество вновь возникает в социальном пространстве важно выделить следующую особенность сложившейся ситуации. В отличие от 1920-х – 1930-х гг., у власти не было причин обращаться к казакам для вовлечения их в модернизационные процессы. Казачество как организованная социальная группа больше не существовало. Потомки казаков, хотя и составляли значительное количество населения, но не имели своего осознанного социального или экономического интереса. Вместе с тем, в конце 1980-х гг. наблюдался резкий всплеск интереса к казачеству со стороны общества и власти. Наиболее ярко он проявился на территориях традиционного проживания казаков, а также в ряде крупных городов, не являвшихся исконно казачьими: например, Москве, Ленинграде, Астрахани, Волгограде, Краснодаре, Ростове-на-Дону, Ставрополе и др.

Для понимания того как развивался процесс возрождения и определения его значения для казачества, российского общества и государства, важно выявить причины и предпосылки возрождения казачества, его идейные концепты, определить основных акторов развития. В рамках данного раздела ставится задача выяснить, как формировалось и развивалось движение за возрождение казачества в среде потомков казаков, на каких идеях оно основывалось и какие ставились цели участниками возрожденческого процесса.

По мнению А.А. Озерова, идеи возрождения казачества появились в контексте идеологемы возрождения России в целом, на общественно-патриотической и культурно-исторической основе, а затем претерпели изменения в сторону политизации и корпоративизации¹. С точки зрения А.Г. Ма-

¹ Озеров А.А. Возрождение казачества: идеи и социальная практика... С. 8.

салова, самоорганизацию казачьей общности стимулировали сложные социальные и политические условия в российском государстве в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Об этом же говорит Г.О. Мациевский, отмечая, что политическая, социально-экономическая, этнокультурная ситуация второй половины 1980-х гг. стала катализатором возрожденческого процесса¹.

О возрождении казачества как форме самоорганизации и самосохранения в ответ на вызовы национализма писала Т.В. Таболина². В контексте развития национальной политики рассматривает процесс и Н.Ф. Бугай, отмечая, что казачество потребовало своей ниши в позднесоветском обществе³. Данный ракурс рассмотрения движения за возрождение казачества представляется предпочтительным, так как он учитывает не только ситуацию в СССР, но мировую практику активизации регионалистских и националистических движений с 1970-х гг. Также в этом случае анализ возрождения возможно проводить с учетом проблематики сохранения идентичности и ее конструирования в рамках возрождения.

О движении за возрождение казачества во всеуслышание заговорили в 1990–1991 гг., когда стали массово создаваться казачьи общественные организации. Однако, предпосылки движения, причины, приведшие к его зарождению и быстрому развитию, начали складываться уже в 1980-х гг.

Одной из таких предпосылок становится развитие молодежного фольклорного движения. В рамках этого движения, как отмечает Т.С. Рудиченко, произошло широкое знакомство общества с певческой культурой казачества, что «влекло за собой оживление интереса к казачьему быту, феномену казачества, как особому порождению социальной истории»⁴. В 1970-х – 1980-х гг. в обществе возрастает интерес к истории и культурным традициям. При-

¹ Мациевский Г.О. Основные этапы реализации государственной политики по возрождению российского казачества // Федерализм. 2009. № 3 (55). С. 163–180.

² Таболина Т.В. Казаки: драма возрождения... С. 42.

³ Бугай Н.Ф. Казаки Юга России... С. 11.

⁴ Рудиченко Т.С. Культурные традиции донского казачества в социальном дискурсе (конец XX – начало XXI века) // Южнороссийский музыкальный альманах. Ростов н/Д, 2010. № 2. С. 2.

нительно к казачеству это вылилось в создание в 1970-х гг. экспериментального фольклорного ансамбля, в котором апробировалась идея освоения музыкального фольклора, людьми, выключенными из процесса передачи традиции¹. Вслед за этим ансамблем, деятельность которого вызвала большой энтузиазм молодежи, появились и другие фольклорные коллективы. Всесторонний интерес общества к казачеству нашел отклик в среде потомков казаков. Это, по мнению Т.С. Рудиченко, явилось одним из импульсов, давших в конце 1980-х гг. толчок к новому общественному движению за возрождение казачества².

Следующей предпосылкой явилось развитие активных форм изучения военной истории России и формирования военно-исторических клубов в СССР в середине 1980-х гг. Их деятельность способствовала не только детальному изучению значимого в истории России военного события, но популяризации истории. Члены клубов в рамках реконструкции военного события детально воспроизводили военную униформу, занимались театрализованной постановкой боя и т.п.³ Во второй половине 1980-х гг. создаются военно-исторические клубы с различной тематикой. Например, в Ленинграде создаются такие клубы, как «Лейб-гвардии Преображенский полк» (1987 г.), «Прусские гвардейские егеря» (1989 г.) и др. В Москве возникает множество клубов и групп по военно-исторической тематике Отечественной войны 1812 г.⁴

Во второй половине 1980-х гг. организовываются и военно-исторические клубы, приоритетным направлением деятельности которых становится изучение и реконструкция исторических событий, связанных с уча-

¹ Рудиченко Т. С. Возрождение культурных традиций в конце XX – начале XXI в. // Очерки истории и культуры казачества Юга России... С. 538.

² Рудиченко Т.С. Культурные традиции донского казачества в социальном дискурсе... С. 3.

³ Турусов В.П. Особенности военно-исторического движения в России по опыту ряда отечественных клубов // Военно-исторический журнал «РЕЙТАР». 2005. № 23 (11); 2006. № 25 (1); № 27 (3). URL:<http://www.avit-centre.spb.ru/exb/06/30/a4.htm> (дата обращения: 05.04.2017).

⁴ Там же.

стием в них казачества. В 1986 г. в Ростове-на-Дону был создан «Донской военно-исторический клуб», а в его составе – группа «Донской казачий полк, 1812 г.». «Кубанский казачий клуб», имевший статус военно-исторического объединения, был создан в 1989 г. в Краснодаре. Примерно в этот же период в Ленинграде возник «Лейб-гвардии Казачий полк».¹ Таким образом, военно-исторические клубы, получившие большое развитие в СССР в середине 1980-х гг., стали теми институтами, через которые популяризировалась и пропагандировалась также и история казачества. Благодаря их деятельности сформировалась историческая основа движения за возрождение казачества.

Военно-исторические клубы объединяли различных по своему социальному положению и социальному статусу людей. Но в целом, среди энтузиастов, увлеченных изучением военной истории, преобладала интеллигенция. Социальный состав военно-исторических клубов с казачьей тематикой также преимущественно состоял из интеллигенции: учителя, врачи, работники музеев, студенты. Также немало было представителей военных и силовых структур: офицеры МВД и вооруженных сил, солдаты².

Военно-исторические клубы были ориентированы на популяризацию истории казачества и это отражалась в основных задачах и в организации их деятельности. В Донском военно-историческом клубе один из отделов представлял собой военно-историческую комиссию, в которую входили историки, художники, коллекционеры. Другой отдел – Донская казачья дивизия – реконструкторский проект. Данное унифицированное подразделение принимало участие в праздниках и военно-исторических реконструкциях³. Задачами Кубанского казачьего клуба имени А.Ф. Бурсака⁴, как их определяли создатели, являлась деятельность по непосредственной реконструкции элементов военной культуры кубанского казачества. Под этим понималось воссоздание казачьей униформы, овладение навыками джигитовки, участие в во-

¹ Турусов В.П. Особенности военно-исторического движения...

² Озеров А.А. Политико-правовая институционализация современного казачества... С. 9.

³ Там же. С. 8.

⁴ Клуб был создан в Краснодаре 1 июля 1990 г.

енно-исторических униформированных мероприятиях. Но не менее важной задачей являлось распространение знаний и пропаганда истории казачества¹. Клуб состоял из конной и исторической секции. Участники клуба проводили униформированные походы «по местам славы отечественного оружия... В конном строю, под развернутым клубным знаменем в черкесках и папахах», а также пропагандировали конное искусство казаков и горцев².

Идея клуба родилась в среде интеллигентов – преподавателей, выпускников и студентов исторического факультета Кубанского государственного университета, учредителями клуба стали: доц. В.П. Громов, а также молодые историки А.Е. Берлизов, Ф.Г. Бунин, А.Е. Горбань и др.³ Некоторые из членов Кубанского казачьего клуба, например, Ф.Г. Бунин, не только на протяжении длительного времени занимались униформологией, но и участвовали в деятельности военно-исторической комиссии при Московском Совете Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК)⁴.

Ряд исследователей, отмечая рост интереса в обществе к фольклору и культуре казачества определяет время пробуждения данного интереса как первый фольклорный и реставрационный этап движения⁵. При этом нижняя граница приходится уже на середину 1980-х гг. С нашей точки зрения – это не вполне обоснованное определение хронологических границ феномена возрождения. Исследователи фольклорной традиции говорят о росте, в этот период, интереса в обществе в целом к традиционной культуре. Так же, как и развитие военно-исторических клубов – это стало результатом повышенного внимания к истории России во второй половине 1980-х гг. Подтверждение чему – формирование различных по тематике клубов. И хотя все это види-

¹ Бурмагин А.Г. От Кубанского казачьего клуба... С. 58.

² Там же. С. 66.

³ Энциклопедия кубанского казачества / под общ. ред. В.Н. Ратушняка. 2-е изд., испр. и доп. Краснодар, 2013. С. 255.

⁴ Бурмагин А.Г. От Кубанского казачьего клуба... С. 59.

⁵ Мациевский Г.О. Возрождение политической жизни кубанского казачества С. 86; Белосусов И.В. Власть и казачество: эволюция взаимоотношений... С. 299; Пеньковский Д.Д. Возрождение российского казачества на современном этапе // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 1. С. 81.

мом стимулировало интерес к казачеству, все же точнее определять данную ситуацию как формирование предпосылок и благоприятной среды.

Более перспективным, на наш взгляд, является увязывание начала возрождения с деятельностью Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Его разворот в сторону казачьей тематики способствовало развитию организационной составляющей движения. Оно стало одним из учредителей федерации военно-исторических клубов, которая возникла при ЦК ВЛКСМ в 1989 г.¹ Кроме этого именно в ВООПиК родилась новая концепция организации общественной деятельности в сфере истории и культуры, с которой впоследствии начнется и движение казачества – это землячества. Исследуя формирование и развитие казачьего возрождения, Т.В. Таболина отмечает, что начиналось оно с организации землячества казаков в Москве. В свою очередь землячества были попыткой ВООПиК преодолеть кризис в своей деятельности и создать такую форму работы, которая способствовала бы развитию². В рамках землячеств работа по сохранению культурного наследия должна была стать более осмысленной и эффективной.

В 1989 г. член редколлегии журнала «Кубань» Г.Л. Немченко развернул работу по созданию землячества казаков в Москве. Эта идея заинтересовала прежде всего ту часть интеллигенции, которая осознавала свои казачьи корни и готова была действовать для объединения казаков. В числе таковых были писатели, историки, журналисты – выходцы с территорий различных казачьих войск, потомки казаков. Как отмечала Т.В. Таболина: «всех их заботило одно – как объединить и поднять казаков»³.

К концу 1989 г. землячество казаков стало самым многочисленным в Москве. Формально оно было создано 5 января 1990 г., а уже в июне 1990 г. в Москве открыл свою работу Большой Учредительный Круг, на котором было объявлено о создании Союза казаков. Первым атаманом его стал А.Г. Мар-

¹ Озеров А.А. Политико-правовая институционализация современного казачества... С. 8.

² Таболина Т.В. Казаки: драма возрождения... С. 44, 45.

³ Таболина Т.В. Казаки: драма возрождения... С. 46.

тынов, имевший донские казачьи корни и состоявший в московском землячестве казаков.

Учредительный круг был весьма представительным. В его работе приняли участие 263 делегата от казачьих организаций, созданных к тому моменту в регионах страны. По мнению В.Д. Батырева, А.И. Изюмова и О.В. Матвеева, исследовавших деятельность Союза казаков в 1990-е гг., делегаты съезда представляли 70 тыс. казаков¹. Таким образом, можно говорить, что движение за возрождение казачества началось и развивалось параллельно в центре и на местах. Как отмечал Г.Л. Немченко, после широкого распространения новости о московском казачьем землячестве в СМИ ему стала поступать информация из разных регионов страны². Это свидетельствовало об огромном интересе на местах к возможности создания казачьих организаций.

В 1990–1991 гг. на юге России происходит массовый рост общественных организаций, так или иначе занимавшихся казачьей историей и культурой. Анализ данного процесса позволяет сделать вывод, что возрождение казачества в конце XX в. развивается на основе общественной инициативы, «снизу».

Инициатива «снизу» была разнообразной по характеру. Стремление возрождать и пропагандировать казачью культуру, восстанавливать память о казачестве здесь сочеталось с патриотическими настроениями. Прекрасную иллюстрацию этого разнообразия дают общественные организации, созданные в Ростовской области. Литературное товарищество «Шолоховский круг», было создано в 1989 г. Круг был ориентирован на деятельность таких журналов как «Наш современник», «Молодая гвардия», еженедельник «Литературная Россия». Направлениями его работы являлись историко-культурное и общественно-политическое. На базе «Шолоховского круга» в контексте общественно-патриотического движения была создана организация «Вседонской круг». Ее учредителями выступили также Ростовское отделение ВО-

¹ Батырев В.Д., Изюмов А.И., Матвеев О.В. Указ. соч. С. 8.

² Бурмагин А.Г. От Кубанского казачьего клуба... С. 99.

ОПИиК, ДВИК, Агентство «Памятники Отечества», Литературно-рекламное агентство «Око»¹. «Вседонской круг» объединил: «Историко-культурный клуб «Думенковцы-Мировновцы», «Областной общественный комитет по восстановлению памятника М.И. Платову», «Культурно-историческое общество «Вешенский станичный круг»².

Ещё одной организацией аналогичной направленности явилось историко-культурное общество «Стародонье», затем на его базе возникнет «Казачий круг Дона», который после создания в Москве землячества казаков активно включится в процесс организации казачьих кругов на местах. Главной целью его деятельности объявлялось восстановление исторической справедливости в отношении казаков, военно-патриотическое воспитание молодежи. «Казачий круг Дона» и «Вседонской круг» выступят инициаторами проведения Съезда казаков Дона³.

В апреле 1990 г. организовывается «Центр традиционной культуры донских казаков». Данная организация была создана на основе «Хозрасчетного творческого научно-производственного центра ремесел, промыслов и фольклора». Важным фактом являлось участие руководства организации в работе первого учредительного съезда Союза казаков, что способствовало преобразованию деятельности организации, функционировавшей при Ростовском отделении Фонда культуры и направление этой деятельности на возрождение культуры казачества.

Следует отметить, что в создаваемые общественные организации, имевшие культурно-просветительский характер, прежде всего, приходила интеллигенция. Это были сотрудники газет, журналов, телевидения, литераторы, среди которых были члены Союза писателей. В «Казачьем круге» состояли «разночинцы», часть которых занимала радикально демократическую позицию, вплоть до чистки рядов казачьих обществ от коммунистов, что в

¹ Озеров А.А. Политико-правовая институционализация современного казачества... С. 16.

² Там же.

³ Озеров А.А. Политико-правовая институционализация современного казачества... С. 13.

итоге привело к разногласиям с «Вседонским кругом» и формированию параллельных казачьих структур¹.

Наряду с культурно-просветительскими организациями в 1990 г. создаются общества, основной деятельностью которых становится пропаганда идеи возрождения казачества. В Волгоградской и Ростовской областях большинстве случаев они именовались округами. Это сразу создавало четкую историческую аналогию с округами Области войска Донского. Так, в 1990 г. на территории Волгоградской области образовались следующие казачьи организации: Второй Донской округ, Хопёрский округ, Усть-Медведицкий округ. Это были исторические названия округов. Кроме этого возникли еще Волгоградский округ донских казаков и Волжский округ донских казаков. У этих организаций не было исторических аналогов, но присутствие в наименовании организации слова «округ» должно было подчеркнуть их исторический характер.

Большой Учредительный круг донских казаков г. Волгограда собрался 24 июня 1990 г. в Доме политического просвещения в Волгограде. На круге присутствовали как казаки, проживавшие в г. Волгограде, так и из районов области, количество участников – 211 чел.² Большой Учредительный круг Хопёрского округа донских казаков собрался 27 мая 1990 г. в г. Урюпинске.

Сформировавшийся исторический нарратив о начале возрождения позволяет раскрыть отношение людей к нему, выявить мотивацию. Так, известие о московском землячестве проявлялось в осознании возможности сделать то же на местах. Один из активистов казачьего возрождения в Волгоградской области, впоследствии атаман Хопёрского округа С.А. Князев, вспоминая о том времени, так охарактеризовал своё впечатление от полученного известия о создании землячества в Москве: «...ясно без лишних слов – казаки могут

¹ Там же. С. 13, 17, 18.

² ЦДНИВО. Ф. 13322. Оп. 1. Д. 1. Л. 43.

создавать свои официальные организации, и государство это не запрещает»¹. Первый атаман ст. Кумылженской в 1990 г. был директором краеведческого музея. Он отмечал, что для него и других энтузиастов, посвятивших себя казачьему возрождению, известие о московском землячестве подтолкнуло к действию – решению создать такую организацию у себя в станице².

Посетив землячество казаков в Москве, С.А. Князев в Урюпинске разворачивает деятельность по организации Учредительного круга Хопёрского округа и созданию казачьей организации. В районной газете была напечатана статья-призыв «Быть ли «Хопёрскому кругу?». Вспоминая то время, С.А. Князев подчеркивает, что в организации учредительного круга и хоперской казачьей организации принимали активное участие люди различных профессий. В состав инициативной группы вошли: председатель Урюпинского райсовета В.И. Шульпеков (он же затем стал первым атаманом Хопёрского округа), председатель исполкома Урюпинского горсовета А.М. Пономарёв, председатель колхоза «Красный путиловец» А.П. Юрин, главный редактор газеты «Урюпинская правда» Б.И. Спиридонов, директор школы Б.С. Кондратов³. Агитационная кампания по созыву учредительного круга одновременно проходила в шести районах Волгоградской области. К моменту создания Хопёрский округ в ряде районов уже существовали казачьи организации⁴.

В Городищенском районе Волгоградской области созданием казачьей организации занималась инициативная группа, в состав которой входили ветеран Великой Отечественной войны, председатель исполкома Городищенского поселкового совета, корреспондент районной газеты, заместитель глав-

¹ XX лет Хопёрскому округу (краткая история возрождения Хопёрского казачьего округа) / редкол. Ю.М. Горбунов и др. Урюпинск, 2010. С. 8.

² Там же. С. 14.

³ Там же. С. 9.

⁴ Рвачева О.В. Возрождение казачества юга России в конце XX – начале XXI века. Волгоград, 2021. С. 45.

ного редактора газеты. Все – потомственные казаки¹. Аналогичным образом организовывались казачьи общества и в других районах, территории которых входили в состав воссоздаваемого казаками 2-го Донского округа.

Участники казачьего возрождения конца XX в., стоявшие у его истоков, нередко вспоминают об энтузиазме и воодушевлении людей, поддержавших движение и идею возрождения казачества: «Первое время активность казаков в юрте была поразительно высока. Круги проходили в полностью забитых залах. От желающих выступить не было отбоя. Каждый старался подбросить инициативу поважнее»².

Схожие процессы происходили в 1990 г. на Кубани, где движение за возрождение казачества начинает набирать силу. В Краснодаре 14 октября 1990 г. проходит Всекубанский съезд казаков, после которого Кубанский казачий клуб становится массовой организацией. Только в октябре 1990 г. было подано 44 заявления о вступлении в него. Активный участник казачьего движения на Кубани А. Г. Бурмагин отмечал: «...в Краснодаре было всего несколько казачьих организаций, а желающих принять участие в казачьем возрожденческом движении – сотни». В начале 1990 г. в клубе числилось 100 чел., а в 1991 г. уже 321 чел.³

В письмах-заявлениях о приеме в члены казачьей организации люди обосновывали свое решение наличием казачьих корней («Предки мои сибирские казаки на Иртыше. Дед был станичным атаманом...»), «Я родился в станице Некрасовской Усть-Лабинского района. До революции мой дед... был станичным атаманом»); необходимостью сохранения культуры («...мне дороги казачьи обычаи и традиции. Хочу приложить свои знания и умения в воспитание у молодежи казачьих традиций»)⁴. Были и такие обоснования в которых социальная идентичность становилась основой осознанных и сози-

¹ Весов В.И., Глазков Ю.Н. Второй Донской округ. Волгоград, 2017. С. 22.

² XX лет Хопёрскому округу... С. 19.

³ Бурмагин А.Г. От Кубанского казачьего клуба... С. 85–86.

⁴ Бурмагин А.Г. От Кубанского казачьего клуба... С. 86–87.

дательных действий: «...Прошу Вас принять меня в число казаков, в связи с тем, что я русский человек, православный христианин, желаю служить родной Кубани...»¹

В развитии возрожденческого движения в Краснодаре большую роль сыграла интеллигенция. По мнению Г.О. Мациевского, своеобразным центром, объединявшим людей, интересующихся историей казачества, стал журнал «Кубань». Он собрал журналистов, писателей, историков, которые активно обращаются к казачьей теме². Характеризуя социальный состав Кубанского казачьего клуба, А.Г. Бурмагин отмечает среди его членов представителей интеллигенции: историков, музейных работников, студентов. Но также в клуб приходили и представители других социальных групп: руководители предприятий, сотрудники правоохранительных органов и вооруженных сил, рабочие³.

С июня по август 1990 г. на Кубани создается еще несколько казачьих организаций: Кубанская казачья ассоциация, Верхнекубанский казачий округ, Пашковское казачье общество. В качестве примера целеполагания деятельности данных организаций можно привести положение из организационных документов Верхнекубанского округа, в котором говорилось о необходимости духовного и организационного объединения казачества и его потомков для совместной деятельности по возрождению Кубанского края⁴.

В 1989–1990 гг. разворачивается возрожденческий процесс в Ставропольском крае. Катализатором данного процесса стало взаимодействие активистов возрождения П.С. Федосова и В. Ходарева с Г.Л. Немченко. Но еще до этих событий по воспоминаниям П.С. Федосова в 1989 г. в Ставрополь-

¹ Там же. С. 87.

² Мациевский Г.О. Первые организации движения за возрождение казачества: от фольклорно-этнографических к общественно-политическим // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 4 (12). URL: www.sisp.nkras.ru

³ Там же.

⁴ ГАКК. Ф. Р-1843. Оп.1. Д. 2. Л. 28.

ском крае в определенных кругах возникла идея объединить казаков¹. После поездки в Москву было решено создавать казачью организацию в Ставропольском крае, первым атаманом организации стал П.С. Федосов². Казачья делегация Ставропольского края приняла участие в работе Большого круга казаков в Москве.

Если посмотреть на социальный состав ставропольской инициативной рабочей группы, занимавшейся возрождением казачества в регионе, то также можно отметить, что в состав неё вошли представители различных профессий, с различным социальным статусом: представители творческой интеллигенции (В. Ходарев, поэт, зам. ответственного секретаря краевой писательской организации), представители профсоюзов (П.С. Федосов являлся председателем профсоюзного комитета объединения «Ставропольнефтегеофизика»), журналисты, инженеры, агрономы, офицеры МВД, пенсионеры³.

В июне 1990 г. в ст. Зеленчукской был впервые проведен казачий круг, итогом его работы стало создание организации «Верхнекубанский казачий отдел». После возвращения ставропольской делегации казаков из Москвы, где они приняли участие в работе Большого Учредительного круга и создании организации «Союз казаков», начинается подготовка к проведению в конце сентября 1990 г. Учредительного большого круга казаков, проживающих на территории Ставропольского края. Данный круг прошел 28–29 сентября 1990 г., на нём присутствовало 783 делегата. По итогам его проведения 12 ноября 1990 г. была официально зарегистрирована общественная организация «Ставропольский краевой союз казаков» (СКСК)⁴. Вообще же к осени 1990 г. в Ставропольском крае насчитывалось 57 казачьих организаций.

Процессы возрождения казачества в Ставропольском крае проходили динамично, казачьи организации, и в частности, СКСК привлекали значи-

¹ Ставропольский краевой союз казаков. Ставропольское казачье войско. 1990–2010 / сост. Д. В. Стригунов, П.Д. Деев. Ставрополь, 2010. С. 8.

² Там же.

³ Там же. С. 10.

⁴ Ставропольский краевой союз казаков... С. 15.

тельное количество людей. Даже второй Большой круг Союза казаков в ноябре 1991 г. решено было провести здесь. Количество делегатов этого круга – 800 чел. от 300 тыс. членов казачьих обществ – свидетельствовало о быстром развитии движения за возрождение казачества.

Сложно начинался процесс возрождения терского казачества. Историческая территория терского казачества, в большей степени, чем территории других казачьих войск юга России, оказалась разделенной между субъектами РСФСР. Исторические отделы Терского казачьего войска оказались на территории Дагестана, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Чечни, Северной Осетии, Карачаево-Черкесии, Ставрополя. В начале 1990-х гг. в этих республиках усилилась межэтническая напряженность, русское население выдавливалось с территорий своего традиционного проживания, возникали межэтнические конфликты. Тем не менее, в конце 1989 г. – начале 1990 г. стали создаваться первые организации терских казаков. В марте 1990 г. в г. Орджоникидзе состоялся Учредительный круг терского казачества, а затем организационные круги прошли на Сунже, в г. Кизляре, Терско-Гребенском и Терско-Малкинском районах¹. В итоге здесь были созданы такие казачьи организации как: Терско-Гребенской казачий круг, Сунженский казачий округ, Моздокский отдел, Кизлярский отдел, Наурский казачий круг, Терско-Малкинский округ, Грозненский округ.

Во Владикавказе круг терских казаков был проведен в марте 1990 г. Результатом его работы стало создание организации «Терское казачество». В качестве атамана ее возглавил потомственный казак Герой Советского Союза В.Д. Коняхин. Через два месяца, в мае 1990 г. организационные казачьи круги проводились в ст. Троицкой, Нестеровской, Карабулакской, Ассиновской и Слепцовской.

В Астраханской области движение за возрождение казачества началось позже, чем в других регионах и проходило менее интенсивно. Это признава-

¹ Российское казачество... С. 210.

ли даже сами участники астраханского казачьего возрождения. Представитель Президента России в Астраханской области в 1991 г. В.М. Адров отмечал, что возрождение не привлекло здесь особого внимания, так как у астраханских казаков «исчезли корни»¹. Тем не менее, в 1991 г. в Астраханской области были созданы первые казачьи организации историко-культурной направленности.

Причины более медленного развития возрождения казачества в Астраханской области заключались в следующем. Во-первых, это малочисленность Астраханского казачьего войска. В начале XX в. численность Астраханского казачьего войска была всего 40 тыс. чел. Для сравнения, население Всевеликого Войска Донского в этот же период составляло почти 1,5 млн. чел. Во-вторых, отделы Астраханского войска были разбросаны по территориям современных Астраханской, Саратовской, Ульяновской и Волгоградской областей, и поэтому «размывание» казачьей культуры в советский период происходило быстрее, чем в других казачьих регионах юга России. В-третьих, слабая культурная репрезентация астраханского казачества. Даже в советскую эпоху, когда к казакам относились с настороженностью, а многое из казачьей истории и культуры было предано забвению, всегда помнили о том, что казаки есть на Дону и Кубани. Во многом такая память сохранилась благодаря деятельности писателя М.А. Шолохова, литературным произведениям и кинофильмам, в которых показывалась жизнь кубанских и донских казаков («Тихий Дон», «Кубанские казаки», «Поднятая целина» и др.).

Астраханское же казачество в годы советской власти было предано забвению. Ещё в 1920–1930-х гг., астраханские казачьи станицы превратились в села. Многие казаки в этот период уезжали из мест своего традиционного проживания в города или другие «неказачьи» места. Под воздействием политики расказачивания казаки нередко стремились скрыть свое «казачье» происхождение. От пожилых казаков можно и сейчас услышать такие рассказы:

¹ Антропов О.О. Движение возрождения казачества в Астраханской области в 1990-е гг.... С. 46–67.

«Мать рассказывала – дед мой винтовку, шашку, награды – всё в Волгу. Я узнал, что я из казаков, в 1980-х гг. Мать начала потихоньку рассказывать»¹.

Много астраханских казаков не вернулось с фронтов Великой Отечественной войны. Таким образом, то поколение людей, которое было носителем казачьей культуры, постепенно уходило, а новое – не успело воспринять культуры своих предков. Все это отразилось на возрождении астраханского казачества. Потомки казаков часто не понимали, зачем, для чего нужно вспоминать о том, что они казаки. Даже для активистов казачьего движения не всегда было понятно, что же необходимо делать. Для налаживания организации астраханские казачьи активисты в лице Ю.П. Русанова и А.Ф. Милейковской даже обращались в «Союз казаков». В июле 1991 г. они написали письмо атаману Союза А.Г. Мартынову с просьбой помочь в организации движения: «Для нас главный вопрос – с чего начать?... Какая должна быть организационная группа, и чем она должна заниматься? Что нужно, чтобы казачье землячество было зарегистрировано? Как поддерживать связь с другими казачьими землячествами и Союзом казаков России?»². Ответ из «Союза казаков» астраханцам содержал рекомендации по организации работы по проведению Круга. В письме говорилось о необходимости проведения работы по сплочению и объединению всех казаков, независимо от принадлежности к войску, о налаживании связи с церковнослужителями и привлечении казаков к службам, о проведении казачьих сходов и др.³

В развитии движения за возрождение казачества в Астраханской области, как и в других регионах юга России, ключевую роль сыграла интеллигенция. Так, первые казачьи общества имели выраженную культурную направленность и создавали их люди, имевшие непосредственное отношение к сфере культуры. Казачье культурно-историческое общество было создано сотрудниками Астраханского краеведческого музея, занимавшиеся историей

¹ Интервью с В.Л. Торопицыным. 23.10.2012 г. Личный архив автора.

² ГАРФ. Ф. 10144. Д. 22. Л. 38.

³ Там же. Л. 39–40.

астраханского казачества, А.Ф. Милейковская, Т. Каравацкая, Е.В. Казакова. Другая известная в тот период казачья организация, возглавляемая Ю.П. Русановым, называлась «Астраханское областное культурное общество «Казачий круг»».

Первые казачьи форумы в Астрахани организовывались во многом благодаря энтузиазму людей. Это было стремление к созиданию, осознанное желание сделать важное общественное дело и реализовать какие-то личные цели, связанные с историей семьи, памятью о важных событиях. Как определил один из старейших участников этого движения В.Л. Торопицын весть о том, что в Астрахани начинается возрождения казачества, распространялась «друг по друга». Знакомые рассказывали своим знакомым, что начали собираться казаки и что «надо и нам что-то делать»¹.

Свою лепту в популяризацию движения в Астраханской области внесли СМИ. Например, в сентябре 1991 г. передачу об астраханских казаках показали в областной молодежной телепрограмме «Угол». Затем в октябре появились первые газетные статьи о казаках. Одной из целей освещения возрожденческого процесса в СМИ было привлечение к участию в движении потомков казаков². О созыве первого круга было дано объявление в газете «Волга». После этого в Успенском соборе Астраханского кремля состоялась встреча потомков астраханских казаков. Инициаторами этой встречи были А.Ф. Милейковская и Е.В. Казакова.

Первый круг астраханского казачества, на котором было принято решение о создании казачьей организации, состоялся в октябре 1991 г. На нем присутствовало 30 чел. В воспоминаниях участники возрожденческого процесса в Астрахани отмечали, что активисты движения имели все казачьи корни. Один из участников этого первого круга К.В. Гузенко, руководитель

¹ Интервью с В.Л. Торопицыным.

² Антропов О.О. Движение возрождения казачества в Астраханской области в 1990-е гг. ... С. 47.

ансамбля «Бударочка», отмечал особую атмосферу форума¹. Еще одно собрание казаков состоялось в ноябре 1991 г. Итогом его стало создание общественной организации – Астраханский союз казаков и принятие его устава. Название организации подчёркивало, что в нее вошли не только потомственные астраханские казаки, но и донцы, терцы, кубанцы и потомки других казачьих войск, проживавших к началу 1990-х гг. на территории Астраханской области².

Избрание на этом круге первого атамана астраханского казачества свидетельствовало о слабости традиционной основы, восприятие возрождения среди астраханских казаков прежде всего, как культурного, а не реставрационного процесса. Первым атаманом стала женщина – А.Ф. Милейковская. Будучи одним из инициаторов астраханского возрождения, она вполне подходила на роль руководителя организации. Но казачье возрождение, основывалось на сложном сплаве культуры, истории, традиций. В связи с этим занятие атаманского поста женщиной было неприемлемо. В итоге уже в 1992 г. данный пост мужчине, военному коменданту города Астрахани И.Е. Селиверстову³.

Стоявший у истоков казачьего движения в Астраханской области Е. А. Переловский вспоминал: «...Казаки, вступившие в общину, были люди разных возрастов, разных профессий: военнотружущие, врачи, учителя, преподаватели, рабочие и т. д. Приходили в общество пообщаться, поговорить... С нами занимался и секретарь Астраханской епархии протоиерей о. Михаил.

¹ Гузенко К.В. «Любо, братцы, любо...» (К 20-летию возрождения астраханского казачества и выхода в эфир первых видеопрограмм об этом) // III-и Бирюковские чтения: Материалы Бирюковских чтений (25 августа 2011 г.). Астрахань, 2011. С. 12.

² Переловский Е.А. Воспоминания о начальном этапе возрождения астраханского казачества // Вестник Астраханского казачьего войска. URL: http://vestnikakv.ru/article.php?mode=view&site_id=46&own_menu_id=15748. (дата обращения: 15.06.2017).

³ В научно-справочном издании «Российское казачество» отмечается, что И.Е. Селиверстов был избран походным атаманом Астраханского союза казаков, однако Е.А. Переловский пишет, что Селиверстов вынужден был отказаться в силу занимаемой должности (См. Российское казачество...С. 464; Переловский Е.А. Воспоминания о начальном этапе возрождения астраханского казачества...)

Он нам преподавал основы богослужения, основные догматы веры, потому что основная масса казаков в этом вопросе, мягко говоря, была некомпетентна»¹.

Официально Астраханский союз казаков «родился» 18 февраля 1992 г. когда Администрацией Астраханской области был зарегистрирован Устав организации. Сразу же стали устанавливать связь с другими созданными казачьими организациями. В мае 1992 г. проводится Большой круг с участием делегатов г. Астрахани, Красноярского, Черноярского и Енотаевского районов. Новым атаманом Астраханского союза казаков избрали Е.А. Переловского. После того как проведение круга было освещено в газетах «Волга» и «Комсомолец Каспия», казаки стали приходить в организацию².

В 1990 г. движение за возрождение казачества разворачивается в Республике Калмыкия. Это была с социокультурной точки зрения самая интересная ситуация в казачьем возрождении. Ее специфика определялась несколькими аспектами. Во-первых, ситуация двойной идентичности. Актуализация казачьей идентичности здесь четко была связана исторической памятью о своём происхождении. В разное время казаки-калмыки находились в составе таких казачьих войск, как Донское, Терское, Кубанское, Астраханское, Оренбургское и Уральское. Казачья идентичность сохранилась даже в условиях формирования в советский период единой калмыцкой общности в границах Калмыцкой автономной области. Во-вторых, калмыцкое казачье сообщество на территории Республики Калмыкия состояло из выходцев из разных казачьих войск. Самыми многочисленными были калмыки-бузавы. Так называли калмыков, входивших в состав донского казачества. Историческим местом их проживания к началу XX в. являлись 13 станиц Сальского округа Области войска Донского.

В-третьих, казачье возрождение в Республике Калмыкия развивалось как самостоятельный процесс. Если в других регионах возрожденческий

¹ Переловский Е.А. Указ. соч.

² Переловский Е.А. Указ. соч.

процесс представлял собой во многом реконструкцию исторических организационных форм – Донского, Кубанского войска и т.д., то в калмыцкое казачество по этому пути не пошло. Калмыки-бузавы, например, не вошли в состав донской казачьей организации. Возрождение казачества в Калмыкии даже несколько опережало по времени события в других регионах. Так, Союз казаков Калмыкии был создан на несколько месяцев раньше, чем Союз казаков Области войска Донского. Казачья организация в Республике Калмыкия возникла в августе 1990 г., а донская организация – только в ноябре 1990 г. Созданию казачьей организации предшествовало участие делегации казаков-калмыков в составе К.Н. Илюмжинова, М.Г. Дженгурова, К.П. Шовунова в работе Большого круга в Москве в июне 1990 г. После возвращения из Москвы, калмыцкие делегаты развернули большую просветительскую и агитационную работу, продвигая идею казачьего возрождения в республике. Первый круг, на котором был учрежден Союз казаков Калмыкии, собрался 10 августа 1990 г.¹

По свидетельству участников возрождения в Республике Калмыкия, власть в 1990-е гг. очень поддерживала движение. Не в последнюю очередь такая поддержка определялась тем, что тогдашний руководитель республики, К.Н. Илюмжинов происходил из калмыков-бузавов. Характеризируя развитие казачьего возрождения в республике в 1990-х гг., атаман Э.Н. Манжиков отмечал, что в этот период поддержка казаков была очень сильная и очень поддерживал именно сам К.Н. Илюмжинов, так как он сам был представителем казачества, казацкого рода: «К.Н. Илюмжинов, родители его, предки его – казаки. Это казаки-бузавы, которые испокон веков жили в Ростовской области, из Сальского округа. Поэтому поддержка президента была очень весомой»².

¹ Илюмжинов Н.Д. Память живая: Документальная и художественная проза. М., 2009. С. 775.

² Интервью с Э.Н. Манжиковым 18.09.2008 г. Личный архив автора.

Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что в разных регионах юга России развитие возрождения казачества имело по крайней мере одну важную общую черту – оно имело сильный импульс «снизу», исходящий от тех, кто считал себя потомками казаков. Причины, по которым различные по возрасту и социальному статусу люди приходили в движение за возрождение казачества, имели как объективный, так и субъективный характер.

В качестве объективной причины формирования социального интереса к возрождению казачества выступал системный кризис СССР. Данный кризис охватил не только политическую и экономическую системы, серьезные последствия кризиса проявились в социокультурной системе, затронув идентичность советских граждан. С распадом советской общественной системы прежние культурные формы и социальные роли стремительно теряли свою актуальность, необходим был поиск новых. Практика возрожденческого процесса показала, что казачество, как социокультурная форма, сохранявшаяся фрагментарно в период 1950-х – 1980-х гг. оказалась очень востребованной в условиях кризиса идентичности у части советского общества. Культуру казачества, на наш взгляд, можно отнести к тем культурным формам, которые по мнению специалистов по социологии культуры, пребывают в обществе в «свернутом» состоянии, находясь под воздействием доминантной культуры¹.

Возникновение и развитие движения за возрождение, его устойчивое и длительное существование были бы невозможны без идейной составляющей. В самом начале в казачьем движении были сформулированы ключевые идеи, оказавшие влияние на направление развития казачества в постсоветской России. Основа этих концептов была непосредственным образом связана с историей казачества. Поэтому в уставах казачьих организаций начала 1990-х гг. часто можно было встретить в качестве задач деятельности: восстановление исторических традиций, популяризацию казачьей истории, переиздание ис-

¹ Ионин Л.Г. Восстание меньшинств. М.; СПб., 2012. С. 104–105.

торической литературы и т.п. В казачьих организациях действуют структуры, непосредственно занимающиеся реконструкцией исторических форм. Как например, в структуре Союза казаков Области Войска Донского должен был работать военно-исторический отдел. Для популяризации истории казачества планировалось проводить униформированные походы и развивать военно-прикладные виды спорта¹.

Сам феномен возрождения предполагал обращение к историческим формам, которые создавали устойчивую основу казачества. Таким образом, история становилась полем деятельности казачьих организаций и одновременно инструментом развития казачества, способствуя восстановлению исторических форм бытия социальной общности. История являлась тем инструментом, при помощи которого можно было символически восстановить прерванную связь передачи культуры между поколениями, «достроить прошлое» и возродить утраченную идентичность, найдя общее прошлое со своими предками.

Таким образом, идея сохранения казачьей истории и возрождения исторических культурных форм становится центральной в возрождении и красной нитью проходит через цели, задачи и деятельность всех казачьих организаций и большинства структур, так или иначе связанных с возрождением.

Непосредственно связанной с казачьей историей являлась идея возрождения культуры и традиций казачества. В совокупности с возрождением и сохранением истории это составляло ценностный фундамент возрожденческого процесса, соединяло настоящее и прошлое. Например, среди приоритетных задач деятельности Союза казаков на учредительном круге были названы такие, как «необходимость обращения к духовным и культурным ценностям, а конкретно – восстанавливать храмы, казачьи святыни, кладбища, создавать казачьи музеи, вести архивную работу»².

¹ Водолацкий В.П., Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Возрождение: Первый круг казаков Дона. Ростов н/Д, 2006. С. 79–80.

² Таболина Т.В. Казаки: драма возрождения... С. 49.

Еще одна идея возрождения, связанная с историей – восстановление исторической справедливости. В Уставе Союза казаков ст. Гниловской «восстановление исторической правды о казачестве» значилось в разделе «цели и задачи»¹. Главная цель Донецкого казачьего Круга определялась как «историческое и духовное возрождение казачества, как самобытной этнической формации...», а в задачах значилось «восстановление исторической справедливости в отношении донского казачества и его заслуг перед Отечеством»². В Уставе культурно-исторического объединения «Верхне-Донской казачий округ» также говорилось о необходимости восстановления исторической правды о казачестве, ликвидации последствий расказачивания и раскрестьянивания³. В программе общественной организации «Волгоградский округ донских казаков» в качестве основной задачи прописывалось восстановление правды о казачестве и его историческая реабилитация⁴.

В Уставе Кубанской казачьей Рады (1990 г.) в одном из пунктов содержалось положение о том, что Рада выступает за восстановление исторической правды о казачестве⁵. В замечаниях к концепции краевой комплексной программы возрождения казачества Краснодарского края восстановление исторической и социальной справедливости рассматривается как истинное возрождение казачества⁶. В Уложении (Уставе) общественной организации Верхнекубанского казачьего округа одно из направлений деятельности определялось как «восстановление исторической справедливости в отношении казачества»⁷. В Уставе Ставропольского краевого союза казаков (1990 г.) в разделе «Цели и задачи» деятельности организации, отмечалось:

¹ Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Союз казаков Области Войска Донского... С. 432.

² Там же. С. 441–442.

³ Там же. С. 457.

⁴ ЦДНИВО. Ф. 13322. Оп. 1. Д. 5. Л. 11.

⁵ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 2. Л. 81.

⁶ Там же. Л. 219.

⁷ Там же. Л. 28.

«...восстановление исторической правды о казачестве и его вкладе в развитие Российского государства»¹.

Таким образом, историческая правда, историческая справедливость являлись важнейшими идеями, на их основе формулировались цели деятельности казачьих организаций по восстановлению правды о казаках. Высокая значимость идеи была обусловлена историческими событиями Гражданской войны и последующего вхождения казаков в систему советского государства. Отношение советского государства к казачеству было неоднозначным, во-первых, из-за его участия в Гражданской войне на стороне антибольшевистских сил и последующего непростого процесса превращения казаков в лояльных власти советских граждан. Во-вторых, формирование советского общества предполагало «растворение» в нем всех прежних социальных групп, нивелировку их культуры под стандарты советской культуры. В итоге история казачества и его культура занимали очень незначительное место в общей исторической картине мира советских людей. Фактически это вело к забвению истории и культуры казачества даже среди потомков казаков. В связи с этим важнейшей задачей казачьего возрождения являлось восстановление исторических фактов и пропаганда истории казачества.

Следует отметить особенность цели восстановления исторической справедливости в процессе возрождения. Правовая реабилитация казачества играла важную роль, но не менее важной являлась реабилитация той исторической роли, которую играло казачество в развитии Российского государства, признание его военных заслуг перед Отечеством. Важным являлось вернуть казаков из исторического забвения, признать их важнейшим явлением российской истории. Среди участников возрождения особенной любовью пользовалось высказывание Л.Н. Толстого о том, что «вся история России сделана казаками». Такая общественно-историческая реабилитация казачества позволяла создать и продвигать образ казака – патриота.

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10144. Оп. 1. Д. 6. Л. 138.

Специфичной идеей возрождения в конце XX – начале XXI в. являлась идея казачества как репрессированного народа, что фактически означало продвижение этнического восприятия казачества. Этническая компонента движения увязывалась с историей расказачивания и репрессий, от которых казачество пострадало именно как народ, а не просто как социальная группа, исторические функции которой оказались не нужны новой власти. Так, в документе, освещающем направления деятельности Кубанской казачьей Рады, принятом на Всекубанском казачьем съезде в 1990 г., говорилось: «Расказачивание, раскулачивание, волюнтаристский передел исторических казачьих территорий, отмена демократического казачьего самоуправления, массовые переселения...лишили кубанских казаков этнической самобытности, связи с землей, историей, богатейшей культурой предков, экономически закрепили их, ...поставило казачество на грань исчезновения...»¹

В уставных документах содержались такие формулировки, как возрождение казачества как самобытной, исторически сложившейся культурно-этнической общности людей². В Декларации казачеств России, принятой Советом Атаманов того же Союза казаков в 1990 г., говорилось: «Наша главная цель – духовное, культурное, хозяйственное возрождение самобытного народа...»³ Этническая составляющая казачьего возрождения, так или иначе, присутствовала в документах практически всех казачьих организаций юга России, что на наш взгляд позволяет сделать вывод о довольно сильной степени этнической идентификации участников движения в 1990-е гг., укорененности среди участников движения идеи «казаки – самобытный народ». Данная идея способствовала формированию целевой установки в отношении принятия правовых мер по реабилитации казачества, а также в целом способствовала развитию движения за возрождение казачества в русле этнического возрождения.

1 ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 2. Л. 73.

² Батырев В.Д., Изюмов А.И., Матвеев О.В. Указ. соч. С. 11.

³ Озеров А. А., Киблицкий А. Г. Союз казаков Области Войска Донского... С. 274.

Так, в документе «Основные принципы и направления деятельности Кубанской казачьей Рады» (1990 г.) говорилось о том, что «Кубанская казачья Рада ставит своей целью возрождение казачества, как самобытной этнической группы... Программа представляет собой совокупность методов и подходов к решению задач возрождения кубанского казачества как особой этнической группы населения России, его культуры, традиций, повышения уровня благосостояния казаков»¹. В Уставе Кубанской казачьей Рады 1990 г. цель деятельности определена следующим образом: «Кубанская казачья рада представляет собой объединение представителей кубанского казачества и выходцев из него на основе совместной деятельности, восстановления и сохранения казачества, как особой этнической группы населения России, имеющей равные права на самовыражение и культуру наряду с другими народами нашей страны»². В Уставе Всекубанского казачьего войска (ВКВ) 31993 г. этническая составляющая возрождения проявилась еще более отчетливо. Всекубанское казачье войско называлось этническим обществом представителей кубанского казачьего казачества. Главной целью общества оставалась деятельность по возрождению и сохранению казачества как особой этнической группы населения России.

В Уставе Союза казаков Ставропольского края (1990 г.) главные цели и основные задачи формулировались следующим образом: «объединение представителей исторически сложившихся традиционных казачьих территорий и выходцев из них на основе совместной деятельности и общения, восстановление и сохранение казачества как этнической формации, имеющей равные права на самовыражение наряду с другими народами; восстановление исторической правды о казачестве, пропаганда обычаев, праздников, обрядов ка-

¹ ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 2. Л. 73.

² ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 2. Л. 81.

³ Кубанская казачья Рада была переименована во Всекубанское казачье войско в 1992 г. на третьем Всекубанском объединенном съезде казаков. См.: ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Историческая справка к описи.

зачества, их традиционного быта и культурного наследия...»¹ Об объединении терского казачества как народа, как этнической общины, члены которой осознают свои субэтнические особенности речь шла в Уставе организации терского казачества 1991 г.²

В Уставе Союза казаков ст. Гниловской говорилось о возрождении донского казачества как самобытного этноса, а в Уставе Донецкого казачьего Круга – об историческом и духовном возрождении казачества, как самобытной этнической формации³. О необходимости признания казачества как особой этнической группы говорилось и в постановлении совещания представителей общественных организаций донских казаков Волгоградской области (1990 г.)⁴.

Идея этнического возрождения сильнее была выражена у казачьих организаций, возникавших в местах традиционного проживания казачества, в регионах, территории которых когда-то входили в казачьи войска. Эти казачьи общества нередко имели более однородный состав населения (донцы, кубанцы, терцы) и опору на историю своего формирования. Например, в Уложении (Уставе) терского казачества 1991 г. говорилось о том, что терское казачество – это: «...этнокультурное и хозяйственно-экономическое объединение самобытного народа терских казаков, проживающих в местах своего исторического расселения, по бассейну р. Терек и его притоков...»⁵ Манифестация этнического характера возрождения в Краснодарском крае была очень сильной и яркой во многом благодаря тому, что кубанское казачество вело своё основание от бывшего запорожского казачества, часть которого, преобразованная в Черноморское войско, переселилась в XVIII в. на Кубань.

Гораздо реже этнический аспект возрождения упоминался в документах и направлениях деятельности казачьих обществ, возникавших на терри-

¹ Ставропольский краевой Союз казаков... С. 21.

² ГАРФ. Ф. 10144. Оп. 1. Д. 6. Л. 173.

³ Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Союз казаков Области Войска Донского... С. 432, 441.

⁴ ЦДНИВО. Ф. 13322. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.

⁵ Там же. Д. 6. Л. 172.

ториях, которые не входили ранее в состав войсковых обществ. Даже в уставных документах казачьих обществ, связанных историей с казачьими войсками, которые создавались как пограничные государством, этнический характер возрождения проявлялся намного реже. Приведем для наглядности выдержки из уставных документов таких казачьих организаций. Так, в Уставе Союза казаков Мурмана (1992 г.) говорилось, что Союз является землячеством, «...созданным потомками казачьих родов, проживающих на территории Мурманской области», а в целях и задачах говорилось об историческом и духовном возрождении казачества как «самобытной исторической формации»¹. В Уставе казачьего общества «Землячество казаков Псковщины» было положение, что данная организация создана «...в результате свободного волеизъявления граждан, объединившихся на основе общности интересов и действующих на территории Псковской области». В качестве задач называлось способствование возрождению культуры, нравственности, православия, патриотизма и традиций казачества. Важнейшее значение имело изучение традиций, обычаев и всего того, что составляло культурное наследие казачества². Хотя и здесь были исключения. Например, в Уставах Московского землячества или Балтийского казачьего союза говорится о возрождении и сохранении казачества, как этнической формации (народа)³. Но и для таких казачьих организаций приоритетным становилось возрождение и сохранение казачьей культуры.

Свою специфику имело целеполагание возрожденческого процесса в Астраханской области и Республике Калмыкия. В связи с тем, что Астраханское казачье войско было сформировано государством в начале XIX в. (формальной датой, когда оно было основано, называют 1817 г.)⁴, его социокультурное развитие не приобрело этнического характера. Астраханское казаче-

¹ ГАРФ. Ф. 10144. Оп. 1. Д. 5. Л. 3.

² ГАРФ. Ф. 10144. Оп. 1. Д. 5. Л. 73.

³ Там же. Д. 5. Л. 129; Д. 11. Л. 6.

⁴ Агафонов О.В. На службе России // Родина. 2004. № 5. С. 18.

ство сильнее, чем другие казачьи общности юга России, подверглось «размыванию». В советский период его культурная специфика фактически исчезла. Один из активных участников и исследователей возрожденческого процесса в Астраханской области Илья Васильевич Торопицын в интервью автору отметил, что идея этнокультурного возрождения казаков в Астраханской области не получила поддержки прежде всего потому, что во время Гражданской войны и первых лет Советской власти состав населения казачьих станиц сильно поменялся, казаки уезжали в Астрахань, в татарские села, много людей не вернулось с фронтов Великой Отечественной войны. То есть, не стало того поколения, которое могло бы передать этот культурный опыт¹. Таким образом, основными задачами возрождения астраханские казаки считали сохранение своей истории и культуры.

Самой многочисленной группой казачьего возрожденческого движения Республики Калмыкия стали калмыки-бузавы. Традиционно специалисты по истории казачества рассматривают природу этой группы как социокультурную, основываясь на факте перевода калмыков на территории Войска Донского в 1801–1806 гг. в казачье сословие². Однако со временем социокультурная природа данной группы трансформировалась в этнокультурную и бузавов или донских калмыков, торгутов и дербетов называют тремя основными этническими группами, составляющими калмыцкий народ³. При рассмотрении этнических групп Калмыкии встречаются также упоминания о терских, оренбургских и других калмыках, характеризующихся как субэтнические группы. С учетом того, что калмыки в разные периоды истории входили в состав Оренбургского, Терского, Уральского и др. казачьих войск, можно предположить, что речь в данном случае идет также о казаках-калмыках.

¹ Интервью с И.Л. Торопицыным 23.10.2012 г. Личный архив автора.

² Водолацкий В.П., Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Казачий Дон: очерки истории и культуры. Ростов н/Д, 2005. С. 123.

³ Гучинова Э.-Б.М., Таванец С.Д. Этнополитическая ситуация в Калмыкии // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 1994. С. 11.

Развитие возрождения казачества в Республике Калмыкия происходило под влиянием этнокультурного фактора. Его специфика проявлялась в двойной идентичности казаков-калмыков. Нараставшая активность участников возрождения, большей частью принадлежавших к бузавам, даже давало повод противникам возрождения казачества в Калмыкии для обвинения их в улусизме, разъединении калмыцкого народа. Однако казаки-калмыки, провозглашая желание возродить обычаи, традиции, обращаясь к истокам своей культуры, подчеркивали, что они прежде всего калмыки: «...калмыки-казаки – это, прежде всего калмыки, неотъемлемая часть калмыцкого народа. Один язык, одна история, одна культура»¹. Таким образом, с одной стороны, казаки-калмыки в ходе движения за возрождение казачества актуализировали свою казачью идентичность, но с другой стороны, базовой идентичностью для них всё же оставалась калмыцкая. Такая двойственность отражалась и на целях движения. Если в Уставе «Союза казаков Калмыкии» 1992 г. цель была определена как: «Восстановление исторической общности казачества, их традиций, материальной культуры и обычаев»², то уже в уставных документах 1994 г. подчеркивался уникальный характер казачества Калмыкии и его история рассматривалась как часть истории калмыцкого народа и России³.

Участниками возрождения история казачества воспринималась, прежде всего, как военная история. Казак рождается воином – одна из важнейших репрезентаций истории казачества в конце XX в. Самоидентификация потомков казаков формировалась через военную службу, которая, в свою очередь, в историческом ракурсе тесно связывалась с патриотической характеристикой казаков как защитников России. Таким образом, возрождение военной службы в настоящее время наполнялось смыслом патриотического служения казаков своей Родине и это стало ещё одной идеей возрожденческого движения. Укоренение этой идеи в начале 1990-х гг. в среде участников возрожде-

¹ Цеджинов С. Союз казаков: трудностям вопреки // Известия Калмыкии. Элиста, 1992. № 59. 1 апреля.

² ГАРФ. Ф. 10144. Оп. 1. Д. 6. Л. 288.

³ Там же. Л. 293.

ния способствовала политическая ситуация в стране. Как отмечала Т.В. Таболина, даже в основе создания Союза казаков лежало желание казаков показать себя как прогосударственная сила, способная противостоять процессам дезинтеграции и развала страны¹. Проведённое ею в 1995 г. исследование настроений членов казачьих обществ в Краснодарском крае показало, что преобладающими являлись патриотические настроения, стремление защитить Отечество от всевозможных негативных явлений: неконтролируемой миграции, ущемления интересов местного населения, правонарушений, деградации культуры. Так как эффективность власти и силовых структур в этой сфере в этот период была низкой, отмечалось стремление казаков к самоорганизации, к созданию на местах атаманского правления для защиты интересов местного населения².

В начале 1990-х гг., в условиях политического кризиса представители казачьего возрождения регулярно заявляли о том, что казачество может стать защитником государственной стабильности России. Из обращения Совета атаманов Союза казаков к гражданам России: «Судьба России и ее государственная целостность и общества балансируют на грани гражданской войны. Казачество готово стать гарантом стабильности, государственности и демократических преобразований»³.

В рассматриваемый период представители казачьих организаций регулярно заявляли о своей готовности служить России, бороться за её интересы и процветание⁴. Патриотические маркеры присутствовали даже в названиях организаций. Как, например, общественно-патриотический Союз казаков Области Войска Донского. В качестве обоснования его деятельности говори-

¹ Таболина Т.В. Указ. соч. С. 49.

² Там же. С. 20.

³ ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 19. Л. 219.

⁴ Об этом, например, заявлялось в одном из обращений Совета Атаманов СКОВД в 1991 г. // Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Союз казаков Области Войска Донского... С. 285.

лось: «Казачество в очередной раз, как это было на протяжении веков, готово служить народу и Отечеству»¹.

В Обращении Большого Круга СКОВД в 1990 г. отмечалось следующее: «Донское казачество, просыпайся: судьба России не решится сама собой... Просыпайся, а то не ровен час – всё опять решат за нас, а нам оставят одни последствия и «исторические уроки». У нас нет выбора: или продолжать раскачиваться, или взять на себя ответственность за судьбу Дона и России!»² СКОВД объявлял о готовности сотрудничать с общественно-патриотическими организациями Дона, в основе деятельности которых лежал принцип российского национального возрождения³.

Идея защиты государственных интересов России была очень важной и для кубанского казачества. Среди него также четко определялись настроения борьбы с негативными формами миграции и защита местного населения⁴. Как и у донских казаков, в названии самой крупной организации кубанского казачества патриотизм нашел своё отражение. В 1990 г. Казачья Рада именовалась как общественно-патриотическая организация казаков Кубани⁵.

Схожие настроения наблюдались среди казачества в Ставропольском крае. Атаман П.С. Федосов заявлял, что «Мы не можем отказаться от несения службы, направленной на обеспечение порядка и стабильности на территории края»⁶.

Итак, движение за возрождение казачества в конце XX в. рождается в ситуации системного кризиса советского общества. В ходе поиска новых идейных основ и формирования новых мировоззренческих концептов определенная часть общества обратилась к истории и культуре казачества. Пред-

¹ Водолацкий В.П., Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Возрождение: Первый круг казаков Дона. С. 82.

² Цит. по: Озеров А.А., Киблицкий А.Г. История современного донского казачества... С. 237.

³ Водолацкий В.П., Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Возрождение: Первый круг казаков Дона... С. 88.

⁴ Таболина Т.В. Указ. соч. С. 20.

⁵ ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 2. Л. 169.

⁶ Ставропольский краевой союз казаков. С. 24.

посылками формирования движения стало усиление интереса к истории и культуре казачества, возникновение исторических клубов, фольклорных ансамблей, развитие историко-этнографических исследований. Развитием историко-культурного направления занималась интеллигенция. Именно она создает концептуальное обоснование движения за возрождение казачества, способствует развитию его организационной структуры, формулирует идейные основы. Популяризация истории и культуры казачества в условиях позднесоветского общества способствовала тому, что стали формироваться сообщества, у которых было общее прошлое, и они стремились в этом прошлом найти историко-культурные основы для настоящего.

Наиболее вероятной причиной возникновения казачества, как социального феномена стала потребность в обществе в формировании новых социальных форм взамен тех, которые существовали в советском обществе. В условиях распада прежней социокультурной системы такие формы могли бы работать, как адаптационные механизмы, позволявшие пережить системный кризис. Таким образом, движение за возрождение казачества опиралось на общественный запрос и являлось новой формой идентичности.

В начале 1990-х гг. идеи движения за возрождение казачества были множественны. В качестве основных, формировавших цели возрождения, его концептуальную основу, можно выделить следующие. Во-первых, это идея забытой казачьей истории. Отсюда возникала цель – возродить и сохранить историю казачества. Это создавало специфический контекст процесса восстановления прошлого в настоящем для того, чтобы прожить его заново. Во-вторых, идея пострадавшего народа и как следствие этническая идея возрождения. Важной целью становилось включение казачества в перечень репрессированных народов и восстановление в отношении него социальной и правовой справедливости. К более масштабным целям, сформировавшимся под воздействием данной идеи, можно отнести попытки участников казачьих организаций создать казачьи республики или объявить публично и в правовом пространстве ряд территорий на юге России казачьими. И, наконец, идея

патриотического служения казаков Отечеству. В рамках целей движения она формировалась и развивалась как цель воссоздания казачьей службы.

Среди целей и задач казачьих организаций необходимо отметить: сохранение и возрождение казачьих традиций, осуждение репрессивной политики в отношении казаков, проводимой в первые годы существования советской власти, возрождение праздников и памятных дат казачьей истории, реставрация объектов культуры, объединение потомков казаков для общения и совместной деятельности, возрождение культуры, нравственности, православия, восстановление традиционной экономики, восстановление казачьего самоуправления, восстановление казачьих частей в структуре российской армии и т.д.

Можно говорить о том, что это был конгломерат целей и идей. Важно, что идея возрождения казачества была сформулирована интеллигенцией и нашла самый живой отклик в среде потомков казаков, у представителей самых разных социальных групп от советских и партийных руководителей до пенсионеров.

Такое положение было характерно для казачьего возрождения до середины 1990-х гг. Однако с формированием государственного реестра казачьих войск процесс возрождения казачества оказался встроенным в государственную систему, а его участники, согласившись принять обязательства по несению государственной службы, фактически становились группой, которой были приданы особые (квазисословные) функции.

4.2. Власть и казачество в условиях социально-политического кризиса и системной модернизации первой половины 1990-х годов

Участие казачества в политической жизни Российского государства и его взаимоотношения с властью – один из наиболее изученных отечественными исследователями аспектов возрожденческого процесса. Круг рассматриваемых вопросов достаточно обширен: формы участия казаков в политиче-

ской жизни России, конфронтационные действия казачьих организаций, их роль в процессах государственной дезинтеграции, и, напротив, деятельность современных казаков как силы, лояльной государству, своеобразных продолжателей исторической роли казаков как защитников и созидателей Отечества, регулирующее воздействие государства на развитие казачьего движения, его роль в институционализации казачества, реакция власти на действия участников возрождения и т.п. Власть и казачество, являясь акторами социально-политических процессов, на протяжении 1990-х – 2000-х гг. периодически менялись ролями, то выступая в качестве инициатора общественных и политических действий, то становясь ведомой или отвечающей на вызов стороны.

При исследовании роли государства на начальном этапе казачьего возрождения важно, на наш взгляд, разделять форматы государственной политики в отношении казачества. Первый формат – потенциальный, можно даже сказать, имманентно присущий власти контроль социальных процессов. Второй формат – непосредственное участие партийно-советского, а позже российского руководства на различных уровнях в возрожденческих процессах. Первый формат – это то, что Н.Ф. Бугай характеризует как необходимость для партийного руководства в конце 1980-х гг. держать под контролем формирование многопартийности и сопутствовавший ей процесс развития общественных движений. В соответствии с этой установкой под пристальным вниманием оказывается и казачество¹. Выделяя середину 1980-х гг. как верхнюю границу разворачивания государственной политики в отношении казачества, Г. О. Мациевский признает, что в этот период политика власти не была направлена собственно на казачество. Это был, по его мнению, поиск широкой социальной базы перестроечных процессов, и казачество спустя какое-то время проявляется как часть этой социальной базы².

¹ Бугай Н.Ф. Казаки Юга России... С. 11.

² Мациевский Г.О. Политическая жизнь российского казачества... С. 269.

Второй формат государственного участия в возрождении казачества проявится позже. Историки отмечают определённую заинтересованность структур власти в казачьем возрождении. По мнению А.И. Козлова, КПСС проявила интерес к казачеству как к военной силе, ощутив в конце 1980-х – начале 1990-х гг. колебания почвы под собой¹. Возрождение казачества поддерживали военные структуры, в итоге в движении верх взяли настроения возрождения казачества как военного сословия². Исследователи не раз высказывали мнение о том, что в период зарождения движения за возрождение казачества в конце 1980-х гг. власть в лице КПСС пыталась напрямую руководить казачьим движением, определяя формы деятельности казачьих обществ и расставляя людей для руководства этими обществами³.

Т.В. Таболина отмечала, что советско-партийные органы в регионах не только получали инструкции по отслеживанию деятельности казачьих организаций, но и напрямую ими руководили. Так, Информационно-аналитический центр Ростовского обкома КПСС в 1991 г. разослал ориентировки «О деятельности движения за возрождение казачества Дона и ее отражение в общественном мнении жителей области». Подобные документы являлись фактическими инструкциями по работе с казачеством, в которых ставилась задача – входить в объединения казаков и возглавлять их⁴.

О Ростовской области исследователи отмечали, что процесс вхождения обкомовских и райкомовских работников в состав правлений казачьих организаций принял форму кампании. В ряде районов области количество коммунистов в составе казачьих организаций было весьма значительным, например, в Багаевском, Шолоховском, Верхнедонском (г. Волгодонск) рай-

¹ Козлов А.И. Проблемы казачьего возрождения... С. 4.

² Там же.

³ Донцов С. Казачество в постсоветской России // Возрождение казачества: надежды и опасения / под ред. Г. Витковской и А. Малашенко (Научные доклады. Московский центр Карнеги; Вып. 23). М., 1998. С. 18.

⁴ Таболина Т.В. Казаки: драма возрождения... С. 64.

онах примерно 40% участников движения были коммунистами либо коммунисты-депутаты местных Советов оказывали движению поддержку¹.

Обращалось внимание на интерес к казачеству силовых структур государства. Так, А.В. Венков в качестве причины, по которой власть в период распада СССР вспомнила о казаках, выделяет заинтересованность военного ведомства и пограничных войск в казачестве как в пограничной охране, «...поскольку, видимо, уже в 1990 году рассматривалась возможность распада СССР и необходимости прикрытия новой границы Российской Федерации»². В качестве аргумента он приводит информацию о том, что оргкомитет I съезда казаков в Москве летом 1990 г. был принят министром обороны СССР маршалом Д.Т. Язовым, а в зале среди делегатов было много присутствующих в зеленых пограничных фуражках³. Об идее использования казаков как силы, способной противостоять этническому сепаратизму на Северном Кавказе, в рамках исторической государственной политики использования славянского населения для повышения надежности этой территории писал А.А. Озеров. Рассматривая возрождение казачества в контексте государственной политики, он отмечал, что государству не нужна была самостоятельность казачества. В отношении него важно было снять социальную напряженность и использовать новую социально-политическую силу себе во благо⁴.

Несмотря на то, что в начале возрождения все казачьи организации заявляли о своем неучастии в политических процессах, именно политический фактор, в том числе и действия власти, часто определяли направления развития казачьего возрождения. Темы политической институционализации современного казачества, его места в современной социальной и политической

¹ Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Союз казаков Области Войска Донского... С. 62.

² Венков А.В. Потомственные казаки и современное казачье движение на Юге России // Юг России: проблемы, прогнозы, решения. Сборник научных статей. Ростов н/Д, 2010. С. 133.

³ Там же.

⁴ Озеров А.А. Политико-правовая институционализация современного казачества... С. 63.

структуре российского общества, развитие политической жизни современного казачества и т.д. наиболее часто встречаются в исследованиях казачьего возрождения. И, конечно, роль государства в них рассматривается как важная, определяющая состояние казачества.

Так, по мнению А.Г. Масалова, особое значение для развития современного казачества имела его государственная самоидентификация. При разработке модели российского казачества учитывались такие его качества, которые вырабатывались при реализации государственной службы и других общественно-необходимых функций¹. Действия власти в отношении казачества И.В. Белоусов характеризовал как стремление создать социальную базу демократического движения в стране².

Вместе с тем, не следует однозначно характеризовать казачье движение как управляемое и направляемое властью. Исследователи отмечали неоднозначность реакции органов власти на развитие казачества и противоречивость организационно-управленческого воздействия на него в начале 1990-х гг. Так, по мнению С.А. Кислицына, стремление партийных структур взять казачье движение под контроль и «направить в русло официальной парадигмы» не привело к позитивным результатам, а лишь способствовало появлению уродливых по форме организаций³. Об отрицательном отношении к объединению казаков в структурах представительной власти и в силовых структурах писал С. Донцов, отмечая нередкое проявление антипатии к тем результатам казачьего возрождения, которые носили конфронтационный характер⁴.

Несмотря на, казалось бы, очевидный характер вмешательства власти в развитие возрождения казачества, стоит критически подойти к оценке казачьего возрождения как некоего партийного проекта. Необходимо учитывать такое важное обстоятельство, как исторический перерыв в существовании ка-

¹ Масалов А.Г. Российское казачество в начале XXI века... С. 123.

² Белоусов И.В. Власть и казачество... С. 382.

³ Кислицын С.А. Государство и казачество... С. 16.

⁴ Донцов С. Казачество в постсоветской России... С. 19.

зачества как социальной группы с особой культурой и функциями. Современное казачество сохранялось как этнографическая группа на юге России, однако несколько десятилетий не существовало ни организационных форм, ни функциональной специфики казачества. Иными словами, до 1990 г., когда появились и стали быстро расти казачьи организации, повода обращаться к потомкам казаков в расчете на их потенциал у власти не было.

Тем не менее, важность роли государства в возрождении казачества была очевидной. Особенность взаимодействия власти и казачества в конце XX – начале XXI вв. перспективнее рассматривать с точки зрения системной модернизации. Система власти и управления в России находилась в состоянии системной модернизации и трансформации. Казачье движение, в свою очередь, было проявлением трансформации бывшего советского общества. Властно-управленческая система, пыталась воздействовать на общественные институты и процессы, изменяя их в соответствии со своими новыми характеристиками.

Анализируя действия власти в отношении возрождающегося казачества, следует, на наш взгляд, особо обращать внимание на направления деятельности власти, многообразие форм влияния, а также на обширность законодательного материала, принимаемого, чтобы ввести казачье возрождение в правовое русло.

Основным инструментом воздействия на развивающееся казачье движение являлись нормативно-правовые акты, при помощи которых можно было конструировать форму и характер движения, а также статус казаков, создавать направления и рамки развития. Анализ нормативно-правовых актов, равно как и документов казачьих обществ, содержащих информацию о взаимодействии их с различными государственными структурами, позволяет, на наш взгляд, однозначно утверждать только одно – власть не имела четкого плана действий в отношении нарастающего движения за возрождение казачества. Заявления власти, даже законы и указы федеральной и региональной властей, имели часто декларативный характер, их принятие было ситуатив-

ным, а заявленные намерения власть не торопилась реализовывать. Однако весь этот комплекс материалов и действий задавал направление и динамику развития казачьего возрождения, позволяя казачьим обществам апеллировать к формулировкам и решениям власти для реализации своих целей и задач.

Для развития движения за возрождения казачества важнейшее значение имел Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» № 1108-1, принятый Верховным Советом РСФСР 26 апреля 1991 г. Несмотря на то, что впоследствии закон часто вызывал критику, в частности, касающуюся и того определения, которое в нём было дано казачеству, он дал правовую основу существования казачеству в России. Упоминание его в законе будет являться для участников возрождения важным аргументом при отстаивании своих прав. По замечанию Т.В. Таболиной: «...стало возможно юридически говорить о наличии соответствующего явления в жизни страны»¹.

Внесение казаков в перечень репрессированных народов свидетельствовало как об определенной поддержке казачьего движения властными структурами и возможности казаков продвигать свои политические интересы, так и о нарастающей силе движения. В январе 1990 г. в Москве собрался Учредительный круг будущего Союза казаков, затем на протяжении 1990–1991 гг. были созваны круги, положившие начало казачьим организациям практически во всех регионах традиционного проживания казачества и не только. Например, в сентябре 1990 г. создается Ленинградское землячество казаков «Невская станица», осенью 1991 г. были созданы землячества казаков Удмуртии и Мари-Эл и др.² На юге России в марте 1990 г. прошел Малый круг Терского казачества, в сентябре – Большой Учредительный круг Ставропольского краевого Союза казаков, в октябре – Большой Учредительный Круг в Краснодаре, на котором было объявлено о создании Кубанской казачьей Рады, в ноябре в Ростове-на-Дону собрался Съезд казаков Области войска Донского и учредил Союз казаков Области войска Донского, Союз ка-

¹ Таболина Т.В. Казаки: драма возрождения... С. 70.

² Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Союз казаков Области войска Донского... С. 24, 26.

заков Калмыкии был создан 4 августа 1990 г. на Учредительном Большом Круге. Чуть позже в 1991 г. создаётся Астраханский союз казаков.

В регионах принимаются законодательные акты, в которых так или иначе, упоминаются казаки, что свидетельствовало и о возрастающем интересе властей к казачеству. Вместе с тем, региональная власть до выхода Закона о реабилитации репрессированных народов, и до Указа Президента, содержащего положения о реабилитации казачества, чётко не представляла, как нужно определять казачество и как к нему относиться. Так, в декабре 1990 г. Президиум Ростовского областного Совета народных депутатов принял решение «Об отношении Советов народных депутатов, их исполкомов к возрождающемуся казачеству». Текст документа отражает все существовавшие тогда в общественно-политической жизни страны и юга России тенденции и их противоречивое отражение в казачьем возрождении.

Например, упоминаемые в документе традиции казачьего круга, именовались демократическими и отражающими «общий процесс демократизации всех сторон общественной жизни Донского края», казачьи круги на местах предлагалось рассматривать как форму общественного самоуправления. Одновременно казачье движение рассматривалось, как движение, обладающее общественно-патриотическим потенциалом, поэтому ему необходимо было всячески содействовать. Вместе с тем, областной Совет рекомендовал Советам на местах следить за тем, чтобы казачье движение не было использовано экстремистами с целью «проведения идей раскола и сепаратизма, этнической исключительности»¹.

В апреле 1991 г. Бюро Ростовского обкома КПСС издало постановление «Об отношении к движению за возрождение традиций донского казачества». Документ являлся, с одной стороны, уникальным, так как в нём впер-

¹ Об отношении советов народных депутатов, их исполкомов к возрождающемуся казачеству: Решение Президиума Ростовского областного совета народных депутатов № 95 от 13.12.1990 г. // Государственные акты по вопросам Российского и донского казачества. В 2-х т. Т. 2 (1991–2000 гг.) г. Ростов н/Д, 2001. С. 4, 5, 6.

вые региональное партийное руководство фактически признавало, что в отношении казаков проводилась политика массового уничтожения, и предлагало эту политику осудить на уровне ЦК КП РСФСР и ЦК КПСС. С другой стороны, постановление бюро Ростовского обкома являлось очередным свидетельством того, что власть пока плохо понимала, что делать с этим набирающим силу и массовость движением, которое начинало демонстрировать наличие собственных целей, не всегда согласующихся с целями и задачами тогдашнего руководства страны и регионов. Отсюда констатация в документе одновременно необходимости возрождения «лучших традиций казачества» (без пояснения, каких именно) и сдерживания проявления экстремизма, национализма и антисемитизма, высказывание тревоги относительно того, что ряд документов созданной организации «Союз казаков Области войска Донского» не соответствует действующему законодательству¹.

Решение Волгоградского областного Совета народных депутатов об отношении к движению донского казачества свидетельствовало о том, что на местах органы власти готовы были поддерживать возрождающееся казачество, но что поддерживать конкретно, какие формы возрождения и действия движения, они не знали, даже когда в составе властных структур оказывались казаки. Так, в 1990 г. в Волгоградском областном Совете народных депутатов была образована казачья фракция численностью в 50 чел. Это способствовало тому, что в декабре 1991 г. в областном Совете принимается документ по вопросам возрождения казачества². В формулировке решения Волгоградского областного Совета народных депутатов говорилось, что движение Донского казачества в Волгоградской области выступает за возрождение бытовых и культурных традиций казачества, а также «за изучение и осознание истории Донского казачества и его роли в исторических судьбах Родины, понимание

¹ Постановление бюро Ростовского обкома КПСС от 9 апреля 1991 года «Об отношении к движению за возрождение традиций донского казачества» // Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Союз казаков Области Войска Донского. Войсковой атаман М.М. Шолохов (История современного донского казачества). Исследования и документы... С. 287.

² Чемякин Е.А. Исторические традиции казачьего самоуправления... С. 71.

задач и ответственности за будущее России». Таким образом, Волгоградский областной Совет народных депутатов рекомендовал региональным властным структурами поддерживать казачье движение как «выступающее за возрождение России как Великой Державы»¹.

Восприятие и характеристика казачьего движения в этот период основывались, на фрагментарных исторических представлениях о казаках, прежде всего воспроизводивших образ защитников Отечества. Конъюнктура этого образа отвечала потребности власти в поддержке со стороны общественных сил в сложной политической ситуации в стране. Власть рассчитывала на поддержку казаков как прогосударственной силы. Однако, сложившееся видение казачества было противоречивым. В нем одновременно видели силу модернизационную, способствующую развитию демократических тенденций, и силу государственно-консервативную, на которую можно было опереться для сдерживания центробежных тенденций, разрушающих существовавший общественный и политический строй.

Такое восприятие казачества, его роли в современных социально-политических процессах порождало понятийно-терминологические противоречия и размытые формулировки в законодательной сфере. В документах властно-управленческих структур, принимаемых на протяжении 1990-х гг., это противоречивое сочетание модернизационных и консервативных установок в казачьем движении проявлялось в постоянном присутствии положений о возрождении казачьих традиций, поддержке казачьего патриотизма и государственной службы по образцу военно-служилой повинности XIX в. Соединение этих положений с законодательной установкой считать казаков репрессированным народом приводила к парадоксальным формулировкам в

¹ Решение Волгоградского областного Совета народных депутатов IX сессия Совета 21 созыва от 19.12.1991 г. № 9/179-с «Об отношении Волгоградского областного совета к общественному движению донского казачества» // Государственные акты по вопросам Российского и донского казачества. В 2-х т. Т. 2. (1991–2000 гг.) г. Ростов н/Д, 2001. С. 364.

нормативно-правовой документации и не менее парадоксальным проявлениям казачьего возрождения в реальной жизни.

Закон о реабилитации репрессированных народов не давал реальной возможности для казачества получить все те права и преференции, которые были заявлены в нем. Эта проблема с реализацией положений закона возникла не только у казаков, но и у всех народов, попавших в перечень репрессированных. Непосредственно перед принятием законопроект был снабжен заключительной 13-й статьей, которая гласила, что особенности применения закона регулируются отдельными законодательными актами РСФСР, принимаемыми по отношению к каждому репрессированному народу¹. Вследствие включения в закон данной статьи он потерял силу прямого действия, превратившись фактически в декларацию намерений власти. Для реализации положений Закона о реабилитации репрессированных народов по каждому народу надо было провести трудоёмкую работу по выявлению документов, подтверждавших факт проведения репрессий и депортаций и затем подготовить отдельные постановления для Верховного Совета и Правительства². Сложность этой работы, связанную как с выявлением в фондах многочисленных архивов необходимых документов, так и с выработкой нормативно-правовой документации в условиях политических интриг, лоббирования и закулисной борьбы рассмотрела Т.В. Таболина. Анализ ею процессов подготовки и принятия законодательных документов в отношении реабилитации казачества показал, что даже привлечение ученых к решению этой задачи мало что дало, так как «какие бы аспекты проблемы не обсуждались, всё, в конечном счете, сводилось к одному: казачество сегодня – это сословие или народ?»³.

В итоге казачество всё же получило специальный правовой документ в виде Указа Президента РФ «О мерах по реализации Закона Российской Фе-

¹ О реабилитации репрессированных народов: Закон РСФСР № 1107-1 от 26 апреля 1991 г. // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 18. Ст. 572.

² См. подробнее: Таболина Т.В. Казаки: драма возрождения... С. 71–76.

³ Таболина Т.В. Казаки: драма возрождения... С. 76.

дерации «О реабилитации репрессированных народов в отношении казачества». Не касаясь всех положений критики, прозвучавших в адрес этого Указа, отметим следующее. Принятие Указа в целом сохраняло ситуацию причисления казаков к репрессированным народам. Тонкости формулировки «культурно-этническая общность» волновали больше учёных, чем самих казаков. Положения Указа, хотя и были запутанными и невнятными, но всё же содержали основные элементы возрождения, в результате которого должен был в какой-то мере восстановлен прежний казачий мир. Власть заявляла о готовности поддерживать возрождение «экономических, культурных, патристических традиций и форм самоуправления казачества»¹. Таким образом, основой возрождения становился феномен традиции.

Традиции социокультурной системы казачества, которые предполагалось поддерживать в Указе, предусматривали общинное землепользование, атаманское правление в системе местного самоуправления, военно-сословную культуру. Для восстановления этого власть предлагала устройство казачьих обществ, в которые могли вступать как потомки казаков, так и просто все желающие. Данные общества назывались в документе хуторскими, станичными, окружными и войсковыми, но по юридическому статусу это были не территориально-административные единицы, как в начале XX в., а общественные организации «с фиксированным персональным составом».

Казачьи общества могли брать на себя обязательства несения военной и иной государственной службы, устанавливалась прямая связь между обязательствами по несению службы и наделению казачьих обществ землей, т. е. налицо историческая аналогия исполнения казаками сословных повинностей за льготы. Таким образом, «акцентировалось понимание сегодняшнего казачества как сословия, имеющего ряд привилегий, в частности по земле»². Гос-

¹ О мерах по реализации закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов» в отношении казачества. Указ Президента Российской Федерации № 632 от 15 июня 1992 г. // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 25. Ст. 1429.

² Таболина Т.В. Казаки: драма возрождения... С. 79.

ударственная служба (прежде всего военная) понималась как традиция, важный элемент исторической социокультурной системы казачества, но реализовывать её планировалось в рамках современной общественной организации.

Отведение казачьим обществам земельных наделов должно было производиться на основе «традиционных для казачества форм общинного владения» либо «коллективно-долевой или коллективно-совместной собственности участников общества на землю»¹. Но если коллективно-долевая собственность хоть как-то укладывалась в рамки современной хозяйственной практики, то что означало общинное владение в условиях современной экономики, вряд ли понимали и законодатели, и казаки. Таким образом, практически в каждом положении Указа можно было обнаружить произвольное совмещение традиционных элементов и характеристик культуры и современных организационно-правовых форм.

Вышедшее через месяц после Указа Президента Постановление Верховного Совета Российской Федерации «О реабилитации казачества» было менее противоречивым, но его положения содержали всё те же установки на возрождение традиционных элементов жизнедеятельности казачества. К этому относили: традиционные формы самоуправления, традиционный хозяйственный уклад и исторические формы землевладения, землепользования и распоряжения землей, которые существовали у казаков².

Конструирование казачества в 1990-х гг. происходило в качестве феномена с традиционной основой, но вписанного в современные модернизационные экономические, социальные и культурные процессы. В это время вышли ключевые документы, отражавшие видение органами власти формы и направления развития казачества. Анализ этих документов позволяет вы-

¹ О мерах по реализации закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов» в отношении казачества. Указ Президента Российской Федерации...

² О реабилитации казачества: Постановление Верховного Совета Российской Федерации № 3321-1 от 16 июля 1992 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 30. Ст. 1805.

явить, как изменения в определении форм и направлений казачьего возрождения, так и то, что оставалось в них неизменным, формировало видение основ казачьего возрождения. Такой основой, на наш взгляд, продолжало оставаться восприятие возрождения как возврата к традиционной социокультурной системе казачества. Традиции, обычаи, служилый статус казачества продолжали оставаться, с точки зрения власти, основными элементами возрожденческого процесса. Так, в документах говорилось о восстановлении «традиционного государственного статуса казачества», совмещении органов местного самоуправления и традиционного атаманского правления, восстановлении традиционного уклада жизни казаков и традиционного казачьего общинного землепользования¹. Там, где создавались казачьи общества, предусматривалось создание центров казачьей культуры, которые должны были осуществлять поддержку и развитие культурных традиций².

В 1990-х гг. проводилась большая работа по разработке Федерального закона о казачестве. Его необходимость была обусловлена, как уже говорилось, ограничительным действием ст. 13 Закона «О реабилитации репрессированных народов». Для развития возрождения необходимо было ответить на главный вопрос «кто такие казаки?», разведя по возможности социальный и этнический статус казаков. По определению А.Г. Масалова, рассматривающего процесс возрождения как социально-политическую институционализацию казачества, необходимо было уточнение идентификационных признаков казачества для того, чтобы создать идентификационную модель, и поиски в законодательной сфере связаны были именно с этим³.

¹ Основные положения концепции государственной политики по отношению к казачеству. Одобрены Постановлением Правительства Российской Федерации от 22 апреля 1994 г. № 355 // Государственные акты по вопросам Российского и донского казачества. В 2-х т. Т. 1 (1991–2000 гг.). Ростов н/Д, 2001. С. 74, 75, 77; Федеральная целевая программа государственной поддержки казачьих обществ на 1999–2001 годы. Утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 21 июля 1999 г. № 839 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 30. Ст. 3788.

² Федеральная целевая программа государственной поддержки казачьих обществ на 1999–2001 годы... С. 273, 276.

³ Масалов А.Г. Российское казачество в начале XXI века... С. 128.

По выводам исследователей, в 1995–1997 гг. в федеральных органах одновременно обсуждалось не менее десяти «казачьих» законопроектов¹. Т. В. Таболина называет пять законопроектов, которые в 1995 г. находились на рассмотрении в Государственной Думе. Это проект «О казачьих обществах» депутата А.А. Долгополова, проект «О казачестве в России» депутатов А.С. Сидорова, М.Н. Сидорова, А.А. Звягина, проект «О российском казачестве» депутата В.И. Миронова, проект «О казачестве» депутата В.А. Лисичкина и проект «О казачестве» группы 49 депутатов².

Представленные в одной из работ А.А. Озерова тексты проектов законов о казачестве позволяют увидеть, как понимали инициаторы различных законопроектов, суть казачества. В одном из них, представленным в 1995 г. Союзом казаков, казачество определяется как исторически сложившаяся общность в составе народов России. В 1995 г. вышел еще один законопроект, подготовленный Союзом казачьих войск России и Зарубежья. В нём о казаках говорилось как о самобытном народе³. В проекте закона «О российском казачестве», автор которого не указан, но сам проект был представлен в правление Войска Донского, российское казачество называется этно-исторической общностью, а в проекте, подготовленном и утвержденном Правлением Всевеликого Войска Донского в марте 1995 г., российское казачество – это исторически сложившаяся общность в составе народов России⁴. В проекте федерального закона «О казачестве» депутатов Государственной Думы Российской Федерации Л. А. Иванченко, А.Г. Мартынова, С.В. Сычёва, В.П. Зволинского казачество характеризовалось как исторически сложившаяся общность граждан⁵.

¹ Там же.

² Таболина Т.В. Казаки: драма возрождения... С. 90.

³ Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Донские казаки: проблемы возрождения и перспективы развития. Часть 1 (История современного донского казачества) Исследования и документы. Ростов н/Д, 2003. С. 47, 48.

⁴ Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Донские казаки... С. 534, 533.

⁵ Масалов А.Г. Российское казачество в начале XXI века... С. 128.

Таким образом, власть продемонстрировала свою неготовность довести до логического конца признание казаков народом и предпочла использовать неопределенные формулировки «исторической общности» и «культурно-этнической общности». Вместе с тем, хотя власть отказалась от прямого определения казаков в качестве народа, тем не менее, в проектах везде присутствовали положения, косвенно признающие этнические права казаков и сохранявшееся видение особых социальных функций для них как неотъемлемой характеристики казаков. Так в законопроектах присутствовали понятия территории традиционного проживания, самобытных традиций и культуры казачества, а также определение государственной службы как особого вида деятельности казаков, а также упоминалось об особых взаимоотношениях между казачеством и государством.

Территория, традиции и культура соответствовали некоторым научным определениям. Например, в работах Ю.В. Бромлей было сформулировано определение этноса как исторически сложившейся совокупности людей, обладающих общими относительно стабильными особенностями культуры (в том числе и языка) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других образований¹, а Н.Н. Чебоксаров и И.А. Чебоксарова в качестве одной из предпосылок формирования этноса выделяли общую территорию².

Использование в положениях проектов законов государственной службы казачества указывало на специфические функциональные характеристики группы, которые государство готово было признать. Но важнее было то, что наличие и этнических и социальных характеристик в законопроектах служило доказательством того, что власть по-прежнему не имела четкого представления о том, кто же такие казаки. Более того среди самих казаков при обсуждении законопроектов не было единства взглядов на ключевые понятия и положения будущего закона о казачестве. Даже наиболее успешный в плане

¹ Бромлей Ю.В. Этнос и этнография... М., 1973. С. 37.

² Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы, расы, культуры. Изд. 2-е., испр., доп. М., 1985. С. 12.

прохождения этапов обсуждения в Государственной Думе Российской Федерации законопроект «О казачестве» депутатов Л.А. Иванченко, А.Г. Мартынова, С.В. Сычёва, В.П. Зволинского вызвал серьезные разногласия в казачьей среде. После принятия этого законопроекта 20 июня 1997 г. в третьем чтении Госдумой атаман Союза казаков А.Г. Мартынов отметит, что согласно закону «казаки признавались народом», а члены Общественного Совета атаманов при Главном Управлении казачьих войск (ГУКВ) заявят, что данный законопроект «ставит крест на развитии казачьей госслужбы...», назовут его антиказачьим и обратятся с просьбой к Председателю Совета Федерации Е.С. Строеву отклонить принятый Госдумой закон¹.

Совет Федерации 4 июля 1997 г. отклонит законопроект «О казачестве». Правовое управление Аппарата Совета Федерации даст заключение, что в законопроекте имеются положения, противоречащие Конституции Российской Федерации. Кроме этого, будет отмечено, что в законопроекте не удалось дать чёткое определение понятия «казак», «казачество» и определить их статус². В итоге ни один из законопроектов не был принят.

В середине 1990-х гг. в нескольких регионах юга России принимаются законодательные документы о казачестве. Дальше всех в реабилитации казачества и определении его статуса продвинулись в Краснодарском крае. Закон Краснодарского края «О реабилитации кубанского казачества» был принят Законодательным собранием Краснодарского края 26 сентября 1995 г. В ст. 1 краевого закона говорилось: «На основании Закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов» признать кубанское казачество реабилитированным...», а в последующих статьях пояснялось, что реабилитация кубанского казачества означает признание права кубанских казаков на восстановление этнического единства, кубанскими казаками признавались

¹ Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Донские казаки... С. 54–55.

² Совет Федерации Российской Федерации. Рассмотрение проекта федерального закона «О казачестве». Стенограмма заседания 4 июля 1997 г. // Казаки на службе России. 1997. Вып. 2. С. 62–63.

прямые потомки кубанских казаков. Казаки получали право на создание краевого казачьего этнического общества.

Итак, хотя прямо кубанские казаки и не были определены как народ, однако этнические характеристики были достаточно четко обозначены в данном законе. Противоречивая логика документа заключалась в следующем. С одной стороны, Закон Краснодарского края «О реабилитации кубанского казачества» стал продолжением федерального закона «О реабилитации репрессированных народов», с другой стороны, признание этничности кубанского казачества превращала его в отдельный от других казачьих сообществ народ.

В целом такое противоречие было объективным следствием исторического формирования и развития казачества в России. Казачьи сообщества, сформировавшиеся на разных территориях Российского государства под влиянием множества факторов, имели ряд сходных культурных черт, основанных, прежде всего, на воинской культуре казачества. Но вместе с тем казачьи сообщества, даже расположенные рядом, например, на юге России, имели большие культурные отличия друг от друга (происхождение, костюм, фольклор, диалекты и др.). Такой разнобой, на наш взгляд, стал одной из причин того что принять федеральный закон о казачестве, основанный на едином этнокультурном стандарте, оказалось невозможно.

В 1996 г. краевая дума Ставропольского края утвердила «Положение о казачестве в Ставропольском крае». Определение казачества в нём повторяло то, которое было дано в Законе о реабилитации репрессированных народов 1991 г., то есть казачество признавалось культурно-этнической общностью. Кроме этого, в положении закреплялся статус казачества, как коренного народа края и определялись признаки его самобытности: наличие традиционной культуры, особого хозяйственного уклада, православной религии¹.

¹ Кореняко В.А. Казачество в Ставропольском крае... С. 125.

При принятии нового Закона «О казачестве в Ставропольском крае в 2003 г. определение казачества было сохранено¹.

Специфическая ситуация сложилась на Дону. По выражению Т.В. Таболиной донские казаки «с самого начала возрождения кипели, бурлили, хотели действовать». Действительно в Ростовской и Волгоградской областях, на территориях которых располагался основной массив донского казачества, велась активная разработка нормативных правовых актов по разным вопросам. Но закона о казачестве в этих регионах принято не было. В 1998 г. в Законодательное собрание Ростовской области был внесен проект закона, но не о казачестве, а о войсковом казачьем обществе «Всевеликое войско Донское». Данный законопроект должен был, в том числе, определить и статус донского казачества, а также механизм взаимоотношений между казачьим обществом и областной властью. Но поскольку в законопроекте речь шла только о так называемом реестровом казачестве, возникал вопрос, что делать с казаками других, нереестровых казачьих структур. На этой почве у областной власти даже возник конфликт с МО «Всевеликое войско Донское», нереестровой организации под руководством Н.И. Козицына. По выражению А.А. Озерова, власти «легонько торпедировали» законопроект во избежание обострения социальной обстановки². В Волгоградской области законопроект о казачестве появится только в 2003 г., но также принят не будет.

Особая ситуация сложилась с правовым обоснованием статуса казачества в Республике Калмыкия. Казаки-калмыки сохраняли обе идентичности, и их можно назвать особым явлением российского казачества. Кроме этого, была ещё одна особенность, заключающаяся в том, что они состояли на службе в нескольких казачьих войсках – Донском, Терском, Уральском, Оренбургском и Астраханском. Всё это необходимо было учесть при принятии в 1997 г. закона о казачестве в республике. К этому времени развитие казаче-

¹ О казачестве в Ставропольском крае. Закон Ставропольского края от 1 августа 2003 года № 29-КЗ. URL: <http://docs.cntd.ru/document/461502881> (дата обращения: 09.04.2018).

² Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Донские казаки... С. 57–58.

ства продолжалось уже несколько лет. К 1997 г. в 10 районах Республики Калмыкия и г. Элисте насчитывалось 25 тыс. калмыков, идентифицировавших себя с казаками и состоявшими в казачьих организациях¹.

Народный Хурал (Парламент Республики Калмыкия) принял Закон о казачестве в первом чтении. Текст закона был опубликован в газетах «Хальмг Унн» и «Известия Калмыкии» для обсуждения населением, министерствами и ведомствами Республики Калмыкия. В первоначальном тексте, опубликованном в газетах, казачество Калмыкии определялось как «сообщество представителей многонационального народа, проживающего на территории Республики Калмыкия, связанных общностью судеб народов Российской Федерации, имеющих особый хозяйственно-экономический уклад, самобытные традиции, культуру и быт, исторически сложившийся многовековой опыт беззаветного служения Отечеству...». Такое крайне неопределенное толкование казачества впоследствии было изменено. В Информационном бюллетене Главного управления казачьих войск в 1998 г. в измененном тексте закона казачество Калмыкии определялось как добровольное объединение граждан Российской Федерации, являющихся потомками астраханских, донских, кубанских, оренбургских, ставропольских и других казаков России...»² О казаках-калмыках как об отдельном явлении казачьего возрождения речь, таким образом, не шла. Этнический характер казачьего возрождения в Калмыкии ещё больше снижался продолжением первой статьи Закона о казачестве, в котором говорилось, что в казачество Калмыкии также входят иные граждане Российской Федерации, добровольно принявшие на себя обя-

¹ Очирова Н.Г. Региональные особенности возникновения казачьих общественных объединений в России и основные направления их деятельности (на примере Республике Калмыкия) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 4. С. 191–201.

² О казачестве Калмыкии. Закон Республики Калмыкия от 23.12.1997 г. № 95-1-3 // Государственное становление казачества (1996–1998 гг.). Информационный бюллетень Главного управления казачьих войск при Президенте Российской Федерации. 1998. Вып. 3. С. 34.

занности казаков, в установленном порядке принятых в казачью общину и проживающих на территории Республики Калмыкия¹.

Уход от этнической характеристики был продиктован не только смешанным этносословным статусом казаков Республики Калмыкия, но, вероятно, в большей степени тем, что государственная власть с 1995 г. изменяет свой взгляд на развитие казачьего возрождения. Этнокультурный вектор государственной политики в отношении казачества постепенно сменяется социально-функциональным (квазисословным), когда казачий статус стал определяться, прежде всего, по принадлежности к казачьей организации, в задачи которой входило выполнение особых функций.

В качестве причин, побудивших власть серьезно изменить направление развития казачьего возрождения, можно выделить следующие. Во-первых, власть никогда не ставила всерьёз задачи развития этнического направления казачьего возрождения. Положения законов, указов, постановлений Президента и Правительства РФ, связанные с этническими вопросами в казачестве, чаще всего имели популистский характер и были нацелены на создание в обществе поддержки власти. Напротив, выраженное в казачьем движении стремление служить на благо страны, соответствовало целям власти получить контролируемую и мотивированную силу, которую можно было успешно направлять, которая служила бы образцом взаимоотношений общественных объединений и власти. Казачество, по заключению А.Г. Масалова, превращалось в фактор консолидации российского общества². В этом смысле взаимодействие власти и казачества повторяло аналогичный сценарий середины 1930-х гг., когда власть активно презентовало казачью службу и советских казаков – защитников социалистической Родины.

Во-вторых, в середине 1990-х гг. постепенно налаживаются организационно-управленческие и регулятивные функции государства в отношении казачества, повышается нормотворческая активность власти, формируются,

¹ О казачестве Калмыкии...

² Масалов А.Г. Российское казачество в начале XXI века... С. 143.

создаются управленческие структуры. Всё это свидетельствовало о том, что власть готова была контролировать казачье движение. Для эффективного контроля требовалось создание специального управленческого органа, которым стало Главное управление казачьих войск.

В-третьих, к середине 1990-х гг. сформировался организационный и идейный кризис в самом казачьем движении. Первая половина 1990-х гг. была отмечена в ряде крупных казачьих обществ, расколами, внутренними и внешними конфликтами, принимавшими нередко политический и этнополитический характер.

На конфликтогенность казачьего движения, его противоречивые отношения, как с органами власти, так и с представителями других (прежде всего кавказских) этносов не раз обращали внимание исследователи. Анализируя деятельность Союза казаков Области Войска Донского в первой половине 1990-х гг. А.М. Верховский, В.В. Прибыловский и А.М. Папп приводят множество примеров конфликтов СКОВД с региональной властью и даже уголовных дел, возбужденных в отношении казаков СКОВД. Например, в 1991 г. Совет атаманов СКОВД принял решение о передаче организации выявленного имущества бывшей территориально-административной единицы Области Войска Донского, о приостановке прописки и расселения мигрантов в Ростовскую область, за исключением русских беженцев, объявление в Ростовской области военного положения и условной мобилизации казаков с личным оружием, попытка возврата силой якобы принадлежавшего казакам имущества (захват в 1992 г. особняка бывшего купца Е. Парамонова). Наиболее резонансным в общественно-политическом плане стала попытка силового давления на Ростовский областной совет с целью изменения статуса Ростовской области на национально-государственное образование «Область Войска Донского»¹.

¹ Верховский А.М. и др. Указ. соч. С. 186.

Всего за 1992 г. против казаков в Ростовской области было возбуждено 42 уголовных дела.¹ В 1993 г. также было зафиксировано несколько серьезных конфликтов казаков с областной и районными властями в Ростовской области. В их числе требования о принятии закона о казачьем самоуправлении, передачи Атаманского дворца в Новочеркасске СКОВД, объявление в Войске Донском особого положения, создании временного правительства, объявления военного положения в области и т.д. Апогеем политической конфликтности СКОВД стал Договор о дружбе и сотрудничестве в 1994 г. атамана СКОВД, называвшегося уже Всевеликим войском Донским, Н.Д. Козицына с непризнанным президентом Чеченской Республики Ичкерия Д.М. Дудаевым, в момент нарастания военно-политического противостояния сепаратистов с Российским государством². Данный факт в тот период был расценен как предательство, об этом заявила часть донского казачества, а также кубанские и терские казаки.

В Краснодарском крае в первой половине 1990-х гг. также происходили столкновения казаков с властью. Так, в 1992 г. казаки Кубанской казачьей Рады пикетировали здание администрации края, требуя предоставить атаманам станичных обществ статус глав местных органов управления. В ответ губернатор края В.Н. Дьяконов и глава правительства края Н.Д. Егоров поощряли деятельность альтернативного, провластного казачьего войска и финансировали издание его газеты «Казачье братство». Руководство железной дороги направило в краевой Совет народных депутатов, в администрацию Абинского района, атаману Кубанской казачьей Рады В.П. Громову жалобу на действия казаков, которые вместе с жителями пос. Ахтырский блокировали участок железной дороги, нанеся, таким образом, существенный материальный ущерб³. Известны жалобы на самоуправные действия казаков при проведении ими проверок рынков и других торговых точек. Например, в

¹ Там же. С. 187.

² Верховский А.М. и др. Указ. соч. С. 191.

³ ГАКК. Ф. Р-1843. Д. 18. Л. 70.

1991 г. работники объединения «Краснодаркоопрынокторг» направили в газету «Советская Кубань» письмо с жалобами на действия казаков во время проведения такого рейда¹, а прокуратура г. Армавира направила письмо атаману Кубанской казачьей Рады, в котором информировала его о систематическом нарушении законности атаманом Армавирского казачьего круга (1992 г.)². В условиях наплыва в Краснодарский край в первой половине 1990-х гг. мигрантов с Северного Кавказа и Закавказья нередки были и конфликты между казаками и мигрантами на этнической почве.

Оценивая ситуацию с казачеством в Ставропольском крае, А.Г. Масалов отмечал, что члены казачьих организаций пытались устанавливать «казачий порядок» самопроизвольным выполнением функций правоохранительных органов: самовольно проводили проверки паспортного режима, задерживали и досматривали автотранспорт. Некоторые казачьи организации вооружали своих членов огнестрельным и холодным оружием. Также отмечались захваты казаками помещений местных администраций с целью установления казачьей власти в лице атаманского правления³.

По образному выражению С.М. Маркедонова, движение за казачье возрождение было словно зарифмовано с такими понятиями как «экстремизм» и «межэтнические конфликты»⁴. В результате к середине 1990-х гг. оно превратилось, по его же оценке, в маргинальное политизированное общество, готовое в поисках сиюминутной выгоды идти за политическими радикалами⁵.

Таким образом, к 1995–1996 гг. у власти могло сложиться впечатление о неуправляемости казачьего движения, что повлекло соответствующие дей-

¹ Там же. Д. 20. Л. 16.

² ГАКК. Ф. Р-1843. Д. 20. Л. 74.

³ Масалов А.Г. О роли казачества в обеспечении региональной безопасности Северного Кавказа // Казачество Юга России в XXI веке. Место и роль в обществе и государстве. Доклады и сообщения на науч.-практ. конф. Апрель 2001 г. Ростов н/Д, 2001. С. 15.

⁴ Маркедонов С.М. Неказачество на Юге России... С. 163.

⁵ Маркедонов С.М. Феномен российского неказачества // Социально-политическая ситуация на Кавказе: история, современность, перспективы. М., 2001. С. 115.

ствия по введению реестра и выстраивании вертикали государственного управления казачьим движением. С.М. Маркедонов, отмечая новые тенденции во взаимоотношениях казаков с властью, делал вывод, что эти новые тенденции были связаны «с отстранением от службы политических экстремистов, привлечением к «возрождению» менее ангажированных, но более квалифицированных лидеров... И в этом смысле огосударствление – это шанс на приведение нынешнего казачества в некоторое соответствие с реалиями современного гражданского общества»¹.

В середине 1990-х гг. ряд проектов этнического возрождения казаков терпит крах. Так, по мнению С.А. Кислицына и А.С. Кириченко, становится очевидным крах идеи создания национально-территориальных образований на юге России, создание экономически независимого казачества. В движении наступает стагнация, усиливается раскол казачьей элиты и отток рядовых казаков из казачьих организаций. В числе казачьих организаций, которые не вошли в реестр, были и такие, которые отстаивали идеи сепаратизма и возвращения к противостоянию с региональными и федеральными органами власти².

Итак, в 1995 г. казачье возрождение вместо ожидаемого закона о казачестве, который позволил бы развить и реализовать положения Закона «О реабилитации репрессированных народов» в отношении казачества» получило Указ Президента РФ «О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации», который не только создавал механизм для управляемости казачьими возрождением, но и направлял это возрождение по новому пути.

Таким образом, воздействие органов государственной власти на развитие казачества в конце XX – начале XXI вв. нередко имело характер социального конструирования. Под воздействием государственной власти исто-

¹ Маркедонов С.М. Феномен российского неказачества... С. 116.

² Кислицын С.А., Кириченко А.С. Указ и шашка. Политическая власть и донские казаки в XX в. Ростов н/Д, 2007. С. 324.

рические социальные характеристики казачества существенно трансформировались. Исследование взаимодействия власти и казачества в первой половине 1990-х гг. даёт основание полагать, что государственная власть в этот период выступала активным субъектом происходившего процесса, инициировала принятие законов и программ развития казачества. Защищаясь от конфронтационных действий участников возрождения, либо напротив, выступая для них в роли заказчика той или иной деятельности, определяя форму участия в социальной и политической жизни страны, власть через законодательство, а также через различные государственные органы предлагала казачкам формы взаимодействия. Задавая вектор развития казачьего возрождения, являясь активнодействующим субъектом этого процесса, власть часто выступала в качестве «инженера», создающего новый социальный феномен.

4.3. Формы огосударствления казачества и смена вектора возрождения казачества во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг.

С середины 1990-х гг. развернулся процесс, который можно назвать огосударствлением казачества. В этот период не только выстраивается вертикаль управления казачьими организациями и формируется государственная политика в отношении казачества как целостная, построенная на единых принципах система мер, но и постепенно сворачиваются иные, альтернативные государственному пути развития казачества.

Исследователи возрожденческих процессов определяли середину 1990-х гг., как переломную для развития казачества. Так, А.И. Козлов в 1995 г. отмечал, что в казачьем движении взяли верх настроения возрождения казачества как военного сословия и эта линия является определяющей¹. Рассматривая проблемы политико-правовой институционализации современного казачества, А.А. Озеров выделял середину 1990-х гг., как период, когда возрож-

¹ Козлов А.И. Проблемы казачьего возрождения... С. 4.

денческий процесс ставится на государственную основу. Новая ситуация обозначилась с принятием Концепции государственной политики по отношению к казачеству и предложение казакам новых «правил» взаимоотношений¹. По мнению Г.О. Мациевского с 1996 г. начался новый организационный период возрождения казачества – огосударствление. Ему соответствовал статусно-регламентационный этап государственной политики, датируемый 1994 г. – концом 2000 х гг.² Рассматривая деятельность государства в отношении казачьего возрождения в контексте институционализации, А.Г. Масалов отмечал, что если в начале 1990-х гг. движение развивалось самостоятельно без необходимой политико-правовой помощи со стороны государства, то с середины 1990-х государство стало больше внимания уделять взаимодействию с казачьими обществами³. По мнению С.А. Кислицына и А.С. Кириченко, период 1994–1996 гг. являлся переходным с точки зрения политико-управленческого контекста казачьего возрождения⁴.

Так или иначе во всех характеристиках государственной политики в отношении казачества и развитии самого казачьего движения присутствует, во-первых, констатация усиления организационно-управленческой составляющей движения, во-вторых, постепенная его трансформация в квазисловную организацию. Следует учитывать ещё одну характерную черту государственной политики в рассматриваемый период, а именно то, что государство всё активнее участвует в процессе возрождения, настойчиво предлагая казачьим обществам не только направление развития, но и организационные формы, поощряемые виды деятельности и даже имидж.

С середины 1990-х гг. начинается планомерное создание структур, направляющих, регулирующих и контролирующих развитие казачества. В числе первых следует назвать Совет по делам казачества при Президенте

¹ Озеров А.А. Политико-правовая институционализация современного казачества... С. 118.

² Мациевский Г.О. Политическая жизнь российского казачества... С. 299.

³ Масалов А.Г. Российское казачество в начале XXI века... С. 143.

⁴ Кислицын С.А., Кириченко А.С. Указ соч. С. 324.

Российской Федерации под руководством министра Российской Федерации по делам национальностей и региональной политики Н.Д. Егорова¹, который был создан в 1994 г., и Главное управление казачьих войск при Президенте Российской Федерации (ГУКВ), организованное в 1996 г. Обе структуры занимались государственной политикой в отношении российского казачества: Совет по делам казачества как консультационный орган, а ГУКВ как непосредственный разработчик данной политики.

Также принимаются несколько документов, которые можно определить как ключевые в плане формирования новой тенденции государственной политики в отношении казачества. В 1995 г. вышли Указ Президента «О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации» и Временное положение о государственном реестре казачьих обществ, а в 1996 г. Указ Президента РФ «О порядке привлечения членов казачьих обществ к государственной и иной службе». Они демонстрировали новое видение государством казачества. Согласно положениям указов, казачество представало специфической общественной организацией с особыми задачами.

Следует отметить следующие важные с точки зрения конструирования современного казачества нюансы. Во-первых, возникавшую устойчивую аналогию с исторической службой казачества. Она подкреплялась даже тем, что регулирующий развитие казачества орган имел четкую ассоциацию со своим историческим прототипом – Главным управлением казачьих войск в Российской империи. Структура с таким названием существовала в России с 1857 по 1910 гг. Занималось управление военной службой казаков и инородцев, из которых формировались иррегулярные войска империи.

В задачи современного ГУКВ входила разработка государственной политики возрождения и развития российского казачества. При этом необходимо было учитывать исторический опыт жизнедеятельности казачества, его

¹ Н.Д. Егоров – в 1992–1994 и 1996 гг. губернатор Краснодарского края.

традиции и сочетать это с современными потребностями государства¹. Предполагалось, что развитие казачества будет проходить с опорой на историческую основу, а его традиционные формы жизнедеятельности можно будет адаптировать к современности.

Во-вторых, парадоксальную, на первый взгляд, ситуацию, когда стремления власти и пожелания самих казаков совпадали. В этом совпадении просматривается сложный характер возрождения, сочетавший историческую основу с современными реалиями. Рассматривая процесс создания административно-правовой сферы для казаков, Т.В. Таболина доказала, что казаки в лице своих лидеров-атаманов постоянно говорили о необходимости формирования структуры, которая занималась бы казаками в масштабах страны. Так, на одном из заседаний Совета атаманов Союза казаков в 1993 г. принимается постановление с требованием незамедлительного принятия решений, обеспечивающих включения казаков в государственную систему². В создании специального государственного органа сами казаки видели гарантию, того, что многочисленные решения, касающиеся возрождения казачества наконец-то начнут реализовываться.

Выход Указа Президента РФ «О порядке привлечения членов казачьих обществ к государственной и иной службе» в 1996 г. создавал для казачьего возрождения желаемую реальность – оформление идеи казачества о служении Отечеству в организационно-структурные формы. Логика создания нового статуса казаков как государственных служащих предполагала формирование структур, в которых казаки могли бы такую службу нести, но казачьи общества были некоммерческими общественными организациями. Таким образом, по определению Т.В. Таболиной, «чтобы казак становился служащим

¹ Положение о Главном Управлении казачьих войск при Президенте Российской Федерации. Утверждено Указом Президента Российской Федерации от 11 декабря 1996 г. № 1673. URL:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12641/19201033cd840bd8eaf45053f7de8b90b32f8d70/ (дата обращения: 12.05.2017).

² Таболина Т.В. Казаки: драма возрождения... С. 110.

государственного органа, его нужно было ещё создать»¹. Теоретически такой государственной структурой являлось ГУКВ. В 1998 г. оно стало самостоятельным государственным органом при Президенте Российской Федерации. Однако завершить строительство государственной структуры для прохождения казаками государственной службы, с соотнесением их с соответствующими категориями госслужащих (войсковой атаман – советник и т.д.) не получилось². В августе 1998 г. ГУКВ было преобразовано в Управление Президента Российской Федерации по вопросам казачества, начальником которого был назначен П.С. Дейнекин.

Положительный момент в создании ГУКВ и системы реестра казачьих обществ А.Г. Масалов видел, прежде всего, в том, что обе этих структуры выступали факторами преодоления тенденций региональной раздробленности казачьих объединений, устраняли возможность их использования местными политическими элитами в качестве собственных военизированных общественных формирований³. Кроме этого, государственный реестр казачьих обществ, по его мнению, работал как механизм, при помощи которого государственная власть, используя новую форму корпоративной общинной ответственности казаков, могла управлять современным казачеством⁴. Ключевым являлась именно возможность системного управления казачьими обществами.

В начале 2000-х гг. несколько изменяется направление политики государственного управления казачьими обществами. С одной стороны, произошла децентрализация этого управления. В 2003 г. было упразднено Управление Президента Российской Федерации по вопросам казачества. С другой стороны, государственный контроль в этой сфере даже расширился, так как теперь вопросами казачества стали заниматься Полномочные представители

¹ Там же. С. 131.

² Подробнее о развитии этого процесса см. у Т.В. Таболиной Казаки: драма возрождения...

³ Масалов А.Г. Российское казачество в начале XXI века... С. 143.

⁴ Там же.

Президента Российской Федерации в федеральных округах¹. Ряд функций упраздненного Управления было передано в аппараты полпредов, а также при них в федеральных округах создавались общественные советы, занимавшиеся вопросами казачества. В Южном федеральном округе (ЮФО) такой совет с консультативной функцией был создан уже в 2000 г. Он должен был прежде всего разрабатывать предложения по проблемам реализации государственной политики в отношении казачества в ЮФО и анализировать результаты деятельности казачьих обществ².

Постепенно выстраивалась система государственных органов, в которых предусматривались структуры, взаимодействующие с казаками. Так, группы по работе с казачеством создаются в структурах Министерства обороны РФ – Главном Управлении Генерального штаба вооруженных сил Российской Федерации, Федеральной пограничной службы РФ при Отделе пограничной стражи. Координационный совет по взаимодействию с казачьими обществами создается и при Министерстве внутренних дел РФ.

Кроме силовых структур с казачеством взаимодействовали также Министерство сельского хозяйства и продовольствия РФ, Министерство РФ по земельной политике, строительству и жилищно-коммунальному хозяйству, Федеральная служба лесного хозяйства России, Государственный комитет Российской Федерации по охране окружающей среды. В этих государственных структурах создавались отделы или назначались ответственные по работе с казачеством³. Однако позже эти структуры в перечисленных министерствах и ведомствах будут упразднены⁴.

¹ О совершенствовании деятельности по возрождению и развитию российского казачества. Указ Президента Российской Федерации от 25 февраля 2003 г. № 249 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 9. ст. 850.

² Положение о Совете по делам казачества при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе // Российское казачество... С. 553.

³ Семенов А.П. Российское казачество // Государственное становление казачества (1996–1998 гг.). Информационный бюллетень. 1998. № 3. С. 8.

⁴ Масалов А.Г. Российское казачество в начале XXI века... С. 192.

Вопросами казачьего реестра и деятельностью казачьих обществ на протяжении нескольких лет занималось Минрегионразвития РФ, созданное в 2004 г. В рамках данной структуры отслеживалась и анализировалась информация по количеству казачьих обществ на местах, взаимодействие казаков с органами исполнительной власти в регионах, изучались направления деятельности казачьих обществ, их политическая активность. В 2009 г. в новом формате создан Совет при Президенте Российской Федерации по вопросам казачества. В 2015 г. начало действовать Федеральное агентство по делам национальностей, в структуре которого сформирован отдел по взаимодействию с российским казачеством.

Организационно-управленческие действия, направленные на улучшения координации действий власти и создание условий более эффективной работы с казачьими организациями были предприняты в регионах юга России. Здесь с 1990-х гг. шло формирование структур в системе органов регионального государственного управления.

В 1991 г. в Аппарате администрации Ставропольского края была создана должность специалиста по работе с казачеством. В 1993 г. появился уже полноценный отдел, занимавшийся вопросами казачества, а в 1994 г. он был преобразован в Департамент по делам национальностей и казачества. С 1997 г. по 2005 г. вопросами казачества занимались различные структурные подразделения краевой администрации. В 2005 г. был создан Комитет Ставропольского края по делам национальностей и казачества¹.

В 1992 г. в структуре Администрации Ростовской области появился Комитет по казачеству. С организационными изменениями он просуществовал до 2004 г., а затем был преобразован в Департамент по делам казачества и кадетских учебных заведений. В 1993 г. в Волгоградской области также был сформирован отдел по работе с казачеством, который входил в област-

¹ См. подробнее: Масалов А.Г. Российское казачество в начале XXI века... С. 196–197.

ную администрацию. В 2001 г. вместо отдела был уже Комитет по делам национальностей и казачества.

Во второй половине 1990-х гг. в Краснодарском крае предпринимались шаги по созданию управленческой структуры, которая бы занималась вопросами казачества. В 2001 г. в рамках краевой администрации появился Департамент по делам казачества, военным вопросам и воспитанию допризывной молодежи¹.

Согласно ст. 13 Закона Республики Калмыкия «О казачестве Калмыкии» 1997 г. координацией взаимодействия казачьих общин с органами государственной власти и местного самоуправления на территории Республики осуществлял Государственный комитет по делам казачества. Указом Президента Республики Калмыкия в 1998 г. данный комитет был приравнен по статусу к министерству. В 2003 г. эта структура была признана недействующей.

По информации научно-справочного издания «Российское казачество» за 2003 г. во всех субъектах Российской Федерации на юге России во властно-управленческой системе были созданы структуры, отвечающие за координацию действий казачьих обществ и администраций субъектов РФ. Форма и масштабы деятельности таких структур, по всей видимости, зависели от количества казачьих организаций, общей численности казаков в них, степени участия казаков в общественной и политической жизни региона. В совокупности это влияло на внимание власти к казакам, оценку возможностей казачьих обществ и необходимости с одной стороны контроля деятельности их, а с другой – использование потенциала казаков.

Так, если в Ростовской, Волгоградской областях, Краснодарском и Ставропольском краях создавались специальные комитеты и департаменты, курирующие деятельность казачьих обществ, то в Республике Дагестан, Республике Ингушетия, Кабардино-Балкарской Республике вопросами казаче-

¹ Рвачева О.В. Власть и казачество на Юге России в конце XX – начале XXI в.: от конфронтации к сотрудничеству // Власть. 2010. № 5. С. 145.

ства занимались структуры, контролирующей деятельность общественных организаций, вопросы национальной политики и культуры и т.п.¹

В целом такое количество подразделений, занимающихся вопросами казачества, во властно-управленческих системах субъектов РФ на юге России означало, что власти в регионах придают большое значение «казачьему вопросу», одновременно это задавало и вектор развития казачьего движения. «Казачья вольница» вводилась в рамки государственного контроля, огосударствлялась, что в итоге приводило к конструированию формы и содержания казачьего возрождения.

Об этом свидетельствовали и принимаемые в конце 1990-х – начале 2000-х гг. программы, концепции и законы о развитии казачества. Как уже говорилось, в ключевых документах, принятых во второй половине 1990-х гг., государственная служба казачества определялась властью в качестве приоритетного направления развития казачества. Вместе с тем сохранялась и актуальность идеи возрождения исторических социокультурных основ казачества, восстановление «казачьего мира», и эта актуальность проявлялась в положениях перечисленных документов и в различных программах поддержки развития казачества.

Возрождение государственной службы казачества как официальное положение возникает впервые в «Основных положениях концепции государственной политики по отношению к казачеству» в 1994 г. В этом смысле именно 1994 г. можно назвать переломным в государственной политике по отношению к казачеству. Вместе с тем, данный документ представлял собой своеобразный свод различных целей возрождения и точек зрения власти на него. Так, с одной стороны, в документе содержалась отсылка к исторической традиции казачьей службы и подчеркивалась её исключительная важность для становления казачества как «специфической части российского народа», с другой стороны, традиционные формы казачьей службы как дока-

¹ Российское казачество... С. 557.

завшие свою эффективность на протяжении нескольких столетий должны были стать одним из элементов новой российской государственности и укрепить её безопасность¹. Таким образом, в концепции сохранялся главный принцип возрождения – возврат в прошлое и приспособление элементов этого прошлого к настоящему.

Идеи восстановления традиционного казачьего самоуправления, традиционного общинного землепользования и даже казачьей общины выведены в качестве положений документа с описанием механизма их внедрения. Так, например, описывается сочетание государственного управления и казачьего самоуправления: «Казачье самоуправление осуществляется в форме атаманского правления в хуторах и станицах. При этом выборный атаман и создаваемые им органы руководят делами казачьей общины, не подменяя органов местного самоуправления и не затрагивая права неказачьего населения»².

Впоследствии сочетание традиций и современных реалий бытия казаков в документах, определяющих направление возрождения, будет сохраняться. Но формулировки о восстановлении традиционных институтов казачьего мира будут присутствовать как некий историко-культурный антураж.

В развитие «Основных положений концепции государственной политики по отношению к казачеству» в 1996 г. принимаются Указы Президента РФ «О порядке привлечения членов казачьих обществ к государственной и иной службе», а также «Об экономических и иных льготах, предоставляемых казачьим обществам и их членам, взявшим на себя обязательства по несению государственной и иной службы». В первом документе определялись виды службы казаков и достаточно подробно рассмотрен был порядок привлечения к ним. Но при этом в Указе довольно четко формулировалось отличие нынешней службы казаков от прежней. Атаманам казачьих обществ предпи-

¹ Основные положения концепции государственной политики по отношению к казачеству... С. 73.

² Там же. С. 75.

сывалось содействовать военному командованию при прохождении членов казачьих обществ военной службы, но одновременно им запрещалось вмешиваться в функции командиров, объединений и др.¹

Виды казачьей службы были серьезно модифицированы. Например, в Положением о привлечении членов казачьих обществ к государственной и иной службе фигурировали такие виды службы, как, производство, закупка и поставка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для федеральных и региональных нужд. Подобного вида службы исторически у казаков никогда не существовало, равно как и ряда других, указанных в приведенном документе. Например, участие в мероприятиях, связанных с ликвидацией последствий стихийных бедствий и оказанием помощи пострадавшим, или участие в егерской, природоохранной и экологической службе. Данные виды службы являлись современным конструктом, создаваемым, «исходя из исторических традиций российского казачества и современных потребностей государства»².

Стратегическим документом развития казачьих обществ в конце 1990-х гг. стала Федеральная целевая программа государственной поддержки казачьих обществ на 1999–2001 гг. Цель программы и концептуальное обоснование её принятия раскрывают видение властью роли и задач казачества в современной России. Мероприятия программы были направлены на привлечение казаков к несению службы в интересах государства. Важно то, что положения программы по-прежнему сохраняли в качестве обоснования привлечения казаков к несению службы историческую традицию. Возрождение особого уклада жизни казаков принималось и приветствовалось государством, так

¹ О порядке привлечения членов казачьих обществ к государственной и иной службе...

² Положение о привлечении членов казачьих обществ к государственной и иной службе. Утверждено Указом Президента Российской Федерации от 16 апреля 1996 г. № 563 // Государственные акты по вопросам Российского и донского казачества. Т. 1 (1991–2000 гг.). Ростов н/Д, 2001. С. 148.

как это рассматривалось в качестве условия выполнения казаками служилых обязательств¹.

В начале 2000-х гг. политика власти в отношении казачества постепенно эволюционирует в сторону усиления огосударствления казачьих структур, усиления военно-служилой компоненты возрождения, а также увеличения властно-регулятивной функции государства в отношении казачества. В период с 2005 г. по 2012 г. в отношении казачества было принято три ключевых документа, которые создали законодательные основы развития казачества в России, определили его долгосрочные цели и перспективы развития, фактически завершили с правовой точки зрения возрождение казачества.

Закон о государственной службе российского казачества самым своим названием показывал приоритетные цели государственной политики в отношении казачества. Он был целиком сориентирован на формирование «служилой» сферы². В законе определялись виды деятельности, которую могли осуществлять казачьи общества. Это были военизированные виды службы, такие, как военная служба в Вооруженных силах Российской Федерации, воинских (специальных) формированиях и органах в соответствии с федеральным законодательством, участие в мероприятиях по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, в природоохранных мероприятиях. Казачество могло осуществлять охрану общественного порядка, обеспечивать экологическую и противопожарную безопасность и др. Особо оговаривалось, что к несению государственной и иной службы привлекаются только так называемое реестровое казачество (то есть казачество, занесенное в реестр).

Подобный сценарий развития взаимоотношений государственный власти и казачества был ожидаем. Однако, несмотря на обоюдное стремление

¹ Федеральная целевая программа государственной поддержки казачьих обществ на 1999-2001 годы... С. 260–261.

² О государственной службе российского казачества: Федеральный закон Российской Федерации от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ. URL: <http://www.rg.ru/2005/12/08/kazachestvo.html> (дата обращения: 23.05.2017).

сторон реализовать на практике казачью службу, это означало серьезные изменения первоначальных форм и целей возрождения. Так, анализируя потенциал казачьих обществ и сценарии их развития на юге России в 2005 г., И.О. Тюменцев, руководивший в то время исследовательской лабораторией в Южном научном центре РАН, отмечал, что политика приоритетного использования служебной составляющей казачества позволит вскрыть его модернизационный потенциал, но не решит проблему казачьего движения в целом¹.

Следующим документом, в котором развивалась тенденция государственной службы казачества, стала Концепция государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества, принятая в 2008 г. Разработка Концепции осуществлялась почти три года. В состав рабочей группы вошли представители Администрации Президента Российской Федерации, Минрегиона России, Минэкономразвития России, Минфина России, Минздравсоцразвития России, Минобороны России, МВД России, МЧС России, ФСБ России².

Большая часть задач, сформулированные для достижения цели были направлены на развитие казачьей службы. То же и с приоритетами государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества. Большая их часть касалась развития государственной и иной службы казачества³.

¹ Тюменцев И.О. Модернизационный потенциал и сценарии развития казачьего движения на юге России // Современное состояние и сценарии развития Юга России: Материалы науч.-практ. семинара Объединённого отдела социально-политических и экономических проблем южных регионов ЮНЦ РАН (2–8 декабря 2005 г.). Ростов н/Д, 2006. С. 235.

² Журавский А.В. Концепция государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества – шаг вперед в диалоге власти и гражданского общества // Информационный бюллетень о ходе реализации аналитической программы Министерства регионального развития Российской Федерации «Становление и развитие государственной службы российского казачества в 2008-2010 годах». М., 2008. Вып. 1. С. 8.

³ Концепция государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества. Утверждена Президентом Российской Федерации 2 июля 2008 г. Пр-1355. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 26.10.2018).

Заявленное в Концепции развитие традиционной культуры казаков было попыткой учитывать исторические традиции казачества при решении местных вопросов, развитии патриотического воспитания молодежи. Однако формулировки, касающиеся развития традиций и культуры, были прописаны предельно обобщенно, и зачастую неясно было, как это можно реализовать¹. Например, положение концепции о сохранении и развитии самобытной культуры казаков, их исторических и культурных традиций, являлось декларацией намерений, но не способствовало реальному развитию казачьей культуры.

В 2007 г. Министерство регионального развития утвердило аналитическую программу «Становление и развитие государственной службы российского казачества в 2008–2010 годах», а в 2008 г. был объявлен открытый конкурс на выполнение работ по реализации мероприятий, направленных на поддержку российского казачества в 2008 г. на сумму 8 480 тыс. руб. Предметом государственного контракта стали 8 лотов, направленных на изучение и практическую разработку вопросов, имевших значение как для власти, так и для казачества. В числе таковых были: разработка методических рекомендаций по разработке и реализации целевых программ различного уровня (от муниципального до регионального), направленных на развитие государственной службы казачества; изучение форм хозяйственной деятельности казачьих обществ, анализ наиболее успешных практик в этом направлении; участие казачества в развитии регионов и т.д.

Проводилось развернутое социологическое исследование по изучению политических, социальных и экономических аспектов развития казачества, анализу тенденций развития его государственной службы. На изучение возможностей развития казачьей службы был направлен также лот о разработке типовой модели по созданию казачьих поселений в стратегически важных и приграничных территориях. Таким образом, государство всерьез собиралось изучить возможности реализации государственной и иной службы казаче-

¹ Концепция государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества...

ства. Вместе с тем, ни один из лотов не затрагивал вопросы сохранения и развития казачьей традиционной культуры.

В 2011 г. началась разработка Стратегии развития государственной политики в отношении казачества. В какой-то мере она должна была стать продолжением Концепции государственной политики в отношении казачества, в том смысле, что если в Концепции определялись общие идеи развития российского казачества, то Стратегия предполагала разработку практических шагов для претворения этих идей в жизнь, то есть определение ключевых этапов, направлений и принципов развития казачества, разработку эффективных методик данного развития. Документ был принят в сентябре 2012 г. Действия власти в этом направлении продемонстрировали, каких приоритетов она намерена была придерживаться.

Было представлено несколько вариантов стратегии. Прописанные в них направления и формы развития казачества представляли реалистичный взгляд на его бытие в рамках современного общества. В частности, пессимистический прогноз инерционного варианта развития содержал анализ тенденций, которые существовали уже в казачьем движении, но пока еще не стали ведущими. Это во-первых, бюрократизация государственной службы казачества, во-вторых, сокращение присутствия казачьих обществ в общественно-политической жизни регионов России, в-третьих, складывание элементов музеефикации движения.

В окончательном варианте Стратегия продемонстрировала ориентацию власти на развитие казачества как социальной группы с заданными функциями службы. В принятом документе были минимизированы положения о сохранении казачьей самобытности, культуры и др. Так если целью проекта Стратегии объявлялось «...развитие российского казачества в целях обеспечения эффективной государственной и иной службы российского казачества

при сохранении казачьей самобытности, традиций и культуры»¹, то в принятом документе целью стратегии объявлялось «...содействие развитию и консолидации российского казачества посредством усиления его роли в решении государственных и муниципальных задач, совершенствования взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов и органов местного самоуправления, организаций и общественных объединений с российским казачеством и формирования эффективных механизмов общественно-государственного партнерства»².

Анализ законодательного материала и организационно-управленческих мероприятий российской власти в отношении казачества позволяет сделать вывод, что во второй половине 1990-х гг. для казачества сохранялась перспектива этнокультурного развития, понимаемого, прежде всего, как развитие традиционного уклада жизни. В нормативно-правовых и программных документах этого периода нет жесткого выстраивания приоритетов государственной службы. Они основаны, во многом, на сохраняющемся восприятии казачества как социальной общности с особой культурой. Вместе с тем, уже четко определилась тенденция развития государственной службы казачества. Последняя поначалу также воспринимается как воссоздание исторической традиции.

В начале 2000-х гг. власть начинает более четко определять вектор конструирования казачества, делая упор на развитие его социально-функциональных характеристик, минимизируя этнокультурную составляющую казачьего возрождения. Таким образом, первое десятилетие 2000-х гг.

¹ Стратегия развития российского казачества до 2020 г. (проект). URL: http://cossackskv.ucoz.ru/_opencms_export_sites_commolodezh_docs_kazachestvo.pdf (дата обращения: 21.09.2017).

² Стратегия развития государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества до 2020 года. Утверждена Президентом Российской Федерации 15.09.2012 г. Пр-2789. URL: <http://old.minregion.ru/upload/documents/2012/11/141112/STRATEGIYA.pdf> (дата обращения: 21.09.2017).

показало, что государственная политика в отношении казачества стала серьезно расходиться с целями и задачами движения за возрождение казачества, сформулированными в начале 1990-х гг., а значит, и с ожиданиями потомков казаков, заинтересованных, прежде всего, в этнокультурном возрождении казачества. Этническая направленность казачьего движения уходит на второй план и к 2005 г., моменту принятия Закона о государственной службе казачества, оказывается потерявшей актуальность в глазах власти.

Итак, роль власти в разворачивании процесса казачьего возрождения в России была весьма значительна. Однако характер этого участия изменялся на протяжении 1990-х – начала 2000-х гг. В начале возрождения властные государственные структуры нередко шли вслед за самоорганизацией казачьего движения, не столько управляя, сколько организуя и направляя уже сложившиеся течения. На государственном уровне не всегда, четко понимали, что же они ждут от казачьих обществ и казаков, в каком виде должно существовать казачество в постсоветской России. В 1990-х гг., определяя вектор развития казачьего возрождения, являясь активно действующим субъектом этого процесса, власть часто выступала в качестве «инженера», подбирающего, порой на ощупь, ту или иную конструкцию, создавая довольно причудливый феномен, в котором сочетались воедино этнические и сословные характеристики, традиции и новации казачьего бытия, историческая роль и современные задачи казаков.

С середины 1990-х гг. начинается процесс огосударствления казачества. Это выразилось как в развитии нормативно-правового обеспечения государственной службы казачества, так и в формировании на государственном уровне организационных структур и встраивании казачьих обществ в систему государственного управления. Начало 2000-х гг. можно выделить как этап огосударствления казачества. К этому времени видение казачества со стороны власти стало более определённым. После принятия Закона о государственной службе казачества четко определился вектор развития казачества, который государство готово было поддерживать – это казачья служба.

Рассматривая в целом деятельность ведущих акторов возрождения казачества – казачьих организаций и власти в контексте социального конструирования, можно отметить следующее. Начало возрождения вполне укладывается в логику и алгоритм конструирования идентичности. Оно начинается «снизу». Наиболее активными его участниками, теми, кто создавал идеи возрождения и формулировал его цели, являлась интеллигенция. Это культурное конструирование сформировало основу для последующего развития процесса уже в рамках казачьих организаций. Во всех регионах юга России, которые являлись территориями традиционного проживания казачества, начало процесса, социальный статус участников первых организаций, идеи и направления развития были одинаковыми. Это позволяет говорить о единой социокультурной природе возрождения. Выявленные нюансы возрожденческого процесса у астраханских казаков и калмыков-казаков подтверждают концепцию конструирования. Специфика двойной идентичности казаков-калмыков, превалирование культурного возрождения у астраханцев четко свидетельствуют о произошедших исторических изменениях в существовании казачества в советский период, что и создало ситуацию конструирования, то есть формирование новых социальных форм с опорой на традицию.

Идеи казачьего возрождения и созданные на их основе цели были ориентированы на прошлое. Это также является характерной чертой этнического возрождения и конструирования идентичности. Полем такого конструирования нередко становится история (прошлое). С развитием возрождения, с активизацией участия государства в нём процесс конструирования менялся, приобретая новые характеристики. Власть играла в нём большую роль. Несколько важных направлений возрождения получили законченный вид благодаря ее действиям. Прежде всего, – принятие закона о реабилитации репрессированных народов, который признал казачество в этническом пространстве.

Как это ни парадоксально, но именно власть, с нашей точки зрения, способствовала в определенные моменты усилению традиционализма, ча-

стичному воссозданию ситуации, когда казачество являлось привилегированной социальной группой на юге России. Это касается, например, принятия в регионах нормативно-правовых актов со специальным определением статуса казачества и статуса региона как исторической территории казачества. При создании реестровых организаций была по сути воспроизведена ситуация казачьих войск к началу XX в. Попытка создания исторической преемственности прослеживается довольно чётко.

Таким образом, возрождение казачества развивалось при взаимодействии двух ведущих акторов, которые активно создавали новое казачество, опираясь на историческую основу.

5. ФАКТОРЫ И РЕСУРСЫ КАЗАЧЬЕГО ВОЗРОЖДЕНИЯ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI В.

5.1. Роль исторической памяти в формировании и развитии казачьего возрождения

Возрождение казачества как процесс, развернувшийся в конце 1980-х гг., имело по сравнению с возрождением казачества в условиях советского общества очень важную особенность – исторический разрыв в несколько десятилетий в существовании казачества как социальной общности. В связи с этим возникает вопрос: на чем основывалась интенция участников возрождения? Что подпитывало развитие процесса, способствовало формированию идейных установок и целей движения? При изучении возрождения 1990-х – 2000-х гг. обращает на себя внимание присутствие в нем в большом количестве исторического нарратива. В деятельности казачьих обществ и даже нормативно-правовых документах – множество отсылок к историческим событиям и их значению для казачества, то есть к тому, что составляет историческую память социальной общности.

Для любого общества исторический опыт, проявляющийся в формах коллективной памяти, является важнейшей частью и основой современного существования. Для общества коллективная память – это и хранилище опыта, и средство выработки идентичности, и инструмент оценки направления своего развития¹. В осознании общего прошлого особенно нуждаются общества, присутствие которых в настоящем времени требует исторического обоснования по тем или иным причинам. Именно к таким сообществам можно отнести казачество конца XX – начала XXI вв. В структуре позднесоветского и постсоветского общества эта социальная общность была новым явлением. И

¹ Тош Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000. С. 11.

для него большое значение приобретало наличие общего прошлого и поиск ключевых объединяющих исторических событий.

В конце XX – начала XXI в. историческая память начала играть важную роль в развитии общества многих государств. Чаще всего ключевыми моментами активизации деятельности исторической коллективной памяти выступали трагические события: Холокост, Вторая мировая война, массовые вынужденные переселения, геноцид народов и др.¹ Ценность памяти возрастала в условиях глобализации и универсализации культуры. Разворачивание мемориальных процессов в мире происходило одновременно с таким явлением, как этническое возрождение, способствуя формированию коллективной памяти.

Многочисленные исследования памяти нередко обращаются к её инструменталистской природе. Это значит, что избирательность памяти влияет на выбор событий и образов прошлого, конструируя, по сути, восприятие обществом не только прошлого, но и настоящего. На отбор исторических образов влияет конъюнктура настоящего, своего рода общественный «запрос», формируемой в той или иной значимой для общества ситуации.

В условиях системной трансформации в России конца XX века обществу нужны были новые культурные модели для формирования идентичности. По мнению Л.Г. Ионина, несмотря на тоталитарный характер советской культурной модели в ней в «свёрнутом» состоянии пребывали и другие культурные формы, которые смогли «развернуться» после краха советской системы². По нашему мнению, к такой «свернутой» культурной форме может быть отнесено казачество. То, что она неявно существовала в советском обществе, позволяет понять скорость и масштаб процесса возрождения. Устойчивость культурной формы говорит о сохранении коллективной памяти социальной общности и её актуализации в благоприятных условиях.

¹ Вельцер Х., Ленц К. Поколение дедов в Европе. Результаты сравнительного изучения механизмов культурной преемственности в европейских странах // Отечественные записки. 2008. № 44 (5). С. 6–22; Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007.

² Ионин Л.Г. Восстание меньшинств... С. 104–106.

Поиск новой идентичности на рубеже советской и постсоветской эпохи способствовал обращению людей к истории, поиску там «своих корней». Множество людей «вспомнило» о своих казачьих корнях. Это воспоминание позволило им достаточно быстро сформировать новое представление о своём прошлом и определиться со своей идентичностью, с восприятием и отношением к настоящему. Этим объясняются попытки скрупулезной реконструкции исторических форм у казаков в начале 1990-х гг. Например, в июле 1990 г. в рамках Кубанского казачьего клуба им. А.Ф. Бурсака была создана конная секция. Объясняя смысл организации конных походов и конной подготовки в современных условиях, ее руководитель А. Берлизов отмечал, что это возможность вести казачий образ жизни: «Конные переходы по горам в казачьей форме... это вам не в манеже сменой ездить»¹.

Для потомков казаков обращение к истории в конце 1980-х гг. имело особое значение в силу специфики социально-культурного развития казачьего сообщества, которое было насильственно прервано после установления советской власти. Нередко повышенный интерес к историческим сюжетам Гражданской войны, рассказывания и т.д. в конце 1980-х – начале 1990-х гг. становился той причиной, по которой люди впоследствии присоединялись к движению за возрождение казачества, одновременно это работало на популяризацию движения среди населения. Так, А.Г. Бурмагин, – в 1988 г. старший научный сотрудник Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына, а впоследствии войсковой старшина Кубанского казачьего войска, описывал, как он начал заниматься сначала изучением Гражданской войны на Кубани, затем вопросами рассказывания и репрессий в годы коллективизации, проводил научные экспедиции по сбору материала о высылке семей казаков из ст. Полтавской. Он вспоминает, как после его обращения к кубанским казакам через районные газеты с просьбой о помощи в сборе материала по истории Кубани

¹ Бурмагин А.Г. От Кубанского казачьего клуба... С. 68.

в 1920-е–1930-е гг., «пошли письма чудом оставшихся в живых казаков и казачек с воспоминаниями о тех годах...»¹

Обращение к истории и памяти отражается на воспроизведении традиционной культуры казачества. Ключевым моментом в развитии процесса культурной репрезентации становится принцип «не забыть и не потерять прошлое». Таким образом, главным мотивом деятельности всех казачьих собраний и организаций становится возрождение и сохранение истории и культуры казачества. Этим объясняется увлечение исторической реконструкцией, развитие исторических и военно-исторических клубов. В формулировках цели их деятельности значились: изучение и пропаганда военной истории казачества, возрождение воинских традиций, изучение боевого казачьего искусства, создание полковых музеев и др.²

В обращении к прошлому военно-историческая тема оказывалась ключевой, поскольку и в истории, и в памяти представителей казачьего сообщества казаки позиционировались как воины, защитники Отечества. Это определяло направление исторических реконструкций. Например, в Донском военно-историческом клубе была создана Донская казачья дивизия с подробной реконструкцией военной формы, культурными инсценировками по владению холодным оружием, джигитовкой³. Один из лидеров казачьего возрождения на Дону, председатель клуба И.В. Карасёв, так определял цели клуба и движения за возрождение казачества: «Мы хотим, чтобы на Дону...были возвращены прежние названия станиц, улиц, чтобы были восстановлены памятники нашей культуры, возвращены истории имена наших полководцев Платова, Бакланова...»⁴.

¹ Там же. С. 38.

² Водолацкий В.П., Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Возрождение: Первый круг казаков Дона... С. 79.

³ Озеров А.А. Политико-правовая институционализация современного казачества... С. 8–9.

⁴ Там же. С. 11.

Пропаганда истории кубанского казачества значилась в числе целей Кубанского казачьего куба им. А.Ф. Бурсака. Для этого предполагалось восстанавливать казачью военную униформу, учиться фехтованию и джигитовке, организовывать униформированные мероприятия, которые позволили бы соприкоснуться с казачьей историей широкому кругу людей¹.

Другое направление исторических клубов занималось восстановлением исторической памяти о значимых и/или трагических событиях и исторических личностях. Так, «Платовский комитет» занимался восстановлением памятника М.И. Платову. Клуб «Думенковцы–Мироновцы» проводил работу по реабилитации исторических личностей периода Гражданской войны – Б.М. Думенко, Ф.К. Миронова. Руководитель клуба «Думенковцы–Мироновцы» И.Г. Войтов собрал обширный материал об этих исторических личностях, а также способствовал установлению в 1988 г. памятника Б.Г. Думенко у хут. Казачий Ростовской области². Деятельность клуба И.Г. Войтов рассматривал в контексте духовного возрождения и восстановления справедливости по отношению к тем, кто пострадал от расказачивания «движения за собственное духовное возрождение, за реабилитацию всех расказаченных, раскрестьяненных, расчеловеченных предков наших...»³

Тема культурной памяти присутствует в письмах, которые приходили от жителей Ростовской области в редакцию газеты «Молот» в начале 1990-х гг., а также в Оргкомитет Учредительного съезда донских казаков. Люди писали о возрождении казачьих хоров, сохранении и популяризации казачьей песенной традиции и истории: «...Литературному товариществу «Шолоховский круг» надо резко улучшить свою деятельность. Идти к людям. Ведь многие не знают ни истории казачества, ни славных его (минувших) дел»⁴.

Выступая на Первом (учредительном) съезде казаков Ставрополя (28 сентября 1990 г.) В.В. Ходарев, определяя причины нынешних проблем

¹ Бурмагин А.Г. От Кубанского казачьего клуба... С. 58.

² Бурмагин А.Г. От Кубанского казачьего клуба... С. 74.

³ Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Возрождение казачества в новой России... С. 28.

⁴ Там же. С. 102, 103, 106, 108 и др.

потомков казаков, отмечал, что «мы плохо знаем историю казачества, свои обычаи, культуру. Мы это потеряли и потому плохо воспитываем детей... В условиях распада нравственности и морали мы призваны не только возродиться, но и приумножить лучшие казачьи традиции». В Обращении Оргкомитета Союза казаков г. Ставрополя к населению города отмечалось, как одна из главных задач деятельности казачьей организации, восстановление исторической правды о казачестве, пропаганда обычаев, праздников, обрядов казачества, их традиционного быта и культурного наследия...»¹

Таким образом, в конце 1980-х гг. коллективная историческая память стала фактором, повлиявшим на начало возрожденческого процесса. Работа памяти в начальный период казачьего возрождения проявилась как ретроспекция. Постоянное обращение к прошлому у участников возрожденческого процесса в данном случае можно рассматривать как стремление воскресить прошлое в настоящем. Оно было обусловлено историческим разрывом в существовании казачества, как социальной общности в советский период и формирования устойчивого представления о том, что в данный период был утрачен особый казачий мир. Восполнение этой утраты – одна из задач возрождения. Для этого нужно сделать то, что исследователи определяют, как внесение прошлого в нынешний день, надставление недостающего будущего для прошлого².

Далее в работе памяти проявляются несколько направлений. Первое и самое актуальное направление – воспоминания о понесенных жертвах и страданиях казачества в период установления власти большевиков, актуализация памяти-травмы и создания образа жертвы. Происходила своеобразная фокусировка памяти социальной общности на нанесенных ей обидах со стороны советской власти.

¹ Ставропольский краевой союз казаков. Ставропольское казачье войско. 1990–2010... С. 21.

² Дубин Б.В. Память, война, память о войне // Отечественные записки. 2008. № 43 (4). С. 9.

С работой памяти-травмы связано и повышенное внимание к истории Гражданской войны и участия в ней казачества на юге России. Это проявлялось, например, в исторических акциях, наподобие конного похода, предпринятого в августе 1990 г. в рамках празднования 420-летия ст. Старочеркасской. Это была акция военно-исторических клубов, данный поход имел как культурно-демонстрационный, так и мемориальный характер. Участники похода почтили минутой молчания погибших в Гражданской войне у здания бывшего штаба Добровольческой армии (в 1990 г. в здании размещалась библиотека Ростовского государственного университета)¹.

Память-травма появлялась и в формулировках документов, характеризующих события репрессивной политики против казаков со стороны советской власти. Как правило, они носили выраженный эмоциональный характер, отличались образностью, перечислением потерь и жертв, чтобы подчеркнуть трагизм ситуации. Например, в Декларации казачеств России 1990 г. говорилось о том, что казаки сотнями и тысячами вырезались, выселялись за Урал, покидали Отечество, подчеркивалась ситуация истребления казаков на протяжении продолжительного периода в 1920-е – 1940-е гг.² В резолюции «О гражданской и политической реабилитации казачества, принятой на учредительном съезде донского казачества в 1990 г., говорится о применении к казакам тактики «поголовного уничтожения». Требование реабилитации казачества обосновывались тем, что к этому «взывает память безвинно убиенных, взывает и справедливость, долг перед прошлым и грядущим поколением казаков»³. В одном из документов Всекубанского казачьего съезда 1990 г. трагедия кубанского казачества в результате расказачивания связывается не только с человеческими жертвами, но характеризуется шире – это лишение казаков истории и культуры, этнической самобытности и в целом постановка

¹ Озеров А.А., Киблицкий А.Г. История современного донского казачества... С. 52.

² Декларация казачеств России // Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Союз казаков Области войска Донского... С. 274–275, 276.

³ Водолацкий В.П., Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Возрождение: первый круг казаков Дона... С. 70–71.

их на грань исчезновения¹. Наиболее интенсивно работа «раненной памяти» проявлялась в первой половине 1990-х гг. В этот период историческая тема страданий и потерь казачества, и даже геноцида, связанная с событиями Гражданской войны и политикой большевиков, была тесно связана с этническими идеями возрождения и восстановлением прав народа, у которого было все отнято прежней властью.

Особое значение для исторической памяти казачества имело письмо Оргбюро ЦК РКП(б), принятое 24 января 1919 г., в котором определялась политика большевиков по отношению к казачеству. Данный документ рассматривался как ключевой в разворачивании репрессий против казачества. В ходе возрождения неоднократно звучали призывы к осуждению данного документа и других, в котором содержались решения об истреблении и депортации казачества².

Второе направление – актуализация памяти о славной истории казачества, его роли для Российского государства. Первоначально здесь наблюдалось определенное противоречие. В одном ряду исторической памяти оказывались и «строители государства», «защитники Отечества» такие как Ермак, М. И. Платов, и бунтари-разрушители этого государства, такие, как К. Булавин, С. Разин, Е. Пугачев. Но со временем подбор исторических личностей и событий стал более чётким и определенным. Приоритет был отдан героической патриотической теме защиты Отечества, а также интеграции территории российского государства. В рамках этого направления выделяются исторические события и личности, патриотический характер которых и проявление доблести были безусловными и всеми признаваемыми и почитаемыми. Соответственно в исторической памяти они занимали особое место.

¹ ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 2. Л. 73.

² Решение Большого Круга Союза казаков Области Войска Донского «О необходимости этнического, духовного и территориально-экономического самоопределения казачества и других казачеств России и республик СССР // Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Союз казаков Области войска Донского... С. 391–392.

К таковым событиям относилось захват и оборона донскими казаками крепости Азов, получившее в истории название «Азовское сидение» 1637–1642 гг. Оно было одним из наиболее ранних исторических событий, выполняющих мемориальную функцию. Его характеристика в российской истории имело выраженный патриотический характер и это способствовало конструированию образа казаков, как верных слуг и защитников Отечества. Местом памяти о данном событии являлось Монастырское урочище, расположенное вблизи Старочеркаска. Здесь в 1866 г. была заложена часовня и покоились останки защитников Азовской крепости. В 1990 г. в Монастырском урочище впервые было проведено мероприятие, посвященное памяти донских казаков – защитников Азовской крепости. Сюда прибыли участники первого конного похода прибыли. В описании очевидцев были проведены торжественные действия с построением и молебном: «У многих наворачивались слезы...была восстановлена древнейшая традиция Донских казаков. Всю ночь казаки не давали погаснуть Огню памяти на могилах Героев»¹.

Однозначно положительно, в патриотическом контексте воспринималась Отечественная война 1812 г. Формирование памяти об участии казачества в этой войне имело исключительно патриотическую направленность. Тем более, что с этим историческим событием было связано имя одного из самых почитаемых донских атаманов М.И. Платова. Будучи весьма известной фигурой российской истории, для казаков он также являлся символом государственного служения.

Увековечивание имени атамана Платова началось еще в середине XIX в., когда в 1853 г. был открыт памятник Платову, а также его имя получил один из проспектов Новочеркаска. Возобновление коммеморативной практики происходило в советский период. Так, накануне празднования 150-летия Отечественной войны 1812 г. была озвучена идея восстановления в Новочеркасске памятника М.И. Платову, демонтированного в 1920-х гг.

¹ Озеров А.А., Киблицкий А.Г. История современного донского казачества... С. 53.

Идею даже поддержали партийно-советские органы Новочеркасска. Затем, уже в конце 1980-х гг. было организовано инициативное движение по восстановлению памятника. В 1993 г. памятник был восстановлен в Новочеркасске, а спустя 10 лет в 2003 г. установили ещё один памятник атаману Платову, приурочив это событие к празднованию его 250-летия.

В 1999 г. в Анапе был установлен памятник атаману Черноморского войска А.Д. Бескровному, память об этом атамане, а также мемориальные действия в отношении него также были связаны с Отечественной войной 1812 г., героем которой он являлся.

Ещё одно имя, безусловно почитаемое казаками – Я. П. Бакланова, героя Кавказской войны. Оно имело легендарный характер и являлось символом воинского духа казаков. Его мемориализация также началась еще в имперской России. В 1911 г. прах Я.П. Бакланова и памятник ему были перевезены из Санкт-Петербурга, где он был первоначально захоронен в 1873 г., в Новочеркасск. В 1995 г. памятник Я.П. Бакланову восстановили после частичного его разрушения в советский период.

М.И. Платов и Я.П. Бакланов являлись теми историческими фигурами, в отношении которых коммеморативные действия предпринимались неоднократно на протяжении 1990-х – 2000-х гг. В 2013 г. памятник атаману Платову воздвигли даже в Москве. И хотя это в определенном смысле нарушало географическую логику места памяти (М.И. Платов был донским атаманом), но свидетельствовало о признании его заслуг перед Отечеством. Таким образом патриотическая тема имела большое значение для исторической памяти казачества.

Историческая память казачества, присутствующие в ней нарративы, образы и символы становится важным ресурсом политики памяти, формируемой в рамках возрождения казачества для достижения его целей. Во-первых, историческая память играла важную роль в обосновании роли казачества в современной российской общественной системе, во-вторых, конъюнктура памяти позволяла участникам возрождения обосновывать статус народа-

жертвы. Концептуальное наполнение политики памяти строилось в двух направлениях. Первое направление – увековечение памяти о страданиях и жертвах казачества в период Гражданской войны, и впоследствии от действий большевиков, отношении казачества, второе направление – это воскрешение памяти о казаках, как о воинах – защитниках Отечества, создание особого пространства памяти.

В рамках первого направления формируется особое информационное пространство, в котором не только освещалась тема репрессий в отношении казачества в советский период, но и связанные с этим требования казаков. Так «Декларация казачеств России» 1990 г. содержала не только положения, обличающие действия власти в отношении казачества в 1920-х – 1940-х гг., но и требования о восстановлении справедливости: «...Мы требуем отмены всех преступных актов, направленных против казачества»¹. Также в документе перечислялись мероприятия, которые должны были способствовать реабилитации и возрождению казачества. В числе таковых назывались: восстановление казачьих территорий в прежнем виде и в статусе территориально-административных единиц, восстановление казачьего землевладения и землепользования, казачьего самоуправления. О страданиях казачества говорилось и в резолюции «О гражданской и политической реабилитации казачества» учредительного съезда донского казачества в 1990 г. Резолюция содержала требование гражданской и политической реабилитации казачества². Аналогичное содержание имели положения документа, принятого на Всекубанском казачьем съезде в 1990 г.³

Политика памяти в данном направлении активно формировала образ казачества как жертвы. Например, в заявлении Малого Совета Атаманов Союза казаков требования обосновываются понесенными страданиями:

¹ Декларация казачеств России // Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Союз казаков Области войска Донского... С. 274–275, 276.

² Водолацкий В.П., Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Возрождение: первый круг казаков Дона... С. 70–71.

³ ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 2. Л. 73.

«...казаков попытались стереть с лица земли, подвергнув их геноциду, а добрую память о защитниках Отечества развеять по ветру, оболгав казаков, лишив нас права называться народом...»¹ Создание образа жертвы можно рассматривать как ситуацию, характерную для ряда современных обществ конца XX в. Например, П. Брюкнер говорит о тенденции оспаривания народами друг у друга «лавров наибольшей уязвленности»². Один из исследователей политического использования памяти Ц. Тодоров обращает внимание на то, что положение жертвы приносит свои политические дивиденды. Оно дает право жаловаться, протестовать и требовать. П. Рикёр отмечает, что положение жертвы может быть очень выгодным, так как дает большую привилегию перед другими народами, как бы ставя их в положение должников³.

Для казачества статус жертвы подразумевал компенсацию нанесенного вреда. Такая ситуация получила правовое оформление в Законе о реабилитации репрессированных народов. Понимание понесенных потерь у участников возрожденческого процесса могло быть очень широким. Например, в одном из документов казачьей организации «Станица Зацарицынская» в Волгоградской области говорилось о том, что государство должно вернуть казакам всё, что было отобрано: «народоправство, общинное землевладение, землепользование, систему воинской службы... Никаких опросов общественного мнения не проводить о введении казачьего самоуправления... Власть должна быть – атаманское правление. ...Когда нас жгли, расстреливали, сгоняли в Сибирь и Среднюю Азию, когда у нас отбирали всё подчистую – нас не спрашивали любо ли вам, казаки... нам надо требовать самое главное: верните всё то, что забрали у нас незаконно, разбойно. Хватит просить, надо требовать. Реабилитации, землю и др.»⁴. Таким образом, речь могла идти о ре-

¹ Заявление российского казачества // Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Союз казаков Области войска Донского... С. 294–296.

² Брюкнер П. Тирания покаяния: эссе о самобичевании Запада // Отечественные записки. 2008. № 44 (5). С. 60.

³ Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004. С. 127.

⁴ ЦДНИВО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 3. Л. 24-24а.

билитации как о возвращении казакам их целостной социокультурной системы, их дореволюционного статуса. Так, в обращении 1991 г. IV Большого круга общественной организации «Хопёрский казачий округ» говорилось следующее: «На протяжении более чем четырех столетий земля донских казаков...развивалась как единая целостная структура со своей экономикой, самоуправлением, бытом и культурой...Сейчас, когда всем народам дано право на самоопределение, донское казачество по-прежнему не является одним целым. Для возрождения донского казачества в полном объеме необходимо единство этническое, как духовное, так и территориально-экономическое...»¹.

Однако, прежде всего реабилитация, с точки зрения казаков предусматривала возвращение казакам территорий традиционного проживания. Территориальные претензии рассматривались как восстановление справедливости. Так как территории казачьих войск, как особые территориально-административные образования были большевиками сознательно уничтожены, в глазах современных казаков это выглядело как намеренное лишение их «своей» исконной земли. Отсюда требования участников возрождения вернуть казакам земли их традиционного проживания.

Не менее активно развивалась в начале 1990-х гг. и политика памяти, в основе которой лежала идея патриотического служения казачества. Данное направление основывалось на исторической памяти о военной службе казаков как о неотъемлемой части их жизни и судьбы, на образе казака-воина, многочисленных исторических нарративах, связанных с военными подвигами и сценами походной жизни и научных исследованиях, значительная часть которых была посвящена изучению роли казачества в войнах России. Во многих документах казачьих организаций была отсылка к военной исторической традиции как норме жизни казаков. Так, в документах казачьих органи-

¹ Обращение IV Большого Круга общественной организации «Хопёрский казачий округ» от 21 сентября 1991 г. // Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Союз казаков Области войска Донского... С. 389.

заций 1990-х гг. встречается формулировка, что «казак родился воином», отмечалась исторически обусловленная эффективность казачьих войск, так как: «казачьи войска на протяжении веков демонстрировали беспримерное мужество, отвагу, героизм, любовь к Отечеству... Единственная наша привилегия – служить Родине», «казаки... воспитанные на понятиях долга, чести и любви к отечеству, на протяжении всей своей истории самоотверженно защищали рубежи России, всегда служили образцом воинской доблести...»¹ Традиции службы являлись обоснованием для формирования казачьих частей в современной армии. Так, атаман Кубанского казачьего войска В.П. Громов в качестве аргумента в письме высшему руководству Вооруженных Сил РФ о возрождении военной службы казаков ссылается на то, что защита Отечества всегда была священным долгом казаков, а возрождение традиционной службы казаков поможет избавить армию от различного рода негативных явлений².

Активным актором в развитии данного направления политики памяти являлось государство. Для него переориентация исторической памяти социальной общности на патриотическую тематику, во-первых, снижало потенциальную конфликтную природу сообщества, в котором приоритетным являлась память-травма, во-вторых, позволяло извлечь пользу из готовности казаков служить и реализовать здесь собственный интерес. Развитию этого направления политики памяти способствовало и введение реестра казачьих войск, создание обществ, в которых казаки должны были исполнять обязательства государственной и иной службы.

В 1990-х гг. власть выстраивает свою политику конструирования «образов прошлого» в отношении казачества. В первую очередь, следует обращение к традициям казачества, их возрождение предлагается поставить на

¹ Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Союз казаков Области войска Донского... С. 396, 294.

² ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 23. Л. 8–9.

государственную основу¹. Казаки характеризуются как основа консолидации населения. Региональными властями выносятся решения об активизации научных исследований и популяризации истории казачества. Так, в Ростовской области в фокусе внимания власти оказывается развитие исторической части возрождения. Принимается решение о создании музейных территорий, этнокультурных пространств, исторических зон, развитии фольклорных коллективов и т.п.² В решении Волгоградского областного Совета народных депутатов отмечалась историческая составляющая патриотизма казачества, его стремление возродить Россию, как великую державу³. В Краснодарском крае официальная политика памяти в отношении казачества имела более чёткое выражение. В мае 1995 г. вышел новый закон о символах Краснодарского края. Основой герба Краснодарского края стал исторический герб Кубанской области, гимном Краснодарского края стала полковая песня кубанских казаков «Ты, Кубань, ты наша Родина...», написанная в 1914 г.⁴ В Уставе Краснодарского края появилась статья о том, что Краснодарский край является исторической территорией формирования кубанского казачества (данная статья отменена Конституционным Судом РФ в 2000 г.)⁵.

Вместе с тем, активных действий в формировании политики памяти и пространства памяти в отношении казачества власть не предпринимала. Та деятельность власти, которую условно можно определять, как политику памяти, затрагивала преимущественно сферу культуры. Власть стабильно под-

¹ Постановление бюро Ростовского обкома КПСС от 9 апреля 1991 г. «Об отношении к движению за возрождение традиций донского казачества» // Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Союз казаков Области войска Донского... С. 287.

² Решение Президиума Ростовского областного Совета народных депутатов № 95 от 13.12.1990 г. С. 5.

³ Решение Волгоградского областного Совета народных депутатов № 9/179-с от 19.12.1991 г. // Государственные акты по вопросам Российского и донского казачества. В 2 т. Ростов н/Д, 2001. Т. 2. С. 365.

⁴ О символах Краснодарского края. Закон Краснодарского края № 5-КЗ от 5 мая 1995 г. // Сборник нормативных актов Российской Федерации и Краснодарского края, принятых в отношении казачества. Краснодар, 2003. С. 165–167.

⁵ Устав Краснодарского края. 1995 г. // Там же. С. 169.

держивала развитие казачьих фольклорных коллективов, крупные музейные комплексы, например, в Старочеркасске, в ст. Вешенской, связанной с именем писателя М.А. Шолохова и историей создания романа «Тихий Дон», другие подобные исторические места.

В связи с этим более определенным становится и исторический образ казака в интерпретации представителей власти, курировавших работу казачьих обществ. Казак – это православный воин, защитник Отечества, истинный патриот. Особое внимание уделяется военной истории казачества, его участию в сражениях за интересы России. Здесь точки зрения власти и участников возрождения на исторический образ казака совпадали.

Коммеморативная практика возрождения казачества отражала сложное сочетание в исторической памяти казачества травматического опыта взаимодействия с государством в период Гражданской войны и в 1920-х–1930-х гг. и патриотического служения Отечеству. На протяжении всего возрождения, вплоть до настоящего времени, в коммеморативной практике казаков прочно присутствовала тема Гражданской войны и репрессий против казаков. Прежде всего, она выражалась в сложившейся традиции поминовения жертв казачества 24 января 1919 г. Этим числом датируется принятие циркулярного письма Оргбюро ЦК РКП(б), давшего идеологическое обоснование репрессий против казаков в период Гражданской войны. В документах казачьих организаций в начале 1990-х гг. встречались призывы проведения общественного суда над большевистскими руководителями, которых считали идеологами расказачивания. Проводились кампании по переименованию улиц, носивших имена представителей большевиков, которых считали виновниками трагедии казачества. Например, в Волгограде именно представители казачьих обществ в 1990-х и 2000-х гг. несколько раз поднимали вопрос о переименовании улицы имени Р.С. Землячки.

В возрождении казачества тема Гражданской войны осмысливалась как величайшая трагедия. И прежде всего, это нашло отражение в декларативных документах крупных казачьих организаций, таких, как Союз казаков. Так на

первом же Совете Атаманов этой организации, прошедшем в ноябре 1990 г., было решено считать Гражданскую войну величайшей трагедией века¹. Также среди участников казачьего возрождения было понимание негативного последствия Гражданской войны как разделения казаков на белых и красных. О необходимости преодоления этого разделения, прекращения Гражданской войны среди казаков говорилось и в документах казачьих организаций, и на крупных казачьих форумах. В 2005 г. как утверждение данной позиции в г. Новочеркасске был установлен памятник примирения и согласия.

Однако, широкой коммеморативной практики в отношении этого важного события не сложилось. Если к данной теме часто обращались в начале 1990-х гг., то затем она постепенно сходит на нет и выводится из сферы публичной истории казаков. Причиной этому стали, прежде всего, общая ситуация снижения интереса к Гражданской войне, выведение ее за рамки политики памяти в России вообще, а также наличие значительного количества «неудобных» исторических фигур и событий казачьей истории, связанных с данным периодом.

Речь идет прежде всего о ситуации коллаборационизма, сотрудничества с нацистской Германией, возникшей в казачьей эмигрантской среде. В результате роста негативных оценок как со стороны власти, так и со стороны общества в отношении коллаборационизма периода Второй мировой войны, такие исторические личности, как П.Н. Краснов, В.Г. Науменко, А.Г. Шкуро оказались в зоне молчания и широкое освещение деятельности данных личностей в период Гражданской войны и тем более коммеморация в отношении них оказались невозможными. По этой же причине частный мемориальный комплекс в ст. Еланской, посвященный памяти жертв антибольшевистской борьбы, получил неоднозначную оценку даже среди казаков, так как в центре мемориального комплекса была воздвигнута фигура атамана П.Н. Краснова.

¹ Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Союз казаков Области войска Донского... С. 53.

Однако в других случаях, когда речь идет о казаках – героях Гражданской войны, не запятнавших себя связями с нацистами, мемориальная практика поддерживалась и со стороны казачьего движения, и со стороны власти. Например, в Оренбурге в память об атамане Оренбургского казачьего войска А.И. Дутове, активном участнике Гражданской войны, в 2012 г. установили мемориальную доску. При поддержке областной власти проводились поиски останков А.И. Дутова, погибшего и похороненного в Китае, с целью перезахоронения на Родине¹.

Связанные с Гражданской войной темы эмиграции и казачьего зарубежья в целом воспринимаются положительно. Удалось сформировать позитивный патриотический образ казаков-эмигрантов, отвергнутых своей Родиной, но продолжавших ее любить. Наиболее частым освещаемым событием являлась трагедия казаков и белой армии на острове Лемнос и в Галлиполи. Церемонии и другие торжественные мероприятия, как правило, были приурочены к открытию мемориалов памяти. Ярko репрезентировалась тема «потерянной Родины», которая довольно часто использовалась в качестве центральной идеи тех или иных торжественных мероприятий. Особое звучание она приобретала на первых Всемирных конгрессах казаков – грандиозных форумах, регулярно организуемых с 2002 г. Поскольку Всемирные конгрессы собирают потомков казаков-эмигрантов, покинувших Россию после проигрыша антибольшевистских сил в Гражданской войне и расселившихся во многих странах Европы и Америки, то идея воссоединения с Родиной, с братьями-казаками была и остается одной из главных идей конгрессов².

Процесс мемориализации Гражданской войны с участием казаков не имел системного характера и четких целей. То есть отсутствовала стратегия

¹ В Оренбурге совет атаманов казачьих обществ обсудил перезахоронение останков атамана Дутова. URL: <http://vestirama.ru/vesti-orenburzhya/syuzhetyi/ataman-dutov140717.html> (дата обращения: 21.02.2019).

² Рвачева О.В. Всемирные конгрессы казаков в контексте формирования пространства Русского мира // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: Политология и социология. 2017. № 4. С. 35–40.

коммеморации. В итоге инициативы по увековечиванию памяти о данном историческом периоде воспринимались настороженно властью и обществом. Не существовало и однозначно согласованного пантеона героев Гражданской войны. В итоге как коммеморативная практика, так и в целом политика памяти в этом направлении сходит на «нет». Однако для самого казачества она не потеряла актуальность.

Патриотическое направление и соответствующая коммеморативная практика, напротив, с 1990-х гг. набирали силу, пантеон исторических личностей, которым устанавливались памятники, расширялся. Так, в г. Краснодаре в 2016 г. был установлен памятник Г.А. Рашпилю, наказному атаману Кубанского казачьего войска, активно участвовавшему в многочисленных экспедициях против горцев в период Кавказской войны. Однако имя Г.А. Рашпиля, героя русско-персидской войны 1826–1828 гг., связывалось, прежде всего, с его деятельностью на посту атамана, много сделавшего для развития Черноморья¹. В 2008 г. в г. Волгодонске рядом с памятником Я.П. Бакланову открыли плиту с барельефом Сары-Азмана, Ермака, Платова, Булавина и Денисова – пяти знаменитых донских атаманов².

С начала 2000-х гг. постепенно выстраивается еще одна линия коммеморации истории казачества. Это направление оказывается связанным не только с конкретными историческими событиями, но также с формированием связи определенных территорий с историей казачества. В 2005 г. памятник кубанскому казачеству был открыт в центре г. Краснодара на ул. Красной перед зданием областной администрации. В скульптурной композиции памятника Екатерине Великой, восстановленного в 2006 г. в Краснодаре, присутствуют фигуры первых атаманов Черноморского войска³. В 2010 г. на центральной набережной в г. Волгограде был установлен памятник «Казачья

¹ Энциклопедия кубанского казачества... С. 384.

² В Волгодонске открыт казачий мемориальный комплекс. URL:<http://161.ru/text/newslines/81563.html> (дата обращения: 03.07.2017).

³ Данный памятник впервые был установлен в Екатеринодаре в 1907 г., но в советский период его убрали.

слава»¹. В 2013 г. в г. Ейске воздвигли памятник З. Чепеге войсковому атаману Войска верных казаков, активно содействовавшему переселению запорожских казаков, перешедших на службу России, на Тамань в конце XVIII в.² В 2016 г. в г. Майкопе открыли памятник «Славным сынам Отечества – казакам и горцам – героям Первой мировой войны». Аналогичный памятник воздвигнут и в г. Краснодаре³. В 2017 г. был открыт памятник хопёрским казакам – основателям г. Ставрополя.

В совокупности с усиливающейся презентацией значимости роли казачества в освоении и развитии территорий юга России в прессе, расширении присутствия казачьей истории в региональном историческом нарративе, а также масштабной поддержкой казачьих организаций в субъектах Российской Федерации, такая коммеморативная практика свидетельствует о целенаправленном формировании казачьей идентичности, прежде всего, на юге России.

Таким образом, уже в первой половине 1990-х гг. формируется модель памяти, основанная на двух идеях. Первая идея базировалась на признании казаков репрессированным народом, жертвой, в отношении которой должен быть восстановлен принцип справедливости. В основе второй идеи лежало признание казаков верными слугами Отечества, его защитниками и строителями, роль которых в деле возрождения былого могущества страны очевидна («возродим казачество – возродим Россию»). Первая идея позволяла формировать образ жертвы. Вторая – политически актуальные мифы, обосновывавшие необходимость присутствия казаков в современных социально-политических реалиях. В 2000-х гг. эта модель памяти сохранилась, но несколько трансформировалась. В силу официального признания и поддержки

¹ Волгоград исторически не входил в территорию Области войска Донского, но возрождение казачества здесь протекало весьма интенсивно.

² Энциклопедия кубанского казачества... С. 462.

³ Глава Адыгеи принял участие в открытии памятника в Краснодаре «Славным сынам Отечества казакам и горцам – героям Первой мировой войны». URL: <http://www.adygheya.ru/press-room/photo/3121/?type=print> (дата обращения: 14.03.2019).

со стороны власти политики памяти о патриотическом служении казаков Отечеству, эта часть модели памяти значительно расширилась, другая – память-жертва, напротив сузилась, однако сохранила свою актуальность.

5.2. Развитие этнонациональной идеи в казачьем возрождении в 1990-х – 2000-х гг.

Ключевым вопросом казачьего возрождения был вопрос – что возрождать? Прежде всего, он касался противоречивого определения казаков то в качестве этнической, то в качестве социальной группы с квазисословными функциями. Исследователи, занимавшиеся изучением соотношения этнического и сословно в казачьем возрождении, выявляли сложное сочетание этнического и сословного в социальной общности. Отмеченное не раз смешение военно-служилых (сословных) характеристик и самобытных, ярко выраженных культурных практик скорее этнического, чем сословного происхождения, приводило к тому, что не только исследователи, но и сами участники движения не могли четко ответить на вопрос казаки – это народ или нет. В итоге вопрос «что возрождать?», становился камнем преткновения.

Ситуация усугублялась и тем обстоятельством, что далеко не все казачьи сообщества, существовавшие в Российской империи, могли заявить о своем самобытном (без участия государства) происхождении. К таковым историки и этнографы относили всего три: донских, терских и уральских (яицких) казаков. Остальные казачьи сообщества возникли как результат организации государством казачьих войск в приграничных районах страны. Как следствие этого этническая идея была ярко выражена в казачьем возрождении донцов и терцев. Также идею этнического возрождения казачества последовательно и настойчиво развивали в Кубанском казачьем войске.

Идея этнического возрождения, абсолютно чётко определившаяся уже в первых уставных документах казачьих организаций и в документах первых казачьих форумов, не являлась случайной экстравагантной формой заявления

казачьим возрождением о себе. Этническая или более точно этнонациональная идея не была нова для казаков. Ее историческая основа обнаруживается в начале XX в., когда формировались первые националистические идеи и организации на Дону и Кубани.

Следует сразу уточнить, что применительно к началу XX в. исследователи ведут речь именно о формировании/конструировании национальной идентичности и развитии националистических движений. В то время как применительно к ситуации казачьего возрождения конца XX в. речь идет об этническом возрождении, этническом конструировании или этнических конфликтах. При определенной схожести понятий и даже их взаимозаменяемости в российской научной традиции, национализм и этничность следует развести для характеристики их проявления в казачьей среде в XX в.

Для анализа ситуации в казачьих сообществах в начале и первой четверти XX в. наиболее приемлемым представляется обращение к понятию национализма как политической идеологии. В этот период в Российской империи стало отчетливо проявляться то направление национализма, которое характеризует стремление культурно-этнических групп к политическому суверенитету¹. Свидетельство тому – формирование национальных движений и националистических партий, таких как «Дашнакцутюн», Революционная украинская партия (РУП), Азербайджанская националистическая партия «Мусават» и др. В этот же период формируется и националистическое движение на территориях казачьих войск.

Подробно развитие националистической идеи в среде донского казачества проанализировал Б.С. Корниенко в работе «Правый Дон: казаки и идеология национализма». Надо отметить, что это первое и пока единственное фундаментальное исследование националистических установок казачества. По мнению С.М. Маркедонова, который в своё время ближе всех подошел к изучению данной темы, проанализировав взгляды участников «вольноказачь-

¹ Малахов В.С. Вообразить народ // Отечественные записки. 2012. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2012/2/voobrazit-narod.htm> (дата обращения: 10.05.2021).

его движения» в контексте конструирования национальной идентичности, казачий национализм как целостная идеологическая система сформировался в эмиграции. В дореволюционной же России не существовало националистических казачьих партий, сравнимых, например, с «Дашнакцутюн» или «Му-сават». Таким образом, отмечал С.М. Маркедонов, националистические настроения в казачьей среде существовали, но они не достигали ни партийно-политического, ни идейно-теоретического уровня¹.

Отсутствие крупных исследований по данной теме возможно обусловлено спецификой источниково-информационной базы. Так, Б.С. Корниенко отмечал слабую репрезентативность источников, в которых можно было бы обнаружить представления об этнической/национальной или сословной принадлежности отдельных донских казаков, так как они не позволяют полноценно выявить самоидентификацию населения Области войска Донского². В связи с этим Б.С. Корниенко подчеркивал, что не ставил своей задачей определить этническую/национальную идентичность всей массы казачьего населения или решить вопрос, было ли казачество народом³.

При исследовании конкретных националистических проектов, разрабатываемых в рассматриваемый период на Дону, Б.С. Корниенко удалось убедительно доказать не только наличие националистических настроений среди донского казачества, но и показать, каким образом оформлялась националистическая идея. Парадоксальность данной идеи заключалась в том, что она формировалась на базе русофильства, укрепления господства русской народности в Российской империи, упрочения русской государственности. Все эти идеи лежали в основе деятельности Всероссийского Национального Союза (ВНС), региональное отделение которого стало институциональной основой

¹ Маркедонов С.М. От истории к конструированию национальной идентичности (исторические воззрения участников «вольноказачьего движения») // *Ab Imperio*. Казань, 2001. № 3. С. 530–531.

² Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914 гг.). СПб., 2013. С. 11.

³ Там же. С. 12.

развития национализма на Дону. Представителями донского казачьего национализма называют редактора-издателя газеты «Голос казачества» С.А. Холмского, историка П.П. Сахарова, редактора «Донских областных ведомостей» Х.И. Попова. Наиболее же известен своими взглядами на этническую природу донских казаков историк Е.П. Савельев¹.

Рассматривая развитие националистической идеи на Дону, Б.С. Корниенко отмечает, что казачьего национализма как политической силы здесь не возникло, но присутствие националистической идеи на Дону было очевидно. Выражалось это присутствие в создании специфического нарратива национальной истории донских казаков, формировании «национального мифа», ключевое место в котором занимала доктрина Е.П. Савельева о древнем происхождении казачества. В отличие от Е.П. Савельева, П.П. Сахаров, хотя акцентировал внимание на особой роли казачества в истории Российского государства, однако не выделял казаков как особый народ, придерживался версии их русского происхождения, подчеркивал связь казаков с Россией².

Развитие идеи национализма на Дону в начале XX в. соответствовало тем тенденциям, которые имели место в свое время в европейских государствах в период формирования государств-наций и распада империй. В рамках этих процессов группы населения, имевшие выраженную специфическую культуру, под влиянием местных интеллектуалов и формируемого ими национального мифа, создавало и осознавало идентичность, отличную от других, а затем претендовало на политическую обособленность. Алгоритм создания такой национальной идентичности подробно раскрыт в работах Э. Геллнера, Б. Андерсона, Э. Хобсбаума, Э. Смита, В.А. Тишкова³. Элементы этого алгоритма встречаются и в донском обществе в начале XX в., когда представите-

¹ Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма. С. 43, 48, 135, 155.

² Там же. С. 162–163.

³ Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991; Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001; Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. М., 2017; Смит Э.Д. Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004; Тишков В.А. Российский народ. История и смысл национального самосознания. М., 2013.

ли казачьей интеллектуальной элиты, осмысливая историческое прошлое казачества, объективно способствовали созданию объединяющего национального мифа. Существовали разные варианты этого мифа – от поиска древних корней казачьего народа до провозглашения особой роли казаков в истории России. Но суть была одна – подчеркнуть казачью особость и превратить ее по возможности в политический ресурс.

Высказывания о казачестве как о народе приобрели иное звучание после Февральской революции 1917 г. По мнению Ю.К. Кириенко, в этот период на казачьих съездах и кругах периодически утверждалось, что казачество представляет собой не сословие, а специфическую часть русского народа, имеющую право на самостоятельное существование. Таким образом, казачий национализм становился политической основой для новых государственных отношений. Проповедовалась идея, что Россия должна стать федеративной республикой, в которую казачество войдет на правах федерации¹. Однако на самом деле, по мнению Ю.К. Кириенко, казачий федерализм в этот период был формой защиты сословных интересов и средством борьбы с революцией².

В период Гражданской войны на юге России казачий национализм принимает форму шовинизма. Первые признаки этого проявились при созыве Войскового Круга в мае 1917 г. и выборах войскового атамана. Политический национализм характеризовался как возврат к традиционным казачьим ценностям в системе власти и управления и объявлении о приоритете этих ценностей в донском обществе. Стать делегатами Круга могли только казаки, структуры власти в лице войскового атамана и правительства также являлись

¹ Кириенко Ю.К. Трактовка понятия казачество-народ в зарубежье // Возрождение казачества история, современность, перспективы. Тезисы докл., сообщ., выступл. на V междунар. (всерос.) науч. конф. Ростов н/Д, 1995. С. 77.

² Там же.

сугубо казачьими¹. Высказанное в связи с этим резкое недовольство неказачьей части населения в обстановки нараставшего политического кризиса 1917 г. заставило первого выборного атамана А.М. Каледина создать так называемое паритетное правительство, в котором 7 мест было отдано представителям неказачьего населения.

Отчетливо казачий шовинизм проявился в период прихода к власти в Войске Донском генерал-майора П.Н. Краснова, избранного на должность войскового атамана 3(16) мая 1918 г., в начальный период Гражданской войны на Дону. Управление Войском Донским в этот период являлось исключительной прерогативой казаков. Сам атаман П.Н. Краснов в своих мемуарах Гражданскую войну называл войной национальной, в которой казаки отстаивали свои казачьи права от русских². На Большом Войсковом Круге, собравшемся в августе 1918 г., для подведения итогов начального периода борьбы с большевиками и строительства донской государственности, П.Н. Краснов, подчеркивая особый характер происходящих на Дону событий, заявлял: «Казачий Круг! И пусть казачьим он и останется», «Руки прочь от нашего казачьего дела – те, кто проливал нашу казачью кровь, те, кто злобно шипел и бранил казаков. Дон для донцов!», «Мы завоевали эту землю и утучнили ее кровью своею, и мы, только мы одни, хозяева этой земли»³.

Казачий национализм и шовинизм на Дону стал одной из причин политического противостояния казачества и крестьянско-иногородного населения в период Гражданской войны. Если казачество в подавляющем большинстве выступило на стороне антибольшевистских сил, то крестьянство, напротив, в большевиках увидело для себя возможность изменить своё второстепенное и

¹ Рвачева О.В. Демократия по-казачьи. Модернизация общественно-политической системы Области войска Донского в 1917–1919 гг. // Стрелец: Научный ежегодник. Волгоград, 2008. Вып. 6. С. 175.

² Краснов П.Н. Всевеликое войско Донское в 1918 г. // Архив русской революции. В 22 т. М., 1991. Т. 5–6. С. 221.

³ Там же. С. 222.

приниженное положение, получить доступ к экономическим ресурсам Донской области, главным из которых являлась земля.

В период Гражданской войны противостояние казаков и неказачьих принимало различные формы: от отказов крестьянско-иногородного населения служить в армии до бытовых столкновений. Конфронтация двух групп населения давала повод для распространения слухов о том, что «...казаки вместе с калмыками и татарами уничтожают в Области все неказачье население и идут с той же целью войной на соседние губернии»¹.

В политическом плане казачьи войска юга России, в период Гражданской войны активно развивая собственные государственные формы, демонстрировали стремление к самостоятельности и независимости сепаратистского характера. В источниках такие настроения на территориях казачьих войск нередко определялись как самостийные. Особенно часто такая характеристика применялась к казачьим политическим деятелям Кубани, которая исторически и культурно была тесно связана с Украиной, в связи с чем и появилось данное понятие. Самостийные тенденции проявились на Кубани ярко и отчетливо. Недаром здесь, по замечанию О.В. Ратушняка, взаимоотношения казаков и руководства ВСЮР были наиболее острыми и напряженными².

Чёткие формы казачья националистическая идея обрела в эмиграции, оформившись в доктрину «Кзакии». «Кзакия» – это самостоятельное казачье государство, в которое должны были войти территории казачьих войск юга России. Впоследствии границы «Кзакии» были расширены вплоть до включения в его состав уральских и оренбургских казаков. Идея «Кзакии» была сформулирована членами Вольно-казачьего движения. Это политическое течение белоказачьей эмиграции возникло в Праге в 1927 г. Его создателями стали генерал И.Ф. Быкадоров, генерал-лейтенант Т.М. Стариков,

¹ ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 22. Л. 56.

² Ратушняк О.В. Генералы А.И. Деникин и П.Н. Врангель и казаки: к вопросу о взаимоотношениях в годы Гражданской войны в России (1918–1920 гг.) // Казачья государственность: исторические, правовые и культурные аспекты. Материалы междунар. науч. конф. Сб. науч. статей. Краснодар, 2011. С. 169.

член Кубанской рады И.А. Билый, есаул М.Ф. Фролов, полковник И.И. Колесов, доктор И.П. Вифлянец, студент В.Г. Глазков¹. Среди центральных идей вольноказачьего движения были: идея о казачестве как древней ветви восточного славянства, особом народе, а также создании самостоятельного казачьего государства, «Кзакии»², которое позволит казакам развиваться³.

В развитии казачьего национализма в эмиграции вновь проявился алгоритм конструирования национальной идеи/национального мифа. В авангарде казачьего национализма стояли интеллектуалы, а основой конструирования становились исторические изыскания идеологов вольноказачьего движения. С.М. Маркедонов обращал внимание на то, что, хотя «лидеры «Вольноказачьего движения» не были академическими историками, но, тем не менее, характеризовать их как некомпетентных политизированных дилетантов было бы неверно»⁴. Глубоко занимались историческими исследованиями, особенно связанными с историей казачества и генерал Т.М. Стариков, который, по его словам, с момента окончания училища все свободное время от службы и войны посвящал изучению истории казачеств, генерал И.Ф. Быкадоров, писавший труды по военной истории, в том числе по военной истории казачества⁵.

В эмиграции будущие создатели Вольноказачьего движения основали в 1926 г. Общество изучения казачества. Свою задачу они видели в том, чтобы опровергнуть беглохолопскую теорию и доказать, что казаки – «это потомки особого славянского племени востока Европы, равнозначащие великороссам»⁶. Еще одной идеей участников Вольноказачьего движения являлось наличие у казаков особой формы государственности, отличной от той, что сложилась у русских. Ранние казачьи образования, Войско Донское, Яицкое,

¹ Энциклопедия кубанского казачества... С. 87.

² Там же.

³ Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Ростов н/Д, 1992. С. 104.

⁴ Маркедонов С.М. От истории к конструированию национальной идентичности... С. 537.

⁵ Там же.

⁶ Там же; Билый И.А. Казачьи земли. Территория и народонаселение. Прага, 1928. С. 24.

Терское характеризовались как «демократические республики», «государства, основанные на началах равенства и свободы». Впоследствии эта государственная самостоятельность казаков была уничтожена при присоединении казачьих территорий к России¹. Такой исторический посыл позволял предположить о наличии у казачества потенциала для воссоздания собственного государства.

Таким образом, исторические исследования участников Вольноказачьего движения способствовали формированию казачьей национальной идеологии. Показательно, что именно среди «казакийцев» было больше всего тех, кто проявил симпатии к идеям национал-социализма. Так, в середине 1930-х гг. казаки-самостийники в Чехословакии создали «Казачий национальный центр во главе с В.Г. Глазковым. Центр ориентировался на Германию, в которой на тот момент уже у власти был А. Гитлер. «Казачий национальный центр» вел очень активную антисоветскую деятельность².

Активизация процесса конструирования национальной идеи в среде казаков-эмигрантов было обусловлено двумя факторами. Первый – ситуация проигрыша казачества как части антибольшевистских сил в Гражданской войне и желание реванша, идеологической основой которого, консолидировавший казачество, вполне мог стать казачий национализм. Второй – ситуация эмиграции, необходимость консолидации для сохранения культурной идентичности в иноэтничном окружении. Казакийцы в этом смысле были лишь одним, не самым многочисленным направлением такой консолидации. Казачья эмиграция на протяжении 1920–1930-х гг. сохраняла тесные контакты и осуществляла взаимопомощь, благодаря этому казакам-эмигрантам на протяжении долгого времени удавалось не только сохранять культуру и

¹ Маркедонов С.М. Указ. соч. С. 550; Ратушняк О.В. Вольно-казачье движение за рубежом (1920–1930-е гг.) // Клио. СПб., 1999. № 2 (8). С. 212–217.

² Крикунов П.Н. Казаки. Между Гитлером и Сталиным. М., 2005. С. 57; Баранов А.В. Пособничество казачьих эмигрантских организаций нацистским оккупантам (по материалам Дона и Кубани) // Политическая история России: прошлое и современность: Исторические чтения «Гороховая, 2» (г. Санкт-Петербург, 22–23 апреля 2021 г.). СПб., 2022. Вып. XIX. С. 217–228.

идентичность, но и передать это следующим поколениям. Впоследствии потомки эмигрантов примут весьма активное участие в возрождении казачества конца 1980-х – начала 1990-х гг.

Идея этнического возрождения казачества, ставшая одной из целей возрожденческого процесса, отразилась в документах казачьих организаций 1990–1991 гг. Таким образом, этническое возрождение казачества происходило в рамках нового этапа мобилизации националистической идеи, которая вновь оказалась востребованной в различных странах в конце XX в. В этот период вновь становится актуальной идея национализма о совпадении национально-культурных и государственно-политических границ, что привело к перекраиванию государственных границ и этническим конфликтам¹.

Также формирование этнической идеи среди казачества являлось частью процесса этнического возрождения, начавшегося в 1960–1970-х гг. в США и европейских странах, а в России получившего своё развитие в конце 1980-х гг. Сущность этого явления заключается в значительном повышении роли этничности в общественных процессах, возрождении интереса к этнической культуре, языку, обычаям, традициям, образу жизни на фоне нарастающей интернационализации экономической и социально политической жизни, глобализации². Этническое возрождение, мобилизация национальной идеи и этнические конфликты нередко оказываются тесно связанными между собой. По мнению исследователей, если этническое возрождение начинает инкорпорировать национальную идею, важнейшим элементом которой является ориентация на создание национального государства, то создаются почти идеальные условия для дестабилизации полиэтничных государств и возникновения конфликтов³. Так, в Советском Союзе этническое возрождение сыграло важную роль в последующем распаде государства.

¹ Малахов В.С. Указ. соч. С. 5.

² Авксентьев В.А. Этнические конфликты: история и типология // Социологические исследования. 1996. № 12. С. 47.

³ Авксентьев В.А. Указ. соч. С. 48.

Приобретение казачьим возрождением характерных черт этнического возрождения было связано, в первую очередь, с формированием идентичности. Вместе с тем, одновременно среди участников движения распространяется националистическая идея, связанная с восстановлением/формированием собственных казачьих административно-территориальных образований и приоритетных политических прав казаков в рамках этих образований. В начале 1990-х гг. казачество, особенно на юге России, выдвигало требования возвращения казакам территорий бывших казачьих войск, однако эти претензии по большей части имели форму деклараций и до реализации не доходили. Большая же часть ситуаций, связанных с формированием/воссозданием национальных (казачьих) территорий была связана с реализацией Закона «О реабилитации репрессированных народов», принятого в 1991 г. одна из статей которого предусматривала осуществление права народов на восстановление территориальной целостности и восстановление национально-государственных образований¹. О политическом отделении казачьих территорий от России речи вообще не шло.

Гораздо сильнее в казачьем движении оказалась выражена идея возрождения казачества как народа. В Уставе Союза казаков 1990 г. было записано, что целью организации является историческое и духовное возрождение казачества, как самобытной этнической формации². В той или иной степени такая формулировка цели повторялась в программных документах многих казачьих организаций. Причинами актуализации именно этнического возрождения у казаков являлись, во-первых, репрессии в отношении казаков, проводимых советской властью в период Гражданской войны и в 1920–1930-х гг., которые воспринимались участниками движения как геноцид, то есть уничтожение именно народа, а не социальной группы. Во-вторых, «размывание» и фактическое уничтожение социокультурной специфики казачества в советский период. В-третьих, «разрыв» в трансляции культурной традиции

¹ О реабилитации репрессированных народов. Закон РСФСР от 26.04.1991 г. ... Ст. 3.

² ГАРФ. Ф. 10144. Оп. 1. Д. 11. Л. 34.

между поколениями, что впоследствии воспринималось казаками как уничтожение непрерывности в истории казачества и породило стремление эту непрерывность восстановить, «достроив прошлое» в настоящем.

Идея этнического возрождения была закреплена в Декларации казачества России, которая была принята на первом Совете атаманов Союза казаков, проходившем с 29 ноября по 1 декабря 1990 г. в г. Краснодаре. В Декларации говорилось о возрождении самобытного народа, корни которого тесно переплетались с судьбами великороссов и малороссов, некоторых народов Северного Кавказа и уходят в далекую древность¹. Одним из пунктов Декларации значилось признание геноцида в отношении казачества². В 1993 г. на очередном Совете атаманов Союза казаков, проходившем в Москве, будет принята еще одна Декларация, в которой вновь прозвучит определение казаков как самостоятельного народа: «Казаки – многомиллионный народ, сформировавшийся в России много веков назад, на основе территориальной, культурно-исторической общности и православия»³.

На развитие этнического направления в возрождении казачества оказал большое влияние Закон о реабилитации репрессированных народов. Формулировка ст. 2 Закона, в которой говорилось, какие народы считать репрессированными, определяла казаков как культурно-этническую группу. Но главным было то, что данный Закон позволял рассматривать казаков как народ. Таким образом, позиция власти объективно подкрепляла развитие этнической идентификации казачества.

В Решении Второго Большого круга СКОВД, проходившего в октябре 1991 г. этническое, духовное и территориально-экономическое единство донского казачества были названы основными условиями его возрождения⁴. В

¹ Декларация казачеств России // Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Союз казаков Области войска Донского... С. 274.

² Там же. С. 276.

³ ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 2. Л. 234.

⁴ Решение Большого Круга Союза казаков Области войска Донского «О необходимости этнического, духовного и территориально-экономического самоопределения донского ка-

Декларации казачества 1993 г. казаки названы многомиллионным народом, сформировавшимся в России много веков назад на основе территориальной, культурно-исторической общности и православия¹.

Особенно ярко выражена этническая идея была у кубанских казаков. В Уставе Всекубанского казачьего Войска (так стала называться краевая казачья организация, ранее носившая название Кубанской Рады) было сказано, что данная организация является добровольным этническим обществом представителей Кубанского казачества². Главной целью войска провозглашалось возрождение и сохранение казачества как особой этнической группы³.

Именно в Краснодарском крае в 1995 г. был принят Закон о реабилитации кубанского казачества, который закреплял этнический статус кубанских казаков. В статьях Закона имелись такие положения как: «нарушение этнического единства кубанского казачества» вследствие репрессивных мер в отношении него, «признание и осуществление права кубанских казаков на восстановление этнического единства», признания права кубанских казаков возвращаться в Краснодарский край для восстановления этнического единства, создание краевого казачьего этнического общества «в целях самоорганизации и восстановления этнических связей»⁴. Принятие этого закона стало логическим завершением процесса признания казаков народом в Краснодарском крае, стоит добавить, что больше ни в одном субъекте Российской Федерации такой закон принят не был.

Однако всё-таки в этническом возрождении главным оставалось – как этническая идентификация проявляется на уровне самих казаков. характери-

зачества и других казачеств России и республик СССР» // Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Союз казаков Области Войска Донского. Войсковой атаман М.М. Шолохов (История современного донского казачества). Исследования и документы. Ростов н/Д, 2002. С. 391.

¹ ГАКК. Ф. 1843. Д. 2. Л. 234.

² Там же. Л. 283.

³ Там же.

⁴ Закон Краснодарского края от 9 октября 1995 г. № 15-КЗ «О реабилитации кубанского казачества» // Законодательство Российской Федерации и Краснодарского края по вопросам казачества. Сборник нормативно-правовых актов со вступительным комментарием. Краснодар, 2005. С. 111–112.

зую состояние казачьего сообщества в конце 1980-х – начале 1990-х гг. А. П. Кожанов отмечал: «Парадокс ситуации состоял в том, что физическое существование потомков казаков соседствовало с их отсутствием как субэтноса. Эпизодические народные празднества, проводившиеся для увеселения зарубежных гостей или начальства высокого уровня, носили скорее скомо-рошечьи забавы. В них видна была форма, лихость былой казачьей удали. Не было казачества, его менталитета»¹. Казаки как этническая общность (или общности) не формулировали свои этнические интересы. В период возрождения это стали делать представители казачьих организаций, которые далеко не всегда являлись выразителями мнений всего казачьего сообщества на территории того или иного субъекта Российской Федерации.

Кем себя считали те, кого можно было причислить к казачьему сообществу, – являлся самым противоречивым вопросом возрождения. Выявление идентичности требовало навыков социологического опроса и непредвзятости подхода. Сложности возникали и с репрезентативностью выборки, так как чаще всего в неё попадали представители казачьих обществ, чей ответ на вопрос «кто такие казаки?» был предсказуем.

Одним из первых опытов по выявлению, как социального состава современного казачества, так и его этнической идентичности стало социологическое исследование, проведенное в 1993 г. В.С. Брежневым. Исследование охватывало 6 регионов России, в том числе Ростовскую область, Краснодарский и Ставропольский края. Согласно результатам исследования, очень незначительный процент респондентов определили свою национальность как казаки². В качестве же этнообразующих признаков были выделены: происхождение (рождение в семье казака), воинская служба, религия³. Выделяли

¹ Кожанов А.П. О возрождении казачества // Проблемы казачьего возрождения... Ч. 1. С. 42.

² Брежнев В.С. Социальный состав казачества и его этническая определенность // Проблемы казачьего возрождения. Сб. науч. ст. в 2-х ч. Ростов н/Д, 1996. Ч. 1. С. 69.

³ Там же. С. 70.

респонденты при опросе и этнические признаки, к которым относили одежду, казачьи песни, скачки и др.¹

Проводя в 1995 г. исследования в Краснодарском крае, Т.В. Таболина поставила задачу уточнить представления современных казаков о себе. Респондентами являлись члены казачьих структур. Согласно выводам, сделанным Т.В. Таболиной казачество, в представлении опрошенных, являлось особой группой русских, при формировании идентичности на первое место выходило происхождение, но не меньшую ценность представляли такие категории как дух, убеждения, патриотические мотивы².

Такое смешанное и противоречивое представление казаков о себе отчетливо проявилось и в формулировках программных документов казачьих обществ «кого считать казаком» и «кто может состоять в казачьем обществе». Например, согласно ключевому документу Союза казаков – уставу, членами данной организации могли быть не только потомки казаков, но и те чья деятельность была связана с казачеством, а также принимавшие активное участие в возрождении казачьей культуры и в целом разделяющие идею возрождения самобытной казачьей формации³.

В той или иной степени эти характеристики казачьей идентичности были, затем повторены в документах казачьих организаций в регионах. Так на первом Большом круге СКОВД в 1991 г. была принята резолюция о статусе донского казачества. В документе был зафиксирован поливариативный социо-этнический статус. То есть принадлежность к казачеству определялась по родовому принципу (наличие предков), по принципу проживания на казачьей территории, по принципу участия в культурной жизни казачества и участия в возрождении культуры и др.⁴ Схожие формулировки были в Уставе

¹ Там же.

² Таболина Т.В. Казаки: драма возрождения... С. 16–17.

³ ГАРФ. Ф. 10144. Оп. 1. Д. 11. Л. 36.

⁴ Водолацкий В.П., Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Возрождение: Первый круг казаков Дона... С. 69.

Всекубанского казачьего войска. В нём речь шла о потомках казачьих родов, выходцах с Кубани о тех, кто связан с историей казачества¹.

Более четко формулировалось определение кого считать казаками в Законе о реабилитации кубанского казачества. Так в ст. 4 данного Закона указывалось, что кубанскими казаками признаются граждане Российской Федерации и других государств, относящие себя к прямым потомкам кубанских казаков². Таким образом, приоритетным признавалось происхождение, а не самосознание тех, кто готов был идентифицировать себя как казака. Для реабилитации казачества такой подход в духе примордиальной концепции к определению этнической казачьей принадлежности был более логичным, чем конструктивистский подход, позволявший причислять себя к казачеству на основе самоидентификации. Ведь справедливость должна была быть восстановлена в отношении предков современных казаков в отношении тех, с кем они были связаны кровными узами родства.

Однако развитие возрождения показало, что ни у власти, ни у самих казаков так и не сложилось четкого и определенного представления о том, кто такие казаки. В Указе Президента РФ 1992 г., определявшего реабилитационные меры в отношении казачества, членами казачьих обществ, предложенных властью как формы реабилитации, могли становиться как те, кто определял свою казачью принадлежность по происхождению, то есть потомки казаков, так и те, кто вступал в казаки³. Аналогичным было определение казаков во «Временном положении о государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации» 1995 г.⁴ Для реестровых обществ этническая ком-

¹ ГАКК. Ф. 1843. Оп. 1. Д. 2. Л. 84.

² Закон Краснодарского края № 15-КЗ «О реабилитации кубанского казачества»...

³ Указ Президента Российской Федерации «О мерах по реализации закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов в отношении казачества»...

⁴ Временное положение о государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации. Утверждено Указом Президента Российской Федерации № 835 от 9 августа 1995 // Государственные акты по вопросам российского и донского казачества. В 2-х т. Ростов н/Д, 2001. Т. 1. С. 118–123.

понента вообще не являлась приоритетной, главным было исполнение обязанности по несению государственной и иной службы.

Позже у власти появился более определенный взгляд на казачество, который и был зафиксирован в законодательных и других документах. Так, в Законе о государственной службе российского казачества 2005 г. под российским казачеством понимались граждане Российской Федерации, являющиеся членами казачьих обществ¹. В Концепции государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества 2008 г. также ничего не говорилось о казачестве как о народе, хотя в ряде положений документа подчеркивалась необходимость сохранения и развития самобытной культуры казачества, его духовных основ и семейных традиций, то есть всего того, что нередко характеризуют как элементы этнической культуры.

Столь же противоречивыми оказались и результаты переписи 2002 г., на которую участники казачьего движения возлагали особые надежды, полагая, что удастся получить безоговорочное подтверждение присутствия в российском этническом пространстве такого народа как казаки. Общее количество казаков, которое выявило перепись, составило 140 тыс. чел., при этом большая часть приходилась на юг России. На территориях традиционного проживания донских, кубанских, терских и астраханских казаков в общей сложности назвали себя казаками 132 968 чел.² Однако количество членов казачьих обществ в этих же регионах в начале 2000-х гг. было намного выше. Самыми существенными были расхождения в численности при самоопределении казачества, исходя из которого формировались данные переписи населения, и численности членов казачьих обществ у терских казаков. Согласно переписи, количество людей, определивших свою идентичность как «казак»,

¹ Федеральный закон Российской Федерации «О государственной службе российского казачества»...

² Всероссийская перепись населения 2002 г. Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (дата обращения: 25.03.2021).

на территориях терского казачества, составляло 4 946 чел.¹, а количество членов Терского казачьего общества на 2007 г. составляло 189 654 чел. На территориях проживания кубанского казачества перепись выявила 20 513 казаков по самооценке², членов же казачьих обществ к 2007 г. было 70 091 чел. На территориях проживания донского и астраханского казачества сопоставимость цифр переписи и данных казачьих обществ являлась более адекватной. Перепись выявила 108 313 чел.³, а количество членов казачьих обществ составляло 94 121 чел.

Результаты переписи многократно критиковали участники возрождения казачества, утверждая, что имели место фальсификации и подтасовки, были и объективные причины занижения количества казаков. Так, нередко в ответе на вопрос о национальной (этнической) принадлежности казаки отвечали – русский, казак, однако при подсчете учитывался только первый ответ, в итоге идентификация «казак» не учитывалась. Однако было и другое несоответствие, о котором казаки упоминали нечасто. В ряде районов переписчиков сопровождали казачьи атаманы или члены казачьих обществ, что снижало объективность самоидентификации опрашиваемых.

Перепись 2010 г. показала ещё более низкий уровень самоидентификации казаков. Всего казаками по данным переписи назвали себя 67 573 чел., по югу России их количество составило 57 163 чел. Налицо снижение численности тех, кто готов был назвать себя казаком, в несколько раз⁴. Объективно такая ситуация свидетельствовала о том, что идея казачьей этничности себя исчерпала, ведь даже те, кто состоял членами казачьих обществ, далеко не всегда определяли себя как этнических казаков. Министерство регионального развития, в чьем ведении находились казаки в этот период, не раз озву-

¹ Всероссийская перепись населения 2002 г. ...

² Там же.

³ Там же.

⁴ Информационные материалы об окончательных итогах переписи населения 2010 г. Национальный состав населения по субъектам Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 25.03.2021).

вало совокупную численность членов казачьих обществ России более чем 700 тыс. чел. Несопоставимость этой цифры с той, что выявила перепись, налицо.

Проведенное в 2008 г. Министерством регионального развития РФ исследование по различным проблемам становления и развития российского казачества и государственной службы казаков также показало, что процент самоидентификации себя с казаками у населения традиционных казачьих территорий в местах компактного проживания тех, кого можно было назвать потомками казаков, невысок. Так по данным социологического исследования, проводимого в пяти субъектах Российской Федерации с компактным проживанием казаков¹, среди участников казачьего движения казаков как этническую общность определили 25,9% опрошенных, примерно столько же человек даже несколько больше (36,7%) склонны были рассматривать казаков как «многонациональное братство людей, имеющих общую историю и традицию»². Значительное количество опрошенных разделяло точку зрения, согласно которой современное казачество – это категория граждан России, исполняющих государственную казачью службу³.

Такое смешение понятий и идентичностей среди казаков можно назвать вполне закономерным. Исторически на формирование этнокультурной специфики казачества сильное влияние оказало развитие их как военно-служилого сословия с XIX в. Военная культура стала неотъемлемой характеристикой казачьего сообщества. «Размытая» в советский период идентичность с началом возрождения конструировалась при сильном влиянии идеи патриотического служения казаков Российскому государству. Эта же идея

¹ В том числе в Волгоградской и Ростовской областях, Краснодарском и Ставропольском краях.

² Современное российское казачество: политический, социальный, экономический портрет: анализ тенденций и прогноз развития государственной службы российского казачества. Аналитическая записка // Информационный бюллетень о ходе реализации аналитической программы Министерства регионального развития Российской Федерации «Становление и развитие государственной службы российского казачества в 2008–2010 годах». М., 2008. Вып. 2. С. 5–6.

³ Там же.

службы, в случае её отсутствия, снижала уровень казачьей идентификации. От потомков казаков нередко можно было услышать: «Кзаки – это те, кто служили, а мы не служим. Какие же мы казаки?» Ещё одной популярной фразой в среде потомков казаков, наглядно свидетельствующей об отношении к собственной казачьей идентичности, стало выражение «Дед был казак, отец – сын казачий, а я хвост собачий». Таким образом, в начале 2000-х гг. наблюдалась снижение этнической идентификации среди самих казаков, как участников возрождения, так и жителей казачьих регионов.

Слабость развития этнической идеи в среде казачества в конце XX в. была следствием не только «размытости» казачьей этнокультурной специфики, но и отсутствия интеллектуалов и политической элиты, способных такую идею генерировать и внедрить в массовое сознание. Исследуя ситуацию образования наций в Европе и распространения массового национализма, Э. Хобсбаум отмечал, что в большинстве тех наций, которые только появлялись в XIX в., «само собой разумеющимся должны были быть только мифы и пропаганда. В них «национальное» движение могло обрести политический характер, вслед за его сентиментальной и фольклорной фазой, с появлением более или менее значительных групп людей, посвятивших себя «национальной идее»...»¹ Однако в казачьем движении не сложилось организованной элиты, которая смогла бы «проложить путь» для рабочих, служащих, сельского населения, то есть рядовых участников казачьего возрождения.

Казачьи атаманы и некоторые активисты казачьего движения в начале 1990-х гг. пытались развивать и пропагандировать этнонациональную консолидацию казачества для защиты своих интересов. Однако такая пропаганда нередко принимала характер этнического экстремизма. Ярким примером служит ситуация, сложившаяся в 1991 г. в Ростовской области, когда, по мнению ряда исследователей, руководство СКОВД фактически выдвинуло идею воссоздания Войска Донского как национально-государственного обра-

¹ Хобсбаум Э. Век капитала. 1848–1875. Ростов н/Д, 1999. С. 127.

зования¹. В 1991–1993 гг. в Ростовской и Волгоградской областях было отмечено немало выступлений казаков, в основе которых лежала идея защиты казачьих прав на власть и ресурсы бывшей Области войска Донского. Это и давление на депутатов Ростовского областного Совета с целью, чтобы ими было принято решение о восстановлении национально-государственного образования на Дону, и попытки выселения кавказцев, и объявление в 1993 г. о формировании временного правительства и введении военного положения в Войске Донском и т.п.²

По мнению исследователей, в этот период в среде казачества стали развиваться ксенофобия, антисемитизм, неприятие идеи толерантности к вынужденным мигрантам. Казачье движение продемонстрировало претензии на возрождение казачества исключительно как отдельного этноса, шовинистические настроения участников казачьего движения оттолкнули от него русское население в регионах юга России³. В условиях нараставшего этнического экстремизма и сепаратизма в республиках Северного Кавказа, этнонациональные идеи казаков, выраженные в конфронтационной форме, не могли быть поддержаны властью.

Немаловажным стало и то, что среди казаков не нашлось интеллектуалов, способных оформить и развить этнонациональную идею в приемлемой и жизнеспособной форме, а от сотрудничества с учеными-казаковедами казаки фактически отказались. По мнению С.А. Кислицына, в конфронтации между

¹ Верховский А. М. и др. Указ. соч.

² Там же. С. 186, 187, 188.

³ Кислицын С.А., Кириченко А.В., Шолохов В.А. Южнорусское казачество и этнополитические конфликты на Дону и Северном Кавказе // Конфликты на Северном Кавказе и пути их разрешения. Материалы кругл. стола. Ростов н/Д, 2003. С. 218–232; Кислицын С.А. О соотношении российской и региональной идентичности в исследованиях по истории краев и областей Российской Федерации (на материалах истории Ростовской области и донского казачества) // История края как поле конструирования региональной идентичности: материалы семинара, проведенного ВолГУ и Ин-том Кеннана Междунар. науч. центра им. Вудро Вильсона 11 апр. 2008 г. Волгоград, 2008. С. 75–88.

учёными и активистами движения большую роль играло мифотворчество активистов, которые призывали искать историю казаков в глубокой древности¹.

В начале 1990-х гг. дискуссия об этнической или сословной природе казачества развернулась в среде ученых. Эта дискуссия была напрямую связана с возрожденческим процессом, для развития которого, по мнению А.И. Козлова нужно в первую очередь обрести ясность в вопросе о природе казачества². А.И. Козлов отмечал, что сущность казачества сложная и их нельзя однозначно воспринимать только как нацию или только как сословие. Развитие этнических характеристик казачества шло активно до XVII в., дойдя до субэтнической стадии, а затем развитие субэтнуса происходило под мощным прессом государственной машины. Это привело к тому, что, по образному выражению А.И. Козлова, субэтнос покрылся густой паутиной сословности³.

Наиболее чётко обосновал этническую природу казачества В.П. Трут. Определив казачество как сложное этносоциальное явление, он отметил, что казаки являлись полноправными представителями сформировавшегося этноса, оформившегося в специфическое сословие⁴. Однако большинство историков склонялось к субэтнической характеристике казачества, представлявшейся более обоснованной. В качестве методологического подхода для изучения проблемы идентичности казачества может рассматриваться социокультурную модель донского казачества, предложенная М.А. Рыбловой. По ее мнению, казачья идентичность не была чем-то изначально данным и застывшим. Она трансформировалась под влиянием исторических условий. На разных этапах развития данная модель обладала различными характеристиками, которые формировались во многом под влиянием внешней среды⁵. К началу XX в. этничность и сословность сильно переплелись и казачество оформилось как эт-

¹ Кислицын С.А. О соотношении российской и региональной идентичности... С. 75–88.

² Козлов А.И. О путях возрождения казачества. С. 4.

³ Там же. С. 5.

⁴ Трут В.П. Казачество: происхождение, сущность, реалии, перспективы. Б.г., С. 13.

⁵ Рыблова М.А. Казачья этничность в формировании региональной идентичности Волгоградской области // История края как поле конструирования региональной идентичности... С. 60.

носословная группа. Эта сложная идентичность закрепились, и после длительного перерыва именно она была воспроизведена в постсоветский период – казаки попытались вернуть себе статус этносословной группы имперской эпохи¹.

Во всей палитре оценок научным сообществом казачества общим являлась то, что этническая компонента казачества определялась в рамках конструктивистского подхода. Для этнической идеи возрождения это, на наш взгляд, могло сыграть положительную роль. Такой подход позволял в условиях современности сконструировать казачий этнос. И лучше всего это могло получиться в сфере образования и воспитания молодых казаков.

В образовательно-воспитательном пространстве России феномен казачьих школ и казачьих кадетских корпусов, позволявших реализовывать казачий этнокультурный компонент появился в 1990-х гг. Помимо преподавания этнически окрашенных предметов – истории, литературы и др., казачий компонент в системе образовательно-воспитательного пространства, оказывался вплетенным в ткань школьной повседневности. Казачий признак включался во все сферы школьной жизни: учебные программы, факультативы, праздничные мероприятия, детские организации, создаваемые внутри школы по принципу пионерских (только теперь это организации юных казаков), плакатное оформление и другие элементы культурно-бытового пространства школы также наделяются казачьими характеристиками. Процесс обучения, таким образом, этнически стилизовался с целью трансляции этнокультурных ценностей казачества.

Однако такая этнокультурная стилизация образовательно-воспитательного процесса имела два серьезных препятствия, ограничивающих ее распространение. Первое – необходимость сохранения рационального стиля образования, способствующего дальнейшей социальной мобильности учащихся за пределами этнической группы. Второй – утрата этнокультурны-

¹ Рыблова М.А. Казачья этничность в формировании региональной идентичности... С. 66.

ми традициями актуальности. В результате социальных трансформаций часть традиционных норм и ценностей перестала быть актуальной, особенно для молодого поколения. Сложилась ситуация, характерная не только для казачества, когда «традиции помнят, но воспроизводить их не желают, а если воспроизводят, то исключительно под воздействием внешних факторов, а не внутреннего императива»¹. В стилизованной под этническую традицию школе учителя, для актуализации традиции, должны подавать её в броских формах, способных сделать актуальными знания, которые не воспроизводятся в их повседневной жизни и могут быть не востребуемыми в дальнейшем². Вышесказанное, на наш взгляд, справедливо и для казачьих школ и применяемых в них способов и форм манифестации этнокультурного стиля.

Так, для всех форм казачьих образовательных учреждений характерно было введение в образовательно-воспитательный процесс элементов конной подготовки. Обосновывалось это, как правило, историческими военно-культурными традициями казаков. В г. Краснодаре, например, разработана была образовательная программа «Традиции войска Кубанского» внедренная в системе дополнительного образования. Предметом изучения данной программы, как отмечал один из её разработчиков, являлись в числе прочего системы и комплексы традиционной физической и военно-прикладной подготовки: верховая борьба, изготовление и владение традиционным оружием, несение военной службы³.

При реализации программы авторы пошли по пути имитации. Навыки верховой борьбы отрабатывались на гимнастических «конях», а система упражнений и игр составлялась на основе элементов джигитовки, вольтижировки, народных конных игр и др. Комплексы упражнений «Казачьей верхов-

¹ Шогенов Р. Х. Институционализация национальной школы на Северном Кавказе: противоречия и тенденции: автореф. канд. социол. наук. Ростов н/Д, 2001. С. 18.

² Там же. С. 20.

³ Карпухин А.П. Казачья верховая борьба как элемент традиционной физической подготовки в классах казачьей направленности // Научно-практическая педагогическая конференция...С. 167.

вой борьбы» были следующие: казачья конная разминка, основанная на традиционной вольтижировке и джигитовке; казачья верховая борьба без оружия; казачья верховая борьба с оружием казаков (шашка, нагайка, кинжал, пика, винтовка)¹.

Другой формой манифестации этнокультурного стиля в казачьих школах являлось знакомство школьников с обрядово-фольклорными элементами традиционной культуры казачества. Например, целью программы дополнительного образования детей по фольклору и декоративно-прикладному искусству Кубанского казачества было создание представлений о фольклоре и традиционной культуре кубанского казачества. Программа предполагала также и практический подход к освоению материала. На протяжении 5 лет обучения школьники должны были последовательно научиться зарисовывать этнографические объекты (костюм, жилище и пр.), исполнять считалки, дразнилки, игровые припевки, детские колядки, готовить театральную постановку по сказке кубанских казаков, исполнять хороводные песни, песни, исполнявшиеся на проводах казака на службу и т.д. И, наконец, на пятом году обучения у учащихся должно сформироваться представление о картине мира кубанских казаков².

Нередко в школах создавались детские казачьи организации, которые в игровой форме воспроизводили элементы казачьей системы управления социумом. В ст. Етеревской Михайловского района Волгоградской области в средней общеобразовательной школе в 1993 г. организована детская организация с характерным названием «Станица». «Станица» состояла из трех «хуторов» (объединявших параллели младших, средних и старших классов), «хутора» состояли из «курений». Управление организацией осуществляли атаман станичный и куренные атаманы. В 2010 г. в «Российской газете» был

¹ Карпухин А.П. Казачья верховая борьба... С. 170–171.

² Программы дополнительного образования детей по фольклору и декоративно-прикладному искусству кубанского казачества: Допущена департаментом образования и науки Краснодарского края / авт.-сост.: Н.И. Бондарь и др. Краснодар, 2007. С. 5–11.

опубликован материал о формировании «атаманского правления» в одной из школ Серафимовичского района. Был воспроизведен обряд созыва схода и выбора юного «атамана», которого после избрания по традиции стеганул нагайкой атаман «взрослого» юртового казачьего общества¹.

Однако все эти виды и формы трансляции этнокультурной традиции воспринимались в большей степени как экзотика. Гораздо большее распространение получали современные формы физической подготовки.

Таким образом, этнонациональная идея среди казачества присутствовала на протяжении XX в., поэтому её всплеск в конце XX в., в условиях общественного кризиса можно назвать закономерным. Формирование этнонациональной идеи в среде казачества в рассматриваемый период соответствовала феномену этнического возрождения в ряде стран во второй половине XX в. Таким образом, в развитии этнонациональной идеи казачества можно выделить как объективные, так и субъективные причины. В качестве объективных следует назвать развитие этнонационализма как ответа на процессы глобализации, а также кризис советской идентичности и развитие этнонационализма в республиках Российской Федерации. В качестве субъективных причин можно назвать стремление определенной части участников казачьего возрождения реализовать идею «казаки – народ» как для достижения определенных политических целей, так и для восстановления исторической справедливости.

В отличие от ситуаций российских национальных окраин начала XX в. и эмиграции 1920–1930-х гг., этнонациональная идея казачьего возрождения не имела своих идеологов, не имела той элиты, которая могла бы обеспечить её успешное развитие и распространение в массах потомков казаков. Вследствие этого данная идея не получила серьёзного обоснования, и её поддержка со стороны казачества была довольно поверхностной. В условиях угрозы этнического сепаратизма российской государственности казачья этнонацио-

¹ Нагайка для школьника // Российская газета. Неделя. 2010. 29 июля – 4 августа. С. 14.

нальная идея в восприятии органов власти являлась потенциально опасной. Со стороны власти к середине 1990-х гг. чётко определилась позиция неприятия дальнейшего развития казачьей этничности. В итоге идея возрождения казачества в качестве народа была постепенно свернута.

5.3. Культурные ресурсы возрождения казачества в конце XX – начале XXI вв.

Феномен возрождения в разные исторические эпохи был отмечен одной характерной чертой – обращением к историческим культурным формам. Можно сказать, что где бы не происходил процесс возрождения, он начинался с того, что культурные образцы прошлого переносились в современные условия. Такое отношение к культуре в условиях возрождения можно определять как поиск устойчивых форм, способствующих формированию идентичности. При этом исторические культурные формы и практики под воздействием внешней среды, социальных и экономических процессов, изменялись, позволяя социальной общности приспособиться к новым условиям и скорректировать ценности и картину мира. Процессы культурной адаптации основаны на трансформации культурных форм, а также на культурном конструировании. В случае с культурой ярко проявляется феномен социокультурного конструирования, когда культурные практики прошлого, имеющие традиционную природу, встраиваются в новые социальные условия.

В середине 1920-х – начале 1940-х гг. возрождение ряда культурных элементов способствовало формированию позитивных настроений в казачьей среде, показывало социальной общности готовность власти к диалогу. Важнейшим же результатом сохранения казачьей культуры в советский период стало сохранение казачьей идентичности. При этом элементы культуры, которые были восстановлены, не остались в прежнем виде, они изменялись в соответствии с новыми социальными условиями и положением самого казачества.

Вместе с тем, условия советской социокультурной системы предполагали выработку универсальных ценностей и культурных характеристик. Её воздействие на традиционные культуры разных социальных общностей было разрушающим, нивелируя культурную специфику под советские стандарты. Казачество не только не стало исключением, но в соответствии с установками партийно-советского руководства по «растворению» казаков в крестьянстве потеряло значительную часть своей культурной специфики. Практически казачество было «растворено» в большой социальной общности «советский народ», сохранив лишь элементы бытовой и фольклорной культуры.

Есть все основания полагать, что в качестве предпосылки разворачивания возрождения выступил усилившийся интерес со стороны общества к казачьей традиционной культуре. Интерес научного сообщества к традиционной культуре казачества на юге России сохранялся на протяжении всего советского периода. Прежде всего это касалось казачьего фольклора и диалектов. Исследования в этой области проводили А.М. Листопадов, А.В. Миртов, Ф.В. Тумилевич. В 1960–70-х гг. исследованием фольклора донских казаков занимались в Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского. В 1970-х гг. полевые исследования в этой области проводили сотрудники Ростовской государственной консерватории им. С.В. Рахманинова¹. Ещё до официального начала возрожденческого процесса происходило усиление интереса к традиционной культуре казачества. Исследователи отмечают развитие этого интереса в 1970–80-е гг. По мнению Т.С. Рудиченко, это обусловлено «застоем» в общественной жизни и поиском новых форм идентичности.

Всплеск традиционализма в условиях модернизирующегося общества обычно определяют, как реакцию на процессы модернизации, заключающуюся в стремлении затормозить их. Вместе с тем, специалисты в области мо-

¹ Перцева Ю.И. Роль научных центров в изучении и сохранении культурного наследия казаков юга России (1970-е – 2000-е гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. 2014. № 3. С. 94.

дернизационных процессов нередко выявляют мирное сосуществование новых и старых структур и культурных форм. В ходе модернизации традиции не только реанимируются, но и усиливаются. Это может происходить, например, в ходе национального самоопределения, поиска идентичности. Усвоение новых форм в этом случае не ведет к исчезновению старых форм, а создает условия для формирования синкретичной культурной формы¹. В 1980-х – начале 1990-х гг. постепенно нарастает интерес к казачьей культуре. На рубеже 1980-х – 1990-х гг. развился настоящий культурный бум, в котором возрождение культурных традиций, практик и форм сочеталось с конструированием новых культурных элементов.

В 1970–1980-х гг. в сфере казачьей культуры выявляются две тенденции. Первая тенденция – продолжающейся унификацией культуры, формирование советской культуры. В ее основе лежало создание новых советских обрядов и их внедрение в быт советских людей². Традиция осовременивается, с ее привлечением создаются новые ритуалы, такие, например, как проводы юношей в армию³. В сфере культуры рождались новые направления, такие, как «деревенская проза» и «новая фольклорная волна»⁴. Вторая тенденция – реконструкция и аутентичное воспроизведение элементов казачьей культуры. Например, подробно изучался казачий костюм и оружие в разные исторические эпохи. Таким образом, происходила «актуализация идеи возрождения народной традиции»⁵. Это способствовало поддержке комплексного изучению материальной и духовной казачьей культуры.

¹ Алексеев В.В., Побережников И.В. Модернизация и традиция // Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации. Екатеринбург, 1998. С. 8–32.

² Рудиченко Т.С., Рыблова М.А. Основные направления и факторы социокультурных трансформаций XX в. // Очерки истории и культуры казачества Юга России. Волгоград, 2014. С. 532.

³ Там же.

⁴ Рудиченко Т.С. Традиционная культура донских казаков и социальные процессы конца XX – начала XXI века // Вторичные формы традиционной народной культуры. Материалы науч.-практ. конф. (Краснодар, 26–27 ноября 2010 г.). Краснодар, 2010. С. 160.

⁵ Рудиченко Т.С., Рыблова М.А. Указ. соч. С. 534.

В этот период зарождались молодежные фольклорные движения, начал реализовываться проект обучения всех желающих традиционной манере пения, игры на инструментах и т.п., то есть, возвращение фольклора в быт. Большой интерес у людей вызвала в том числе певческая традиция донских казаков, были разработаны методики освоения музыкального фольклора людьми, «выключенными из естественной трансмиссии традиции»¹. По мнению Т. С. Рудиченко, «Именно в рамках молодежного фольклорного движения во всех концах страны произошло знакомство широких слоев общества с певческой культурой казачества в ее подлинном звучании, что влекло за собой оживление интереса к истории, казачьему быту, феномену казачества как особому порождению социальной истории»².

В законодательных документах первой половины 1990-х гг. казачество определялось как исторически сложившаяся культурно-этническая общность людей, имеющая право на восстановление ряда традиционных элементов своего исторического бытия³, и первые участники движения за возрождение казачества, обратились к таким историческим элементам. Особую важность для них и для широких слоев потомков казаков приобрело знание своей истории, владение такими культурными практиками, как верховая езда или исполнение казачьего фольклора, приобщение к казачьему диалекту и т.п.⁴ В числе возрождаемых традиций и ритуалов были и общественные поминовения с установлением «поклонных крестов»⁵. Во всех этих культурных формах и практиках проявлялось осознание своей принадлежности к казачьему роду, конструирование идентичности.

¹ Рудиченко Т.С. Традиционная культура донских казаков... С. 160, 161, 162 и др.

² Там же. С. 162.

³ Закон о реабилитации репрессированных народов, Указ Президента Российской Федерации о мерах по реализации Закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов в отношении казачества» и др.

⁴ Рудиченко Т.С. Традиционная культура донских казаков... С. 164.

⁵ Рыблова М.А. Традиционные поселения и жилища донских казаков. Волгоград, 2002. С. 79.

В начале 1990-х гг. внимание к казачьей культуре выходит на новый уровень. Как уже говорилось, возрождение казачьей истории и культуры заявлялось как одна из целей возрождения. В планах деятельности казачьих организаций в этот период культуре уделяется большое внимание. Так, СКОВД заявлял о разработки концепции культурно-исторического возрождения донского казачества. Культурный аспект работы организации предусматривал восстановление исторических праздников, составление календаря памятных дат, увековечивание памяти известных донских казаков. Большая работа по поддержке и популяризации казачьей истории и культуры развернулась на Кубани. При поддержке Кубанского войска был переиздан труд Ф.А. Щербины «История Кубанского казачьего войска». В 1993 г. войсковое правительство учредило премию в области искусства и культуры им. Я.Г. Кухаренко. Кубанское войско поддерживало издание трудов местных краеведов, работу кубанских художников, деятельность фольклорных коллективов. В ст. Тульской Майкопского района регулярно с начала 1990-х гг. проходит фестиваль казачьей песни. Создан Фонд культуры Кубанского казачества¹.

В программных документах первых казачьих организаций, создаваемых в 1990–1991 гг. по всей стране, среди задач, связанных с культурным возрождением казачества нередко фигурировало создание казачьих музеев. С 1990-х гг. музеи казачьей истории и быта получают широкое распространение на юге России. Отмечается создание таких музеев во многих казачьих поселениях. Они получали поддержку сельской администрации, нередко создавались энтузиастами как семейные частные музеи. Примеры таких музеев были в ст. Луковской, Иловлинской, Усть-Хопёрской Волгоградской области².

Практика реконструкции казачьих поселений, как этнографических музеев, создание этнопарков, восстановление и охрана памятников казачьей

¹ ГАКК. Ф. Р-1843. Оп.1. Д. 71. Л. 5, 5об.

² Рудиченко Т.С. Возрождение культурных традиций в конце XX – начале XXI в. // Очерки истории и культуры... С. 541.

культуры, возрождение и популяризация празднично-обрядовых традиций реализовывалась в регионах при поддержке властей. Соответствующие разделы были в Программе возрождения казачества в Волгоградской области (1994 г.)¹ В Краснодарском крае в 1992–1993 гг. разрабатывалась концепция по возрождению казачества, в которой также содержались разделы о культурном возрождении².

В начале 1990-х гг. создавались организации, основными задачами которых являлось реконструкция, сохранение и изучение различных форм казачьей культуры. К числу таковых можно отнести творческий научно-производственный центр ремесел, промыслов и фольклора, созданный при Ростовском отделении фонда культуры, впоследствии – Центр традиционной культуры донских казаков³. Региональное отделение Республиканского центра русского фольклора, Краевой научно-методический центр народного творчества, Центр народной культуры Кубани⁴.

Итак, в начальный период возрождения большое внимание уделялось восстановлению, реконструкции и аутентичному воспроизведению различных культурных форм казаков. Воспроизводство традиции являлось основой возрожденческого процесса, следовательно, большое внимание уделялось и восстановлению/реконструкции таких культурных элементов, которые бы демонстрировали наглядно успехи возрождения и способствовали бы постоянному присутствию традиции в современности. В число таких историко-культурных элементов и культурных традиций попали, например, исторические образцы казачьей одежды и особенно популярна была реконструкция военной формы казаков. Организационно-управленческие системы казачьих обществ копировали исторические институты, такие как круг, атаман, совет стариков и пр. Кроме этого, популярность набирала реконструкция ряда ри-

¹ ЦДНИВО. Ф. 1322. Оп.1. Д. 15. Л. 33.

² ГАКК. Ф. 1843. Оп.1. Д. 68. Л. 49.

³ Озеров А.А. Возрождение казачества в новой России... С. 29.

⁴ Перцева Ю.И. Роль научных центров... С. 96.

туалов, например, ритуал проводов казаков в армию или даже такой ритуал как наказание в виде порки нагайкой.

Реконструируемые элементы выполняли роль маркеров, обозначавших исторические основы казачьего возрождения. Таким образом, историческая культура становилась ресурсом для возрождения социальной общности. Однако сразу же проявилась проблема. В трансляции культуры у казаков был перерыв – советская эпоха, когда целостность традиционной культурной системы была разрушена. Обращение к историческим формам культуры в условиях длительного исторического перерыва позволяло социальной общности выбирать из всего многообразия культурных форм, те, которые были наиболее привлекательны. Вариативность культурных форм по историческим периодам создавала благоприятную ситуацию культурного конструирования.

Ярким примером такого конструирования выступают атрибуты СКОВД: герб, флаг, гимн и утвердившееся несколько позже, название организации. Они были выбраны для создания исторической основы СКОВД, особенностью выборки стало то, что атрибуты относились к разным историческим периодам. Так в истории Донского войска было несколько гербов, атрибутировавших его политико-административный статус: герб-печать «Елень – пронзенный стрелой», герб-печать с изображением голого казака в амуниции и верхом на бочке, гербы с имперской символикой. Исторически наиболее ранним считался Елень. В своем труде «История или повествование о донских казаках» 1778 г. А.И. Ригельман отмечал, что: «От начала же оное войско, или Правительство онаго, имело, и ныне еще имеет, небольшую печать, с изображением оленя пораженного стрелою... Оную употребляли, да и ныне употребляют, по Войску своему»¹. Таким образом, эта печать-герб яв-

¹ Ригельман А.И. История или Повествование о донских козаках, отколь и когда они начало свое имеют, и в какое время и из каких людей на Дону поселились, какие их были дела и чем прославились и проч., собранная и составленная из многих вернейших российских и иностранных историев, летописей, древних дворцовых записок и из журнала Петра Вели-

лялась символом древней истории и свободы Донского войска. А вот печать с изображением казака верхом на бочке считалась жалованной царем Петром Первым и символизировала не только огосударствление донского казачества, но и потерю им самостоятельности.

Выбор того или иного герба объективно свидетельствовал о том, как казаки воспринимали себя и свои отношения с российским государством. По мнению Б.С. Корниенко, по выбору герба можно было судить о выборе казаками своей идентичности. Выбор «Еленя, пронзенного стрелой», свидетельствовал о приоритете казачьей самобытности и самостоятельности казачьего сообщества, а выбор голого казака верхом на бочке с оружием и амуницией – выбор в пользу казачества как военно-служилого сословия¹.

Гимн донского казачества – «Всколыхнулся, взволновался, православный Тихий Дон», который стал гимном Союза казаков Области войска Донского – это произведение последней трети XIX века (автор слов – А.А. Леонов, музыки – Ф.И. Анисимов²) в начале XX в. подвергшееся серьезному редактированию. Флаг же СКОВД был принят в 1918 г. и, по словам атамана П.Н. Краснова, стал его собственным изобретением и был утвержден Кругом Спасения Дона в мае 1918 г., при избрании П.Н. Краснова на пост атамана³. Данному политическому деятелю принадлежало и авторство названия того государственного образования, которое возникает весной 1918 г. – «Всевеликое войско Донское». Это название к 1994 г. начнет фигурировать в документах СКОВД, а затем превратится в официальное название реестровой войсковой казачьей организации – Войсковое казачье общество «Всевеликое войско Донское». Однако и в 1918 г. данное название не имело безоговорочного исторического обоснования и являлось культурным конструктом.

кого, чрез труды инженер-генерал-майора и кавалера Александра Ригельмана, 1778 года. М., 1846. С. 143.

¹ Корниенко Б.С. Правый Дон... С. 8.

² Рудиченко Т.С. Донская казачья песня в историческом развитии. Ростов н/Д, 2004. С. 396.

³ Краснов П.Н. Указ. соч. С. 195–196.

Впервые название «Всевеликое войско Донское», появляется в «Основных Законах» (своеобразной Конституции) политического образования, возникшего на территории Области войска Донского в 1918 г. Автором данных «Основных Законов» стал сам П.Н. Краснов. В августе 1918 г. в ходе очередного созыва Большого войскового круга среди депутатов разгорелась дискуссия по поводу названия войска и его обоснованности. Достоверных и точных свидетельств существования такого названия найти не смогли, но все же в результате голосования оно было сохранено¹.

Обращение П.Н. Краснова к «донской старине» было не случайным. Апеллируя к казачьей истории, атаман Краснов пытался мобилизовать донское казачество на борьбу против большевиков. Он понимал, что казакам нужна сильная мотивация. Отсюда историческая символика, воспроизведение традиционных образцов управления в лице Круга, обращение к нему как «Хозяину Земли Донской», хотя на самом деле П.Н. Краснов действовал как авторитарный лидер.

Важной частью возрожденческого процесса стало ритуальное оформление официальных действий казаков, создание различного рода правил и норм, имевших, прежде всего символическое значение и очерчивавших культурные границы сообщества. Так, учредительный круг СКОВД принял решение о разработке «Заповеди донских казаков». Для придания им характера возрождаемой традиции в основу планировалось положить «Новые казачьи заповеди», разработанные на о. Лемнос в 1921 г. Создание таких заповедей происходило в условиях эмиграции, в ситуации, когда необходимо было сплотить казаков, сохранить единство и культурную идентичность.

В 1990-е гг., на начальном этапе развития движения, Б.А. Алмазов составил памятку, в которой были собраны «исторические» ритуалы, которые необходимо было воспроизводить при проведении тех или иных торжественных мероприятий, таких, например, как казачьи круги, судебные сходы, при-

¹ Большой войсковой круг. Вечернее заседание. 14 сентября // Приазовский край. Ростов н/Д, 1918. № 146. 16 (29) сент.

ведение казака к присяге, принятие в казачество, наделение правами и «взятие под шинель» и др. Автор-составитель данной памятки никак не обозначал исторические источники, из которых должны были быть почерпнуты знания о подобных ритуалах. Не было выделено и никаких различий между традициями разных казачьих сообществ, то есть исторические ритуалы, изложенные в данной брошюре, носили универсальный и вневременной статус.

К области создания традиций следует отнести и попытку утвердить в качестве особой праздничной даты реабилитацию казачества, сформировав вокруг неё ритуальное пространство. Такая попытка особенно успешно осуществлена на Кубани, где уже в 1990-х гг. стали отмечать День реабилитации репрессированного народа как особый народный праздник. По свидетельству атамана В.П. Громова, стоявшего у истоков рождения праздника, он рождался как подлинно народный: «На Кубани широко отмечался День реабилитации репрессированных народов. Мы проводили массовые построения войска. Но это не парад. Это построение войска... И в строй мог встать любой, кто хотел. И в строю стоял и бедный, и богатый, и предприниматель, и руководитель, и учитель, и художник. И все стояли, потому что это торжество нашей правды и справедливости... Это преподносилось как народный праздник»¹.

С 1990-х гг. начинают проводиться казачьи съезды и Большие круги. Эти организационно-политические формы были известны в период революций и Гражданской войны. Проводились они для выработки казаками общих позиций по политическим вопросам, в условиях, когда казачья общность должна была адаптироваться к новым политическим и социальным вызовам. Перед ним в конце XX в. вновь стояла задача формирования общих позиций по социально-экономическим и политическим проблемам современности. Вместе с тем, организация всероссийских казачьих съездов способствовала формированию новых политических традиций, а также новых ритуалов. Первый Учредительный круг Союза казаков Области войска Донского открывал-

¹ Интервью с В. П. Громовым 29.05.2008 г. Личный архив автора.

ся песней «Всколыхнулся, взволновался православный Тихий Дон...» Это станет новой традицией открытия не только больших кругов донского казачества, но и Всемирных конгрессов казаков.

В целом создание песен-гимнов станет общей чертой казачьих организаций. К концу 1990-х гг. такие гимны будут созданы во многих казачьих организациях, вошедших в реестр казачьих войск. В ряде случаев они будут переделаны из войсковых песен, ранее существовавших в том или ином казачьем войске, как например Донском или Кубанском войсках. Кроме этого, обязательным станет внос знамени войска, парадная форма казаков. Часто во время таких кругов казаки проходили торжественным маршем, приглашались фольклорные коллективы. То есть круги и съезды превращались в праздничные зрелища.

В целом процесс воспроизводства культуры в возрожденческом процессе на юге России нередко принимал характер эклектичного, произвольного сочетания различных элементов. В связи с тем, что в трансляции культурных ценностей казачества был значительный перерыв в советский период, нередко возрождаемые культурные элементы, позиционируемые как традиционные, по сути являлись «изобретенной традицией». Данный феномен впервые исследовал Э. Хобсбаум¹. По его мнению, «традиции», которые кажутся старыми или претендуют на то, что они старые, часто оказываются совсем недавнего происхождения и нередко изобретенными². «Изобретение традиций» является достаточно распространенной практикой, когда оказывается необходимым внедрить определенные ценности и нормы поведения и всюду где это возможно, такие практики стараются обосновать свою связь с подходящим историческим периодом³. В возрождении «изобретение традиции» при восстановлении культурной нормы (ритуала) или культурного элемента проявлялась в том, что происходило компилирование традиционного

¹ The Invention of Tradition / eds. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge, 1983.

² Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 457–62.

³ Там же.

ритуала, института, элемента из разных исторических эпох. Нередко это приводило к рождению новой культурной формы, которая выдавалась за историческую. У такой традиции связь прошлым являлась фиктивной. Ярким примером такой фиктивной традиции является приветствие «Любо», произносимое современными казаками при одобрении какого-то решения или действия. Данная форма приветствия стала знаковой и символической характеристикой ряда казачьих обществ. Однако исторических основ у данной традиции нет, и она является «изобретенной традицией» 1990-х гг.

Другая тенденция – утрата древней традицией своего символического начала в связи с изменившимися историческими условиями и превращение ее из значимого культурного элемента социальной общности в карнавальный элемент. Примером может служить здесь воспроизведение у донских казаков средневеково ритуала выбора атамана с раздеванием и сечением нагайкой. Такой ритуал был восстановлен на Учредительном круге СКОВД в 1991 г. и впоследствии неоднократно воспроизводился на выборах атаманов на Больших войсковых кругах в Донском войске. Ритуал со временем становился всё более красочным действием, с вручением атаману символов его власти (атаманского пернача и бунчука) и др. Но данная традиция больше не могла нести свою главную смысловую нагрузку – связь атаман с казачьим братством, наделение его правом хранителя сообщества.

Традицию можно назвать ключевым концептом казачьего возрождения конца XX – начала XXI вв., его своеобразной альфой и омегой. Она трактовалась очень широко, то есть «традиционность» как особая характеристика, присутствовала при определении систем казачьего управления и самоуправления, территории проживания, казачьей службы и др. Свою лепту в укрепление традиции, как нормы возрождения внесли даже органы власти. Например, в Указе Президента Российской Федерации «О мерах по реализации закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированного народа в отношении казачества» 1992 г. понятие традиций применяется в отношении экономической, культурной и патриотической деятельности казачества, а

также уклада жизнедеятельности¹. В целом в нормативно-правовых документах 1990-х гг. понятие традиции встречалось регулярно.

Однако если традицию можно было реконструировать, то вернуть ей прежний смысл было невозможно в силу изменившихся условий жизни. Понять, что означает в реальности воспроизведение традиционных социокультурных элементов является сложной задачей. Традиция – неоднозначное явление. Её положительная коннотация проявляется в ситуации, когда прошлое воспринимается как образец для действий в настоящем. Уважение к традиции предусматривает привязанность к прошлому и воспринимается как руководство к действию в настоящем. В случае с казаками, чьё историческое развитие претерпело резкие социокультурные перемены, связанные с репрессивными действиями власти, а затем – ломкой казачьей культуры, апеллирование к традиции означало возможность восстановления утраченного бытия. Отсюда стремление участников казачьего движения к воссозданию всей социокультурной системы, начиная с казачьих праздников и заканчивая системой общинного хуторского земледелия и атаманского правления.

В случае с казачьим возрождением отчетливо проявился разрыв трансляции культурной традиции и, соответственно, попытка «возродить исконное прошлое». Однако, чтобы решить эту задачу необходимо для начала решить, какое же прошлое хотели бы возродить современные казаки. Исследуя социокультурные трансформации на Дону, М.А. Рыблова отметила, что казачье сообщество всегда было подвижно с точки зрения культурной идентичности. Постоянно изменялся набор культурных признаков, конфигурация казачьей культуры². В рамках каждого этапа социокультурных трансформаций, по мнению М.А. Рыбловой, складывались определенные культурные формы казачьего сообщества, которые затем трансформировались с учетом новых условий жизнедеятельности социальной общности. Однако в советский пе-

¹ Указ Президента Российской Федерации «О мерах по реализации закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированного народа в отношении казачества»...

² Рыблова М.А. Социокультурные трансформации на Дону (XVI–XXI вв.)... С. 3–4.

риод казачество утратило определенную культурную форму. В итоге в период казачьего возрождения начался поиск идеальной социокультурной формы казачьего бытия в истории и экстраполяции ее в современные условия¹.

Таким образом, по мнению исследовательницы, в разные периоды времени казачество имело разные культурные формы. Изменялись, приспосабливаясь к конкретному историческому периоду, экономические и управленческие системы, приобретали специфику. Такая многовариантность исторических культурных черт и традиций в период возрождения приводило к произвольному выбору исторических образцов для воссоздания социокультурной системы казачества, то есть к конструированию. По мнению специалистов по исследованию функционирования традиционной народной культуры (ТНК) это закономерная ситуация развития и изменения культуры во времени. Результатом таких изменений являются вторичные формы культуры, то есть переход ТНК из доминирующей культуры в субкультуру². Культурные формы ТНК перестают быть аутентичными, передача культурной традиции нередко осуществляется не носителем и создателем культуры, а посредником, которым выступает, например, творческий коллектив или музей³.

В начале 2000-х гг. в казачьем возрождении чаще появляются абсолютно новые культурные формы, возникшие как результат возрожденческого процесса и взаимодействия российского казачества с потомками казаков-эмигрантов. В различных странах мира потомки казаков, ушедших в эмиграцию сразу после окончания Гражданской войны и в последующие годы сформировали довольно крупную диаспору, со временем ставшую частью Русского мира. С началом возрожденческого процесса представители этой части Русского мира стали проявлять активный интерес к ситуации с казаче-

¹ Маркедонов С.М. Феномен российского неказачества...; Рвачева О.В. Донское казачество XXI в. Конструирование социального феномена // Вестник Южного научного центра РАН. Ростов н/Д, 2009. Т. 5. № 3. С. 89–95.

² Бондарь Н.И. Вместо предисловия // Вторичные формы традиционной народной культуры: материалы науч.-практ. конф. (г. Краснодар, 26–27 ноября 2010 г.). Краснодар, 2010. С. 2–6.

³ Там же.

ством в России. Как отметил А.А. Бирюков, являвшийся одним из идейных вдохновителей и организаторов казачьего возрождения в Волгоградской области, в начале 1990-х гг. формировались связи между российским и зарубежным казачеством: «...был большой интерес у зарубежных казаков к нашему движению. В Волгограде с 90-х гг. побывало большое количество третьего, наверное, уже поколения мигрантов казачьего этноса. ...Их сам процесс возрождения очень интересовал. Это был прямой человеческий интерес»¹.

Всемирные конгрессы казаков начали проводить с 2003 г. с периодичностью раз в два-три года. Они собирали казаков из самых разных стран. С одной стороны, конгрессы демонстрировали связь русской культуры, и исторических эпох. На них пребывали представители «Русских Домов» (своеобразных русских культурных центров) из разных стран, представители Российского Императорского Дома. Например, гостями конгрессов были вдова внука Александра III О.Н. Куликовская-Романова, Великая княгиня Мария Владимировна². С другой стороны, они становились инструментами политики «мягкой силы», способствовали продвижению русской культуры и формированию благоприятного имиджа России за рубежом. Казачью диаспору рассматривали как проводников российской культурной политики – отсюда большое внимание со стороны власти к конгрессам, присутствие представителей регионального законодательного собрания Ростовской области (конгрессы всегда проходили в Новочеркасске), Администрации Президента Российской Федерации, Государственной Думы Российской Федерации.

Конгрессы были не просто официальны форумом казаков. Они должны были формировать и демонстрировать единство, поэтому в ходе их работы создавались традиции, культурный антураж, символика и т.п. Выбирался значимый для казаков исторический повод, например, юбилей легендарного донского атамана М.И. Платова, под эгидой празднования которого проходил

¹ Интервью с А.А. Бирюковым 28.02.2008 г. Личный архив автора.

² Емельянов И. Второй Всемирный казачий... // Казаки. 2006. № 8–9. С. 8.

I Всемирный конгресс¹. Важным символическим актом являлся и выбор места проведения конгрессов – г. Новочеркасск, который позиционировался как мировая столица казачества. В символику конгрессов встраивалась православная традиция: молебны, посещения кафедрального собора в Новочеркасске, обязательное благословление священниками открытия конгресса, делегатов.

Военная символика была ключевой для конгресса. Его открытие началось с вноса знамен, избрания есаульца для наведения порядка среди собравшихся. При этом символом власти есаульца была нагайка. В программу конгресса обязательно включался военный парад казаков, посещение усыпальницы донских атаманов в Войсковом кафедральном соборе Новочеркасска. Проводили конноспортивные игры, на которых демонстрировалось умение владеть шашкой, пикой. Делегаты конгресса отмечали мужской братский дух конгресса: «Между простыми казаками моментально устанавливались самые теплые отношения. Воистину, нет уз святее братских, а казак казаку – брат!»² Мужскими были подарки и награды, вручаемые на конгрессах. Это ордена, холодное оружие, военные штандарты. Отличительной чертой конгресса являлась демонстрация наград, воинских званий.

Всемирные конгрессы можно назвать культурным конструированием традиции, в том смысле как его определял Э. Хобсбаум. Будучи абсолютно новым явлением, они за короткий срок сформировали определенную культурную атмосферу и стали важной формой казачьего возрождения и его инструментом.

Можно выделить следующие важные моменты культурного конструирования, проявившиеся в казачьем возрождении в 1990-х – начале 2000-х гг., определявшие его культурные формы и границы. Во-первых, архаизация.

¹ Бураков И. «Осколки былого казачьего величия». Австралийские и немецкие казаки нашли общий язык с донскими и кубанскими. URL: <http://www.vremya.ru/2003/158> (дата обращения: 10.01.2017).

² Верное казачество на Третьем Всемирном конгрессе казаков в Новочеркасске. 17.10.2008. URL: <http://kozak.hrest.info/> (дата обращения 25.11.2008).

Как отмечает специалист по истории Смутного времени в России И.О. Тюменцев, общественный кризис нередко приводит к откату на предыдущую стадию развития и к прежним, подчас архаичным, формам управления¹. В условиях кризиса советской системы в России стали возрождаться в конце 1980-х гг. различные экономические уклады – от капиталистического до феодального, а в сфере государственного управления – формы и методы приказной системы.

Особенно ярко архаизация казачества проявилась в первой половине 1990-х гг. По мнению М.А. Рыбловой, в условиях очередного кризиса мужская часть социума предпочитает вернуться к архаичным формам взаимодействия между собой и с властью. Яркий пример – возвращение к порке как традиционной системе наказаний. Презентация группового интереса казачества в возрождении происходила исключительно с использованием «мужских форм» и приемов, а женщины в возрождении практически не участвовали. То есть фактически воспроизводились архаичные формы мужских братств².

В начале 1990-х гг. наблюдались попытки вернуться к ранним формам казачьей демократии, что особенно часто проявлялось в ситуации социальных и межэтнических конфликтов. Казачьи круги – общественные форумы созывались тогда, когда власть, по мнению казаков, не справлялась с ситуацией.

Во-вторых, музеефикация, то есть превращение культуры в «почтенный, но малопосещаемый музей или парадную выставку-галерею «генералов»³. Характер «музеефикации» отчетливо проявился во второй половине 1990-х гг., когда возрождение прошло организационную стадию, определи-

¹ Тюменцев И.О. К вопросу об институтах ранних казачьих сообществ // Многоукладность и асимметричность развития региональных экономик Юга России: риски модернизации и механизмы трансформации. Материалы II Всерос. конф. 6–10 апреля 2006 г. Черкесск, 2006. С. 247–254.

² Рыблова М.А. Социокультурные трансформации... С. 26–27.

³ Дубин Б.В. Память, война, память о войне. Конструирование прошлого в социальной практике последних десятилетий // Отечественные записки. 2008. № 43 (4). С. 9.

лось с основным вектором развития, которым стала государственная служба казачества. К этому времени стало ясно, что большинство традиций и культурных форм практически не воспроизводятся в повседневной жизни социальной общности. Люди обращаются к культурным элементам как к мемориальным формам, либо историческим маркерам. Адаптивные функции традиционной культуры были заменены мемориально-представительными и идентификационными.

В-третьих, карнавальность или театральность¹. Презентация казачьей традиционной культуры нередко содержала определенный посыл обществу, которое должно было увидеть, что казаки вновь являются частью социума. Это создавало основу для нарочито яркой, вызывающей, иногда агрессивной демонстрации присутствия казаков в жизни общества: парады, надевание формы и наград, неизвестного статуса, ношение кинжалов, нагаек, реконструкция процедуры порки за провинность и др.² Более спокойной и вместе с тем яркой формой становятся фестивали казачьей культуры и историко-культурные реконструкции.

Эклектичное сочетание архаизмов и «новоделов» в возрождении свидетельствовало о разрыве в передаче культурной традиции. Такая деструкция культуры, может приводить к тому, что в ходе ее преодоления следует обращение к еще более архаичной традиции³. Вместе с тем, в новых условиях элементы прежней культурной системы приспособляются к новым обстоятельствам, изменяют свои функции или входят в новую систему в качестве рудиментов, элементов фольклоризма, отступают на периферию⁴. Таким образом, появляются вторичные формы культуры, опирающиеся на традиционную основу, но имеющие новые качества.

¹ Ионин Л.Г. Восстание меньшинств... С. 194; Рыблова М.А. Социокультурные трансформации на Дону... С. 26.

² Верховский А. М. и др. Указ. соч. С. 187; Козлов А.И. Возрождение казачества: история и современность... С. 5, 8.

³ Чистов К.В. Фольклор. Текст. Традиция. М., 2005.

⁴ Там же. С. 111.

Важной частью социокультурного конструирования общества является создание новых праздников и возрождение традиционных, создание праздничной культуры с новыми/традиционными символами. В середине 1980-х гг. в рамках развития интереса к культуре казачества возник фестиваль «Шолоховская весна», проходивший в ст. Вешенской Ростовской области. Это культурное событие вскоре стало не только региональным, но и всероссийским событием, а затем его статус «дорос» до всесоюзного. В конце 1980-х гг. на фестиваль съезжались около 5 тыс. участников и около 150 тыс. зрителей и гостей¹. Наряду с такими крупными культурными событиями развивались станичные и хуторские праздники, ключевым моментом которых являлась демонстрация казачьих элементов. Этому способствовали: название праздника, например, «Казачий Майдан»; обязательное присутствие казачьего фольклора, казачьих традиционных блюд². Наряду с традиционными культурными элементами в праздниках такого рода были и новые культурные элементы: литературные персонажи, такие как, например, «Дед Щукарь» или символическая фигура Станицы.

Традиционная культура казачества на таких праздниках облекалась в новую форму, превращалась в культурный конструкт. Однако при этом сохранялся эффект культурной манифестации, так как новые формы были более привычны для восприятия у современных казаков. В контексте «изобретения традиций» развивались такие культурные формы, как праздники-конкурсы. К таковым относились, например, такие как: «Баклановский удар», «Мы – внуки деда Ермака», «Донская красавица»³. Демонстрируемые в рамках этих праздников культурные элементы имели как исторический характер, так и были новоделами, культурными конструктами. Но свою главную зада-

¹ Озеров А.А., Киблицкий А.Г. История современного Донского казачества. Исследования и документы. Ростов н/Д, 2000. С. 41–42.

² Леонтьев Л. На Майдане // Молот. Донское слово. 1990. № 8 (12); Леонтьев Л. Атаман команду дал // Молот. Донское слово 1990. 17 ноября; Озеров А.А., Киблицкий А.Г. История современного Донского казачества... С. 43–45.

³ Такие праздники проводились, в частности, в Волгоградской области достаточно длительное время.

чу – манифестацию устойчивости культурной формы и возможность ее транслировать новому поколению они выполняли достаточно эффективно.

Большую роль в формировании культурной идентичности казачества в начальный период играло православие. Выражение – «казак – православный воин», появившись в начальный период возрождения, стало весьма устойчивым. Религиозные ритуалы во время официальных торжеств, праздников были культурной маркировкой движения, создавая православные культурные рамки. Работа казачьих кругов, сходов начиналась с молебна и благословления священника.

В ситуации, когда исторически у казачьей общности сохранялось иное вероисповедание, допускалось сосуществование с православием другой религиозной конфессии. Так, казаки-калмыки сохраняли буддийскую веру. В начальный период возрождения было воссоздано окормление казаков-калмыков как буддистской, так и православной конфессиями. Официально в уставе казачьего войска Калмыкии 1994 г. было закреплено, что духовное воспитание казачества осуществляется и православной церковью и хурулом¹. В 1998 г. у казачьего войска Калмыкии появился свой лама².

Символичным в период возрождения стало то, что более широко стали отмечать православные праздники, сочетая их нередко с новыми элементами и символами. Исследуя возрождение народных праздников на Дону, связанных с православной традицией, М.А. Рыблова выявляет в возрождаемых народных праздниках элементы, связанные с религиозными праздниками: троичные скачки, крестные ходы к сельским святыням на престольные праздники³. В качестве примера конструирования и сочетания различных элементов в празднике можно привести празднование Дня Победы в хут. Красном Серафимовичского района Волгоградской области. Организаторами

¹ ГАРФ. Ф. 10144. Оп. 1. Д. 6. Л. 293.

² Главный атаман России высоко оценил деятельность наших казаков // Известия Калмыкии. Элиста, 1998. № 27–28. С. 4.

³ Рыблова М.А. Народные праздники в процессах организации... С. 166.

праздника стали женщины-казачки. В основе праздничных действий – пускание венков по Дону, пение псалмов и фейерверки¹.

Престольные праздники могли соединять с празднованием дня станицы. Так, в с. Копановке в Астраханской области праздник станицы был приурочен к празднику иконы Донской Божьей матери, который также являлся войсковым праздником астраханского казачества.

Другой православный праздник – Покрова пресвятой Богородицы имел огромное символическое значение для всего казачества юга России, а для Войска Донского он также являлся войсковым праздником. Праздник был возрожден в 1990 г. на территории ст. Гниловской.

Так как культура казачества нередко характеризуется как культура мужская, основанная на военно-культурной традиции, то особое место во всех праздниках занимали парады и конные скачки. Данные культурные формы были востребованы и получили свою реализацию и в 1920–1940-х гг. Для казаков было очень важно иметь возможность демонстрировать военно-культурную традицию в ходе проведения парадов и конно-спортивных состязаний. В конце XX в. парады также являлись неотъемлемой частью торжественных мероприятий казаков (всемирные конгрессы казаков, большие круги, празднование юбилея атамана М.П. Платова и т.п.).

Распространение казачьей культуры в конце XX – начале XXI вв. могло проявляться как «культурное показачивание», когда в её освоение вовлекались не только казаки, но и другие жители российских регионов². Особенно популярными стали фольклор и в целом праздничная культура казаков. Возрожденческий процесс вывел казачью культуру за формальные рамки, приобщив к ней людей в регионах. Вместе с тем, как отмечает М.А. Рыблова, в большинстве случаев вновь возрождаемые праздники не становились народными, а оставались праздниками для народа. «Территория праздника не осваивается, как прежде, разными возрастными группами, а делится сценой

¹ Там же. С. 167.

² Рудиченко Т.С. Традиционная культура донских казаков... С. 167.

на зону артистов и зрителей – простых потребителей, а не соучастников происходящих действий»¹. Здесь происходило как бы столкновение двух праздничных традиций: народной казачьей и советской, формализованной и унифицированной.

Итак, в казачьем возрождении культурный аспект имел важное значение. Обращение к культуре казачества, ее пропаганда, актуализация интереса к ней стали предтечей организационной стадии возрождения, как процесса. Культурное возрождение – закономерный этап феномена возрождения вообще, безотносительно к его казачьему варианту. Оно создает ценностную основу феномена, способствует нахождению наиболее значимых для социальной общности элементов. В возрождении всегда присутствует обращение к историческим культурным формам и перенос их в настоящее время. Можно отметить, в связи с этим поиском, важную роль интеллигенции, прежде всего – деятелей науки и искусства. Они становятся акторами возрождения, актуализируя и пропагандируя казачью историю и культуру, интеллигенция способствовала пробуждению широкого общественного интереса к ней.

В культурном возрождении определяются две тенденции которые формировались и развивались параллельно, дополняя друг друга. Первая тенденция была основана на возрождении культурной традиции. Культурная форма в этом случае адаптировалась к современности, становилась вновь актуальной. Адаптация культурной традиции влекла за собой ее трансформацию, но при этом сохранялась связь с историческими корнями. В этом плане культурное возрождение конца 1980-х – начала 2000-х гг. совпадало по своим проявлениям с возрождением казачьей культуры в 1920–1940-х гг. в обоих случаях наблюдалось восстановление и трансформация культуры.

В рамках второй тенденции происходило конструирование новых культурных форм, «изобретение традиции». Новые формы (праздники, традиции, ритуалы, атрибуты и др.) были непосредственно связаны с деятельно-

¹ Рыблова М.А. Народные праздники в процессах организации... С. 166.

стью казачьих организаций, то есть являлись частью не народной культуры, а организационной. Ещё одна важная особенность этой тенденции – на ее развитие влияла политика памяти казачьего возрождения, одной из задач которой являлось формирование образа казака. Этот образ должен был иметь исторические корни и одновременно востребован в новых условиях постсоветской России. В соответствии с логикой использования прошлого в качестве основы возрождения казачьи организации инициировали создание мемориальных объектов, ритуалов, обрядов, праздников и т.п.

В современных обществах роль традиции объективно изменилась. Опыт прошлого в них имел чаще символическое, а не практическое значение. И это отчетливо проявилось и в возрожденческом процессе. Уважение к традиции, которое постоянно декларировалось, вносило большой вклад в сплочение казачества, формирование общих культурных основ. Традиционный мир, который существовал до 1917 г., ассоциировался с этнической культурой казачества, таким образом, возрождение традиционной культуры воспринималось как этническое возрождение. Недаром в целях первых организаций, возникших в 1990-е гг., возрождение казачества как народа и возрождение его истории и культуры стояли рядом. Традиционная культура, таким образом, становилась ресурсом возрождения казачества.

Ресурсами возрождения казачества в конце XX – начале XXI вв. стали историческая память социальной общности и его традиционная культура. Оба этих ресурса влияли на возрождение/формирование социальной идентичности казачьих объединений, способствовали складыванию векторов развития возрождения. Особо следует подчеркнуть роль памяти и культуры в процессе конструирования элементов социокультурной системы казачества. Именно в сфере культуры и исторической памяти сильнее всего проявилась главная черта возрождения – обращение к прошлому, как к основе для настоящего, отсюда привлечение в возрожденческий процесс важных исторических событий, консолидирующих и мобилизующих социальную общность, выборка культурных образцов, способных ярко презентовать казачество в

современных условиях, определить при помощи традиции его значимость и устойчивое участие в социальных процессах. В силу прерывания трансляции культуры её воссоздание принимает характер конструирования. Прежние культурные формы и элементы, которые должны воссоздавать казачий мир, оказываются сильно изменёнными по сравнению со своими историческими прототипами.

Сильное влияние на возрождение оказала этнонациональная идея. Она, с одной стороны являлась результатом пробуждения идентичности казачества, с другой – формирования политических интересов участников возрожденческого процесса. В ней нашла отражение давняя идея казачества о собственной государственности. Этнонациональная идея также способствовала созданию/возобновлению мифа о древнем казачьем народе и собственной территории. Наличие этнонационального направления в казачьих объединениях, их обращение к традиционной культуре и исторической памяти казачества говорило о том, что процесс возрождения казачества в 1990–2000-х гг. объективно отражал более широкие тенденции этнизации и регионализации исторического развития общества.

6. СОЦИАЛЬНЫЕ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПРАКТИКИ КАЗАКОВ ЮГА РОССИИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРАДИЦИЙ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

6.1. Роль исторических форм организации и самоуправления в казачьем возрождении

К числу элементов, подлежащих, с точки зрения участников движения за возрождение казачества обязательному восстановлению, относился институт традиционного казачьего самоуправления. Важность его для казаков определялась несколькими показателями. Этот институт имел солидную историю, датируемую исследователями с XVI в. и, хотя специфика системы казачьего самоуправления на разных исторических этапах различалась порой кардинально, она сохранялась в казачьих войсках вплоть до начала XX в. Такая историческая «живучесть» института для самих казаков служила подтверждением наличия у казачьего сообщества особых качеств, таких как повышенная способность к самоорганизации и самоуправлению. Наконец, по мнению участников возрожденческого процесса, система самоуправления у казаков всегда строилась на демократических принципах, и это придавало актуальность вопросу ее воссоздания в условиях изменявшейся политической системы Российского государства в конце 1990-х гг. Также, наличие казачьих институтов самоуправления позволило бы участникам возрождения продвигать интересы социальной общности на новом уровне.

Несмотря на то, что о создании казачьих территориально-административных образований и формировании казачьих систем самоуправления постоянно поднимался вопрос в среде участников возрождения, данные феномены и их значение для современного казачества не были изучены в полной мере. Впервые определение проблематики организации казачьей власти и управления в постсоветской России начинается в середине

1990-х гг. К этому времени движение за возрождение казачества организационно оформилось и заняло своё место в социальной и политической системе страны. Требования участников возрождения казачества получить доступ к властным ресурсам ряду исследователей казались логичными и поэтому при изучении возможностей прихода казаков в органы управления в регионах рассматривались вопросы их организационной формы и правового статуса. Так, А.И. Козлов считал, что необходимо выяснить, географию расселения современного казачества и долю казаков в массе населения области, края, города и т.д. Тогда можно будет решить вопрос о казачьей власти на объективной основе и определить, в какой форме она должна существовать¹. При этом А.И. Козлов считал, что казачья самоорганизация есть реальность, круги и атаманы существуют и будут существовать и необходимо лишь уточнить их статус².

Системные исследования истории и современного состояния казачьего самоуправления на Дону были проведены Е.И. Дулимовым и И.И. Золотарёвым. Основная проблема, рассматриваемая этими историками – развитие казачьего самоуправления в форме ОТОС – общественного территориального самоуправления. Таким образом, Е.И. Дулимов и И.И. Золотарёв также не ставят под сомнение саму возможность существования казачьей системы самоуправления, а главной проблемой считают определение в современных условиях ее адекватной формы и полномочий³.

Анализ существующих в конце 1990-х – начале 2000-х гг. форм казачьего самоуправления и управления представили А.А. Озеров и А.Г. Киблицкий. Исследователи отмечали, что возрождение обязательно должно включать в себя становление казачьих форм самоуправления, так как это форма самоорганизации. Важным моментом исследования стало выявление форм, которые реально функционировали в современных условиях, а также при-

¹ Козлов А.И. Возрождение казачества. С. 185–186.

² Там же. С. 186.

³ Дулимов Е.И., Золотарёв И.И. Самоуправление казаков...

знание неудачными попыток возрождения некоторых исторических форм, таких, как атаманское правление¹.

Проблемы же казачьих территорий и формирования органов власти на них чаще рассматривались в контексте возникновения политических и социальных конфликтов и формирования системы предпочтений для казаков².

Таким образом, значение и роль исторических форм самоуправления для современного бытия казачества, и те изменения, которые происходили с этими формами в условиях новейшего времени исследователями не рассматривались. В данном разделе ставится задача определить какую роль играли в казачьем возрождении исторические формы самоорганизации и территории, как процесс переноса исторических форм управления и самоуправления в условия современности сказался на них и что это дало казачьему возрождению конца XX – начала XXI вв.

При формировании институтов управления и самоуправления ярко проявляется важнейшая черта феномена возрождения – попытка переноса исторических форм в условия современности. Прежде всего, следует отметить символический характер такого переноса, когда современные собрания представителей казачьих организаций назывались кругами, а в их работе принимали участие есаульцы, писари, совет стариков. В этом случае традиционные институты и должности становились внешними признаками и символически идентифицировали деятельность современной организации с исторической формой.

Так, на Большом Учредительном Круге 30 июня 1990 г. есаульцем Б. А. Алмазовым было провозглашено создание «Союза казаков». В Уставе этой казачьей организации было записано, что высшую власть осуществляет в Союзе Большой Круг, который выбирает атамана, правление, совет стари-

¹ Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Возрождение казачества в новой России...

² Коренько В.А. Казачество в Ставропольском крае... С. 123–125; Верховский А.М. и др. Указ. соч.

ков и др.¹ Такой символический перенос исторической формы играл большое значение для возрожденческого процесса. В истории казачества круг – важнейший элемент самоорганизации и самоуправления, но что еще важнее – это символ казачьей свободы и демократии. До начала XVIII в. Войсковому Кругу на Дону принадлежала вся полнота законодательной и судебной власти, А.Н. Пивоваров, описывая круг, характеризует его как главнейшее учреждение казачьей жизни, вольности и силы. Все дела решались в Кругу и немедленно приводились в исполнение². Весьма авторитетными для общества являлись и станичные круги (станичные сборы). Они не только решали хозяйственные и социально-правовые вопросы, но и являлись символом единения сообщества: «Если кто из граждан успевал что-либо сделать полезное для общества или совершал какой-либо подвиг против неприятеля, то это провозглашалось в кругу, и отличившийся получал особого рода почесть»³.

Исследуя формы социальной и политической организации казачества, их характер и значение для донских казаков, историк начала XX в. С.Г. Сватиков отмечал, что круг олицетворял собой высшую власть, основанную на принципах народоправства. Он считал весьма символической сцену расправы над Кондратием Булавиным и его сподвижниками, произошедшей в Черкасске, на месте собраний круга в 1709 г.: «Только что лично прибывший туда Петр I приказал взоткнуть на кольях головы обоих атаманов революционной эпохи: Булавина и Зерщикова. Грозный царь, окруженный «знатною и разумною старшиною» пришел на майдан полюбоваться на поверженное в прах донское народоправство»⁴.

После этого Войсковой Круг, потеряв свое значение высшей власти и символа казачьего единства станет местом оглашения царских Манифестов и

¹ Батырев В.Д., Изюмов А.И., Матвеев О.В. Союз казаков: 1990–2000... С. 8–9.

² Рыблова М.А. Донское братство: казачьи сообщества на Дону в XVI – первой трети XIX века... С. 355.

³ Цит. по: Рыблова М.А. Донское братство... С. 359.

⁴ Сватиков С.Г. Россия и Дон (1549–1917). Исследование истории государственного и административного права и политических движений на Дону. Ростов н/Д, 2013. С. 139–140.

проведения официальных церемоний. Войсковой Круг, как орган народоправства возобновит свою работу только в 1917 г. Открытие его работы было обставлено с соответствующей торжественностью, которая должна была подчеркнуть возвращение народоправства на Дон¹. Успешно манипулировал восприятием Войскового Круга как символа народоправства со стороны казаков П.Н. Краснов в период Гражданской войны на Дону. После выборов его атаманом в мае 1918 г. став практически единовластным правителем, П.Н. Краснов, тем не менее, обращался к Кругу со словами: «Вы хозяева земли Донской, я ваш управляющий»².

Несмотря на то, что Войсковой круг, как институт власти, за всю историю своего существования претерпел серьезные изменения, превратившись из потестарной структуры периода существования донского казачества в форме мужского братства в XVI в. в региональный парламент в начале XX в., он сохранил главное – своё символическое значение казачьей вольности и демократических традиций.

Важным культурно-символическим значением обладал еще один традиционный институт – атаман. Атаман неотъемлемая часть казачьего управления и один из важнейших ее элементов. В ранней казачьей истории атаман не просто предводитель войска, формальный лидер. Это фигура, наделенная сакральными характеристиками. На Дону, например, было распространено убеждение, что атаманы обладают тайными знаниями, умеют колдовать, что они являются хранителями общей доли казачьего братства³. Атаман такой же символ равенства и демократического устройства казачьей общины, как и круг. В ранних казачьих сообществах преобладают горизонтальные формы связей, общество наделяет атамана властью, но оно же может его этой власти лишить, если атаман будет плохо выполнять возложенные на него задачи.

¹ Трут В.П. Дорогой славы и утрат. Казачьи войска в период войн и революций. М., 2007. С. 229.

² Краснов П.Н. Всевеликое войско Донское // Архив Русской революции в 22 т. М., 1991. Т. 5–6. С. 197.

³ Рыблова М.А. Донское братство... С. 362, 368, 370 и др.

К началу XX в. произошли серьезные изменения в статусе и принципах организации атаманской власти. Атаманы стали обладать полномочиями губернаторов, а затем, в период Гражданской войны, они стали региональными правителями и военно-политическими лидерами. Тем не менее их символическое значение сохранялось для казачества. Поэтому, исчезновение института атаманства, также, как и института круга в советский период означало разрушение не только системы управления, но и разрушение социокультурной системы казачьего мира.

Попытка восстановления в конце XX в. этой системы привело к появлению структур с традиционными названиями «круг», «рада», «юрт», «хутор», «курень». Это подчеркивало историчность системы, связь ее с прошлым и подчеркивало ее казачью специфику. В ходе структурных перестроек, изменений целей и задач, расширения сферы деятельности казачьи общественные организации не только сохранили названия кругов или рад, но и их структура формировалась по принципу войсковой, по аналогии с тем временем, когда казачьи войска существовали как территориально-административные единицы. Например, в Уставе Союза казаков Области войска Донского (далее – СКОВД), созданного на учредительном съезде в ноябре 1990 г. была зафиксирована следующая структура: округ, юрт (район), станица, хутор, курень, а круг признавался высшим органом СКОВД.

Несмотря на то, что СКОВД являлся общественной организацией, (то есть по сравнению с Областью войска Донского произошла полная трансформация формы и статуса организационно-управленческой системы) в резолюции учредительного Большого круга «О структуре союза казаков Области войска Донского» говорилось о восстановлении традиционных казачьих округов. Правлению СКОВД предлагалось разработать примерные рекомендации для хуторских, станичных, окружных и иных организаций с учетом казачьих традиций и современной практики движения, а также подготовить историческую записку с обобщением опыта хуторских и станичных казачьих

кругов, окружных и войскового правления¹. Тем самым подчеркивалась преемственность с бывшей Областью войска Донского.

На Кубани в организационных структурах и названиях первых казачьих организаций также без труда можно обнаружить связь с историей и традиционными элементами организации Кубанского казачьего войска. В 1990 г. в Краснодаре была создана Кубанская казачья Рада, которая в 1992 г. была преобразована во Всекубанское казачье войско. Организационная структура и органы управления воспроизводились по образцу Кубанского казачьего войска начала XX в.: отделы, хуторские, куренные, станичные общества. Новыми организационными формами являлись районные и городские казачьи общества. Руководил войском атаман, войсковое правительство, были также председатель Рады и Совет стариков².

В 1990 г. в г. Орджоникидзе прошел учредительный круг терского казачества. С 1992 г. утверждается традиционное название «Терское казачье войско», а вошедшие в его состав общественные организации казаков на местах называются отделами (как и их исторические предшественники)³.

Формирование организационной структуры на основе традиционных образцов наблюдалось также в Республике Калмыкия. Атаман и члены правления избирались с соблюдением традиций казачьей демократии⁴. Были воссозданы в качестве организационных элементов 13 станиц, так как именно такое число калмыцких казачьих станиц до начала XX в. входило в состав Донского войска. В 1994 г. вместо Союза казаков Калмыкии было создано Казачье войско Калмыкии. Такие элементы системы, как Большой войсковой круг, атаман и Совет стариков, также здесь присутствовали.

¹ Резолюция № 3. «О структуре Союза казаков Области Войска Донского» // Водолацкий В.П., Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Возрождение: первый круг казаков Дона... С. 68–69.

² Устав Всекубанского казачьего войска // ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 2. Л. 286.

³ Российское казачество... С. 210.

⁴ Максимов К.Н., Таванец С.Д. Калмыцкая государственность: прошлое и настоящее // Калмыкия: этнополитическая панорама. Очерки. Документы. Материалы / под ред. Э.-Б. Гучиновой, Г.А. Комаровой. М., 1996. Т. I. С. 64.

Таким образом, с началом возрожденческого процесса восстановление института круга и атаманства являлось естественным, поскольку символизировало восстановление главных элементов культурной системы казаков и связывало их с прошлым.

Выстраивание символических связей с прошлым и подчеркивание исторической преемственности во всех наиболее важных аспектах казачьего возрождения стало одной из задач казачьего движения в конце XX в. Отсюда принятие на первом же Учредительном круге СКОВД исторических гимна, флага и герба, несколько позже – восстановление названия «Всевеликое войско Донское», заявление о преемственности с историческим прототипом – Донским войском «с его традиционной демократией казачьего Круга» и т.д.¹

В документах Всекубанском казачьего войска также подчеркивалось историческое происхождение основных символов войска: флага, герба и гимна², а в приказах атамана отмечалось, что казачьи организации объединяются в исторически сложившиеся и вновь созданные отделы³.

Исторические элементы являлись неотъемлемой частью казачьих организаций. И хотя они, в реальности, являлись историческим антуражем, все же способствовали закреплению в сознании общественности и самих участников возрождения мысли о «возвращении казаков». Таким образом, разворачивалось конструирование социокультурных рамок казачьего возрождения.

Вместе с тем, возрождение традиционных институтов управления казачьими сообществами в конце XX в. выходило за рамки только исторического антуража. Главной его целью являлось воссоздание системы казачьего самоуправления. Важность данного института для казачества постоянно подчеркивалась. Так, в замечаниях правительства Всекубанского казачьего войска относительно проекта концепции краевой комплексной программы по воз-

¹ Резолюции Большого круга Союза казаков Области Войска Донского... С. 66, 67, 68.

² ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 2. Л. 292.

³ Там же. Д. 3. Л. 171.

рождению казачества Краснодарского края за 1993 г., по вопросу казачьего самоуправления, в частности, говорилось: «Бегло, вскользь и туманно сказано о самоуправлении: «может быть передано казачьим организациям часть властных полномочий...» между тем, самоуправление – один из важнейших принципов возрождения казачества. Кто определяет, какую часть властных полномочий передать казачеству, если казачество народ, и кто определяет его возрождение»; «Раздел [раздел III «Участие казачества в государственном управлении и самоуправлении» концепции – О.Р.] декларирует общеизвестные гражданские права... В чем же тогда заключается возрождение? Вопрос же должен идти о традициях казачьего самоуправления и путях, и принципах восстановления этого института..., учитывая, что самоуправление было доминирующим в правовой организации казачества, предлагать казачеству входить в комиссии, комитеты с совещательным голосом оскорбительно в своей сути, как это соотносится с проблемой возрождения репрессированного народа. Например, чеченца – в Чеченской республике наделить правом совещательного голоса – оскорбление»¹.

Рассмотрение ситуации формирования систем казачьего самоуправления позволяет раскрыть процесс, когда попытки перенесения исторической формы в новые условия приводит даже не к её адаптации и трансформации, а к конструированию новой формы. Как всякая традиционная форма казачье самоуправление воспринималось вне исторического времени, как однажды раз и навсегда сформировавшаяся система с безусловно положительными характеристиками. Главное в этой системе было то, что она на исторических этапах развития сохраняла и защищала интересы казаков, а значит, могла выполнить те же функции в настоящее время.

Между тем система казачьего самоуправления, как войскового, так и станичного, и хуторского, как всякий исторический институт, развивалась и изменялась. В том числе изменялась такая важнейшая его черта, как демо-

¹ ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 2. Л. 219–220.

кратичность, наиболее притягательная в условиях строительства нового постсоветского общества с его апеллированием к либерально-демократическим принципам общественного устройства и отходом от авторитарной советской системы. Демократические начала в системе казачьего самоуправления начала XX в. хотя и сохранялись, но реальное наполнение системы и её функционирование сильно отличалось от демократии самоуправления ранних казачьих сообществ. Но, несмотря на исторические реалии, в казачьем возрождении сохранялось представление об имманентно присущей казачьей социальной организации демократии, представленной, прежде всего, системой самоуправления. И эти демократические элементы системы могут стать основой современного возрождения казачества. Итак, исторические формы власти и управления в период 1990–2000-х гг. имели важное символическое значение.

Вместе с тем, данные институты получили уже в начале 1990-х гг. вполне реальную поддержку со стороны власти как на федеральном, так и на региональных уровнях. Так, уже в Постановлении Верховного Совета Российской Федерации «О реабилитации казачества», вышедшем в 1991 г., вскоре после принятия Закона «О реабилитации репрессированных народов»¹, за казачеством признавалось право на возрождение традиционных систем самоуправления¹. Важным свидетельством такой поддержки являлся Указ Президента РФ, в котором определялись меры поддержки для казачества при реализации Закона «О реабилитации репрессированных народов». Важнейшим с точки зрения понимания сущности возрождения в данном документе являлось положение о возможном восстановлении традиционных форм самоуправления казачества, а также декларируемая властью поддержка таких форм².

¹ Постановление Верховного Совета Российской Федерации «О реабилитации казачества». 16 июля 1992. № 3321-I // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1991. № 30. Ст. 1805.

² Указ Президента Российской Федерации «О мерах по реализации закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов в отношении казачества»...

Специальные разделы посвящены казачьему самоуправлению в Концепции государственной политики 1994 г. и Федеральной целевой программе государственной поддержки казачьих обществ на 1999–2001 гг. и т.д. В обоих случаях речь идет о возможности развития традиционных форм казачьего самоуправления, такого как атаманское правление в хуторах и станицах¹. Либо под этим подразумевался учет исторических казачьих традиций в той или иной местности при создании систем самоуправления².

Вслед за этим в регионах юга России началось создание нормативно-правовой базы для развития казачьего самоуправления. В сентябре 1992 г. в Волгоградской области приступили к подготовке до 1 ноября 1992 г. предложений по восстановлению хуторского, станичного, районного (юртового), окружного территориального самоуправления в традиционных для казачества формах, с определением их юридического статуса³. Возрождение традиционного казачьего самоуправления предусматривали и Основные направления комплексной программы возрождения кубанского казачества (приняты в 1993 г.). По этому вопросу предполагалось разработать положения (Уставы) районного, городского, станичного и хуторского органа местного самоуправления на основе традиционных форм казачьего самоуправления⁴.

В июле 1994 г. Государственная дума Ставропольского края приняла постановление об организации казачьего самоуправления в станице Воровсколесовской. А в октябре того же года принимается новый устав края, в ст.

¹ Основные положения концепции государственной политики по отношению к казачеству. С. 73–79.

² Федеральная целевая программа государственной поддержки казачьих обществ на 1999–2001 годы... С. 273.

³ Решение малого Совета Волгоградского областного Совета народных депутатов и Главы Администрации Волгоградской области «О первоочередных мерах по выполнению Указа Президента Российской Федерации от 15 июня 1992 г. № 632 «О мерах по реализации закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов» в отношении казачества» и Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1992 г. № 3321-1 «О реабилитации казачества» от 24.09.1992 г. № 22/293 // Государственные акты по вопросам российского и донского казачества. В 2-х т. Ростов н/Д, 2001. Т. 2. С. 373.

⁴ ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 68. Л. 93.

73 которого указывается, что «В местах компактного проживания казаков на основании решений, принятых местными референдумами, может вводиться казачье самоуправление и атаманское правление»¹.

В марте 1993 г. в Ростовской области был принят пакет документов по развитию казачьего самоуправления. А в ст. Кривянской разработали и приняли Устав органа местного самоуправления, во многом копировавший «Положение об общественном управлении станиц казачьих войск» 1891 г. В общих положениях Устава историческая основа традиционного казачьего управления станицы обосновывалась законодательной базой Российской империи. Так в п. 1. Общих положений говорилось, что «Самоуправление в ст. Кривянской опирается на Конституцию Российской Федерации, Указ Президента Российской Федерации «О реформе местного самоуправления в Российской Федерации» № 1760 от 26 октября 1993 г., Положение об основах организации местного самоуправления в РФ на период поэтапной конституционной реформы, и настоящего устава, и свода законов Российской империи в части «Гражданского управления в казачьих станицах», Устав о благоустройстве станиц, и других законодательных актов»².

В развитии систем казачьего самоуправления на юге России в 1990-х гг. можно выделить следующие тенденции. Во-первых, это реконструкция традиционных форм казачьего самоуправления на территориях компактного проживания казаков. В идеале это означало полное восстановление традиционных органов казачьего самоуправления, которые заменяли бы собой сельские поселковые Советы и администрацию (полностью или частично). В этом случае в формировании этих органов принимало бы участие все население хутора или станицы. Однако такая форма практически нигде не была осуществлена. Например, наиболее близкий к такому типу самоуправления

¹ Кореняко В.А. Казачество в Ставропольского крае... С. 123–125.

² Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Возрождение казачества в новой России. С. 246; Устав органа местного самоуправления станицы Кривянской // Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Донские казаки: проблемы возрождения и перспективы развития. Часть 2 (История современного донского казачества). Исследования и документы. Ростов н/Д, 2003. С. 226.

устав станицы Кривянской, так и не был утвержден районной администрацией¹.

Ещё одной реконструируемой формой являлось атаманское правление. О возможности формирования неё речь шла, например, в «Основных положениях концепции государственной политики по отношению к казачеству». В программе предполагалось, что в случае волеизъявления казачьего населения, атаманское правление можно будет эффективно совмещать с органами общегражданского местного самоуправления. Однако атаманское правление должно было осуществляться в воссозданной казачьей общине. Таким образом, речь шла прежде всего о том, что казачье население должно было для начала объединиться в общины, затем оно получало право на собственные органы традиционного самоуправления². При внешней логичности такой процедуры оставалось много неясностей. Основное – взаимодействие атаманского управления с официальными органами местного самоуправления. Как показала практика, население не проявило достаточной активности, и это направление развития не получило.

Во-вторых, – конструирование казачьего самоуправления через новую организационную форму – казачье общество. Впервые эта форма организации казаков появляется в Указе Президента 1992 г. о реабилитации казачества. После Указа Президента 1995 г. о создании государственного реестра казачьих войск в правовом поле закрепиться понятие казачьего общества как реестровой организации, создаваемой для выполнения определенных обязательств по государственной и иной службе.

Таким образом, казачье общество хутора или станицы не являлось организационной формой всего населения, а чаще всего только какой-то его части. Однако именно казачье общество представлялось законодателями, а затем и самими казаками как форма воссоздания системы казачьего само-

¹ Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Возрождение казачества в новой России... С. 247.

² Основные положения концепции государственной политики по отношению к казачеству...

управления в рамках системы территориального общественного самоуправления граждан¹. В этом состояла суть метаморфозы традиционной системы казачьего самоуправления в современных условиях.

В 1992–1993 гг. в Ростовской области в результате принятия пакета документов в сфере самоуправления (в том числе примерный Устав казачьего общества), создается, по мнению А.А. Озерова и А.Г. Киблицкого, нормативно-правовая база, «позволявшая казачеству реально встать на путь своего возрождения через казачьи общества, которые становились органами общественного территориального самоуправления»². В феврале 1995 г. Совет атаманов Всевеликого войска Донского принял решение о перерегистрации казачьих обществ, как субъектов территориального самоуправления. А в октябре 1996 г. на большом объединительном круге Всевеликого войска Донского принимается решение о регистрации самого войска как организации территориального общественного самоуправления³.

Конструирование казачьего самоуправления на основе территориального общественного самоуправления (ТОС) на первый взгляд снимало противоречие между предоставляемой возможностью казакам формировать свои органы самоуправления и тем, что на местах уже были органы местного самоуправления. ТОСы рассматривались, как возможное совмещение органов местного самоуправления и атаманского правления в местах, где казачество составляет большинство населения.

Однако, как показала практика реализации казачьего самоуправления на основе ТОС в Ростовской области, достичь серьезных устойчивых результатов в этом направлении не получилось. Исследования, проведенные в этой области Е.И. Дулимовым и И.И. Золотарёвым, в качестве причин неудачного развития процесса выявили: отсутствие финансирования, несовершенство ре-

¹ Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Возрождение казачества в новой России... С. 113; Золотарёв И.И. Казачье самоуправление на Дону...

² Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Возрождение казачества в новой России... С. 124.

³ Золотарев И.И. Казачье самоуправление на Дону... С. 170–171.

гионального и федерального законодательства, но, главной причиной являлась низкая активность населения¹.

После выхода в 1995 г. Указа Президента РФ о государственном реестре казачьих обществ и принятия Временного положения, в котором определялись форма и принципы функционирования реестровых казачьих обществ начался новый этап конструирования казачьего самоуправления, но уже в рамках реестровой организации. Реестровая казачья организация – явление специфичное, члены ее в установленном порядке брали на себя обязательства по несению государственной и иной службы². Таким образом, казачьи реестровые общества создавались для определенной цели – исполнения определенных видов государственной и муниципальной службы казаками. Несмотря на очень широкий перечень таких видов деятельности, самоуправление в него не входило. Тем не менее, именно казачье общество предлагается рассматривать как форму и инструмент развития системы казачьего самоуправления. Так, в Федеральной целевой программе государственной поддержки казачьих обществ на 1999–2001 гг. существовал специальный раздел об организации системы самоуправления в казачьих обществах и развитие социальной структуры. В разделе говорилось о том, что реализовать самоуправление с учетом исторических и местных казачьих традиций возможно через формы взаимодействия казачьих обществ с органами местного самоуправления и органами государственной власти Российской Федерации³.

Однако определить на практике эти формы взаимодействия оказалось затруднительно по ряду причин. Во-первых, из-за правового статуса казачьих реестровых организаций и численности их членов передать им полномочия в сфере самоуправления оказалось невозможно. Ни атаман казачьего общества, ни его члены не были выборной исполнительной властью в казачьих поселе-

¹ Дулимов Е.И., Золотарёв И.И. Самоуправление казаков... С. 134.

² Временное положение о государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации... С. 118–123.

³ Федеральная целевая программа государственной поддержки казачьих обществ на 1999–2001 годы... С. 273.

ниях. Казачье общество не охватывало всех жителей хутора и тем более станицы.

Во-вторых, казачье общество имело выраженный гендерный характер. На практике в казачье общество, как правило, вступали в основном мужчины, так как членство в нем было связано с выполнением обязанностей государственной и иной службы, а если посмотреть шире, то казачье общество, как и само казачье движение, являлись специфическими феноменами с ярко выраженными характеристиками мужской культуры¹. Такие гендерные особенности казачьего общества сразу резко понижали его возможности по выражению интереса всего населения хутора или станицы. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. казачьи реестровые общества на уровне станиц и хуторов с трудом набирали указанный минимум, а нередко и не доходили до него.

В-третьих, казачье общество как форма возрождения казачества, должна была выражать интересы этой культурно-этнической (как определено было в законе о реабилитации репрессированных народов) группы. Однако самоидентификация казаков оставалась чрезвычайно низкой даже на юге России. Всего по ЮФО назвали себя казаками по результатам переписи 2002 г. 133 775 чел. Ситуация с отсутствием казачьей идентификации была характерна для многих населенных пунктов, определяемых как традиционно казачьих. Кроме того, в результате миграционных процессов однородность казачьего населения в местах традиционного проживания была в значительной степени утрачена. В связи с этим при создании институтов казачьего самоуправления не до конца было ясно, чьи же интересы представляют данные структуры.

Даже в населенных пунктах, которые можно было назвать чисто казачьими, с учетом их исторического прошлого, ситуация была схожая. Напри-

¹ Культура казачьего сообщества характеризуется специалистами, прежде всего, как культура мужского военизированного сообщества. Движение за возрождение казачества в конце XX также складывается как мужское движение, его участниками являются преимущественно мужчины. См.: Рыблова М.А. Социокультурные трансформации на Дону (XVI–XXI вв.) // Казачество России: прошлое и настоящее. Ростов н/Д, 2008. С. 3–32.

мер, в Волгоградской области станичное казачье общество «Калачевское-на-Дону» насчитывало 736 чел. в 2003 г. и 697 чел. в 2004 г., в то время как количество жителей г. Калач-на-Дону (до начала XX в. хут. Калач, 2-й Донской округ) составляло больше 25 тыс. чел.¹ В 2003 г. станичное казачье общество «Чернышковское» насчитывало 187 чел., а количество жителей в рабочем пос. Чернышковский (в прошлом хут. Чернышковский, 2-й Донской округ) было более 6 тыс. чел.²

Таким образом, возникал вопрос о возможности и целесообразности казачьего самоуправления в сельских населенных пунктах, и тем более городах. Как в случае введения казачьего самоуправления в населенных пунктах в которых действовали казачьи общества, должны были регулироваться вопросы неказачьего населения.

Проведенное в 2007 г. исследование результатов возрождения казачества в Волгоградской области позволило выявить восприятие станичным и хуторским населением казачьей системы самоуправления, возможностей совмещения функций казачьего общества и территориального общественного самоуправления либо администрации сельского поселения. Чаще всего, за станичным или хуторским казачьим обществом закреплялось право следить за порядком на улицах, бороться с воровством, пьянством, пресекать драки, помогать участковому. Казачье общество также воспринималось, как форма сохранения традиций, истории, фольклора, либо как форма воспитательной работы с молодежью, помощи старикам.

Что же касается возрождения традиционных форм самоуправления, таких, как круг, атаманская власть, то нередко это не встречало одобрения у жителей хутора. Многие, особенно из числа неказаков говорили: «Почему мы

¹ Сведения взяты из таблиц донесений о деятельности окружных казачьих обществ за 2004 г. // Текущий архив Комитета по делам национальностей и казачества.

² Сведения о численности казачьих обществ взяты из таблиц донесений о деятельности окружных казачьих обществ за 2004 г. // Текущий архив Комитета по делам национальностей и казачества. Сведения о численности населения в населенных пунктах взяты из книги Воробьева А.В. Поселения Волгоградской области. 2-е изд. Волгоград, 2000. С. 254.

должны подчиниться атаману – пусть ему казаки подчиняются». Респонденты, как из числа казаков, так и неказачьих подчеркивали, что власть всё-таки должна носить универсальный характер¹.

Новый этап в развитии казачьего самоуправления начался в 2003 г. На Большом круге казачьих войск было принято решение обратиться с предложением о местном самоуправлении к рабочей группе, занимавшейся подготовкой проекта соответствующего федерального закона. Предложение касалось возможности для казаков формировать свои традиционные системы самоуправления. Принятие Федерального закона № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» теоретически расширило возможности для казачьих обществ создавать системы местного самоуправления с учетом исторических традиций. В частности, в ст. 1 Закона присутствовал нюанс организации местного самоуправления не только для казачьих обществ, когда возможно было учитывать исторические и иные традиции местного населения. На практике это проявлялось в попытках обосновать передачу казачьим обществам решения ряда вопросов, входящих в компетенцию местной власти. В регионах были разработаны сборники рекомендаций, как развивать данное направление. В одном из таких сборников, который был выпущен в 2006 г. в Волгоградской области, казачьи организации предлагалось рассматривать как фактор укрепления деятельности органов местного самоуправления.

На основе сравнительного анализа полномочий органов местного самоуправления и уставных задач казачьих обществ выявлены те из них, которые, по мнению разработчиков рекомендаций, совпадали либо оказывались близкими по содержанию. Например, среди совпадающих полномочий назывались охрана лесов от пожаров, охрана общественного порядка. Среди близких по содержанию – организация сбора и вывоза мусора и бытовых отходов

¹ Рвачева О.В., Рыблова М.А. Системы казачьего управления на территории Войска Донского: история и современное состояние // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2010. № 4. С. 302–303.

и пр. (МСУ) и участие в природоохранной, экологической и егерской службе (казачье общество)¹.

Однако такие методические разработки не учитывали главного – невозможность передачи публичной власти казачьим обществам. Таким образом, методические разработки, предлагавшие и обосновывавшие формы взаимодействия между казачьими обществами и органами местного самоуправления с учетом нового закона о местном самоуправлении 2003 г., не способствовали качественному развитию процесса. Попытки доказать, что уставная деятельность казачьих обществ и деятельность органов местного самоуправления практически совпадают, не способствовала передаче управленческих функций в хуторах, станицах и тем более в городах в руки казачьих обществ. Максимум на что могли рассчитывать казачьи общества – это на осуществление заявленных функций МСУ на основе аутсорсинга, то есть на основе договора осуществляли бы некоторые производственные функции МСУ.

Едва ли не единственным удачным опытом совмещения функций МСУ и КО стал опыт хуторского казачьего общества «Ветютневское» в Волгоградской области. Численность общества в 2003 г. составляло 120 чел., общее количество жителей хут. Ветютнев в начале 2000-х гг. было более 1 тыс. чел.² На протяжении нескольких лет в начале 2000-х гг. ХКО «Ветютневское» участвовало совместно с Ветютневской сельской Администрацией в решении вопросов по пожарной безопасности населения, строительству и содержанию объектов соцкультбыта, охраны общественной и экологической безопасности, организации отдыха и досуга населения и пр.

¹ Практические рекомендации «Об опыте совместной деятельности казачьих обществ, органов местного самоуправления и возможности его использования при организации деятельности органов местного самоуправления муниципальных районов и сельских поселений». Волгоград, 2006. С. 9–10.

² Сведения о численности казачьих обществ взяты из таблиц донесений о деятельности окружных казачьих обществ за 2004 г. // Текущий архив Комитета по делам национальностей и казачества. Сведения о численности населения в указанных населенных пунктах взяты из книги Воробьева А.В. Поселения Волгоградской области. 2-е изд. Волгоград, 2000. С. 246.

В 2008 г. Министерство регионального развития РФ по итогам масштабного исследования российского казачества выпустило сборник методических материалов по реализации государственной политики в отношении российского казачества. В нем, в том числе, рассматривались вопросы взаимодействия казачьих обществ и МСУ. Перспективными формами такого взаимодействия определялись охрана общественного порядка казачьими муниципальными дружинами, природоохранная деятельность казачьих обществ, участие в военно-патриотическом воспитании молодежи, в различного рода культурных мероприятиях, развитие культуры и спорта¹.

Таким образом, несмотря на все усилия участников казачьего возрождения их организационные структуры даже при наличии внешних атрибутов традиционных казачьих систем власти и управления (атаман, круг и др.) не «дорастали» до уровня современных систем управления.

Новая тенденция, которую можно определить, как «сращивание» казачьего самоуправления с региональными системами управления на юге России, формируется во второй половине 1990-х гг. Выразилась она в создании в административных системах субъектов федерации специальных структур (отделов, комитетов, департаментов), которые занимались организационно-управленческими вопросами, связанными с казачеством. Самый ранний пример такой структуры встречается в Ростовской области, где в 1992 г. был создан Комитет по казачеству². Большинство подобных структур по югу России было создано во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг.³

Данный процесс совпал по времени с формированием и развитием системы реестра казачьих обществ. Объективно это способствовало упорядочению организационно-управленческой ситуации в возрожденческом процессе.

¹ Сборник методических материалов для апробации... Т. 1. С. 19–29.

² Решение Ростовского областного совета народных депутатов «Об образовании в структуре Администрации области комитета по казачеству» от 23.12.1992 // Государственные акты по вопросам российского и донского казачества. В 2-х т. Ростов н/Д, 2001. Т. 2. С. 30.

³ Подразделения по казачеству в субъектах Российской Федерации, созданные к началу 2000-х гг. // Российское казачество. Научно-справочное издание / отв. ред. Т.В. Таболина. М., 2003. С. 557–570.

Вместе с тем это свидетельствовало о развитии огосударствления казачества, усиления контроля со стороны власти. Члены казачьих организаций (как правило атаманы различного уровня) становились сотрудниками структурных подразделений областных и районных администраций, которые занимались вопросами казачества. В отношении крупных казачьих структур войскового уровня постепенно сформировалось правило вхождения войскового атамана в административно-управленческую верхушку региона. Как, например, в случае с атаманом ВКО ВВД В.П. Водолацким, который возглавил Департамент по казачеству Администрации Ростовской области или атаманом ВКО ККВ В.П. Грозовым, возглавлявшим до момента своего ухода с поста атамана Департамент по делам казачества Краснодарской краевой администрации, а затем вошедшим в депутатский корпус краевого Законодательного собрания.

Наглядную картину развития тенденции «сращивания» казачьих систем с системами местного самоуправления дает исследование, проведенное в 2008 г. по заказу Минрегионразвития. Проанализированная практика применения форм и методов взаимодействия органов МСУ и казачьих обществ ВКО ВВД выявила следующее: члены казачьих обществ являлись депутатами представительных органов муниципальных образований, возглавляли администрации сельских поселений, становились главами муниципальных районов и городских округов¹. Комментируя в 2003 г. ситуацию вхождения атаманов в состав администраций на юге России, тогдашний советник Президента РФ Г.Н. Трошев определил её как развитие казачьего самоуправления².

Со стороны казачества такое развитие системы управления получило поддержку. Действительно, на первый взгляд все это выглядело как признание казачества, в качестве эносоциальной общности. Оно получало собственные управленческие структуры. Но проблема заключалась в том, что созда-

¹ Организация взаимодействия между органами местного самоуправления и казачьими обществами // Сборник методических материалов для апробации... Т. 2. С. 20.

² Российское казачество... С. 704.

ваемые структуры решали вопросы не казачества, как социальной общности, а казачьих реестровых организаций¹. То есть происходила определенная подмена понятий.

Ситуация сращивания казачьих организационных форм с региональными системами власти и местного самоуправления представляла собой третью тенденцию развития казачьего самоуправления в новейшее время. Здесь ситуация конструирования, социального инжиниринга проявилась наиболее полно. Историческая форма казачьего самоуправления окончательно утрачивалась и вместо нее возникал новый феномен, позволявший представителям казачьих организаций участвовать в управлении. Сформировавшуюся тенденцию можно характеризовать, как «показачивание» систем регионального управления и самоуправления муниципальных образований, так как она не только позволяла казакам входить во власть, но и предоставляла определенные возможности использовать возможности современной системы регионального и муниципального управления для решения вопросов казачьего возрождения.

Таким образом, в конце XX в. институты власти и самоуправления приобретали новую форму. Феноменом возрожденческого процесса становится войско как реестровое казачье общество организация с четко заданными функциями и идентификацией (казак – это, прежде всего член казачьего общества). В казачьих организациях появляются названия, маркирующие их органы управления как традиционно казачьи, однако эти «традиционные» казачьи управленческие институты приобретали принципиально иной характер. В 1990-х гг. казачий круг и атаман уже не являлись органами управления или самоуправления. Теперь это были организационно-управленческие элементы общественных организаций без прежних прав и властных полномочий.

Продвижение идеи казачьего самоуправления было тесно связано с развитием идеи возвращения казакам войсковых территорий, то есть форми-

¹ Рвачева О.В. Власть и казачество на Юге России... С. 147.

рование концепции «своей земли». Тема «своей» казачьей территории и казачьей власти на ней имманентно содержалась в возрожденческом процессе, ориентированном на возвращение к «прежней» жизни. Апеллирование к прошлым историческим формам предопределяло обращение казаков к феномену «войска», включавшему в себя такие важные понятия как территория и власть. К началу XX в. казачество проживало в границах особых территориально-административных единиц – войск, имевших свою администрацию и, несколько отличавшуюся от общеимперской, систему управления. Возникшие казачьи организации, объявляя себя в той или иной форме преемниками казачьих войск, генерировали и продвигали установки на возвращение казакам права на территорию и политическое доминирование в ее границах. Утверждение приоритетного права на территории бывших казачьих войск юга России на основании архаичного закона первопоселенцев прослеживается на юге России у донских, кубанских и терских казаков.

Актуальность для участников возрожденческого процесса вопроса о восстановлении территории казачьих войск проистекала из территориально-административных реформ советской власти 1920-х гг. В казачьих областях эти реформы были направлены на упразднение войсковых систем, разделение казачьих территорий с последующим включением их частей в разные субъекты РСФСР на юге России. В ходе проведения этих реформ происходило сокращение территории проживания казаков. Войсковые земли передавались в другие территориально-административные единицы. Делалось это, в том числе и с целью проведения политики расказачивания. В ходе исследования данного процесса возник даже специальный термин «территориальный геноцид»¹.

Таким образом, в качестве важнейшей причины, побуждавших участников движения за возрождение казачества настойчиво выдвигать требование возвращения казакам утраченных территорий, можно назвать восстано-

¹ Бугай Н.Ф. Казачество России... С. 50.

ление исторической справедливости, признание факта несправедливого лишения казаков этих территорий.

В 1990 г. в нарождающемся казачьем движении было достаточно четко сформулировано пожелание, характерное для этнического возрождения. По определению Т.В. Таболиной, казачество ратовало за то, чтобы этнические границы его проживания совпадали с административно-территориальными границами¹. Фактически была высказана идея восстановить целостность казачьих территорий в рамках административных единиц.

Закон о реабилитации репрессированных народов, а также Указ Президента и Постановление Верховного Совета, разъяснявшие, как данный закон должен был реализовываться в отношении казачества на первый взгляд подвели под эту идею правовую основу. Однако ни один из документов не содержал положений территориальной реабилитации и восстановления национально-государственных образований.

Территориальный фактор в истории того или иного народа часто связывался с формированием этнической идентичности и национально-государственным самоопределением. Эти процессы нередко сопровождались борьбой за право на территорию и на политическую власть над ней. Важнейшей характеристикой, дававшей определенные преимущества в споре за территорию, являлось понятие коренного народа. Образ пострадавшего коренного населения в ходе репрессий позволял требовать определенных преференций².

В казачьем возрожденческом движении связь территориального фактора и образа народа-первопоселенца, имеющего право на контроль над ресурсами «своей» территории, также оказывалась актуальной. Например, среди приоритетных задач СКОВД в начале 1990-х гг. называлось восстановление территории донского казачества в исторических административных границах

¹ Таболина Т.В. Казаки: драма возрождения... С. 61.

² Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003. С. 511.

Области войска Донского, а также восстановление прежнего названия – Донская область. Историческая территория, возвращенная в прежние границы, формировала имидж региона, а также создавала дополнительные обоснования для территориально-управленческих претензий казаков. Участники казачьего возрождения ратовали за создание «Общественного казачьего парламента Дона», организацию в составе советов казачьих секций¹.

Во второй половине 1990-х гг. процесс возвращения казакам «своей» территории на юге России принимает форму, которую можно определить, как «показачивание»². Это означало, что в уставные документы нескольких субъектов Российской Федерации вносились положения, определявшие данные субъекты как исторические территории проживания казаков. Такие изменения были внесены в уставы Волгоградской и Ростовской областей, а также Краснодарского края. Формулировки, определявшие статус казачества в этих субъектах РФ, имели небольшие отличия: исторически сложившаяся общность, исторически сложившаяся культурно-этической общность, имеющая историческую территорию проживания³.

В уставе Ставропольского края, принятого ещё в 1994 г., речь шла, прежде всего, о возможности для казаков иметь свое самоуправление и о других преференциях. По мнению В.А. Коренько, все эти правовые акты де-

¹ Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Возрождение казачества в новой России... С. 51.

² Термин «показачивание» или «оказачивание» был введен исследователями истории Смутного времени А.Л. Станиславским и И.О. Тюменцевым. Термин обозначал явление, когда в период Смутного времени в состав казачества активно вовлекались различные слои населения, те или иные территории ставились под контроль казаков. В диссертационном исследовании термин применяется для характеристики ситуации, когда территории российских регионов назывались казачьими, поскольку на них проживали казаки.

³ Устав Краснодарского края (с изменениями от 6 июня 2005 г.). Извлечения // Законодательство Российской Федерации и Краснодарского края по вопросам казачества. Сборник нормативно-правовых актов со вступительным комментарием. Краснодар, 2005. С. 105; Закон Волгоградской области № 404-ОД «О казачьих обществах, принявших обязательства по несению государственной и иной службы на территории Волгоградской области». Принят Областной Думой 27 апреля 2000 г. // Государственные акты по вопросам российского и донского казачества. В 2-х тт. Ростов-на-Дону, 2001. Т. 2. С. 431; Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Донские казаки: проблемы возрождения и перспективы развития... С. 37.

кларировали преимущественные права казаков «в местах компактного проживания»¹.

В качестве еще одной причины территориальных требований казаков можно определить стремление к национально-государственному самоопределению. Стремление это подкреплялось внешними условиями кризиса российской государственности в начале 1990-х гг., сопровождавшейся «парадом суверенитетов» народов бывшего СССР. По мнению С.М. Маркедонова, такие взгляды казаков можно было характеризовать как казачий сепаратизм, или, по крайней мере, как партикуляризм².

Так на II Большом Круге СКОВД в октябре 1991 г. принимаются резолюции «О восстановлении незаконно упраздненного национально-государственного образования в составе РСФСР» и «О восстановлении Донской республики»³. Конфликты и противоречия, сопровождавшие этот процесс, хорошо исследованы.

Идея обретения «своей» территории как фактора национального возрождения сохранялась в среде участников возрождения после 1995 г., когда создание системы реестровых казачьих обществ, которая и должна была теперь выступать в качестве основной организационной формы возрождения казачества, казалось должно было окончательно свести на нет идею казачьей государственности.

В 2009 г. вновь была озвучена и даже декларативно воплощена идея казачьего национально-государственного формирования. 14 октября 2009 г. в ст. Старочеркасской Ростовской области прошел казачий форум, именованный 2-м Общенациональным съездом казачьего народа. Было вынесено решение о создании Донской Казачьей Республики в составе Российской Федерации в исторических границах государства Всевеликое войско Донское на

¹ Коренько В.А. Казачество в Ставропольского крае... С. 125.

² Маркедонов С.М. Феномен российского неказачества... С. 113.

³ Верховский А.М. и др. Указ. соч. С. 186.

1918 г., а также избран Президент – атаман Донской Казачьей Республики (ДКР).

Третьей причиной, побуждавшей участников процесса возрождения казачества выдвигать территориальные претензии к российской власти, являлись политические амбиции лидеров движения и сохранявшиеся настроения партикуляризма в среде участников казачьего возрождения. В 1992 г. служба «Мониторинг» провела социологическое исследование, посвященное казачьему возрождению, и зафиксировала в его среде настроения «казакоцентризма»¹. Среди опрошенных были сторонники независимого Донского казачьего государства (3,7%), а также сторонники Донской Казачьей Республики в составе РФ (36,1%).

Что касается действий атаманов по обретению казаками своей территории, то здесь следует особо выделить действия двух донских атаманов. В период атаманства в СКОВД С. Мещерякова в 1991 г. были сформулированы обращения в адрес Ростовского облсовета о восстановлении Донской республики, а также подписан приказ № 35 «О регистрации казаков и приписке коренного населения, считающего себя коренными жителями области Войска Донского и разделяющего чаяния казаков о правопреемственности исторических, культурных и материальных ценностей ранее упраздненного казачьего национального государственного образования»².

В период руководства СКОВД Н. Козицына был подписан «Договор о дружбе и сотрудничестве между Всевеликим войском Донским и Чеченской республикой Ичкерия» с тогдашним президентом непризнанной республики Ичкерия Д. Дудаевым. По форме он напоминал межгосударственный и характеризовался как экстремистски направленный³. Этот договор вызвал негативные оценки многих казачьих организаций. Терское казачество в лице атамана А. Стародубцева выступило с официальным заявлением, в котором дей-

¹ Маркедонов С.М. Неказачество на Юге России... С. 164.

² Верховский А. М. и др. Указ. соч. С. 186.

³ ЦДНИВО. Ф. 13322. Оп. 1. Д. 16. Л. 39.

ствия Н. Козицына получили резкую негативную оценку¹. На заседании Совета атаманов Волгоградского округа донских казаков в сентябре 1994 г. в выступлениях участников говорилось, что «этот договор – предательство казачества и идей возрождения людьми, незаконно, в результате интриг, пробившихся к власти в ВВД и узурпировавшими эту власть...»²

Наряду с попытками практического решения вопроса о восстановлении территорий бывших казачьих войск одновременно происходило конструирование этой территории в рамках казачьих организаций.

К 1994 г. в состав СКОВД входило 15 округов: 7 округов на территории Ростовской области, 6 округов на территории Волгоградской области, 1 округ в Саратовской области, 1 округ на территории Луганской области Украины³. Данные округа на самом деле являлись общественными организациями. Большая часть их возникла на территории исторических округов Области войска Донского, и они приняли исторические названия этих округов. Так возникли организации «Второй Донской округ» «Усть-Медведицкий округ» и др. Однако были и округа-новоделы – то есть ряд казачьих организаций СКОВД сформировались на территориях, которые никогда не являлись казачьими. Таковым, например, стал Волгоградский округ, в основном расположенный в границах г. Волгограда.

В 1996 г. волгоградские казаки внесли предложение в городской Совет народных депутатов о внесении в Устав города специальной главы «О казачестве г. Волгограда». В пояснительной записке выдвигались следующие обоснования данного предложения: «Волгоград является региональным центром области, значительную часть населения которой составляет казачество... В настоящее время каждый четвертый житель города заявляет о своей принадлежности к казачеству... представляя определенную численность в самом г. Волгограде, казачество высказывается в поддержку данного проекта

¹ Маркедонов С.М. Государевы слуги или бунтари-разрушители?.. С. 114.

² ЦДНИВО. Ф. 13322. Оп. 1. Д. 16. Л. 34.

³ Верховский А.М. и др. Указ. соч. С. 191.

Устава и предлагает нормативно закрепить в уставе города такое обеспечение своих этнических интересов, которое обеспечило бы их самореализацию...»¹ Несмотря на свое современное и неказачье «происхождение» в 1997 г. к моменту вхождения в реестр, Волгоградский округ из 13 окружных казачьих организаций являлся третьим по количеству казаков (3500 чел.) после Новочеркасского округа (3600 чел.) и Хопёрского округа (10 000 чел.)².

Исторической столицей донского казачества являлся г. Новочеркасск. Однако высокий статус областного центра г. Ростова-на-Дону, а также то обстоятельство, что здесь возникли наиболее активно заявившие о себе казачьи организации, сделали именно Ростов-на-Дону современным административным центром донского казачества. Положение о фактическом существовании двух казачьих центров, было специально оговорено в резолюции Первого Большого Круга союза казаков³.

В Краснодарском крае организационно-территориальная структура Кубанского казачьего войска также воссоздавалась в соответствии с историческим образцом. В составе общественной организации были сформированы структурные подразделения с территориальной принадлежностью и названием бывших отделов Кубанского казачьего войска: Екатеринодарский отдел, Ейский отдел, Кавказский отдел, Лабинский отдел, Майкопский отдел, Баталпашинский отдел, Таманский отдел, но вдобавок к этому возник ещё Черноморский округ (территория бывшей Черноморской губернии, которая исторически не входила в состав Кубанского войска). При этом политически важным стало расположение Баталпашинского отдела ККВ в границах Кара-

¹ Пояснительная записка «О предложениях казачьих общественных организаций города Волгограда по проекту Устава города-героя Волгограда» // Казачий круг. 1996. № 5 (2 фев.).

² Хижняков В.Ф. Отчет Войскового Атамана об исполнении решений Объединенного Круга и задачах Войска Донского по реализации законодательства в части организации государственной и иной службы казачества. 25 октября 1997 г. // Проблемы правового и политического регулирования казачьего движения (история и современность) / под ред. В.Ф. Хижнякова, Е.И. Дулимова. Новочеркасск, 1997. С. 19.

³ Резолюция № 1. «О создании Союза казаков». // Водолацкий В.П., Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Возрождение: Первый круг казаков Дона. Ростов н/Д, 2006. С. 67.

чаево-Черкесской Республики, а Майкопского отдела – в пределах Республики Адыгея ввиду значительного процента славянского населения этих республик. Позже был создан Сухумский отдел ККВ на территории независимой Республики Абхазия.

Кардинальным образом изменилась структура Терского войска. Если в начале XX в. Терское казачье войско (ТКВ) включало 4 казачьих отдела – Пятигорский, Моздокский, Кизлярский, Сунженский, то в 1990-х гг. значительное количество терских казаков, в основном проживавших на территории Чеченской Республики, вынуждены были мигрировать на территории соседних субъектов РФ. Значительное количество терских казаков осело на территории Ставропольского края. Это сказалось на формировании окружных казачьих обществ Терского казачьего войска. По данным справочного издания «Российское казачество» за 2003 г. в состав терского казачьего войска входили следующие окружные организации: Ставропольское окружное казачье общество, Аланское окружное казачье общество, Терско-Сунженское окружное казачье общество, Моздокское отдельное казачье общество, Кизлярское особое окружное казачье общество¹. Территориальные границы Терского казачьего войска сильно изменились. Так, крупнейшей казачьей организацией в составе ТКВ стало Ставропольское окружное казачье общество, в то время как территория Ставропольской губернии не являлась местом исторического проживания казачества.

Таким образом, современные территории традиционного компактного проживания казаков являлись в значительной степени продуктом креативных решений участников возрожденческого процесса. Деятельность казачьих организаций часто не была привязана к историческим границам казачьих территорий, то есть в результате казачьего возрождения фактически сформировались новые «границы» «традиционного проживания казачества».

¹ Российское казачество... С. 211–215.

Следует отметить, что на процесс территориального конструирования оказывали влияние и объективные факторы. Так, этнополитические конфликты в Северо-Кавказских республиках, прежде всего в Чечне, в 1990-х гг. приводили к выдавливанию славянского населения, в том числе казачества, с территорий традиционного проживания. В итоге возвращение этих территорий терским казакам оказалось невозможным в силу политической ситуации.

Территория Астраханского войска исторически состояла из двух отделов, расположенных в Астраханской, Саратовской и Самарской губерниях. В связи с этим астраханские казаки в конце XX в. не выдвигали территориальных претензий и не стремились к историческому воссозданию Астраханского войска, как территориально-административной единицы. Что касается казаков-калмыков, то, процессы национально-государственного строительства, создание Республики Калмыкия были гораздо важнее, нежели требования возврата территорий 13 казачьих станиц.

Проблема территориальной реабилитации продолжала подниматься вплоть до начала 2000-х гг. не только в среде казачества, но и среди других народов, причисленных к категории репрессированных и надеявшихся на пересмотр положений Закона о реабилитации репрессированных народов в части территориальной реабилитации¹. Однако идеи территориальной реабилитации уже во второй половине 1990-х гг. практически не находили поддержки со стороны власти.

В 1995 г. был принят Указ Президента Российской Федерации «О мерах по осуществлению территориальной реабилитации репрессированных народов». Этим указом фактически был объявлен запрет на какие бы то ни было обещанные ранее меры по территориальной трансформации, в том числе и территорий проживания ранее репрессированных народов. Региональ-

¹ Бугай Н.Ф. Восстановление национальной государственности этнических общностей, подвергшихся репрессиям: вопросы теории и практики // Восстановление национальной государственности репрессированных народов России и перспективы их развития на современном этапе. Росс. науч.-практ. конф. (Элиста, 12–13 янв. 2006 г.). Элиста, 2006. С. 14.

ным властям рекомендовалось действовать через системы местного самоуправления, поддерживая его национальные, культурные элементы и формы¹.

Итак, в конце 1990-х – начале 2000-х гг. казачество активно включается в развитие систем самоуправления. В отличие от деятельности казаков в середине 1920-х гг., когда в рамках политики «Лицом к казачеству» происходила активизация участия казаков в системах местного самоуправления, этот процесс был активирован не государством, а участниками возрождения. Создание форм участия казачества в государственном управлении и местном самоуправлении в конце XX в. отличалось многообразием и имело специфические характеристики. Главная характерная черта организации казачьего самоуправления – символичность основных его элементов. Такое символическое значение имел круг. Он воспринимался не только как ключевой элемент казачьей самоорганизации, но и как связь с прошлым. Возобновление созыва казачьих кругов воспринималось как возобновление трансляции культурного опыта, прерванного в советский период. Также круг являлся символом казачьей вольницы и древней казачьей демократии.

Воссоздание традиционных элементов казачьего управления, таких, как круг и атаман, укрепляло связь современных казаков с прошлым, а также и укореняло их присутствие в настоящем. Наличие на той или иной территории исторических институтов казачьего самоуправления закрепляло данную территорию за казаками, символизировало приоритетное право казаков на неё.

Создание казачьих систем управления и самоуправления происходило в период системной модернизации в России в конце XX в. Так же, как и в середине 1920-х гг., на смену прежним управленческим формам должны были прийти новые. Поиск таких форм происходил и со стороны общества, и со стороны государства. Таким образом, определенная поддержка казачьих

¹ Реабилитация народов России: сб. док. / сост. Н.Ф. Бугай, А.Н. Коцонис, В.В. Муравьев, А.А. Ахильгов. М., 2000. С. 235–236; Бугай Н.Ф. Восстановление национальной государственности этнических общностей...С. 13.

структур управления в конце XX в. была логичной. Она способствовала налаживанию взаимосвязи с казачеством, как с активной общественной силой. Для казаков «своя» власть означала возможность реализации и защиты интересов.

В ходе создания казачьих систем власти выделяются несколько направлений. Первая – попытка полной реконструкции традиционных форм самоуправления, то есть создание атаманского правления в станицах и хуторах, и созыв кругов, как общественных форумов, при решении важнейших вопросов в регионах, где казачество составляло значительное количество населения. Вторая – создание новых форм самоуправления – ОТОСов, в большей степени отвечавших современной ситуации, но имевшей признаки казачьей демократии. Третья – сращивание институтов казачьего управления с органами власти (создание казачьих комитетов, департаментов, отделов в структурах районных и областных администраций, вхождение их сотрудников в казачьи общества). Эту ситуацию можно охарактеризовать как «показывание» административных систем.

Развитие систем казачьего управления и самоуправления неотрывно были связаны с воссозданием казачьих территорий. Здесь также можно выделить несколько тенденций:

1. Воссоздание территорий войск, предполагавших административно-территориальный передел, так как в советский период территории казачьих войск на юге России оказались разделены между несколькими субъектами. Это направление было самым неудачным, так как предполагало серьезные изменения границ субъектов РФ.

2. Создание казачьих республик. Направление, содержащее сильный конфликтогенный потенциал, особенно опасны в начале 1990-х гг. на фоне сепаратистских проявлений со стороны ряда республик РФ.

3. Объявление территорий субъектов РФ на юге России территориями традиционного проживания казачества за счет внесения изменений в Уставы этих субъектов. Эта тенденция получила наибольшее распространение, по-

скольку позволяла формально объявлять территории «казачьими» при сохранении административно-территориально status quo.

6.2. Традиция как основа казачьей военной службы в конце XX века

Военная служба в советский и постсоветский период оставалась феноменом, к которому сохранялся стойкий интерес и у казаков, и у государства. В условиях советского строительства и социалистической модернизации военная служба являлась для казаков формой адаптации к новым условиям советского строя, а для государства – возможностью использовать военные навыки казачества для укрепления обороноспособности страны. В 1990-х – 2000-х гг. со стороны государства проявился тот же интерес к военной службе казачества – необходимость укрепления и усиления российской армии. А вот причины, по которым казачество проявило активный интерес к возрождению института военной службы в конце XX в. являлись многоплановыми. Целью данного раздела является определение причин возрождения казачьей службы в современных условиях, а также каким образом и в какой форме происходил данный процесс и какую роль военная служба играла в возрождении казачества в конце XX – начале XXI вв.?

Восстановление института военной службы казачества в конце XX в. являлось наиболее обсуждаемой темой научных и общественных форумов. Ключевыми вопросами являлись необходимость данного института в современных условиях; возможности сохранения его традиционных характеристик; экономическое обеспечение казачьей службы. Вопрос возрождения казачьей службы был тесно связан с ключевым вопросом: что возрождать? Этнос или военно-служилое сословие? Обсуждение воссоздания казачьих войск в конце XX в. так или иначе упиралось в эту проблему. Рассматривая возможность восстановления казачьих войск в постсоветской России, историки сразу обратили внимание на одну существенную проблему – казаки войска в имперской России оставались вплоть до начала XX в. отголоском средневе-

ковой системы службы, поэтому возродить их в историческом виде не представлялось возможным¹. Вместе с тем однозначно отмечалась заинтересованность как самих казаков, так и власти в новом издании казачьей службы.

В исследовании возрождения казачьей службы можно выделить два основных подхода. Первый – преимущественно дескриптивный. В рамках него исследователи придерживались последовательного описания событий и фактов становления казачьей службы в постсоветской России. Так, А.А. Озеров и А.Г. Киблицкий, представившие в своих трудах наиболее полную хронологию развития казачьего движения на Дону, в ряде работ описывают становление военных структур в составе СКОВД, а затем ВКО ВВД, создание ГУКВ и реестровых казачьих обществ, призванных нести государственную и иную службу. Однако выявление проблемных аспектов этой темы практически отсутствует². Второе направление можно определить, как критическая аналитика. В рамках него рассматривается целесообразность возрождения государственной службы казачества и превращения современных казаков в «государевых» слуг. Следует выделить работы С.М. Маркедонова, определявшего служилый этап казачьего возрождения как результат неудачной политизации движения³. Рассуждая о возможностях создания казачьих войск в армии, исследователь замечает, что «казачество, как род войск, в условиях технического прогресса маловероятно»⁴. Т.В. Таболина исследовала развитие казачьей службы в контексте становления и развития взаимоотношений казачества и власти. Ей удалось показать результаты и возможности становления казачьей военной службы и привлечения казаков к иным видам службы (пограничная служба, охрана общественного порядка). Ей удалось убедительно доказать, что возрождение казачьей службы в условиях современного госу-

¹ Козлов А.И. О путях возрождения казачества... С. 7.

² Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Союз казаков Области войска Донского. Войсковой атаман М.М. Шолохов...; они же. Возрождение казачества в новой России...

³ Маркедонов С.М. Неоказачество на Юге России... С. 171–173; он же. Российское неоказачество: путь в XXI век // Status Quo. 2004. № 2. С. 126–129.

⁴ Маркедонов С. М. Российское неоказачество: путь в XXI век... С. 129.

дарства не является только политической конъюнктурой, но имеет более сложную социальную природу и связано правовыми и экономическими моментами¹.

В работе, посвященной вопросам комплексной безопасности в Российской Федерации и роли казачества в укреплении обороноспособности страны Н.Ф. Бугай и Е.В. Штурба анализировали развитие военной службы казачества сквозь призму военно-политических угроз и вызовов для России². В контексте развития взаимоотношений казачества и власти проанализировал развитие института военной службы Г.О. Мациевский³.

В задачи данного раздела входит выяснение влияния традиции на формирование института современной военной службы казаков. Представляется важным определение основных направлений развития казачьей службы и их значение для казачьего возрождения.

Жизнь казачества с начала XIX по начало XX вв. развивалась в рамках военно-служилого сословия. Несмотря на все тяготы исполнения службы (прежде всего военной) она стала неотъемлемой частью казачьей жизни, определяя условия и характер экономики, социальной и культурно-бытовой жизни казаков. Для выхода на службу казакам полагался пай – земельный надел, который должен был обеспечивать экономические возможности осуществления казаками служилых обязанностей. Ряд функций местного самоуправления, задачи атаманов, станичных и хуторских сходов были сосредоточены в области обеспечения исправного выхода казаков на службу⁴. В системах управления округами и отделами выделяли военное управление, напри-

¹ Таболина Т.В. Казаки: драма возрождения... С. 136–148.

² Бугай Н.Ф., Штурба Е.В. Казаки России... С. 198–241.

³ Мациевский Г.О. Участие кубанского казачества в обеспечении региональной безопасности и охране общественного порядка: основные этапы и формы (1990-е – 2000-е гг.) // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 9. № 4. С. 22–55. URL: <http://soc-journal.ru> (дата обращения: 23.01.2021).

⁴ Положение об общественном управлении станиц казачьих войск. 1891 г. (Собрание Указаний и распоряжений правительства. 1891. № 73. Ст. 771. Издание «Вестника казачьих войск» неофициальное. СПб., 1901.

мер, к началу XX в. семь из девяти округов Области войска Донского имели военное управление и во главе них стояли окружные атаманы.

В казачьей культуре, характеризуемой рядом исследователей как культуры мужской, воинской¹, много места отводилось почитанию мужчины, определению его особой роли. Исследователями подчеркивается, что именно военно-служилые факторы оказали влияние на формирование мужского (маскулинного) образа казачьей культуры². Описывая бытовую жизнь казаков в XVII–XVIII вв. В.Д. Сухоруков отмечал, что женщины всегда должны были оказывать мужчинам почтение: «...если случилось женщине встретиться с вооруженным казаком на узких помостах тесных улиц Черкаска, то она, несмотря на грязь, должна была уступить место воину...»³ В этнографических исследованиях традиционную культуру казачества нередко характеризуют как сложный сплав этнических и социально-профессиональных (воинских) компонентов⁴.

С военной тематикой и службой связаны у казаков многие обряды и традиции, часть которых, хотя и в сильно измененном виде, дошла до наших дней. Исследуя песенную традицию казаков в контексте выявления индентифицирующих свойств казачьей культуры, Т.В. Рудиченко отмечает «...обусловленность структуры традиции военно-общинной организацией, образом жизни и спецификой деятельности казаков...»⁵ Значительное место занимает военный жанр в мужской казачьей песне, различные формы которого подразделяют на песни в строю, песни на привале, во время выполнения армейских работ и др.⁶

¹ Матвеев О.В. Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII – начало XX в.): категории воинской ментальности. Краснодар, 2005; Рыблова М.А. Донское братство: казачьи сообщества на Дону в XVI – первой трети XIX века. Волгоград, 2006.

² Власкина Т.Ю. Домашний мир на сломе эпох. Очерки традиционной культуры донских казаков (конец XIX – середина XX вв.). Ростов н/Д, 2011.

³ Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли Войска Донского: Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях. Ростов н/Д, 2005. С. 69.

⁴ Власкина Т.Ю. Домашний мир на сломе эпох... С. 66.

⁵ Рудиченко Т.В. Донская казачья песня в историческом развитии. Ростов н/Д, 2004. С. 10.

⁶ Там же. С. 98–114.

И, конечно же, большая часть исследований по истории казачества – это исследования военных событий, особенностей несения казаками службы в разные исторические периоды.

Таким образом, можно сказать, что военная служба – ключевой элемент социокультурной системы казачьего мира. Она имела настолько большое значение, что в советский период в 1920–1940-х гг. возможность служить в армии (особенно в кавалерийских частях) казаки рассматривали как возможность сохранения казачьей идентичности, как способ адаптации в советских условиях. В советском государстве военно-культурная традиция казаков стала той основой, которая способствовала налаживанию диалога между данной социальной общностью и властью.

С учетом того, что военно-культурная традиция сформировалась у казаков намного раньше наделения их военно-служилыми сословными функциями¹, можно говорить о том, что именно она являлась системообразующим элементом для развития социокультурной системы социальной общности.

О возрождении военной службы казачества заговорили сразу же, как только движение за возрождение казачества приобрело организационные формы. Также возрожденческий процесс сопровождался реконструкцией элементов военной культуры казаков. Казачьи круги, проводимые казачьими организациями в начале 1990-х гг. формировались «на военный манер», обязательна была форма, членам казачьих организаций присваивались казачьи военные звания, внутри обществ формировалась система ранжирования, аналогичная военной². На Кубани согласно приказам атамана, Кубанской казачьей Рады при образовании станичных обществ в 1990 г. казаки должны были приводиться к присяге³, проводились практические занятия по стрельбе «с целью поддержания у казаков навыков владения стрелковым оружием»⁴.

¹ М.А. Рыблова, исследуя ранние казачьи общества XVI в., определяет их как мужские военные братства. См.: Рыблова М.А. Донское братство...

² Озеров А.А. Политико-правовая институционализация современного казачества... С. 57.

³ ГАКК. Ф. Р-1843. Оп.1. Д. 1. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 50.

Нередко лидеры казачьего возрождения и рядовые участники движения, обосновывая необходимость возрождения института военной службы, определяли желание казаков выполнять военно-служилые обязанности как имманентное качество: «Казак рождался воином, с малолетства готовил себя к военной службе»¹. Существовавшие в казачьих войсках до начала XX в. принципы организации военной службы характеризовались как фактор устранения в российской армии проблем, связанных с «дедовщиной», нежеланием служить и др. Атаманы говорили о необходимости вернуть в армию казачьи воинские традиции, так как это поможет сделать её более эффективной². Таким образом, определение военной службы казаков как неотъемлемого элемента традиционной социокультурной системы социальной общности, а также характеристика ее как актуальной в современных условиях, становится обоснованием для воссоздания казачьих военных формирований в армии.

На юге России эта идея поддерживалась во всех казачьих организациях. Актуализации возрождения казачьей службы способствовала и дестабилизация социально-политической обстановки на Северном Кавказе. Казачество находясь в непосредственной близости от очагов конфликта, заявило о готовности взять на себя функции по защите территории и границ. На учредительном круге СКОВД принимается положение о необходимости воссоздания казачьих военных формирований в структуре армии. В 1991 г. совет атаманов Кубани направил в адрес Б.Н. Ельцина письмо-обращение, в котором говорилось, в том числе, о готовности казаков сформировать национальную гвардию и защищать границы государства³. Атаман Ставропольского краевого союза казаков П.С. Федосов на Третьем большом круге в 1993 г. в докладе отметил, что военная служба казаков позволит обеспечить порядок и стабильность. Поэтому, по мнению атамана, со стороны казачества и со стороны краевой ад-

¹ Водолацкий В.П., Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Возрождение: Первый круг казаков Дона... С. 78–79.

² Там же.

³ ГАКК. Ф. Р-1843. Оп.1. Д. 15. Л. 22.

министрации, должны быть предприняты усилия по формированию погранза-
став КПП, погранотрядов¹.

Положение о формировании казачьих войсковых подразделений и ча-
стей было принято в 1994 г. также Союзом казачьих войск России и зарубе-
жья (СКВРиЗ)².

Возможностью возрождения казачества как военной силы, подкон-
трольной государству заинтересовалась власть. Министр обороны СССР
маршал Д.Г. Язов принял в Москве летом 1990 г. представителей оргкомите-
та I съезда казаков³. По мнению Н.Ф. Бугая и Е.В. Штурбы, власть рассмат-
ривала возможность привлечения казачества к военной службе в самом ши-
роком диапазоне, основываясь на его склонности к военной службе и высо-
ком уровне патриотизма⁴. Военная служба в нормативно-правовых докумен-
тах упоминается в связи разработкой мер по реабилитации казачества как ре-
прессированного народа, становясь, таким образом, одним из методов такой
реабилитации⁵.

Казачьи структуры, со своей стороны, также активно контактировали с
силовыми ведомствами. Это подтверждает значительное количество обраще-
ний и заявлений Союза казаков России, направленные в первой половине
1990-х гг. в данные ведомства. Региональные казачьи общества также пред-
принимали значительные усилия в направлении формирования связей с во-
енными ведомствами. Так, Кубанская казачья Рада через представительство
при вице-президенте РФ в Москве, контактировало с Министерством оборо-
ны России⁶. В Калмыкии в 1995 г. планировалось создать должность Совет-
ника Президента Республики Калмыкия по военным вопросам, а в состав Со-

¹ Ставропольский краевой союз казаков... С. 25.

² ГАРО. Ф. Р-4485. Оп. 1. Д. 8. Л. 101.

³ Венков А.В. Потомственные казаки и современное казачье движение на Юге России... С. 133.

⁴ Бугай Н.Ф., Штурба Е.В. Казаки России... С. 210.

⁵ Указ Президента Российской Федерации «О мерах по реализации закона Российской Фе-
дерации «О реабилитации репрессированных народов в отношении казачества»...

⁶ ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 15. Л. 111.

вета по делам казачества при Президенте Республики Калмыкия должны были войти военком республики и председатель УФСБ по Республике Калмыкия¹.

Со стороны власти инициатива казаков в данном направлении получала понимание. В документах первой половины 1990-х гг. встречается характеристика службы казачества, которая позволяет говорить о том, что власть осознавала роль службы в формировании феномена казачества. Так, в Концепции государственной политики по отношению к казачеству говорилось о том, что: «Казачество большую часть своей истории было связано с государственной службой, и именно в период своей государственной службы казачество приобрело те черты, которые характеризуют его как специфическую часть российского народа»².

В начале 1990-х гг. выходили документы, которые формировали нормативно-правовую и организационно-структурную основу государственной службы казачества. Здесь следует назвать прежде всего вышедший в 1993 г. Указ Президента, определявшего порядок и направление реформирования военных структур, а также поддержку казачества в Северо-Кавказском регионе. Документ предусматривал создание в аппаратах Министерства обороны Российской Федерации, Министерства безопасности Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации структур по делам казачества³. В нем говорилось о возможности прохождения членами казачьего общества военной службы в казачьих частях Вооруженных сил РФ, Министерства безопасности и внутренних войск МВД⁴. В Указе предусматривалось не только создание перечня казачьих частей и присвоение им традици-

¹ Указ Президента Республики Калмыкия «О Советники Президента Республики Калмыкия по военным вопросам // ГУ НАРК. Ф. Р-601. Оп. 1. Д. 1. Л. 3, 23.

² Основные положения концепции государственной политики по отношению к казачеству... С. 73.

³ О реформировании военных структур, пограничных и внутренних войск на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации и государственной поддержке казачества. Указ Президента Российской Федерации № 341 от 15 марта 1993 г. // Российская газета. 1993. № 55 (671). 23 марта.

⁴ Там же.

онных казачьих наименований, но и возможность отражения в общевоинских уставах Вооруженных Сил Российской Федерации особенностей казачьей службы¹.

После формирования системы реестровых казачьих обществ государственная служба казачества становится для них главной задачей. Несмотря на то, что виды службы определялись предельно широко (сюда входили даже производство и поставка сельскохозяйственной продукции) именно военной службе уделялось наибольшее внимание, так же, как и в последующих законодательных документах, определявших статус и функции казачьих обществ. Рассматривая реестр как положительную меру в отношении развития казачьей службы, представители казачьих обществ активизируют деятельность в направлении организации взаимодействия с армейскими и пограничными структурами, получая одобрение и поддержку со стороны власти. Так на Всероссийском совещании представителей казачьих объединений в Москве председатель Совета по делам казачества при Президенте Российской Федерации Н.Д. Егоров отметил, что для укрепления военно-оборонного потенциала стране нужна поддержка, в том числе различных общественных объединений граждан и особое место в этом плане занимает казачество².

Вскоре после этого на совещании казачьих организаций Северного Кавказа, проходившего в ноябре 1995 г., то есть спустя два месяца с момента принятия Указа Президента РФ о государственном реестре казачьих обществ, в г. Краснодаре, говорилось о необходимости атаманам казачьих обществ совместно с командованием Северо-Кавказского военного округа и военкоматами ускорить работу по комплектованию воинских частей и подразделений. Было решено просить Министерство обороны Российской Федерации разработать документы, регламентирующие работу командования военных

¹ О реформировании военных структур, пограничных и внутренних войск: Указ Президента Российской Федерации...

² ГАКК. Ф. Р-1843. Оп.1. Д. 69. Л. 35.

округов и военкоматов по комплектованию казачьих воинских подразделений¹.

Привлечение казачества в вооруженные силы необходимо как казакам, так и государству в плане восполнения укомплектованности армии кадрами, уровень которой резко упал по ряду причин в начале 1990-х гг.² Казачьи общества брали на себя обязательства по подготовке юношей к военной службе и военно-патриотическому воспитанию, что в действительности могло иметь положительные результаты в плане обеспечения призыва. Соответственно, такой подход находил понимание среди руководства военных ведомств. Так, в августе 1992 г. командующий Тихоокеанским флотом направил в адрес начальников управлений, отделов и служб учреждений флота, командующим кораблей и др. письмо с предложением установить связь с казачьими общинами, разработать совместно комплексную программу поэтапного возрождения военно-патриотических традиций казачества, «используя их потенциал в воспитании личного состава частей и кораблей Тихоокеанского флота...»³ На Всероссийском совещании представителей казачьих обществ в Москве в сентябре 1995 г. председатель Совета по делам казачества при Президенте РФ Н.Д. Егоров подчеркнул, что введение в действие государственной службы казачества может стать действенным механизмом решения проблемы комплектования воинских частей и охраны границ⁴.

С 1991 г. отдельным воинским частям присваивается наименование «казачьи» и вводится практика комплектования их казаками. В мае 1991 г. заместитель начальника генерального штаба информировал атамана Союза казаков, что двум мотострелковым полкам будут присвоены почетные наименования донского и кубанского казачества, а личный состав будет комплектоваться с частичным использованием призывных ресурсов Ростовской

¹ Там же. Д. 68. Л. 126.

² Российское казачество... С. 578.

³ ГАКК. Ф. Р-1843. Оп.1. Д. 43. Л. 46.

⁴ ГАКК. Ф. Р-1843. Оп.1. Д. 69. Л. 36.

области, Краснодарского и Ставропольского краев¹. В Перечне казачьих соединений Вооруженных сил Российской Федерации, который являлся приложением к проекту Постановления правительства Российской Федерации «Об особенностях прохождения военной службы представителями казачества в Вооруженных Силах и Пограничных войсках Российской Федерации» 1992 г., перечислялось 10 таких уже созданных и формируемых воинских частей².

После выхода Указа Президента РФ о реформировании военных структур Северо-Кавказского региона и поддержке казачества данный процесс активизировался. За 1994 г. воинских частей и подразделений, которые комплектовались казаками числится уже 34. Из них казаками юга России комплектовались 16 воинских части и подразделений СКВО³.

В 1999 г. 42 пограничные заставы и 14 сторожевых кораблей комплектовались казаками. Казачьи части уже были во всех кроме Северо-Западного, федеральных округах⁴. По данным Управления Президента Российской Федерации по вопросам казачества количество воинских формирований с традиционными казачьими названиями и комплектуемых членами казачьих обществ составляло 15 частей.

Военная и пограничная служба, а также участие казаков в охране общественного порядка, как приоритетные направления казачьего возрождения, с точки зрения власти, окончательно закрепились после принятия в 2005 г. Закона о государственной службе российского казачества и в 2008 г. Концепции государственной политики Российской Федерации в отношении казачества.

¹ ГАРФ. Ф. 10144. Оп. 1. Д. 23. Л. 115.

² ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 15. Л. 107.

³ Там же. Д. 156. Л. 25–29.

⁴ Рекомендации совещания руководителей федеральных органов исполнительной власти с атаманами войсковых, окружных и отдельных казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих в Российской Федерации // Казачий круг. 1999. № 16. 30 апреля. С. 2.

Закон предусматривал как государственную гражданскую службу казачества, так и военную и правоохранительную службу, однако относительно разработанным было направление военной службы и охрана казаками общественного порядка. Это свидетельствовало о совпадении целей казачьего движения (возвращение казакам права на службу) и государства.

Согласно Закону о государственной службе российского казачества казаки (члены казачьих обществ) должны были проходить службу в Вооруженных Силах, а также других войсках и специальных воинских формированиях и органах. Для прохождения службы члены казачьих обществ должны были направляться в те воинские части, которым присвоены традиционные казачьи наименования, а также в пограничные и внутренние войска. В качестве государственной службы рассматривалось также взаимодействие казаков с органами МЧС (участие в мероприятиях по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций, последствий стихийных бедствий, по гражданской обороне, обеспечении экологической и пожарной безопасности), участие в защите Государственной границы и охране общественного порядка¹.

Несмотря на взаимную заинтересованность членов казачьих обществ и государства в возрождении традиций военной службы казачества, в ходе их сотрудничества сразу возникли проблемы. Организация казачьей службы в конце XX – начале XXI вв., по мнению участников возрождения, должна была также опираться на традицию, традиционную форму, как и другие восстанавливаемые элементы прежней социокультурной системы. В этом, с одной стороны, состояла логика возрождения, а с другой стороны, традиционная форма казачьей службы рассматривалась как инструмент решения ряда проблем, существовавших на тот момент в армии.

По мнению исследователей военной истории казачества, существовавшая к началу XX в. организация казачьих воинских частей способствовала сохранению высоких боевых качеств казаков. Одним из факторов, обеспечи-

¹ Федеральный закон Российской Федерации «О государственной службе российского казачества»...

вавших это, был территориальный способ комплектования казачьих частей. Так, донские казаки служили в полковых звеньях, состоявших из строго определенных полков, пополнявшихся казаками строго определенных станиц. Территориальность соблюдалась и в случае полной мобилизации и формирования полков 2-й и 3-й очереди. В полковом звене, состоявшем в результате мобилизации из полков 1-й, 2-й и 3-й очереди служили казаки разных возрастов, но одних и тех же станиц¹. Такой способ организации военных частей у казаков позволял сохранять высокий уровень взаимопомощи, укреплял дисциплину и военный дух в частях.

В начале 1990-х гг. участники казачьего возрождения попытались воспроизвести территориальный способ организации казачьих частей. В письме к Министру обороны СССР (1991 г.) атаман Кубанской казачьей Рады просил помочь в возрождении традиционной казачьей службы (хутор – отделение–взвод; станица – рота; район – батальон–полк)². В «Положении о формировании казачьих войсковых подразделений и частей» СКВРиЗ 1994 г. также воспроизводился принцип территориальной организации. Основным принципом отличия казачьих войск от других формирований признавалось их традиционное комплектование по этническому территориальному признаку: «...они [казачьи части – О.Р.] комплектуются и служат по месту традиционного компактного проживания казачества»³. Казаков предлагалось делить на 1-ю, 2-ю, 3-ю очереди призыва, что должно было помочь сформировать значительное количество запасных войск в лице запасных казачьих частей и соединений⁴.

Однако возродить традиционный способ земляческого формирования казачьих частей по ряду причин оказалось невозможно. Изменились как исторические условия существования казачества, так и принципы формирова-

¹ Венков А.В. Атаман Краснов и Донская армия. 1918 г. М., 2008. С. 6–13.

² ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 23. Л. 9.

³ ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 23. Л. 104.

⁴ ГАРО. Ф. Р-4485. Оп. 1. Д. 8. Л. 103.

ния армии. Казачьи территориально-административные единицы, обеспечивавшие кадрами иррегулярные военные части, ушли в прошлое. В связи с этим воспроизвести ситуацию, когда станицы формировали конкретные военные части, теперь было невозможно. Изменённый принцип такой комплектации, когда хутор формировал бы взвод, станица – роту, а район – батальон или полк был неэффективным. Кроме того, Вооружённые силы Российской Федерации по закону имели экстерриториальный характер формирования, а значит, это также являлось препятствием для развития традиционной формы казачьей службы.

В первой половине 1990-х гг. в регионах юга России предпринимались попытки всё-таки внедрить принцип территориального формирования казачьих частей. Так, в Волгоградской области в 1994 г., были выработаны предложения по комплектованию казачьих частей. Совет атаманов предложил закрепить за казачьими округами комплектацию подразделений. Каждый казачий округ должен был взять на себя вопросы комплектации и шефства над одним из подразделений. О серьёзности намерений казачества сформировать части, в которых служили бы потомки донских казаков, свидетельствуют выработанные рекомендации казачьим организациям по проведению призыва в казачьи части. Планировалось создать при юртовых организациях группы для работы в военкоматах, развернуть широкую агитационно-разъяснительную кампанию по комплектованию казачьих частей, проводить беседы с допризывниками, их родителями, публиковать в газете «Казачий Круг» информационные материалы по прохождению призыва¹. Однако вскоре от этой практики казаки отказались, так как часто казачья молодежь той или иной станицы или хутора направлялись для прохождения службы в разные части. Казачьи организации не могли курировать службу своих земляков из-за невозможности что-либо выяснить об их судьбе.

¹ Рекомендации казачьим организациям Волгоградского округа Донских казаков по проведению призыва в казачьи части // Казачий круг. 1994. № 6 (71). 3 фев.

Похожие проблемы не раз озвучивались и руководством Кубанского казачьего войска. Так, в справке 1995 г. о подготовке казаков к военной службе, анализируя проблемы призыва, атаман Всекубанского казачьего войска В.П. Громов отмечал, что из-за нарушения договоренностей о призыве казаков в казачьи части юноши-казаки оказывались в военных частях, где процветала «дедовщина» и из-за этого они оставляли свою часть. «Войсковому правительству трудно было объяснить родителям, почему их детей рассредоточили по всей дивизии. С осени 1993 г. Всекубанское казачье войско не давало направлений казакам для службы в этой части»¹. В 1996 г. В.П. Громов направил письмо в адрес начальника госслужбы Управления казачьих войск при Президенте РФ А.А. Волкову, в котором отмечалось плохое взаимодействие между казачьими обществами и военкоматами. Отрицательные результаты этого взаимодействия проявлялись, в частности, в том, что «отдельные военные комиссары, отобранных казаков-призывников направляли на сборный пункт для выполнения наряда для других частей»². Подводя итог сложившейся ситуации, атаман Всекубанского казачьего войска отметил, что «сама идея создания казачьих подразделений, где проходили бы службу казаки с одного района трех призывов, была загублена...»³

Таким образом, реконструировать традиционный способ формирования казачьих воинских частей, равно как и другие элементы прежней казачьей службы не удалось. Современная система призыва на военную службу и её прохождения основывалась на других принципах и правилах. Для реализации идеи воссоздания казачьих частей в армии пришлось согласиться с тем, что такие части будут выглядеть по-иному в условиях современной армии.

Создание казачьих частей в системе российской армии осуществлялось на других основаниях. Определенным военным частям было присвоено наименование «казачьи». Однако это не означало соответствие контингента

¹ ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 127. Л. 23.

² Там же. Д. 152. Л. 162.

³ ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 152. Л. 163.

призывников названию части. В казачьи части официально могли направляться молодые люди, состоящие в казачьем обществе. Но возможности казачьих обществ по самостоятельному укомплектованию таких частей были ограничены. Поэтому, как правило, такие казачьи части комплектовались со всего юга России и не всегда казаками¹.

Серьезной проблемой развития направления военной службы качества являлась проблема призыва на службу. А.Г. Масалов, анализируя ситуацию с восстановлением института военной службы казаков в начале 2000-х гг., указывал на малочисленность казаков-призывников. Согласно приводимым им цифрам, общее количество казаков, служивших в казачьих частях, на 2003 г. составляло не более 13 тыс. чел. В это число входили как военнослужащие казаки армейских частей, а также пограничных и частей внутренних войск, плюс казаки реестровых формирований (то есть казачьих обществ), участвовавших в охране границы по факту принятии на себя обязательств государственной и иной службы².

Представители военных структур называли и другие цифры, которые также позволяют говорить о малочисленности казачества, готовых нести военную службу. Например, авторы научно-справочного издания «Российского казачества», на начало 2000-х гг. приводят относительно благополучную цифру – 30% – по укомплектованности казаками казачьих частей³. А представитель Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации генерал-майор А.В. Валяев отмечал в своем докладе на конференции в 2007 г., посвященной проблемам казачества, что воинские части, которые должны

¹ Распоряжение ВКО «Всевеликое войско Донское» от 29.07.2009 № 32, основываясь на Директиве Генштаба ВС РФ, предписывало комплектовать батальон 205-й отдельной мотострелковой бригады, дислоцирующейся в г. Буденновске, со всех субъектов РФ, где расположены казачьи общества ВКО «ВВД». На сегодняшний день такие общества ВКО «ВВД» есть в четырех субъектах федерации: Ростовская, Волгоградская, Астраханская области и Республика Калмыкия, таким образом, ни о каком традиционном принципе комплектования казачьих частей на принципах землячества говорить не приходится.

² Масалов А.Г. Российское казачество в начале XXI века... С. 181–182.

³ Российское казачество... С. 579.

были комплектоваться членами казачьих обществ, укомплектованы таковыми очень плохо, только на 2%¹.

По оценкам исследователей, потребность в призывных ресурсах в казачьи части составляла 6–8 тыс. казаков в год, но казачьи общества таким количеством ресурсов не располагали. В итоге взаимодействие военного командования и правлений казачьих обществ, принимало декларативный характер². На наполнение конкретных воинских частей казаками влияли и существующие нормы призыва, расчеты наличия и распределения призывных ресурсов.

Даже с учетом того, что постепенно формировались центры воспитательной патриотической допризывной работы с казачьей молодежью, атамань казачьих обществ участвовали в работе допризывных комиссий, реализация идеи формирования казачьих военных частей проходила по оценке Н.Ф. Бугая и Е.В. Штурбы не так активно, как это предполагалось в инструкциях и постановлениях. И схема «допризывная подготовка – казачьи части в армии – мобильный резерв» пока не работала³.

Приведенные количественные данные в контексте возрождения казачьей службы, как актуального и востребованного института, показывают невысокую эффективность этого института в современных условиях. К началу XX в. общее число казаков, призываемых на службу в Российской империи было намного выше. Так, только донских казаков, находившихся на действительной службе в 1913 г., было 21 тыс. чел⁴.

Ещё одну проблему возрождения казачьей службы можно определить как проблему организационной идентификации. Развитие данного института основывалось на казачьей организации, с середины 1990-х гг. – реестровом казачьем обществе. В начале 2000-х гг., с принятием Закона о государствен-

¹ Казаки отказываются служить в спецчастях ВС России. Новости@mail.Ru от 03.10.2007. URL: <http://news.mail.ru/politics/1445270> (дата обращения: 07.10.2018).

² Там же.

³ Бугай Н.Ф., Штурба Е.В. Казаки России... С. 213.

⁴ Агафонов О.В. На службе России // Родина. 2004. № 5. С. 17.

ной службе российского казачества, когда статус казака окончательно стал определяться принадлежностью к казачьему обществу, эта организационная взаимосвязь казачьего общества и казачьей военной службы укрепилась. Вне такого общества молодой человек призывного возраста для военных структур казаком не являлся, а его казачье происхождение значение не имело.

В методических рекомендациях о порядке комплектования казаками Вооруженных сил РФ чётко указывалось, что право российского казачества на несение государственной службы распространяется исключительно на казачьи общества¹. Особенности воинского учета членов казачьих обществ предусматривали, согласно упомянутым методическим рекомендациям, подачу сведений в военкоматы войсковыми правлениями казачьих обществ, при постановке на воинский учет фиксирование информации о принадлежности гражданина РФ к казачьему обществу, для чего обязательно должно быть предъявлено удостоверение казака². Без соблюдения данных формальностей молодой человек при призыве на военную службу казаком не считался. Предполагалось, что казачьи общества ведут постоянный учет как призывников, так и военнослужащих, пребывающих в запасе, однако на практике сами казачьи организации отмечали серьезные недоработки по организации такого учета.

Наиболее перспективным среди видов военной службы для казаков представлялось создание казачьей службы по оказанию помощи в охране государственной границы. Поскольку исторически казачьи войска создавались на пограничных территориях, в условиях возрожденческого процесса естественным являлось восстановление практики создания казачьих приграничных населенных пунктов. В начале 1990-х гг. казачьи атаманы высказы-

¹ Указания начальника Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации «О порядке комплектования казаками соединений и воинских частей Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов» от 3 сентября 2009 г. // Текущий архив Комитета по делам национальностей и казачества Администрации Волгоградской области.

² Указания начальника Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации...

вали намерения по возрождению практики пограничного проживания казаков. Так, в 1992 г. руководство Кубанской казачьей рады обратилось к вице-президенту России А.В. Руцкому с предложением восстановить казачьи хутора и станицы на южных границах России с той целью, что они будут оказывать помощь пограничным войскам и служить стабилизирующим фактором в международных отношениях в сопредельных с Россией государствах¹.

По мнению авторов «Российского казачества», именно пограничная служба казаков заслуживала внимания и представлялась военным ведомствам актуальной. В связи с этим Федеральная пограничная служба России (ФПС) сразу попыталась задействовать потенциал казачества и вписать их в свою структуру². Ещё в январе 1991 г. начальник штаба пограничных войск КГБ СССР в письме на имя атамана Союза казаков А.Г. Мартынова написал, что Главное управление пограничных войск поддерживает инициативные предложения Союза казаков, касающиеся сотрудничества в интересах охраны границы, подготовки молодежи к службе в Вооруженных Силах и пограничных войсках. Также в письме отмечалось, что войскам пограничных округов предложено установить контакты с различными объединениями казаков. В целях пропаганды привлечения казаков к пограничной службе планировалась регулярная публикация материалов, связанных с историей охраны границы казаками, включать в экспозиции музеев и комнат боевой славы воинских частей материалы, отражающие роль казачества в становлении и охране границ³.

В 1990-х гг. в связи с распадом СССР и другими территориально-административными изменениями эффективность работы пограничной службы серьезно снизилась. Увеличилась протяженность границ, появилась необходимость оборудования новых участков, создания новой инфраструк-

¹ ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 15. Л. 69.

² Российское казачество... С. 570.

³ ГАРФ. Ф. 10144. Оп. 1. Д. 23. Л. 8.

туры границы. В первой половине 1990-х гг. были первые попытки привлечения казаков к пограничной службе. Исследователи фиксировали, что уже в начале 1990-х гг. были попытки наладить взаимодействие между казачьими обществами и Северо-Кавказским военным округом взаимодействие по охране границы. С таким предложением обратились в 1992 г. к командованию военным округом казаки Баталпашинского отдела. Они предложили комплектовать пограничные подразделения, а также создавать заградительные казачьи отряды в станицах в помощь погранзаставам¹.

В этот же период Всекубанское казачье войско обратилось с предложением к командованию Краснознаменного особого пограничного округа о направлении в части округа призывников-казаков и закреплении за войском несколько военных частей. С этого времени казаки могли проходить службу в Пограничных войсках на заставах, закрепленных за районами края². В справке о казачестве Кубани Всекубанского казачьего войска указывалось, что за 1994–1995 г. в погранвойска было отправлено служить 553 казака³. За 1994, 1995, 1996 гг. по информации из сведений о призывниках-казаках Всекубанского казачьего войска, на службу в пограничные войска отправлено 793 чел.⁴

В 1995 г. вышло Постановление Правительства РФ № 339 от 15.04.1995 «О порядке привлечения граждан к защите государственной границы Российской Федерации». Вскоре ФПС России начинает реализацию проекта по невойсковой охране Государственной границы РФ, осуществляемой пока лишь на отдельных участках таковой. Появились правовые основы для формирования добровольных народных дружин, в составе которых граждане могли принимать участие в охране границы.

На совещании казачьих организаций Северного Кавказа в 1995 г. решено было, что атаманы казачьих обществ примут участие в разработке кон-

¹ Бугай Н.Ф., Штурба Е.В. Казаки России... С. 214.

² ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 127. Л. 2.

³ ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 155. Л. 16.

⁴ Там же. Д. 179. Л. 115.

цепции ФПС о службе казачества во вневойсковых структурах¹. Стремясь установить тесный контакт с казаками, представители ФПС даже принимали участие в работе казачьих кругов. Например, в 1996 г. атаман Союза казаков А.Г. Мартынов пригласил представителей ФПС поучаствовать в работе четвертого Всероссийского казачьего круга².

В отчете на Большом войсковом круге в октябре 1997 г. атаман Донского войска В.Ф. Хижняков отметил, что по соглашению с Федеральной пограничной службой уже в первом полугодии 1998 г. войско должно было получить 170 мест пограничной стражи для казаков³. В 1998 г. руководство Войскового казачьего общества «Всевеликое войско Донское» и командованием Особого кавказского пограничного округа обсуждали возможность комплектования ряда пограничных застав на территории Краснодарского края донскими казаками, но, как было отмечено в докладе войскового атамана, «...со сменой руководства ФПС, ситуация для решения этих задач стала неблагоприятной»⁴. Быстрее всего организация пограничной службы происходила там, где казачьи общества располагались поблизости от границы. В 1997 г. в Донецком округе в Гундоровском, Миллеровском и Сулинском юртах началось создание добровольных казачьих дружин по охране государственной границы⁵.

Несмотря на определенные проблемы во взаимодействии, к 1999 г. в составе ФПС было 49 пограничных застав, на которых служили казаки. Казачьи дружины несли службу между заставами, на тыловых рубежах, как вместе с пограничниками, так и самостоятельно. Всего в ходе эксперимента, по оценке «Российского казачества», было привлечено 980 чел. – членов казачь-

¹ Там же. Д. 68. Л. 77.

² ГАРФ. Ф. 10144. Оп. 1. Д. 82. Л. 42.

³ Хижняков В.Ф. Выступление на Большом войсковом круге 25 октября 1997 г. С. 9.

⁴ Современное Донское казачье войско в первоисточниках (документально-информационный бюллетень). Июль–декабрь 1998 г. Новочеркасск, 1999. С. 10.

⁵ Современное Донское казачье войско в первоисточниках (документально-информационный бюллетень). Июнь–июль 1997. Новочеркасск: [б. и.], 1997. С. 18.

их обществ¹. Основными проблемами в реализации эксперимента стали трудности материального и эксплуатационного характера, возражения казахстанской стороны относительно привлечения казаков к охране границы, укомплектованность и обеспеченность пограничной стражи всем необходимым, уровень профессиональной выучки и ряд других².

По оценке Н.Ф. Бугая, эксперимент в целом получил одобрение и было принято решение о поэтапном строительстве пограничной стражи и введение вневойсковой охраны на участках государственной границы. В результате было сформировано 115 казачьих дружин вневойсковой пограничной стражи³. Однако, как отмечается в научно-справочном издании «Российское казачество», к середине 2003 г. эксперимент был свернут. Руководство ФПС приняло решение перейти к войсковой охране Государственной границы.

Государство полностью не отказалось от привлечения казаков к несению пограничной службы. После выхода в 2005 г. Закона о государственной службе российского казачества, вышло еще несколько законодательных и других нормативных актов, в которых регулировалась казачья пограничная служба как вид государственной службы казачества. Это Положение о порядке принятия гражданами Российской Федерации, являющимися членами казачьих обществ, обязательств по несению государственной или иной службы 2009 г., утвержденное Указом Президента РФ, Постановление Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 93 «О видах государственной или иной службы, к которой привлекаются члены хуторских, станичных, городских, районных (юртовых), окружных (отдельских) и войсковых казачьих обществ», а также Распоряжение Пограничной службы ФСБ России от 30 сентября 2009 г. «О мерах по совершенствованию работы с казачьими обществами в интересах защиты государственной границы Российской Федерации». Во втором десятилетии XXI в. на юге России особо отмечались казачьи

¹ Российское казачество... С. 572.

² Там же. С. 572–573.

³ Бугай Н. Ф. Казачество России: мир на границе, спокойствие в государстве, служение Отечеству... // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2015. № 3. С. 21–46.

общества в Волгоградской области, задействованные в охране государственной границы с Республикой Казахстан. В Ростовской области – в Матвеево-Курганском районе, граничившим с Донецкой областью Украины¹. Казачьи общества принимали участие в охране границы с Республикой Абхазия. В 2014 г. казаки добровольно участвовали в охране границы Республики Крым с Украиной, а в период военного конфликта в Донбассе казаки направлялись для усиления охраны российско-украинской границы².

Ещё одним направлением развития казачьей службы стала организация казачьих дружин по охране общественного порядка. Данный вид казачьей службы также имел историческую основу, относясь к внутренней службе казаков. Прежде всего, казаки контролировали общественный порядок на территориях своих войск. По мере распространения общеимперской полицейской системы на казачьи земли происходило ее приспособление к специфике казачьих территориально-административных единиц. В конце XIX – начале XX в. в казачьих войсках создавались караульные команды, на казаков возлагались полицейские функции в границах войск, а также в крупных городах Российской империи³. Виды внутренней службы казаков были разнообразны. Сюда входила и перевозка и сопровождение почты, и конвоирование арестованных и содержание их в пересыльных помещениях. В станицах казаки несли караульную службу при станичных правлениях и на важных общественных объектах, выполняли обязанности вестовых при мировых судьях и др.⁴

¹ Товченко Р.Б. Волжское казачество на охране российско-казахстанской границы: опыт и целесообразность // Внешнеполитические интересы России: история и современность. Сборник материалов III Всерос. науч. конф. Самара, 2016. С. 255–256.

² Бредихин А.В. Военная служба казаков в системе безопасности Юга России (на примере Ростовской области) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 5. С. 234–243.

³ Небратенко Г.Н. Организационно-правовое становление и развитие общей полиции на территории Донского казачьего войска, середина XVIII – начало XX вв.: автореф. ... канд. юрид. наук, 2001.

⁴ Трут В.П. Дорогой славы и утрат... С. 45–46.

В начале XX века казаков нередко использовали и как силу для усмирения политических протестов общества. Казачьи отряды активно действовали для разгона демонстраций и манифестаций в городах в 1905–1907 гг. Однако решение имперского правительства привлекать казаков для подобных действий было сопряжено с рядом проблем. По мнению В.П. Трута, данное решение «...шло в разрез не только с давно установленным и строго соблюдавшимся ранее порядком, при котором мобилизовать льготные казачьи части можно было только в случае войны, но даже и с действовавшим тогда законодательством»¹. В ряде войск (например, в Донском войске) законодательно было закреплено положение, что вывод с территории войска казачьих частей второй и третьей очереди в мирное время не допускался, так как использоваться они могли только для внешних военных действий².

Привлечение казаков к исполнению жандармско-полицейских функций вызвал неоднозначную реакцию в обществе и среди самих казаков. Как неоднократно отмечали исследователи, несмотря на то, что казаки выполняли задачи по наведению общественного порядка и борьбе с революционными и анархистскими выступлениями, среди них накапливалось недовольство. В полках донских, кубанских, сибирских казаков и других войск возникали волнения, открытое неповиновение приказам, проходили митинги³.

В конце 1990-х гг., несмотря на неоднократные высказывания о необходимости создания казачьих дружин для охраны общественного порядка, нередко были опасения, что наделение казаков вновь полицейскими функциями вызовет нежелательный общественный резонанс. Тем не менее, именно это направление казачьей службы стало со временем наиболее востребованным.

Для развития казачьей службы в этом направлении существовали и объективные условия ухудшения криминогенной обстановки в стране в 1990-

¹ Трут В.П. Один из «черных мифов» российской истории (к вопросу о месте и роли казачества в революции) // Проблемы национальной стратегии. 2012. № 3 (12). С. 169–170.

² Там же. С. 170.

³ Трут В.П. Дорогой славы и утрат... С. 124, 125, 126 и др.

х гг., на юге России это дополнялось нарастанием межэтнических конфликтов. С учетом всего этого представители казачьих организаций предлагали властям организовать казачьи патрули. В Краснодарском крае в 1991 г. решением Краевого совета народных депутатов и исполкома члены Кубанской казачьей Рады вместе с дружинниками и милицией должны были патрулировать населенные пункты. Атаман Кубанской казачьей Рады предложил сформировать штатный казачий отряд в Краснодаре¹. В начале 1990-х гг. в Краснодарский край усилился приток мигрантов из республик Закавказья и других бывших республик СССР. Нередко переселенцы нарушали общественный порядок и способствовали криминализации обстановки в крае. В этой ситуации казаки попытались выступить в качестве защитников порядка и интересов местного населения. Атаман В.П. Громов предложил краевой власти помощь казаков в выявлении мигрантов, проживающих без прописки, контроль над продажей недвижимости (домов) и др.² Казаки вместе с сотрудниками ГАИ проверяли автотранспорт, грузы, нередко выявляя различные правонарушения. В отчетном докладе Атамана Всекубанского казачьего войска озвучивалось, что с 1993 по 1995 гг. в крае были созданы казачьи дружины, общей численностью 4 тыс. чел. Силами этих дружин были проведены ряд крупных рейдов, таких как всекубанский рейд «Гость» (1994 г.), рейд «Вечерний звон» (1994 г.) и др.³ Всё чаще звучали предложения атаманов ввести оплату такой работы казакам.

В Ростовской области в 1991 г. областным Советом народных депутатов принимается решение о создании добровольных казачьих дружин по охране общественного порядка. В Ростовской области в 1992 г. действовало 35 казачьих дружин, в которых было 2 тыс. казаков⁴. Развивалось взаимодействие казачьих обществ, администраций городов и районов Ростовской области и милиции. Разрабатывались и издавались положения о казачьих дружи-

¹ ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 41. Л. 30, 63.

² Там же. Д. 66. Л. 5.

³ ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 71. Л. 9.

⁴ Донское казачество на службе России... С. 50.

нах, в которых определялись права и обязанности дружинников их взаимодействие с милицией. В 1994 г. казачьи дружины действовали в 35 районах области, численность казаков-дружинников в них составляла 3025 чел.¹

В Концепции государственной политики по отношению к казачеству 1994 г. охрана общественного порядка, а также охранная служба по сопровождению грузов и объектов государственного народнохозяйственного значения определялись как виды государственной службы казаков, то есть государство готово было поддерживать казачество в исполнении ими данных обязательств. Вместе с тем существовало и множество проблем и препятствий при осуществлении казаками таких служилых обязательств. К их числу относились неразработанность законодательства в данном вопросе, незащищенность казаков, несущих такую службу. Не всегда местные власти шли навстречу во взаимодействии с казачьими обществами, нередки были и ситуации превышения членами казачьих обществ своих полномочий, жалобы на казачьи патрули на дорогах и незаконный досмотр грузов или рейды по рынкам в середине 1990-х гг. были не редкостью. Вопрос требовал серьезной проработки.

В середине 1994 г. Всесоюзный научно-исследовательский институт МВД России занялся изучением возможности взаимодействия правоохранительных органов с казачьими организациями. Были изучены документы казачьих обществ, проанализированы оперативные сводки в различных регионах страны. На юге России этот процесс затронул Ставропольский и Краснодарский края. Выяснялась возможность привлечения казаков к работе по пресечению преступлений среди мигрантов. В ходе исследования деятельности казачьих обществ была собрана и проанализирована разнообразная информация, которая позволила изучить, в том числе, и потенциальный настрой казаков в отношении мигрантов, их оценку собственной деятельности, которая часто воспринималась сверхпозитивно для стабилизации общественной ситу-

¹ Там же. С. 49.

ации, взаимодействие с милицией (казаки считали его необязательным) и многое другое¹. Все это позволило составить адекватное представление о возможностях казачьих обществ в охране общественного порядка. Несмотря на сохранявшиеся сомнения, прогресс в налаживании взаимодействия казачьих обществ и МВД все же происходил.

В 1994 г. Министерство внутренних дел Российской Федерации разослало в структуры УВД на местах предложение об участии казачества в обеспечении общественного порядка. Документ с одной стороны отражал сложившуюся практику деятельности добровольных казачьих дружин и участия казаков охране садово-огороднических товариществ, крестьянских и фермерских хозяйств, а с другой, содержал предложения и рекомендации по устранению негативных фактов такой деятельности и введение работы казачьих охранных обществ и дружин в правовое поле, в том числе и через контроль со стороны органов внутренних дел на местах². В 1996 г. был создан Координационный совет МВД России по взаимодействию с казачьими обществами³.

Во второй половине 1990-х гг. участие казаков в охране общественного порядка развивается. Так, в справке о казачестве на Кубани за 1996 г. указывалось, что в составе Всекубанского казачьего войска создано 270 казачьих дружин по охране общественного порядка, общая численность казаков-дружинников составляла 4600 чел., из которых 628 являлись внештатными сотрудниками милиции. В 1995 г. казаки-дружинники провели 3085 рейдов, с их участием было задержано свыше 35 тыс. правонарушителей⁴. В итоге Законодательное Собрание Краснодарского края готово было рассмотреть Устав казачьей дружины. В районах Краснодарского края принимаются по-

¹ Российское казачество... С. 574–575.

² ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 68. Л. 98.

³ Российское казачество... С. 575.

⁴ ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 155. Л. 16.

ложения о казачьей народной дружине, как, например, в Красноармейском районе.

В 1995 г. УВД края и правление Всекубанского казачьего войска создали координационный штаб по совместной деятельности УВД края и дружин ВКВ¹. В 1996 г. принимается решение о ежемесячных краевых рейдах казачьих дружин. За первую половину 1996 г., согласно справке о деятельности дружин ВКВ по охране общественного порядка казаками совместно с милицией было проведено 1031 мероприятие, раскрыто 176 преступлений, задержано 36 человек, находившихся в розыске. Отмечались и проблемы развития деятельности казачьих дружин, связанные со слабым контактом казачьих дружин со структурами УВД, существующих правонарушениях казаков, а также правовой незащищенностью казаков-дружинников². В 1999 г. в Краснодарском крае действовало уже 284 казачьих дружины с общей численностью 5256 чел., из которых 927 являлись внештатными сотрудниками милиции. Казаки участвовали в рейдах по охране общественного порядка, дежурили с сотрудниками ГИБДД, выявляя незаконный ввоз оружия, взрывчатых веществ, наркотиков, осуществляли совместно с милицией патрулирование в общественных местах, охраняли правопорядок при проведении культурно-массовых мероприятий и др.³

Анализируя, как развивалась служба казачества в этом направлении, Г.О. Мациевский обратил внимания на то, что уже в 1991–1992 гг. в условиях внутривосточной дестабилизации в Краснодарском крае, наплыве мигрантов казаки создают дружины по охране общественного порядка и действуют на основе инициативы⁴. Также он выделил ряд этапов в развитии казачества как силы охраны общественного порядка, раскрыв организационные изменения в этом направлении, характер взаимодействия власти и в целом

¹ Там же. Д. 156. Л. 66.

² Там же. Л. 66, 67.

³ ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 202. Л. 40.

⁴ Мациевский Г.О. Участие кубанского казачества... С. 29.

показал создание работоспособной системы участия казачества в обеспечении региональной безопасности¹.

Формирование казачьих дружин по охране общественного порядка шло во второй половине 1990-х гг. и в Донском войске. В 1998 г. в результате достигнутых договоренностей между Войсковым казачьим обществом «Всеволокое войско Донское» и ГУВД Ростовской области начали действовать казачьи дружины. Такие дружины были созданы в г. Аксае, г. Шахты, г. Гуково, г. Зверево, в населенных пунктах Константиновского района, в г. Азов. В 1999 г. в Ростовской области после принятия закона о казачьих дружинах, деятельность казачьих обществ в направлении обеспечения общественного порядка расширилась².

В Волгоградской области такие дружины стали создаваться в 1996–1997 гг. в г. Волгограде, во Фроловском, Городищенском, Котовском районах. Войсковое правление внесло на рассмотрение в Законодательные Собрания и Администрации областей Положение «О казачьих муниципальных органах охраны правопорядка»³.

В 1996–1997 гг. в Республике Калмыкия начинается работа по организации казачьих дружин, разрабатывается положение о казачьих дружинах⁴. В 1998–2000 гг. общее количество таких дружин было 244, большую часть составляли казачьи добровольные дружины⁵. Практически во всех районах Калмыкии действовали добровольные народные дружины, они принимали участие в действиях по пресечению террористических актов, незаконного распространения оружия, бандитизма⁶.

¹ Там же. С. 22–51.

² Овчаренко Р.К. Роль казачества в обеспечении безопасности на региональном уровне (на материалах Ростовской области) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. № 3. С. 222–223.

³ Современное Донское казачье войско в первоисточниках (документально-информационный бюллетень). Июль–декабрь 1998 года. Новочеркасск, 1999. С. 4–5.

⁴ ГУ НАРК. Ф. Р-601. Д. 1. Л. 28, 44.

⁵ Там же. Д. 10. Л. 1.

⁶ ГУ НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19. Л. 6.

В 1999 г. эксперимент по привлечению членов казачьих обществ к поддержанию общественного порядка на юге России проводился в Ставропольском крае. Несмотря на определенные положительные результаты эксперимента и положительную оценку его краевой властью, высокого эффекта он не достиг, и значительного влияния на уровень правопорядка и безопасности в крае не оказал¹.

Хотя деятельности казачьих дружин и давали противоречивую оценку, именно это направление развития казачьей службы оказалось наиболее перспективным и со временем казачьи дружины стали привычной частью социальной среды юга России. По мнению исследователей этого вопроса, принятый в 2005 г. закон о государственной службе российского казачества стал «правовой надстройкой» над законами субъектов Российской Федерации о муниципальных казачьих дружинах². Законодательные акты, определяющие возможности деятельности казачьих дружин принимаются не только в субъектах РФ, где традиционно поддерживалось развитие возрождения казачества, таких как Краснодарский край, Ростовская область, Волгоградская область, но и в таких субъектах, как Карачаево-Черкесская республика, Республика Северная Осетия–Алания³.

После принятия Закона о государственной службе российского казачества существенно выросла численность казаков дружинников. В Ростовской области к 2009 г. муниципальные казачьи дружины (МКД) действовали в 54 муниципальных образованиях, общая численность дружинников составила 1186 чел.⁴ В Волгоградской области согласно отчетам окружных атаманов, общая численность казаков, задействованных в охране общественного порядка, составляла 2154 чел.⁵

¹ Российское казачество. С. 577.

² Озеров А.А., Борисова О.Н. Казачество в социально-политической структуре... С. 21.

³ Озеров А.А., Борисова О.Н. Казачество в социально-политической структуре... С. 22.

⁴ Озеров А.А., Борисова О.Н. Казачество в социально-политической структуре... С. 23.

⁵ Результаты взятия на себя членами хуторских, станичных, городских, юртовых, окружных казачьих обществ Волгоградской области войскового казачьего общества «Всеveli-

Дружинников привлекали к рейдам по выявлению наркотиков, оружия и взрывчатых веществ, патрулированию мест общественного отдыха, охране дачных участков. В прессе, на интернет-сайтах, в литературе можно найти обширную информацию, содержащую количественные данные о задержанных казаками нарушителях закона и общественного спокойствия, выявленных и конфискованных наркотиках, взрывчатых веществах и т.п. В сельской местности, с учетом того, что нередко на несколько населенных пунктов приходится один участковый, организация казачьих дружин становится важным фактором общественного спокойствия и поддерживается населением.

Вместе с тем, проявились специфические проблемы, связанные, прежде всего, с правовым обоснованием действий казаков-дружинников, а также с защищенностью их самих при выполнении действий по охране общественного порядка. Не всегда четко можно было определить реальный эффект от присутствия казаков-дружинников на улицах городов юга России или в сельской местности.

Итак, исследование практики возрождения казачьей военной службы в конце XX в. позволило прийти к следующим выводам. Институт военной службы в конце XX в. оставался для казаков – участников возрожденческого процесса столь же актуальным и важным, как и для казаков в 1920–1940-х гг., сохранялась его инструментальная природа воспроизводства казачьей идентичности. На всем протяжении возрождения казачества связь современной службы казачества с его историческими образцами, наличие исторических корней военной службы имело ключевое значение для воспроизводства данного элемента социокультурной системы казаков.

Вместе с тем, военная служба казачества в конце XX в. являлась социокультурным конструктом, как и другие элементы исторического казачьего мира. В отличие от 1920-х –1940-х гг., институт военной службы не являлся

кое Войско Донское» обязательств по несению государственной и иной службы по состоянию на 20 апреля 2011 года // Текущий Архив Комитета по делам национальностей и казачества Администрации Волгоградской области...

адаптационной формой встраивания социальной общности в новую реальность. Здесь, как и в других направлениях современного казачьего возрождения, воспроизводство традиции становилось самоцелью. Но для этого больше не существовало объективных условий. Искусственно подстроить быт и организацию казачества под реконструкцию данного института не получилось. В связи с этим возможно было только придать современным видам военной службы и службы полицейской внешние атрибуты казачьей, как-то: дать воинским частям названия казачьих, создать параллельно с институтом добровольной народной дружины, аналогичный ей институт казачьих дружинников, дать возможность казакам участвовать в деятельности МЧС и т.п.

Современная казачья служба стала результатом процесса демонстрации традиции в начале 1990-х гг., что отвечало желаниям участников возрожденческого процесса восстановить прежнюю «среду обитания» казаков. Вместе с тем, институт службы позволял казакам обосновать свою востребованность в новых условиях.

В начале 1990-х гг. наблюдались попытки исторической реконструкции службы казаков. Однако историческая реконструкция оказалась невозможной по ряду причин. Прежде всего, следует отметить, что изменился характер казачьей службы и социальный статус казаков. До начала XX в. казаки являлись военно-служилым сословием, и военная служба для них являлась словной повинностью, обособлявшей их от других сословий и превращая казаков в замкнутую общественную группу. Другие служилые функции, выполняемые казаками: полицейская, конвойная и другие виды службы, перечисленные выше, также являлись либо государственными, либо общественными повинностями.

Активным субъектом формирования системы государственной службы казачества выступило государство. Его заинтересованность обосновывалась ситуацией кризиса и поиском решений повышения эффективности военных и правоохранительных структур. Для государства военно-служилые традиции казачества в конце XX в. также становятся основой для того, чтобы обратить

на казаков и их предложения самое пристальное внимание и начать осуществление серии экспериментов в этой области. Кроме этого, развитие направления казачьей службы становилось для государства альтернативой этно-национальной перспективы развития казачества. Закон о государственной службе казачества чётко определил направление, в котором власть готова была развивать казачество.

6.3. Современные практики хозяйственной деятельности казачьих обществ и их влияние на процесс возрождения казачества на юге России

Если сравнивать восстановление казачьей социокультурной системы в 1920-х – 1930-х гг. и в конце 1980-х – начале 2000-х гг., то именно ситуация, сложившаяся в отношении казачьего хозяйства, позволяет судить о кардинальной разнице двух этих периодов. В рамках социалистической реконструкции народного хозяйства страны казачья система землевладения трансформировалась, казачье хозяйство слилось с колхозной системой. В конце XX в. возник запрос на возрождение традиционной казачьей системы общинного землевладения, которая являлась полностью утраченной.

Несмотря на то, что хозяйственное развитие казачества входило в перечень ключевых вопросов возрожденческого процесса, научных исследований в этом направлении крайне мало. Историки обращались к теме преимущественно с точки зрения исследования исторических особенностей формирования и развития казачьего хозяйства, прежде всего – системы войскового общинного землевладения. При этом неизменно приходили к выводу, что к началу XX в. эта система стала архаичной и малоэффективной. Так, А.И. Козлов, одним из первых попытавшийся обобщить в середине 1990-х гг. результаты казачьего возрождения, определил землевладение и землепользование как первую и важнейшую составляющую казачьего возрождения. При этом значительное место А.И. Козлов отвел ретроспективному рассмотрению

казачьего хозяйства¹. Современную ситуацию его возрождения и развития он рассматривал в контексте модернизационных процессов и кардинальной перестройки всего народного хозяйства страны. А.И. Козлов первым поставил вопрос о поливариантных формах казачьего землевладения, рассматривая возможность развития частного землевладения.

Более предметно изучали современное землевладение казачьих обществ юристы. В их поле зрения находились, прежде всего, правовые аспекты: формирование целевого земельного фонда казачьих обществ (фактический аналог войсковых фондов), правовые рамки передачи земель хозяйственного назначения казачьим обществам, создание нормативно-правового поля². Особенностью юридического подхода был поиск пробелов в законодательстве. Это являлось весьма важным, но отражало только одну сугубо прикладную сторону изучения проблемы возрождения традиционной системы хозяйствования казачества.

Экономический ракурс изучения хозяйственной деятельности казачьих обществ в конце XX – начале XXI вв. также представлен незначительным количеством работ. Анализ вопросов в этом направлении был предпринят в 2008 г., когда по заказу Минрегионразвития было проведено изучение социально-экономических основ казачьего возрождения. Наиболее полно и системно исследовал систему хозяйствования современных казачьих обществ А.Д. Беглов. Его диссертационная работа посвящена проблемам производства продукции агропромышленного комплекса в казачьих районах. В диссертационном исследовании и научных статьях А.Д. Беглов связал воедино проблемы развития АПК, деятельность казачьих обществ и создания условий устойчивого социально-экономического развития регионов. Он наиболее близко из всех, кто занимался данной темой, подошел к раскрытию проблемы воспроизводства казачьей традиционной системы хозяйствования в современных условиях, рассматривая её через призму этноэкономики. Вместе с

¹ Козлов А.И. Возрождение казачества... С. 144–155.

² Николаенко И.В. Правовые аспекты землевладения казачьих обществ... С. 351–354.

тем, А.Д. Беглов всё-таки в качестве примеров эффективной деятельности приводит казачьи предприятия, функционирующие в соответствии с современными принципами экономики, а для устойчивости их деятельности он предлагает развивать традиционные формы казачьего местного самоуправления¹.

Главной не решенной задачей всех исследований, по нашему мнению, в этом направлении являлось то, что они не рассматривали специфику возрождения казачьего хозяйства в современных условиях, изменение его ключевых характеристик, а также, что означает в наше время понятие «казачье хозяйство». В данном разделе мы рассмотрим особенности экономической деятельности казачьих хозяйств и влияние его на возрождение казачества.

Попытки исторической реконструкции казачьего мира в конце XX – начале XXI в. затронули и систему хозяйствования казаков, сформировав запросы на ее восстановление в том виде, в котором она существовала в начале XX в. Прежде всего, речь шла о возрождении традиционного казачьего общинного землевладения и землепользования, которое рассматривалось как «родовой» элемент казачьей культуры, наряду с военной службой определявший особенность жизнедеятельности казаков.

В определенном смысле слова это было действительно так. Особенности системы землевладения у казаков формировались постепенно и были связаны с их военно-служилым статусом. Например, к началу XVIII в. на Дону казачество «оседает» на землю и основой социально-экономической структуры становится поземельная станично-хуторская община. Главная специфика этой общины заключалась в том, что ее члены выполняли две функции – воинов и пахарей. В это же время происходил постепенный переход донских казаков в разряд «служилых», что также повлияло на хозяйственно-

¹ Беглов А.Д. Управление производством продукции АПК в казачьих сообществах как потенциал устойчивого социально-экономического развития регионов. Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2012; он же. Модели развития казачьих обществ в рамках региональных экономических систем // Экономика и управление. Экономическое право. 2011. №. 11. С. 23–26.

культурный тип донцов. В культурном плане постепенно формировался феномен войсковой земли, дарованной казакам за службу и отсюда – особое отношение казаков к «своей» земле, как территории проживания и хозяйственному ресурсу.

Однако отношение казаков к земле было всё же шире понимания её только как хозяйственного ресурса. В формировании основ казачьего землевладения и землепользования прослеживается тот же принцип, что и при формировании прав народа на территорию проживания. Это принцип «первородного права на землю», право народа-первопоселенца, который у казаков дополнялся принципом жертвенности (земля «добытая кровью»). По мнению П. П. Матющенко, казачья земельная идеология была связана с казачьими идеалами самоорганизации и сводилась к двум основным началам: принадлежности занятых казаками земель всему казачьему войску и демократическому порядку землепользования¹.

В начале XX в. в казачьих войсках проявились признаки кризиса прежней системы хозяйствования, выразившиеся в уменьшении размера земельного надела и, как следствие, в снижении доходности казачьего хозяйства. Проявились экономические проблемы, связанные со структурой общинного землепользования (чересполосица, длинноземелье). Нарастали конфликты социального характера в сфере казачьего и неказачьего землепользования. Система хозяйствования, принятая в казачьих войсках, плохо сочеталась с развивавшимися капиталистическими тенденциями. Последовавший затем передел земли, произведенный большевиками и коллективизация, лишили казаков экономических привилегий, которые им полагались, как военно-служилому сословию. И, прежде всего, это касалось преимущественного права на владение и пользование землей.

Для современников этих событий и их потомков все произошедшее принимало форму допущенной в отношении казаков несправедливости. К

¹ Матющенко П.П. Казачий вопрос в аграрной политике царизма // Проблемы истории казачества: Сб. науч. тр. Волгоград, 1995. С. 260.

этому присоединялось представление о материальном благополучии казаков, основанном на земельном наделе и особой системе хозяйствования. В целом представления казаков об экономической системе войск можно охарактеризовать как мифологизированные. Исторические экономические условия жизнедеятельности казаков понимались ими в целом, как весьма благоприятные, так как размер земельного пая у казаков был значительного размера, а также существовала система особых льгот и привилегий, распространявшихся только на казачье сословие. По сути это был исторический миф, который становится основой для требований казаков восстановить прежнюю традиционную систему хозяйствования казачьих войск. Несмотря на мифологизм, данное представление о хозяйственном бытии казачества в прошлом формировало видение того, как казаки должны быть вписаны в современную экономическую систему.

Первые крупные организационные системы казаков на юге России, принимая решения о хозяйственном развитии, формировали ключевые принципы своей экономической деятельности. Так, СКОВД уже в 1990 г., на первом же организационном форуме определился с данными принципами. В резолюции «О казачьем землепользовании» отмечалось, что земельный вопрос вытекает из общей задачи казачьего возрождения, и казачье землепользование, таким образом, соединялось с признанием особых исторических прав казаков на территорию и землю, которая «оплачена казачьей кровью и принадлежит коренному и некоренному казачьему населению»¹. Формы и методы хозяйствования понимались как сочетание общинных традиций (юртовые земли, общинное обихаживание), с современными формами землепользования (кооперативы, акционерные общества)². Планировалось, что работу по объединению традиционных и современных принципов деятельности и созданию уникальной формы хозяйствования, которая позволила бы казакам

¹ Водолацкий В.П., Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Возрождение: Первый круг казаков Дона... С. 75.

² Там же. С. 75.

сохранить традицию в новых условиях экономики будет проводить специальная комиссия по землепользованию¹.

В Кубанском казачьем войске в январе 1991 г. принимается экономическая программа. В первых строках этой программы сразу обозначается необходимость формирования собственной экономической основы, без которой невозможно «подлинное возрождение казачества, как особой этнической группы»². Кубанская экономическая программа казачьего возрождения также предусматривала различные хозяйственные формы: колхозы, совхозы, фермерские казачьи хозяйства, малые предприятия, сельхозкооперативы, семейные наделы и пр. При этом отмечалось, что «некоторые существующие колхозы и совхозы готовы встать под флаг кубанской Рады»³. Далее отмечалось, что важной формой развития, «без которой невозможно решить аграрный вопрос», являлись казачьи фермерские хозяйства и поэтому необходимо добиться выделения краевой властью в каждом районе земель для организации таких хозяйств⁴.

Гибкое сочетание исторических традиционных и современных форм хозяйствования предлагалось в документе Союза казаков России, принятом в 1992 г. и озаглавленном «Основные направления возрождения казачьего землевладения и землепользования». Авторы документа развивали и обосновывали, прежде всего, развитие традиционного для казачества общинного землевладения. Но вместе с тем говорилось о создании системы казачьих товариществ, куда нужно включить колхозы, совхозы, ассоциации, акционерные и совместные предприятия, крестьянские (казачьи) и фермерские хозяйства⁵.

Однако если на уровне казачьих обществ рассматривалась возможность создания различных форм экономической деятельности, в том числе и ориентированных на рыночную экономику, то в документах власти, принимаемых

¹ Там же. С. 76–77.

² ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 3. Л. 37.

³ ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 3. Л. 37.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Д. 34. Л. 155.

в начале 1990-х гг., речь шла почти исключительно о развитии традиционных общинных форм землевладения и землепользования. Такая акцентировка внимания на восстановлении прежней хозяйственной системы казачества обуславливалась тем, что они преподносились властью как формы, которые работали на восстановление его в правах как репрессированного народа. Создаваемым казачьим обществам должны были предоставляться земельные наделы. Предполагалось, что они будут использоваться коллективно, по аналогии с общинным землевладением и землепользованием, то есть в традиционном формате. Такие основы хозяйствования определял Указе Президента РФ «О мерах по реализации Закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов в отношении казачества»¹.

В дальнейшем власть придерживалась этой позиции. Принятая в 1994 г. Концепция государственной политики по отношению к казачеству также содержала положения о возрождении традиционной формы общинного землевладения и восстановлении традиционного уклада жизни казачества².

Развитие нормативно-правовых и организационно-концептуальных основ казачьего землепользования началось в 1992 г. После выхода Указа Президента в Союзе казаков России в 1992 г. был разработан документ под названием «Основные направления возрождения казачьего землевладения и землепользования», далее начинается разработка и принятие нормативно-правовых актов в регионах. На юге России в 1992–1993 гг. такие документы принимаются в Ростовской области и Краснодарском крае.

Схема формирования земельных фондов станичных и хуторских казачьих обществ везде обозначалась примерно одинаково. Создавать их планировалось путем передачи казачьим обществам земельных массивов (земель запаса), создание казачьих обществ на базе существующих сельскохозяй-

¹ Указ Президента Российской Федерации «О мерах по реализации Закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов в отношении казачества»...

² Основные положения Концепции государственной политики по отношению к казачеству...

ственных предприятий, объединение членами казачьих обществ своих земельных участков в единый фонд и пользование им на основе долевой или совместной собственности.

Так, в документе, который был принят в 1992 г. в Краснодарском крае Малым советом Краснодарского краевого Совета народных депутатов порядок предоставления земельных наделов казачьим обществам был следующим. Земельные наделы казачьих обществ должны были формироваться из индивидуальных долей членов казачьего общества, общество также могло получить дополнительный земельный надел в аренду. Особо оговаривалось, что земли казачьих обществ могли использоваться только для производства сельскохозяйственной продукции самими членами общества и не могли передаваться в субаренду¹.

Положение, определявшее порядок предоставления земельных участков казачьим обществам, принятое в Ставропольском крае в 1996 г., также предусматривали как совместную собственность, так и аренду. Также упоминалось о традиционных формах общинного землепользования и землевладения².

Важной частью создания специфичной системы хозяйствования казаков в начале 1990-х гг. стало формирование, так называемых, реабилитационных земельных фондов, из которых планировалось выделять земли казачьим обществам. Региональные власти юга России рассматривали данный процесс, как продолжение и развитие Закона о реабилитации репрессированных народов и указа Президента РФ о реализации данного закона в отношении казачества. Решение о создании такого фонда в 1993 г. было принято в Ростовской области, организационно-правовой основой стало Временное положение о реабилитационном земельном. Согласно ему, на территории Ростовской области создавался земельный фонд, которым заведовали местные Советы и администрации и из этого фонда должны были выделяться земельные

¹ ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 34. Л. 170, 176–177.

² Николаенко И.В. Правовые аспекты землевладения казачьих обществ... С. 351–354.

наделы казачьим обществам¹. Также в 1993 г. в Краснодарском крае принимается положение о формировании реабилитационного земельного фонда, из которого должны были выделяться земельные наделы для казачьих обществ². В 1994 г. вышло Распоряжение Президента Республики Калмыкия № 221-РП «О выделении земли Казачьему войску Калмыкии»³.

Восстановление традиционного землевладения и землепользования напрямую связывалось с возрождением традиционного уклада жизни казаков и с исполнением ими обязательств по несению службы. Так, в Указе Президента РФ № 632 от 15 июня 1992 г. говорилось, что размер земельного надела, выделяемого хуторскому или станичному обществам, определяется исходя из количества его участников и взятых ими на себя обязательств по несению государственной службы⁴. В Концепции государственной политики по отношению к казачеству общинное землепользование казачества определялось «спецификой государственной службы казаков, при которой часть казаков периодически призывается на государственную службу с отрывом от места постоянного проживания и на общину возлагается обязанность обрабатывать землю занятых на государственной службе казаков...»⁵ В документе Союза казаков России 1992 г. со ссылкой на законодательство отмечалось, что за несение государственной воинской службы в частях Вооруженных сил и Пограничных войск Российской Федерации казакам-офицерам (прапорщикам) по согласованию с органами местного казачьего самоуправления дополнительно предоставляется бесплатно земельные угодья (резервный клин) из земель запаса⁶.

¹ Временное положение о реабилитационном земельном фонде для наделения землей казачьих обществ // Государственные акты по вопросам Российского и донского казачества. В 2-х т. Ростов н/Д, 2001. Т. 2. С. 62–63.

² ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 34. Л. Б.н.

³ Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК). Ф. Р-601. Оп.1. Д. 1. Л. 65.

⁴ Указ Президента Российской Федерации «О мерах по реализации Закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов в отношении казачества»...

⁵ Основные положения Концепции государственной политики по отношению к казачеству...

⁶ ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 34. Л. 157.

Таким образом, в правовых актах прослеживается попытка исторической реконструкции элементов социокультурной системы казачьих обществ, а также сочетание современных условий жизнедеятельности казачьих обществ с архаичной феодальной формой наделения привилегиями за службу.

Как уже было сказано, в прошлом специфическая система наделения казаков земельными паями за службу основывалась на наличии в каждой войске земельного фонда, из которого выделялась земля хуторам и станицам. В связи с этим в середине 1990-х гг. в рамках возрожденческого процесса, предполагавшего реконструкцию исторических форм казачьего образа жизни, естественным образом сформировался запрос на воссоздание таких войсковых земельных фондов в казачьих обществах.

Несмотря на то, что формирование института государственной и иной службы казачества происходило в иных, по сравнению с XIX в., условиях, парадоксальным образом проявились характерные черты прежнего социокультурного пространства казаков. Среди прочих видов службы, к которым возможно было привлекать членов казачьих обществ, фигурировали и виды деятельности, связанные с сельскохозяйственным производством¹. Для казаков важным являлось декларирование традиционной основы для неё. В связи с этим в Уставах казачьих обществ в разделе основных задач стали фигурировать и такие как, «внедрение новых форм хозяйствования на основе традиционных форм землепользования»². Таким образом, сельскохозяйственная деятельность, а вместе с ней и землепользование превращалось в один из видов службы, который требовал создания условий в виде предоставления казачьим обществам земельных участков.

Во второй половине 1990-х гг. на юге России в субъектах РФ начинается процесс создания земельных фондов для казачьих обществ. Нормативно-правовым основанием для этого стало утвержденное Постановлением Прави-

¹ Положение о привлечении членов казачьих обществ... С. 149.

² Устав Войскового казачьего общества «Всеволокное Войско Донское» (утв. Указом Президента РФ от 17 июня 1997 г. № 612) // Государственные акты по вопросам российского и донского казачества. В 2-х т. Ростов н/Д, 2001. Т. 2. С. 181–195.

тельства Российской Федерации в 1996 г. Положение о порядке формирования целевого земельного фонда для предоставления земель казачьим обществам, включенным в государственный реестр казачьих обществ. Такие земельные ресурсы должны были создаваться органами исполнительной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления для предоставления их казачьим обществам. С их помощью решались задачи строительства поселений в приграничной зоне, коллективного хозяйствования, развития личного подсобного хозяйства, индивидуального строительства и др.¹ Те земли, которые оказывались нераспределенными оставались за войсковым казачьим обществом и составляли земли казачьего войскового резерва². Таким образом, по крайней мере внешне, воспроизводилась историческая ситуация существования казачьих земель, приоритетное право на которые имели члены казачьих обществ.

В Краснодарском крае в 1996 г. согласно Постановлению краевого правительства, был создан целевой земельный фонд³. В январе 1998 г. аналогичный документ был подписан губернатором Ростовской области. Как следовало из преамбулы документа, постановление принималось в рамках процесса реабилитации казачества⁴. В 1999 г. целевой земельный фонд для казачьих обществ был сформирован в Ставропольском крае⁵. В этом же году создан целевой земельный фонд для предоставления земель казачьим обществам

¹ Положение о порядке формирования целевого земельного фонда для предоставления земель казачьим обществам, включенным в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, и режиме его использования // Российская газета. 1996. № 142 (1502). 30 июля.

² Положение о порядке формирования...

³ Постановление Правительства Краснодарского края от 25.09.1996 г. № 7-п «О создании целевого земельного фонда для предоставления казачьим обществам, включенным в государственный реестр казачьих обществ Российской Федерации» // Законодательство Российской Федерации и Краснодарского края по вопросам казачества. Сборник нормативно-правовых актов со вступительным комментарием. Краснодар, 2005. С. 253.

⁴ Постановление Главы Администрации Ростовской области № 20 от 26.01.1998 г. «Об образовании целевого земельного фонда для предоставления земель казачьим обществам, входящим в Войсковое казачье общество «Всевеликое Войско Донское» // Государственные акты по вопросам российского и донского казачества. В 2-х т. Ростов н/Д, 2001. Т. 2. С. 204.

⁵ Николаенко И.В. Правовые аспекты землевладения казачьих обществ... С. 104.

Волгоградской области. В тексте положения, так же, как и в документах других субъектов РФ, отмечалось, что постановление имеет практическую цель осуществления реабилитации казачества¹. О создании областного целевого казачьего земельного фонда для возрождения казачьего землепользования говорилось в региональной целевой программе по поддержке развития астраханского казачества².

Всего же к 1999 г. по информации, озвученной на совещании руководителей федеральных органов исполнительной власти с атаманами казачьих обществ в апреле 1999 г., с целью возрождения казачьего землепользования и самообеспечения казачьих обществ специальный земельный фонд был образован в 15 субъектах Российской Федерации³. А по сведениям Федеральной службы земельного кадастра России к 2003 г. целевой казачий земельный фонд был создан на территориях 31 субъекта РФ⁴.

До 2002 г. развитие казачьего землепользования поддерживалось федеральной властью. В 1996–1997 гг. Главное управление казачьих войск при Президенте Российской Федерации совместно с Государственным комитетом Российской Федерации по земельным ресурсам и землеустройству подготовили ряд документов с целью организационно-правовой поддержки участия казачьих обществ организации целевых земельных фондов⁵. С 1999 г. выделяются деньги из федерального бюджета для создания в субъектах РФ земельных целевых фондов. За два года было выделено 7,6 млн. руб⁶.

¹ Положение о целевом земельном фонде для предоставления земель казачьим обществам Волгоградской области, включенным в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации // Казачий круг. 1999. № 12. 11 июня.

² Региональная целевая программа государственной поддержки становления и развития Отдельного Астраханского окружного казачьего общества на 2001–2003 годы. Астрахань, 2000.

³ Рекомендации совещания руководителей федеральных органов исполнительной власти с атаманами войсковых, окружных и отдельных казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации // Казачий круг. 1999. № 16. 30 апреля.

⁴ Российское казачество... С. 590.

⁵ Там же. С. 589.

⁶ Там же. С. 590.

Однако, несмотря на все усилия казачьих обществ и власти больших успехов в этом направлении достичь не удалось. Комплекс проблем, сложившийся в сфере создания системы казачьего землепользования, содержал проблемы правового характера, организационного, социально-экономического и др.

И.В. Николаенко, анализируя правовые аспекты землевладения казачьих обществ, отметила явную недостаточность нормативно-правового обеспечения в этой сфере и возникавшие, в связи с этим противоречия, разрешавшиеся не в пользу казаков. Так, в 2002 г. в Ставропольском крае Положение о порядке предоставления земельных участков казачьим обществам, действовавшее с 1996 г., было опротестовано краевой прокуратурой. Основанием, по замечанию И.В. Николаенко, стало отсутствие актуального нормативно-правового документа, которое соответствовало бы новому Земельному кодексу Российской Федерации, принятому в 2001 г.¹ Закон «О казачестве в Ставропольском крае», принятый в 2004 г. не решил вопрос правового обеспечения создания целевого земельного фонда и наделения землей казачьих обществ, так как в законе казачьему землевладению посвящалась одна статья, определявшая общие моменты передачи земли казачьим обществам².

В Ростовской области в начале 2000-х гг. порядок предоставления земельных участков казачьим обществам определялся областным Законом «О регулировании земельных отношений в Ростовской области» 2003 г. В Краснодарском крае в 2002 г. принимается закон «Об основах регулирования земельных отношений в Краснодарском крае», в котором в ст. 20 в общих чертах определялось, как формируется войсковой казачий земельный фонд и для каких целей могут использоваться земельные участки из этого фонда³. Более подробно ситуация с предоставлением земельных участков ка-

¹ Николаенко И. В. Правовые аспекты землевладения казачьих обществ... С. 104.

² Там же.

³ Закон Краснодарского края от 5 ноября 2002 г. № 532-КЗ «Об основах регулирования земельных отношений в Краснодарском крае» // Законодательство Российской Федерации

зачьим обществам, рассматривалась только в Положении о формировании целевого земельного фонда для Екатеринодарского отдела Кубанского казачьего войска, принятого городской Думой Краснодара в апреле 2002 г.

Таким образом, в законодательном материале существовали как региональные нюансы, так и противоречия в формулировках оснований наделения казачьих обществ землей. То есть единого подхода к вопросу о казачьем землепользовании не было.

Другая проблема с наделением землей казачьих обществ являлась следствием развития объективных рыночных процессов, закрепления земельных участков за новыми владельцами и формирования частной собственности на землю. Еще в начале 1990-х гг. атаманы казачьих организаций отмечали сложности с выделением земельных участков, обусловленные отсутствием свободных земель. Так, руководство Союза казаков России в 1992 г. отмечало, что «в настоящее время трудно найти площади для земельных наделов казачьим обществам в районах с высокой плотностью сельского населения. Например, в Краснодарском крае, где проживает кубанское казачество, 83% продуктивных земель уже передано в коллективно-долевою, коллективно-совместную собственность. Примерно 160 тыс. га передано крестьянским (казачьим) хозяйствам при среднем размере пая 5–7 га. В фонде перераспределения земель осталось 17% площади, из них 12–13% передано предприятиям в аренду с правом выкупа (по состоянию на 1992 г.). Так где же взять землю для казачьих обществ, организуемых по указу Президента России? ...Свободной земли практически нет...»¹.

Кроме этого, можно выделить еще одну причину слабого развития системы землевладения и землепользования в современных казачьих обществах. Сами общества проявляли низкую активность в вопросе получения земельных участков. По мнению авторов сборника «Российское казачество», со

и Краснодарского края по вопросам казачества. Сборник нормативно-правовых актов со вступительным комментарием. Краснодар, 2005. С. 229.

¹ ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 34. Л. 154.

стороны данных обществ было мало ходатайств и предложений по решению земельного вопроса, а подаваемые заявки были слабо обоснованы. Это влияло на решения, принимаемые местными земельными комитетами. Также отсутствовали взаимоотношения с территориальными земельными комитетами по вопросу создания совместных земельных комиссий, не обсуждались земельные проблемы в войсковых обществах и др.¹

До начала 2000-х гг., тем не менее, казачье землепользование существовало, а в отчетах атаманов фигурировали весьма значительные цифры, свидетельствовавшие о размерах земельных участков казачьих обществ. Войсковые структуры оказывали содействие выделению земли станичным и хуторским казачьим обществам. Так, атаман Кубанского казачьего войска В.П. Громов не единожды обращался к органам власти различного уровня, ходатайствуя о выделении земельных участков казачьим обществам для организации казачьего хутора, для разработки заброшенных земель и др.² При участии войска в 1993 г. было выделено 180 га земли Пашковскому казачьему обществу, казакам Новопокровского района выделена земля под казачий хутор³.

В 2001 г., согласно отчету атамана Кубанского казачьего войска, войско имело целевой земельный фонд общей площадью 17,2 тыс. га, в том числе 10,1 тыс. га пашни⁴. Однако при этом казачьи общества самостоятельно обрабатывали только 4,8 тыс. га, а остальное передавали в аренду или во временное пользование⁵. Согласно информации о работе войскового правления Войскового казачьего общества «Всевеликое войско Донское» за 2000–2001 гг. в распоряжении казачьих обществ и казаков-фермеров в Ростовской

¹ Российское казачество... С. 590.

² ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 34. Л. 70, 71.

³ ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 71. Л. 7об.

⁴ Там же. Д. 257. Л. 9.

⁵ Там же.

и Волгоградской областях имелось 500 тыс. га земли¹. Видимо, учитывались не только земли, переданные казачьим обществам, но и земли тех фермеров, которые состояли в казачьих обществах, однако хозяйствовало вполне самостоятельно.

Наряду с развитием земледелия, которое являлось традиционным занятием казаков, в 1990-х – начале 2000-х гг. развиваются и вполне современные рыночные формы хозяйствования. Прежде всего, следует отметить попытки создания казачьих банков, которые на юге России предпринимались в нескольких субъектах РФ. В 1990 г. на учредительном Большом круге Союза казаков Области Войска Донского в одной из резолюций круга был поставлен вопрос о рассмотрении предложений по созданию казачьего банка². В 1991 г. при разработке экономической программы Кубанской казачьей Рады ее разработчики отметили необходимость создания Кубанского казачьего банка, «который обслуживал бы все хозяйственные структуры Рады, а также являлся бы основным держателем средств Рады, ее акций и ценных бумаг»³.

Идея создания Центрального казачьего банка и Земельного казачьего банка при Атаманском правлении Союза казаков была озвучена в Декларации казачества, принятой в 1993 г. Советом атаманов Союза казаков. Там же говорилось о необходимости создания рыночных, производственно-коммерческих структур казачества⁴. В 1993 г. по инициативе Всекубанского казачьего войска создается Кубанский казачий банк, учредителем которого стали двадцать девять организаций и предприятий Краснодарского края, уставной фонд банка составил 180 млн руб⁵. В 1995 г. банк достаточно успешно, если судить по отчету войскового атамана, функционировал. В.П. Громов отмечал, что Кубанский казачий банк является стержнем финансово-

¹ От круга к кругу. Работа войскового правления в 2000-2001 годах. Ростов н/Д, 2001. С. 12.

² Водолацкий В.П., Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Возрождение: Первый круг казаков Дона... С. 77.

³ ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 3. Л. 38.

⁴ ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 2. Л. 237.

⁵ Там же. Д. 32. Л. 77.

экономической деятельности войска, среди банков края он не последнем месте, доля капитала войска составляет 21% и сейчас стоит задача открыть филиалы банка в районах края¹. Однако в отчете войскового атамана о деятельности структур кубанского войска за 1998–2001 гг. Кубанский казачий банк уже не упоминается, что позволяет предположить, что его деятельность к данному времени сошла на нет.

В 1992 г. был создан казачий банк в Волгоградской области. Банк просуществовал до 1997 г. Однако деятельность его не была успешной. В 1995 г. предпринимались попытки реорганизации банка, принятия нового Устава и др.² Однако, как отмечал в интервью газете «Казачий круг» в 1997 г. тогдашний руководитель банка В.Д. Поляков, все банковские операции были прекращены в 1994 г.³ В 1997 г. стоял вопрос о прекращении деятельности банка.

Складывающаяся рыночная экономика в постсоветской России определяла «правила игры» для всех ее субъектов, и казачьи общества несмотря на то, что определяющим принципом своего развития считали возврат к традиции, в начале 1990-х гг. демонстрировали готовность развивать новые экономические формы. В войсковых организациях создаются организационно-управленческие структуры, занимающиеся разработкой экономических направлений деятельности казачьих войск. Так, в 1991 г. был создан Экономический совет Кубанской казачьей Рады, в задачи которого входила разработка стратегии проведения экономической политики казачьей организации, осуществление консультирования по экономическим вопросам, ходатайствование об учреждении предприятий и т.п.⁴ В Войске Донском также существовал Экономический совет, куда входили экономисты и финансисты⁵.

¹ Там же. Д. 71. Л. 6об.

² Банк «Казачий» – банк народный // Казачий круг. 1995. № 16. 20 апреля.

³ Банк «Казачий»: взгляд с трех сторон // Казачий круг. 1997. № 14. 4 апреля.

⁴ ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 3. Л. 85.

⁵ Хижняков В. Ф. Выступление на Большом войсковом круге... С. 15.

Помимо банковских структур в начале 1990-х годов на юге России развиваются и другие формы рыночной экономики. Завидную активность в этом направлении развивало кубанское казачество. Так, в 1991 г. Кубанское войско регистрирует производственно-коммерческий центр «РАДА», который должен был заниматься развитием малых предприятий, крестьянских и фермерских хозяйств¹. Затем Кубанская казачья Рада становится учредителем акционерного общества «Виктор», которое должно было наряду с казачьими промыслами заниматься созданием новых казачьих предприятий, развивать новые услуги, технологии, производить товары, пользующиеся спросом у населения². В учредительном договоре при этом говорилось, что Кубанская казачья Рада, делает это «принимая во внимание важность развития предпринимательства, посредством создания казачьих производств в современных экономических условиях»³. Ещё одним предприятием, учредителем которого выступило Кубанское войско, стало предприятие с ограниченной ответственностью «Спецлегконструкция», предметом деятельности которого было заявлено «производство, хранение и переработка сельскохозяйственной продукции, строительство промышленных и гражданских объектов, жилых домов и производство строительных материалов, транспортные перевозки пассажиров и народнохозяйственных грузов, производство товаров народного потребления»⁴. По решению правительства Краснодарского края на баланс Кубанской казачьей Раде с последующим выкупом был передан цех № 3 Краснодарского кирпичного завода и Елизаветинский глиняный карьер⁵.

Направления деятельности Кубанского войска были разнообразны. Сюда входило традиционное производство сельскохозяйственной продукции, организация и содержание конноспортивных конюшен, пошив казачьей традиционной одежды и формы, разведение нутрий, выращивание шампиньонов.

¹ ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 32. Л. 3.

² Там же. Л. 16.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 22.

⁵ Там же. Л. 87.

нов, создание производственного комплекса по переработке кожевенного сырья, пошиву одежды и обуви и др.¹ Кубанское войско выступало с предложением строительства казачьего комплекса вдоль трассы Ростов–Джубга для улучшения условий обслуживания на дорогах края и пропаганды культуры и быта кубанских казаков². В 1992 г. Кубанская казачья Рада обратилась к Главе администрации г. Краснодара с просьбой передать на баланс войска колхозный рынок. Интересно, что при этом в качестве обоснования был выдвинут аргумент, что исторически рынок принадлежал Кубанскому казачьему войску³.

В отчете атамана Кубанского войска за период 1992–1995 гг. представлена высокая экономическая активность войска. Перечень предприятий и видов деятельности, в которых кубанское войско, так или иначе, оказывалось задействовано, весьма широк. Некоторые представляли собой, по крайней мере, по названию, солидные предприятия. Например, концерн «Юг», инвестиционная кампания «Славянский дом», АООТ «Финансово-промышленный казачий центр»⁴. В 1994 г. войско учредило Кубанский казачий фонд социально-правовой защиты, который занимался реализацией программ социально-правовой, хозяйственной, образовательной, культурной деятельности войска⁵.

Однако к 2000 г. количество направлений хозяйственной активности войсковых структур существенно сокращается. Так, в отчете атамана о работе казачьих обществ Кубанского казачьего войска за 2000 г. упоминается только производство и поставка сельскохозяйственной продукции и продовольствия. Следует отметить, что в это время принимается Постановление Правительства Российской Федерации от 27.11.2000 г. № 894 «О государственной поддержке казачьих обществ, взявших на себя обязательства по

¹ ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 32. Л. 35, 65, 66, 218 и др.

² ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 32. Л. 35.

³ Там же. Л. 191.

⁴ Там же. Д. 71. Л. 7.

⁵ Там же.

производству и поставке сельхозпродукции для государственных нужд». В рамках этого направления в Краснодарском крае была разработана краевая комплексная программа по государственной поддержке казачества по производству зерна, масличных культур, семенного картофеля, рыболовства и пчеловодства, переработки сельхозпродукции и поставки ее в региональный фонд и Вооруженные силы РФ¹. В 2001 г. Кубанское войско планировало сдать в региональный фонд не менее 1 тыс. т. пшеницы. При этом казахи общества пытались оговорить себе особые условия деятельности, отмечая, что существующая система обеспечения воинских частей на тендерной основе непригодна для казачьих обществ, так как «не обеспечивает стабильности договорных отношений»².

В качестве экономических структур, входящих в Казачье войско Калмыкии в начале 1990-х гг. числились такие предприятия как ТОО «Казачий стан», ТОО «Казачья воля», кооператив «Кучн», ТОО «Казачий торговый дом», ТОО «Очир-2», ТОО «Памир», ТОО «Аум». Распоряжением Правительства республики Калмыкии в 1994 г. подразделениям Казачьего войска Калмыкии разрешено осуществлять заготовку сельхозпродукции на территории республики, закупать у юридических и физических лиц зерно, шерсть, рыбу, шубно-меховое и кожевенное сырье, скот, птицу, частиковую рыбу. При этом вся заготавливаемая продукция и сырьё должны были считаться госресурсами³. В 1997 г. государственный комитет по делам казачества Республики Калмыкия обратился к Президенту Республики Калмыкия с просьбой поддержать инициативу Ики-Бурульского округа Казачьего войска Калмыкии по организации перерабатывающих сельхозпредприятий в хуторах и станицах данного округа⁴.

Экономические структуры, развиваемые казачеством Ставрополя, также представляли собой современные формы рыночной экономики.

¹ ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 226. Л. 10.

² Там же. Л. 11.

³ НАРК. Ф. Р-601. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 47.

В 2004 г. атаман Ставропольского краевого союза, делая доклад на VI Большом отчетно-выборном круге, назвал следующие производства: производство диетических молочных продуктов, создание микроклимата для выращивания животных и птиц, технология ускоренного выращивания грибов, открытие цеха по производству салфеточной продукции и др.¹

Делая доклад о развитии системы хозяйствования казачьих обществ на Совете атаманов ВКО ВВД в 1998 г. тогдашний атаман войска В.Ф. Хижняков проанализировал основные направления деятельности казачьих обществ и проблемы, с которыми они сталкиваются. Представленные им виды деятельности казаков были, как и в других казачьих обществах юга России, многочисленны и разнообразны. Отмечалось о передаче Войску Донскому рынков в Ростове-на-Дону, Москве и Вологде для реализации сельскохозяйственной продукции, проводимая работа по созданию производств по переработке сельхозпродукции, механизировано-тракторных станций на лизинговой основе, о выделении войску лимитов на лов рыбы и т.д. Интересно, что В.Ф. Хижняков отмечал, с одной стороны, что войско должно искать пути собственного экономического становления, а с другой подчеркивал, казакам нужен госзаказ и получение экономических льгот². Обращение к власти за поддержкой их экономической деятельности со стороны кубанского казачества, казаков Калмыкии и других казачьих войск говорило о том, что казаки, конечно, готовы были развиваться в условиях рыночной экономики, но требовали к себе особого отношения, особенно четко такая линия стала просматриваться после создания реестра казачьих обществ и фактическое приравнивание экономической деятельности казаков к несению службы.

Все приведенные факты формирования казаками не только традиционных, но и современных хозяйственных форм давало основание исследователям развития казачества в 1990-х гг. утверждать, что «современные казаки

¹ Ставропольский крайевой союз... С. 47–48.

² Современное Донское казачье войско в первоисточниках (документально-информационный бюллетень). Новочеркасск, 1998.

нацелены на полнокровную государственную жизнь с освоением новых технологий, форм коллективного и частного предпринимательства, индустриализированного сельскохозяйственного производства»¹.

Таким образом, в развитии системы хозяйствования казачьих обществ, участников возрожденческого процесса, на протяжении 1990-х гг. присутствовали две тенденции: возрождение традиционных форм казачьей системы хозяйствования, связанных, прежде всего, с общинными формами и развитие новых форм хозяйствования, основанных на принципах рыночной экономики. Эти две тенденции явно противоречили друг другу, создавая специфические в правовом и социально-экономическом плане формы. Документы казачьих обществ относительно экономической деятельности явно демонстрируют эти две тенденции.

Разнообразная и довольно активная экономическая деятельность казачьих обществ сохранялась до начала 2000-х гг. В краткой справке о деятельности Донского войска за 2000–2001 гг. отмечалась деятельность казачьих фермерских хозяйств, создание торговых предприятий (например Донской казачий торговый дом), выделение ВКО ВВД квот на ловлю рыбы и др. Были намечены широкие перспективы дальнейшего развития экономики войска: участие казаков в конкурсах на размещение госзаказов, обучение для этого специалистов, создание «Ассоциации казачьих сельхозпроизводителей» для поддержки казачьих обществ, создание перерабатывающих комплексов для производства полуфабрикатов, консервов, пресервов, муки, подсолнечного масла, круп и пр. Развитие агротуризма в Ростовской области и т.д.²

Однако уже в начале 2000-х гг. отмечается тенденция спада экономической активности казаков. После выхода Закона о государственной службе казачества, который фактически обозначил в качестве приоритетного направления развития казачьих обществ службу, наблюдается сворачивание рыночных форм деятельности казачьих обществ и в основном речь будет ве-

¹ Таболина Т.В. Казаки: драма возрождения. 1980–1990-е годы... С. 147.

² От круга к кругу... С. 12–15.

стись о развитии традиционной системы хозяйствования казачьих обществ, а именно о земледелии.

В 2008 г. в интервью автору диссертационного исследования бывший атаман ККВ В.П. Громов отмечал, что многие экономические направления деятельности войска, которые были созданы в 1990-х гг., были свернуты. Сократилась, в том числе, работа в аграрной сфере¹. Об этом же говорилось на Большом войсковом круге ВКО ВВД, проходившем в 2008 г. Отмечалось, что только 1,6% земельного фонда обрабатывается казачьими организациями. В краткосрочную аренду отдано 28% земли из войскового земельного фонда².

В 2008 г. Минрегион России выступил заказчиком полномасштабного изучения состояния казачества. Одно из направлений данного исследования было нацелено на анализ экономической деятельности казачьих обществ, экономического формата участия их в жизни регионов. Целью такого исследования являлась разработка методики выявления, оценки и внедрения эффективных форм хозяйственной деятельности казачьих обществ. Исследование проводилось на материалах преимущественно юга России.

В целом по России было выявлено 209 производственных предприятий, связанных с казачеством. Более 80% всех казачьих предприятий функционировало в Южном и Центральном федеральных округах, а наибольшее количество казачьих предприятий было зафиксировано в Волгоградской (99) и Ростовской (29) областях.³ Основная часть предприятий работали в системе агропромышленного комплекса, то есть это были преимущественно сельскохозяйственные структуры, сформированные на основе хуторских казачьих обществ (ХКО). Такая хозяйственная специализация соответствовала положениям Концепции государственной политики РФ в отношении казачества 2008 г. в которых предусматривалось стимулирование его участия в работе

¹ Интервью с В. П. Громовым. Личный архив О.В. Рвачевой.

² Аудиозапись работы Большого круга ВКО ВВД 28.02.2008 г. Личный архив автора.

³ Сборник методических материалов для апробации... Т. 1. С. 57.

агропромышленного комплекса и развитии сельских территорий через государственные и муниципальные контракты на поставку товаров и выполнение определенных работ¹.

Вместе с тем, по итогам проведенного изучения деятельности казачьих обществ в сфере АПК констатировалось, что, хотя данная деятельность и была разрешенной и привлекательной для казачьих обществ, «однако широкого распространения так и не получила». По итогам анализа хозяйственной деятельности казачьих обществ, специалисты, проводившие исследование, пришли к выводу, что «в аграрном секторе, который является традиционным и на который в наибольшей степени ориентированы казачьи общества, основной массе товаропроизводителей, в том числе казакам, отведена роль аутсайдеров»².

В качестве причин такого положения были названы проблемы, связанные в первую очередь с Федеральным законом №-94 «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», который определял порядок формирования государственного и муниципального заказов.

Однако, на наш взгляд, основная проблема заключалась в другом. Наиболее точно суть этой проблемы определил первый заместитель атамана ВКО «Всевеликое войско Донское» по Волгоградской области А.А. Бирюков. На вопрос корреспондента газеты «Казачий круг» «Может ли фермер или фермерское хозяйство войти в состав казачьего общества», А.А. Бирюков ответил, что могут, но сначала они должны будут ликвидировать фермерское хозяйство, так как казачье общество и фермерское хозяйство имеют разные организационно-правовые формы³. Таким образом, создавалась ситуация, когда хуторское казачье общество, станичное казачье общество и любое другое, действовавшее в соответствии с положением о реестровых казачьих обще-

¹ Сборник методических материалов для апробации... Т. 1. С. 65.

² Там же. С. 66.

³ База возрождения – казачье общество. Интервью с первым заместителем ВКО ВВД по Волгоградской области А.А. Бирюковым // Казачий круг. 1999. № 33. 27 августа.

ствах, могло на договорных началах взаимодействовать с фермерами, но не могло само вести хозяйственную деятельность. Эта парадоксальная ситуация приводила к тому, что возникали квазихозяйственные формы деятельности казачьих обществ, основанные, например, на отчетах деятельности фермеров, состоящих в них.

Другой опыт – засчитывать как хозяйственную деятельность казачьего общества продукцию, производимую личными подсобными хозяйствами (ЛПХ). Логика здесь была примерно такой же. В сельской местности практически у каждого члена общества было личное подсобное хозяйство, которое объявлялось основой быта сельского казачества. Таким образом, продукция ЛПХ казака, жителя данного хутора и члена казачьего общества автоматически характеризовалась как итог работы собственно общества¹.

Ближе всего к созданию системы традиционного хозяйствования казачьих обществ было объединение в такое казачье общество людей со своими земельными паями, создание что-то вроде общинной формы землевладения и землепользования. Такие предложения звучали ещё в начале 1990-х гг. Однако в той же Волгоградской области удалось создать только одно такое общество – ХКО «Ветютневское» во Фроловском районе.

Впоследствии из отчетов казачьих обществ о формах и видах государственной и иной службы постепенно исчезнет информация о какой бы то ни было экономической деятельности. Действующими видами службы останутся только МКД и всё, что будет так или иначе связано с МЧС или охранной деятельностью.

Итак, анализ деятельности казачьих обществ и власти по формированию хозяйственной системы в рамках казачьего возрождения на юге России позволяет прийти к следующим выводам. В основе данной хозяйственной системы лежал принцип возрождения традиции. В данном случае это была традиционная система казачьего землевладения и землепользования. Однако

¹ Сборник методических материалов... С. 71-81.

данная система исторически зиждилась на общинной системе хозяйствования, воспроизвести которую не представлялось возможным в конце XX в. В итоге возрождение традиции привело к конструированию системы, в которой отдельные элементы напоминали историческую форму (например, войсковые земельные фонды), но в действительности таковой не являлась.

Попытки казачьих обществ развивать современные рыночные формы деятельности сами для себя являлись весьма противоречивыми. С одной стороны, они должны быть вписаны в новую экономическую реальность, с другой стороны предполагалось и здесь опираться на традицию, культурную специфику и т.п. В итоге сами общества, являясь некоммерческими организациями, нередко просто не могли заниматься такой деятельностью. Развитие же тех или иных видов деятельности отдельными казаками – фермерами, индивидуальными предпринимателями и т.д. не советовало принципу общинности и коллективизма казачьих обществ. иными словами совместить традицию с новой экономической ситуацией не получилось. Это заставило казачьи общества сконцентрировать свое внимание на других видах деятельности, которые в меньшей степени противоречили культурной традиции и напоминали элементы прежней социокультурной системы казаков.

В возрождении казачества формирование системы самоуправления, развитие военной службы казачества и хозяйственной системы казачьих обществ работало на воссоздание того «казачьего мира», который был утрачен в советский период. Также данные социальные и хозяйственные практики способствовали аккумулярованию и продвижению социального интереса участников возрождения. На начальном этапе развития самоуправления, военная служба и хозяйственная деятельность казаков в своём развитии основывались на воспроизводстве традиции и исторических образцов. Так создавалась «связь времен», восстанавливалось прерванное в советский период бытие казачества. Таким образом, первоначально воссоздание социальных и хозяйственных практик являлось реконструкцией. Однако новые условия жизнедеятельности казачьей социальной общности не способствовали вос-

становлению исторических характеристик рассматриваемых практик, традиционные формы оказывались неактуальны и нежизнеспособны в современных условиях. Таким образом, для воссоздания социокультурной системы в рамках возрождения в конце XX – начале XXI вв. более эффективным являлось конструирование. Казачье самоуправление, военная служба, пограничная служба, муниципальные казачьи дружины, хозяйственные формы, создаваемые казачьими обществами, получали внешнюю атрибутику исторических образцов, но по сути являлись новыми практиками, адаптированными к современным условиям жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В XX в. история казачества является составляющей нескольких крупных периодов истории России, каждый из которых сопровождался социально-политическими кризисом, ломкой и трансформацией всех систем государства и общества. Наиболее кардинальными изменениями в первой половине XX в. характеризуется период установления власти большевиков и формирования нового советского строя, в конце XX в. это – распад советской системы, трансформация всех политических, социальных, культурных и экономических структур. Казачество оказалось вовлеченным во все происходившие общественные процессы, но внутри него самого как социокультурного сообщества с элементами субэтнуса происходили процессы внутренней трансформации, создавались новые культурные характеристики, трансформировалась/конструировалась идентичность.

Историю казачества советского периода не всегда возможно вычленить из истории крестьянства. В связи с этим в историографии казачий вопрос на юге России чаще всего рассматривался сквозь призму общих социально-экономических процессов, развивавшихся под воздействием политики большевиков в 1920-х – 1930-х гг.: НЭП, социалистическое строительство, создание советских систем власти и управления, коллективизация, раскулачивание, модернизация советской деревни и т.п. В немногочисленных исследованиях, посвященных собственно казачеству, исторический период восстановления казачества в социальной структуре общества историки предпочитали включать в более широкие временные рамки и рассматривать в совокупности с другими процессами 1920-х гг. или 1930-х гг. Причинами этого являлись прежде всего краткосрочность возрожденческих процессов, отсутствие в советский период методологии, которая позволила бы по новому взглянуть на социально-экономическое развитие на казачьих территориях и оценить результаты политики большевиков.

Развернувшийся процесс возрождения казачества в конце XX в. актуализировал казачью проблематику, позволил с новых исследовательских позиций обратиться к теме казачьей политики власти в середине 1920-х – начале 1940-х гг. и изучить её в контексте социального и управленческого опыта, воздействия трансформационных и модернизационных процессов на социум. Исследования по возрождению казачества в конце XX – начале XXI вв. по большей части носили неисторический характер и чаще всего происходило обращение к какой-то одной составляющей данного процесса. Например, политической или культурной стороне возрождения. Это не позволяло получить целостного восприятия казачьего возрождения и адекватно оценить его результаты.

Рассмотрение возрожденческого периода 1990-х – конца 2000-х гг. в совокупности с процессами, происходившими в казачьей среде в середине 1920-х – начале 1940-х гг. в контексте системной трансформации и модернизации, позволило с одной стороны, выявить общие черты и закономерности различных периодов возрождения казачества, с другой стороны, определить их конкретно-исторические особенности, проанализировать в системе исторических связей, характерных для каждого периода развития страны и общества.

Возрождение казачества в советском и постсоветском государстве является сложным в плане методологического обоснования явлением. Выделяются два периода, существенно отличающихся друг от друга по протяженности и качественным характеристикам. В связи с этим в исследовании был применен сложный методологический инструментарий, включающий различные исторические, социологические и философские концепции, позволившие всесторонне рассмотреть данный феномен.

Первый период возрождения казачества охватывает середину 1920-х – начало 1940-х гг. Данный процесс разворачивается в контексте системной модернизации и масштабных трансформаций социально-экономической и политической систем советского государства. Необходимость вовлечения в

модернизационные процессы всех групп населения стала объективной причиной, по которой партийно-советское руководство обратило внимание на казачество и развернуло серию мероприятий по включению его в советское строительство. Он разделяется на два этапа, характеризующихся как специальными системными мерами власти в отношении казачества, так и реакцией социальной общности на них.

Определение происходивших процессов как возрождения казачества обусловлено следующим. Вплоть до середины 1920-х гг. мероприятия советской власти в отношении казачества были направлены на растворение его в среде крестьянства. До середины 1920-х гг. казаки были маргинализированы, лишены возможности официально поддерживать и сохранять свой социальный статус. Казаки на юге России находились под политическим и идеологическим прессингом и жёстким контролем власти, и практически исключались из социальных и политических процессов. Даже социальные и культурные маркеры казачьей идентичности находились под запретом и нередко подвергались преследованию (например, ношение казачьей формы/костюма).

Такое отношение власти способствовало развитию у казачьих сообществ на юге России социальной апатии, отказу от участия в социальных и политических процессах, замыканию сообщества. Таким образом, казачество как социокультурный феномен начало постепенно исчезать. Однако изменение политики партийно-советских органов в середине 1920-х гг., разработка специальных мер со стороны власти по вовлечению казачества в советское строительство, принятие специальных документов и реализация мероприятий, направленных на поддержку казачества, привели к тому, что оно вновь появляется и как социальный феномен, и как объект большевистской политики. Несмотря на отсутствие формальных социальных рамок в виде сословной принадлежности, казачество в рассматриваемый период вновь проявляет групповую сплоченность и осознанный социальный интерес.

Как объект и субъект социально-политических процессов, происходивших в советском государстве, казачество сохранялось до 1940-х гг. Поли-

тика большевистской власти периодически акцентировалась на казачьем вопросе, создавая условия для формирования выраженной консолидированной реакции социальной общности, активизации ее присутствия в социальных процессах. Субъектность казачества в период Великой Отечественной войны проявилась в формировании специальных казачьих военных формирований.

Начальной хронологической границей первого этапа возрождения является 1924 г. В это время власти в Северо-Кавказском крае и в Сталинградской губернии начинают проводить всестороннее обследование территорий традиционного проживания казачества. Высшей точкой здесь является принятие резолюции Пленума ЦК ВКП(б) «О казачестве», а завершением периода можно считать начало хлебозаготовительных кампаний 1927–1928 гг., когда специальные меры по интеграции казаков в советскую систему практически завершились. Этот этап со стороны власти характеризуется стремлением включить казаков в процессы советского строительства и социалистического переустройства общественно-хозяйственных систем. Для этого партийно-советские органы предложили казакам такие социальные формы, которые позволяли адаптироваться к новой системе и включиться в нее. На этом этапе власть выступила инициатором проведения мероприятий, которые в итоге привели к возрождению казачества в социальной структуре советского общества. Были частично восстановлены его самобытные культурные черты, отдельные традиции вписаны в новые условия жизнедеятельности социальной общности.

Формирование конструктивного взаимодействия казаков с властью было необходимо с точки зрения благоприятного развития процесса социального преобразования, проводимого большевиками. Казачество, со своей стороны, не оставалось пассивным объектом политики власти. Оно воспользовалось предложенными формами участия в модернизационных процессах и успешно адаптировалось в новых социальных условиях. Изменилось отношение казаков к большевистской власти, что проявилось в их общественных

настроениях и действиях, прежде всего, в участии в советском строительстве, а также других мероприятиях модернизационного характера.

Политика «лицом к казачеству» стала ключевым фактором возрождения социальной общности на данном этапе. Её мероприятия способствовали сохранению традиционной культуры и идентичности казаков, социальной консолидации. Предложенные властью формы адаптации социальной общности и вовлечение её в модернизационный процесс, стали одновременно формами возрождения казачества. Участие в советском строительстве использовалось казаками для выражения группового квазисословного интереса. Расказачивание как процесс уничтожения социокультурной специфики социальной общности серьезно замедлился.

Вместе с тем, под воздействием трансформационных процессов казачьи сообщества изменялись. Многие традиционные элементы быта, хозяйственной деятельности, социальной организации кардинальным образом трансформировались, оказавшись встроенными в новую социокультурную реальность. Примером такого встраивания может служить военная служба казаков.

Институт военной службы являлся одним из важнейших элементов социокультурной системы казаков. Для советской власти привлечение казачества к военной службе также имело большое значение в плане обеспечения боеспособности армии. Развитие специфической территориально-милиционной системы в 1920-х гг., которая по ряду черт напоминала иррегулярную службу казачества, позволило решить несколько важных задач власти и выполнить социальный запрос казаков. Военная служба в территориально-милиционных частях способствовала трансляции культуры и сохранению социокультурной идентичности казаков. Развитие территориально-милиционной системы стало одной из эффективных форм взаимодействия власти и казачества, она позволила успешно социализироваться молодым казакам в новой системе, а власть получила возможность использовать военно-культурный потенциал казачества в своих целях.

Таким образом, во второй половине 1920-х гг. под воздействием политики «Лицом к казачеству» на юге России вновь появились территории, которые маркировались, как казачьи. Часть населения данных территорий получило возможность идентифицировать себя как социальную общность – казачество, транслировать свою культуру во вне и передавать ее новому поколению. Традиции казаков опять стали частью социального и культурного ландшафта юга России.

К концу 1920-х гг. партийно-советскому руководству стало ясно, что казачество в большинстве своем включилось в происходившие процессы, его политические настроения были в основном лояльными к власти и продолжать специальную политику в отношении казачества не было необходимости. Однако важность службы казачества в территориально-милиционных частях, сохранение идентификации ряда районов как казачьих, отсутствие преследования казачьей культуры способствовали сохранению казачества даже в условиях отсутствия специальной политики по его поддержке.

Следующий этап начинался с середины 1930-х гг. и продолжался до начала 1940-х гг. В это время внимание власти вновь сфокусировалось на казачестве как на особой социальной общности в системе советского общества. Данный этап носил характер демонстрационной кампании, так как казачество не приобретало качественно новых характеристик. Его социальные и культурные элементы уже трансформировались в соответствии с условиями жизнедеятельности, оно было вписано в советскую и колхозную систему. В связи с этим, в рамках кампании «за советское казачество» важнейшее значение имели мероприятия, которые показывали всем, что казачество стало советским. Такая демонстрация обуславливалась внутренними и внешними задачами. Внутренняя задача – продемонстрировать советскому обществу полную лояльность к политической системе социальной общности, которая в недавнем прошлом представляло для нее серьезную угрозу. Внешняя задача – демонстрация в сложной международной обстановке готовности качества

встать на защиту страны, а также посыл к казачьей эмиграции об изменившихся отношениях советского казачества и власти.

Наиболее значимым на этом этапе являлось создание соответствующего образа советских казаков. Это достигалось, прежде всего, идеолого-пропагандистскими способами, а также вовлечением казачества в хозяйственные и военные компании и маркировкой этих компаний, как казачьих на юге России. К таким мероприятиям относятся кампания по возрождению конского поголовья для кавалерии, движение ворошиловских кавалеристов. Широкая пропаганда велась в средствах массовой информации, казаки позиционировались как защитники советской Родины по аналогии с их прошлой ролью защитников отечества в имперский период.

В период проведения кампании широко пропагандировалась культура казачества. Однако традиционные культурные формы не только трансформировались, но и конструировались с новыми характеристиками. Они переставали быть частью повседневной культуры социальной общности и все чаще включались в публичное культурное пространство в виде казачьих ансамблей и хоров, военно-спортивных соревнований и парадов и др. Главной их задачей было создание и популяризация образа казака-воина – защитника социалистического отечества. Культурные формы, создание образа советского казака, идеолого-пропагандистские кампании способствовали возрождению казачества в социальной системе советского юга России.

В 1930-х гг. сохранял свое значение, как социокультурный элемент, институт казачьей службы. Однако он также изменялся. Территориально-милиционная система была отменена, упор был сделан на кадровые кавалерийские казачьи части. Несмотря на то, что понятие «казачьи» всё больше приобретало символический смысл и комплектование этих военных соединений велось не только казаками, особенно в период войны, всё же само наличие казачьих кавалерийских и пехотных частей в Красной Армии накануне и в годы Великой Отечественной войны свидетельствовало о сохранении феномена казачества. Конечная хронологическая граница периода определяется

1942 г. К этому году относится формирование кадровых и добровольческих казачьих кавалерийских частей и их активное участие в военных операциях. Главным итогом этого этапа возрождения стало институциональное закрепление казачества в советской системе, появление казачьих кавалерийских частей, создание в публичном пространстве, прежде всего через культурные формы, имиджа советского казака.

Итак, в середине 1920-х – начале 1940-х гг. казачество как социокультурный феномен сохранялось в советском государстве. Казачество не получило официального статуса, аналогичного сословному, но его присутствие *de facto* признавалось властью, оно активно участвовало в социокультурных процессах на юге России, а также через военную службу было институционализовано в советской системе. В связи с тем, что возрождение казачества произошло по инициативе власти, преследовавшей определенные цели, а также в связи с объективной ситуацией системной трансформации и модернизации, были возрождены лишь отдельные социальные институты и культурные элементы, которые позволяли сформировать установки лояльности у социальной общности, включить казаков в советское строительство, задействовать их в процессах социалистической модернизации. Ключевой особенностью советского периода возрождения стал его незапланированный, ситуативный характер. Процесс восстановления социальной общности в советской системе развился как реакция на меры власти по вовлечению казачества в процессы модернизации. Тем не менее, это позволило казачьей общности сохранить свою идентичность, коллективную память, культуру.

В возрождении казачества в этот период широко использовались традиции, обращение к историческим культурным формам, которые были полезны как власти, так и казакам. Исторические образцы, задействованные в данный период, сохранялись в культуре казачества, их трансляция не прерывалась, как и идентичность. Возрождаясь в новых исторических условиях, культура социальной общности трансформировалась, помогая ее носителям адаптироваться в советских условиях.

В послевоенный период и далее, в 1950–1970-е гг. размывание и исчезновение социокультурных характеристики казачества стало главной тенденцией в развитии социальной общности. Как самостоятельное социальное явление казачество исчезло из советской системы. Его культура сохранялась фрагментарно на бытовом уровне. В целом произошел культурный разрыв и вплоть до конца 1980-х гг. казачество в советской социальной системе отсутствовало.

Следующий период казачьего возрождения охватывает 1990-е – конец 2000-х гг. Он также начался в условиях кризиса и масштабной системной модернизации. На протяжении 1980-х гг. наблюдалось усиление интереса к историко-культурной составляющей казачества. Причиной всплеска интереса к казачьей истории и культуре стали формирующиеся кризисные явления в советском обществе, возникающие запросы на поиск новой идентичности. В казачестве его групповая идентичность выходит на первый план вместо утратившей актуальность советской идентичности. Обращение к историческим корням, традициям самоорганизации помогало адаптироваться к происходившим в обществе и государстве изменениям.

Первый этап начался в 1990 г. и продолжался до 1994 г. В этот период сформировались ключевые идеи и направления возрождения казачества. В отличие от середины 1920-х – начала 1940-х гг. процесс развивался на основе общественной инициативы, это было «движение снизу», широко развернувшееся по всей стране. Наиболее активно оно происходило в местах традиционного проживания казачества, а также в крупных городах. Акторами возрождения стали преимущественно потомки казаков. Социальная принадлежность участников возрожденческого процесса была различной, но превалировала интеллигенция. Со стороны государства и партийных органов также сразу сформировался пристальный интерес к движению за возрождение казачества, была предпринята попытка взять движение под контроль. Однако распад СССР и всей советской общественной системы привели к формирова-

нию на этом этапе паритетных форм взаимодействия между казачьими обществами и новой властью.

В отличие от периода советского возрождения, постсоветский период является более целостным. В нём можно выявить ключевые идеи, которые задали направления развития. К таковым относятся: восстановление исторической правды о казаках, реабилитация казачества, пострадавшего от репрессивной политики большевиков, возрождение его хозяйственно-культурных традиций. Важной концептуальной составляющей процесса являлась идея служения казаков Отечеству. Активными субъектами возрожденческого процесса стали казачьи организации. В качестве целей и задач их деятельности можно назвать: публичное осуждение репрессивной политики большевиков в отношении казачества, возрождение культурных традиций, популяризацию истории, традиционного казачьего самоуправления и системы хозяйствования, актуализацию наличия казачьих частей в системе Вооружённых Сил России.

На первом этапе постсоветского периода возрождения главными направлениями стали: попытка восстановления традиционных элементов социокультурной системы казачества, конструирование этнической идентичности и объявление казаков народом, развитие казачьего образования с выраженным этническим компонентом. Налаживание диалога с властью имело двоякий характер. С одной стороны, казаки пытались получить политические и экономические преференции, как репрессированный народ, на территориях традиционного проживания. С другой стороны, демонстрировали прогосударственные настроения, выступали против центробежных тенденций в государственной системе, показывали готовность нести военную службу и выполнять другие задачи.

С 1995 г. начался новый этап развития возрождения, который можно определить, как огосударствление, встраивание большинства казачьих обществ в систему, управляемую и контролируемую государственными органами. Это сопровождалось развитием правового поля, определением четких

функций тех казачьих обществ, которые входили в государственный реестр и принимали на себя обязательства по несению государственной службы, формированием иерархии управления казачьими обществами. Главной тенденцией возрождения становится развитие государственной и иной службы казачества. В начале 2000-х гг. данная тенденция укрепилась и окончательно возобладала с принятием в 2005 г. Закона о государственной службе российского казачества и Концепции государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества в 2008 г.

В конце XX – начале XXI вв. государство вновь выступило одним из основных акторов возрождения казачества, оказав огромное влияние на направление развития этого процесса, его организационное оформление, институционализацию. Таким образом, государство активно участвовало в конструировании казачества, при его участии происходило наполнение традиционных форм его социокультурной системы новым содержанием, а также появлялись новые формы жизнедеятельности.

Таким образом, в этот период процесс возрождения развивался при взаимодействии социальной общности, реализующей свой интерес через казачьи организации и другие институциональные формы, а также государства. Отличие от предыдущего периода заключалось в том, что инициатива преимущественно исходила от казаков, действия же власти являлись в основном реактивными.

В рамках данного периода были сделаны попытки восстановления всех исторических элементов казачества: культурных традиций, военной службы, системы местного самоуправления, казачьих кадетских корпусов как институтов казачьего образования и воспитания, традиционных хозяйственных практик. В связи с этим данный период является более полным с точки зрения возрождения как восстановления всех основных элементов социокультурной системы. Возрождение было обращено в прошлое и опиралось на традицию и историческую память. Однако исторические формы казачества при попытке перенесения их в настоящее, по сути, были сконструированы

заново. Все они получили новые качества либо вовсе стали абсолютно новыми формами с казачьей маркировкой. Ярким примером являются казачьи реестровые организации, воссозданные по подобию исторических казачьих войск, но не обладающие их политической и правовой субъектностью.

Ключевым фактором казачьего возрождения стала историческая память социальной общности. Воспоминания о событиях казачьей истории стали основой идеи реабилитации казачества и формирования идентичности. Также историческую память обладающую мощным мобилизационным и спланивающим потенциалом, можно рассматривать и как ресурс возрождения социальной общности в конце XX – начале XXI вв. Обращение к прошлому позволяло подобрать исторические события и личностей, и сформировать политику памяти в которой продвигалась историческая повестка, актуализирующая присутствие казаков в настоящем. Модель памяти казачьей общности состояла, с одной стороны, из памяти-травмы, «раненной памяти» о репрессиях в отношении казачества, с другой стороны, из патриотической памяти о казаках-воинах, защитниках государства. На основе этой модели формировались наиболее важные тенденции возрождения. Также ресурсами возрожденческого процесса являлись традиционная культура и этнонациональная идея. В развитии культуры казачества ярко проявилась главная черта возрождения – обращение к прошлому. В силу разрыва трансляции культуры последующим поколениям процесс ее воссоздания в конце XX – начале XXI вв. принял характер конструирования, когда возрождаемые элементы наполнялись новым содержанием, либо создавались абсолютно новые культурные формы.

Важной чертой возрожденческого процесса конца XX – начала XXI вв. стала его этнизация. В казачьей среде была предпринята попытка формулировки этнической идеи. Своё выражение она нашла в Законе о реабилитации репрессированных народов 1991 г., в котором казачество было определено как культурно-этническая общность. Однако дальнейшее развитие идеи зашло в тупик и полноценного этнического конструирования казачества не произошло. Можно также констатировать, что в отличие от периода возрождения

дения середины 1920-х – начала 1940-х гг., в конце XX в. отсутствовала сплоченная социокультурная общность, имевшая четкие границы и готовая выражать свой интерес. Широкая социальная база возрождения может быть определена как «потомки казаков», что нередко означало отсутствие осознанной идентичности, соотнесения себя с культурной традицией предков. Возрождение казачества происходило в рамках общественных организаций, что означало, что далеко не все население территорий традиционного проживания казаков вовлечено в возрожденческий процесс. Формирование этнонациональной идеи стало отражением процессов этнического возрождения, происходивших в разных странах и в России во второй половине XX в. В её основе, с одной стороны, лежал политический интерес казачьих лидеров, с другой стороны – исторический миф, обосновывавший право казаков на территории и ресурсы.

Самыми крупными и востребованными в современных условиях элементами социокультурной системы казачества стали институт местного самоуправления и институт военной службы. Система местного самоуправления должна была аккумулировать и продвигать интересы социальной общности. Практическая реализация казачьего самоуправления выявила такие направления как реконструкция традиционных форм, создание новых, отвечающих современным задачам местного самоуправления, и симбиоз традиций и новаций, фактически приведший к возникновению сложного конструкта из элементов казачьего самоуправления, реконструированных в казачьих организациях, и региональных административных структур. Попытка реконструкции традиционного местного самоуправления оказалась неудачной. Более перспективными стали два других направления развития института местного самоуправления. Вместе с тем, следует отметить формальное внешнее присутствие казачьих характеристик в них.

Военная служба казачества в 1990 –х – конце 2000-х гг. оставалась столь же важной, как и в середине 1920-х – начале 1940-х гг. Данный институт не только способствовал воспроизводству идентичности, но и вполне мог

быть востребован в армии. Его возрождение нашло поддержку как со стороны власти, так и со стороны казаков. Однако восстановление военной службы на деле являлось конструированием. Для восстановления традиционной формы прохождения службы казаками не было объективных условий. Реконструктивная практика 1990-х гг. была неудачной. В связи с этим в этой сфере казачьего возрождения с одной стороны формируется практика придания внешнего атрибута военным частям в виде названия «казачьи» с частичным комплектованием их молодежью из казачьих организаций. С другой стороны, за счет расширения понимания казачьей службы удалось создать новые ее виды, такие, например, как казачьи муниципальные дружины, оказание помощи МЧС и т.п.

В основе развития хозяйственной деятельности казачьих обществ также лежал принцип традиции. В 1990-х гг. наблюдались попытки реконструкции казачьей общины и совместного ведения хозяйства. Однако в полной мере воспроизвести такую систему хозяйствования не представлялось возможным в конце XX в. Таким образом участники возрожденческого пошли по пути воспроизведения отдельных элементов традиционной системы хозяйствования казаков, например, создания войсковых земельных фондов. Следует учесть лишь внешнюю схожесть таких элементов с их историческими образцами. Так же, как и в других сферах казачьего возрождения, в экономической сфере наблюдалось обращение к современным формам рыночной экономики и атрибутирование их как казачьих.

В целом все реализуемые практики в сфере культуры, самоуправления, службы и хозяйствования способствовали возрождению казачьей среды обитания, способствовали продвижению социального интереса общности. Опора на традицию ярко демонстрировала стремление восстановить прерванную связь времен. Однако в новых условиях традиция превращалась во внешнюю характеристику. Практики возрождения являлись новыми конструктами, отражающими социально-экономическую ситуацию системной модернизации.

Комплексное сравнительное исследование развития казачества в советский и постсоветский период позволяет дать авторское определение процесса возрождения казачества. Возрождение – это становление казачества как социальной общности в определенных исторических условиях, сопровождающееся трансформацией и конструированием важнейших элементов казачьей социокультурной системы. Основой возрождения служат исторические культурные образцы, которые адаптируются к современным условиям существования социальной общности.

Анализ казачьего возрождения в середине 1920-х – начале 1940-х гг. и в 1990-х – конце 2000-х гг. показал, что оба периода начинались в условиях системного кризиса, трансформации и модернизации социально-экономической и политической систем. В данных условиях казачество продемонстрировало устойчивость социальной формы, способность к длительной самоорганизации и сохранению идентичности. Оно успешно интегрировалось в новые социальные условия. Социокультурные формы казачества, особенно военная служба, в условиях кризиса оказывались востребованными со стороны государства. Это способствовало успешному возрождению казачества в трансформирующихся социальных системах советского и постсоветского государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Источники

Неопубликованные источники

Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ).

Ф. 10144. Общероссийская общественная организация «Союз казаков». Оп. 1. Д. 5, 6, 11, 22, 23, 82.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

Ф. 17. Центральный Комитет Российской (Всесоюзной) Коммунистической партии (большевиков). Оп. 21. Д. 3347. Оп. 68. Д. 240.

Ф. 74. Ворошилов Климент Ефремович (1881-1969). Оп. 1. Д. 359.

Государственный архив Волгоградской области (ГАВО).

Ф. Р-37. Сталинградский губернский Совет рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов и его исполнительный комитет (Губисполком) (1920–1928 гг.). Оп. 1. Д. 834, 874.

Ф. Р-1722. Усть-Медведицкий окружной исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Сталинградской губернии. Оп. 2. Д. 17, 283.

Государственный архив Краснодарского края (ГАКК).

Ф. Р-1843. Всекубанское казачье войско. Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 15, 18, 19, 20, 23, 32, 34, 43, 68, 69, 71, 156, 226, 257.

Государственный архив Ростовской области (ГАРО).

ГАРО. Ф. 46. Атаманская канцелярия (Канцелярия войскового наказного атамана) (1625–1920 гг.). Оп. 1. Д. 22.

Ф. Р-4485. Союз казачьих войск России и Зарубежья. Оп. 1. Д. 8.

Ф. Р-1798. Донской окружной исполком (Донисполком) (1924–1930 гг.). Оп. 3. Д. 84.

Ф. Р-1485. Исполнительный комитет Северо-Кавказского (Азово-Черноморского) краевого Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Оп. 1. Д. 549.

Государственный архив современной документации Астраханской области (ГАСДАО).

Ф. 1. Астраханский губернский комитет ВКП(б). Оп. 1. Д. 114.

Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО).

Ф. 1. Сталинградский губком ВКП(б). Оп. 1. Д. 103, 112а, 123, 125, 130, 162, 201, 220.

Ф. 9. Хоперский окружной комитет ВКП(б) Сталинградской губернии. Оп. 1. Д. 2, 6, 7, 8, 21, 25.

Ф. 11. Усть-Медведицкий окружной комитет ВКП(б) Сталинградской губернии. Оп. 1. Д. 11.

Ф. 98. Новоаннинский райком ВКП(б) (1928–1991). Оп. 2. Д. 36.

Ф. 13322. Общественно-патриотическая организация «Волгоградский округ донских казаков». Оп. 1. Д. 1, 3, 5, 6, 15, 16.

Ф. 485. Зацарицынский округ Донских казаков. Оп. 2. Д. 2, 3.

Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО).

Ф. Р-4. Донской областной комитет РКП(б) – ВКП(б). Оп. 1. Д. 10.

Ф. Р-7. Северо-Кавказский краевой комитет РКП(б) – ВКП(б). Оп. 1. Д. 13, 14, 43, 93, 1076.

Ф. Р-8. Азово-Черноморский крайком ВКП(б) (1934–1937 гг.). Оп. 1. Д. 254.

Ф. Р-9. Ростовский обком КПСС (1937–1991 гг.) Оп. 1. Д. 418.

Ф. Р-166. Политсектор МТС Северо-Кавказского краевого земельного управления (1933 г., 1934 г., 1938 г.) Оп. 1. Д. 22.

Государственное учреждение Национальный архив Республики Калмыкия (ГУ НАРК).

Ф. Р-601. Государственный комитет по делам казачества. Оп. 1. Д. 1, 10, 19.

Архив Управления ФСБ по Волгоградской области (АУФСБ ВО).

Ф. 6. Название фонда отсутствует. Д. 14310.

Ф. 7. Название фонда отсутствует. Д. 87, 171.

Текущий Архив Комитета по делам национальностей и казачества Администрации Волгоградской области.

Результаты взятия на себя членами хуторских, станичных, городских, юртовых, окружных казачьих обществ Волгоградской области войскового казачьего общества «Всевеликое Войско Донское» обязательств по несению государственной и иной службы по состоянию на 20 апреля 2011 года.

Указания начальника Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации «О порядке комплектования казаками соединений и воинских частей Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов от 3 сентября 2009 г. № 315К/3/4681.

Интервью и аудиозаписи мероприятий

Интервью с А. А. Бирюковым. 28.02.2008 г. Личный архив автора.

Интервью с В. П. Громовым. 29.05.2008 г. Личный архив автора.

Интервью с Э. Н. Манжиковым. 18.09.2008 г. Личный архив автора.

Интервью с В. Л. Торопицыным. 23.10.2012 г. Личный архив автора.

Интервью с И. В. Торопицыным. 23.10.2012 г. Личный архив автора.

Аудиозапись работы Большого круга ВКО ВВД 28.02.2008 г. Личный архив автора.

Опубликованные документы

Нормативно-правовые акты

1. Временное положение о государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации. Утверждено Указом Президента Российской Федерации № 835 от 9 августа 1995 г. // Государственные акты по вопросам

российского и донского казачества. В 2-х т. – Ростов-на-Дону: ООО «Ростиздат», 2001. – Т. 1. – С. 118–123.

2. Временное положение о реабилитационном земельном фонде для наделения землей казачьих обществ // Государственные акты по вопросам Российского и донского казачества. В 2-х тт. – Ростов-на-Дону: ООО «Ростиздат», 2001. – Т. 2. – С. 62–63.

3. Концепция государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества. Утверждена Президентом Российской Федерации 2 июля 2008 г. Пр-1355 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 26.10.2020).

4. О внесении изменений в Устав Волгоградской области. Закон Волгоградской области от 24 февраля 2012 года № 1-ОД. [Электронный ресурс]. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=143138124&page=1&rdk=0#I0 (дата обращения 20.11.2021).

5. О государственной службе российского казачества. Федеральный закон Российской Федерации от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rg.ru/2005/12/08/kazachestvo.html> (дата обращения: 02.02.2022).

6. О казачестве в Ставропольском крае. Закон Ставропольского края от 1 августа 2003 года № 29-КЗ [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/461502881> (дата обращения: 09.04.2018).

7. О казачестве Калмыкии. Закон Республики Калмыкия 1997 г. № 95-І-3 // Государственное становление казачества (1996–1998 гг.). Информационный бюллетень Главного управления казачьих войск при Президенте Российской Федерации. – Москва, 1998. – Вып. 3. – С. 33–39.

8. О казачьих обществах, принявших обязательства по несению государственной и иной службы на территории Волгоградской области. Закон Волгоградской области № 404-ОД. Принят Областной Думой 27 апреля

2000 г. // Государственные акты по вопросам российского и донского казачества. В 2-х тт. – Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2001. – Т. 2. – С. 431–437.

9. О мерах по реализации закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов в отношении казачества». Указ Президента Российской Федерации от 15 июня 1992 г. № 632 // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 25. – Ст. 1429.

10. О первоочередных мерах по выполнению Указа Президента Российской Федерации от 15 июня 1992 г. № 632 «О мерах по реализации закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов» в отношении казачества» и Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1992 г. № 3321-1 «О реабилитации казачества» Решение малого совета Волгоградского областного Совета народных депутатов и Главы Администрации Волгоградской области от 24.09.1992 г. № 22/293 // Государственные акты по вопросам российского и донского казачества. В 2-х т. – Ростов-на-Дону: ООО «Ростиздат», 2001. – Т. 2. – С. 372–374.

11. О предложении Администрации Волгоградской области об учреждении Государственного Донского казачьего театра. Решение малого совета Волгоградского областного Совета народных депутатов и Главы Администрации Волгоградской области от 10.12.1992. № 28/338 // Государственные акты по вопросам российского и донского казачества. В 2-х тт. Т. 2. (1991–2000 гг.). – Ростов-на-Дону: ООО «Ростиздат», 2001. – С. 378.

12. О работе советов в бывших казачьих областях Северо-Кавказского края. Постановление Северо-Кавказского Краевого Исполнительного Комитета от 26 августа 1925 г. // Известия Северо-Кавказского Краевого Исполнительного Комитета. – Ростов-на-Дону, 1925. – № 15 (15 сентября). – С. 11–15.

13. О реабилитации казачества. Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1992 г. № 3321-I // Государственные акты

по вопросам российского и донского казачества. В 2-х т. – Ростов-на-Дону: ООО «Ростиздат», 2001. – Т. 1. – С. 36–38.

14. О реабилитации кубанского казачества. Закон Краснодарского края от 9 октября 1995 г. № 15-КЗ // Законодательство Российской Федерации и Краснодарского края по вопросам казачества. Сборник нормативно-правовых актов со вступительным комментарием. – Краснодар. – [б. и.], 2005. – С. 163-167.

15. О реабилитации репрессированных народов. Закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. № 1107-1 // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – Москва, 1991. – № 18. – Ст. 572.

16. О реформировании военных структур, пограничных и внутренних войск на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации и государственной поддержке казачества. Указ Президента Российской Федерации № 341 от 15 марта 1993 г. // Российская газета. – Москва, 1993. – № 55 (671). – 23 марта.

17. О снятии с казачества ограничений по службе в РККА. Постановление ЦИК Союза ССР от 20 апреля 1936 г. // Сборник законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. – 1936. – № 22. – С. 237.

18. О совершенствовании деятельности по возрождению и развитию российского казачества. Указ Президента Российской Федерации от 25 февраля 2003 г. № 249 // Собрание законодательства Российской Федерации 2003. – № 9. – Ст. 850.

19. О создании государственного образовательного учреждения «Донской Императора Александра III Кадетский корпус». Постановление Администрации Ростовской области от 30.09.1994 г. № 268 // Государственные акты по вопросам российского и донского казачества. В 2-х тт. – Ростов-на-Дону: ООО «Ростиздат», 2001. – Т. 2. – С. 116.

20. О создании целевого земельного фонда для предоставления казачьим обществам, включенным в государственный реестр казачьих обществ Российской Федерации. Постановление Правительства Краснодарского края

от 25.09.1996 г. № 7-п // Законодательство Российской Федерации и Краснодарского края по вопросам казачества. Сборник нормативно-правовых актов со вступительным комментарием. Краснодар: Кубанское казачье войско, 2005. – С. 253.

21. Об образовании в структуре Администрации области комитета по казачеству. Решение Ростовского областного совета народных депутатов от 23.12.1992 // Государственные акты по вопросам российского и донского казачества. В 2-х т. – Ростов-на-Дону: ООО «Ростиздат», 2001. – Т. 2. – С. 30.

22. Об образовании целевого земельного фонда для предоставления земель казачьим обществам, входящим в Войсковое казачье общество «Все-великое Войско Донское. Постановление Главы Администрации Ростовской области от 26.01.1998 г. № 20 // Государственные акты по вопросам российского и донского казачества. В 2-х т. – Ростов-на-Дону: ООО «Ростиздат», 2001. – Т. 2. – С. 204–210.

23. Об организации территориальных войсковых частей и проведении военной подготовки трудящихся. Постановление ЦИК и СНК Союза ССР от 8 августа 1923 г. // Систематическое собрание действующих законов Союза Советских социалистических республик. Кн. 1. Политический строй (по законодательству на 1 октября 1925 г. (по № 65 Собрания законов). – Москва: Б. и., 1926. – С. 337–340.

24. Об основах регулирования земельных отношений в Краснодарском крае. Закон Краснодарского края от 5 ноября 2002 г. № 532-КЗ // Законодательство Российской Федерации и Краснодарского края по вопросам казачества. Сборник нормативно-правовых актов со вступительным комментарием. – Краснодар: [б. и.], 2005. – С. 214–248.

25. Об отношении Волгоградского областного совета к общественному движению донского казачества. Решение Волгоградского областного Совета народных депутатов IX сессия Совета 21 созыва от 19.12.1991 г. № 9/179-с // Государственные акты по вопросам Российского и донского казаче-

ства. В 2-х т. Т. 2. (1991–2000 гг.) – Ростов-на-Дону: ООО «Ростиздат», 2001. – С. 364.

26. Об отношении Советов народных депутатов, их исполкомов к возрождающемуся казачеству. Решение Президиума Ростовского областного совета народных депутатов № 95 от 13.12.1990 г. // Государственные акты по вопросам Российского и донского казачества. В 2-х т. – Ростов-на-Дону: ООО «Ростиздат», 2001. – Т. 2. – С. 4–6.

27. Основные положения концепции государственной политики по отношению к казачеству. Одобрены Постановлением Правительства Российской Федерации от 22 апреля 1994 г. № 355 // Государственные акты по вопросам Российского и донского казачества. В 2-х т. Т. 1 (1991–2000 гг.). – Ростов-на-Дону: ООО «Ростиздат», 2001. – С. 73–79.

28. Положение о Главном Управлении казачьих войск при Президенте Российской Федерации. Утверждено Указом Президента Российской Федерации от 11 декабря 1996 г. № 1673 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12641/19201033cd840bd8eaf45053f7de8b90b32f8d70/ (дата обращения: 12.05.2017).

29. Положение о порядке формирования целевого земельного фонда для предоставления земель казачьим обществам, включенным в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, и режиме его использования // Российская газета. – Москва, 1996. – № 142 (1502). – 30 июля.

30. Положение о привлечении членов казачьих обществ к государственной и иной службе. Утверждено Указом Президента Российской Федерации от 16 апреля 1996 г. № 563 // Государственные акты по вопросам Российского и донского казачества. В 2-х т. Т. 1 (1991–2000 гг.). – Ростов-на-Дону: ООО «Ростиздат», 2001. – С. 148–154.

31. Положение о Совете по делам казачества при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе

// Российское казачество. Научно-справочное издание. – Москва: Институт этнологии и антропологии РАН, 2003. – С. 553.

32. Положение о целевом земельном фонде для предоставления земель казачьим обществам Волгоградской области, включенным в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации // Казачий круг. – 1999. – № 12. – 11 июня.

33. Положение об общественном управлении станиц казачьих войск. 1891 г. (Собрание Узаконений и распоряжений правительства. 1891. № 73. Ст. 771). Издание «Вестника казачьих войск» неофициальное. – Санкт-Петербург: Типография В. О. Киршбаума, Дом Министерства финансов на Дворцовой площади, 1901.

34. Преамбула к программе возрождения казачества в Ростовской области. Приложение к Решению 15 сессии 21 созыва Ростовского областного Совета народных депутатов от 15.09.1993 г. // Государственные акты по вопросам российского и донского казачества. В 2-х т. – Ростов-на-Дону: ООО «Ростиздат», 2001. – Т. 2. – С. 92–93.

35. Программа возрождения казачества в Ростовской области. Приложение к Решению 15 сессии 21 созыва Ростовского областного Совета народных депутатов от 15.09.1993 г. // Государственные акты по вопросам российского и донского казачества. В 2-х т. – Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2001. – Т. 2. – С. 93–99.

36. Региональная целевая программа государственной поддержки становления и развития Отдельного Астраханского окружного казачьего общества на 2001–2003 годы. – Астрахань. – [б. и.], 2000. – 16 с.

37. Резолюция III Съезда Советов Союза ССР по докладу о Красной Армии от 20 мая 1925 г. // Систематическое собрание действующих законов Союза советских Социалистических республик. Кн. 1. Политический строй (По законодательству на 1 октября 1925 г. по № 65 Собрания Законов). – Москва: Б. и., 1926. – С. 299–303.

38. Совет Федерации Российской Федерации. Рассмотрение проекта федерального закона «О казачестве». Стенограмма заседания 4 июля 1997 г. // Казачи на службе России: Информационный бюллетень ГУКВ. – Москва, 1997. – Вып. 2. – С. 62–63.

39. Стратегия развития государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества до 2020 года. Утверждена Президентом Российской Федерации 15.09.2012 г. Пр-2789. [Электронный ресурс]. – URL: <http://old.minregion.ru/upload/documents/2012/11/141112/STRATEGIYA.pdf> (дата обращения: 02.02.2022).

40. Стратегия развития российского казачества до 2020 г. (проект) [Электронный ресурс]. – URL: http://cossackskv.ucoz.ru/_opencms_export_sites_commolodezh_docs_kazachestvo.pdf (дата обращения 21.09.2017).

41. Устав Краснодарского края // Сборник нормативных актов Российской Федерации и Краснодарского края, принятых в отношении казачества. Краснодар: [б. и.], 2003. – С. 169–193.

42. Федеральная целевая программа государственной поддержки казачьих обществ на 1999–2001 годы. Утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 21 июля 1999 г. № 839 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 30. – Ст. 3788.

Документы Коммунистической партии

43. 12-я Донская окружная конференция ВКП(б). Отчет о работе Крайкома // Молот. – Ростов-на-Дону, 1927. – № 1647. – 29 января.

44. Директива Политбюро ЦК ВКП(б) об усилении хлебозаготовок // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5-ти т. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929. – Москва: РОССПЭН, 1999. – С. 261–262.

45. Доклад М. В. Фрунзе и А. С. Бубнова в ЦК РКП(б) И. В. Сталину о необходимости поддержки и дальнейшего укрепления территориальной системы как основы организации вооруженных сил. 19 декабря 1924 г. // Реформа в Красной Армии. Документы и материалы 1923–1928 гг. В 2-х т. – Москва: Летний сад, 2006. – Кн. 1. – С. 695–698.

46. Записка Л. Троцкого, Н. Муралова и И. Бакаева. В Политбюро ЦК ВКП (б). Записка о Рабоче-Крестьянской Красной Армии 15 августа 1927 г. // Красная Армия в 1920-е годы: Вестник архива Президента Российской Федерации. – Москва, 2007. – С. 171–175.

47. Из решения Первой Горской областной конференции РКП(б) Апрель 1921 г. // По решению правительства Союза ССР / сост. Н. Ф. Бугай, А. М. Гонов. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – С. 81.

48. Краевое совещание по работе среди казачества. При Сев.-Кавказском Крайкоме РКП(б) (с 22/VI–26/VI.25 г.). – Ростов-на-Дону: Изд. С.-К. Крайкома РКП(б), 1925. – 187 с.

49. Постановление бюро Ростовского обкома КПСС от 9 апреля 1991 года «Об отношении к движению за возрождение традиций донского казачества» // Озеров А. А. Союз казаков Области Войска Донского. Войсковой атаман М. М. Шолохов. (История современного донского казачества). Исследования и документы / А. А. Озеров, А. Г. Киблицкий. – Ростов-на-Дону: ООО «Ростиздат», 2002. – С. 286–289.

50. Резолюция III Съезда Советов Союза ССР по докладу о Красной Армии от 20 мая 1925 г. // Систематическое собрание действующих законов Союза советских Социалистических республик. Кн. 1. Политический строй (По законодательству на 1 октября 1925 г. по № 65 Собрания Законов). – Москва: Б.и., 1926. – С. 301–303.

51. Резолюция пленума ЦК РКП(б) «По вопросу о казачестве». 23–30 апреля 1925 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., испр. и доп. – Москва: Изд-во политической литературы, 1984. – С. 349–351.

52. Резолюция Тринадцатого съезда РКП(б) «О работе в деревне» 23–31 мая 1924 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., испр. и доп. – Москва: Изд-во политической литературы, 1984. – С. 240–250.

53. XIV конференция РКП(б). Стенографический отчет. – Москва, Ленинград: Государственное изд-во, 1925. – 334 с.

Выступления политических деятелей

54. Выступление товарища Б. П. Шеболдаева на торжественном заседании Ростовского совета, 15 марта 1936 г. // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4444. – 23 марта.

55. Микоян, А. И. Партия и казачество. Статьи и речи / А. И. Микоян. – Ростов-на-Дону: Советский Юг, 1925. – 68 с.

56. Праздник советского казачества. Речь секретаря Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) товарища Е. Г. Евдокимова на пленуме Ростовского горсовета с участием советских казаков Дона, Кубани, Терека и горцев Северного Кавказа // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4443. – 22 марта.

57. Речь тов. Буденного С. М. // Правда. – Москва, 1936. – № 47 (6653). – 17 февраля.

58. Речь тов. Варейкиса на заседании пленума Крайисполкома, посвященного чествованию орденоносцев животноводства // Сталинградская правда. – Сталинград, 1936. – № 52 (2366). – 4 марта.

59. Речь тов. Е. Г. Евдокимова на пленуме Ростовского горсовета с советскими казаками Дона, Кубани, Терека и горцами Северного Кавказа 15 марта 1936 г. // Казачество под большевистским знаменем. – Пятигорск: Северо-Кавказское краевое гос. изд-во, 1936. – С. 15–29.

60. Речь тов. В. Ф. Ларина // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4390. – 13 января.

61. Советские казаки – неотделимая часть великой семьи народов СССР. Речь маршала Советского Союза товарища С. М. Буденного // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4441. – 20 марта.

62. Чёрный, В. Ф. Политика партии на Кубани в области землеустройства / В. Ф. Чёрный // На аграрном фронте. – 1927. – № 11–12. – С. 159–177.

63. Шеболдаев Б. П. Казачество в колхозах (казачество в колхозах, практические задачи колхозов, рапорт-письмо товарищу Сталину) / Б. П. Шеболдаев. – Ростов-на-Дону: Азово-Черноморское издательство. 1935. – 71 с.

Делопроизводственные документы

64. Докладная записка заведующего отделом землеустройства Чеченского областного землеуправления на имя заведующим отделом землеустройства Управления Наркомата земледелия. 1 декабря 1923 г. // По решению правительства Союза ССР / сост. Н. Ф. Бугай, А. М. Гонов. – Нальчик: Центр «Эль-Фа», 2003. – С. 86.

65. Докладная записка Исполкома Владикавказского (Осетинского округа) марта 1921 г. // По решению правительства Союза ССР / сост. Н. Ф. Бугай, А. М. Гонов. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – С. 82–84.

66. Докладная записка инспектора кавалерии РККА С. М. Буденного И. В. Сталину и наркому обороны К. Е. Ворошилову о настроениях советского казачества и необходимости восстановления его традиций. 27 марта 1936 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5-ти т. Т. 4. 1934–1936. – Москва: РОССПЭН, 2001. – С. 724–729.

67. Из доклада Инспекции кавалерии РККА в РВС ССР о состоянии кавалерийских частей и школ, и необходимости их улучшения. 1 октября 1924 г. // Реформа в Красной Армии. Документы и материалы 1923–1928 гг. В 2-х т. – Москва: Изд-во «Летний сад», 2006. – Кн. 1. – С. 558–566.

68. Из справки Информотдела ОГПУ о недостатках в работе местных органов власти по усилению хлебозаготовок и антисоветских проявлений в деревнях по Украине, Северному Кавказу и Сибири // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5-ти т. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929. – Москва: РОССПЭН, 1999. – С. 195–200.

69. Лицо донской деревни в 1925 г. (по материалам обследований ДонКК и ДонРКИ). – Ростов-на-Дону: Изд-во ДонРКИ, 1925. – 202 с.

70. Отчётный доклад Управления РККА зам. председателя РВС СССР М. В. Фрунзе о ходе реорганизации РККА в период с апреля по октябрь 1924 г. // Реформа в Красной Армии. Документы и материалы 1923–1928 гг. В 2-х т. – Москва: Летний сад, 2006. – Кн. 1. – С. 600–614.

71. Приказ ОГПУ о мероприятиях по ликвидации кулачества как класса от 2 февраля 1930 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5-ти т. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. – Москва: РОССПЭН, 2000. – С. 163–167.

72. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) от 5 августа 2011 г. № 2190 г. Москва «Об утверждении Типового положения об общеобразовательных учреждениях – казачьих кадетских корпусах» // Российская газета – Федеральный выпуск. – Москва, 2011. – № 5562 (186). – 24 августа.

73. Сборник методических материалов для апробации органами государственной власти и местного самоуправления муниципальных образований в ходе реализации государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества. В 2-х т. – Москва. – [б. и.], 2008.

74. Сообщение зам. председателя РВС СССР М. В. Фрунзе «К итогам пленума Реввоенсовета Союза ССР» 2 декабря 1924 г. // Реформа в Красной Армии. Документы и материалы 1923–1928 гг. В 2-х т. – Москва: Летний сад, 2006. — Кн. 1. – С. 681–693.

75. Строго секретно 7 экз. Ольховская // Красная Армия в 1920-е годы / Вестник архива Президента Российской Федерации. – Москва, 2007. – С. 167–171.

Статистические документы

76. Алфавитный список населенных мест Области войска Донского. Издание областного войска Донского Статистического комитета. – Новочеркасск: Областная войсковая Донская типография, 1915. – 658 с.

77. Всероссийская перепись населения 2002 г. Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации [Электронный текст]. – URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (дата обращения: 25.03.2021).

78. Информационные материалы об окончательных итогах переписи населения 2010 г. Национальный состав населения по субъектам Российской Федерации [Электронный текст]. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 25.03.2021).

79. Список населенных мест Сталинградской губернии. По материалам Всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 г. – Сталинград: Изд. Губисполкома, 1928. – 176 с.

Документы казачьих организаций, выступления представителей казачества

80. Выступление войскового атамана Всевеликого войска Донского В. П. Водолацкого на Большом отчетно-выборном Круге Всевеликого войска Донского 14 октября 2006 г. // Региональный этнокультурный казачий компонент в становлении и развитии традиционной народной педагогики. – Волгоград: Изд-во, 2007. – С. 1–10.

81. Водолацкий В. П. Круг десятый (обратной дороги нет) // Документально-информационный бюллетень по основным направлениям дея-

тельности казачьих обществ на 2005 г. – Ростов-на-Дону: Информационно-издательский центр «Арчак», 2005. 64 с.

82. Декларация казачеств России // Озеров, А. А. Союз казаков Области Войска Донского. Войсковой атаман М. М. Шолохов (История современного донского казачества). Исследования и документы / А. А. Озеров, А. Г. Киблицкий. – Ростов-на-Дону: ООО «Ростиздат», 2002. – С. 274–276.

83. Донское казачество на службе России: документальное обозрение / под общ. ред. А. А. Озерова. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010. – 196 с.

84. Заявление российского казачества // Озеров, А. А. Союз казаков Области Войска Донского. Войсковой атаман М. М. Шолохов. (История современного донского казачества). Исследования и документы / А. А. Озеров, А. Г. Киблицкий. – Ростов-на-Дону: ООО «Ростиздат», 2002. – С. 294–296.

85. Кадетское образование [Электронный ресурс]. – URL: <http://soko.terkv.ru/kadetskoe-obrazovanie/> (дата обращения: 23.10.2016).

86. «Мы – донские кадеты». Документальный фильм. – Ростов-на-Дону: ООО «Арт имэджин», 2007.

87. Обращение IV Большого Круга общественной организации «Хопёрский казачий округ» от 21 сентября 1991 г. // Озеров, А. А. Союз казаков Области Войска Донского. Войсковой атаман М. М. Шолохов. (История современного донского казачества). Исследования и документы / А. А. Озеров, А. Г. Киблицкий. – Ростов-на-Дону: ООО «Ростиздат», 2002. – С. 389-390.

88. От круга к кругу. Работа войскового правления в 2000–2001 годах. – Ростов-на-Дону. – [б. и.], 2001. – 68 с.

89. Положение о возрождении исторических обычаев и традиций Войска Донского // Водолацкий В. П., Озеров А. А., Киблицкий А. Г. Возрождение: первый круг казаков Дона / В. П. Водолацкий, А. А. Озеров, А. Г. Киблицкий. – Ростов-на-Дону: ИИЦ «Дончак», 2006. – С. 79–80.

90. Пояснительная записка «О предложениях казачьих общественных организаций города Волгограда по проекту Устава города-героя Волгограда» // Казачий круг. – 1996. – № 5 (2 февр.).

91. Практические рекомендации «Об опыте совместной деятельности казачьих обществ, органов местного самоуправления и возможности его использования при организации деятельности органов местного самоуправления муниципальных районов и сельских поселений». – Волгоград. – [б. и.], 2006. – 11 с.

92. Программа «История кубанского казачества». Допущена департаментом образования и науки Краснодарского края / авт.-сост.: В. Н. Ратушняк и др. – Краснодар. – [б. и.], 2006. – 56 с.

93. Программы дополнительного образования детей по фольклору и декоративно-прикладному искусству Кубанского казачества. Допущена департаментом образования и науки Краснодарского края / авт.-сост.: Н. И. Бондарь и др. – Краснодар: Традиция, 2007. – 112 с.

94. Программа совершенствования образования и воспитания детей Войскового казачьего общества Всевеликое Войско Донское // Современное Донское казачье войско в первоисточниках (документально-информационный бюллетень). Май – июнь 1998 года. – Новочеркасск, 1998. – С. 27–30.

95. Региональный этнокультурный казачий компонент в становлении и развитии традиционной народной педагогики. Проект для экспериментальной апробации / под ред. Н. А. Григорьевой. – М.: Глобус, 2008. – 72 с.

96. Резолюция № 1. «О создании Союза казаков» // Водолацкий, В. П. Возрождение: Первый круг казаков Дона / В. П. Водолацкий, А. А. Озеров, А. Г. Киблицкий. – Ростов-на-Дону: ИИЦ «Дончак», 2006. – С. 66–67.

97. Резолюция № 3. «О структуре Союза казаков Области Войска Донского» // Водолацкий В. П. Возрождение: первый круг казаков Дона / В. П. Водолацкий, А. А. Озеров, А. Г. Киблицкий. – Ростов-на-Дону: ИИЦ «Дончак», 2006. – С. 68–69.

98. Рекомендации совещания руководителей федеральных органов исполнительной власти с атаманами войсковых, окружных и отдельных казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих в Российской Федерации // Казачий круг. – 1999. – № 16. – 30 апреля.

99. Решение Большого Круга Союза казаков Области войска Донского «О необходимости этнического, духовного и территориально-экономического самоопределения донского казачества и других казачеств России и республик СССР» // Озеров, А. А. Союз казаков Области Войска Донского. Войсковой атаман М. М. Шолохов (История современного донского казачества). Исследования и документы / А. А. Озеров, А. Г. Киблицкий. – Ростов-на-Дону: ООО «Ростиздат», 2002. – С. 391–392.

100. Семёнов, А. П. Российское казачество / А. П. Семенов // Государственное становление казачества (1996–1998 гг.). Информационный бюллетень. – 1998. – № 3. – С. 6–8.

101. Современное донское казачье войско в первоисточниках (документально-информационный бюллетень). Июль–декабрь 1998 г. – Новочеркасск. – [б. и.], 1999. – 32 с.

102. Современное Донское казачье войско в первоисточниках (документально-информационный бюллетень). Июнь–июль 1997. – Новочеркасск. – [б. и.], 1997. – 20 с.

103. Современное российское казачество: политический, социальный, экономический портрет; анализ тенденций и прогноз развития государственной службы российского казачества. Аналитическая записка // Информационный бюллетень о ходе реализации аналитической программы Министерства регионального развития Российской Федерации «Становление и развитие государственной службы российского казачества в 2008–2010 годах». – Москва, 2008. – Вып. 2. – С. 3–18.

104. Типовое положение о кадетской школе (кадетской школе-интернате). Утверждено Постановлением Правительства РФ от 15 ноября

1997 г. № 1427 // Государственные акты по вопросам российского и донского казачества. В 2-х т. – Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2001. – Т. 1. – С. 214–223.

105. Устав войскового казачьего Общества «Всевеликое Войско Донское» (утв. Указом Президента РФ от 17 июня 1997 г. № 612) // Государственные акты по вопросам российского и донского казачества. В 2-х т. – Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2001. – Т. 2. – С. 181–195.

106. Устав ГОУ «Донской императора Александра III кадетский корпус». Приложение к постановлению Главы Администрации Ростовской области от 30.09.94 г. № 268 // Государственные акты по вопросам российского и донского казачества. В 2-х т. – Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2001. — Т. 2. – С. 117–136.

107. Устав органа местного самоуправления станицы Кривянской // Озеров, А. А. Донские казаки: проблемы возрождения и перспективы развития. Часть вторая (История современного донского казачества). Исследования и документы / А. А. Озеров, А. Г. Киблицкий. – Ростов-на-Дону: ООО «Ростиздат», 2003. – С. 226–248.

108. Хижняков, В. Ф. Выступление на Большом войсковом круге 25 октября 1997 г. / В. Ф. Хижняков // Проблемы правового и политического регулирования казачьего движения (история и современность) / под ред. В. Ф. Хижнякова, Е. И. Дулимова. – Ростов-на-Дону, 1997. – С. 9–19.

109. Хижняков, В. Ф. Отчет Войскового Атамана об исполнении решений Объединенного Круга и задачах Войска Донского по реализации законодательства в части организации государственной и иной службы казачества. 25 октября 1997 г. // Проблемы правового и политического регулирования казачьего движения (история и современность) / под ред. В. Ф. Хижнякова, Е. И. Дулимова. – Ростов-на-Дону. – [б. и.], 1998. – С. 9-19.

Воспоминания, письма, публицистика

110. Билый И. А. Казачьи земли: Территория и народонаселение / И. А. Билый. – Прага: Славянское отделение при типографии А. Fiser, 1928. – 25 с., 3 л. табл., 1 л. карт.
111. Весов, В. И. Второй Донской округ / В. И. Весов, Ю. Н. Глазков. – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2017. – 196 с.
112. XX лет Хоперскому округу (краткая история возрождения Хоперского казачьего округа) / редкол.: Ю. М. Горбунов и др. – Урюпинск, – [б. и.], 2010. – 75 с.
113. Илюмжинов, Н. Д. Память живая: Документальная и художественная проза / Н. Д. Илюмжинов. – М.: Художественная литература, 2009. – 796 с.
114. Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества / сост. В. Н. Королёв. – Ростов-на-Дону: Кн. изд-во, 1992. – 320 с.
115. Краснов, П. Н. Всевеликое Войско Донское / П. Н. Краснов // Архив русской революции. В 22 т. – Москва: Terra; Политиздат, 1991. – Т. 5. – С. 190–320.
116. Крестная ноша: трагедия казачества. Часть I. Как научить собаку есть горчицу. 1924–1934 / сост. В. Сидоров. – Ростов-на-Дону: Изд-во АПК «Гефест», 1994. – 512 с.
117. Переловский, Е. А. Воспоминания о начальном этапе возрождения астраханского казачества / Е. А. Переловский // III-и Бирюковские чтения. Материалы Бирюковских чтений (25 августа 2011 года). – Астрахань: Издательско-полиграф. Комплекс «Волга», 2011. – С. 73–91.
118. Писатель и вождь. Переписка М. А. Шолохова со И. В. Сталиным 1931–1950 гг. Сборник документов из личного архива И. В. Сталина / сост. Ю. Мурин. – Москва: Раритет, 1997. – 159 с.

119. 86 клубов ворошиловских кавалеристов // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4428. – 4 марта.
120. 1700 участников. Беседа с начальником штаба конно-спортивных состязаний майором А. А. Федоровым // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4574. – 2 сент.
121. База возрождения – казачье общество. Интервью с первым заместителем казачьего общества «Всевеликое войско Донское» по Волгоградской области А.А. Бирюковым // Казачий круг. – 1999. – № 33 (27 авг.).
122. Базковский казачий хор. Выступление Ростова на всесоюзном радиофестивале // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4446. 26 марта.
123. Банк «Казачий» – банк народный // Казачий круг. – 1995. – № 16. 20 апреля.
124. Банк «Казачий»: взгляд с трех сторон // Казачий круг. – 1997. – № 14. – 4 апреля.
125. Боевая проверка // Молот. Ростов-на-Дону, 1936. – № 4574. – 2 сент.
126. Большой войсковой круг. Вечернее заседание. 14 сентября // Приазовский Край. – Ростов-на-Дону, 1918. – №146. – 16 (29) сент.
127. Большой день в Театре народного творчества // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4630. – 3 нояб.
128. Бураков И. «Осколки былого казачьего величия». Австралийские и немецкие казаки нашли общий язык с донскими и кубанскими / И. Бураков [Электронный ресурс] // Время новостей. URL: <http://www.vremya.ru> (дата обращения: 10.01.2017).
129. Будни кубанских станиц // Правда. – 1936. – № 120 (6726). – 1 мая.
130. Былина о Подтелкове и Кривошлыкове // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4428. – 4 марта.

131. В Волгодонске открыт казачий мемориальный комплекс. [Электронный ресурс]. // 161.RU Информационный портал Ростова-на-Дону. – URL: <http://161.ru/text/newsline/81563.html> (дата обращения: 03.07.2017).
132. В донских хуторах // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4438. – 16 марта.
133. В Новочеркасске завершается Всемирный конгресс казаков. 14.10.2008. [Электронный ресурс]. – URL: <http://dontr.ru/vesti/obshchestvo/379678-v-novoчеркасске-zavershaetsya-vsemirnyj-kongress-kazakov/> (дата обращения: 13.08.2016).
134. Верное казачество на Третьем Всемирном конгрессе казаков в Новочеркасске. 17.10.2008. [Электронный ресурс]. – URL: <http://kozak.hrest.info/> (дата обращения: 25.11.2008).
135. Вместе со всем советским народом. Донские казаки одобряют проект Конституции // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4514. – 17 июня.
136. Вождю народов и другу казачества товарищу Сталину // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4439. – 17 марта.
137. Ворошиловские кавалеристы // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4404. – 5 февраля.
138. Ворошиловские кавалеристы Адыгеи // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4404. – 5 февраля.
139. Ворошиловским кавалеристам // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4420. – 23 февраля.
140. Все как один будем защищать Советский Союз // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4440. – 18 марта.
141. Встреча терских, кубанских и донских казаков // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4427. – 3 марта.
142. Глава Адыгеи принял участие в открытии памятника в Краснодаре «Славным сынам Отечества казакам и горцам – героям Первой мировой войны» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.adygheya.ru/press-room/photo/3121/?type=print> (Дата обращения 14.03.2019).

143. Главный атаман России высоко оценил деятельность наших казаков // Известия Калмыкии. – Элиста, 1998. – № 27–28.
144. Государственный казачий хор // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4424. – 28 фев.
145. Государственный казачий хор // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4440. – 18 марта.
146. Дон стал богатым и обильным // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4415. – 17 февраля.
147. Донские казаки беззаветно преданы своей родине, колхозному строю. Речь председателя Северо-Донского Окрисполкома тов. Касилова на утреннем заседании 3 февраля // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – 5 февраля. – № 4404.
148. Донские казаки у маршала Советского Союза тов. С. М. Буденного // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4434. 11 марта.
149. Донцы в походе // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4431. – 8 марта.
150. Емельянов И. Второй Всемирный казачий... // Казаки. – Москва, 2006. № 8–9.
151. Завтра – собрание учредителей клуба (беседа с председателем краевого совета ОСОАВИАХИМА тов. К. И. Ивановым) // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4403. – 4 фев.
152. Казаки в Москве // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4424. – 28 фев.
153. Казаки Калмыкии станут госслужащими // Известия Калмыкии. – Элиста, 2006. – 30 мая.
154. Казаки отказываются служить в спецчастях ВС России. Новости@mail.Ru от 03.10.2007. [Электронный ресурс]. – URL: <http://news.mail.ru/politics/1445270> (дата обращения: 07.10.2017).
155. Казачество колхозной Кубани // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4428. – 4 марта.

156. Казачий ансамбль // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4497. – 27 мая.
157. Казачьи таланты // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4620. – 22 окт.
158. Казачья колхозная // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4503. – 4 июня.
159. Клуб ворошиловских кавалеристов // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4409. – 11 фев.
160. Колхозное казачество // Правда. – Москва, 1936. – № 114. – 24 апреля.
161. Колхозный казак // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4415. – 17 февраля.
162. Конница колхозного казачества // Сталинградская правда. – Сталинград, 1936. – № 57 (2371). – 10 марта.
163. Конно-спортивные кружки // Сталинградская правда. – Сталинград, 1936. – № 59 (2371). – 10 марта.
164. Кубань // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4475. – 29 апр.
165. Леонтьев Л. Атаман команду дал // Донское слово. Литературно-художественное приложение к газете «Молот» – Ростов-на-Дону, 1990. – 17 ноября.
166. Леонтьев Л. На Майдане // Донское слово. Литературно-художественное приложение к газете «Молот» – Ростов-на-Дону 1990. – № 8 – 15 августа.
167. Маршалу Советского Союза товарищу Буденному // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4439. – 17 марта.
168. Михайлов В. Любо, братцы, любо! Казакам в очередной раз обещали «собственные» воинские части и госслужбу // Независимое военное обозрение. – Москва, 2010. – № 6.

169. Множатся ряды ворошиловских кавалеристов. Беседа с председателем Крайсовета Осоавиахима К. И. Ивановым // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4418. – 21 фев.
170. Мы на-чеку! // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4440. – 18 марта.
171. Нагайка для школьника // Российская газета. Неделя. – Москва, 2010. – 29 июля – 4 августа.
172. Нам нужны красные конники // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936 – № 4400. – 1 февраля.
173. Народное искусство // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4621. – 23 окт.
174. Наши казаки влились в Войско Донское // Известия Калмыкии. – Элиста, 2006. – 14 июля.
175. Наши казачки изучают военное дело // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4440. – 18 марта.
176. О международном положении и задачах советского казачества // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4445. – 24 марта.
177. Они знают, в какую гавань плывут // Казаки. – Ростов-на-Дону Москва, 2005. – № 10-12.
178. Отчет делегата Съезда Советов кубанского казака Сергея Антоновича Садко // Правда. – Москва, 1936. – № 345 (6951). – 10 декабря.
179. Певцы, танцоры, музыканты // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4629. – 2 нояб.
180. Песни и пляски донских и кубанских казаков // Правда. – Москва, 1936. – № 288 (6894). – 18 окт.
181. Песни советских казаков // Правда. – 1936. № 288 (6894). – 18 окт.
182. Письмо донских казаков Народному комиссару по иностранным делам товарищу Литвинову // Молот – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4409. – 11 февраля.

183. Письмо донской казачьей сотни, адресованное секретарю Крайкома ВКП(б) Б. П. Шеболдаеву, председателю Крайисполкома В. Ф. Ларину и командующему войсками Северо-Кавказского военного округа командарму II ранга Н. Д. Каширину // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4447. – 27 марта.
184. Письмо кубанских казаков товарищу Ворошилову // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4429. – 5 марта.
185. По коням! Конно-спортивные кружки // Сталинградская правда. – Сталинград, 1936. – № 59 (2371). – 10 марта.
186. По станицам Северного Кавказа // Правда. – Москва, 1936. – № 105 (6711). – 15 апреля.
187. Победа колхозного казачества // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4622. – 24 окт.
188. Постановление Организационного комитета Всесоюзных конно-спортивных состязаний Осоавиахима и спортивных обществ // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4573. – 27 августа.
189. Пояснительная записка «О предложениях казачьих общественных организаций города Волгограда по проекту Устава города-героя Волгограда» // Казачий круг. – Волгоград, 1996. – № 5. – 2 фев.
190. Праздник джигитов Северного Кавказа // Правда. – Москва, 1936. – № 124 (6730). – 7 мая.
191. Праздник дружбы народов // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4480. – 8 мая.
192. Праздник советского казачества // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4434. – 11 марта.
193. Приём донских казаков-орденоносцев руководителями края // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4428. – 4 марта.
194. Призыв подхвачен // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4398. – 29 янв.

195. Путевые заметки // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4433. – 10 марта.
196. Радостные дни // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4438. – 16 марта.
197. Радость советских казаков // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4421. – 24 февраля.
198. Радостный праздник // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4437. – 15 марта.
199. Радость победителей // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4556. – 6 авг.
200. Результат применения инструкции // Молот. – Ростов-на-Дону, 1927. – № 1647. – 29 января.
201. Рекомендации казачьим организациям Волгоградского округа Донских казаков по проведению призыва в казачьи части // Казачий круг. – Волгоград, 1994. – № 6 (71). – 3 фев.
202. Речь казака С skylкова Фрола Максимовича // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4417. – 20 февраля.
203. Сила // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4440. – 18 марта.
204. Сказ о советском казачестве // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4624. – 27 окт.
205. Слет казаков-колхозников // Правда. – Москва, 1936. – № 115(6721). – 25 апр.
206. Советские казаки // Правда. – Москва, 1936. 18 февраля.
207. Совещание передовиков животноводства с руководителями партии и правительства // Правда. – Москва, 1936. – № 50 (6656). – 20 февраля.
208. Совещание мастеров животноводства // Сталинградская правда. – Сталинград, 1936. – № 57 (2371). – 10 марта.
209. Соколами слетимся на защиту великой Родины // Правда. – Москва, 1936. – № 114 (6720). – 24 апр.

210. Таланты советского казачества // Известия. – Москва, 1936. – № 253. – 30 окт.
211. Терцы в походе // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4434. – 11 марта.
212. Тихий Дон // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4640. – 17 нояб.
213. Успех оперы «Тихий Дон» // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4447. – 27 марта.
214. Цеджинов С. Союз казаков: трудностям вопреки // Известия Калмыкии. – Элиста, 1992. – № 59. – 1 апреля.
215. Форма казачьих частей Красной Армии // Правда. – Москва, 1936. – № 127 (6733). – 10 мая.
216. Фото «Евдокия Попова, казачка ст. Глубокинской, и казак Рыжов начинают пляс «Дедушка – седая бородушка» // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4632. – 5 нояб.
217. Фото «Участники Черноерковского казачьего ансамбля Маруся Лысенкова и М. Ткаченко выступают на сцене Московского театра народного творчества // Молот. – Ростов-на-Дону, 1936. – № 4633. – 7 нояб.

Сборники документов

218. По решению правительства Союза ССР / сост. Н. Ф. Бугай, А. М. Гонов. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – 926 с.
219. Реабилитация народов России: сборник документов / сост.: Н. Ф. Бугай, А. Н. Коцонис, В. В. Муравьев, А. А. Ахильгов. – Москва: Инсан, 2000. – 447 с.

2. Литература

220. Авксентьев, В. А. Этнические конфликты: история и типология / В. А. Авксентьев // Социологические исследования. – Москва, 1996. – № 12. – С. 43–49.

221. Агафонов, А. И. История Донского края (XVI – первая половина XIX века. Исторические источники и их изучение) / А. И. Агафонов. – Ростов-на-Дону: Приазовский край, 2001. – 384 с.
222. Агафонов, О. В. На службе России / О. В. Агафонов // Родина. – 2004. – № 5. – С. 17–21.
223. Александров, С. Г. Физическое воспитание детей и молодежи кубанского казачества (середина XIX – начало XX вв.) / С. Г. Александров. – Краснодар, 1999. – 185 с.
224. Алексеев, В. В. Модернизация и традиция / В. В. Алексеев, И. В. Побережников // Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации. – Екатеринбург: Б. и., 1998. С. 8–32.
225. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – Москва: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. – 288 с.
226. Антропов, О. О. Астраханское казачество. На переломе эпох / О. О. Антропов. – Москва: Вече, 2008. – 416 с.
227. Антропов, О. О. Движение возрождения казачества в Астраханской области в 1990-е гг. / О. О. Антропов // Новый исторический вестник. – 2003. – № 9. – С. 46–68.
228. Астапенко, Г. Н. Возрождение казачества, как процесс социальной реконструкции / Г. Н. Астапенко // Возрождение казачества (история, современность, перспективы). Тезисы докладов, сообщений, выступлений на V международной (всероссийской) научной конференции. – Ростов-на-Дону: Изд-во НМЦ «Логос», 1995. – С. 14–15.
229. Бабашкин, В. В. Крестьяне, посткрестьяне и власть в XX веке: приспособительные стратегии с обеих сторон / В. В. Бабашкин // Крестьянство и власть в истории России XX века: Сборник научных статей участников Международного круглого стола (Журнал «Власть», Институт социологии РАН, Москва, 12 ноября 2010 г.) / под ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разина. – Москва: ООО «АПР», 2011. – С. 70–80.

230. Багдасарян, С. Д. Быт, труд и семья крестьян эпохи НЭПа: историческая повседневность южно-российской деревни в 1920-е годы / С. Д. Багдасарян. – Новочеркасск: Лик, 2015. – 312 с.

231. Багдасарян, С. Д. Крестьянская повседневность эпохи нэпа: досуг и праздник в южнорусской деревне в 1920-е годы / С. Д. Багдасарян, А. П. Скорик. – Новочеркасск: Лик, 2012. – 239 с.

232. Баженов, А. Ю. Формирование частей народного ополчения из населения казачьих районов Сталинградской области в 1941–1942 гг. / А. Ю. Баженов // Коренной перелом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа: материалы Междунар. науч. конф., (г. Ростов-на-Дону, 6–7 июня 2013 г.). – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. – С. 2–3.

233. Баранов, А. В. Амнистии казачества в 1925 г.: исторический опыт / А. В. Баранов // Кубанское казачество: три века исторического пути. Материалы Международной научно-практической конференции. Ст. Полтавская Краснодарского края. 23-27 сентября 1996. – Краснодар: Б.и., 1996. – С. 9–12.

234. Баранов, А. В. «Военная тревога» 1927 г. как фактор развития политических ориентаций земледельцев Юга России / А. В. Баранов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – Астрахань, 2011. – № 4 (29). – С. 13–17.

235. Баранов, А. В. Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики / А. В. Баранов. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 1999. – 356 с.

236. Баранов, А. В. Повстанческое движение «бело-зеленых» в казачьих областях Юга России (1920–1924 гг.) / А. В. Баранов // Казачество России в Белом движении. Альманах «Белая гвардия. – Москва: Посев, 2005. – № 8. – С. 119–129.

237. Баранов, А. В. Политические настроения земледельцев казачьего Юга России в условиях «расширения» НЭПа 1924–1926 гг. (по материалам

информационных сводок ОГПУ) / А. В. Баранов // Новейшая история России. – Санкт-Петербург, 2013. – № 3. – С. 112–125.

238. Баранов, А. В. Пособничество казачьих эмигрантских организаций нацистским оккупантам (по материалам Дона и Кубани) / А. В. Баранов // Политическая история России: прошлое и современность: Исторические чтения «Гороховая, 2» (г. Санкт-Петербург, 22–23 апреля 2021 г.). – Санкт-Петербург: ООО «Грейт Принт», 2022. Выпуск XIX. – С. 217–228.

239. Баранов, А. В. Роль этнополитических мифов в конструировании идентичности казачества / А. В. Баранов // История и современность. – Волгоград, 2014. – № 1. – С. 69–86.

240. Баранов, А. В. Социальное и политическое развитие Северного Кавказа в условиях новой экономической политики (1921–1929 гг.) / А. В. Баранов. – Санкт-Петербург: Нестор, 1996. – 356 с.

241. Баранов, А. В. Тенденции гражданского примирения в политических реформах «расширения» НЭПа 1924–1926 гг. на Юге России / А. В. Баранов // Научная мысль Кавказа. – Ростов-на-Дону, 2013. – № 3 (75). – С. 55–62.

242. Баранов, А. В. Терское казачество в условиях «расширения» новой экономической политики: изменения этнодемографической структуры и общественного мнения / А. В. Баранов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. – Т. 24. – № 4. – С. 114–123.

243. Баранов, А. В. Протестные настроения донского казачества и репрессивная политика власти конца 1920-х – 1930-х годов / А. В. Баранов, О. В. Рвачева // Новейшая история России. – Санкт-Петербург, 2018. – Т. 8, № 3. – С. 613–624.

244. Батырев, В. Д. Союз казаков: 1990–2000 / В. Д. Батырев, А. И. Изюмов, О. В. Матвеев. – Москва: РУСАКИ, 2000. – 192 с.

245. Беглов, А. Д. Модели развития казачьих обществ в рамках региональных экономических систем / А. Д. Беглов // Вопросы экономики и права. – 2011. – № 41. – С. 23–26.

246. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – Москва: Academia-Центр; МЕДИУМ, 1995. – 323 с.

247. Большая российская энциклопедия. – URL: <https://bigenc.ru/literature/text/2287255> (дата обращения 17.04.2021).

248. Бондарев, В. А. Крестьянство и коллективизация. Многоукладность социально-экономических отношений деревни в районах Дона, Кубани и Ставрополья в конце 20-х – 30-х годах XX века / В. А. Бондарев. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. – 520 с.

249. Бондарев, В. А. Фрагментарная модернизация постоктябрьской деревни: история преобразований в сельском хозяйстве и эволюция крестьянства в конце 20-х – начале 50-х годов XX века на примере зерновых районов Дона, Кубани и Ставрополья / В. А. Бондарев. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2005. – 580 с.

250. Бондарь, В. В. О степени соотнесенности исторического и современного типов казачества / В. В. Бондарь // Возрождение казачества (история, современность, перспективы). Тезисы докладов, сообщений, выступлений на V Международной (Всероссийской) научной конференции. – Ростов-на-Дону: Изд-во НМЦ «Логос», 1995. – С. 10–11.

251. Бондарь, Н. И. Традиционная культура кубанского казачества в VIII – начале XX в. / Н. И. Бондарь // Очерки истории и культуры казачества Юга России. – Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. – С. 487–499.

252. Бредихин, А. В. Военная служба казаков в системе безопасности Юга России (на примере Ростовской области) / А. В. Бредихин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионо-

ведение. Международные отношения. – Волгоград – 2020. – Т. 25. – № 5. – С. 234–243.

253. Бредихин, А. В. Этносоциальная идентичность современного российского казачества / А. В. Бредихин // Государственное управление. Электронный вестник. – Москва, 2017. – Вып. № 61. – С. 6–18.

254. Брежнев, В. С. Социальный состав казачества и его этническая определенность / В. С. Брежнев // Проблемы казачьего возрождения. Сборник научных статей в 2-х частях. – Ростов-на-Дону: Изд-во НМЦ «Логос», 1996. – Ч. 1. – С. 68–71.

255. Бромлей, Ю. В. Очерки теории этноса / Ю. В. Бромлей. – Москва: Наука, 1983. – 412 с.

256. Бромлей, Ю. В. Этнос и этнография / Ю. В. Бромлей. – Москва: Наука, 1973. – 285 с.

257. Брюкнер, П. Тирания покаяния: эссе о самобичевании Запада / П. Брюкнер // Отечественные записки. – 2008. – № 44 (5). – С. 57–64.

258. Бугай, Н. Ф. Восстановление национальной государственности этнических общностей, подвергшихся репрессиям: вопросы теории и практики / Н. Ф. Бугай // Восстановление национальной государственности репрессированных народов России и перспективы их развития на современном этапе. Российская научно-практическая конференция (Элиста, 12–13 янв. 2006 г.). – Элиста: Изд-во Калмыцкого государственного университета, 2006. – С. 9–15.

259. Бугай, Н. Ф. Казаки Юга России: конститутивность, эволюция, современность (XX – XXI вв.) / Н. Ф. Бугай. – Москва. – [б. и.], 2015. – 276 с.

260. Бугай, Н. Ф. Казачество России: мир на границе, спокойствие в государстве, служба Отечеству... / Н. Ф. Бугай // «Белые пятна» российской и мировой истории. – Ногинск, 2015. – № 3. – С. 21–46.

261. Бугай, Н. Ф. Казачество России: отторжение, признание, возрождение (1917–90-годы) / Н. Ф. Бугай. – Москва: Можайск-Терра, 2000. – 96 с.

262. Бугай, Н. Ф. Казаки России в обеспечении безопасности: проблемы внутренних угроз. 1990-е - 2015-е гг. / Н. Ф. Бугай, Е. В. Штурба. – Москва; Краснодар: ИСОМ, 2016. – С. 198–241.
263. Бурмагин, А. Г. От Кубанского казачьего клуба к Кубанской казачьей Раде. Краткая история начала возрождения кубанского казачества 1989–1992 гг. / А. Г. Бурмагин. – Краснодар: ООО Фирма «Пульс-Софт», 2009. – 320 с.
264. Бурмагин, А. Г. Возрождение казачества. Кубанское казачество на современном этапе / А. Г. Бурмагин, О. В. Ратушняк // История кубанского казачества. – Краснодар: Традиция, 2013. – С. 332–347.
265. Быковский, В. И. Казаки в системе МВД / В. И. Быковский [Электронный текст] // Право и безопасность. – 2002. – № 2–3 (3–4). – Август. – URL: http://dpr.ru/pravo/pravo_3_32.htm (дата обращения: 23.10.2017).
266. Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия / гл. ред. М. М. Козлов. – Москва: Советская Энциклопедия, 1985. – 832 с.
267. Вельцер, Х. Поколение дедов в Европе. Результаты сравнительного изучения механизмов культурной преемственности в европейских странах / Х. Вельцер, К. Ленц // Отечественные записки. – 2008. – № 44 (5). – С. 6–22.
268. Венер, М. Лицом к деревне: советская власть и крестьянский вопрос (1924–1925 гг.) / М. Венер // Отечественная история. – 1993. – № 5. – С. 86–107.
269. Венков, А. В. Атаман Краснов и Донская армия. 1918 г. / А. В. Венков. – Москва: Вече, 2008. – 480 с.
270. Венков, А. В. Государственные образования в казачьих областях в 1918–1920 гг. / А. В. Венков // Возрождение казачества (история, современность, перспективы). Тезисы докладов, сообщений, выступлений на V Международной (Всероссийской) научной конференции. Ростов н/Д: Изд-во НМЦ «ЛОГОС», 1995 г. С. 64–65.

271. Венков, А. В. «Дело Сенина» или операция «Грест» на Верхнем Дону / А. В. Венков. – Москва: АИРО-XXI, 2016. – 196 с.
272. Венков, А. В. Потомственные казаки и современное казачье движение на Юге России / А. В. Венков // Юг России: проблемы, прогнозы, решения. Сборник научных статей / гл. ред. Г. Г. Матишов. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. – С. 128–142.
273. Венков, А. В. «Тихий Дон»: источниковая база и проблема авторства. В 2-х частях. Часть 2-я. Авторы «Тихого Дона» / А. В. Венков. – Москва: АИРО-XXI, 2010. – 884 с.
274. Венков, А. В. Союз троцкистов и белых казаков, или разгром советско-партийной верхушки в Азово-Черноморском крае в 1937 г. / А. В. Венков // Наука Юга России. – Ростов-на-Дону, 2017. – Т. 13. – № 2. – С. 79–90.
275. Верховский, А. М. Политический экстремизм в России / А. М. Верховский, А. А. Папп, В. В. Прибыловский. – Москва: Институт экспериментальной социологии, 1996. – 356 с.
276. Виола, Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: коллективизация и культура крестьянского сопротивления / Л. Виола. – Москва: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2010. – 366 с.
277. Власкина, Т. Ю. Домашний мир на сломе эпох. Очерки традиционной культуры донских казаков (конец XIX – середина XX вв.) / Т. Ю. Власкина. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – 432 с.
278. Водолацкий, В. П. Возрождение: Первый круг казаков Дона / В. П. Водолацкий, А. А. Озеров, А. Г. Киблицкий. – Ростов-на-Дону: ИИЦ «Дончак», 2006. – 96 с.
279. Воробьев, А. В. Поселения Волгоградской области / А. В. Воробьев. 2-е изд. – Волгоград: Станица-2, 2000. – 320 с.
280. Воскобойников, Г. Л. Казачество в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / Г. Л. Воскобойников. – Ростов-на-Дону: «Терра Принт», 2006. – 288 с.

281. Воскобойников, Г. Л. Казачество в Красной армии в 20-е – 30-е гг. XX в. / Г. Л. Воскобойников // Кубанское казачество: три века исторического пути. Материалы Международной научно-практической конференции. Ст. Полтавская Краснодарского края. 23-27 сентября 1996 г. – Краснодар: Б. и., 1996. – С. 50–54.
282. Воскобойников, Г. Л. Казачество и кавалерия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / Г. Л. Воскобойников. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рос. киноvideокомпании, 2007. – 288 с.
283. Воскобойников, Г. Л. Советская конница в Великой Отечественной / Г. Л. Воскобойников. – Москва: Вече, 2008. – 320 с.
284. Воскобойников, Г. Л. Казачество и советская власть (1921 – июнь 1941 гг.) / Г. Л. Воскобойников, В. Д. Батырев. – Москва: ООО Принт, 2003. – 208 с.
285. Воскобойников, Г. Л. Казачество и социализм: исторические очерки / Г. Л. Воскобойников, Д. К. Прилепский. – Ростов-на-Дону: Кн. изд-во, 1986. – 158 с.
286. Вступительное слово директора НИИ проблем экономической истории России XX в. профессора М. М. Загорулько // Казачество: прошлое и настоящее: Сб. науч. тр. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. – С. 6.
287. Голованова, С. А. Методологические аспекты изучения казачества / С. А. Голованова // Казачество Юга России в процессах становления и развития российской государственности. Тезисы региональной научно-практической конференции, г. Урюпинск, 26–29 апреля 2007 г. – Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2007. – С. 29–32.
288. Геллнер, Э. Нации и национализм / Э. Геллнер. – Москва: Прогресс, 1991. – 794 с.
289. Гольдентул, И. Земельные отношения на Кубани: краткий очерк / И. Гольдентул. – Ростов-на-Дону; Краснодар: Буревестник, 1924. – 96 с.

290. Горюнов, П. М. О казачьем вопросе. Из наблюдений и опыта работы по Ейскому району Донского округа / П. М. Горюнов. – Новочеркасск: Агитпроп. отдел Донского комитета РКП(б), 1925. – 53 с.

291. Горяев, П. И. Современное донское казачество в свете межэтнических и политических проблем региона / П. И. Горяев, Г. С. Працко // Возрождение казачества (история, современность, перспективы). Тезисы докладов, сообщений, выступлений на V международной (всероссийской) научной конференции. – Ростов-на-Дону: Изд-во НМЦ «Логос», 1995. – С. 25–26.

292. Грищенко, А. Н. «...Рядовую массу казаков влить в свою армию»: рейд махновской армии на Верхний Дон (сентябрь 1920 года) / А. Н. Грищенко // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры. Сборник статей и материалов / под ред. А. В. Посадского. – Москва: АИРО–XXI, 2015. – С. 440–459.

293. Грищенко, А. Н. «Да здравствует власть народная на принципах братства, равенства и свободы»: мятеж К. Т. Вакулина, повстанческая армия Ф. Попова / А. Н. Грищенко // Крестьянский фронт 1918–1922 гг. Сборник статей и материалов. – Москва: АИРО-XXI, 2013. – С. 529–549.

294. Грищенко, А. Н. «Освободить народ от ига и плача»: повстанческое движение Григория Маслакова / А. Н. Грищенко // От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожakov русской смуты. Сборник статей и материалов. – Москва: АИРО-XXI, 2014. – С. 168–200.

295. Громов, В. П. Возрождение кубанского казачества и его влияние на культурную жизнь Кубани. Конец XX – начало XXI вв. / В. П. Громов // Научное наследие Ф. А. Щербины: казачество и история Кавказа. сборник материалов XIX международной научно- практической конференции, Якаевские чтения. Краснодар: Академия маркетинга и социально-информационных технологий – ИМСИТ, 2019. – С. 140–156.

296. Губогло, М. Н. К изучению проблемы адаптации населения в условиях общественных преобразований в постсоветской России: замысел,

методология и инструментарий исследования / М. Н. Губогло // Отечественная история. – Москва, 2002. – № 6. – С. 110–129.

297. Гузенко, К. В. «Любо, братцы, любо...» (К 20-летию возрождения астраханского казачества и выхода в эфир первых видеопрограмм об этом) / К. В. Гузенко // III-и Бирюковские чтения: Материалы Бирюковских чтений (25 августа 2011 года). – Астрахань: Государственное предприятие Астраханской области «Издательско-полиграфический комплекс «Волга», 2011. – С. 10–15.

298. Гучинова, Э.-Б. М. Этнополитическая ситуация в Калмыкии / Э.-Б. М. Гучинова, С. Д. Таванец // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – Москва: Институт этнологии и антропологии РАН, 1994. – Документ № 65. – 19 с.

299. Данилов, В. П. Введение (Истоки и начало деревенской трагедии) / В. П. Данилов // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5-ти т. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929. – Москва: РОССПЭН, 1999. – С. 13–67.

300. Донецкий, М. Донское казачество (историко-публицистические очерки) / М. Донецкий. – Ростов-на-Дону: Изд-во Севкавказ, 1926. – 68 с.

301. Донцов, С. Казачество в постсоветской России / С. Донцов // Возрождение казачества: надежды и опасения / под ред. Г. Витковской и А. Малашенко (Научные доклады. Московский центр Карнеги; Вып. 23). – Москва: Гендальф, 1998. – С. 18–38.

302. Дорофеева, А. В. О сети учреждений и классов казачьей направленности / А. В. Дорофеева // Научно-практическая педагогическая конференция по вопросам организации классов и школ казачьей направленности. – Краснодар: Традиция, 2007. – С. 12–15.

303. Дубин, Б. В. Память, война, память о войне. Конструирование прошлого в социальной практике последних десятилетий / Б. В. Дубин // Отечественные записки. – 2008. – № 43 (4). – С. 6–21.

304. Дулимов, Е. И. Самоуправление казаков: история и современность / Е. И. Дулимов, И. И. Золотарёв. – Ростов-на-Дону: ДЮИ, 1998. – 336 с.

305. Журавский А. В. Концепция государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества – шаг вперед в диалоге власти и гражданского общества // Информационный бюллетень о ходе реализации аналитической программы Министерства регионального развития Российской Федерации «Становление и развитие государственной службы российского казачества в 2008–2010 годах». – Москва: Изд-во «Артишок», 2008. – Вып. 1. – С. 7–11.

306. Зборовский, Г. Е. Теоретические основания изучения социальной общности / Г. Е. Зборовский // Социологические исследования. – 2010. – № 4. – С. 3–12.

307. Зеленин, И. Е. Политотделы МТС – продолжение политики «чрезвычайщины» (1933–1934 гг.) / И. Е. Зеленин // Отечественная история. – 1992. – № 6. – С. 42–61.

308. Золотарёв, И. И. Казачье самоуправление на Дону (Историческое исследование) / И. И. Золотарёв. – Ростов-на-Дону: ООО «Ростиздат, 1999. – 320 с.

309. Золотарёв, В. А. Отечественные военные реформы XX столетия / В. А. Золотарёв // Россия в XX веке: Реформы и революции: В 2 т. – Москва: Наука, 2002. – Т. 1. – 657 с.

310. Иваненко, С. А. Будет ли Дон Тихим? (Донское казачество: история и современность) / С. А. Иваненко // Отечественные архивы. – 1992. – № 6. – С. 30–35.

311. Ивницкий, Н. А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929–1932 гг.) / Н. А. Ивницкий. – Москва: Наука, 1972. – 360 с.

312. Ивницкий, Н. А. Крестьянство и власть в период коллективизации / Н. А. Ивницкий // Крестьянство и власть в истории России XX века:

Сборник научных статей участников Международного круглого стола (Журнал «Власть», Институт социологии РАН, Москва, 12 ноября 2010 г.) / под ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разина. – Москва: ООО «АПР», 2011. – С. 183–189.

313. Ильин, П. О. Формы совместной деятельности полиции и казачества по обеспечению общественного порядка и безопасности / П. О. Ильин // Пробелы в российском законодательстве. – Москва, 2016. – № 3. – С. 17–19.

314. Ионин, Л. Г. Социология культуры. 2-е изд. – Москва: Изд. корпор. «Логос», 1998. – 280 с.

315. Ионин, Л. Г. Восстание меньшинств / Л. Г. Ионин – Москва; Санкт-Петербург: Университетская книга, 2012. – 237 с.

316. История казачества Азиатской России. В 3-х тт. / гл. ред. В. В. Алексеев. – Екатеринбург: Уральское отделение РАН, 1995. – Т. 3. – 270 с.

317. Казаки России. Кн. 1. Прошлое. Настоящее. Будущее / отв. ред. Ю. Б. Симченко. – Москва: КМЦ ИЭА РАН, 1992. – 133 с.

318. Казачество как этносоциальный феномен современной России (по результатам социологического исследования казачества Дона) / отв. ред. Ю. Г. Волков – Ростов-на-Дону: Антей, 2011. – 168 с.

319. Казачество. Энциклопедия / редкол.: А. П. Федотов и др. – Москва: ИНФРА-М, 2003. – 396 с.

320. Казачество в Октябрьской революции и гражданской войне. Материалы Всесоюзной научной конференции. Черкесск, 12–13 ноября 1980 г. / отв. ред. И. И. Минц. – Черкесск: Б. и., 1984. – 279 с.

321. Казачий Дон: Пять веков воинской славы / редкол. А. А. Озеров, А. В. Венков и др. – Москва: Яуза; Эксмо, 2010. – 416 с.

322. Как живет и чем болеет деревня (По материалам комиссии по обследованию деревни на Юго-Востоке) / под ред. Н. Л. Янчевского. – Москва; Ростов-на-Дону: Прибой, 1924. – 96 с.

323. Караулов, М. А. Терское казачество / М. А. Караулов. – Москва: Вече, 2007. – 320 с.

324. Карпухин, А. П. Казачья верховая борьба как элемент традиционной физической подготовки в классах казачьей направленности / А. П. Карпухин // Научно-практическая педагогическая конференция по вопросам организации классов и школ казачьей направленности. – Краснодар: Традиция, 2007. – С. 165–172.

325. Кириенко, Ю. К. Трактовка понятия казачество-народ в зарубежье / Ю. К. Кириенко // Возрождение казачества (история, современность, перспективы). Тезисы докладов, сообщений, выступлений на V международной (всероссийской) научной конференции – Ростов-на-Дону: Изд-во НМЦ «Логос», 1995. – С. 77–78.

326. Кислицын, С. А. Государство и казачество: сотрудничество и конфронтация / С. А. Кислицын // Проблемы казачьего возрождения. Сборник научных статей. В 2-х частях. – Ростов-на-Дону: Изд-во НМЦ «Логос», 1995. – Часть I. – С. 15–26.

327. Кислицын, С. А. О заключительном этапе «расказачивания» / С. А. Кислицын // Возрождение казачества (история, современность, перспективы). Тезисы докладов, сообщений, выступлений на V Международной (Всероссийской) научной конференции. Ростов н/Д: Изд-во НМЦ «ЛОГОС», 1995. – С. 78–80.

328. Кислицын, С. А. О соотношении российской и региональной идентичности в исследованиях по истории краев и областей Российской Федерации (на материалах истории Ростовской области и донского казачества) / С. А. Кислицын // История края как поле конструирования региональной идентичности: материалы семинара, проведенного ВолГУ и Ин-том Кеннана Междунар. науч. центра им. Вудро Вильсона 11 апр. 2008 г. – Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2008. – С. 75–88.

329. Кислицын, С. А. Указ и шашка: Политическая власть и донские казаки в первой половине XX века. Изд. 2-е, испр. и доп. / С. А. Кислицын. – Москва: ЛЕНАНД, 2015. – 360 с.

330. Кислицын, С. А. Указ и шашка. Политическая власть и донские казаки в XX в. / С. А. Кислицын, А. С. Кириченко. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЗАО «Ростиздат», 2007. – 416 с.

331. Кислицын, С. А. Южнорусское казачество и этнополитические конфликты на Дону и Северном Кавказе / С. А. Кислицын, А. В. Кириченко, В. А. Шолохов // Конфликты на Северном Кавказе и пути их разрешения. Сб. материалов междунар. круглого стола. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 2003. – С. 219–232.

332. Клейнер, И. М. Действительность кубанской станицы: Материалы к VIII Кубано-Черноморской областной партийной конференции / И. М. Клейнер. – Краснодар: Буревестник, 1924. – 122, II с.

333. Клочков, М. В. Краеведческая работа в станице на Кубани / М. В. Клочков // Известия ОЛИКО. – Краснодар, 1925. – Вып. 9. – С. 115–141.

334. Ковалёв, Б. Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации / Б. Н. Ковалёв. – Москва: Молодая гвардия, 2011. – 619 с.

335. Кожанов, А. П. О возрождении казачества / А. П. Кожанов // Проблемы казачьего возрождения. Сборник научных статей в 2-х частях. – Ростов-на-Дону: Изд-во НМЦ «Логос», 1996. – Ч. 1. – С. 42–47.

336. Кожанов, А. П. О возрождении казачества / А. П. Кожанов // Возрождение казачества (история, современность, перспективы). Тезисы докладов, сообщений, выступлений на V международной (всероссийской) научной конференции. – Ростов-на-Дону: Изд-во НМЦ «Логос», 1995. – С. 11–12.

337. Козлов, А. И. Возрождение казачества: история и современность (эволюция, политика, теория) / А. И. Козлов. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1995. – 248 с.

338. Козлов, А. И. О путях возрождения казачества / А. И. Козлов // Проблемы казачьего возрождения. Сборник научных статей в 2-х частях. – Ростов-на-Дону: Изд-во НМЦ «Логос», 1996. – С. 4–15.

339. Козлов, А. И. М. А. Шолохов: Времена и творчество. По архивам ФСБ / А. И. Козлов. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 2005. – 480 с.

340. Козлов, А. И. Проблемы казачьего возрождения / А. И. Козлов // Возрождение казачества (история, современность, перспективы). Тезисы докладов, сообщений, выступлений на V международной (всероссийской) научной конференции. – Ростов-на-Дону: Изд-во НМЦ «Логос», 1995. – С. 4–6.

341. Кондрашенко, О. В. Политическая эволюция Всевеликого войска Донского / О. В. Кондрашенко // Возрождение казачества (история, современность, перспективы). Тезисы докладов, сообщений, выступлений на V Международной (Всероссийской) научной конференции. – Ростов-на-Дону: Изд-во НМЦ «ЛОГОС», 1995. – С. 65–66.

342. Копченко, С. В. Модель организации работы общеобразовательной школы, имеющей классы казачьей направленности: проектировочные аспекты / С. В. Копченко // Научно-практическая педагогическая конференция по вопросам организации классов и школ казачьей направленности. – Краснодар: Традиция, 2007. – С. 51–57.

343. Коренько, В. А. Казачество в Ставропольском крае – фактор стабилизации или конфликтогенеза? / В. А. Коренько // Возрождение казачества: надежды и опасения (Науч. докл. Моск. Центр Карнеги; Вып. 23). – Москва: Гендальф, 1998. – С. 104–138.

344. Корниенко, Б. С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914 гг.) / Б. С. Корниенко. – Санкт-Петербург: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – 232 с.

345. Красильников, С. А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы / С. А. Красильников. – Москва: РОССПЭН; Фонд первого президента России Б. Н. Ельцина, 2009. – 344 с.

346. Кратова, Н. В. Повстанческое движение на Кубани и в Пятигорье в начале 20-х годов XX века / Н. В. Кратова. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. – 256 с.
347. Крикунов, П. Н. Казаки между Гитлером и Сталиным / П. Н. Крикунов. – Москва: Яуза; Эксмо, 2005. – 608 с.
348. Кринко, Е. Ф. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943 гг.) / Е. Ф. Кринко. – Майкоп: Изд-во Адыгейского государственного университета, 2000. – 242 с.
349. Кринко, Е. Ф. Казачество Юга России в годы второй мировой войны / Е. Ф. Кринко // Очерки истории и культуры казачества Юга России. – Волгоград: Изд-во Волгоград. филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. – С. 346–365.
350. Кубанский сборник: сборник научных статей и материалов по истории края / под ред. А. М. Авраменко, Г. В. Кокунько. – Краснодар: ООО «Книга», 2008. – Т. III (24). – 496 с.
351. Кудюкина, М. М. Крестьянство и власть в 1920-е годы / М. М. Кудюкина // Крестьянство и власть в истории России XX века: Сборник научных статей участников Международного круглого стола (Журнал «Власть», Институт социологии РАН, Москва, 12 ноября 2010 г.) / под ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разина. – Москва: ООО «АПР», 2011. – С. 234–244.
352. Кураев, В. Д. К вопросу о возрождении казачества / В. Д. Кураев // Проблемы казачьего возрождения. Сборник научных статей в 2-х частях. – Ростов-на-Дону: Изд-во НМЦ «Логос», 1996. – Ч. 1. – С. 34–41.
353. Кураев, В. Д. Советская власть и казачество на Северном Кавказе (1921–1927 гг.) / В. Д. Кураев // Кубанское казачество: три века исторического пути. Материалы Международной научно-практической конференции. Ст. Полтавская Краснодарского края. 23-27 сентября 1996 г. – Краснодар: Б.и., – 1996. – С. 130–133.

354. Курков, Г. Н. Верные долгу: казаки юга России в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг. / Г. Н. Курков. 2-е изд., перераб. и доп. – Краснодар: Диапазон-В, 2011. – 318 с.
355. Курков, Г. М. Кубанские казаки на фронтах Великой Отечественной / Г. Н. Курков // Военно-исторический журнал. – 2006. – № 4. – С. 14–17.
356. Кутузов, М. А. Казачество: новая парадигма развития / М. А. Кутузов // Русский архипелаг. Сетевой проект «Русского мира». – 1998. – URL: <https://archipelag.ru/authors/kutuzov/?library=1140> (дата обращения: 10.04.2021).
357. Линец, С. И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.) / С. И. Линец. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. – 564 с.
358. Лола, М.И. О кубанском казачестве / М. И. Лола. – Ростов-на-Дону; Краснодар: Северокавказское краевое издательство, 1926. – 98 с.
359. Лукичев, П. Н. Очерк второй. Казачий феномен во всемирной истории / П. Н. Лукичев, А. П. Скорик, Р. Г. Тикиджьян // Казачий Дон. Очерки истории. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского облИУУ, 1995. – Ч. I. – С. 25–66.
360. Максимов, К. Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII – XX вв.) / Е. Н. Максимов. – Москва: Наука, 2002. – 524 с.
361. Максимов, К. Н. Калмыцкая государственность: прошлое и настоящее / К. Н. Максимов, С. Д. Таванец // Калмыкия: этнополитическая панорама. Очерки. Документы. Материалы / Под ред. Э.-Б. Гучиновой, Г. А. Комаровой. – Москва: Институт этнологии и антропологии РАН, 1995. – Т. I. – С. 48–60.
362. Малахов, В. С. Вообразить народ [Электронный ресурс] / В. С. Малахов // Отечественные записки. – Москва, 2012. – № 2. – URL:

<https://magazines.gorky.media/oz/2012/2/voobrazit-narod.htm> (дата обращения 10.05.2021).

363. Малукало, А. Н. Казачество России: к вопросу о терминологии и методологии исследования / А. Н. Малукало // *Голос минувшего*. – Краснодар, 2003. – № 3–4. – С. 11–13.

364. Маркедонов, С. М. Государевы слуги или бунтари-разрушители? (к вопросу о политических отношениях донского казачества и российского государства) / С. М. Маркедонов // *Консерватизм и традиционализм на Юге России. Южнороссийское обозрение*. – Ростов-на-Дону, 2002. – № 9. – С. 130–159.

365. Маркедонов, С. М. Заколдованное слово / С. М. Маркедонов // *Родина*. – Москва, 2004. – № 5. – С. 22–24.

366. Маркедонов, С. М. Казачество: некоторые вопросы терминологии и типологии / С. М. Маркедонов // *Голос минувшего*. – Краснодар, 2003. – № 3–4. – С. 3–11.

367. Маркедонов, С. М. Концепция истории российского казачества в творческом наследии Т. М. Старикова (по материалам Государственного архива Российской Федерации) / С. М. Маркедонов // *Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2001 год. Материалы региональной научной конференции*. – Краснодар: Б. и., 2002. – С. 9–15.

368. Маркедонов, С. М. От истории к конструированию национальной идентичности (исторические воззрения участников «вольноказачьего движения») / С. М. Маркедонов // *Ab Imperio*. – Казань, 2001. – № 3. – С. 530–531.

369. Маркедонов, С. М. Неоказачество на Юге России: идеология, ценности, политическая практика / С. М. Маркедонов // *Центральная Азия и Кавказ*. – Лулео, 2003. – № 5 (29). – С. 161–174.

370. Маркедонов, С. М. Российское неоказачество: путь в XXI век / С. М. Маркедонов // *Status Quo*. – Москва, 2004. – № 2. – С. 126–129.

371. Маркедонов, С. М. Феномен российского неказачества / С. М. Маркедонов // Социально-политическая ситуация на Кавказе: история, современность, перспективы. – Москва: Институт политического и военного анализа, 2001. – С. 106–119.

372. Мартынов, А. В. Трансформация макросоциальных систем в постсоциалистическом мире. Методологический аспект / А. В. Мартынов. – Москва: КомКнига, 2006. – 232 с.

373. Масалов, А. Г. О роли казачества в обеспечении региональной безопасности Северного Кавказа / А. Г. Масалов // Казачество Юга России в XXI веке. Место и роль в обществе и государстве. Доклады и сообщения на научно-практической конференции. Апрель 2001 г. – Ростов-на-Дону: Изд-во 2001. – С. 13–19.

374. Масалов, А. Г. Российское казачество в начале XXI века / А. Г. Масалов. – Ставрополь: Изд-во Ставропольского государственного университета, 2008. – 300 с.

375. Матвеев, В. А. Феномен казачества в контексте этнонациональных особенностей российской государственности и проблемы современной типологии / В. А. Матвеев // Голос минувшего. – Краснодар, 2003. – № 3–4. – С. 16–17.

376. Матвеев, О. В. Историк Валерий Николаевич Ратушняк / О. В. Матвеев, П. П. Матющенко // Кубанское казачье войско. – URL: <http://www.slavakubani.ru/content/detail.php?ID=2526> (дата обращения: 31.03.2021).

377. Матвеев, О. В. Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII – начало XX в.): категории воинской ментальности / О. В. Матвеев. – Краснодар: Кубанькино, 2005. – 418 с.

378. Матишов, Г. Г. Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 1941/1942, 1943 г. / Г. Г. Матишов, В. И. Афанасенко, Е. Ф. Кринко. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. – 216 с.

379. Матишов Г. Г. Цимлянская плотина: последний аккорд рассказывания на Дону / Г. Г. Матишов, О. С. Савельева, Е. Ю. Слюнина. – Ростов-на-Дону: РoИзд-во ЮНЦ РАН, 2019. – 216 с.
380. Матющенко, П. П. Казачий вопрос в аграрной политике царизма / П. П. Матющенко // Проблемы истории казачества: Сборник научных трудов. – Волгоград: Изд-во Волгогр. ун-та, 1995. – С. 259–281.
381. Мациевский, Г. О. Государство и казачество: поиск путей возрождения / Г. О. Мациевский // Вестник Томского государственного университета. – Томск, 2017. – № 424. – С. 97–104.
382. Мациевский, Г. О. Государство и казачество: на пути к государственной службе / Г. О. Мациевский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – Волгоград, 2019. – Т. 24. – № 4. – С. 164–172.
383. Мациевский, Г. О. Первые организации движения за возрождение казачества: от фольклорно-этнографических к общественно-политическим [Электронный ресурс] / Г. О. Мациевский // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2012. – № 4 (12). – URL: <http://www.sisp.nkras.ru> (дата обращения: 12.03.2020).
384. Мациевский, Г. О. Роль казачества в противодействии экстремизму и этносоциальным конфликтам на Кубани / Г. О. Мациевский. – Краснодар: Парабеллум, 2017. – 157 с.
385. Мациевский, Г. О. Традиции «самостийности» в политической жизни современного казачества / Г. О. Мациевский // Вестник Томского государственного педагогического университета. – Томск, 2012. – № 3 (118). – С. 57–63.
386. Мациевский, Г. О. Участие кубанского казачества в обеспечении региональной безопасности и охране общественного порядка: основные этапы и формы (1990-е – 2000-е гг.) [Электронный ресурс] / Г. О. Мациевский // Современные исследования социальных проблем. – Красноярск, 2017. – Т. 9. – № 4. – С. 22–55. – URL: <http://soc-journal.ru> (дата обращения 23.01.2021).

387. Мегилл, А. Историческая эпистемология / А. Мегилл. – Москва: «Канон +», РООИ «Реабилитация», 2009. – 480 с.
388. Мельтюхов, М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 гг. (Документы, факты, суждения) / М. И. Мельтюхов. – Москва: Вече, 2000. – 605 с.
389. Меняющаяся социальность: новые формы модернизации и прогресса / отв. ред. В. Г. Федотова. – Москва: Институт философии РАН, 2010. – 280 с.
390. Мининков, Н. А. Враги или злодеи? / Н. А. Мининков // Родина. – Москва, 2004. – № 5. – С. 70–72.
391. Мининков, Н. А. Донское казачество в эпоху позднего Средневековья / Н. А. Мининков. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1998. – 510 с.
392. Мининков, Н. А. Формирование казачьих сообществ на Дону / Н. А. Мининков // Очерки истории и культуры казачества Юга России. – Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. – С. 11–27.
393. Можейко, М. А. «Слышу голос из прекрасного далека»: феномен овидианского возрождения в западноевропейской культуре / М. А. Можейко // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – Минск, 2019. – № 2. – С. 116–123.
394. Мурахвер, Н. От территориально-милиционной к кадровой армии / Н. Мурахвер [Электронный текст] // Исторический журнал. – 1939. – № 7. Июль. – С. 136–141. – URL: <http://libmonster.ru/m/articles/view> (дата обращения: 14.12.2016).
395. Николаенко, И. В. Правовые аспекты землевладения казачьих обществ в Российской Федерации / И. В. Николаенко // Закон и право. – Ставрополь: Сервисшкола, 2005. – С. 351–354.
396. Николаенко, И. В. Проблемы казачьего землевладения и землепользования на примере законодательства отдельных субъектов Южного фе-

дерального округа Российской Федерации / И. В. Николаенко // Региональное нормотворчество. Аналитический бюллетень. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004. – Ч. 1. – С. 159–168.

397. Овчаренко, Р. К. Роль казачества в обеспечении безопасности на региональном уровне (на материалах Ростовской области) / Р. К. Овчаренко // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – Ростов-на-Дону, 2015. – № 3. – С. 222–223.

398. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М.: ООО «Издательский дом «Оникс 21 век»; ООО «Издательство «Мир и Образование», 2005. – 896 с.

399. Озеров, А. А. Институт казачества в политических процессах современного российского общества (на материалах Юга России) / А. А. Озеров. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 2006. – 192 с.

400. Озеров, А. А. Конструктивистский подход к исследованию истории казачества / А. А. Озеров // Философия права. – Ростов-на-Дону, 2006. – № 3 (19). – С. 69–74.

401. Озеров, А. А. Методологические проблемы исследования возрождения казачества / А. А. Озеров // Казачество России: прошлое и настоящее. Сборник научных статей. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. – Вып. 2. – С. 340–364.

402. Озеров, А. А. Политико-правовая институционализация современного казачества / А. А. Озеров. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 2006. – 162 с.

403. Озеров, А. А. Казачество в социально-политической структуре российского общества: основные тенденции и современное состояние (на примере деятельности ВКО «Всевеликое войско Донское») / А. А. Озеров, О. Н. Борисова. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. – 480 с.

404. Озеров, А. А. Возрождение казачества в новой России (социально-философский аспект) / А. А. Озеров, А. Г. Киблицкий. – Ростов н/Д: ООО «Ростиздат», 2004. – 304 с.

405. Озеров, А. А. Донские казаки: проблемы возрождения и перспективы развития. Часть первая (История современного донского казачества) Исследования и документы / А. А. Озеров, А. Г. Киблицкий. – Ростов-на-Дону: ООО «Ростиздат», 2003. – 624 с.

406. Озеров, А. А. Донские казаки: проблемы возрождения и перспективы развития. В 2-х частях. Часть вторая (история современного донского казачества). Исследования и документы / А. А. Озеров, А. Г. Киблицкий. – Ростов-на-Дону: ООО «Ростиздат», 2003. – 320 с.

407. Озеров, А. А. История современного донского казачества. Исследования и документы / А. А. Озеров, А. Г. Киблицкий. – Ростов-на-Дону: ООО «Ростиздат», 2000. – 320 с.

408. Озеров, А. А. Политическая культура современного казачества / А. А. Озеров, А. Г. Киблицкий. – Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та, 2007. – 140 с.

409. Озеров, А. А. Союз казаков Области Войска Донского. Войсковой атаман М. М. Шолохов (История современного донского казачества). Исследования и документы / А. А. Озеров, А. Г. Киблицкий. – Ростов-на-Дону: ООО «Ростиздат», 2002. – 464 с.

410. Озеров, А. А. Возрождение казачества: современные методологические и правовые подходы / А. А. Озеров, Л. Л. Хопёрская. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2006. – 80 с.

411. Очирова, Н. Г. Региональные особенности возникновения казачьих общественных объединений в России и основные направления их деятельности (на примере Республике Калмыкия) / Н. Г. Очирова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 4. – С. 191–201.

412. Павлова, Т. А. Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве / Т. А. Павлова. – Волгоград: Перемена, 2005. – 594 с.

413. Паин, Э. А. Волновая природа подъема традиционализма на рубеже XX – XXI веков / Э. А. Паин // *Общественные науки и современность*. – 2011. – № 2. – С. 43–56.

414. Палата, В. В. От казачьей группы к казачьему училищу / В. В. Палата, И. Г. Шендрик // *Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Материалы шестой международной Кубанско-Терской научно-практической конференции*. – Краснодар; Армавир: Армавир. гос. пед. ун-т, 2008. – С. 190–193.

415. Панкова-Козочкина, Т. В. Казачье-крестьянское самоуправление эпохи НЭПа: проблемы модернизации властных отношений на Юге России в 1920-е годы / Т. В. Панкова-Козочкина. – Новочеркасск: Лик, 2014. – 308 с.

416. Панкова-Козочкина, Т. В. Казачье-крестьянское хозяйство эпохи НЭП: проблемы модернизации аграрных отношений на Юге России / Т. В. Панкова-Козочкина, В. А. Бондарев. – Новочеркасск: Лик, 2012. – 266 с.

417. Пеньковский, Д. Д. Возрождение российского казачества на современном этапе / Д. Д. Пеньковский // *Знание. Понимание. Умение*. – Москва, 2012. – № 1. – С. 81–86.

418. Перенижко, К. Я. Перестройка в России и возрождение казачества на Кубани / К. Я. Перенижко // *Образование, просветительство и гражданское общество (к 60-летию общества «Знание» России): Материалы всероссийской научно-практической конференции, Адлер, 25–29 мая 2007 г.* – Краснодар: Традиция, 2007. – С. 230–234.

419. Перенижко, К. Я. Об опыте работы Кубанского казачьего войска с несовершеннолетней молодежью Краснодарского края / К. Я. Перенижко, О. В. Ратушняк // *Социально-экономические, политические и исторические аспекты развития Кубани: к 70-летию со дня образования Краснодарского края и 215-й годовщине освоения казаками кубанских земель: материалы межрегиональной научно-практической конференции: XII Адлерские чтения-2007*. – Краснодар: Традиция, 2007. – С. 202–205.

420. Перенижко, К. Я. Эволюция организационно-правовых форм Кубанского казачьего войска на современном этапе / К. Я. Перенижко // Власть и общество в России: опыт истории и современность 1906–2006 гг. (к столетию российского парламентаризма). Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Адлер, 26–30 мая 2006 г.). – Краснодар: Традиция, 2006. – С. 231–234.

421. Перехов, Я. А. Власть и казачество: поиск согласия (1920–1926 гг.) / Я. А. Перехов. – Ростов-на-Дону: Гэфест, 1997. – 140 с.

422. Перцева, Ю. И. Роль научных центров в изучении и сохранении культурного наследия казаков юга России (1970-е – 2000-е гг.) / Ю. И. Перцева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. – Волгоград, 2014. – № 3. – С. 93–104.

423. Полянй, К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени / К. Полянй. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2002. – 320 с.

424. Ратушняк, В. Н. Кубанская казачья община и возможности использования ее исторического опыта / В. Н. Ратушняк, И. В. Ивченко // Проблемы казачьего возрождения. Сборник научных статей в 2-х частях. Ч. 1. – Ростов-на-Дону: Изд-во НМЦ «Логос», 1996. – С. 47–56.

425. Ратушняк, О. В. Вольно-казачье движение за рубежом (1920–1930-е гг.) / О. В. Ратушняк // Клио. – Санкт-Петербург, 1999. – № 2 (8). – С. 212 – 217.

426. Ратушняк, О. В. Генералы А. И. Деникин и П. Н. Врангель и казаки: к вопросу о взаимоотношениях в годы Гражданской войны в России (1918–1920 гг.) / О. В. Ратушняк // Казачья государственность: исторические, правовые и культурные аспекты. Материалы международной научной конференции. Сборник научных статей. – Краснодар: Изд-во ЮИМ, 2011. – 263 с.

427. Ратушняк, О. В. Становление и развитие системы образовательных учреждений казачьей направленности в Краснодарском крае и их роль в

патриотическом воспитании молодежи / О. В. Ратушняк // Краеведческие записки. Сборник научных трудов. – Ростов-на-Дону: Альтаир, 2012. – С. 133–142.

428. Ратушняк, О. В. Становление и развитие системы образовательных учреждений казачьей направленности в Краснодарском крае / О. В. Ратушняк // Казарла. Этнический казачий журнал. – 2012. – № 7 (20). – С. 42–45.

429. Рвачева, О. В. Власть и казачество на Юге России в конце XX – начале XXI в.: от конфронтации к сотрудничеству / О. В. Рвачёва // Власть. – 2010. – № 5. – С. 143–147.

430. Рвачева, О. В. Возрождение казачества юга России в конце XX – начале XXI века / О. В. Рвачева – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2021. – 390 с.

431. Рвачева, О. В. Всемирные конгрессы казаков в контексте формирования пространства Русского мира / О. В. Рвачева // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: «Политология и социология». – Волгоград, 2017. – № 4. – С. 35–40.

432. Рвачева, О. В. Демократия по-казачьи. Модернизация общественно-политической системы Области войска Донского в 1917–1919 гг. / О. В. Рвачева // Стрежень: Научный ежегодник / под ред. М. М. Загорулько. – Волгоград: Издатель, 2008. – Вып. 6. – С. 173–178.

433. Рвачева О. В. «До сих пор мы все-таки плохо знаем, чем дышит казачество...»: изучение настроений донского казачества партийно-советскими структурами в середине 1920-х гг. / О. В. Рвачёва // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – Астрахань, 2018. – № 1 (54). – С. 15–23.

434. Рвачева О. В. Донское казачество XXI в. Конструирование социального феномена / О. В. Рвачёва // Вестник Южного научного центра РАН. – Ростов-на-Дону, 2009. Т. 5, № 3. – С. 89–95.

435. Рвачева О. В. Коллективизация и раскулачивание в донских казачьих хуторах: на материалах хутора Вертячего Сталинградского округа Ниж-

не-Волжского края / О. В. Рвачёва // Великая Российская революция в судьбах народов Юга России. Материалы Всероссийской научной конференции (с международным участием), посвященной 100-летию революции 1917 г. (г. Элиста, 13–14 сентября 2017 г.). – Элиста: Калмыцкий научный центр РАН, 2017. – С. 190–197.

436. Рвачева О. В. Политика партийно-советских органов и социально-политические настроения донского казачества в период социалистической модернизации 1920–1940 гг. / О. В. Рвачева. – Волгоград: Изд-во Волгоград. Институт управл. – филиал РАНХиГС, 2017. – 232 с.

437. Рвачева О. В. Системы казачьего управления на территории Войска Донского: история и современное состояние / О. В. Рвачева, М. А. Рыблова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2010. – № 4. – С. 179–184.

438. Рвачева, О. В. Социально-политические настроения донского казачества в первой половине 1920-х гг. / О. В. Рвачева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2017. – Т. 22, № 1. – С. 99–111.

439. Рвачева, О. В. Способы и образы самоидентификации донских казаков / О. В. Рвачева, М. А. Рыблова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2009. – № 1 (15). – С. 19–28.

440. Ригельман, А. И. История или Повествование о донских козаках, отколь и когда они начало свое имеют, и в какое время и из каких людей на Дону поселились, какие их были дела и чем прославились и проч., собранная и составленная из многих вернейших российских и иностранных историев, летописей, древних дворцовых записок и из журнала Петра Великого, чрез труды инженер-генерал-майора и кавалера Александра Ригельмана, 1778 года. / А. И. Ригельман. – М., 1846. . – 154, VII с.

441. Рикёр П. Память, история, забвение / П. Рикёр. – Москва: Изд-во гуманитар. лит-ры, 2004. – 725 с.
442. Российская модернизация: размышляя о самобытности / Под ред. Э. А. Паина, О. Д. Волкогоновой. – М.: Три квадрата, 2008. – 414 с.
443. Российское казачество. Научно-справочное издание / отв. ред. Т. В. Таболина. – Москва: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2003. – 880 с.
444. Рудиченко, Т. С. Возрождение культурных традиций в конце XX – начале XXI в. / Т. С. Рудиченко // Очерки истории и культуры казачества Юга России. – Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. – С. 537–546.
445. Рудиченко, Т. С. Донская казачья песня в историческом развитии / Т. С. Рудиченко. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. гос. консерватории им. С. В. Рахманинова, 2004. – 512 с.
446. Рудиченко, Т. С. Культурные традиции донского казачества в социальном дискурсе (конец XX – начало XXI века) / Т. С. Рудиченко // Южно-российский музыкальный альманах. – Ростов-на-Дону, 2010. – № 2. – С. 3–8.
447. Рудиченко, Т. С. Основные направления и факторы социокультурных трансформаций XX в. / Т. С. Рудиченко, М. А. Рыблова // Очерки истории и культуры казачества Юга России. / Под ред. Г. Г. Матишова, И. О. Тюменцева. – Волгоград: Изд-во Волгоград. филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. – С. 516–535.
448. Рудиченко, Т. С. Традиционная культура донских казаков и социальные процессы конца XX – начала XXI века / Т. С. Рудиченко // Вторичные формы традиционной народной культуры. Материала научно-практической конференции. К 200-летию Кубанского казачьего хора (Краснодар, 26–27 ноября 2010 г.). – Краснодар: Традиция, 2010. – С. 136–146.
449. Рыблова, М. А. Донское братство: казачьи сообщества на Дону в XVI – первой трети XIX века / М. А. Рыблова. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. – 544 с.

450. Рыблова, М. А. Донское казачество: к вопросу об «истоках» и социокультурных трансформациях / М. А. Рыблова // Этнографическое обозрение. – 2010. – № 6. – С. 158–174.

451. Рыблова, М. А. Казачество в этнокультурной мозаике Юга России / М. А. Рыблова // Канадский опыт мультикультурализма и российская политика на Кавказе: материалы науч.-практ. конф. / редкол.: И. И. Курилла (отв. ред.) [и др.]. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2011. – С. 193–208.

452. Рыблова, М. А. Казачья этничность в формировании региональной идентичности Волгоградской области / М. А. Рыблова // История края как поле конструирования региональной идентичности. Материалы семинара, проведенного ВолГУ и Институтом Кеннана Междунар. науч. центра им. Вудро Вильсона 11 апреля 2008 г. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008. – С. 55–74.

453. Рыблова, М. А. Конструкты, образы и символы «этнического казачьего возрождения» на Юге России / М. А. Рыблова // Казачество России в бунтах, смутах и революциях (к столетию событий 1917 г.) // Материалы Всероссийской научной конференции, г. Ростов-на-Дону, 4–5 октября 2017. – Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2017. С. 341–348.

454. Рыблова, М. А. Народные праздники в процессах организации времени и пространства: на материалах донской казачьей традиции / М. А. Рыблова // Историческая разметка пространства и времени: материалы семинара, проведенного Волгоградским государственным университетом при поддержке Фонда Ф. Эберта 13 мая 2014 г. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2014. – С. 154–167.

455. Рыблова, М. А. Социокультурные трансформации на Дону (XVI – XXI вв.) / М. А. Рыблова // Казачество России: прошлое и настоящее. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. – Вып 2. – С. 3–32.

456. Рыблова, М. А. Трансформации культуры казачества Юга России в XX в. / М. А. Рыблова, Т. С. Рудиченко // Очерки истории и культуры ка-

зачества Юга России. – Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. – С. 516–536.

457. Савельев, Е. П. Древняя история казачества / Е. П. Савельев. – Москва: Вече, 2004. – 432 с.

458. Сагнаева, С. К. Состояние и перспективы развития межнациональных отношений в городе Уральске Казахской ССР / С. К. Сагнаева. – Москва: Б. и., 1991. – 17 с.

459. Сарматин, Е. С. Положение терского казачества в Чеченской Республике: проблемы идентификации / Е. С. Сарматин // Возрождение казачества (история, современность, перспективы). Тезисы докладов, сообщений, выступлений на V международной (всероссийской) научной конференции. – Ростов-на-Дону: Изд-во НМЦ «Логос», 1995. – С. 26–27.

460. Сватиков, С. Г. Россия и Дон 1549–1917). Исследование истории государственного и административного права и политических движений на Дону. – Ростов-на-Дону: Изд-во ОАО «Ростовкнига», 2013. – 596 с.

461. Скорик, А. П. Ворошиловские всадники на Юге России в 1935–1940 гг. / А. П. Скорик // Военно-исторический журнал. – 2009. – № 9. – С. 29–34.

462. Скорик, А. П. Донское казачество в 1950-х гг. / А. П. Скорик // Вопросы истории. – Москва, 2013. – № 1. – С. 64–72.

463. Скорик, А. П. К периодизации протестного движения казачества Юга России против коллективизации / А. П. Скорик // Клио. – Санкт-Петербург, 2010. – № 3 (50). – С. 140–141.

464. Скорик, А. П. Казачество Юга России в период социалистической модернизации 1920–1930-х гг. / А. П. Скорик // Очерки истории и культуры казачества Юга России. – Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. – С. 324–345.

465. Скорик, А. П. Казачий Юг России в 1930-е годы: грани исторических судеб социальной общности / А. П. Скорик. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. – 508 с.

466. Скорик, А. П. Казачья корпорация на Дону как современный социальный проект / А. П. Скорик // Клио. – Санкт-Петербург, 2006. – № 1 (32). – С. 167–176.

467. Скорик, А. П. Многоликость казачества Юга России в 1930-е годы: Очерки истории / А. П. Скорик. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2008. – 344 с.

468. Скорик, А. П. Он многое успел...: Памяти Александра Ивановича Козлова (1930–2009) / А. П. Скорик // Донской временник. – Ростов-на-Дону, 2009. – № 18. – URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m14/2/art.aspx?art_id=702 (дата обращения: 31.03.2021).

469. Скорик, А. П. Советское казачество, как социально-политический проект на Юге России / А. П. Скорик // Документ. Архив. История. Современность. Сборник науч. тр. / гл. ред. Л. Н. Мазур. – Екатеринбург: Изд-во Урал ун-та, 2018. – Вып. 18. – С. 246–254.

470. Скорик, А. П. Социальный проект возрождения донского казачества: этнократический компендиум / А. П. Скорик // Этноэтатизм и этнократии на Юге России. Южнорусское обозрение. – Ростов-на-Дону, 2006. – Вып. 37. – С. 164–178.

471. Скорик, А. П. Донцы в 1920-х годах: Очерки истории / А. П. Скорик, Р. Г. Тикиджьян. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010. – 244 с.

472. Смит, Э. Д. Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма / Э. Д. Смит. – Москва: Праксис, 2004. – 458, 1 с.

473. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен. Сочинения в 18-ти кн. / С. М. Соловьев. – Москва: Мысль, 1988. – Кн. III. – 783 с.

474. Ставропольский краевой союз казаков. Ставропольское казачье войско. 1990–2010 / сост. Д. В. Стригунов, П. Д. Деев. – Ставрополь: Сервисшкола, 2010. – 348 с.

475. Сухоруков, В. Д. Историческое описание Земли Войска Донского: Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях / В. Д. Сухоруков. – Ростов-на-Дону: ООО «Терра», 2005. – 168 с.

476. Сычев, М. С. Власть и астраханское казачество 1918–1933 гг. / М. С. Сычев. [Электронный ресурс] // I-е Бирюковские чтения. – URL: http://vestnikakv.ru/article.php?mode=view&own_menu_id=5988 (дата обращения: 20.07.2018).

477. Таболина, Т. В. Казаки: драма возрождения. 1980–1990-е годы / Т. В. Таболина. – Москва: Институт этнологии и антропологии РАН, 1999. – 252 с.

478. Таболина, Т. В. Казачество на рубеже XXI века: проблемы и возможности / Т. В. Таболина. – Москва: Б.и., 1997. – 33 с.

479. Таболина, Т. В. Основные направления изучения казачества / Т. В. Таболина. [Электронный текст]. – URL: <http://archive.predistoria.org/index.php?name=News&file=print&op=PrintPage&sid=199> (дата обращения: 27.07.2020).

480. Тархова, Н. С. Красная армия и сталинская коллективизация. 1928–1933 гг. / Н. С. Тархова. – Москва: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. – 375 с.

481. Тикиджьян, Р. Г. Донские казаки и советская власть во второй половине 1920-х гг.: от социального компромисса к «холодной конфронтации» / Р. Г. Тикиджьян // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – Ростов-на-Дону, 2009. – № 5. – С. 58–63.

482. Тикиджьян, Р. Г. Новая экономическая политика Советского государства и проблема представительства донских казаков в органах власти и самоуправления в 1920-е годы / Р. Г. Тикиджьян // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. – 2011. – № 1 (19). – С. 18–24.

483. Тикиджьян, Р. Г. Политика советского государства «лицом к деревне» и проблемы взаимоотношений казачества, крестьянского и иногород-

него населения Дона в 1920-е годы / Р. Г. Тикиджьян // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – Ростов-на-Дону, 2011. – № 3. – С. 46–50.

484. Тикиджьян, Р. Г. Этапы и тенденции социокультурной трансформации донского казачества (вторая половина 1940-х – середина 1980-х годов) / Р. Г. Тикиджьян, В. А. Бондарев // Научная мысль Кавказа. – Ростов-на-Дону, 2019. – № 3. – С. 68–74.

485. Тишков, В. А. Российский народ: История и смысл национального самосознания / В. А. Тишков. – Москва: Наука, 2013. – 649 с.

486. Товченко, Р. Б. Волжское казачество на охране российско-казахстанской границы: опыт и целесообразность / Р. Б. Товченко // Внешнеполитические интересы России: история и современность. Сборник материалов III Всероссийской научной конференции. – Самара: Изд-во Самарской гуманитарной академии, 2016. – С. 255–256.

487. Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyyj-slovar-zhivogo-velikorussskogo-jazyka-v-i-dalja-bukva-v/1063> (дата обращения 18.04.2021).

488. Тош, Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Д. Тош. – Москва: Весь Мир, 2000. – 296 с.

489. Третьяк, В. П. Хозяйствование российского казачества / В. П. Третьяк, Б. Л. Орлов. – Москва: Знание, 2016. – 239 с.

490. Трут, В. П. Возрождение казачества: сущность, пути, перспективы / В. П. Трут // Проблемы казачьего возрождения. Сборник научных статей в 2-х частях. – Ростов-на-Дону: Изд-во НМЦ «Логос», 1996. – Ч. 1. – С. 77–87.

491. Трут, В. П. Дорогой славы и утрат. Казачьи войска в период войн и революций / В. П. Трут. – Москва: Яуза; Эксмо, 2007. – 544 с.

492. Трут, В. П. Казачество: происхождение, сущность, реалии, перспективы / В. П. Трут. – Ростов-на-Дону: Евгения, 1997. – 31 с.

493. Трут, В. П. Кто же они – казаки? / В. П. Трут. – Ростов-на-Дону: Приазовский край, 1995. – 24 с.

494. Трут, В. П. Один из «черных мифов» российской истории (к вопросу о месте и роли казачества в революции) / В. П. Трут // Проблемы национальной стратегии. – Москва, 2012. – № 3 (12). – С. 169–170.

495. Трут, В. П. Особенности формирования казачьих частей в период Великой Отечественной войны / В. П. Трут // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – Ростов-на-Дону, 2010. – № 3. – С. 90–94.

496. Трут, В. П. Проблема возрождения казачества и теоретические подходы к ее разрешению / В. П. Трут // Возрождение казачества (история, современность, перспективы). Тезисы докладов, сообщений, выступлений на V международной (всероссийской) научной конференции. – Ростов-на-Дону: Изд-во НМЦ «Логос», 1995. – С. 6–7.

497. Трут, В. П. Военная энциклопедия казачества / В. П. Трут, Г. М. Курков. – Москва: Эксмо, 2009. – 704 с.

498. Турусов, В. П. Особенности военно-исторического движения в России по опыту ряда отечественных клубов / В. П. Турусов // Военно-исторический журнал «РЕЙТАР». – 2005. – № 23 (11); 2006. – № 25 (1), № 27 (3). [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.avit-centre.spb.ru/exb/06/30/a4.htm> (дата обращения: 24.05.2016).

499. Туценко, Н. Ф. Казачье движение Кубани: на пути к гражданскому обществу / Н. Ф. Туценко // Социс. – 2001. – № 2. – С. 35–45.

500. Тюменцев И. О. К вопросу об институтах ранних казачьих сообществ // Многоукладность и асимметричность развития региональных экономик Юга России: риски модернизации и механизмы трансформации. Материалы II Всероссийской конференции 6–10 апреля 2006 г. – Черкесск: Карачаево-Черкесская государственная технологическая академия, 2006. – С. 247–254.

501. Тюменцев, И. О. Модернизационный потенциал и сценарии развития казачьего движения на Юге России / И. О. Тюменцев // Современное состояние и сценарии развития Юга России: Материалы научно-

практического семинара Объединенного отдела социально-политических и экономических проблем южных регионов ЮНЦ РАН (2–8 декабря 2005 г.). – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2006. – С. 232–237.

502. Тюменцев, И. О. Россия и появление казачества на Волге и на Дону в XV – первой половине XVI вв. / И. О. Тюменцев // *Cahiers du Monde Russe*. – Paris, 2005. – Vol. 46. № 1–2. – P. 75–82.

503. Ульянов, И. И. Казаки и советская республика / И. И. Ульянов. – Москва; Ленинград: Госиздат, 1929. – 173 с.

504. Февр, Л. Бои за историю / Л. Февр. – Москва: Наука, 1991. – 629 с.

505. Хагуров, А. Ю. Казачий менталитет: прошлое и настоящее / А. Ю. Хагуров, В. Е. Щетнёв // Возрождение казачества (история, современность, перспективы). Тезисы докладов, сообщений, выступлений на V международной (всероссийской) научной конференции. – Ростов-на-Дону: Изд-во НМЦ «Логос», 1995. – С. 15–16.

506. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. – Москва: Новое издательство, 2007. – 348 с.

507. Хобсбаум, Э. Век капитала. 1848–1875 / Э. Хобсбаум. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – 480 с.

508. Хобсбаум Э. Изобретение традиций / Э. Хобсбаум. – [Электронный текст] // Вестник Евразии. – 2000. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izobretenie-traditsiy> (дата обращения: 03.09.2007).

509. Хобсбаум, Э. Нации и национализм после 1780 года / Э. Хобсбаум. – Москва: Алетейя, 2017. – 308 с.

510. Хопёрская, Л. Л. Казачество в расстановке политических сил на Юге России / Л. Л. Хопёрская // Возрождение казачества (история, современность, перспективы). Тезисы докладов, сообщений, выступлений на V международной (всероссийской) научной конференции. – Ростов-на-Дону: Изд-во НМЦ «Логос», 1995. – С. 22–23.

511. Хопёрская, Л. Л. Состояние казачьего движения в республиках Северного Кавказа / Л. Л. Хопёрская, В. А. Харченко // Возрождение казачества: надежды и опасения / под ред. Г. Витковской и А. Малашенко (Научные доклады. Московский центр Карнеги; Вып. 23). – Москва. – [б. и.], 1998. – С. 87–103.
512. Чебоксаров, Н. Н. Народы, расы, культуры. Изд. 2-е. Испр., доп. / Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова. – Москва: Наука, 1985. – 272 с.
513. Чемякин, Е. А. Исторические традиции казачьего самоуправления в России: Политологический аспект / Е. А. Чемякин. – Волгоград: ГУ «Издатель», 2001. – 112 с.
514. Чернопицкий, П. Г. К вопросу о возрождении казачества / П. Г. Чернопицкий // Возрождение казачества (история, современность, перспективы). Тезисы докладов, сообщений, выступлений на V Международной (Всероссийской) научной конференции. – Ростов-на-Дону: НМЦ «Логос», 1995. – С. 12–14.
515. Чернопицкий, П. Г. На великом переломе. Сельские Советы Дона в период подготовки и проведения массовой коллективизации (1928–1931 гг.) / П. Г. Чернопицкий. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1965. – 174 с.
516. Чернопицкий П. Г. Советская власть и казачество // Проблемы казачьего возрождения. Сборник научных статей в 2-х частях. – Ростов-на-Дону: Изд-во НМЦ «Логос», 1996. – Ч. 2. – С. 81–88.
517. Чистяков, В. Описание говора в станице Пашковской / В. Чистяков // Чистяков, В. Сборник статей по экономике и культуре / В. Чистяков. – Краснодар: Б. и., 1927. – Вып. 1. – С. 28–37.
518. Шнирельман, В. А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье / В. А. Шнирельман. – Москва: ИКЦ «Академкнига», 2003. – 591 с.
519. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. – Москва: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.

520. Щепаньски, Я. Элементарные понятия социологии / Я. Щепаньски. – Москва: Прогресс, 1969. – 273 с.
521. Щетнёв, В. Е. Кубанская станица до коллективизации сельского хозяйства / В. Е. Щетнёв // Великий Октябрь и социально-экономические преобразования на Кубани. – Краснодар: Краснодар. гос. пед. ин-т, 1974. – С. 53–104.
522. Щетнёв, В. Е. Рассказывание как социально-историческая проблема / В. Е. Щетнёв // Голос минувшего. – Краснодар, 1997. – № 1. – С. 18–22.
523. Энциклопедия кубанского казачества / под общ. ред. В. Н. Ратушняка. 2-е изд., испр. и доп. – Краснодар: Традиция, 2013. – 504 с.
524. Этнографическая энциклопедия Волгоградской области / ред. кол.: М. А. Рыблова (гл. ред.) и др. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2017. – 544 с.
525. Ядов, В. А. А все же умом Россию понять можно / В. А. Ядов // Россия: трансформирующееся общество / под ред. В. А. Ядова. – Москва: Изд-во «КАНОН-пресс-Ц», 2001. – С. 9–20.
526. Ядов, В. А. Социологическое исследование: методология, программы, методы / В. А. Ядов. – Самара: Б. и., 1995. – 328 с.
527. Яхутль, Ю. А. Казачьи хозяйства в условиях новой экономической политики 1920-х гг.: противоречия развития (по материалам Дона и Кубани) / Ю. А. Яхутль // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. – Т. 24. – № 4. – С. 124–134.
528. Ященко, В. Г. Антибольшевистское повстанчество в Нижнем Поволжье и на Среднем Дону: 1918–1923 / В. Г. Ященко. – Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008. – 152 с.
529. Ященко, В. Г. Хроника утаенного бунта: Антибольшевистское повстанчество в Нижнем Поволжье и на Среднем Дону (1918–1923). Изд. 2-е испр. и доп. / В. Г. Ященко. – Москва: ЛЕНАНД, 2017. – 264 с.

530. Arnold, R. Testing Constructivism: Why Not More “Cossacks” in Krasnodar Kray? / R. Arnold // *Post-Soviet Affairs*. – Columbia, 2014. – No 30 (6). – P. 481–502.
531. Boeck, B. J. From the Verge of Extinction to Ethnic Distinction: Cossack Identity and Ethnicity in the Kuban’ Region, 1991–2002 / B. J. Boeck // *Ab Imperio*. – Kazan, 2004. – № 2. – P. 617–645.
532. Eisenstadt, S. The Contemporary Scene – Multiple Modernities // *The Annals of the International Institute of Sociology*. – Leiden: Brill, 2000. – Vol. 7. – P. 99.
533. Grubacic, A. Living at the Edges of Capitalism: Adventures in Exile and Mutual Aid Paperback / A. Grubacic, D. O’Hearn. – Berkeley: University of California Press, 2016. – 310 p.
534. Hobsbawm, E., Ranger T. The Invention of Tradition. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – 320 p.
535. Mahoney, J. Comparative-Historical Methodology // *Annual Review of Sociology*. – Palo Alto, 2004. – Vol. 30. – P. 81–101.
536. Popov, A. Re-enacting «Cossack Roots»: Embodiment of Memory, History and Tradition Among Young People in Southern Russia / A. Popov // *Nationalities Papers*. – Cambridge, 2017. – No 46 (183). – P. 1–19.
537. Popov, A. Re-making a Frontier Community or Defending Ethnic Boundaries? The Caucasus in Cossack Identity / A. Popov // *Europe – Asia Studies*. – Glasgow, 2012. – Vol. 64, No. 9. – P. 1739–1757.
538. Reed, M. Oppressed Oppressors: The Kuban Cossack Revival in Post-Soviet Russia: A thesis submitted to the faculty of Wesleyan University in partial fulfillment of the requirements for the Degree of Bachelor of Arts with Departmental Honors in History and Russian, East European and Eurasian Studies / M. Reed. – Middletown: Wesleyan University, The Honors College, 2014. – 112 p.
539. Skinner, B. Identity Formation in the Russian Cossack Revival // *Europe-Asia Studies*. – Glasgow, 1994. – No. 6. – P. 1017–1037.

540. The Invention of Tradition / ed. by E. Hobsbawm and T. Ranger. – Cambridge etc.: Cambridge Univ. Press, 1983. – 320 p.

Диссертации и авторефераты диссертаций

541. Беглов, А. Д. Управление производством продукции АПК в казачьих сообществах как потенциал устойчивого социально-экономического развития регионов : специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством» : диссертация доктора экономических наук / Беглов Александр Дмитриевич ; Московский государственный университет технологий и управления имени К. Г. Разумовского. – Москва, 2012. – 393 с.

542. Белоусов, И. В. Власть и казачество: эволюция взаимоотношений и политического курса в XX в. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация доктора исторических наук / Белоусов Игорь Викторович ; Московский педагогический государственный университет. – Москва, 2003. – 403 с.

543. Бурмагин, А. Г. Участие кубанских казаков в составе советских кавалерийских соединений в великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация кандидата исторических наук / Бурмагин Александр Геннадьевич ; Кубанский государственный университет. – Краснодар, 2011. – 217 с.

544. Водолацкий, В. П. Казачество в современном обществе: социологическое измерение : специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы» : диссертация доктора социологических наук / Водолацкий Виктор Петрович ; Южный федеральный университет. – Москва, 2011. – 266 с.

545. Ермошина, И. И. Социально-философские аспекты анализа этнического возрождения : специальность 09.00.11 «Социальная философия» : автореферат диссертации кандидата философских наук / Ермошина Инна Ива-

новна ; Ставропольский государственный университет. – Ставрополь, 1998. – 15 с.

546. Капустина, М. Г. Совершенствование институционального уровня управления казачеством : специальность 22.00.08 «Социология управления» : диссертация кандидата социологических наук / Капустина Мария Геннадьевна; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – Москва, 2019. – 259 с.

547. Кириченко, А. С. Политико-административное регулирование и управление казачьими обществами Юга России (на материалах Ростовской области) : специальность 23.00.02 «Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии» : диссертация кандидата политических наук / Кириченко Алексей Сергеевич ; Северо-Кавказская академия государственной службы. – Ростов-на-Дону, 2005. – 175 с.

548. Крикунов, П. Н. Идеология и политика коллаборационизма в среде казачества в годы Второй мировой войны : специальность 23.00.02 «Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии» : диссертация кандидата политических наук / Крикунов Пётр Николаевич; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. – Москва, 2004. – 181 с.

549. Кузнецов, В. А. Организация изучения станицы Дона и Кубани в 1920-е гг. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация кандидата исторических наук / Кузнецов Владимир Алексеевич; Кубанский государственный университет. – Краснодар, 1999. – 253 с.

550. Линец, С. И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация доктора исторических наук / Линец Сергей Иванович; Пятигорский государственный лингвистический университет. – Пятигорск, 2003. – 659 с.

551. Масалов, А. Г. Российское казачество: социально-политическая институционализация в современных условиях : специальность 23.00.02 «Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии» : диссертация доктора политических наук / Масалов Александр Григорьевич ; Ставропольский государственный университет. – Ставрополь, 2004. – 361 с.

552. Мациевский, Г. О. Возрождение политической жизни кубанского казачества (конец 1980-х – 1990-е годы) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация кандидата исторических наук / Мациевский Герман Олегович ; Московский педагогический государственный университет. – Армавир, 2002. – 234 с.

553. Мациевский, Г. О. Политическая жизнь российского казачества: история становления, основные источники и тенденции развития (конец 1980-х – конец 2000-х гг.) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация доктора исторических наук / Мациевский Герман Олегович; Кубанский государственный университет. – Краснодар, 2013. – 508 с.

554. Небрятенко, Г. Г. Организационно-правовое становление и развитие общей полиции на территории Донского казачьего войска, середина XVIII – начало XX вв. : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история правовых учений» ; автореферат диссертации кандидата юридических наук / Небрятенко Геннадий Геннадиевич; Ростовский юридический институт МВД России. – Волгоград, 2001. – 27 с.

555. Озеров, А. А. Возрождение казачества: идеи и социальная практика (социально-философский аспект) : специальность 08.00.11 «Социальная философия» : автореферат диссертации кандидата философских наук / Озеров Алексей Алексеевич; Ростовский государственный университет. – Ростов-на-Дону, 2003. – 21 с.

556. Озеров А. А. Казачество в современном российском обществе: институционально-политический анализ : специальность 23.00.02 «Полити-

ческие институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии» : диссертация доктора политических наук / Озеров Алексей Алексеевич; Ростовский юридический институт МВД России. – Ростов-на-Дону, 2006. – 260 с.

557. Панкова-Козочкина, Т. В. Казаки и крестьяне Юга России в 1920-х годах: социально-политическая жизнь и хозяйственно-экономическая деятельность : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация доктора исторических наук / Панкова-Козочкина Татьяна Викторовна ; Южно-Российский государственный технический университет. – Новочеркасск, 2016. – 617 с.

558. Перехов, Я. А. Политика Коммунистической партии по вовлечению казачества Дона и Кубани в социалистическое строительство (1920–1925 гг.) : специальность 07.00.01 «История КПСС» : диссертация кандидата исторических наук / Перехов Яков Абрамович; Ростовский государственный университет. – Ростов-на-Дону, 1966. – 270 с.

559. Сатарова, А. П. Верховое казачество Дона в 1917-м – середине 1920-х гг. (на примере Усть-Медведицкого и Хопёрского округов) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация кандидата исторических наук / Сатарова Анна Петровна ; Волгоградский государственный социально-педагогический университет. – Волгоград, 2018. – 229 с.

560. Соловьёв, Д. Н. Казачество как мобилизационный ресурс российского государства (XV – конец XX века) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация доктора исторических наук / Соловьёв Дмитрий Николаевич ; Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2011. – 44 с.

561. Товченко, Р. Б. Казачество в политическом процессе постсоветской России (на примере Поволжья): специальность 23.00.02 «Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии» : диссертация кандидата политических наук /

Товченко Роман Борисович ; Московский государственный открытый педагогический университет имени М. А. Шолохова. – Москва, 2003. – 175 с.

562. Чередниченко Н. Г. Казачество в общественно-политической жизни в 1990-е гг. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации кандидата исторических наук / Чередниченко Наталья Георгиевна; Московский государственный гуманитарный университет имени М. А. Шолохова. – Москва, 2008. – 17 с.

563. Чернопицкий, П. Г. Сельские Советы Дона в период подготовки и проведения массовой коллективизации (1928–1931 гг.) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация кандидата исторических наук / Чернопицкий Павел Григорьевич; Ростовский государственный университет. – Ростов-на-Дону, 1963. – 275 с.

564. Чернопицкий, П. Г. Социально-экономическое развитие деревни Северо-Кавказского края в 1920–1929 годах : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация доктора исторических наук / Чернопицкий Павел Григорьевич; Ростовский государственный университет. – Ростов-на-Дону, 1989. – 501 с.

565. Шогенов, Р. Х. Институционализация национальной школы на Северном Кавказе: противоречия и тенденции : специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы» : автореферат диссертации кандидата социологических наук / Шогенов Руслан Хачимович; Ростовский государственный университет. – Ростов-на-Дону, 2001. – 25 с.

566. Щетнёв, В. Е. Классовая борьба в кубанской станице (1920–1927 гг.) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация кандидата исторических наук / Щетнёв Валерий Евгеньевич; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. – Краснодар, 1967. – 306 с.

567. Яхутль, Ю. А. Трансформация взаимоотношений власти с казачеством и крестьянством в советской России 1921–1929 гг. (на примере Кубани и Дона) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация

доктора исторических наук / Яхутль Юрий Асланбиевич; Кубанский государственный университет. – Краснодар, 2020. – 580 с.

568. Moncada, S. C. *Kuban Cossack Performance and Identity Negotiation in the Russian-Ukrainian Borderlands* / S. C. Moncada. A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy (Slavic Languages and Literatures) in the University of Michigan. – Ann Arbor, 2016. – 195 p.